

VRACHEBNOE STROENIE

V

DO-PETROVSKOI RUSI

N. Novombergskii

1907

From: THE WELLCOME INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MEDICINE
183 Euston Road, London, NW1 2BP

(2) BW. 31. AA4-6

22101566088

ГОСУДАРСТВЕННАЯ

ОРДЕНА ЛЕНИНА

БИБЛИОТЕКА СССР

ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Оператор

Петушская

4-76

2

9

7

0

Н. Новомбергскій,
Дѣйствительный членъ
Императорскаго Археологическаго Института.

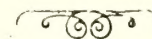

Т 79
143

ВРАЧЕБНОЕ СТРОЕНИЕ

въ

до-Петровской Руси.

ТОМСКЪ.

Паровая типо-лит. Сибирск. Т-ва Печати. Дѣла, уголъ Дворянск. ул. и Ямск. пер., с. д.
1907.

Приказа, ошибочность взглядов Дебосьскаго и Сергѣевича (88—89). Врачебный персонал при Михаилѣ Осодоровичѣ и Алексѣй Михайловичѣ. Связь Ант. Приказа съ другими учреждениями и ея значение (89—95). Какъ лечились русскіе князья; царя и семейства ихъ? Выдѣленіе особыхъ дѣлъ медиковъ для царя и царскаго семейства (95—111). Развитие врачебной практики у частныхъ лицъ. Врачи при дипломатическихкихъ представителяхъ: врачи изъ иностранныхъ и самоучки. Первое узаконеніе относительно ограниченія врачебной практики (111—117).

Глава III. Возникновеніе первой царской аптеки и снабженіе ея лекарствами, покупка въ торговыхъ рядахъ, у пограничныхъ, дрогистовъ и выписываніе изъ заграницы (118—123). Дѣятельность травниковъ, что и какъ они собирали, надзоръ за ними. Натуральная и денежная повинность крестьянъ по сбору лекарственныхъ растений. Распространеніе знаній между травниками. (124—133). Аклиматизація растений и аптекарскіе сады и огороды (134—139). Ростомъ аптечного снабженія и зданія Аптекарскаго Приказа (139—142). Отпускъ лекарствъ частнымъ лицамъ за деньги и бесплатно (142—149). Открытіе второй аптеки, ея оборудованіе: ограничительная мѣра въ отношеніи зеленыхъ родовъ; винное сидѣнье; третья аптека и царская походная (149—156). Порогова кость (156—160). Снабженіе аптекъ посудой и стеклянные заводы (160—163). Мѣры къ развитію аптекъ въ провинціи (163—166).

Глава IV. Вызовы первыхъ врачей изъ заграницы сначала черезъ португальскихъ особъ, а позднѣе черезъ случайныхъ комиссіонеровъ. Вызовъ врачей въ 1698 г. и его ошибка. Самоиниціе пріѣзды иностранныхъ медиковъ (167—173). Опросы врачей, свидѣтельствующія и опасная грамоты и ихъ дипломатическія особенности. Врачебные маршруты, пріѣзды въ Россію, остановки, семейства, нормы, путевыя ассигнованія, вознагражденіе за выѣзды, пенсія въ Носольскомъ. Приказъ, аудіенція у государя (173—183); разхѣры жалованья, случайная подачка, отпуски на дворовое строеніе, прибавки, безплатный ввозъ изъ заграницы штей и товаровъ, принятіе православія, свобода въроисповѣданія, особая подеудность и пошлинныя льготы, полученіе докторскихъ степеней, отѣзды, грамоты на выѣзды и подарки (183—205).

Глава V. Посылка молодыхъ людей за границу для изученія медицины и результаты (206—209). Бытовые вузы для обученія медицины: роль зеленыхъ родовъ, травниковъ и врачебныхъ сказокъ о болѣзняхъ, лекарствахъ и осмотрахъ (209—222). Русскіе практиканты у иностранныхъ медиковъ и происхожденіе ихъ: обученіе ихъ иностраннымъ языкамъ; медицинскія литературныя пособія (222—232). Возникновеніе первой медицинской школы. Сравненіе приказнаго образованія съ таковымъ же при Петрѣ I и опроверженіе мнѣнія Чистовича (232—238).

Глава VI. Вѣроятное происхожденіе врачебной экспертизы, казуистики, осторожность въ отношеніи извѣстныхъ больныхъ и труповъ, заботы объ огражденіи знанія заразы во дворцѣ (239—244). Осмотры кореньевъ и травъ, методы экспертизы (244—247). Свидѣтельствующія служивыхъ людей и ошибка Хмырова (248—252). Полицейскія осмотры (252—254). Судебная экспертиза к по дѣламъ врачебной практики (254—257).

Глава VII. Возникновеніе арміи европейскаго строя и организація при ней врачебной службы: постепенное расширеніе этой организаціи (258—263). Порядокъ командированія врачей въ полки и ошибка Хмырова. Выѣзды врачей изъ полковъ безъ разрѣшенія и отпуски (263—268). Посылка въ полки по нѣскольку специалистовъ. Денегризація военно-врачебной службы: росписи наѣзниковъ и другія условія пріятія на службу (269—275). Развитие военной практики отставныхъ и иностранныхъ врачей среди частныхъ лицъ, женщинъ и духовенства: вопросъ о судебномъ выслѣданіи гонимыхъ (275—279). Подготовленность медикаментовъ. Ошибочность взглядовъ Хмырова, Милюкова и Ляхина. Порядокъ снабженія полковъ лекарствами, виномъ, сбитнемъ, укусовъ и перевязочнымъ матеріаломъ (279—286). Возникновеніе военного госпиталя. Ошибочность мнѣній Хмырова, Соколовскаго, Ляхина: не возмуже о сосредоточеніи медицинскаго управленія въ Аптекарскомъ Приказѣ (286—293). Нѣсколько замѣчаній о профессиональной подготовкѣ иностранныхъ медиковъ. Материальный бытъ русскихъ и иностранныхъ врачей. Приарфнѣ инвалидовъ, пособія вдовамъ врачей и женамъ иностранныхъ. Развитие врачебной службы въ городахъ (293—300).

Глава VIII. Возникновеніе церковнаго приарфнѣ, заботы о приарфнѣ князей и частныхъ лицъ, указъ 1682 г. о госпиталяхъ (301—304). Приарфнѣ душевно-больныхъ: помѣщеніе ихъ въ монастыри и тюрьмы по просьбѣ частныхъ лицъ и ихъ офіцій. Идея семейнаго приарфнѣ. Освобожденіе заключенныхъ по выздоровленіи и процедура (305—308). Порядокъ признанія душевнобольныхъ, пытки душевнобольныхъ и значеніе ихъ показаній (308—311). Проявленія душевныхъ болѣзней, ихъ причины, какъ-то: пьянство, ушибы (312—315). Общая ошибка возложенія душевнобольныхъ у насъ и на Западѣ (316).

Глава IX. Постепенное развитіе идеи изоляціи въ борьбѣ съ заразой (317—320). Сооруженіе церквей обывденныхъ, молебны, святаго вода (320—322). Заставы и заставки, обдѣлываніе дворовъ, примѣненіе идеи дезинфекціи (322—327). Надзоръ за передвиженіемъ населенія и заставная служба (327—332). Распросы о моровомъ повѣтріи (332—336). Выѣзды и высылка населенія въ степи и лѣса (336—338). Развитие идеи о карантинѣ; мѣры относительно погребенія, вещей и денегъ: довольствованіе подвѣрнутыхъ карантину (338—349). Гласеніе съ застав-

выхъ людей и воеводъ за карантинныя нарушенія (349—351). Прорывъ карантинной линіи (351—352).

Переписка съ заморными мѣстами и торгазы въ этой области (353—356). Сведеніе заставъ и процедура (356—359). Значеніе фискальных интересовъ (360). Религіозныя средства второй половины XVII ст. и общая оцѣнка мѣропріятій (361—364). Политическія провѣдыванія (365—366). Характеръ эпидемическихъ заболеванийъ, учетъ умершихъ (366—369). Мѣстоименныя извѣстія объ эпизоотіяхъ (369—370). Первые распоряженія московской администраціи начала XVII ст., указъ 5 авг. 1640 г. и ошибка Змѣева, послѣдующіе указы относительно палыхъ животныхъ (370—375). Засѣки и заставы (375—378). Наказанія за карантинныя нарушенія, прорывъ карантинной линіи и переписка (378—381). Разсказы объ эпизоотіи, характеръ эпизоотій и нѣкоторые факты о развитіи заболеванийъ. (381—383). Отголоски старыхъ мѣропріятій въ законодательствѣ XVIII и даже XIX столѣтій (383—386). Заключеніе (387).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Несмотря на обиліе историческаго матеріала медицинская старина мало изучена и представляетъ обширное поле для плодотворной работы. Первое сочиненіе по исторіи медицины въ Россіи принадлежитъ перу Вильгельма Рихтера. Оно было издано на русскомъ языкѣ въ трехъ томахъ въ 1814—1820 годахъ. Обширная галерея послѣдующихъ писателей либо останавливалась на отдѣльныхъ незначительныхъ вопросахъ, либо воспроизводила сочиненіе Рихтера.

Если, за малыми исключеніями, отсутствовали оригинальныя сочиненія, то нельзя того же сказать объ интересѣ къ темѣ. До самаго послѣдняго времени представители различныхъ специальностей удѣляли вниманіе медицинской старинѣ, какъ то: врачи Курріяновъ, Флоринскій, Чистовичъ, Змѣевъ, Перфильевъ, Эккерманъ, Германъ, М. Лахтинъ; историки Ханьковъ, Хмыровъ, Брикеръ, Цвѣтаевъ; историки русскаго права Загосинъ; политическіе Лешковъ, Шилевскій, Гурлиндъ. Но несмотря на несомнѣнный интересъ ученыхъ къ медицинскому прошлому, со времени Рихтера не появилось *ни одного* труда, охватывающаго по возможности всѣ стороны темы, а также представляющаго попытку затронуть новыя вопросы, а поставленнымъ въ свое время Рихтеромъ дать рѣшеніе, соотвѣтствующее позднѣйшимъ историческимъ даннымъ.

Указанный пробѣлъ мы старались восполнить настоящимъ трудомъ, являющимся плодомъ многолѣтнихъ изысканій. Не выставляя никакихъ собственныхъ теорій и не слѣдуя какимъ—либо уже существующимъ, мы старались строго держаться въ предѣлахъ фактическаго матеріала. При этомъ особенное вниманіе мы обратили на четырехтомное собраніе матеріаловъ по исторіи медицины, изданное медицинскимъ департаментомъ и до сихъ поръ недостаточно использованное нашими предшественниками, а также

на 14 материалы, которые нами извлечены из архивовъ Министерства Двора, Министерства Юстиціи и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Эти послѣдніе материалы нами изданы въ четырехъ томахъ и въ настоящей работѣ далеко не использованы, такъ что обширную массу здѣсь могутъ собрать и другіе исследователи.

Въ теченіе долгаго времени населеніе Россіи оставалось во власти холеры, вѣдѣнія и знахарства. Впервые врачи появились на царской службѣ. Врачи и аптека отделились отъ населенія непроходимой стѣной. Врачебное знаніе не выходило за дворцовую ограду. Аптека была одна, докторовъ было мало и въ обществѣ царицы ихъ не представлялось надобности.

Въ такомъ положеніи врачебное дѣло осталось, однако. Не прошло столѣтій, какъ наши сношенія съ Западомъ обилились, возникли торговые связи и политическія осложненія. Естественныя русскія московской Россіи вызвали столкновенія съ западными соседями. Борьба съ ними заставляла озабочиваться, по крайней мѣрѣ, въ военномъ отношеніи. Непрерывная военная дѣятельность и непрерывныя военные преобразованія привели къ организаціи вооруженной кавалеріи и врачебному оборудованію русскихъ войскъ. Въ центрѣ управленія царской врачебной службой возникла медицинская школа, въ сущности, полковничья школа, возникшее представителіи врачебнаго знанія, съ ними ратцы аптеки въ различныхъ уголкахъ русской провинціи. Полковая медицинская срослась съ военно-медицинскими и въ царской аптекѣ потонули ратные и другіе люди за докторскими содѣлками и докторскими декларациями. Опытались вторія московская аптека, расцвѣтнулось поле для частной врачебной практики.

Судебныя изысканія дали толчокъ къ развитію экспертизы. На почвѣ благоверности монастырской и частной выросло болѣзненное дѣло и привратіе душевно-больныхъ. Суровый же усложня климатическій и своеобразная бытовая обстановка создали обширную санитарно-карантинную арсеналь. Такъ сложился несокрушимый фундаментъ русскаго врачебнаго дѣла.

Въ началѣ книги мы считали необходимымъ рѣшительно выступить противъ господствующаго взгляда на отношеніе древне-русской власти къ холерѣ. Еще въ 1858 г. проф. Лешковъ высказалъ, что примѣры правителей, ублажаемыхъ лебенинцевъ и подвигамъ святителей „наша исторія обязана неизлечимымъ су-

богъ о холерѣ, или *Нелепроцессе* (курсивъ Лешкова)¹⁾. Это мнѣніе до сихъ поръ пользуется, по недоразумѣнію, всеобщимъ признаніемъ.

Окончивъ свои труды, обработавъ всю врачебную организацію въ до—Петровской Русѣ и въ частности дѣятельность Аптекарскаго Приказа, мы не можемъ обойти молчаніемъ вопиющую ошибочность доклада „О новомъ образованіи медицинскаго управленія“, внесеннаго въ Полное Собраніе (Законод.)²⁾. Въ этомъ докладѣ послѣ нѣлаго ряда ошибочныхъ свидѣній о провѣномъ Аптекарскаго Приказа, на что нами указано въ соответственныхъ мѣстахъ книги, дается такая оцѣнка дѣятельности названнаго учрежденія: „при сихъ распоряженіяхъ Аптекарскаго Приказа не было сдѣлано ни чего стѣпеннаго къ основанію врачебной науки, врачебнымъ образомъ въ Россіи; не видно, чтобы заведена была какая нибудь школа или училница для пріуготовленія собственныхъ медиковъ.“³⁾

Если наши центральныя власти такъ мало были озабочены о провѣномъ врачебнаго дѣла въ Русѣ, то неудивительно, что знаменитый полковникъ Робертъ фонъ Мошъ, отправясь на свиданіе Рихтера, писалъ, что въ Россіи въ области медицинской науки всегда все свѣдывалось по нѣженнымъ образцамъ⁴⁾.

Мы будемъ считать себя вознагражденными, если намъ удалось изъ кирпичей архивнаго сырья возсодать зданіе Аптекарскаго Приказа и продлить свѣтъ на обширную врачебную организацію въ до—Петровской Русѣ.

¹⁾ Лешковъ. Русский народъ и государство. М. 1858 стр. 161

²⁾ В. С. Зав. т. XXVII, Сиб. 1830 г.

³⁾ *ibidem*, стр. 1105.

⁴⁾ Лешковъ, *op. cit.* стр. 499.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Но времени наше исследование ограничивается самым малым. Мы исследуемъ врачебное строение лишь съ до-Петровской Руси. Нарезьковскій Петра Великого мы касаемся съ исключительною цѣлью указать на неправильность господствующаго взгляда на эпоху великаго преобразования, а не на всходную для обществяннаго строительства въ области врачебнаго управленія.

Въ интересахъ болѣе удобнаго обсервирія матеріала и болѣе правильной оцѣнки отдѣльныхъ явленій и институтовъ необходимо раздѣлить означенное нами на историческія периоды на истинные периоды. Въ дѣлѣнн, по стародавнему замѣчанію проф. Сергѣевича, есть смыслъ исторіи, вся философія, ея ходъ и перемѣны¹⁾. Но какъ бы ни были удачно намѣчены периоды, или не разграничивается исторія на совершенно обособленныя части. «Періоды, вѣдь, проф. Леонтовичъ, нельзя строго разграничивать одинъ отъ другого: старцы начали не сразу умирають, но долго заходить въ сѣдующіе періоды; и новыя начавъ зарождаются не вдругъ, но при общемъ господствѣ началъ старыхъ»²⁾. Дѣйствительно, изученіе исторіи врачебнаго дѣла убѣждаетъ, что періоды могутъ быть намѣчены лишь приблизительно, что культурныя теченія одной эпохи переходятъ въ другіе, мнѹя искусственныя и истинныя периодизаціи.

Въ трудахъ по исторіи врачебнаго дѣла въ Россіи мы находимъ нѣсколько попытокъ періодизаціи. Такъ Германъ³⁾ раздѣляетъ въ исторіи медицины до-Петровской Руси три періода: 1) съ вреніи Владиміра св. (988 г.) до серженія иса татарскаго (1480 г.), когда все наше медицинскія познанія заимуются главнымъ образомъ духовенствомъ изъ Византіи и когда врачеб-

¹⁾ Сергѣевичъ, Жизнь и наслѣдованія Сиб. 1883 г., стр. 43.

²⁾ Леонтовичъ, Исторія русскаго права, Одесса 1892 г., стр. 17.

³⁾ Германъ, Врачебныя быты до-Петровской Руси, Харьковъ 1899 г., стр. 11.

ное дело находится почти исключительно въ его руках, 2) съ 1480 г. по 1620 г.—это эпоха придворной царской медицины, представленной иноземными специалистами и 3) съ 1620 г. до 1682 г., т. е. съ возникновенія Аптекарскаго Приказа до Петра I. Эта периодизация игнорируетъ до-христіанскую эпоху, а, съ другой стороны, обособляетъ два первые періода, которые находятся между собою въ органической связи по существу въ нихъ господствующей смѣси язычества съ христіанствомъ въ возрѣніяхъ на причины болѣзни и способы борьбы съ послѣдними. Змѣевъ¹⁾ допускаетъ пять періодовъ: 1) доисторическій, 2) Новгородско-Кіевское время, 3) Владиміро-Суздальское время, 4) Московская книжеская Русь, и 5) Русь Московская государственная. Едва-ли можно принять подобное дѣленіе врачебной исторіи, основанное не на существенныхъ признакахъ развитія самаго предмета изслѣдованія, а на общихъ соображеніяхъ о территориальномъ и внутреннемъ ростѣ государства.

Было-бы правильнѣе въ исторіи врачебнаго дѣла въ до-Петровской Руси выделять только два періода: 1) съ древѣйшихъ временъ до второй четверти XVI столѣтія и 2) отъ послѣдняго времени до преобразованія Петра I начала XVIII столѣтія. Первый періодъ характеризуется преобладаніемъ народнаго эмпириомистицизма; во второмъ выступаетъ научное медицинское знаніе.

Первый періодъ восходитъ ко времени первобытной культуры. Его характерной чертой является *самонаблюданіе*, какъ одно изъ частіицъ произведеній борьбы за существованіе, общихъ и человѣку и животнымъ. Извѣстный знатокъ жизни животныхъ Бремъ даетъ многочисленные примѣры, проливающие свѣтъ на происхожденіе самонаблюданія. Напримѣръ, обезьяны воюю тщательно купаютъ своихъ дѣтенышей въ рѣкахъ и несмотря на сопротивление поддерживаютъ такимъ образомъ чистоту ихъ тѣла. Суданскія марутинки и абиссинскія гамадрилы совершенно по человѣчески обтираютъ свои раны и зажимаютъ ихъ; американскія широкопосы съ замѣтательною стремительностью вытаскиваютъ изъ своихъ ранъ отравленные стрѣлы; индійскія муно-го пользуются корнемъ мангувайя, какъ противоядіемъ въ слу-

чаяхъ укушенія ядовитой змѣей; общеизвѣстны зализываніе ранъ собаками, лисицами, ежами и т. д., а также героическіе хирургическіе приемы медвѣдей, лисичъ и собакъ въ родѣ откусыванія болтающихся частей перебитыхъ конечностей¹⁾.

Тѣ же явленія самозащиты мы замѣчаемъ на раннихъ ступеняхъ человѣческой культуры. По справедливому замѣчанію этнографа Талко-Гриневича, человѣкъ уже въ первыхъ проблескахъ цивилизаціи начинаетъ дорожить своею жизнью и здоровьемъ и въ окружающемъ мірѣ ищетъ средствъ для уменьшенія своихъ страданій и продленія своихъ дней²⁾. По медицина, пишетъ Леббокъ, такъ-же, какъ и астрономія и религія, принимаетъ у дикарей въ значительной мѣрѣ характеръ колдовства³⁾. О происхожденіи колдовства проф. Ратиль замѣчаетъ: „первою основою суевѣрія является не только страхъ передъ природою, но передъ смертію и передъ мертвыми. Дѣломъ шамановъ, знахарей, кораджей и тому подобныхъ колдуновъ повсюду является отысканіе причинъ смерти и болѣзни и потомъ сношеніе съ духами умершихъ“⁴⁾.

Подъ влияніемъ развитія родового быта и анимистическихъ вѣрованій въ первобытномъ колдовствѣ произошли два весьма важныхъ измѣненія: *символика таинственныхъ силъ—духовъ и социализація магъ, предназначенныхъ для сношенія съ ними*. Въ силу перваго изъ указанныхъ обстоятельствъ создавался въ исторіи тотъ или другой культъ, благодаря второму возникалъ особый классъ жрецовъ-лечарей.

Безъ сомнѣнія, въ способы врачеванія входили во многихъ случаяхъ эмпирическіе приемы, которые могли быть связаны съ рѣзональными наблюденіями, но главную роль играли здѣсь магическія вѣрованія и заклинанія или жесты. Лечарь или знахарь у дикарей есть прежде всего заклинатель⁵⁾. „Знахари, пишетъ Ратиль, не довольствуются, какъ и нѣк. болѣные, естественными средствами изъ растительнаго и животнаго царства, а дѣйствуютъ, по ихъ мнѣнію, болѣе вѣрными способами черезъ посред-

¹⁾ Бремъ. Жизнь животныхъ. Изд. 1-ва Просвѣщеніе т. I, стр. 46, 56, 76, 82, 214 и т. д.

²⁾ Г. Гриневичъ. Народная медицина. Вѣст. Евр. 1892 г., № 8, стр. 807.

³⁾ Леббокъ. Начало цивилизаціи. Спб. перек. Карабаскина, стр. 22.

⁴⁾ Ратиль. Народовѣдѣніе. Спб. 1902 г. т. I, стр. 43.

⁵⁾ Спенсеръ. Основанія социологіи. Спб. 1898 г. т. I, стр. 150.

¹⁾ Змѣевъ. Чтенія по врачебной исторіи. Спб. 1896 г., стр. 98—141. Этотъ авторъ хотя и говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего труда о древнѣйш., среднѣ и позднѣйш. періодахъ, но при изложеніи матеріала ихъ не придерживается.

няются, приемы разнообразятся и знахарство вырастает в некоторую власть человека над природою, над ее полезными или вредными для человеческого здоровья элементами.

Научная фармакогнозия выросла из народно-знахарского коллекционирования, научная фармакология развилась на почве вдовского эмпиризма так же, как современная химия корнями своими уходит в ятрохимию, а последняя—в алхимию. Большие того, физическая манипуляция знахарей перешли в современную медицину в виде массажа, водолечение также заняло подобающее место, а стародавнему „нашептанию“ предстоит еще огромное будущее. Теперь мы ищем способы передачи материальной энергии на расстояние, без посредства проводников. Вероятно, со временем также будем утилизировать энергию психическую.

Влияние „внушения“ на психику человека доказано многочисленными и притом весьма осторожными опытами выдающихся специалистов, как, например, покойный проф. Шарко, что же такое *нашептание*, как не *внушение*? Жаль только, что в этнографических сборниках заговоров и наговоров упущено из виду описание самого сеанса нашептания. Если бы было обращено внимание на эту сторону дела, то мы давно уже располагали бы всеми данными для отождествления нашептания с внушением. Но теперь нельзя не присоединиться к замечанию одного исследователя, что „нашептание—полный сеанс внушения, с теми только особенностями, что больной не доводится до полного гипноза... доводить до полного гипноза и нет надобности, когда дело идет о людях больных, слабых, неразвитых, вообще поддающихся внушениям.“¹⁾ Новейший исследователь народно-бытовой медицины доктор Попов также усматривает наличие *внушения* в явлениях народного знахарства. „Сила и значение заговорных приемов и средств,“ пишет он, „заключается не в чем другом, как в лечебном виде внушения. Элементы внушения можно усматривать как в самом способе произнесения заговоров,—шепотом, монотонным и разрывным тоном, так и в их содержании, в этом многочисленности перечислений целого ряда святых и угодников, большинство имен которых так много говорит сердцу про-

стого русского человека, в табулологии, свойственной некоторым заговорам и, наконец, в самих приемах, которыми сопровождается их произнесение: в требования тишины в избу, в таинственных манипуляциях с предметами заговора и в заключительном приеме обрызгивать и дуть на больного. Религиозный характер многих заговоров и заговорных приемов, при обходной вере в их силу и знахаря и пациента, в некоторых случаях должен еще более усиливать значение заговора, создавая, быть может, особый род внушения—религиозного“¹⁾. Тот же исследователь внушению отводит значительное место и в случаях так называемой порчи. „То предположение, пишет он, которое требуется для внушения, создается в нашем народе, главным образом, той глубокой верой в порчу, которая так крепко укоренилась в нем. Помимо этой общей причины, в отдельных случаях получает известное значение и чисто индивидуальное предрасположение, а также личное настроение, создаваемое исключительными жизненными моментами... При подобных условиях, одного из тех моментов, из которых, по народным понятиям, состоит порча, достаточно для того, чтобы вызвать действительное заблуждение. В этих случаях, из вида внушения и самовнушения, однако могут действовать как взгляд и прикосновение, так и сказанное с умыслом или без умысла слово, простая встреча с известным лицом, получение из рук его какой-нибудь вещи, шпиль, нити и т. п.“²⁾

Внушения играют серьезную роль как в лечении, так и в заговорах, оберегах, подходах и манусах. Вот почему нашептание производится на воду, квас, пиво, вино, соль, сливки, хлеб, кашу, пряники, скатерти, платье, вообще все предметы обихода и даже человеческий скелет на дороге, улице и т. д. Один из сотрудников этнографического бюро кн. Тенишева сообщает следующие любопытные соображения о воздействии знахарей на больного: „Если знахари и не достигают прямой цели помочь больному, то они разными механическими действиями, употребляемыми при заговорах—поглаживаниями, постукиваниями и нашептываниями значительно

¹⁾ Г. Попов. Русская народно-бытовая медицина СПб. 1903 г. стр. 63—64.

²⁾ *ibidem* стр. 10.

³⁾ Малорусские знахари и их способы лечения Правит. Вестник 1892 г. № 66.

успокаивать нервы больного. Известная обстановка и таинственность, запах каких-то трав, окуливание—все это, так или иначе, действует на психическую сторону больного, и в особенности крестьянина, верующего и в силу чорта, и в могущество колдуна. Достаточно больному крестьянину небольшого подъема духа, чтобы улучшение состояния болезни было приписано таинственной воле чароты. Многие деревенские знахари, ставя свою профессию шарлатанством, настолько убедились в своей силе и вошли в роль, что даже под клятвой говорили, что они что-то знают. Естественно, что такая самозаблужденность знахари передается и больному¹⁾.

Взгляд некоторыми безспорно идеосообразный и средствами и приемами, знахарство относилось к ним не так, как теперь относится к ним наука. Поклонники признали естественные свойства вещества и естественные законы природы. Для них же знахарство все было сверхъестественно, все казалось проникнутое проявлением добрых или злых духов, многочисленных таинственных сил, которые нуждались в том или другом умножителе.

До настоящего времени представляется неясным, к какой собственно силе обращались знахари, именем какого божества они действовали. А между тем уже на первых порах появления знахарства оно ставилось в разряд наказуемых деяний вследствие предположения, что ведуны пользуются „нечистой“ силой. Иванова, например, пишет о знахарах и знахарихах, что для большинства это были пожилые, старики и старухи, глубоко *религиозные*, трезвой безупречной жизни и сверх того сами искренно верующие в действительность своего дѣйствія²⁾. Наоборот, Н. Ефименко и Есипов видят в знахарстве „фокусничество“³⁾. Сахаров усматривает „отъявленные обмань“⁴⁾. По мнению Попова, „совершенно особенное место занимают знахари шарлатаны... таких знахарей, по сравнению, так сказать, с идеальными, убежденными знаха-

¹⁾ Ibidem стр. 49.

²⁾ Писюков. Знахарство, шентаніе и докторы. Киевская стар. 1885 г. № 12, стр. 731.

³⁾ Писюков Им. Общ. Люб. Ест. антр. и истор. 1877 г. т. XXX, ч. 1, стр. 167; Есипов. Колдовство въ XVII и XVIII ст. Древняя и Нов. Россія 1878 г. № 9, стр. 64.

⁴⁾ Сахаров. Сказанія Русскаго народа etc. ч. 1, стр. 50, 63.

рами магиями⁵⁾. Левенстимъ находитъ, что „для колдуновъ суевѣріе было средствомъ для достиженія своей корыстной цѣли; для кликушъ—средствомъ, чтобы погубить ненавистнаго человека. Колдуны и кликуши не суевѣрны, они только эксплуатируютъ суевѣріе другихъ“⁶⁾.

Также различные свидѣнія приводятся авторами о характерѣ силъ, эксплуатируемыхъ знахарами. Въ однихъ случаяхъ передается, что знахари помогаютъ „не своими словами, а Господними духами“, въ другихъ же случаи затѣло при помощи дьявольскаго искусства. Такъ, о черновильникахъ у Сахарова читаемъ: „говори о черновильникахъ, навѣи посетилие убѣждаютъ, что они научаются ихому дѣлу отъ чертен и всю свою жизнь состоятъ въ ихъ зависѣмости“⁷⁾. Тотъ же авторъ приводитъ, напримеръ, разговоръ, въ которомъ говорится: „встану я не благословясь, пошу *не перекрестясь*, ни дворяни, ни воряны, себѣ...“⁸⁾. Изъ матеріаловъ собранныхъ въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, видно между прочимъ, что „чтобы узнать силу и искусство колдуновъ, т. е. спеснаться и водиться съ *чертами*, нужно *спинать съ вѣсѣ крестъ*, пообжить его въ самотъ подъ нягу и ходить такъ нѣсколько времени, говори слова: *спирекавайся оуъ Бою и Милостворящаго Его Креста*, отдаю себя въ руки дьявола“⁹⁾. Съ другой стороны, напримеръ, въ процессѣ 1647 г. Симона Данилова, „который многое вѣдомство и шентаніе и чародѣйство и ворожбу дѣлалъ во многихъ домахъ“, видно, что онъ призывалъ всѣхъ свѣтыхъ... и воду крестилъ своею рукою тразды... и водою прыскалъ, чтобы черти бѣгали“¹⁰⁾. Въ процессѣ 1682 г. Евдокима показывалъ, что „хочешь за знахарѣ и спеснать съ себя крестъ жетать и по тому кресту прикладывать которую болянь ему мочно лечить“.

Показъ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ 23 губерніяхъ Европейской Россіи, привелъ къ выводу, что знахари почти всегда заговариваютъ „съ крестомъ и молитвою, призывая св. угодниковъ, Спасителя, Божію Матерь и апостоловъ“. Это

⁵⁾ Погов. Op. cit. стр. 82.

⁶⁾ Левенстимъ. Суевѣріе и уголовное право. Вѣстникъ Права 1906 г. № 1, стр. 341.

⁷⁾ Сахаровъ. Op. cit. стр. 5.

⁸⁾ Ibid. стр. 65.

⁹⁾ Писюковъ etc. стр. 166.

¹⁰⁾ Есиповъ. Колдовство etc. стр. 65, 69.

находить себя подтверждение и въ заговорахъ, извлеченныхъ нами изъ судебныхъ актовъ, хотя въ некоторыхъ другихъ актахъ религиозный элементъ отсутствуетъ. Очевидно, въ знахарствѣ боролись два течения: языческое и христіанское, при этомъ брало верхъ то одно, то другое. Что же касается субъективнаго состоянія вѣдуна, его личной вѣры въ собственные манипуляціи то нельзя допустить и мысли о какомъ-либо фокусничествѣ, по крайней мѣрѣ, въ періодъ болѣе отдаленномъ, когда знахарство было продуктомъ властной потребности человека въ общеніи съ высшимъ существомъ. Вѣра въ вѣдуновъ поддерживалась не фокусничествомъ со стороны знахарей и не легкомысліемъ со стороны массы населенія, а всеобщей необходимостью.

О волхвахъ впервые упоминается въ летописи подъ 1024 годомъ.¹⁾ Въ позднѣйшихъ источникахъ свѣдѣнія о волшебствѣ становятся многочисленнѣе, а само оно начинаетъ приобретать захватывающее государственное значеніе.²⁾ Эпидемія 1286 года нашимъ летописцемъ объясняется тѣмъ, что татары „иземше бо сердце человеческое мочаху во ядѣ аспидномъ и пологашу въ водахъ и отъ сего воды вся въ ядъ обратилася и аще кто отъ нихъ пійше, абіе умираше“³⁾. Въ 1467 г. „отъ смертнаго зелія“ скончалась супруга вел. князя Ивана Васильевича Марія—тверянка. Къ супругѣ этого же князя, гречанкѣ Софіѣ Палеологъ приходили „бабы съ зельемъ“⁴⁾. Соломонія, первая жена Василия III, отъ безплодія искала помощи у вѣдуновъ при посредствѣ Сабурова, который по этому поводу замѣчаетъ: „миѣ того и не памятовати, сколько ко миѣ о тѣхъ дѣлѣхъ женокъ и мужиковъ прихаживало“⁵⁾.

О самомъ Василии Ивановичѣ кн. Курбскій сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: „Василій съ оною предреченною съ законопреступною женою, (Еленою Глинскою) юною сущюю, самъ старѣ будущею, искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему къ плодотворенію... О чаровникахъ же оныхъ такъ печаленся, посылающе по нимъ тако и озамо ажъ до Корелы (еже

есть Филія: сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студенаго моря), и оттуда провожаху ихъ къ нему“. Переходя къ общему вопросу о чаровникахъ, Курбскій продолжаетъ: „Яже дерзають непреподобнѣ приводити себя на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ, чаровниковъ и бабъ, смывалей и шептуней, а иными различными чары чарующихъ, общующе со дьяволомъ и призывающе его на помощь“¹⁾.

Въ постановленіяхъ Стоглаваго Собора указывается, что „нѣмцы же непрямо тяжуются и поклоняють крестъ цѣлуютъ, на поли бьются и кровь проливають, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творить, куда ся бѣжеть и во Аристотелевы врата и въ Рафли смотреть и по звѣздамъ и по ланитамъ глѣдають... Въ первый понедѣльникъ Петрава поста въ ровни ходитъ и въ наливкахъ бѣсовския потѣхи дѣлать... Въ великій Четвертъ по рану солову павить и кличуть мертвыхъ: нѣкоторіи же неведасы поны въ В. Четвертъ соль предъ престолъ кладутъ и до четверга по велицѣ дни тамъ держать, и ту отдають на врачеваніе людямъ и скотомъ. И по селомъ и волостемъ ходятъ живые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старія бабы“. Тамъ же находимъ: „яже послѣдуютъ поганскимъ обрядамъ и въ волхвамъ или ко обаяникамъ ходитъ или въ дома своя тѣхъ приываютъ хотящія убѣдати отъ нихъ нѣкая невѣрческая“²⁾.

Въ 1572 г. апрѣля 29 царь Іоаннъ IV Васильевичъ, подрашавая на Соборѣ разрѣшеніе на четвертый бракъ, говорилъ, что его первую супругу Анастасію извели злые люди вражійми навітомъ, отравами и чародѣйствомъ; вторую отравили вражійми злокозньствомъ; третью испортили злою отравою³⁾. Тому же царю клеветники Сильвестра и Адашева внушали: „аще припустиши ихъ къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ.... Худше тогда и ничему годные чаровницы тебѣ Государя..... держали предъ тѣмъ, аки въ окнахъ.... а то говорили они своими чаровствомъ,

¹⁾ Курбскій. Сказаніе СИБ. 1868 г. изд. Устрялова, стр. 89.

Горсей передаетъ, что Іоанну были приведены съ сѣвера шесть десятковъ чародѣевъ, съ которыми онъ сноился черезъ своего любимца Богдана Бѣлскаго. Очев. Записки 1859 г. сентябрь, стр. 113. Это подтверждаетъ и Курбскій (Сказаніе, стр. 215), писавшій царю: „чаровниковъ и волхвовъ отъ талочайшихъ странъ собираешь“.

²⁾ Стоглавы. Казань. 1862 г. стр. 179, 197.

³⁾ Акты Ивана, III № 284.

¹⁾ Мѣст. Росср. 328.

²⁾ Вѣстекъ. Близко врачебной Россіи. СИБ. 1890 г. стр. 1—30. (Здѣсь собраны летописныя извѣстія, относящіяся къ врачебному дѣлу, которыми мы пользуемся).

³⁾ Мѣст. Гусин. 347 (прибавл. къ Платовской).

⁴⁾ Соф. акт. II, 185 и 279.

⁵⁾ Акты Иог. т. I, № 130.

аки очи твои закрывающе¹⁾. Кн. Курбский, выдававшийся по своему таланту и уму развитию среди всех сподвижников грозного царя, рассказывая о казанской осаде в 1552 г., добавляет, «еще вспоминати достойтъ, яко татары на войско христианское чары творили и великую злобою наводили: яко сгоро до облаканию града, егда солнце начнетъ восходити, впадутъ на граты, вебѣмъ намъ аршинны, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ гонѣти саванискія ключеса, машуще оублаками своими на войско наше и вертящеся не благочинны. Тогда абѣ встанетъ вѣтръ и сочинятся облаки».....²⁾.

Эту картину всеобщей вѣры въ волшебство дополнили самъ Іоаннъ Грозный, вспоминая въ письмѣ къ Курбскому: «дѣлаи на-зѣвники бояре..., наустина ескудожаниныхъ умовъ народъ, что будто матери нашей мати, княгини Анна Глинская со своими дѣтими и съ людьми сердца человеческая вышали таковыми чародѣйствомъ Москву поналили³⁾. Придворнаго доктора Іоанна IV ильчина Бемедія речовекъ дѣтѣмъ называетъ «дѣтими волх-вовымъ». Леонъ Андрея Ничича Белообразова «деинномышленника, веру и измѣннику Осѣѣ Шидловитому» въ письмѣ на него го-ворили, что онъ находится въ сношеніяхъ съ Дарофейкой, коно-валомъ и рудометомъ, умѣющимъ «дѣлами ворожить и на руку людей смотрѣть и внутреннія болѣзни, взрослыхъ и дѣтей узна-вать и дѣлать шептани»⁴⁾. Знаменитый ученый конца XVII в. монахъ Сильвестръ Меньшевъ при годѣ при себѣ держалъ нѣ-когого волхва Дмитрія Силкина, который говорилъ о себѣ, что онъ «узнаетъ въ животѣ болѣзни и на солницѣ смотритъ и узна-етъ въ солницѣ кому что будетъ: да онъ же у младенцевъ уго-варивать грѣши и отъ убою или будетъ мѣсть мужа и жены

1) Курбскій. Сказаніе, стр. 69; Заслуживаетъ вниманія также приложеніе къ исто-ріи о вѣл. кн. Моск. Петрѣ, гдѣ, являя прѣдмѣ, находитъ коренья вопросы, пред-ложенныя монахомъ повторскому митрополиту:

«Вопросъ. Если женщина употребитъ какия нибудь непристойныя средства, чтобы сдѣлаться беременною? Отвѣтъ. Женщинамъ дѣлающа что зѣло зло, кореньемъ, или дру-гими непохвальными средствами, или спрашивающа совета у старухъ ворожеекъ, долж-ны бѣдѣ не только погнѣся и тѣмъ при грѣшн саваниску, чтобы онъ попомнѣся за нихъ съ особеннымъ усердіемъ, обѣ ихъ погнѣся отъ сѣмени ихъ мужей, а не отъ другого средства». Петрей, стр. 154.

2) Курбскій. Сказаніе т. I, стр. 24.

3) Ibidem, стр. 61.

4) Ист. Вѣстникъ 1889 г. № 6, стр. 713.

совѣту не будетъ—помогаетъ»¹⁾. Тотъ же Меньшевъ имѣлъ сношенія съ волхвомъ Василиемъ Иконниковымъ, похвалившимся наустить порчу на государей Осодора и Петра, если только Софія дастъ ему 5000 рублей²⁾.

Страхъ московскихъ царей передъ знахарями рельефно вы-ступаетъ въ повѣствованіяхъ и присяжныхъ разнаго чина людей. Уже отецъ Іоанна Грознаго повелѣлъ необходимымъ занести въ престольно-каменную книгу клятву со словъ о лихомъ. Въ под-арестной записи Бориса Годунова отъ 15 сентября 1598 года присяжающимъ на вѣрность произнесено между прочимъ: «Также мнѣ надѣ государемъ своимъ, царь и вел. кн. Борисомъ Осодо-ровичемъ вс. Русіи, и надѣ царичею и вел. кн. Марією, и надѣ ихъ дѣтми, надѣ цар. Осодоромъ и надѣ цар. Осениною, въ вѣрѣ и въ истинѣ, ни въ власти, ни въ нѣмѣ, ничѣ, чѣмъ, лиха никакого не учинити и не испортити, и зелья лихого и коренья не пачати, и не вѣдати мнѣ такому зелью лихого и коренья пачати; а кто мнѣ учинитъ зелье лихое или коренья пачати, или мнѣ учинитъ кто гонѣти, чтобы мнѣ надѣ государемъ своимъ, царь и вел. кн. Б. О. в. Р., и царь И. и надѣ ихъ дѣтми, г. е. какое лихо кто похочетъ учинити, или кто похочетъ портити, и мнѣ того человека никакого не слушати, и зелья лихого и ко-ренья у того человека не пачати; да и людей своихъ съ *видовѣ-ствомъ* да и со великимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не по-сылати и *видовѣтъ* и *видуней* не добывати на государское... на гонѣе лихо. Также государя своего ц. и в. кн. Б. О. в. Р. и его царичю, и ихъ дѣтей, ни *слова* великимъ вѣдѣвающимъ мечта-ніемъ не испортити, ни *видовѣствомъ* по *взгляду* никакого лиха не посылати и *слова* не вѣдати, ни которымъ дѣла, ни кото-рою хитростію; а какъ Гос. ц. и в. кн. Б. О. в. Р., и его ц. и в. кн. Марія и ихъ дѣти, ц. О. и ц. Ок., куда пойдутъ или куда пойдутъ, и мнѣ *слова* *владебствомъ* не вѣдати и великимъ злымъ, которыи дѣла, ни которою хитростію; а кто такое вѣдовское дѣло похочетъ мѣснити или дѣлати, и язъ то сѣбѣ, и мнѣ про того человека сказать Государю... а не утати мнѣ про то никакъ; а у кого увидано, или со стороны услышу у какого че-

1) Ibidem, стр. 714.

2) Ibidem.

ловѣка нибудь, кто про такое злое дѣло учнетъ думать и умышляти... и мнѣ того познати и привести къ Государю своему; а не возмогу познати, и мнѣ про того сказати Государю своему“...¹⁾

Такимъ образомъ подкрестной предусматривались главнѣйшіе виды колдовства, какъ-то: на слѣду порча, насыланіе лиха по вѣтру и выниманіе слѣда. Въ подкрестной записи Лекедимитрія отъ 12 іюня 1605 г. объ этихъ главныхъ видахъ волшебства не упоминалось, а содержалась общая клятва „въ бѣствѣ и въ пивѣ, ни въ пзатѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ, лиха никакого не чинити и не испортити, ни зелья лихова, ни кореня не давати“²⁾; не возлагалось также обязанности доносить на злоумышленниковъ, а тѣмъ болѣе ихъ ловить. Въ подкрестной Василия Ивановича Шуйскаго отъ 20 мая 1606 г. эта послѣдняя обязанность снова вмѣняется присягающимъ, но упоминаніе о главнѣйшихъ видахъ волшебства также отсутствуетъ³⁾.

Что же представляли изъ себя эти главные виды колдовства? Насылка по вѣтру, пишетъ Костомаровъ, состояла въ томъ, что лихой колдунъ, званій искусство возбуждать вѣтры и направлять ихъ куда угодно своими заговорами, производить вѣтеръ, потомъ бросать по вѣтру пыль и примолвливать, чтобъ такъ по вѣтру понесло пыль на такого-то человѣка, чтобъ его корчило, мгло, раздувало, сушило и проч. и проч. Если обреченная жертва попадалась подъ такой вѣтеръ, то съ ней бывалось все, чего желать ей колдунъ. Выборъ слѣда изъ подъ ноги заключался въ томъ, какъ передаетъ Костомаровъ, что выбранный слѣдъ заказывали въ печи или сжигали, и оттого иссыхалъ тотъ изъ подъ чьей ноги былъ взятъ слѣдъ. Выбирали слѣдъ также для привороту.⁴⁾ Иногда слѣда не вырѣзывали, а ограничивались тѣмъ, что наговаривали на слѣдъ или посылали его чѣмъ либо съ наговоромъ. Этими путями также, по понятіямъ людей того времени, можно было достигнуть желаемого, т. е. или погубить данное лицо или приворожить его къ другому.

¹⁾ Акты экз. т. II № 10 стр. 58—59.

²⁾ Ibidem № 38, стр. 94.

³⁾ Ibidem № 44, стр. 102.

⁴⁾ Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа. Спб. 1887 г. стр. 277—278.

Крѣстоцѣловальники первой трети XVII ст. достигли огромныхъ размѣровъ и чрезвычайной мелочности въ смыслѣ указаній на разнаго рода виды знахарства. Такъ чины Антекарскаго Приказа этого времени между прочимъ давали торжественную клятву: „а лиха мнѣ ему государю своему... не хотѣти ни какова, ни мыслити, ни думать, ни которыми дѣла и ни которою хитростью, и въ бѣствѣ, и въ пивѣ, и въ лекарствахъ во всякихъ и въ иномъ ни въ чемъ лиха ни какакова не чинити и не испортити ни которыми дѣла и ни которою хитростью и зелья лихова и кореня не давати, и съ лихими ни съ какими злымъ умышлениемъ и съ порчею къ нимъ государю не приходити, и въ своемъ лекарствѣ, и въ составѣхъ, и въ лечебныхъ; ни въ чемъ ни какова злого зелья и кореня не примѣшати, и къ ихъ государевому здоровью, а съ инымъ ни съ кѣмъ не посылати, также мнѣ и надъ товарищи своими въ всякихъ составѣхъ и во всякихъ мѣрахъ, которые для ихъ государскаго здоровья учнутъ составлять, смотрѣть на крѣпко, чтобъ они въ составѣ никакова дурна не чинили и зелья лихова вмѣсто добраго и составу нечистаго люми и иного ни какого злого яду зміина и иныхъ ядовитыхъ звѣрей, и гадовъ, и птицъ, и всякихъ злыхъ и нечестныхъ составовъ, которые могутъ здоровье повредить и испортити не примѣшати, и во всемъ о ихъ государевомъ здравіи радѣти и оберегати ихъ государскаго здравья во всякихъ мѣрахъ... А кто мнѣ учнетъ какое зелье или коренье лихое давати на нихъ государей или кто меня начнетъ наговаривать, чтобъ мнѣ надъ нимъ государемъ своимъ и надъ его царичею и надъ ихъ парскими дѣти каково лихое учинити или кто по хочетъ ихъ государей самъ портити или какое лихое умышляти или у товарищей своихъ какіе злые или нечистые составы, которые могутъ здоровье повредить или осквернить, увижу, и мнѣ у того человѣка зелья лихова и кореня не имати и того человѣка не слушати, и поймавъ того человѣка привести мнѣ ко государю... или къ его государеву боярину, у котораго обтека въ приказѣ будетъ, или къ его государевымъ ближнимъ людямъ. А будетъ за которыми мѣрами того человѣка поймать будетъ не мочно и мнѣ про того человѣка тотчасъ сказати ему государю или его государеву боярину или ближнимъ людямъ.“¹⁾

¹⁾ Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи СИБ. 1881—85 г. т. I. 1—IV. Изд. Мѣд. Департамента. № 160.

Дворяне люди паричина чина этой эпохи въ присагѣ обн-
зались между прочимъ: „и не мыслитъ, и въ бѣствѣ, въ нитѣ,
въ ошовѣхъ, въ пряныхъ зельяхъ, и въ плѣтѣ, въ поветен-
нахъ, въ ростеляхъ, въ сорочкахъ, въ пертахъ, лиха никакого
ни паговаривати и не испортити отнюдь ни въ чемъ ни кото-
рымъ дѣломъ“¹⁾. Для характеристики того отношенія къ лихимъ
дѣламъ, которое господствовало въ высочайшемъ термѣ московскихъ
паричъ, достаточно замѣтить, что отъ XVII ст. до насъ дошли
списки дѣла о приворотной корѣ обратимѣ, колдовствѣ на
паричинѣ сѣбѣ, похитимомъ словѣ постельника, умышленнѣ по-
портити паричу Евдокію Лукьяновичу и т. д.²⁾

Вообще нужно замѣтить, что XVII вѣкъ это столѣтіе знахар-
скихъ процессовъ по преимуществу. Окрѣпшая государственная
власть выступаетъ противъ колдуновъ во всѣхъ инстанціяхъ уголовной
репрессіи и такимъ образомъ отходить на задній планъ прежние
способы борьбы съ знахарствомъ посредствомъ духовныхъ пропо-
вѣдей, пастырскихъ посланій и т. п. Впрочемъ, этотъ періодъ,
по отсутствію матеріаловъ, до настоящаго времени оставался не-
исчерпаннымъ. Ниже, на основаніи новѣйшихъ историческихъ дан-
ныхъ, извлеченныхъ нами изъ архивовъ, мы постараемся дать на-
затронутый вопросъ болѣе правильныя отѣты. Но предварительно
обратимъ вниманіе на нѣкоторые моменты въ эволюціи психологій
знахарства.

Глубокая вѣра въ то, что знахарю подчинены и добрыя и
злыя силы мало по малу ослабѣвала. Мысль о всемогуществѣ
„знатцовъ“ вытѣснялась по мѣрѣ того, какъ вырабатывалась, съ
одной стороны болѣе правильныя представленія о вѣдѣишей при-
родѣ и проходить страхъ передъ грозными ея явленіями, а съ
другой, укрѣплялось христіанство съ его ученіемъ о душѣ, о
смерти и т. д. Подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ стала
укрѣпляться мысль о безсиліи знахарей располагать по своему
произволу „добрыми“ духами. Церковно-пастырское ученіе при-
вивало взгляды на знахарей, какъ на посредниковъ діавола,
посланныхъ сатаны, непримаримаго врага христіанъ. Въ этой
новой стадіи мысль о знахарствѣ стала одностороннею, болѣе
узкою и въ такой, такъ сказать, обезпложенной формѣ ничего не

могла внушать народу кромѣ страха къ колдунамъ и желанія
отъ нихъ избавиться.

Эта эволюція психологій знахарства медленно готовила
почву для борьбы съ нимъ. Враждебное отношеніе къ знахарству
развивалось параллельно съ распространеніемъ послѣдняго, вотъ
почему наши свѣдѣнія о борьбѣ съ знахарствомъ хронологически
совпадаютъ съ извѣстіями о его распространеніи, а также въ ря-
дахъ преслѣдователей колдуновъ мы видимъ князей, духовенство
и народъ, т. е. тѣ же категоріи населенія, которыя пользовались
ихъ услугами.

Уже въ уставѣ Владиміра Святого „о церковныхъ судѣхъ“
къ числу дѣлъ, подлежащихъ упомянутымъ судамъ, были отнесены
„лѣдовство, зельество, потворы, чародѣіе, вохваніе“ Уставъ,
какъ извѣстно, былъ составленъ по указаніямъ греческихъ уче-
ныхъ. Эти же послѣдніе были восприняты на постановленіяхъ
Вселенскихъ соборовъ, которыми колдовство разсматривалось какъ
отступленіе отъ христіанства и отнеслось къ вѣдомству духов-
наго суда. Въ 1024 г. народъ избилъ „лихихъ бабъ“ въ Суздаль-
ской землѣ; тоже произошло въ 1071 г. въ землѣ Ростовской.
Знаменитый проповѣдникъ XII вѣка Св. Кириллъ въ словѣ о
лихихъ дусѣхъ вооружался противъ колдовскаго врачеванія: „а
мы нынѣ (говорилъ онъ) хотя мало побоймъ, или жена или дѣтя,
то оставимъ Бога ищемъ проклятыхъ бабъ чародѣицъ, наузовъ
и словъ пречетныхъ слушаемъ... баба начнетъ на дѣти наузы
класти, смѣривати и поюше на землю, рекше бѣса проклинаятъ“¹⁾.
Въ 1227 г. новгородцы сожгли 4 волхвовъ. Въ посланіи къ
новгородцамъ отъ 29 августа 1410 г. митрополитъ Фотій пред-
писывалъ, чтобы „басни по слухамъ, лихихъ бабъ не принимали
ни узловъ, ни примовленія, ни зелья, ни вороженія, а елика
такова, занеже съ того гнѣвъ Божій приходитъ; и гдѣ таковыя
лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали и каились бы,
а не имуть слушати, не благословляйте ихъ, христіаномъ заказы-
ваете, чтобы ихъ не держали межу себе ни гдѣ, гонили бѣ ихъ
отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ не чистоты“.²⁾
Въ 1411 г., во время черной смерти, исконники сожгли 11 вѣ-

¹⁾ Забѣлинь. Батт. рус. нар. М. 1901 стр. г. 579.

²⁾ Ibidem стр. 419—460.

¹⁾ Св. „Уставъ“ съ дополненіями. Буслаева Архивъ Болотовъ 1-539 г. т. 1 стр. 2
и слѣд.

²⁾ Акты эконед. т. 1, № 369, стр. 462.

щихъ жонотъ. Приходивше въ 1498 г. къ Софѣ „бабы съ зельемъ“ были утоплены по приказанію великаго князя.

О широкомъ распространѣніи колдовства въ XVI ст. можно судить потому, напризмѣръ, что въ постановленіяхъ Стоглаваго собора 1551 года нашла себѣ мѣсто слѣдующее любопытное изображеніе дѣйствительности: „Шестокрыль, Варонограй, Остромай, Зедѣй, Алмапахъ, Звѣздохъ, Аристотель, Аристотелевы Врата и инши коби бѣсовскія тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя не держали и несли... и некоторые же неслася поны въ Великій Четвертъ, съедъ переть престолъ кидуть и до седьмого четверга по великімъ дни тамъ держать, а тѣ отдають на вращеваніе людемъ и скотомъ“. Въ 1552 г. въ наказѣ, данномъ Берсеневу и Тютину для наблюденія за точнымъ исполненіемъ правилъ Московскаго собора 1551 г., предписывалось наблюдать, чтобы „къ волхвамъ бы и къ чародѣемъ и къ звѣздохъ волховать не ходили и у поль бы (при поединкахъ) чародѣи не были... а которые безчинники забывъ страхъ Божій и царскую заповѣдь учинуть... къ чародѣемъ и къ волхвамъ и къ звѣздохъ ходити волховать, и къ полямъ чародѣи приводити, и въ томъ на нихъ доведуть и обличены будутъ достовѣрными свидѣтели: и тѣмъ быти отъ цари и великаго князя въ великой опатѣ, по городскимъ законамъ, а отъ священнои имъ же быти въ духовномъ запрещеніи, по священнымъ правиламъ“¹⁾. Въ 1555 г. Троицкій Сергіевъ монастырь въ приведенной грамотѣ своимъ землямъ и крестьянамъ приказывалось не держать въ волости „ни волхвей, ни бабъ ворожей“ подъ угрозою съ египскаго и какдымъ ета челоуѣкъ „взяти неши десять рублевъ денегъ; а екомороха, или волхва, или бабу ворожею, бѣвъ да ограбивъ да выбити изъ волости вонъ“²⁾.

¹⁾ Акты Истор. т. I, № 154 стр. 252.

²⁾ Акты Юстиц. т. I № 241, стр. 267; Лавровъ въ своей работѣ „Судебнѣ и уголовное право“ (Вѣст. права 1906 г. № I, стр. 315) эту грамоту 1555 г. относитъ къ 1470 г., ссылаясь на Ак. Юст. I, № 69, но подѣлилъ померомъ подобной грамоты нѣтъ. Что не случайная опечатка, такъ какъ на томъ же страницѣ встрѣчается и другія „двоинныя“ ссылки на несуществующіе акты или же говоряще совершенно о другихъ. Такъ, въ доказательство того, что „екоморохи, нищѣ, ворожеи и волхвы были похерпнуты приѣзженіемъ, въ особеніи же монастырскихъ и дворцовыхъ селахъ и деревняхъ“, онъ приводитъ, вмѣстѣ несуществующей грамоты отъ 1470 г., другія „однобоковыя“ (курсивъ нашъ Н. Н.) грамоты* а именно: грамоты 1515 г. на имя Чухломскаго монастыря 1522 г. Кассію Угличскому, 1551 г. дворцовымъ селамъ Архангельскому и Басинскому, 1556 г. Високому монастырю. Всѣ эти указанія сопровождаются ссылками на Ак. Юст. I, № 241. Обращаясь къ указанному источнику, находимъ тамъ

Въ XVII ст. борьба свѣтской власти съ волшебствомъ не ослабла прогрессировать. Въ самомъ началѣ этого вѣка, а именно въ 1606 г. встречаемъ дѣло по жалобамъ о порчѣ будто бы людей посредствомъ икоты. Изъ парекон грамоты по этому дѣлу узнаемъ, что оговореннаго „на пытке пытали и огнемъ жгли, и на пытке три вѣтрени были, и вкинули въ тюрьму, и пытки де сидитъ въ тюрьмѣ“¹⁾. Въ 1632 г. некоему воеводѣ о литовскихъ лазутчикахъ сообщается, будто бы въ литовскихъ городахъ „баба вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, который изъ Литвы въ наши города возитъ, чтобы тѣмъ хмѣлемъ въ нашихъ городахъ на люди навести моровое повѣтріе“, а поэтому воспрещалось подъ страхомъ смертной казни покупать и торговать литовскимъ хмѣлемъ“²⁾.

Въ 1649 г. въ памяти Верхотурскаго воеводы Рафы Всеволодскаго приказника Ирбитской слободы Григорію Барыбину писались: „дѣдомъ де Государю учинилось, что... бные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерскихъ бабъ въ домъ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣломъ, и тѣ волхвы надъ боль-

лами объ опечаткѣ см. Копия тамошнихъ Архивныхъ Грехъ въ которыхъ нѣтъ никакихъ намеконъ на загроуване вопросовъ. По грамотѣ, выданной т. Лавровымъ, существующей въ архивѣ писемъ ст. Ак. Юст. т. I № 161 стр. 132, № 171 стр. 140 и № 240 стр. 256—257. Показано грамоты 1556 г. Високому монастырю въ Ак. Юстиціи нѣтъ. Тамъ же нѣтъ ни грамоты не однобоковыя съ грамотою 1555 г. Въ послѣдней встречается держать „екомороховъ, волхвовъ, бѣвъ-ворожей, нищѣ и безчинныхъ чародѣевъ“ и въ грамотахъ 1522 г. и 1554 г. встречается прокъ „похерпнуты“ и прокъ „екомороховъ“. Еще добавимъ, что грамота 1515 г. была составлена на имя бѣлого еретьихъ приказниковъ для наблюденія за Пилочою пустыней, а вовсе не Чухломскимъ монастыремъ, какъ ни т. Лавровъ. Дѣло, названное авторъ указывать на парекон грамоту 1648 г. и ссылается на Ак. Ист. IV, № 35, гдѣ мы находимъ память Верхотурскаго воеводы Рафы Всеволодскаго приказнику Ирбитской слободы Григорію Барыбину отъ 13 декабря 1649 гот. Лавровъ не указываетъ на имя и чинъ поминъ, но касаясь ед, онъ ссылается на А. И. III, 92 в сочиненіи Чебышева-Импріева „О преступномъ дѣствіи по русскому допетровскому праву“. Въ указанномъ мѣстѣ авторъ историческихъ изысканъ доводитъ нѣкая статью къ Судебнику, отноку въ которыхъ указывается, чтобы „съ кабынами не ходили и на ширинѣ бы мѣрѣе люди не сходили, тѣмъ бы сумы провозосившимъ крестьяномъ не было, и колѣни и овсена и плуги не клещали“ (стр. 96 доподл. ст. VI). Тамъ былъ вѣстекъ въ заблужденіе т. Лавровъ— мы не наслѣдуемъ, отмѣчаемъ лишь, насколько жесроу рукою отъ авторъ тѣлаетъ познанированія у разныхъ писателей, обобщая эти познанированія ссылками на первоисточники.

¹⁾ Акты историч. т. II, № 66, стр. 82.

²⁾ Акты Юстиц. т. III, № 197, стр. 281.

ными и надъ младенцы чинять всякое бѣсовское волхованіе и отъ правобѣрія православныхъ крестьянъ отлучаютъ; да въ городѣхъ же и въ уѣздахъ... сходятся многіе люди мужского и женскаго полу по зарямъ и въ ночи чародѣйствуютъ, съ солнышнаго схода перваго дни луны смотрятъ и въ громное громаженіе на рѣкахъ и въ озерехъ купаются, чають себѣ отъ того здравья.. И великій Государь.. велѣлъ о тѣхъ богомерзкихъ дѣлѣхъ заказъ учинить, чтобъ православные христіане отъ такового бѣсовскаго дѣйства отстали.. а которые люди отъ того отъ всего богомерзкаго дѣла не отстанутъ и... тѣмъ людямъ чинить наказанья... бить батоги" ¹⁾.

Очевидно, богомерзкія дѣла не исчезли, если митрополиту Бѣлгородскому и Обоянскому въ грамотѣ, писанной въ 1673 г. къ Никодиму архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря пришлось съ укоризною говорить: «да въ городѣхъ же и уѣдѣхъ мужскаго и женскаго полу бывають чародѣи и волхованиемъ своимъ и чародѣйствомъ многіхъ людей прельщаютъ. Многіе люди тѣхъ волхвовъ и чародѣевъ въ домъ къ себѣ, къ малымъ дѣтямъ и къ больнымъ младенцамъ призываютъ, а они всякое волхованіе чинять, и отъ правобѣрія православныхъ христіанъ отлучаютъ" ²⁾.

Какъ было уже замѣчено (стр. 16), XVII вѣкъ развертываетъ передъ нами потрясающую картину вѣдовскихъ процессовъ. Окрѣпшая центральная власть вступаетъ въ единоборство съ знахарствомъ. Борьба съ нимъ становится государственнымъ дѣломъ, монополией. Такая точка зрѣнія настойчиво проводится черезъ все столѣтіе и даже захватываетъ императорскій періодъ.

Процессы о колдовствѣ—эти отвратительныя кровавыя явля на фонѣ европейской цивилизаціи—за послѣднее десятилѣтіе вновь привлекаютъ къ себѣ вниманіе исследователей. Работы Riezler'a, Baissac'a, Hansen'a ³⁾ и другихъ бросаютъ широкій свѣтъ на эту эпидемію европейскаго безумія. Но русское

¹⁾ Акты историч. т. IV, № 35, стр. 124—126.

²⁾ Богдановъ, Русская Вѣдовщина. М. 1883 г. т. I, стр. 29.

³⁾ S. Riezler, Geschichte der Hexenprozesse in Bayern (1896 г.).

J. Baissac, Les Grands jours de la sorcellerie (1900 г.).

J. Hansen, Zaubervahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter (1900 г.).

Eine neue Quellen- und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter (1901 г.).

-фактѣнѣйковѣ по прежнему тонетъ въ непроглядной тьмѣ. Хуже того, каждое новое произведеніе русскаго писателя, такъ или иначе касающагося указанной темы, является новымъ подтвержденіемъ давно уже пущенной въ научный оборотъ мысли, что Россія европейское безуміе не коснулось, что наше отечество осталось въ сторонѣ отъ наувѣрскихъ преслѣдованій. Такъ, обширная работа Н. Сперанскаго ¹⁾, вынужденная въ минувшемъ году, снова подчеркиваетъ «насъ возвышающій обманъ». Почтенный авторъ пишетъ, напримѣръ, что «и въ XV—XVII вѣкахъ процессы вѣдмъ явились принадлежностью лишь передовыхъ странъ христіанскаго міра: задержанный въ своемъ развитіи Востоку Европы, Россія и Балканскія государства, и въ ту пору оставались свободны отъ этихъ указовъ". Въ другомъ мѣстѣ ту же самую мысль онъ повторяетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Не говоря уже о нехристіанскихъ странахъ, страны, входящія въ составъ греко-восточной церкви, какъ мы уже замѣтили, такъ же остались свободны отъ этой явы. Восточная въ свое время знала, правда, преслѣдованіе колдуновъ, но борьба съ «вѣдствомъ" *никогда не приводила въ окончаніе оріана съ аліени* ²⁾.

Добытые нами новые архивные матеріалы не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что борьба съ вѣдовствомъ *приводила въ окончаніе оріана съ аліени*. Больше того, эта борьба отличалась не меньшей жестокостію, чѣмъ въ Западной Европѣ. Московская Русь въ борьбѣ съ вѣдунами пережила и повальный терроризмъ, и сыскъ, и пытки, и публичное сожженіе обвиненныхъ въ чародѣйствѣ.

Наши матеріалы не представляютъ вовсе законченныхъ дѣлъ и тѣмъ не менѣе они не утрачиваютъ своей цѣнности, такъ какъ важнѣйшіе процессуальные моменты ими устанавливаются въ рѣзкихъ, вышуклыхъ очертаніяхъ. Матеріалы о колдовствѣ представляютъ интересъ и для процессуалиста—уголовника, и для этнографа, и для медика, и для историка вообще. Что касается насъ, то мы останавливаемся на этомъ рядѣ фактовъ съ исключительною цѣлью отыскать подпочву народной медицины. Мы думаемъ, что *колеблемъ народнаго врачевнаго знанія была отъдоство, и что юридическое положеніе мѣстичнаго вѣдовства, какъ*

¹⁾ Н. Сперанскій, Вѣдмъ и вѣдовство ст. 7 и 35 (1906 г.).

²⁾ (Курская пошл. Н. Н.).

ранно фактическое отношение к ней народа и власти, в течение долгого времени отражають на себя старовое отношение к тиловосту.

Мы видим, что власти производили расследование въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, изъ этого можно сдѣлать одинъ только выводъ, что въ борьбѣ съ вѣдствомъ власти приводились въ движеніе и не оставались равнодушными зрителями народной расправы. Наоборотъ, можно предполагать, что на долю правительства выпала самая активная роль въ этомъ отношеніи, что оно было организаторомъ борьбы, высшимъ руководителемъ ею.

Въ распоряженіи властей имѣлся огромный арсеналъ наказаній. Главнѣйшими изъ нихъ были ссылка и сожженіе. Побивать въ тюрьмѣ и вынести пытки приходилось всякому независимо отъ наказания, назначеннаго въ концѣ сыска.

Зерно идеи привѣсенія къ колдунамъ ссылки нужно видѣть еще въ практиковавшихся ранѣе случаяхъ «выбиванія изъ волости вонъ». Въ семнадцатомъ столѣтіи ссылки въ дальнія мѣстности и въ монастыри. Въ 1628 г. совершенно не причастный къ вѣдству челоѣкъ, страдавшій душевною болѣзнію, за безверіе цыи корешонъ, привязанный у него къ шейному кресту, былъ сосланъ «на Устюгъ Великій въ Архангельскій монастырь», гдѣ повелѣвалось «ему быть въ черной монастырской работѣ и изъ монастыря его не выпускать, чтобъ онъ не провалъ безвѣстно, и ходить ему къ пѣнию, чтобъ ему отъ того недуга Богъ далъ излеченіе». ¹⁾ Въ 1639 г., по указу Алексѣя Михайловича повелѣвалось «золотную мастерицу Дунку Ламанову съ мужемъ ее съ Степкою Ламановымъ... сослати въ Сибирскіи городъ Целямъ; да золотную жъ мастерицу Дунку Ярышкину съ мужемъ ея да съ сыномъ да съ дочерью сослати въ Каргополь; а... колдуней Манку Козлиху да Дунку сѣбную да Оеклину сѣбную жъ съ мужемъ съ Гришкою сапожникомъ разослати въ города: Манку Солнцанской, а Оеклину съ мужемъ на Вятку, а Дунку въ Кайгородокъ» ²⁾.

Подобный пеходъ дѣла тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что потерѣвшю стороною въ данномъ случаѣ была царская семья, благополучіе которой всегда ставилось на первомъ мѣстѣ и оберегалось со всею безпощадностью. И это дѣло, какъ и сотни другихъ,

¹⁾ Наши матеріалы т. III, ч. I, стр. XXV и слѣд.

²⁾ Наши матеріалы т. III, ч. I, стр. 132.

возникло по оговору, изъ-за пустяговъ, по одно за другимъ оговаривались все новыя лица и втягивались въ кровавый судебный механизмъ. Первоначально оговоренная Дарья Ламанова при первой же пыткѣ «повинилась, въ томъ де она передъ государемъ и государынею царинею виновата, что къ бабѣ къ ворожеѣ подругу свою мастерицу Аранку за Москову рѣку звала, а тое де бабу зовуть Настасьинею, живеть за Московоу рѣкою на Вспольѣ; а спознала ее съ нею подруга ея золотная жъ мастерица Авдотья Ярышкина для того, что она людей приворачиваетъ, а у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаетъ, а наговариваетъ на соль и на мыло: да тое соль даютъ мужьямъ въ лѣствѣ и питьѣ, а мыломъ умываютца» ¹⁾. Затѣмъ Дарья Ламанова показала, что по наущенію женки Настыки «сжогне ея Дарьины рубашки пенель... сынала на сѣдѣ государыни царины».

Постѣ второй пытки жонка Настыка «сказала, что мастерицамъ Дарилъ Ламановъ и ея подругамъ, которыхъ знаетъ, а иныхъ и не знаетъ, жегни жескины рубашекъ вороты и наговоря соль и мыло давала, а пенель сжогныхъ рубашекъ воротовъ велѣла сынать въ государскій сѣдѣ, а сынать велѣла не для шхова дѣла, для того какъ тотъ пенель государь или государыня царина перейдутъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье, и то де дѣло и сдѣлается; да отъ того иъ де бываетъ государская милость и ближніе къ нимъ люди добры; а соль и мыло велѣла она давать мастерицамъ мужьямъ своимъ, чтобъ до нихъ были добры».

Приворотными словами у этой жонки были: «какъ люди смотрятъ на иркаю, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жонку да не насмотрѣлся; а мыло сколь борзо смываетъ, столь бы де скоро мужъ полюбилъ; а рубашка какова на шить была, столь бы де мужъ былъ счастливъ» ²⁾.

Приведенная къ пыткѣ по указанію одной изъ своихъ кліентокъ, жена Настыка въ свою очередь указала на свою благодѣтельницу женку Манку Козлиху. Постѣ первой пытки Козлиха дала показаніе, что она «только и знаетъ, что малыхъ дѣтей смываетъ да жабы, у кого прилучится во рѣ, угавариваетъ, да горшки на брюхо наматываетъ, а опречь того ничего не знаетъ». Постѣ третьей пытки она подтвердила ссылки Настыки и

¹⁾ Ibidem стр. 118.

²⁾ Ibidem стр. 120-121.

раскрыли все подробности своего вдовского искусства, которому научилась у матери своей, умершей седьмой годъ тому назадъ. Какъ оказалось, соль и мыло она наговаривала: *„какъ смотрятъ въ зеркало да не рассматриваютъ, такъ бы де мужъ на жену не рассматривалъ“*; а соль: *„какъ де тое соль люди въ постель посыпаютъ, такъ бы мужъ жену любилъ“*. При наговорѣ на мыло она произносила: *„когда скоро мыло съ лица смоешь, тогда бы скоро мужъ жену полюбилъ“*. Снятая рубашечные вороты, она приговаривала: *„какова де была рубашка на шее, такъ бы мужъ до жены былъ“*. Противъ жабы заговоромъ служили слова: *„свинный, свиной, грешный, умира и испилъ у того имени, у кого припадешь, болящая сего“*. При этомъ Козлиха не только уверяла, что „спихимъ словомъ не наговариваетъ“, но, отдавая дань времени и обычаю, заявила: „да и не одна де она тѣмъ ремесломъ промышлени, есть де на Москвѣ и нныя бабы, которыя подлинно умѣютъ ворожить“.

Этимъ „спихими бабами“ оказались Ульянка сѣбная, Дунка сѣбная да Оеклиха Степанова. Первая изъ нихъ подверглась три раза жестокой пытке. Сначала она показала, что „только и знаетъ, что около малыхъ дѣтей ходить, хто поболитъ, и она ихъ смываетъ, и жабы во рту уговариваетъ да горшки на брюхо наматываетъ“. При этомъ она наговаривала и смывала дѣтей наговорною водою, а жабы давила. Муки пытки вызвали у нея указаніе и на другой промыселъ, а именно она показала: „у которыхъ людей въ торговлѣ товаръ заложетъ и она тѣмъ торговымъ людямъ наговариваетъ на медь, а велитъ имъ тѣмъ медомъ умываться, а сама наговариваетъ: *„какъ де медъ зря рождена отъ еленикова, такъ бы де къ тѣмъ торговымъ людямъ былъ какъ товаръ купца съдался“*. Она же совѣтовала женщинамъ быть хлѣбъ съ солью и умываться мыломъ. Надъ хлѣбомъ съ солью она произносила: *„какъ де хлѣбъ отъ соли люди любятъ, такъ бы де мужъ жену любилъ“*; а надъ мыломъ: *„когда де скоро мыло къ лицу пристынетъ, тогда де скоро мужъ жену полюбилъ“*. Также жена Ульянка тѣмъ, у кого „лучитца сердечная болѣзнь, или лихорадка, или иная внутренняя болѣзнь“, давала вино, чеснокъ и укусы съ наговоромъ: *„дннши самъ Христосъ въ челоука болѣзнь свою, отъ Удара, Христосъ мучилъ, да Иванъ Крестилъ, отъ Матвѣя Архангела, да Тихонъ свѣтлый“*.

Сѣбная Дунка подъ пыткой созналась, что она „малыхъ дѣтей отъ уроковъ смываетъ, да жабы во рту уговариваетъ, да она жъ

де на брюха, у кого что пропадетъ, смотреть; а на кого скажутъ невѣрку, и она посмотря на серцо узнаетъ, потому что у него серцо трепещетъ“.

Женка Оеклиха показала, что она „трижи людямъ уговариваетъ, а наговариваетъ на громовую стрѣлку да на медвѣжій поготъ, да съ тое стрѣлки и съ погтя даетъ пить воду, а приговаривая говоритъ: *„какъ де съ старой жонкы дѣтей не разжизнетъ, такъ бы де у кого та трижа и болящая не была“* да она жъ... на брюхо горшки наматываетъ“¹⁾.

Какъ видно, средства, употреблявшіяся вѣдунями, привлеченными въ настоящее дѣло, были очень невиннаго свойства, тѣмъ не менѣ 1 апрѣля государь распорядился снова подвергнуть пытке мастерицу Дашку Ламанову и жену Настьку. Въ указѣ государь писалъ, „что послѣ того ихъ воровства, какъ та мастерица Дашка Ламанова на слѣдъ государыни царицы и великіе княгини Ефдокии Лукьяновны сыпала вѣдовскій рубашечный песецъ, учала государыню недомогать и была печальна, да послѣ того жъ вскорѣ гос. нарекнча князя Ивана Михайловича не стало, и послѣ тое-жъ скорби вскорѣ гос. цар. и вел. кн. Ефдокия Лукьянова родила гос. п. кн. Василья Михайловича боляща, и послѣ ея государевыхъ родинъ и того государя цар. кн. Вас. Мих. не стало вскорѣ-жъ, и нинѣ гос. царица передъ презннмъ скорбна жъ и межъ ихъ государей въ ихъ государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не попржежнему... и отъ того времени и до сихъ мѣстъ межъ ихъ государей скорбь и въ ихъ государскомъ здоровьѣ помѣшка“²⁾.

И такъ все дѣлаети домашней жизни государя объясняли вѣдовствомъ. Была даже мысль о международной организации порчи. Такъ жонку Настьку спрашивали: „отъ польскаго и отъ литовскаго короля къ мужу ея литвину Янкѣ присылка или заказъ, что ей государя или государыню царицу испортить, бытъ-ли“³⁾.

Въ 1647 г. крестьянинъ Мишка Ивановъ „за чародѣйство за ксеной разводъ и за наговоръ“ былъ сосланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь съ указомъ держать его „подъ крѣпкими

¹⁾ Ibidem стр. 122—126.

²⁾ Ibidem стр. 127.

³⁾ Ibidem стр. 129.

караулютъ" ¹⁾ Въ томъ же году бояринъ Семень Лукьяновичъ Стрѣльневъ былъ сосланъ въ Володу за то, что „съ такими злыми вѣдуны Симонкомъ Даниловымъ да съ женкою Оришкою знался многіе годы" ²⁾.

Эти ссылки происходили на основаніи сепаратныхъ распоряженій, но уже въ началѣ декабря 1648 г. послѣдовалъ *общій* указъ воеводѣ бѣлгородскому Тимофею Оедоровичу Бутурлину, въ которомъ между прочимъ указывалось: „а иные прелестники мужского и женскаго пола въ городахъ и уѣздахъ бывають со зловѣщимъ чародѣйствомъ и волхваніемъ, и многіхъ людей тѣмъ своимъ чародѣйствомъ и волхваніемъ прельщаютъ и портятъ, а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ, вдовъ къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхваніе". Воеводѣ повелѣвалось принять самыя широкія мѣры къ оповѣщенію населенія относительно указа, всепрещашаго „безчинства и чародѣйства", разослать копіи съ указа „въ станы и волости" и велѣть „тѣ списки по торгамъ прочитать многожды, чтобъ сей... крѣпкій указъ вѣдомъ былъ всякимъ людемъ". При этомъ ослушники должны были въ первый и во второй разъ подвергаться битію батогами, а ослушавшіеся въ третій и четвертый разъ „ссылаются въ украинныя торбои" ³⁾.

Ссылка примѣнялась, повидимому, въ случаяхъ весьма отдаленной связи съ какою-либо вѣдовскою дѣлою. Такъ въ 1664 г. Филипъ Басовъ былъ сосланъ въ Симбирскъ на вѣчное житье за то лишь, что онъ былъ зятемъ оговореннаго Умая Шамордина, впоследствии даже совершенно оправданнаго. ⁴⁾ Спустя два года въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь былъ сосланъ посадскій человекъ Аниска Громникоу за обучение „заговорнымъ словамъ" съ цѣлью „отомстить недругу". ⁵⁾ Изъ челобитной, поданной въ 1677 г. сосланнаго бояриномъ Матѣевымъ, узнаемъ, что онъ обвинялся между прочимъ въ чтеніи черной книги и что въ это время къ нему „будто пришло въ палату нечис-

тыхъ духовъ множество... и говорили тѣ нечистые духи въ слухъ"... По указу 9 сентября 1684 г. великихъ кн. Іоанна и Петра Алексѣевичей было приказано стрѣльцу Васку Баранинкова и отставному стрѣльцу Леску Барана съ женкою Таниною за воровство и волшебство сослать въ ссылку въ украинныя города на вѣчное житье". ¹⁾ Къ сожалѣнію, не имѣется свѣдѣній, въ чемъ обнаружилось ихъ это „воровство и волшебство".

Но эпидемія колдовства охватывала всю страну и ссылка въ разныя мѣстности не искореняла зла, лишь переносила его въ другое мѣсто.

Но общіе дошедшихъ до насъ свѣдѣній и въ виду господствовавшей въ то время крайней степени боязни всякихъ вѣдовскихъ дѣлъ можно думать, что болѣе обычнымъ наказаніемъ за колдовство была не ссылка, а сожженіе.

Это жестокое наказаніе такъ же, какъ и ссылка, уходитъ въ глубь нашей исторіи. Выше (стр. 17) приводились, напримѣръ, случаи народной расправы съ колдунами въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ 1591 г. въ Астрахани, по указу государю, были сожжены колдуны обвиненные въ порчѣ крымскаго царевича Мураты Гирея ²⁾. Отъ 1647 г. до насъ дошли интересныя указы Алексея Михайловича на имя вѣдого воеводы Григорія Хитрова, гдѣ читаемъ „и тыбѣженскѣ Агафани и музанику Теренискѣ, да въ оныя духовнаго, велѣтъ ихъ причастіи святыхъ Божіихъ тайнъ, будеть достоинъ, и причастія святыхъ Божіихъ тайнъ велѣтъ ихъ вывести на площадь и, сказавъ имъ ихъ вину и богомерзкое дѣло, велѣтъ ихъ на площади въ спирѣбѣ, облодокни сожжати, сжечь" ³⁾.

Въ чемъ же заключалась „вина и богомерзкое дѣло" этихъ несчастныхъ, обреченныхъ на публичное сожженіе? Изъ указа видно, что женку Агафю и музанику Теренику Пилева повелѣвалось „у пытки распросить и пытать накрѣпко и огнемъ жечь, кого именемъ и какихъ людей они порчали и во смерти умирали, и кому именемъ и какими людьми кажи и невестницаи дѣлали, и кто съ ними тѣхъ музаникамъ и женкамъ такое *дурно дѣлали*, и кто и у кого именемъ Терешка Пилевъ *такому зловоленію* и всякому другому *учаеся*" ⁴⁾. Слѣдовательно, какого-либо

¹⁾ Акты экон. г. IV № 18, стр. 31.

²⁾ Ефимовъ, Колдовство въ XVII и XVIII стр. (Древн. и Нов. Россія 1878 г. № 3) стр. 64.

³⁾ Наши матер. т. III ч. стр. 76—77.

⁴⁾ Наши матер. т. III ч. I, стр. 92—94.

⁵⁾ Афанасьевъ, Мискологическія свѣдѣнія о славянъ III, стр. 127.

¹⁾ Наши матер. стр. 111 и 91.

²⁾ Афанасьевъ, Мискологическія свѣдѣнія III, стр. 62.

³⁾ Наши матер. III, ч. I, стр. 73.

⁴⁾ Ibidem стр. 63—64.

определенного обвинения, связанного с определенными лицами, имя не представлялось.

Послѣ пытки женка Агафьяна показала: кѣ мужикамъ килы присаживала и невестанихи дѣлала, да язь де Агафьяна съ сестрою своею съ Овдотьицею испортила и уморила до смерти приказнаго дьячка боярина князя Никиты Ивановича Одоевского Оедьку Севергина, да она жъ де Агафьяна уморила крестьянина Степанку Шахова, да испортила земскаго дьячка Шинку, да она жъ де присаживала килу сестры своей кѣ Овдотьиному деверю кѣ Степанку. А всему де тому дурну учила ее Агафьяну сестра ея Овдотьяна да сестры ея Овдотьины свекоръ „Терешка Излевъ“. Последняго, вѣроятно, какъ „учителя“, пытали „жакрѣшко“ и огнемъ жгли „ненадно“, въ результатѣ чего онъ сказалъ: „я училъ тому дурну только одну женку Агафьяну, а иныхъ людей женщинъ и мужчинъ такому дурну никого не училъ, и самъ никого не порчивалъ, и килъ не присаживалъ, и невестанихъ не дѣлалъ, и до смерти никого не уморилъ... А учился де я Терешка тому дурну на Волгѣ, на судахъ слыхалъ у судовыхъ армянскихъ людей“.

Подъ пыткой обнаружился и кильный стихъ и другіе приемы вѣдоства. Кильный стихъ состоятъ изъ словъ: *„на морѣ ойдати, на островѣ, Бурѣ стоитъ сырѣ дубъ крыжовникъ, на дубѣ сидитъ чернѣ воронъ, во рину держитъ пидарь, а сдается съ дуба на морѣ, а самъ оборотитъ: там пидарь, въ воду наливайся, а ты кила у него разламается“*. А ключъ отъ тому стиху, какъ на титилъ воду пидать, а сама дуется, такъ бы того кила дурася по всякъ день и по всякъ часъ онъ съ приговоромъ¹⁾. Что же касается невестанихи, то Агашка дѣлала ее Оелкѣ дважды „нитью мертвого человека съ приговоромъ“ за то, что онъ „мимо ея ходилъ кѣ Сафрошкиной женѣ Тимофеева“. Отъ невестанихи ему пособляла Овдоншка: „дѣла де сквозь пробоя воду съ приговоромъ и ему давала пить“. Чтобы привязать кѣ себѣ Оедьку, Агашка дважды же давала ему въ кислыхъ щахъ его собственное „естество“. Когда же онъ „Оедоръ женился мимо ея Агашки и отъ нея Агашки отсталъ“, то она его „портила на смерть“, для чего „ея сестра Овдоншка ходила ночью на погостъ, имала съ могилы землю, и ту землю съ приговоромъ давала пить. А приговоръ:

„какъ мертвый не встаетъ, такъ бы онъ, Оедоръ, не всталъ: какъ у того мертвого тѣло пропало, такъ бы онъ, Оедоръ, пропалъ вовсе“. Кроме того ему давались наговорныя коренья. Тѣми же средствами были испорченъ дьячекъ Шинка Въ теченіе сутокъ Агашка извела, вѣроятно, дурманомъ-репейникомъ выборнаго крестьянина Степанку Шахова за то, что онъ „не велѣлъ ей съ Оедоромъ Севергинимъ жить и на боярскій дворъ ходить“¹⁾.

Женка Овдотьяна еще до начала разслѣдованія сбѣжала неизвестно куда и на костеръ пришлось взойти ея свекру Терешкѣ и сестрѣ Агашкѣ.

Очевидно, указъ о сожженіи колдуновъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ украинные города, не произвелъ должнаго дѣйствія, такъ какъ вскорѣ за указомъ 1647 года последовали другіе въ этомъ же родѣ.

До насъ дошли грозные указы отъ начала 1653 г. на имя воеводъ въ Карповѣ, Мосальскѣ, Михайловѣ, Тулѣ, на Осколѣ и т. д.²⁾ Первымъ изъ названныхъ указовъ повелѣвалось оповѣстить населеніе, „что въ польскихъ и украинныхъ и въ уѣздахъ многіе незнающіе люди, забывая страхъ Божій и не памятуя смертнаго часу, и не чая себѣ за то вѣчныя муки, держатъ отреченныя еретическія и гадательныя книги, и шесмы, и заговоры, и коренья, и отравы, и ходятъ кѣ колдунамъ и ворожеямъ, и на гадательныхъ книгахъ костями ворожатъ, и тѣми кореньями, и отравы, и еретическими наговоры многіхъ людей на смерть портятъ, и отъ того ихъ порчи многіе люди мучатся разными болѣзнями и помираютъ“. Въ виду этого повелѣвалось, чтобы впредь никакихъ богомерзкихъ дѣлъ не держались и тѣ бы отреченныя и еретическія книги, и шесмы, и заговоры, и гадательныя книжки, и коренья, и отравы пожгли, и кѣ вѣдунамъ и кѣ ворожеямъ не ходили и никакого вѣдоства не держались, и костями и инымъ ничѣмъ не ворожили, и людей не портили“. Относительно тѣхъ же, которые „отъ такихъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ не отстанутъ... такія злыя люди и отравы Божіи и злыя въ стружку сжечь безо всякаго пощады и пощады ихъ велико разорити во основаніи, чтобы впредь такіе злые люди и враги Божіи и злыя ихъ дѣла никому нигдѣ не воспоминались“³⁾.

¹⁾ Ibidem стр. 67.

²⁾ Ibidem стр. 76—77; прилож. № 16.

³⁾ Ibidem стр. 79.

¹⁾ Ibidem стр. 66.

Указы 1653 г. не остались на бумагах. Въ 1666 г. передается, например, известіе, что гетманъ войска запорожскаго Иванъ Мартиновичъ Брюховецкій *„велѣлъ ежечъ нѣтъ бабы вѣдьма да шестую подлѣжнаго полковника жену: а ежечъ де нѣтъ велѣтъ за то, что мнѣ по нѣтъ то, что отъ ея гетмана и жену ея испортили и чаломную болять на нѣтъ напустили“*.¹⁾ Кромѣ того въ Гадячѣ ходили слухи, что „тѣхъ бабы выкрали у гетмановой жены дѣти изъ брюха, а иная де баба вѣдьма и ухо жѣ. А какъ де тѣ бабы сидѣли за карауломъ въ меньшому городѣ въ погребу, и отъ нихъ де изъ погреба бѣгивали мыши и кошки; и по городу бѣгаютъ много время, а бѣжавъ де незнамо гдѣ подбываютъ“. Въ 1671 г. осажденнымъ городомъ Темниковымъ князю Долгорукову были выданы 2 пола и старшца, которая „войско собѣ собирала и съ воронами вѣстѣ королева“. Повсюду распоряжались поповъ повѣстѣ, а старшцу ежечъ въ срубѣ.²⁾ Тогда же были сожжены бунтовщики Корзушка Семеновъ за то, что у него найдена была тетрадка съ заговорами.³⁾ Въ 1674 г. въ г. Тотмѣ была сожжена въ срубѣ жена Осодоя, оговоренная въ порчѣ.⁴⁾ Въ 1676 г. въ Соколинскомъ были сожжены мужъ и жена, по указу, повѣстывавшему „сокольскому пуншарю Паиѣ Ломоносову и женѣ его Аноекѣ дать имъ отца духовнаго и сказать имъ ихъ вину въ торговни день при многихъ людяхъ, и *остать казнить смертною, ежечъ въ срубѣ съ кореньемъ и съ травой*, чтобъ инымъ не повадно было такъ ворожить и людей кореньемъ до смерти отправлять“.⁵⁾ Въ 1682 г. погибла на огнѣ жена водопробныхъ дѣлъ мастера Ивана Яковлева, по прозванію Мароушка, обвинявшаяся въ порчѣ Царя Осодора Алексѣевича. Во время стрѣлчаннаго бунта въ томъ же году немалую роль сыграло колдовствіе, пущенное въ ходъ съ цѣлью усиленія народнаго волненія. Въ 1698 г. возникло дѣло о порчѣ жены стольника Петра Артемьевича Волынскаго дворовой дѣвкой Душкой Якушкиной. Годъ спустя имѣло мѣсто интересное дѣло Еятушки, который „для лечбы хаживалъ ко многимъ къ духовнику царско-

¹⁾ Памят. матер., т. III, ч. I, стр. 94.

²⁾ Афанасьевъ III, стр. cit. стр. 627.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, Сиб. 1894 г. т. XIII, стр. 754.

⁵⁾ Памят. матер., т. III, ч. I, стр. 108.

му... къ князю Михаилу Юрьевичу Одоевскому, да за тверскія ворота къ Плещееву... къ старшцѣ Паифилинѣ“.

Процессы о колдовствѣ не останавливались на порогѣ XVIII в., но съѣло переѣхали этотъ рубежъ и двинулись еще дальше. Такъ къ 1708 г. относится, например, дѣло о колдуѣ рыбацкѣ Максимѣ Афанасьевѣ. Въ 1742 г. въ приказѣ съскныхъ дѣлъ возникло дѣло о приворотномъ корешкѣ крѣпостнаго Васки Рѣзанова. Въ 1752 г. Принца Иванова, дворовой жена сенатскаго секретаря Степана Алексѣева обвинялась въ колдовствѣ лягушкой. Тогда же производились розыски по поводу колдовства при посредствѣ корешка, напечатаннаго въ свѣдѣніи императрицы Елизаветы Петровны. Два года спустя была обнаружена волшебная соль въ домѣ царевны Грузинской, проливавшейся въ Москвѣ.¹⁾

Заслуживаетъ вниманія, что сожженіе колдуновъ, какъ особый уголовный мѣра, вѣстѣ съ процессами перешло изъ XVII ст. въ законодательство восемнадцатаго вѣка. Еще при Осодорѣ Алексѣевичѣ состоялось подобнаго частное законоуказаніе о чародѣйствѣ. Такъ въ пятomъ параграфѣ грамоты объ учрежденіи Славяно-Греко-Латинской Академіи, относящейся къ 1682—1685 г.г., сказано: „Сему отъ насъ государя устроенному училищу быти общему и... въ немъ всякіи отъ церкви блжженныя науки да будутъ. А отъ церкви возбраняемыхъ наукъ, пашаще же *мнѣ естественной*, и инымъ такимъ не учить и учителей таковыхъ не имѣти. Аще же таковыя учителя гдѣ обрѣются и *она со дѣтскими же чертами безъ всякаго мажорѣя на сожжуютъ“*.²⁾ Въ § 14-мъ читаемъ: „И о селѣ имъ блжстительно со учителями тѣмъ и крѣпѣ, еже бы всякаго чина духовнымъ и мірскимъ людямъ, *болшебывалъ и чародѣйныхъ и волшебныхъ* и всякихъ отъ церкви возбраняемыхъ богохульныхъ и богоуниженныхъ книгъ и писаній у себя никому весьма не держати, и не онымъ не дѣйствовать и инымъ тому не учить. А у нихъ же таковыя книги или писанія *мнѣ* суть, и онымъ таковыя книги и писанія сожжати, и никакихъ бы *волгованій и чародѣйствъ и волшебій* впредь не держати... Аще же кто сему нашему царскому повелѣнію явится противень и

¹⁾ Ефимовъ. Колдовство въ XVII и XVIII в. стр. 65—70; 150 и слѣд. Его-же. Приворотны корешки. Пет. Вѣстн. 1886 г. Трудоросъ. Волхвы и вороженіа на Руси въ концѣ XVII в. Пет. Вѣстн. 1889 г. № 6, стр. 701—715.

²⁾ Пашковъ. Древняя русская Библиотека М. 1788 г. ч. VI, стр. 408.

отъ нѣтъ начнетъ кто отъ духовныхъ и мірскихъ всякаго чина людей, *волшебныя и чародѣйныя и падательныя* и всякія отъ церкви возбраняемыя и богохульныя и богоненавистныя книги и писанія у себѣ конѣ ни буде образомъ держати и по онымъ дѣйствовать, и иныхъ тому учить, или и безъ писанія таковая богоненавистная дѣла творити, или таковыми злыми дѣлами хвалиться, яко мощенъ онъ таковая творити, и таковой человекъ за достовѣрнымъ свидѣтельствомъ *безъ всякаго милосердія онъ сожжется*“¹⁾.

Съ такимъ же безпощаднымъ отношеніемъ къ колдунамъ встречаемся въ и послѣдующее время. Уже въ Воинскихъ Артикулахъ, изданныхъ въ 1716 г. при Петрѣ Великомъ, воспрещаются разные виды колдовства подѣ угрозой тяжкихъ наказаній, а именно: „И ежели кто изъ воинскихъ людей найдется идолопоклонникъ, чернокулижникъ, ружья заговоритель, суевѣрный и богохулительный чародѣй: оный по состоянію дѣла въ жестокомъ заключеніи, въ желѣзахъ, гонянемъ шипирутень наказанъ или весьма *сожженъ* имѣть быти. *Толкованіе.* Наказаніе *сожженія* есть обыкновенная казнь чернокулижца, ежели оный своимъ чародѣйствомъ вредъ кому учинилъ, или дѣйствительно съ дьяволомъ обязательство имѣть. А ежели жъ онъ чародѣйствомъ своимъ никому никакого вреда не учинилъ, обязательства съ сатаною никакого не имѣлъ, то надлежитъ, по изобрѣтенію дѣла, того наказать другими вышеупомянутыми наказаніями, и при томъ публичнымъ церковнымъ покаяніемъ.“

Въ артикулѣ 2-мъ находимъ еще такое постановленіе: „Кто чародѣя подкупитъ, или къ тому склонитъ, чтобы онъ *кому другому вредъ* учинилъ, оный равно такъ, какъ чародѣй самъ наказанъ будетъ“²⁾.

Въ постановленіяхъ артикуловъ бросается въ глаза, съ одной стороны, рѣзкое признаніе колдовства „обязательствомъ съ сатаною“, а съ другой, попытка карать наравнѣ съ чародѣями и лицъ, обращающихся къ нимъ за помощью. Фактически такіа лица подвергались тѣмъ же жестокимъ наказаніямъ и раньше (см. ниже о процессѣ). Первый шагъ къ общему узаконенію этого порядка былъ сдѣланъ, какъ мы видѣли, въ 1682—5 г. при изданіи

устава московской-Славяно-Греко-Латинской Академіи, въ силу котораго сожженію должны были подвергаться учителя „магии естественной“ наравнѣ съ учениками и чародѣйными книгами. Узаконеніе Артикула имѣетъ уже общее значеніе, хотя и должно примѣняться къ случаю, если подкупленный чародѣй *кому другому вредъ учинилъ*“³⁾. Но по закону Анны Іоанновны отъ 25 мая 1731 г. сожженію приданъ характеръ *общей мзры* наказания какъ колдуновъ, такъ и обращающихся къ нимъ за помощью, и въ отношеніи послѣднихъ безразлично къ тому, обращаются ли они съ цѣлью погубить кому-либо другому или же въ ожиданіи „миной себѣ душевредной по нѣмъ“. Такъ въ законѣ говорится: „А ежели впрямь кто, гдѣ-то боясь не боясь сего Ея Императорскаго Величества ума не страшась, станутъ волшебниковъ къ себѣ призывать, или къ нимъ въ дома для какихъ волшебныхъ способностей приходить, или на путяхъ о волшебствахъ разговоры съ ними имѣть, и ученію ихъ послѣдовать, или какіе волшебства чинить, и за то оные обманщики казнены *бурной смертію, сожженіемъ*: а тѣмъ, которые для мнимой *себѣ душевредной помощи*, станутъ ихъ требовать, учинено будетъ жестокое наказаніе, биты кнутомъ, а нѣмъ, по важности винъ, и смертію казнены будутъ“⁴⁾.

Девятнадцатому столѣтію чуждо судебное преслѣдованіе колдуновъ и волхвователей, но въ вѣдрахъ народныхъ время отъ времени и теперь совершаются надъ ними кровавыя расправы⁵⁾. Эти послѣднія представляютъ прискорбную дань невѣжеству, которое упорно оберегаетъ старинное изувѣрство.

Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что преслѣдованіе вѣдуновъ въ Россіи нельзя считать какимъ либо исключительнымъ явленіемъ, совершенно или почти вовсе неизвѣстнымъ Западной Европѣ. Въ началѣ XIII в. тамъ повсемѣстно начались энергичное разысканіе и преслѣдованіе колдуновъ и чародѣевъ и, какъ замѣчаетъ Антоновичъ, почти до исхода XVIII столѣтія законоположенія, опредѣляющія за колдовство смертную казнь чрезъ сожженіе были въ полной силѣ во всей Западной Европѣ⁶⁾. Въ Севильѣ

¹⁾ Полное собр. законовъ т. VIII, № 5761, стр. 466.

²⁾ Антоновичъ. Среди вѣкъ процессовъ, стр. 161—218; Воспаротное купаніе издана въ Москвѣ нѣколько мѣсто еще въ 1833 г. См. Киевская Стар. 1885 г. № 11, стр. 567—70.

³⁾ Антоновичъ. Колдовство, СПб. 1877 г. стр. 5 и слѣд.

⁴⁾ Ibidem стр. 415—416.

⁵⁾ Полное собр. законовъ т. V № 3006, т. I, ар. 1 и 2, стр. 321.

еще в 1781 г. была сожжена чародейка. Тоже имело место в Глирукѣ. В 1793 г. в окрестностях Познаня подверглась сожжению женщина, заподозренная в колдовствѣ. Вблизи Кракова около того же времени, по приговору помѣщичьяго суда, погибли въ огнѣ 14 женщинъ. Последний процессъ против колдуньи въ Испаніи былъ возбужденъ в 1801 году.

И неудивительно. Камифренеръ, историкъ нѣмецкой культуры, передаетъ, что в XVIII ст. обширныя народныя массы были еще проникнуты смѣшанной со страхомъ пѣтной вѣрой въ боговъ... Вся необъятная природа была оживлена демоническими образами. Они втягивали въ свой волшебный кругъ всю жизнь человека¹⁾. При такомъ состояніи умовъ потребовалось в 1721 г. издать указъ о прекращеніи вѣдовскихъ процессовъ. Но фактическая борьба съ суевѣріемъ была затруднительна, такъ какъ оно раздѣлялось высшими представителями народа—духовенствомъ и учеными. Известно, что самъ Лютеръ вѣрилъ въ дьявола. Въ его, напримѣръ, „Большомъ Катехизисѣ“ о Христѣ говорится 63 раза, а сатана упоминается 67 разъ. Лютеръ считалъ чорта всемогущимъ. „Если, писалъ онъ, есть столько глухихъ, хромыхъ слѣпыхъ, то все это по злобѣ чорта. И точно также не слѣдуетъ сомнѣваться, что чума, лихорадка и всякія другія повѣтрія и извы все идутъ отъ него, какъ онъ же поднимаетъ бури, выпускаетъ пожары и вызываетъ дороговизну, уничтожаетъ хлѣбъ и плоды въ полѣ. По моему, все слабобыиye и сумасшедшіе повреждены въ своемъ разсудкѣ чортомъ. Если же врачи приписываютъ иногда такого рода болѣзни естественнымъ причинамъ, то проходятъ это оттого, что они не понимаютъ, до чего чортъ силенъ и могучъ... Все мы всемогущимъ тѣломъ и имуществомъ подлежимъ власти чорта“²⁾. Въ протестантскомъ сборникѣ 1569 г. „Theatrum Diabolorum“ обсуждался вопросъ о томъ, гдѣ живутъ и волшебствуютъ бѣсы. Тамъ же наставительно рассказывалось, что дьяволы сожительствуютъ съ мужчинами и женщинами, что они принимаютъ видъ свиньи, кошки, собаки и другіе виды. Характерно, что въ введеніи къ этому сборнику имѣлось указаніе, что книга „полезна не только простымъ христіанамъ, но и ученымъ людямъ, какъ пасторы, капелланы и другіе насто-

ители церквей, а также, можно прибавить, и для ученыхъ юристовъ и медиковъ“.

Теорію оборотней поддерживалъ в 1653 г. профессоръ физики Іоганнъ Шнерлингъ. Хуже того, знаменитый клиницистъ XVIII вѣка Фридрихъ Гофманъ написалъ сочиненіе: „О власти дьявола надъ тѣломъ, доказанной на основаніи физическихъ явленій“. Естественно поэтому, что московскій придворный докторъ Андрей Ангелгардъ въ запискѣ объ широкѣ, посланной в 1657 г., писалъ „и все философы едиными устами говорить, что тотъ широкъ противенъ есть великой отравѣ, и порчи, и моровому повѣтрію, и оспѣ, и коростѣ, и всякимъ злымъ болѣзнемъ... А какъ тотъ роетъ на вору посяти, сказываютъ, что отъ великой отравы хранишь и помысленіе блудное какъ въ мысли имѣть учить, и тѣмъ поганастъ. А какъ человекъ пробудеть въ женоу, имѣючи его на себѣ, и поведеть на него горячей волю, то изъ него вся сила его пропадетъ“¹⁾.

Развитіе колдовства и характеръ борьбы съ нимъ на отечественной почвѣ неодинаково оцѣниваются русскими учеными. По мнѣнію Антоновича, высказанному еще около 30 лѣтъ тому назадъ, у насъ вслѣдствіе отсутствія теорій демонологіи не было и того инквизиторскаго рвенія, съ которымъ преслѣдовались колдуны въ Европѣ. На основаніи матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ центрального нѣмецкаго архива, онъ пришелъ къ выводу, что въ европеецкѣ суды разсматривали жалобы на колдуновъ, какъ гражданскіе искъ о вредѣ²⁾. Профессоръ Владиміръ Будановъ утверждаетъ, что особенное вниманіе на колдовство было обращено въ XIII в. подъ вліяніемъ восторжествовавшаго христіанства въ московскую же эпоху, но его мнѣнію, практика указываетъ весьма мало случаевъ уголовнаго преслѣдованія волшебства сравнительно съ Западной Европой. Тамъ онъ пишетъ: „Восхожденію въ 4-мъ періодѣ (въ церковныхъ уставахъ и практикѣ), генеръ не такъ интересуютъ государство... Но мѣрѣ удаленія отъ премеи язычества ослаблется вниманіе въ преступленіямъ этого рода: въ московскую эпоху практика указываетъ весьма мало случаевъ уголовнаго преслѣдованія волшебства сравнительно съ

¹⁾ Камифренеръ. Очеркъ ист. исторіи нѣмецкой культуры М. 1898 г. стр. 72 и слѣд.

²⁾ Шнерлингъ Op. cit. стр. 174 и 176.

¹⁾ Матеріалы по исторіи мед. № 270.

²⁾ Антоновичъ. Колдовство, стр. 6 и слѣд.

современною ей практикою зап. Европы и нашею собственною XVIII ст., что может быть объяснено тѣмъ, что за ослабленіемъ языческихъ вѣрованій, мысль о волшебствѣ направляется на успѣхи научныхъ знаній и изобрѣтеній, которыхъ у насъ вовсе не было; что несомнѣнно, что въ этомъ имѣетъ нѣкоторую долю и практическое здравомысліе русскаго права: разсказъ Олеарія о медикѣ Кипринѣ, обвиненномъ въ волшебствѣ за нахожденіе у него скелета, якобы двигающагося подъ звуки музыки, но похищенномъ и высланномъ изъ Россіи, доказываетъ вышеприведенныя соображенія¹⁾. Изъоды г. Сперанскаго были сообщены выше (стр. 21). Профессоръ Лавкинъ находитъ, что статьи артикуловъ Петра Великаго (арт. 1 и 2 гл. I), касающіяся колдовства, заимствованы изъ военно-уголовныхъ сборниковъ Запада²⁾. Но вѣрный авторъ г. Лавкинъ считаетъ указанныя постановленія Петра Великаго оригинальными, вытекающими изъ русскихъ обычаевъ и практикъ судовъ, но онъ сопровождаетъ законъ 25 мая 1731 г. (см. выше стр. 33) слѣдующими замѣчаніями: „По законодательству Петра только сами колдуны подлежали казни, и то лишь въ томъ случаѣ, если доказано, что они причинили вредъ ближнему и позволили себѣ произнести хулу Всевышнему и вонти въ связь съ сатаной. Въ законѣ же 1731 г. эти отличяющія обстоятельства совершенно не указаны, поэтому каждый деревенскій знахарь, который лечитъ народъ кореньями и наговѣиваніемъ, могъ быть сожженъ на кострѣ. Мало того, тѣ лица, которыя къ нему обращались, подлежали жестокому наказанію или даже смертной казни. *Такой строгости не знала русская земля ни при Петрѣ, ни въ дореформенное время*“³⁾.

Каждое изъ приведенныхъ замечаній нашихъ ученыхъ въ иной или другой степени грѣшитъ противъ истиннаго положенія вопроса. Петровскіе артикулы выросли на почвѣ общихъ и сепаратныхъ великокняжескихъ указовъ, безъ всякаго заимствованія извнѣ. Эпидемія колдовства охватывала всѣ части государства и и вызывала жестокости не меньшія, чѣмъ на Западѣ. Въ этомъ

¹⁾ Владиміръ-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. СПб. и К. 1905 года стр. 332 и 352.

²⁾ Лавкинъ, Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи. СПб. 1899 стр. 402.

³⁾ Судебнѣ и уголовное право. Вѣст. права 1906 г. № 1, стр. 330.

(Бурсикъ нашъ Н. Н.).

убѣждаетъ не только указаная и законодательная дѣятельность князей, но и характеръ процессовъ, о которыхъ будемъ говорить ниже. Значенія *гражданскихъ* исковъ жалобы о колдовствѣ никогда не имѣли, по крайней мѣрѣ, въ Московской Руси. Наконецъ, изъ разсмотрѣнія процессовъ слѣдуетъ, что жестокая расправа постигала не только самихъ колдуновъ, но и лицъ, пользовавшихся ихъ услугами. Эти наши положенія съ очевидностію вытекаютъ изъ процессуальной казуистики, къ изученію которой мы и приступимъ.

Указаны кровавые процессы о колдовствѣ, но всего ужаснѣе то, что они начинались по пустякамъ, а перѣходили подъ вліяніемъ личной мести, своекорыстныхъ разсчетовъ и т. д. Такъ въ 1654 г. была посажена въ тюрьму вдова Матренка по доносу „слушавшаго человека“ Исачки. Этотъ послѣдній проживалъ въ Москвѣ, „могилы копать и мертвыхъ носить“. Какъ-то онъ познакомился на Кушечномъ дворѣ съ такимъ же малодушнымъ къ вину, какъ и онъ, съ Василіемъ Челюковымъ, который пригласилъ своего новаго пріятеля къ себѣ на квартиру. Живя у Василія, онъ непрерывно съ нимъ пьянствовалъ. Результаты злоупотребленія виномъ не замедлили сказаться. Какъ-то легъ спать Исачко въ подклѣти и „почело де въ подклѣти быть свѣтло и послѣ того темно, что мгла, и съ избы драпины почало драть, и онъ де Исачко... изъ подъ клѣти вышелъ въ конюшню, и около де конюшни почало быть шумъ, и показался де ему тѣсь великій и дубравы большія и люди многіе земли толкутъ и сѣютъ, а кажется де, что на Дѣвичьемъ полѣ... и онъ де Исачко изъ конюшни пришелъ... въ подклѣти и легъ на лавкѣ, и почело ему видѣться, что та жена Матренка показала себѣ правую руку и на персты дунула, и и въ подклѣти почали быть луны и свѣтлость, и видѣлось де ему, что сидятъ многіе косматые и сѣютъ муку и землю, и показалось де ему тѣсь и дубравы великія, и отъ того де его Исачка обнялъ страхъ и ужасъ великій“. Когда же Исачко утромъ сказалъ Матренкѣ, что она его „въ такой страхъ и ужасъ ввела“, то она ему отвѣтила: „есть де за нею притчи, учить де она то дѣлать, чего человѣку и въ умъ не вмѣстится“¹⁾. Какъ ни очевидно былъ бредъ пьянаго человѣка, тѣмъ не менѣе начался смѣхъ, потому что галлюцинантъ, допившійся „до косматаго“, намель,

¹⁾ Наши мат. г. III, ч. I, стр. 84—85.

что „ему учинилось такое привидѣніе отъ тое вдовы Матренки и отъ ея плутовства“.

Бывало и такъ, что, трезво понимая невыгоды конкуренціи, одинъ кабатчикъ обвинялъ другого въ колдовствѣ. Напримѣръ, въ 1636 г. кабакій откупщикъ Сенька Ивановъ заявилъ на кабацкаго откупщика Петрушку Митрофанова: „привезъ де тотъ Петрушка, съ поля коренье, невѣдомо какое, а сказалъ де тотъ, Петрушка, отъ того де коренья будетъ у меня много пьяныхъ людей“. Немедленно коренье было принесено въ съезжую избу, а „кабакій откупщикъ Петрушка Митрофановъ посаженъ въ тюрьму“¹⁾.

Въ 1622 г., желая свести счеты съ тещей, а быть можетъ покончить съ женой, крестьянинъ Лунка Улаковъ сталъ заявлять, что въ смерти незадолго передъ тѣмъ свѣтавилагося его брата виновата жена, испортившая покровника кореньемъ, который она получила отъ своей матери. Оговоренная жена побоями своего мужа была вынуждена подтвердить оговоръ, но вѣстѣйствѣн, послѣ неоднократныхъ пытокъ она показала, согласно съ показаніями другихъ лицъ, что оговорила себя и поклоняла другихъ „по наученію мужа своего, не истеря отъ него побой“²⁾.

Въ 1647 г. сынъ боярскій Кирила Барановъ обвинялъ въ вѣдѣдовствѣ крестьянина Тимошку Афанасьева и сына его Ларьку. Все это дѣло возникло при такихъ обстоятельствахъ, которыя ярко обрисовываютъ угнетающее безправіе крестьянской массы и широкую возможность личной мести при посредствѣ вѣдѣвскаго процесса. Въ самохъ дѣлѣ Барановъ въ своей челобитной заявилъ: „онъ Тимошка тое свою дочь, а мою крестьянку, подговоря свель невѣдомо куда и съ животами, и съ платьемъ и съ деньгами. И я х. т. учаль ему Тимошею говорить: „за что мою крестьянку свель, безостудно“. И онъ Тимошей съ сыномъ своимъ учали меня бранить всякою неподобною лзєю и похвалялись бить ослонемъ и всякими своимъ злыми дѣлами испортить до смерти“. Можно допустить, что отецъ съ сыномъ и лаялись и похвалялись, если повѣрить также ихъ словамъ, что въ день исчезновенія крестьянки „Кирила Барановъ съ дѣтьми своими ее въ три плети билъ и билъ, взялъ съ собою на пустошь Контеву рѣку

жаль, и тамъ де она пропала, съ пустоши не былаа домой“. Документъ молчать, сбѣжала-ли крестьянка съ пустоши „не истеря побой“, или же она „пропала“ не безъ помощи помѣщика Баранова.

Во всякомъ случаѣ, похвалба и угрозы крестьянина помѣщику, потерявшаго ущербъ отъ „пропажи“ рабочей силы, не оставилъ безъ вниманія. Къ тому же обстоятельства доставили прекрасный формальный поводъ. Помѣщикъ Тимошки, прибывъ изъ города, его „билъ и ружьишку пограбилъ“ какъ показали одни очевидцы, или по свидѣтельству другихъ, лезить на печь, оброкъ да на печь же Тимошкѣ до срока почать и другого оброку править“. Тогда Тимошка обратился къ своимъ „дворучикамъ въ житѣ, чтобы ему, Тимошкѣ, изъ за помѣщика не побѣзать“ съ просьбой побить за него челомъ передъ помѣщикомъ, чтобы отъ него налоги и обиды большія не было“. Но помѣщикъ отвѣтилъ на: „крестьянинъ де мой, воруетъ, не слушается, посылалъ де я его для своего дѣла на печь, и онъ де бѣдитъ дѣлъ мои и былъ невѣдомо гдѣ, а говоритъ лезить за рубежъ“.

Все это происходило въ присутствіи Баранова, который и воспользовался для своего извѣста на Тимошку словами его помѣщика Меркулова. Крестьянинъ съ сыномъ немедленно были посажены въ тюрьму и начата „большой показный обыскъ“. Обвиняемые совершенно отрицали приписываемы имъ дѣянія. Свидѣтели же ничего опредѣленнаго не утвѣждали. Некоторые показывали, что Ларька признавался въ порчѣ сына Никони и говорилъ: „Я де испортить, я де и отхожу“. Тимошкѣ ставилось въ вину, что онъ „бросилъ щенку“ подъ ноги Минки, когда послѣдній возвращался изъ подъ вѣнца. Иванка Риченковъ прямо показалъ: „похвалялся де на меня Ларька... порчею... и съ его похвалбъ учинилась надомною порча“. Вообще, по свидѣтельству Степана Косенкова, ему признавался Ларька, „жалъ намъ только, что которая свадьба прошла здорова“³⁾. Словомъ, стоило начать обвиненіе, а въ обвинителяхъ никогда недостатка не было.

Въ 1668 г. оставион стрѣлецъ Володька Кузнецовъ ходатайствовать объ освобожденіи изъ тюрьмы его жены, которая безъ „государева указу и безъ розыска пытана, и въ застѣлку на треть, и мучомъ смертно изувѣчена, выломанными съ плечь руки не

¹⁾ Ibidem стр. 33.

²⁾ Ibidem стр. 4, 8, 6, 7.

³⁾ Ibidem стр. 42, 46, 53, 52.

владѣть, по сѣ пору лежить на смертной постели“¹⁾. И всѣ эти муки женщина вынесла потому только, что мужу ея Василию Чуркинѣ еще до этого чинили „обида и гонительства“ а потомъ научили свою жену показывать „и выходила жена его (Болодыки) къ той его Васильевой женѣ къ двору и научала ее чародѣйству, выеѣчь середку изъ козюльки и его Василья испортить“²⁾.

Случалось, что гости, быть можетъ не въ мѣру воспользовавшіеся гостепріимствомъ хозяевъ, заболѣвали, и считали въ порядкѣ вещей „кленать“ хозяевъ въ портѣ. Такъ въ 1653 г. поитъ Василий былъ челоѣмъ, что „были де дѣти его Васильевы Филика да Ивашка на монастырѣ... и игуменовъ де сынъ Аничка да успенскій дячекъ Ивашко поднесли дѣтямъ его браги, а въ брагѣ де сѣѣшано не вѣдомо какое отравное зелье, и они испивши той травы, стали выѣ ума“³⁾. Въ тотъ же день мценскій стрѣлецъ Ивашко Казѣевъ заявилъ въ сѣѣзкей избѣ: „пришелъ де братъ его Оедька домой и подѣлялось ему невѣдомо что, дереть де на стѣну и рубаху на себѣ дереть. А слышалъ де онъ, что поили его въ монастырѣ... невѣдомо какимъ зельемъ“⁴⁾. Тогда же со сѣѣзкей избѣ былъ посланъ подъячій Ананій Ленендинъ осмотрѣть дѣтей попа Василия. Оказалось, что дѣти его „лежатъ безъ памяти и не говорятъ, и вскоча дерутся на стѣну“⁵⁾. Въ такомъ же состояніи оказался и Оедька Казѣевъ. При дальнѣйшемъ разсѣдованіи игуменовъ сынъ показалъ, что къ нему въ келью пришелъ успенскій дячекъ Иванъ, „а принесъ де невѣдомо какую траву и сыпалъ де у насъ въ брагу, и де тою брагою поилъ попа Васильевыхъ дѣтей Филиппа да Ивана и сестру свою дѣвку Феврошку, да мценскаго стрѣльца Оедора Козѣева“. Успенскій дячекъ Ивашка подтвердилъ ссылки на него и сказалъ, что онъ какъ то былъ у своего знакомаго Дементія, у котораго „растетъ на огородѣ трава незнаемая, и поилъ де онъ Дементій тою травою гостей своихъ, и де я не знаючи сорвалъ у него той травы и привезъ во Мценскъ, и давалъ де я... Аничкѣ, и сыпали де тое траву мы съ нимъ на брагу и поили де тою брагою etc“⁶⁾. Спрошенный относительно этой травы Дементій Русиновъ отрицалъ, что онъ поилъ ею своихъ гостей, но признался, что „въ прошломъ де во 161 году ѣдучи изъ Мценска онъ поднялъ на

дорогѣ траву невѣдомо какую и привезъ де ее домой и тое де траву ребята изволокли на огородъ и она де узрѣла“⁷⁾.

Болѣе естественнымъ кажется объясненіе оговариваемыхъ гостепріимныхъ хозяевъ, тѣмъ Дементію Русинову, который во избѣжаніе возможныхъ непріятностей, далъ показаніе, будто бы трава пошла къ нему на огородъ совершенно случайно и онъ ею не пользовался ни для какихъ цѣлей. Но если въ данномъ случаѣ было хоть нѣкоторое основаніе для подозрѣнія въ портѣ, то у насъ имѣется и другой случай расправы съ хозяиномъ за болѣзнь гостей.

Въ 1677 году Митыка Неченный жаловался, что онъ былъ въ гости у одиодеревенна, своего кума, Емельяна Обыденнаго, и съ тѣхъ поръ его жена „заболѣла распухла“. Этого кума спустя нѣкоторое время поругался съ однимъ драгуномъ и во время ссоры при свидѣтеляхъ сказалъ „пунхнеть де жена Митыкина, будешь де и ты отъ меня пунхнеть“. И подобной похвальбы оказалось достаточно, чтобы по челобитной велѣть „его, Емельяку, въ томъ пытать и огнемъ жечь“⁸⁾.

Похвальба и угрозы порчею вообще не проходили дарѣмъ и приводили навѣрняка къ пыткамъ, какъ бы ни были велѣпы и чудовищны угрозы. Напр. въ 1628 году задворные конюхи Петръ Хметевскій да Иванъ Чуркинъ подали извѣстную челобитную на вдову Авдотыну. Оказалось, что Конюху Петру былъ отведенъ дворъ Авдотыны и послѣдняя въ его отсутствіи приходила къ женѣ его и „говорилъ: ей немного де намъ на моемъ дворѣ жить до весны... и май въ 11 день жену де его Марью испортили, вопить кукушкою и зайцемъ клизаетъ, и онъ де Петръ отъ тое порчи приводилъ пособлять женѣ своей чухломна посадоваго челоѣка Первушку Узянова, и тотъ Первушка женѣ его отъ порчи пособлялъ, и откликалъ ее и пособилъ: не почала клизать. Лишь де она нынѣ скорбитъ сердечною скорбью и зубами у себя руки грызетъ, а тотъ де Первушка, который женѣ его пособлялъ, умеръ“⁹⁾. Иванъ Чуркинъ заявилъ, что онъ отпускалъ свою жену къ Петровой женѣ, когда та заболѣла, и „послѣ де того въ третій день послѣ Петровой жены и его Иванову жену ухватило порчею, кричала сутки, день да ночь, а

¹⁾ Ibidem стр. 92—93.

⁷⁾ Ibidem стр. 81—82.

⁸⁾ Ibidem стр. 110.

другія сутки была безъ вѣданья. И въ тѣхъ де поры приводилъ онъ... Первуюшку Ульянова, и онъ де наговаривалъ на соль и на воду и на молоко, и давалъ де его Ивановѣ женѣ пить и оканчиваться, и надъ нею шепталъ. И послѣ того и по ся мѣста надъ женою его того не бывало¹⁾. И разумѣется постѣдовать указъ „вдову Авдотьюцу... сыскать тотчасъ, а сыскавъ и про порчу разспросить накрѣпко, въ какой мѣрѣ она такіа слова говорила, что немного де на ея дворѣ Петровѣ женѣ жить... А будетъ по распросу доидеть до пытки, и ее про тое порчу пытать на крѣпко“²⁾.

Подобный же процессъ былъ начатъ въ 1640 году, когда Назарко Колтоповскіи подалъ челобитную на пона Афанасія, въ которой писалъ: „Понѣ Афанасіи похваляется на меня всякими порчи: испортилъ де я Якова Хрущева, а и тебѣ де тоже будетъ. А прже сего тотъ понѣ Афанасіи стрѣлешаго голову Ивана Кондакова портилъ и оттого голова Иванъ Кондаковъ дежалъ. Да тотъ же понѣ Афанасіи у жонки моеи съ головы сорвалъ шапку и простоволоу на улицѣ поставилъ, и тѣмъ жонку мою онъ позорилъ, меня звалъ всякою позорною ласю“. Прже томъ челобитникъ присовокуплялъ, что „тотъ понѣ Афанасіи живеть не по закону: понадея свою измучить и всякими разными путки пугать и тайныя уды у ней выжегъ. И отъ той муки понадея его многажды отъ него бѣгала: и на Елецъ бѣгала, и отъ его путки понадея его Афанасьева въ воду кинулась“³⁾. Въслѣдствіе этой челобитной вышелъ указъ посадить пона въ тюрьму и подвергнуть пыткамъ.

Любопытную категорію дѣлъ представляютъ дѣла о колдовскомъ лишеніи мущинъ половыхъ способностей. На процессъ этого рода несколько указывалось выше (стр. 28). Вотъ еще нѣсколько образцовъ изъ этой области. Въ 1648 году драгунъ Оедька Филипповъ подалъ жалобу на Дарьницу, жену церковнаго дячка: „испортила она дарья меня, учинила сконномъ; и по пирамъ и по бесѣдамъ она дарья вездѣ похваляется, что она такъ нарочно сдѣлала. И я стѣ тое порчи въ конецъ погибъ и женишки отсталъ“. Въ подтвержденіе своихъ словъ челобитникъ „сказалъ... на драгуновъ и всякихъ чиновъ людей похально на всѣ, на мала и на велика“.

¹⁾ Ibidem стр. 13—14.

²⁾ Ibidem стр. 36.

При опросѣ обнаружилось нѣсколько интересныхъ фактовъ, изъ которыхъ мнѣне околныи сплетало Дарьницъ репутацію вѣдуньи. Такъ, понѣ Данила показавъ, что когда у Дарьницы было покрадено платье, то она по слѣдамъ заподозрила своего односельчанина крестьянина Евифея, по адресу котораго похвалялась: „и сдѣлаю де его такого черна, какъ въ избѣ черенъ потолокъ, и сохнетъ такъ, какъ сирѣя соинулся. И послѣ де той Дарьницинной похвалки тотъ Евифея заболѣлъ, вскорѣ и три года ходя сохъ, и сохши умеръ“. Тотъ же понѣ Данила сообщилъ еще со словъ своихъ прихвощанъ, что когда Оедька Филипповъ „дрѣхалъ“ отъ вѣщанія, пошелъ съ невѣстою въ кѣль по лѣстницѣ, и та де Дарьница зашла лѣстницу, и тотъ де лѣтъ подкинула подъ Оедьку и подъ его невѣсту подъ лѣстницу, а подкиня стала на тотъ лѣтъ, подчѣмъ фотѣ спати“. Драгуны Харитонъ Кирѣевъ и Михайла Антоновъ показали, что во время возвращенія Оедьки изъ подъ вѣйна Дарьница обращалась къ отцу Оедьки со словами: „любопытуете де меня“, и послѣ того, тотъ Оедька сталъ испорченъ и сконномъ учиненъ“. Въ другомъ случаѣ Дарьница похвалялась на Лукьяна Оедотовъ: „сдѣлалъ де тебѣ Лукьяна такъ же, какъ и Оедьку Филиппова“. А по свидѣтельству другого очевидца она въ этомъ случаѣ сказала: „Оедька у меня корчится, а и Лукьяну Оедотову сыну корчится отъ меня такъже“. Одному крестьянину она пригрозила: „даю де тебѣ, Гаванъ“. Другому сказала: „Пришеть ко двору жену и дѣтей своихъ не узнаешь“. Похваляясь на братьевъ Фурсовыхъ она произнесла: „Оборочу де я ихъ вверхъ носомъ и будутъ де они у меня въ четырехъ углахъ. И подъ тое де почъ послѣ ея словъ братья ссели и полезавши немного померли“. Повидному и мужъ Дарьницы Некраска зналъ о ея колдовствѣ. Такъ, онъ „похвалялся на Оедькина тестя, на Свирида Свиридова, что де зять твой Оедька съ женою своею самъ спать не спитъ и тебѣ такъ же съ женою своею не спать“. По удостовѣренію одного крестьянина, Некраска говорилъ о своей женѣ, что „нѣтъ де такой знатницы, что жена его Некраскова Дарьница не знаетъ; и на собаку де плюнетъ, и собака де станеть молчать и не станеть лаять“. Объ искусствѣ Дарьницы знала также и ея дочь Авдотьяна, которая сказала на улицѣ: „какъ де matka моя отъ Оедькина челобитья пронадесть, и ему де Оедьку не воскреснуть“. Что касается порчи надъ Оедькой, то по свидѣтельству околныхъ людей въ колдовствѣ съ Дарьницею участ-

говорила пономариха Марья, которая вмѣстѣ съ Дарьицею по слѣдамъ новобрачныхъ „клазла огонь“, „лучемъ катала“ и „зажегши лучъ почали на тотъ лучъ спать“. Интересно еще показаніе Семена Борисова, сообщившаго, что онъ выннени брати „повалился на улицѣ, и Некрасова жена Дарьяна пришелъ и поднявши постанья накрыла ему Сенькѣ фостомъ глаза и съ тѣхъ де мѣсть у него глаза болятъ, и сталъ кивовать“¹⁾.

Для 1653 года мы имѣемъ еще подобный процессъ. Стольникъ Оедоръ Ладыженскій заявилъ, что онъ женилъ двухъ своихъ дворовыхъ людей „и тѣмъ людей его обоихъ на свадьбахъ перепортили, совокупленіе у нихъ съ женами отняли“. Въ нѣльномъ видѣ эту порчу призналъ дѣломъ своихъ рукъ нѣкій Сенька. Услышавъ про его такое воровство²⁾ стольникъ Ладыженскій „велѣлъ его посадить на цѣль и руки и ноги велѣлъ сковать въ желѣзо“. Тогда Сенька выразилъ желаніе излечить испорченныхъ, лишь бы дали ему для этой цѣли чесноку. Когда чеснокъ былъ доставленъ, то Сенька далъ испорченнымъ „по три зуба чесноку и велѣлъ имъ жевать. И тѣ Оедоровы люди оттого исцѣлились“. Что же произошло дальше? А дальше и была подана столяникомъ челобитная на Сеньку, потому что „его Сенькино воровство стало знатно, что онъ Оедоровыхъ дѣтей портилъ, да излечилъ“²⁾.

При томъ паническомъ страхѣ, который внушали къ себѣ всякія проявленія колдовства, было весьма опасно обнаружить какое-либо знаніе веществъ и пониманіе лечебнаго дѣла.

Уже выше приведенное дѣло убѣждаетъ въ этомъ; но имѣются и другіе факты. Такъ въ 1628 году „крестьянинъ Иванъ Левашевъ принесъ челобитную на крестьянина на Максимку Иванова“. А въ челобитной его написано: „давалъ де тотъ Максимко жентѣ его пить траву, и она де отъ той травы умерла“. Жена челобитчика, какъ показали архимандритъ Рафаило съ братьею, умерла „судомъ Божиимъ, а не отъ травы“. Спустя нѣкоторое время послѣ ея смерти коноваль Максимка зашелъ къ Левашеву „для конскаго жъ леченья“, а Иванъ Левашевъ задержалъ коновала и представилъ къ властямъ съ челобитной. Подъ пыткой Максимка поклепалъ пять человѣкъ, онъ показывать: „женѣ Ле-

вашева пить траву давалъ отъ порчи и она де отъ той травы умерла, а напередъ де сего давалъ онъ тое траву пить многимъ людямъ и самъ пилъ, и тѣ де люди и нынѣ все живы и здоровы, и указывалъ де ему тое траву проходной человекъ... а сына его Максимковы Родку портилъ крестьянинъ Осипъ Ребровъ и съ тѣмъ де проходнымъ человекомъ тотъ Осипъ ходитъ по деревнямъ, и травы всякія знаетъ и волшебствомъ промышляетъ людей портить и за оны на многихъ людей нечистый духъ насылаетъ, и оттого де люди помирають, да тотъ же де Осипъ на воду смотря призываетъ нечистыхъ духовъ, и ему де сказываютъ, что гдѣ дѣлается или что тѣмъ испорчено, а слышалъ де онъ отъ того Осипа, что онъ учился тому волшебству въ нижегородскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Досадиной у хорюшина у Ветаска“¹⁾. По этому дѣлу были сдѣланы энергичныя смѣлы, но трое обвиняемыхъ скрылись и только остальные подвергались пыткамъ, которыхъ „хорюшинъ Ветаско былъ замученъ до смерти“.

Въ 1637 году помѣщикъ Каровичскій доноситъ въ етѣкую избу человека своего Сидорка Савина на женку его Афросію, а сказать, что тотъ человекъ его Алексѣя и жену его и людей—женку Досадку да женку Татьянку въдовствомъ своимъ испортилъ“. Въ распросѣ Сидорка показывать, что передъ святою неделю у него пропасть рубль, и заподозрѣвъ къ кражѣ женку Досадку онъ нанустилъ на нее немочь, а кромѣ нея онъ никого не портилъ“. Жена Сидорки показала, что „де мужъ ея Сидоръ порчу женки Досадки и женки Татьянки отхаживалъ“²⁾.

Въ 1649 г. была подана крестьяниномъ Пвашкомъ Ивановымъ челобитная о томъ, что его брату Ильѣ учинена женою послѣдняго „скорая поругательная смерть“. Допрошенная вдова сказала, что она дѣйствительно мужу своему давала „коренья... въ квасу... и послѣ... и послѣ де того, какъ она давала мужу своему коренья, мужъ ея въ третій день умеръ“. Это питье она давала покойному „не для смерти, а для легости отъ болѣзни, потому лежалъ де мужъ ея нутреною болѣзнию“. Была и другая цѣль, а именно: „тое де коренье давала мужу своему отъ привороту, чтобъ мужъ ея жилъ съ нею въ любви“. Заслуживаютъ вниманія показанія челобитника о кончинѣ отравленного. Такъ онъ показывать: „у

¹⁾ Ibidem стр. 55—63.

²⁾ Ibidem стр. 77—78.

¹⁾ Ibidem стр. 19—20.

²⁾ Ibidem стр. 31—35.

брата моего отъ тое отравы главу противъ темени разорвало и очи выломало вонъ, и уста изорвало въ 10 мѣстахъ, и утробу разорвало, и на стегнахъ кожу во многихъ мѣстахъ изорвало, а муки ему было одинъ день отъ утра до вечера". Это неправдоподобное показаніе подтвердить и духовникъ умершаго, показавший; „и какъ де онъ... началъ отходить свѣта сего, и у него де противу темени голову разорвало, и очи выломало вонъ, и уста изорвало во многихъ мѣстахъ, и утробу разорвало, и на стегнахъ кожу во многихъ мѣстахъ отрывало листьемъ". Обвиняемая указала того мордовина, который снабдилъ ее корнемъ и советывалъ давать мужу. Жестокой пыткой обоимъ виновникамъ смерти Илья воевода старался добыть истину¹⁾.

Въ 1651 г. верхосенский пушкаръ Иванъ Егуповъ билъ челомъ, что стрѣлковая жена Илюшки Романова дала его брату Кленкѣ питья отъ лихорадки „и кой часъ де братъ его Кленка тѣ коренья выпилъ, и изволился вверхъ ногами и брата де его поелъ того не стало". Обвиняемая же показала, что она давала ему „траву сливетъ де та трава грызвая отдонникъ, и она де тое траву сама пила въ болѣсти да есть де у ней тѣ люди, кому она и прежь сего тое траву давала“²⁾.

На почвѣ домашнихъ отношений между дворовыми и господами нередко возникали дѣла о колдовствѣ. Такъ въ 1663 г. имѣлъ мѣсто вѣдовскій процессъ, связанный съ фактомъ домашней кражи и ворожбой о расположеніи, а именно: князю Михайлу Шейдилову „люди его дворовые сказали на дворовую жъ его женку Оеньку, что та женка портитъ его князь Михаила и жену его, травами и кореньемъ окармливала". Оенька не отрицалась и даже принесла князю травы и коренья, а въ распросѣ сказала: „Тому де нынѣ годъ, украла де она Оенька у князь Михайловы жены княгини Катерины кресты и перстни, и тѣде кресты и перстни въ тожъ время у ней Оеньки вывели и за то ей Оенькѣ отъ княгини Катерины было наказанье. Изъ тѣхъ де мѣсть стала она Оенька мыслить и такихъ людей изыскивать, чтобъ ей кто дать травы и коренья, чтобъ де до нея княгиня Катерина поирежнему была добра". Поиски вѣкорѣ увеличались усѣхомъ: Оенька нашла крестьянина Трошку, который далъ ей три коренья „и одинъ

корешокъ при ней Оенькѣ истеръ въ горникѣ и отдать ей Оенькѣ и велѣлъ ей тое траву давать княгинѣ Катеринѣ въ яствѣ, а два корешка велѣлъ ей у себя на воруку носить. И тое де траву она Оенька давала княгинѣ Катеринѣ въ яствѣ, въ ухѣ въ два пойма, и въ красу тое траву подавала жъ, и оттого де она княгиня лежала въ два пойма недѣли по дѣѣ. А смертныхъ де корней она у него Трошки и ни у кого не прашивала и въ мысли де у нея на смерть испортить не было“³⁾.

Въ 1676 году богородицкой пощѣ Давыдъ въ приказную избу привести найзита своего Мишку Кирѣева съ женою его Ариною и сказали: „въ прошлыхъ де годахъ и въ нынѣшнемъ во 184 г. въ разныхъ мѣстахъ объявились у него пона Давыда въ горникѣ подъ потелкомъ заткнула въ углу коренья и земля, да тѣжъ де коренья осматрѣлъ онъ пощѣ и полады его въ питьяхъ, въ брагѣ и въ красу, а подносила де имъ то питье найзита его Мишина жена Аришка. И отъ тѣхъ де отравныхъ кореньевъ полады его Давыдова и дѣти кончאותся смертью". Въ распросѣ Мишка Кирѣевъ сообщилъ, что коренья и землю заткнута въ вотчину Исайка въ прошломъ году „о святой недѣлѣ для того, чтобъ де онъ пощѣ Давыдъ со всею семьею носохли, и отъ той сухотной болѣзни они померли". А жена Аришка подтвердила, что пощѣю Давыдову и дѣтей тѣлокъ портитъ жъ, а отравныя коренья въ питье въ брагѣ и въ красу питье давала“.

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи показанія ихъ еще пополнились новыми данными. Мишка добавилъ, что „живучи у него пона Давыда вынимать изъ стѣновъ землю и относить вотчину своему Исайкѣ и матери своей для порчи жъ". Аришка же сообщила, что „украла у полады коконникъ да поддубрусникъ и тотъ коконникъ и поддубрусникъ съ наговоромъ свекрови ея велѣла положить подъ столбъ и говорить: „каковъ де тяжелъ столбъ такъ де бы и полады было тяжело"... да она жъ де Аришка по наученію свекрови своей у полады изъ рубахи выдрала доскутъ противъ сердца, и тотъ доскутъ отнесла она къ свекрови своей для порчи жъ. Да она жъ де Аришка у Давыдовыхъ дочерей тинула у рукъ персты и приговаривала „чтобъ де бы имъ до замужества тѣми руками ни ткать ни пріести". Да ей же Аришкѣ свекрови велѣла: „какъ де полады пойдетъ изъ хо-

¹⁾ Приложение стр. XXIV.

²⁾ Приложение стр. XXXVIII.

³⁾ Ibidem стр. 85—86.

ромъ, и ты де пойди ей навстрѣчу и молви ей тихонько приго-
вортъ и дуй на нее, де отшибеть обморокъ". И она де то все
надѣ понадѣею учинила".

По оговору со стороны Мишки воевода распорядился прона-
вести обыскъ въ домѣ драгуна Песайки, у котораго было захва-
чено „точенныхъ травъ въ двѣнадцати узлахъ завязано, да во
шести мѣшкахъ травы жъ, да отъ руляга заговоръ написанъ въ
маленькомъ тетрадькѣ, да пукъ разныхъ травъ“.

При опросѣ Песайка категорически отрицалъ свое участіе въ
порѣбѣ семьи пона Давыда. Что же касается вещественныхъ до-
казательствъ, то „де корень Песайка держалъ онъ отъ пострѣла
и отъ иныхъ болѣзней. А что де соль въ платкѣ завязана съ
купоросомъ да съ камешкомъ, тою де солью онъ Песайка умыва-
етъ себя и ребятъ своихъ... А заговоръ де у него Песайки, что
вызветъ, и тотъ де заговоръ жены его Аграфены перваго мужа
ей Кирзонки". Но уже „съ первой стряски да съ десяти уда-
роу" подтвердить истинность показанія наймитовъ вона. То же
произошло и съ женой Песайки Агришенной, послѣ пытки во
всѣхъ подтвердившей показанія наймитовъ¹⁾.

Въ разсматриваемую нами эпоху возбуждались также дѣла о
колдовствѣ для обращенія въ свою пользу расположенія суден.
Примѣромъ можетъ служить процессъ 1690 г. по вѣку Перфирія
Рохманинова, у котораго были вынуты „дѣзъ зени въ бумашкѣ
аннеусъ ползолотника, а на той бумашкѣ написано: широкіе
листы трава Канцферъ, да на другой сторонѣ написано: на рибину
походила и та трава низма“²⁾.

Съ особою настойчивостью московское правительство разыски-
вало корни и травы, а самая наличность таковыхъ у кого-либо
считалась доказательствомъ колдовства. Очевидно, какія неудоб-
ства создавались этимъ для лицъ, по своимъ профессиональнымъ
занятіямъ, обязанныхъ имѣть дѣло съ травами и кореньями.

Въ 1628 году на старой торопецкой дорогѣ стрѣльцы задер-
жали крестьянина, „а во Ржевѣ на него знатцовъ никого
нѣтъ, да у него жъ у креста привязанъ корень". Задержан-
ный человѣкъ объявлялъ, что тотъ корень „далъ ему доро-
гою идучи прохожій человѣкъ для того, что онъ Андрейко бо-

¹⁾ Ibidem стр. 99—103.

²⁾ Проложеніе № 51.

лень черною болѣзнию, а хватаетъ де его чомѣсячно". Налично-
сти корня оказалось достаточно для начатія разслѣдованія на
мѣстѣ родины Андрейки, и кромѣ того было приказано „взять
корень и показать дохтурамъ, да въ тюрьмѣ допросить, была-ли
надѣ тѣмъ мужикомъ такая черная болѣзнь". Помѣщикъ Андрейки
подтвердилъ, что послѣдній страдаетъ „чернымъ недугомъ". Что
же касается докторовъ, то „дохтуры Валентинъ съ товарищи
смотрѣвъ корень сказали, что тотъ корень гусина плоть и къ
лекарству пригобається, а лихого въ немъ ничего нѣтъ, да и въ-
рять тотъ корень клани. А будетъ де кто захочетъ воровать и
онъ и на добромъ корени воровствомъ и наговоромъ дурно сдѣ-
лаетъ, а того де они не знаютъ, остальн на томъ корени наго-
воръ". Тюремные пѣловальники и сидѣльцы сообщили, что когда
Андрейку посадили въ тюрьму, то „его де сперва черная болѣзнь
хватала черезъ день и черезъ два дни, а и нынѣ де его черная
болѣзнь хватаетъ еженеждъ, да тотъ же де мужикъ Андрейко за-
давилъ было въ тюрьмѣ тюремного сидѣльца соинного“¹⁾.

Изъ приведеннаго заключенія ученыхъ медиковъ-экспертовъ
видно, что ихъ европейское образованіе не мѣшало имъ вѣрить въ
силу „воровства и наговора". Неудивительно, что также отно-
сились къ наговору заурядные люди.

Въ 1648 году послѣдовало указъ „обыскать Бѣжецкаго верха
на посадѣ и въ уѣздѣ... про Первушку Петрова, что тотъ
Первушка корень лихое и траву дурную у себя держитъ-ли... и
кое время и гдѣ и съ которою травою и кореньемъ онъ Пер-
вушка приведенъ былъ въ Бѣжецкомъ верху къ Якову Ворони-
ну, и ту траву взять и показывать многимъ людямъ и конскимъ
мастерамъ и они сказываютъ: та де трава конскій лепъ, бекно-
рица и кмытъ". При обыскѣ крестьяне показали: „того мы...
Первушку Петрова знаемъ, что онъ Первушка коноваль и кругъ
лошадей стряпаецъ, и руду мечетъ: а траву дурную и корень
лихое держитъ ли или нѣтъ, того мы не вѣдаемъ“²⁾.

Въ 1648 году въ Рыльскѣ былъ задержанъ „воръ съ крадеными
лошадьми" сынъ боярскій Гаврилка Мусенинъ, у котораго „въ карманѣхъ
высканъ корень и про тотъ де корень онъ Гаврилка въ распро-
сѣ сказалъ, тотъ де корень онъ Гаврилка держитъ у себя для

¹⁾ Ibidem стр. 11—21.

²⁾ Ibidem стр. 73—74.

звѣринаго промысла⁴. На основаніи этого заявленія былъ произведенъ опросъ „его Гаврилкиныхъ сосѣдей хотмышанъ дѣтей боярскихъ... что онъ Гаврилка для звѣринаго промысла на поля и въ дѣса и на рѣчки ходитъ ли и звѣрей бьетъ-ли. И тѣ дѣти боярскіе сказали, что де за Гаврилкомъ Мусинимъ звѣринаго промысла никакого нѣтъ“. Тогда воевода распорядился „Гаврилку пытать для какого волшебнаго дѣла онъ Гаврилка тотъ корень держалъ.“¹⁾

Въ 1673 г. въ сѣбзкую избу былъ представленъ скотникъ Нестерка полникъ по обвиненію его въ томъ, что онъ „дѣды по селамъ и деревнямъ, людей прельщаетъ и портитъ, и сказываетъ людямъ прельщеніемъ своимъ, гдѣ кланы лежатъ“. Однимъ изъ конкретныхъ обвиненій было то, что Нестерка поднесъ приказному человѣку Якову Косаковскому наговорную чарку вина, и „съ той де чарки вина выпилъ его Якова рвота, какъ де онъ тое наговорную чарку вина выпить, того жъ дши онъ Яковъ и умеръ“. Нестерка въ разспросѣ сказала, что вино поднесла Якову „безъ наговору просто... А въ пяткиныхъ де селамъ и деревнямъ онъ Нестерка бывалъ для того, у котораго де мужеска полу съ женою совѣта нѣтъ, и гдѣ де людямъ онъ Нестерка на винѣ наговаривалъ и то наговорное вино пить давивалъ... И гдѣ де и у кого какая скорбь или младенческая скорбь же, и его де съ такое дѣло будеть, отъ наговору де его болѣзнь унимается. А еретичества и вѣдунства за нимъ злого нѣтъ, и многіе де люди его Нестерку для лекарства пивали“. Въ оправданіе своихъ словъ онъ сообщилъ извѣстныя ему наговорныя стихи.

Вино онъ наговаривалъ слѣдующимъ образомъ: „*Помилуй Христосъ, а Пречистая Богородица великая государыня, вступилась за насъ грѣшныя на семь свѣтъ отцовою и матернею милостію, и съ міромъ крестнымъ сохранила, и соимое приобщеніе сестринское за нами грѣшныя, помилуй раба своего Якова онъ скорбѣи и онъ болѣзнь, даде ему бже и здоровья во вѣки вѣковъ*“.

Для установленія совѣта между супругами онъ „посылалъ женскаго полу по рѣчную воду и на той рѣшной не ва шитой водѣ наговаривалъ стихи: „*Смилуйся, Пресвятая Богородица, вступилась за насъ грѣшныя, бже милостива, закрой истинною ризою своею грѣшныя раба своего (има рекъ) а раба*

свою (има рекъ) на семь свѣтъ закрой иже дай имъ, Богородица, любовь межъ ама и соимыя жати по старинѣ въ любви и чтибъ имъ нить и до вѣку жати въ совѣтъ, и какъ де въ рекъ вода въ ночи трижды приобщается, такъ бы приобщалась имрница къ мужу своему къ рабу своему имрику въ дни и въ ночи и въ часы, куда ты, рыба, плещешь, и тебѣ слава вѣчная, а тѣмъ имрекамъ мужу съ женою житиелство вѣчное“.

Младенческія скорби онъ лечилъ тѣмъ, что опракивалъ младенцевъ водою, произнося надъ нею: „*Вступилась Пресвятая Богородица, за насъ грѣшныя, помилуй раба своего младенца (има рекъ) онъ скорбѣи и болѣзнь и тяжкія нужды, дай ему здоровья отнынь и во вѣки*“.

Никакихъ другихъ наговоровъ Нестерка не знаетъ, а гдѣ де стихи даны ему отъ Бога, просто никто де его Нестерку не училъ и людей самъ онъ Нестерка колдовству своему ни къ какому дѣлу никого не училъ²⁾. Пятка ничего новаго не прибавила къ этимъ показаніямъ.

Въ 1656 г. въ Останковѣ изъ сѣбзкую избу занести для яти повойничинъ посадскій человѣкъ, рудокопъ и конскій мастеръ Ивашка Кирилловъ³⁾. Приказный Оедоръ Рахманиновъ распорядился обыскать Ивашку. При обыскѣ изъ „ларманша“ послѣднѣго были вынуты „кореньи и трава“. Этого было достаточно, чтобы заковать Ивашку, а съ нимъ „во поѣхъ“ также и случайнаго прохожаго, раскланивагося съ Ивашкой. Ивашка показалъ о себѣ, что онъ „доидитъ по волостямъ же съ конскимъ мастеромъ съ коноваломъ съ Гришкою Алексѣевымъ изъ шайму, годы съ полто-ра, и у того де коновала у Гришки вывѣкъ конскому и рудокопному мастерству, и ходя по волостямъ тѣмъ, кормился“. Объ извѣстныхъ у него матеріалахъ онъ далъ показаніе, что они у него были „для конскаго мастерства: коренья веспушныя и зобное и варышки трава“. Это дѣло рѣзко выдвигаетъ опасное положеніе специалистовъ по леченію и широкую возможность злоупотребленій въ вѣдунствѣ съ цѣлю достиженія тѣхъ или другихъ своскорыстныхъ расчетовъ. Оказывается, что Ивашка Кирилловъ былъ схваченъ и закованъ съ цѣлю вырвать у него ка-бальную. Но онъ не далъ на себя кабальной и былъ отправленъ въ Москву. Къ сожалѣнію, нѣтъ извѣстій, что съ нимъ произо-

¹⁾ Ibidem стр. 75.

²⁾ Ibidem, стр. 95—98.

³⁾ Приказное стр. XXXIII.

шло въ Москвѣ, удалось ли ему и какимъ образомъ снять съ себя страшное подозрѣніе.

Въ 1676 г. въ Кашинѣ въ сѣзжую избу быть доставленъ кузнецомъ посадскимъ человѣкомъ Савка, задержанный „съ кореньемъ, и съ травами, и съ зубомъ“. Въ распросѣ крестьянинъ Савка сказалъ: „съ тѣмъ де кореньемъ, и съ травами, и съ зубомъ онъ ходитъ въ мѣрѣ и лечитъ людей и лошадей отъ всякихъ скорбей, а тотъ де зубъ сазана рыбы“¹⁾. Впредь до выясненія дѣла Савка былъ посаженъ „за крѣпкимъ карауломъ“.

Бывало, что дѣла о колдовствѣ возбуждали не отдѣльныя заинтересованныя личности, а все населеніе извѣстной мѣстности. Такъ въ 1664 г. „били челомъ сумские черкасы *испугъ воровомъ* и подали въ Бѣлгородѣ... дѣвъ заручины на него Гондранова во многомъ его воровствѣ и чародѣйствѣ“²⁾. Въ 1677 г. „выскакавъ на Курмынѣ *противъ чюбинова Курмынскихъ жителей* въ еретическѣ и въ порчѣ людей принципъ чювинокъ Сенька Ивановъ да жена его Сенькина Маняка Иванова дочь, а въ распросѣ и съ пытокъ сказали, что они на Курмынѣ испортили еретическими словами и образами мужеска полу и женска многихъ людей, и отъ того де порченые люди кличуть“³⁾.

Не дремали и мѣстныя власти, и энергично разыскивали колдуновъ, такъ какъ изъ Москвы имъ сляли на этотъ счетъ весьма недвусмысленные указы. Вѣдѣе приводились уже образцы подобныхъ общихъ указовъ (см. стр. VII), но вотъ еще образецъ. При назначеніи воеводы въ Лебедянь ему было указано „того беречь накрѣпко, чтобъ на Лебедяни, на посадѣ, и по слободамъ, и Лебедянскомъ уѣздѣ разбой, корчмы, и бледни, и иного никакого воровства и убойства не было“. Въ силу этого указа воевода запрашивалъ, что ему сдѣлать съ обвинившеюся въ 1630 г. бабой ворожейкой, которая „по слободамъ, по Стрѣлецкой и по казачей ходечи, ворожитъ“. На запросъ послѣдовать обычный отвѣтъ: „ведѣтъ тое бабу ворожейку изымать и распроса подлинно, какою она ворожбою промышляетъ и чѣмъ ворожитъ, и сколь давно, и кому что своею ворожбою сдѣлала, и у кого училась, и сысать про то накрѣпко... и ее пытать про все на-

крѣпко, да о томъ ко государю отписать, а ее до указу вѣдѣть держать приставами крѣпко въ цѣли и въ желѣзахъ“. Опросомъ окольныхъ людей воевода установилъ: „воровница де та баба, смотрѣла на рукахъ и шунала на пугрю“; другому она „лечила глаза, а лечила де ему глаза вынесъ печень ить овцы“, или же „лечила глаза, паговаривала воду, и сыпала де проса въ воду, и меня Назара тую водою умывала, да мѣй жѣ де Назару пускала въ глаза женское молоко“; у Игната Жихарева „звалилась де... лечитъ сына: въ погѣ волосать“; Афанасію Овсянникову она ворожила, „на рукахъ смотрѣла и ворожила лукомъ“⁴⁾.

Кажъ ни отрывочны собранные нами матеріалы, но они рисуютъ отчасти картину бѣды того времени. Нестѣжественное населеніе инстинктивно понимало, что въ окружающемъ его природѣ лежатъ могущественныя силы, способныя сослужить полезную службу человеку въ его борьбѣ съ бѣдѣями. Ну надо было потратить нѣмнѣе силъ, но читать въ лѣсахъ или въ природѣ могли лишь весьма немногіе. Да и эти, избравшіе судьбою, по обычаю того времени, дошны, бѣды, бѣдноты, между скуднымъ вознагражденіемъ въ случаѣ удачи и сожженіемъ на кострѣ, пытками и ссылкой—при неуспѣшномъ леченіи или даже просто въ случаѣ доноса со стороны какого-нибудь пьянаго, или недовольнаго сосѣда, а то и чрезмѣрно ретиваго воеводы, дѣйствительно стараясь, чтобы въ его воеводствѣ не было „разбой, корчмы, и бледни, и иного никакого воровства и убойства“.

Врачебное знаніе составляло болѣе или менѣе открытое достояніе только у коноводовъ и стариковъ; нѣкоторое право лечить люди приобрѣталося леченіемъ животныхъ. Однако и здѣсь за расширеніе практики приходилось иногда расплачиваться собственною кровью. Если, съ одной стороны, нельзя было собирать травы и корни и пользоваться ими съ лечебною цѣлью, то съ другой стороны, подъ угрозой почти тѣхъ же самыхъ наказаній нельзя было лечиться, прибѣгать къ услугамъ знатоковъ. Всякая попытка брать лекарство изъ первой доступной всѣмъ лабораторіи—природы, считалась воровскимъ дѣломъ, и населеніе силою обстоятельствъ толкалось на путь тайныхъ средствъ, мистическихъ манипуляцій.

¹⁾ И. Мат. т. III, ч. I стр. 106.

²⁾ Ibidem, стр. 92.

³⁾ Ibidem стр. 108.

⁴⁾ Ibidem, стр. 29—32.

Нить, ничего удивительного и в том, что население обращалось к знахарям не только от волосата в погѣ, при болѣзни глазъ, сердечной скорби и т. д., но и в случаѣ потери половой способности или чего либо расстройства. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мы сталкиваемся съ двумя явлениями: съ областью первыхъ болѣзней, которыя и въ настоящее время лечатся психическими воздѣйствіями, и нестерпимымъ гнетомъ домашней жизни. Изъ домашнего тупика не было выхода, власть помещика надъ дворовыми, мужа надъ женою и дѣлами была до такой степени грозною, что заинтересованные ухватывались за всякое средство смягченія ея.

Въ заключеніе остановимся еще на нѣкоторыхъ чертахъ вѣдовскаго процесса. Начиналось дѣло не только по письменной челобитной, но и по словесной заявкѣ въ приказной погѣ. Что же касается властей, то онѣ ex officio обязаны были вѣнчать такого рода дѣла. Вѣдовство считалось *общественнымъ* преступленіемъ, преслѣдуемымъ въ порядкѣ публичнаго обвиненія, поэтому дѣло, начатое по частной челобитной, уже не прекращалось, хотя бы и поступило со стороны заинтересованнаго заявление о прекращеніи. Такъ, въ 1663 г. князь Шейдиковъ, отирававшись на государствену службу до окончанія дѣла, начатаго по его челобитной, просилъ о приостановленіи дѣла до его возвращенія, такъ какъ „безъ него князь Михаилъ за тѣмъ дѣломъ ходить некому“. Но въ отвѣтъ на это челобитіе получился указъ „про тѣ травы и про коренья.. сыскивать всякими сыски накрѣпко“¹⁾.

Это вполнѣ понятно и вполнѣ оправдывается общою постановкою вѣдовскаго дѣла. Правительство въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ брало въ свои руки вѣдовскій процессъ не потому, что оно желало прийти на помощь частному человеку, но потому, что оно черезъ посредство частнаго дѣла рассчитывало распутать цѣлую организацію, бросить на кровавую дыбѣ по возможности всѣхъ колдуновъ извѣстнаго района. Съ такой точки зрѣнія становятся ясны указы въ родѣ слѣдующаго: „распрашивать и сыски всякими сыскивати, и пытать накрѣпко, по какому умушленію они (имя рекъ) сѣа (имя рекъ) уморили, а иныя людей они кою именемъ а сколь давно а какими волшебствомъ, а по чему надумано, или собору кою уморили или аспорили, а иныя товарищи

изъ съ нами въ томъ ворожествѣ, въ заговорѣ были-а и кто имени были, а тому ворожеству кто изъ училъ, идѣть тѣ люди именъ, которые изъ тому ворожеству учили и съ нами въ оумъ были. Да будетъ по сыску и по роспроку которые люди въ томъ вѣдовствѣ, пойдунъ до винъ и иныя людей потому жѣ въ томъ ворожествѣ и въ порчу пытать накрѣпко; а иныя людей, которыхъ они портили воры портили“²⁾. По всѣмъ указаннымъ статьямъ предписывалось доискиваться „накрѣпко, безъ поворонки, чтобъ однолично про порчу сыскать подлинно“.

Такимъ образомъ каждое дѣло могло прерваться прямо въ погромъ цѣлой мѣстности. Недаромъ печерскій архимандритъ съ братьями въ 1628 г. просилъ взять дѣло о монастырскихъ крестьянахъ отъ арзамасскаго воеводы и передать въ Нижній Новгородъ, чтобы... монастырскія вотчинники не запустѣли и крестьяны не разбрѣшся“³⁾.

Челобитчикъ обычно „сказалъ“ на опредѣленныхъ личностей, указывая на опредѣленные факты, наконецъ вообще ссылаясь на репутацію обвиняемаго среди его соседей, т. е. просилъ „сыскать болышимъ повѣливымъ обыскомъ“. Обвиняемый въ свою очередь „сказалъ“ на то же самое. По требованію сторонъ производились выемки и осмотры. За исключеніемъ „отводныхъ людей“ къ дѣлу привлекалось огромное количество лицъ.

При „обыскѣ“ сланился на вѣхъ два мала и на велика, при этомъ допрашивались два посадѣ и въ уѣздѣ игумены и православные люди, и всякихъ чиновъ служилые и жилищные люди, которые живутъ около... верстѣ по двѣ, по три, по пяти, и по шести, и больше“⁴⁾.

По дѣлу бабы горожейки татарки въ 1630 г. къ пронесу было привлечено 36 человекъ: по дѣлу Тимонинъ Афанасіеа съ сыномъ Дарыномъ въ 1647 г. — 47 человекъ; въ 1648 г. по дѣлу Перкушки Петрова — 98 чел.; въ томъ же году по дѣлу женки Дарыны — 142 чел.; въ 1649 г. по дѣлу женки Анютки Пяновой — 402 чел.; а по дѣлу Умая Пяморина въ 1664 г. было допрошено 1452 сумскихъ жителей! Иногда „всякихъ чиновъ людей

¹⁾ Ibidem стр. 9, 11, 12, 13, 15, 25, 26, 37, 63, 73, 87, 96.

²⁾ Ibidem стр. 20.

³⁾ Ibidem стр. 54, 73.

⁴⁾ Ibidem стр. 87.

ми большой повальный обыск¹⁾ захватывать несколько уѣздовъ. Такъ въ 1649 г. по дѣлу мордвина Собайкина обыскъ производился въ трехъ уѣздахъ: алатырскомъ, нижегородскомъ и арзамасскомъ²⁾.

Подобное нашествіе властей иногда вызывало самый энергичный отпоръ со стороны населенія. Когда, напримѣръ, приказные люди явились арестовать мордвина и описать его имущество, то мордвинъ скрылся, а его однодеревенцы „собралися многими людьми съ дуки, и съ рогатины, и съ топорками, пришедъ къ тому Собайкину двору насъ (приказныхъ) осадили и держали запертыми къ избѣ сутки, и хотѣли побить до смерти; а того мордвина животомъ переписать и двора запечатати не дали“.

Наша въ виду описанные процессы несли не признать заблужденіемъ утвержденіе г. Левекетима, который пишетъ объ организаціи суда надъ козюками: „У насъ допросъ былъ грубымъ и нередко люди умирали отъ пытокъ, по судамъ, при всей своей жестокости, гели сѣдѣтіе, *стремись къ быденію истинны, а не къ гибели политическою врага*. Сообразно съ этими принципами былъ построенъ на Руси уголовный процессъ о чародѣйствѣхъ. Для выясненія дѣла производится допросъ свѣдѣтелей, осмотръ поличнаго и повальный обыскъ околныхъ людей... *Только по разсмотрѣніи всѣхъ имѣхъ доказательствъ суръ приступать къ допросу обвиняемаго и допросника*“ (курсивъ нашъ. Н. Н.)³⁾. Какъ разъ на оборотъ, первыми допрашивались обвиняемые и допросчикъ а на основаніи ихъ показаній доходили до другихъ доказательствъ. При этомъ, какъ видно изъ выскъ оныхъ, стремились именно не только къ выясненію истины, но и къ гибели всѣхъ виновныхъ.

Особенный интересъ возбуждаетъ дѣло о распространеніи на Луху „кликотной“ болѣзни. Въ 1656 г. „мая въ 9 день о Покосинѣ дни учинилось дело на Луху на посадѣ порца ни вѣсть какая у посадскаго человѣка у Оедора Степанова надъ спохомъ его, надъ вдовой Татьяниною, кличетъ де въ той порцѣ всякими розными медвѣжьемъ, и зайномъ, и птицами, и иными разными голосы“. По челобитной воеводы изъ Москвы былъ присланъ

„для сыску“ столышникъ Анхоревъ, который „вытасъ всемишнытки накрѣнко“ всѣхъ „на кого порченые въ кликотѣ кликали“, но „они съ пытки сами не винились и ни на кого не говорили“. Виновные не обнаруживались, а болѣзнь все распространялась. Изъ челобитныхъ узнаемъ, что въ слѣдующіе два года „чинится на посадѣ надъ многими посадскими жєнами всякая разная кликотня и ломочная порца“. Больныя женщины „кликанили“ какъ виновниковъ эпидеміи на посадскихъ людей Аргювку Оадѣева, Тершю Малюкурова, Инку Салаутина, Федку Кузьмина, и Инку Ерохина.

Они кликалися только усиливши пытку. Дошло дѣло до заключенія челобитныхъ, что „ли порчене, и трава всякая, и соли въ уздахъ, по уздамъ у веротъ обливливается, и отъ тѣхъ травъ, и коренья и уздовъ чинится многая порца, а въ кликотѣ тѣ порченныя жєны кличуть и зрєнь де будутъ отъ тѣхъ же посадскихъ людей отъ Пговани и отъ Тереники съ товарищи по уздамъ и у веротъ трава и коренья, посадскіе люди мужескъ полт, и жєнскъ, и мѣдєнцы будутъ порчены. И по ихъ кликотѣ чинитъ многая порца“. Изъ „рєснєи духовескихъ посадскихъ людей порченымъ жєнамъ“ видно что въ 1656 г. было порчено 2 женщины, въ 1657 г. столько же и въ 1658 г. еще 5 женщинъ. Сыскъ обнаружилъ еще дѣя порцы— посадскаго человѣка съ жєною, испорченныхъ въ 1658 году⁴⁾.

Удручающую картину представляетъ сыскъ по этому дѣлу⁵⁾. Приѣхавъ въ Луху въ 1657 г. и подвергнувъ повальной пыткѣ разныхъ лицъ, указанныхъ кликушами, московскій сыщикъ Анхоревъ прислать тѣхъ людей въ сыскакую избу, а жєсткими воевода распоряжєлся посадить ихъ въ тюрьму, гдѣ они находились еще въ концѣ 1658 года. Можно случиться, что несчастные продолжали бы томиться въ тюрьмѣ еще нѣсколько лѣтъ, по вдовымъ воскресеніямъ неслъ Иванъ Тимофеевъ, дать воевы толчекъ грѣсѣтанованіемуся розыску. Поля заявили, что „похвалялся де на него поля Иванъ духовскій посадскій дѣтина Инка Салаутинъ порчено“.

Этого было достаточно, чтобы приняться за Инку. Постѣдній былъ привлеченъ къ дѣлу, но на допросѣ категорически отри-

¹⁾ Приложение стр. VIII—XVI.

²⁾ Сувѣріє и уголовное право. Вѣстникъ права 1906 г. № 2, стр. 241

⁴⁾ Наши матеріалы т. III ч. 2. № 61.

⁵⁾ Ibidem № 61 и 70.

паль возведенная на него обвиненія, а потомъ, вѣроятно, во избежаніе мукъ пытки, показалъ противъ вѣснаго Артюшки: „онъ де мнѣ Артюшка привязалъ килу да онъ же де мнѣ и пособилъ—ту килу у меня отвязать; а взять де у меня отъ того 2 гривны денегъ“. На очной ставкѣ Артюшка былъ уличенъ, кромѣ первоначальныхъ показаній Янки, дополнительными указаніями на посадскихъ людей Кириушку и Емельку, которымъ онъ помогалъ „отъ укона“, а также признаніемъ собственной жены. Послѣ второй пытки Артюшка сознался, что „де онъ тѣмъ луховскимъ посадскимъ людямъ пособилъ, и свадьбы отпускалъ, и съ немочными къ нему многіе сторонніе люди приходили, и онъ имъ пособлялъ“.

Бодѣ или менѣ истинный виновникъ клизотной эпидеміи былъ найденъ и посаженъ въ тюрьму „до указу“. Неизвѣстно, какой указъ послѣдовать изъ Москвы относительно дальнейшей судьбы Артюшки, но безъ чувства содроганія нельзя читать и о томъ, что уже было пережито Артюшкой и другими лицами, привлеченными къ сыску о клизотной портѣ. Жутко становится при мысли о судебномъ процессѣ, вдохновителями котораго являются кличущіе „разными медвѣжьемъ, и зайцомъ, и птицами, и птицаи разными голоса“.

Главнымъ процессуальнымъ орудіемъ въ рукахъ органовъ власти служила пытка. Арсеналь отличался разнообразіемъ: стѣли кнутомъ жгли огнемъ, выламывали „съ плечъ“ руки. Изъ процесса 1649 г. Анютки и мордвина узнаемъ, что мордвинъ былъ пытанъ трижды и огнемъ жажень и *пуръ волохотъ* и *ребра ломали*, и пятаи жажень... и послѣ пытокъ вкинуть въ тюрьму и сидѣть въ тюрьмѣ четвертый годъ, помирать голодной смертью*¹⁾.

Указъ этой кровавой расправы увеличивался еще тѣмъ, что граница между обвиняемымъ и свидѣтелемъ почти не существовала: правдивость своихъ показаній свидѣтель нередко вынужденъ былъ подтверждать подлѣ пытокъ. Пытали по три раза и больше. Многіе не выносили мученій и умирали. Такъ въ 1622 г. „Уришанина жена Подетовалова Акулинка.. послѣ пытки съ недѣлю лежала и умерла“; въ 1625 г. „мордвинъ Велкаско на пыткѣ замученъ до смерти“; въ 1664 „послѣ де пытки Кондрашко и Осеька померли“; послѣ пытки въ 1638 г. по дѣлу Дарьи

Лажановой „не стало... женьки Настыки у князя Оедора... и Ульки у Лукьяна“²⁾.

Повидимому, послѣдствія пытки иногда заставляли врасплохъ даже власти, которыя, напримѣръ, послѣ извѣстія о смерти Кондрашки и Осеьки по дѣлу Умаи Шамордина, запрашивали: „которымъ обаянъ тѣхъ черкасъ не стало, не было ли у нихъ язва, и не удавились-ли, и вина не опились, и зельемъ какимъ не отравлены-ль, и иного какого дурна сами налѣ собою не учинили-ль“. Конечно, усердные псалачи успокоили высшее начальство сообщеніемъ, что „тѣ черкасы... померли за карауломъ своею смертью“³⁾.

Безпощадною жестокостію вѣсть отъ затронутого нами времени, но если выкинуть въ текущую дѣйствительность съ разстрѣлами сотенъ людей безъ суда и слѣдствія, то... предпочтеніе пузано отдать XVII-му столѣтію. Въ самомъ дѣлѣ, какими именемъ назвать кровавые подвиги современныхъ карателей, если вспомнимъ, что въ 1647 г. воевода Григорій Семеновичъ Хитрово, имѣя подъ руками не исполненный указъ на имя своего предшественника о сожженіи мужаика Терешки съ женой Агаюлицой не рѣшился смочь людей и попросить новаго указа⁴⁾? Что можно сказать вообще о нашихъ дѣлахъ, когда мѣстными саирнами отвергаются кассационныя жалобы и ходатайства о Высочайшемъ смягченіи участи осужденныхъ къ смертной казни даже не доводится до Государя, между тѣмъ какъ въ 1668 г. Алексѣю Михайловичу подана была челобитная на то, что женщина „безъ государева указа и безъ разсудъ тѣмъ...“⁵⁾.

Вдумываясь къ общій смыслъ приведенныхъ нами историческихъ документовъ, мы находимъ, что процессы о вѣдѣлахъ въ Россіи протекали съ такою же жестокостію, какъ и на Западѣ, что къ этимъ процессамъ правительственная власть московскаго государства привлекалась не менѣе, чѣмъ въ католическихъ или протестантскихъ странахъ. Здѣсь разнница лишь въ масштабѣ дѣятельности, а не въ существѣ ея. Еще можно добавить, что оригинальною чертою русской исторіи является отсутствіе демонологіи, религіозно-философскаго ученія о вѣдѣ-

¹⁾ Ibidem стр. 3, 19, 91, 129.

²⁾ Ibidem стр. 90.

³⁾ Ibidem стр. 61.

⁴⁾ Ibidem стр. 93.

⁵⁾ Приложение стр. XV.

лахъ, развивающагося на Западѣ въ недрахъ схоластики подъ вліяніемъ изученія памятниковъ классической древности и нѣкоторыхъ, до настоящаго времени еще не устранившихся, элементовъ язычества въ церковномъ христіанствѣ.

Въ теченіе многихъ вѣковъ народное сознаніе воспитывалось въ томъ направленіи, что знахарь можетъ вылечить всякую болѣзнь. Безуспѣшное леченіе приписывалось зловредности знахаря. Легче было допустить у знахаря желаніе испортить, погубить, чѣмъ предположить его безсиліе! Вотъ тутъ то нужно искать причину своеобразнаго отношенія къ ученымъ медикамъ въ московской Руси. Мы увидимъ въ послѣдующемъ изложеніи о научной медицинѣ въ Москвѣ, что въ теченіе всего московскаго періода въ рукахъ образованныхъ приключивалась та самая мѣрка, которая была создана язычествомъ для знахарства. Нельзя не удивляться крайне скептическому отношенію къ медикамъ, съ одной стороны, и несообразной требовательности—съ другой. Это недоверчиво-притязательное настроеніе было причиной трагической кончины первыхъ медиковъ въ Москвѣ, послѣдующаго паткаго ихъ положенія, а самое главное—причиной слабаго развитія медицинскаго дѣла въ нашемъ отечествѣ вплоть до воцаренія Алексѣя Михайловича. Были и другія причины, въ силу которыхъ врачебное дѣло очень мало подвигалось впередъ.

Самая элементарность русской жизни того времени не могла способствовать врачебной наукѣ. Кроме этой общей причины можно указать, какъ на довольно крупный тормозъ, на извѣстный переворотъ въ религіозныхъ понятіяхъ. Дѣло въ томъ, что при господствѣ старо-языческихъ понятій о причинѣ заболѣваній, все приписывалось таинственнымъ силамъ, которыми по произволу своему управляли вѣдуны. Одна только болѣзнь, нерасположенія вѣдуна могла удержатъ отъ обращенія къ нему въ случаѣ необходимости. Съ постепеннымъ же упроченіемъ христіанскихъ воззрѣній вѣдунъ терять свое обаяніе всемогущества, а причина болѣзни относится уже не къ прежнимъ таинственнымъ силамъ, подчиненнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ человеку, но стала объясняться гнѣвомъ Божиимъ, наказаніемъ за грѣхи. Такой взглядъ на болѣзнь лучше всего выразился въ Домостроѣ Сильвестра, произведеніи относящемся къ половинѣ XVI вѣка. „Кто остави Бога, пишетъ Сильвестръ, и милости, и прощенія отъ Него не требуя, призываетъ къ себѣ чароушны, кудеснишны, волхвовъ и

всякихъ мечетниковъ и зеленишниковъ, и съ корнемъ, отъ которыхъ ожидаетъ душегубной помощи, тотъ уготовляетъ себя дьяволу, въ дно адово, во вѣки мучиться“. А потому онъ предлагаетъ вмѣсто леченія мірскаго, свѣтскаго „...аще Богъ пошлетъ на кого болѣзнь, ино врачеватися Божіею милостию, да милостиною къ нимъ, да истиннымъ покаяніемъ... и молебны пѣти и вода святити съ чесныхъ крестовъ и со святыхъ мощей и съ чудотворныхъ образовъ и масломъ сезиашася: да по чудотворнымъ по святымъ мѣстамъ общеватися и приходяще молитися со всякою чистою совѣстью; тѣмъ дѣла въ всякомъ различнымъ пудугамъ отъ Бога получить...“¹⁾.

Тѣ же мысли встрѣчаются въ посланіи Невскагого Елизарова монастыря старца Филофея около 1510 - 1519 г. г. дяку Михаилу Мунехину противъ мѣръ, принятыхъ во время мороваго повѣтрія. Въ этомъ посланіи онъ указываетъ на Давида, который положился на Бога „яко мнози суть шепроты его“, что онъ „покаяніемъ и слезами умоли Бога и возврати гнѣвъ Божій, а не противился Богу и прошенію и наказанію Божію, яко же нынѣ вы, пути заграждаете, доми печалите, пошехъ заповѣдасте къ болѣющимъ приходити, мертвыхъ телеса изъ гроба изымаете...“²⁾.

Научной медицинѣ приходилось пробивать себѣ путь подъ тяжестью многихъ враждебныхъ условий. Изъ этого обстоятельства нужно обратить особенное вниманіе для правильной и безпристрастной оцѣнки всѣхъ мѣропріятій во врачебной части въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Внимательному изслѣдователю русской культуры невольно было бы повторять за Рихтеромъ и другими, что медицина у насъ не развивалась будто бы потому, что для русскихъ того времени не было въ ней никакой надобности. „Поэтому, пишетъ Рихтеръ, россияне долѣ прочихъ европейскихъ народовъ пребывали въ простомъ состояніи природы... то явствуетъ изъ сего, что въ Россіи позже настала нужда бороться съ тѣлесными немощами, и следовательно рѣже представлялась необходимость *привлечь къ помощи лекарей и врачей*“. По тому же поводу въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Съ утонченнымъ образомъ жизни и умножившеюся роскошью чувствительно явились

¹⁾ Времен. Москвит. Сбщ. Ист. и Др. Рос. т. I, стр. 40.

²⁾ Дополн. къ актамъ истор. т. I, № 23.

потребности новыя, прежде неизвѣстныя. Изъ этого слѣдуетъ, что источникъ новыхъ болѣзней открылся въ кругу знатныхъ людей, а особенно при дворѣ. Здѣсь—то прежде всего и восчувствовали нужду во врачахъ. Еще въ XV и XVI вѣкахъ стали выписывать ихъ сперва для двора одного. Но остальная часть народа, пребывая вѣрна своимъ обычаямъ и простотѣ древней, тѣмъ менѣе имѣла надобности въ искусственной помощи, чѣмъ менѣе знала болѣзней. Такимъ образомъ только есть возможность объяснить, почему столь поздно, въ послѣднія четыре столѣтія, начали принимать въ службу систематически обученныхъ медиковъ, хотя въ небольшомъ числѣ, и то къ одному двору царскому¹⁾.

Въ основу своего взгляда на здоровье россиянъ первыхъ вѣковъ образованія государства Рихтеръ положилъ мнѣнія иностранцевъ, посѣтившихъ Россію въ XVII ст., Павла Ювія, Петрея, Олесарія, Мейерберга и т. д. Эти писатели передавали, что въ Россіи климатъ здоровый и население отличается крѣпкимъ сложениемъ. Подобныя указанія находимъ и у другихъ путешественниковъ того времени. Такъ Рейтенфельсъ въ своихъ сказаніяхъ о Московіи, относящихся ко второй половинѣ XVII ст., рассказываетъ: «москвитяне способны переносить всякаго рода трудности, такъ какъ ихъ тѣла закалились отъ рожденія холодами. Они спокойно переносятъ суровость климата и нисколько не страдаютъ выходить съ открытою головою подъ снѣгъ или дождь, равно какъ и на зной, словомъ, въ какую бы то ни было погоду. Дети трехъ—четырехъ лѣтъ отъ роду, зачастую, въ жесточайшіе даже морозы, ходятъ босые, съ прикрытыми полотняною одеждою и играютъ на дворѣ, бывая взыскуи. Послѣдствіемъ сего являются значительныя закалиныя тѣла»²⁾.

Какъ это извѣстіе, такъ и приводимыя Рихтеромъ, относятся къ XVII столѣтію, когда уже, по признанію самого Рихтера, въ Россіи были медикъ и начали впрѣдѣствовать болѣзни. О болѣе же отдаленномъ времени у Рихтера нѣтъ свѣдѣній, позволяющихъ

1) Рихтеръ, Исторія медицины СИБ. 1814 г. I стр. 38, 49, 50. Впрочемъ во възглядѣ Рихтера о простотѣ жизни и крѣпости тѣла говорить и Ханыковъ. См. его Очеркъ исторіи медицины полковн. Журн. Мин. Вн. Дѣл. СИБ. 1851 г. № 33, стр. 337.

2) Рейтенфельсъ, Сказанія, Читанія въ Пав. Общ. Нст. и. Др. 1906 г. № 218, стр. 110.

дѣлать заключеніе о безболѣзненности населенія Россіи. Наоборотъ, наши лѣтописи полны извѣстій объ эпидеміяхъ, голодовкахъ и эпизоотіяхъ. Слѣдовательно, были болѣзни, были нужды и врачей. Эта потребность удовлетворялась при помощи знахарей или домашнихъ средствъ, главнѣйшимъ изъ которыхъ была вода. Объ этомъ уже цитированный Рейтенфельсъ передаетъ: «они (т. е. русскіе) жадно какъ никто другой, пьютъ воду, считая ее нектаромъ, средствомъ для согрѣванія и лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней»³⁾.

Исследователи русской медицинской старины (Рихтеръ, Лениковъ, Ханыковъ, Зятевъ, Загоскинъ и другіе) обыкновенно начинаютъ свои очерки многочисленными лѣтописными указаніями на врачей-лечителей, считая ихъ врачами въ тѣсномъ смыслѣ слова, хотя въ источникахъ нѣтъ свѣдѣній ни объ ихъ образованіи, ни объ употреблявшихся ими медикаментахъ. Изъ того, что одинъ лечилъ «ваною», другой—растеніями «не отъ нашихъ земель» третій былъ «лечить весьма хитро», нельзя сдѣлать объ ихъ профессиональной физиономіи какихъ либо точныхъ выводовъ, и вообще подобный примѣлъ изложенія ничѣмъ не оправдывается. Изъ приводимыхъ выписокъ нѣтъ никакихъ указаній на *характеръ* ихъ лечебнаго искусства, а дѣлать догадку о томъ, что всѣмъ изълагаемымъ въ источникахъ «лечить» были представители рациональной медицины, едва ли основательно.

«Лечить» приходили къ намъ съ Востока, такъ, напримѣръ, знаменитый кіевскій врачъ—армянинъ въ половинѣ XI ст. или какъ Петръ Сиріанчикъ, практиковавшій въ началѣ XII ст. Приходили также изъ Греціи, преимущественно монахи съ Асова, какъ-то: преподобный Антоній, ст. Анзимъ, преподобный Азаниъ и другіе.

Вообще о всѣхъ этихъ врачахъ правильнѣе было бы думать, что они приносили въ Россію не рациональную медицину, а болѣе или менѣе очищенное отъ вѣдовскихъ примесей знахарство. Что касается монаховъ-врачей-лечителей въ частности, то они предпочитали молитву, святую воду, со крестовъ и мощей великимъ другимъ цѣлебнымъ средствамъ. Ассуръ открывалъ монахамъ средства спасти душу, а не тѣло; давалъ науку вѣчной загробной жизни, а не скоротечной земной. Въ этомъ именно смыслѣ рассказываетъ лѣтописецъ, напхмѣръ, о практикѣ преподобнаго Даміана, которому Осодосій Печерскій обыкновенно повѣщивалъ молитву со-

3) Рейтенфельсъ, Сказанія т. I стр. 118.

творити болящему, „абиѣ сотворише молитву и масломъ помазаше и приѣхашу исцѣленіе приходящіе къ нему“.

Церковь и на Западѣ тормозила развитіе медицинской науки, а въѣдъ тамъ она полагала основаніе университетамъ и долгое время исключительно ими въѣдала. Многочисленными соборными постановленіями въ XII и XIII в. церковь запрещала высшему духовенству заниматься медициной подѣ страхомъ отлученія отъ церкви. Тѣмъ болѣе толпе должно было имѣть мѣсто у насъ. Да наконецъ самая медицинская наука Европы освободилась отъ внимательства теологическихъ конценцій и философскаго догматизма лишь на исходѣ XVI вѣка и перешла въ XVII в. къ анатоміи и экспериментальной физиологіи, а въ слѣдующемъ столѣтіи, по наукамъ еще химіей, вступила на путь клиническаго наблюденія¹⁾.

Въ качествѣ историческихъ памятниковъ, характеризующихъ состояніе и характеръ нашихъ врачебныхъ знаній въ московскій періодъ, до насъ дошли травники, лечебники, земники. Большая часть ихъ относится къ концу XVII вѣка, т. е. времени укорененія иноземной рациональной медицины въ Россіи и организаціи ея изученія въ приказной школѣ. Всѣ наши врачебныя рукописи представляютъ изъ себя переводы съ иностранныхъ оригиналовъ, носятъ явно схоластическій характеръ и, хотя переписывались и даже дополнялись духовными лицами, но отнюдь не могутъ служить указаніемъ на занятіе нашего духовенства рациональной медициной²⁾.

Русскіе, по сообщенію Олеарія, никакъ не одобряютъ и не допускаютъ тѣхъ обихованныхъ средствъ, которыя употребляются въ Германіи и другихъ странахъ и которыми нагляднымъ образомъ только и можно совершенствоваться въ дѣлѣ леченія, какъ, напр., анатомированія тѣла человѣческаго, или дѣланія скелетовъ, къ которымъ русскіе питаютъ величайшее отвращеніе³⁾. Это свидѣтельство совпадѣтъ съ замѣчаніемъ другого иностран-

¹⁾ Копперъ Op. cit. т. II, стр. 496 и 585.

²⁾ Разбору и оцѣнкѣ сохранившихся земниковъ посвященъ специальное исследование б. преподавателя исторіи врачебныхъ наукъ въ военно-медицинской академіи Л. О. Зайцевъ (СПб. 1895 г.). Имъ было обследовано 186 рукописей университетовъ, академій, библиотекъ, обществъ и частныхъ владѣльцевъ. На основаніи кропотливаго сличенія цѣлыхъ рукописей и отдѣльных мѣстъ ему удалось установить процессъ переработки врачебныхъ рукописей или, по его выраженію, постепенное сокращеніе, упрощеніе, съ потерей научности и съ приближеніемъ къ общедоступности и не врачамъ.

наго путешественника Ювія, который пишетъ: „раціональною медициною москвитяне никогда не занимаются: должность врача исправляетъ у нихъ всякій, кто только имѣлъ случай испытать дѣйствіе какихъ нибудь неизвѣстныхъ травъ“⁴⁾.

Результатомъ подобнаго отношенія къ рациональной медицинѣ было то, что тѣ пехвогіи крупныя раціональнаго врачебнаго знанія, которыя имѣлись въ иностранныхъ травникахъ, окончательно исчезали изъ русскихъ переводовъ, особенно позднѣйшихъ, успѣвавшихъ подвергнуться наибольшей національной обработкѣ переписчиковъ.

⁴⁾ Адамъ Олеарій. Подробное описаніе путешествія etc. М. 1870 г. стр. 466, 467. Библиотека иностр. писат. о Россіи СПб. 1836 г. стр. 47.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первые врачи съ европейскимъ образованіемъ начинаютъ появляться на Руси съ конца XV в., когда усилились сношенія съ Западомъ и раздвинулся узкій горизонтъ нашей политической замкнутости. Однимъ изъ главныхъ средствъ сближенія съ Западомъ было, какъ извѣстно, супружество Іоанна III съ Софіей Палеологъ. Предполагають обыкновенно, что уже въ 1473 г. въ свитѣ царицы Софіи былъ врачъ, приведенный ею изъ Рима. Онъ будто бы пользовался такимъ высокимъ положеніемъ и настолько широкой извѣстностью, что Амурасіо Контарини, посланному Венеціанской Республикой въ Персію, достаточно было назваться въ 1475 г. врачомъ великой княгини, чтобы набавиться отъ притесненій во время путешествія отъ Дербента по Каспійскому морю.

Впервые эта догадка была высказана Рихтеромъ, но изъ того, что вновь прибывшей царицѣ „и мнози грещи, иже приидоша служаче“, нельзя заключить, что въ ея свитѣ находился *непремѣнно* врачъ.¹⁾ Еще въ меньшей степени подобное заключеніе можетъ быть обосновано на томъ, что Амурасіо Контарини, неоднократно называвшемуся врачомъ великой княгини Россійской, какъ онъ самъ признаетъ, доставилъ между пассажирами славу отличнаго врача: случай удачной медицинской помощи заболѣвшему матросу²⁾. Разсказъ этого путешественника даетъ основаніе предполагать только одно изъ двухъ: или его спутники вообще были проникнуты уваженіемъ къ врачу, невзирая отъ того, при комъ онъ состоялъ, или же въ то время на Каспійскомъ морѣ имя русскаго князя пользовалось уже большимъ авторитетомъ, чѣмъ именно и воспользовался Контарини.

¹⁾ Рихтеръ. Исторія мед. т. I, стр. 225.

²⁾ Библиотека иностран. писат. о Россіи т. I СПб. 1836 г. Путеш. Амур. Контарини стр. 86.

Во всякомъ случаѣ о врачѣ въ свитѣ Софіи можно сдѣлать лишь предположеніе, имѣя въ виду безспорныя извѣстія о существованіи лейбъ-медиковъ при дворахъ византійскихъ императоровъ.

Византія представляла старинную колыбель врачебнаго искусства. Уже въ концѣ V столѣтія тамъ издѣвались медицинскіе сборники, путеводители и сочиненія монографическаго характера. При дворахъ византійскихъ императоровъ дѣйствовали въ качествѣ лейбъ-медиковъ выдающіеся врачи-писатели. Такъ, при императорѣ Іуліѣ Оракійскомъ состоялъ знаменитый Іоанъ Сотеръ (V в.), при Юстиніанѣ I—Азійскій (VI), при Константинѣ VII Багрянородномъ. Ософанъ Ноннъ (X в.), при Михаилѣ VII Дукаѣ—Симеонъ Сѣтъ (XI в.), при Михаилѣ VII Палеологѣ—Дмитрій Пенаготесъ (XIII в.) и т. д.¹⁾ Неудивительно, что царица Софія, отправляясь изъ Рима въ далекую Русь, могла взять въ свою свиту врача.

Високіе достовѣрныя свѣдѣнія имѣются о прибытіи въ Москву въ 1485 г. нѣмецкаго врача Антона, а въ 1490 г.—доктора Леона изъ итальянскихъ евреевъ.

О первомъ лѣтописецъ разсказываетъ: „того же лѣта врачъ нѣкій нѣмчичъ Онтонъ прѣѣха къ великому князю, его же въ величій чести держа велики князи; врача же князь Каракучю паремича Дашярова да умори его смертнымъ зельемъ за поемѣхъ. Князь же велики выда его сыну Каракучеву, онъ же мучилъ его хотѣ дати на оуны; Князь же велики не повелѣ, но велѣ его убити; они же свели его на рѣку на Москву подѣ мостъ, зинѣ, да зарѣзаша его ножомъ, яко овицу“²⁾.

Не лучше была судьба другого врача, который лечилъ Ивана Ивановича, старшаго сына в. кн. Ивана Васильевича. „А болѣлъ онъ, говорить лѣтописецъ объ Ив. Ив., камчумомъ въ ногахъ, ходилъ, и видѣлъ лекаръ жидовинъ мистръ Леонтъ, похвалялся рече великому князю Ивану Васильевичу, отцу его: язь излечу сына твоего, великаго князя Ивана, отъ той болѣзни; а не излечу язь, и ты мене вели казнити смертною казнью. И кн. вел. нявъ тому вѣру, велѣ ему лечити сына своего. . . . лекаръ же дастъ ему зелье пити и жени нача стѣкланницами по тѣлу, вливая горячую воду, и отъ того ему бысть тягчае и умре. И того лекаръ мис-

¹⁾ Ковверъ. Исторія сѣверо-восточной земли. Киевъ 1893 г. томъ I стр. 39—164.

²⁾ И. С. Р. Л. т. VI СПб. 1853 г. Сѣв. Лѣт. II стр. 235.

тра Леона велѣлъ вел. кн. поймавъ и постѣ сорочить сына своего в к. Ивана повелѣ его казнити смертною казною, головы сѣбѣ; они же сѣбѣюна ему голову¹⁾.

Эта жестокая расправа съ первыми медиками была прямымъ слѣдствіемъ тогдашнихъ понятій о могуществѣ силъ, которыми управлять знахари-врачи, и которыми онъ будто бы не хотѣлъ въ данномъ случаѣ воспользоваться на благо пациента.

Съ постепеннымъ накопленіемъ реальныхъ знаній требованіе отъ врача непремѣнно усилившаго леченія слабѣетъ и начинаютъ выдѣляться тѣ естественные законы, въ предѣлахъ которыхъ только и можетъ оказаться состоятельнымъ человеческое искусство. Впрочемъ, неудачные выходы первыхъ врачей не остановили дальнейшего движенія образованныхъ медиковъ въ Россію. Въ томъ же 1490 г. Іоаннъ III просилъ императора австрійскаго о присылкѣ лекаря „добраго, который бы вѣдомъ былъ на внутреннія болѣзни и раны“²⁾. А въ двадцатыхъ годахъ XVI ст., при Василии Іоанновичѣ, въ Москвѣ съ усиленіемъ занимался практикой лекарь Маркъ изъ грековъ³⁾. Вообще Василий Іоанновичъ заботился о привлеченіи къ себѣ на службу иностранныхъ врачей и при немъ, кромѣ Марка, еще были Николай Луевъ и Осюмъ. Оба эти врача лечили въ 1534 года вел. кн. Василия Ивановича у котораго „ . . . постѣ Сергіева дни передъ Покровомъ явился мала болячка на лѣвомъ странѣ, на стегѣ, на стигѣ съ булавочную голову, врыху у нея нѣтъ, ни гною въ ней нѣтъ же, а сама багрова“.

Великій князь призвалъ своихъ докторовъ Николая и Осюмъ. Они пріѣхали и „начаша прикладывать къ болячкѣ мукъ пшеничную съ медомъ прѣснымъ и лукъ печенный, отъ того болячка нача рѣдѣетъ; они же начаша болѣе прикладывать и учинися на болячкѣ аки прищипъ малъ и появился изъ немъ малъ гною. А изъ болячки мало гною изсикаючи, врыху же у нея нѣтъ; рана же у нее аки иглою уткнута, а не прибудетъ ея, не убудетъ. И повелѣ же кн. вел. прикладывать мазь къ болячкѣ и нача изъ болячки идти гною по малу, и поелку болячка, яко до полутау

и по тау. . . И тогда же въ грудехъ ему бысть тягость и того ради изаша горошки и сѣмянники, и съ той пронесе ему на низъ, а болячка его тязка; и постѣ того порушася ему вѣтва. . . И тогда же. . . выйде изъ болячки гною яко болѣ таза и выйде изъ нее стержень болѣе полутаза пали. но еще не весь стержень выйде изъ нее; кн. же вел. обвеселися, чая болячки своей облегченіе. Почувствовать удрученіе, но старой привычкѣ вел. кн. послать за гетманомъ своимъ Яномъ малымъ и приказать ему прикладывать „къ болячкѣ мазь обычную“. Рана хотя не увеличивалась, но болячкой сильно страдалъ. Снова были призваны врачи, чтобы „прикладывать къ болячкѣ жезъ или бы нѣчто пустити въ рану, что бы отъ нее духу не было“.

Постѣ продолжительныхъ, но безуспѣшныхъ стараній со стороны врачей вел. кн. призвалъ къ себѣ Луевъ и, напоминая ему о всѣхъ оказанныхъ милостяхъ, поцѣсая: „масть или иное что, чтобы на облегченіе болячки“. Луевъ съ отчаяніемъ сознался въ своемъ безсиліи: „за можно ли мнѣ мертвато жива сотворити? за не же мнѣ, Государь, Богомъ не быти“⁴⁾. Замѣчательно, что врачи, сознавшіеся въ неспособности своего искусства, не подвергся трагической участи первыхъ своихъ собратьевъ и удержали за собою прежнее положеніе при дворѣ.

Вскорѣ причина болѣзни и кончины Василия Іоанновича была обнаружена: „поимавъ бысть князь Михаилъ Львовичъ Глинскій въ томъ, что давалъ великому князю Василью зелье пити въ его болѣзнь, съ того зелья великаго князя не стало“⁵⁾.

Со смертію Василия Ивановича, давшего высокій примѣръ гуманнаго отношенія къ придворнымъ медикамъ, начинается новое направленіе во всемъ врачебномъ дѣлѣ на Руси. Въ царствованіе его преемника Іоанна Грознаго было приглашено немало врачей изъ Западной Европы. Такъ одинъ Синте въ Германіи пригласилъ на царскую службу 4 врачей, 4 аптекарей, 2 операторовъ, 8 хирурговъ и 8 подлекарей⁶⁾. Но нишѣмъ изъ нихъ не удалось пробраться въ Россію, такъ какъ они были задержаны въ Ригѣ по пропискамъ Ганзы и Ливонскаго ордена.

¹⁾ Ibid стр. 239.

²⁾ Писемники царицъ, сношенія црковъ Россіи съ иностранными державами. Спб. 1851 г. т. I, стр. 46.

³⁾ Рукор., т. I, стр. 267.

⁴⁾ Собр. II, 267.

⁵⁾ Воскресенская Лѣтоп. протока, стр. 287.

⁶⁾ Барамзинъ. Истор. Государ. Россійскаго, изд. 1817 г. т. VIII, примѣчан. 206, стр. 343.

Большая часть медиков того времени была прислана по просьбѣ русскаго царя английской королевой Маріей и королемъ Филиппомъ, съ которыми съ 1553 г. завязываются оживленные сношенія черезъ Архангельскъ. Въ 1557 г. въ Россію прибыли съ посломъ Антоніемъ Джекинсономъ докторъ Стэндинъ и лекаръ Ричардъ Эльмъ¹⁾. Въ это время въ Москвѣ были уже извѣстны докторъ Арнульфъ Линзей²⁾, которому, по свидѣтельству Курбскаго, в. кн. „великую любовь всегда показывавше, обаче лекарства отъ него никакого пріймаше“. Докторъ Линзей умеръ при сожженіи Москвы крымскимъ Ханомъ Девлетъ Гиреемъ въ 1571 г. Въ 1572—82 г.г. упоминается о какомъ то докторѣ Іоаннѣ.

Извѣстенъ еще докторъ Елисей Бомелій, привезенный изъ Англіи нашимъ посланникомъ Савиннымъ³⁾. „Честнолюбивый, безчестный и своекорыстный, пишетъ о немъ проф. Цвѣтаевъ, онъ старался поддерживать свое значеніе, действуя на суевѣріе и болѣзненную подозрительность Іоанна⁴⁾“. Говорятъ, что Бомелій готовилъ для Грознаго яды, отъ которыхъ намѣченные имъ жертвы умирали въ назначенную минуту; жертвами его адекаго искусства были: Григорій Грязной, кн. Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій и много другихъ бояръ. Въ псковской лѣтописи о немъ записано подъ 1570 г.: „къ царю иѣмцы прислали иѣмчина лютаго волхва нарицаемаго Елисея и бысть ему любимъ и въ приближеніи“. Уличенный въ тайныхъ сношеніяхъ со Стефаномъ Баторіемъ онъ былъ въ 1580 г. публично сожженъ въ Москвѣ.

Царь Иванъ Грозный, кажется, не доверялъ Бомелію и, когда Линзей умеръ, то онъ обратился къ английской королевѣ Елизаветѣ съ просьбой о присылкѣ ему нѣсколькихъ докторовъ и аптекарей. Елизавета прислала въ 1581 г. въ Москву лейбъ-медика Роберта Якоби съ письмомъ, въ которомъ писала Грозному: „посылаю тебѣ доктора Роберта Якоби, какъ мужа искуснѣйшаго въ леченіи болѣзней; уступаю его тебѣ, брату моему, не для того, чтобы онъ былъ ненуженъ мнѣ, но для того, что тебѣ нуженъ. Можешь смѣло взѣрять ему свое здоровіе. Посылаю съ нимъ

въ угодность тебѣ, аптекарей и цирюльниковъ, волею и не волею, хотя мы сами имѣемъ недостатокъ въ такихъ людяхъ⁵⁾.

Въ Россіи его называли то Робертомъ Яковомъ, то Романомъ Елизарьевичемъ. Въ послѣдніе годы царствованія Ивана Грознаго, а также при сынѣ его и Борисѣ Годуновѣ Якоби кромѣ медицинъ занимался дипломатическими и религіозными вопросами своего времени: сватать государя при живой женѣ Маріи Нагой за англичанку Марію Гастингсъ, устроить аудиенцію у Царя послу Баузу, періодически отписывать Елизаветѣ о московскихъ событіяхъ, письменно изложить тезисы англиканской вѣры⁶⁾. Изъ письма королевы къ царю Іоанну отъ 24-го марта 1585 г. видно, что докторъ Якоби: „... всякія болѣзни женскія знаетъ и родильныя болѣзни всякія лечитъ... и онъ своимъ разумомъ въ докторствѣ лучше иныхъ бабъ умѣетъ служить“⁷⁾. Въ различныхъ источникахъ упоминается еще о нѣсколькихъ докторахъ, но о нихъ находимъ настолько случайныя свѣдѣнія, что нельзя себѣ составить никакого понятія объ ихъ положеніи въ Москвѣ.

При Борисѣ Годуновѣ, сношенія съ Западной Европой еще болѣе усилились благодаря неустаннымъ работамъ его о просвѣщеніи Россіи. Борисъ, привлекая къ себѣ на службу иностранныхъ художниковъ и мастеровъ, старался въ особенности о томъ, чтобы имѣть хорошихъ и надежныхъ врачей.

Врачи Оседора Іоанновича недолго оставались въ Москвѣ: англійскій врачъ Маріусъ Сидлей оставилъ Москву въ 1578 г., а италіанскій врачъ Павелъ Читадини—около 1595—96 г. г. Поэтому подозрительный и суевѣрный Борисъ въ 1600 г. отправилъ въ Германію Реннгольда Бекмана, бывшаго переводчика въ Посольскомъ приказѣ. Въ грамотѣ Бориса бурмистрамъ и ратникамъ гор. Любека говорилось: „дѣдомо нашему царскому величеству учинилось, что у васъ въ Любекѣ дохтуры навичны всякому дохторству, лечитъ всякия немощи. И вы города Любека бурмистры и ратманы... прислали нашему царскому величеству лучшаго дохтора, навичнаго... А какъ къ нашему царскому величеству дохтора пришлете, и будетъ у насъ и нашему царскому величеству своимъ ремесломъ послужить и похочеть будетъ

¹⁾ Барамзинъ, Ист. Госуд. Рос. VIII, 238; Рихтеръ I, 292—99.

²⁾ Гамзель, Англичане въ Россіи въ XVI и XVII ст. СПб. 1865 г. стр. 99; Зибель, Чтенія по врачбѣ, ист. Рос. СПб. 1896 г. стр. 160.

³⁾ Цвѣтаевъ, Протестантизмъ и Протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, М. 1890 стр. 578—79.

⁴⁾ Сборникъ Им. Рос. Ист. Общ. Сбѣ. 1888 г. т. 38, стр. 1—2; Рихтеръ I, 309.

⁵⁾ Цвѣтаевъ, Протестан. стр. 578; Сборн. Рос. Ист. Общ. г. 38, стр. 3—8, 112.

⁶⁾ Рихтеръ, т. I стр. 405.

ѣхать къ вамъ назадъ въ Любку, и мы своимъ царскимъ жалованьемъ пожаловать его, велимъ отпустить назадъ въ Любку, прѣхать и отѣхать ему будетъ во всемъ повольно, безо всякаго задержанія“ 1)...

Путешествіе Бекмана увѣчалось успѣхомъ: въ Россію съ нимъ прѣехали врачъ Давидъ Васмеръ и докторъ Генрихъ Шредеръ изъ Любека, Іоаннъ Гилькенъ изъ Риги, Касперъ Фидлеръ изъ Кенigsберга и студентъ медицины Эразмъ Белскій изъ Праги. „А лутчей изъ нихъ, какъ доносили Бекманъ Борису 21 ноября 1600 г., именемъ Каспарусъ Фидлеръ, а знаетъ онъ докторство философское, и въ медицинѣ въ лечбѣ и отъ многихъ людей восхваляемъ, что онъ въ своемъ докторствѣ добръ наученъ и достаточно знаетъ, и всѣмъ городомъ его любятъ“ 2)“.

Не слѣдуетъ смѣшивать этого доктора съ тѣмъ Фидлеромъ, который за условленную плату соглашался отравить Болотникова и готовъ былъ произвести извѣстную по своей низости присягу, написанную для этого случая Беромъ 3).

Кромѣ медиковъ, привезенныхъ Бекманомъ, у Годунова были и другіе, какъ-то: Христофоръ Рейтлингеръ, котораго привезъ въ Москву англійскій посланникъ Ричардъ-Инъ въ 1601 г. До Рейтлингера, по словамъ Петра, былъ какой-то врачъ Габріель. Всѣ врачи Бориса Годунова были изгнаны изъ Москвы по смерти Лжедмитрія I, за исключеніемъ одного Давида Васмера, оставшагося въ качествѣ лейбъ-медика царя Василія Ивановича Шуйскаго.

Время междоусобицы наполнено внутренними безпорядками, губительныя послѣдствія которыхъ для русской культуры еще усиливались моровымъ повѣтріемъ. Врачи были нужны въ особенности, а ихъ то и не было въ Москвѣ. Незабвенныя услуги были оказаны въ этомъ случаѣ архимандритомъ Троицкаго монастыря Діонисіемъ и келаремъ Авраамомъ Палачинымъ. Они „начаша строити казною монастырскою дома для всѣхъ людей, и больнымъ людямъ обрѣтаться врачеве и цѣлеху многихъ и даны были больницы на раненныхъ людей 4)“....

1) Русск. Истор. Библ. Сбл. 1884 г. т. VIII стр. 90.

2) ibid стр. 91.

3) Цѣлсая Простуда, стр. 220.

4) Житіе Діонисія Преподобнаго, Писаніе Старцаго Монастыря М. 1896 г. стр. 13.

Въ XVI в. врачи находились въ непосредственной общеніи съ царемъ, но съ царствованія Бориса Годунова, когда специалитетъ врачебнаго знанія стало нѣсколько, они были подчинены особому боярину, который, по свидѣтельству Маржерета, назывался аптекарскимъ бояриномъ. Вокругъ этого боярина собиралось то первое въ Россіи управленіе по медицинской части, которое извѣстно подъ именемъ Аптекарскаго Приказа.

Начало Аптекарскаго Приказа, какъ и вообще вопросъ о времени возникновенія нѣкоторыхъ другихъ приказовъ представляется довольно спорнымъ и неопредѣленнымъ. Вопросъ остается открытымъ для всякихъ догадокъ отчасти вѣдѣніемъ недостатка матеріаловъ, отчасти вѣдѣніемъ тѣхъ научныхъ пріемовъ, которые употреблялись при разработкѣ извѣданныхъ уже историческихъ данныхъ. Ученые изслѣдователи въ тѣхъ случаяхъ, когда документы не помогаютъ, стараются по нимъ воспроизвести исторію учреждений то съ нѣкоторыми догадками и опредѣленнымъ кругомъ дѣловаго производства, то личнымъ приказомъ, основаннымъ на личныхъ порученіяхъ вѣдать великокняжеское дѣло. И тотъ и другой „приказъ“ выдѣляется въ различные моменты нашей отечественной исторіи.

Остановившаяся на характеристикѣ приказнаго строя проф. Неволнитъ, между прочимъ, приходитъ къ слѣдующимъ замѣчательнымъ выводамъ: 1) управленіе было устроено по примѣру и въ духѣ домашняго управленія... 2) повсюду, для управленія существовали только извѣстные лица, а не мѣста присутствія. Сложность состава и дѣлопроизводства послѣднихъ была несовмѣстима съ духомъ домашняго управленія, господствовавшего въ княжествахъ, 3) управленіе проходило не на основаніи общихъ законовъ, но по особымъ приказаніямъ князя и лицъ, имъ уполномоченныхъ. Общихъ уставовъ не было 4).

Дѣйствительно, въ эпоху многодержавія хозяйство княжеское не отдѣлялось отъ хозяйства государственнаго: служебная дѣятельность приближенныхъ князю бояръ носила не столько государственный, сколько частно-правовой характеръ. Съ усиленіемъ единой державы вся система частно-хозяйственныхъ отношеній проникается духомъ государственнаго единства, а вмѣстѣ съ этимъ

4) Неволнитъ. Образованіе управленія въ Россіи отъ Иоанна III до Петра Великаго, 36 Мат. Нар. Просв. 1814 г. № 1, 2 и 3 стр. 9—10.

вместо *поручений* разных отраслей управления и несколькими приближенными лицам возникают отдельные учреждения — присутственные места, известные впоследствии под именем *приказов*, число которых во второй половине XVI и в XVII в.в. постепенно возрастает.

Существенной основой приказного управления было личное отношение доверия к лицам, которым поручалось дело. Самая дела, поручаемая различным лицам, были крайне разнообразны и переменчивы: иноземцы, например, в делах и в посольском, и в иноземном, и в различных специальных приказах. Приказы, говорит Павлов, должны представляться такими институтами, где постоянная переданность лиц, их отношений и круга деятельности, должны быть явлениями обыкновенными, почти каждодневными¹⁾.

Смотря по характеру дела и по другим многочисленным обстоятельствам одним приказам удается раньше приобрести определенную физиономию, другим поздне. В зависимости от этих же обстоятельств вырабатывается та или другая организация приказов: в одних множество дьяков и подьячих, как например, в посольском; в других — по одному боярину, с несколькими дьяками и подьячими, например, в казанском, сибирском, рейтарском, судных и других; в третьих, сидели одни дьяки, как в приказе тайных дел.

Какова бы ни была организация, каков бы ни был круг деятельности приказов, нужно однако признать, что они возникли по большей части случайно, не в значении коллегияльных присутственных мест, но просто по началу личных поручений того или другого рода дел завладеванию какого-либо боярина, окольничего и пр. С течением времени, с последовательным усложнением дела, там, где раньше вдала один человек мы видим несколько товарищей, из которых один назначается просто для сотрудничества, другой — для совета, третий для контроля. Только таким путем создается приказ — учреждение.

По поводу происхождения приказов проф. Лихачев в своем обширном сочинении „Разрядные дьяки XVI в.“ замечает: „приказы, как учреждения, характеризуются своей коллегияль-

ностью: приказы выросли из личных поручений, но всякий приказ только тогда и сдвинулся учреждением, когда стал коллегияльным... Разматывая массу приказных документов, мы должны прийти к выводу, что подпись одного дьяка может относиться и к периоду личного приказа и к времени коллегияльных приказов, скрепа же двух дьяков свидетельствует о существовании в данное время приказа как учреждения²⁾.

Но если искать в первоначальных приказах учреждений с массой разнообразных документов, в них составленных, скрепленных и засвидетельствованных, или их выписках и разосланных, то время возникновения многих приказов будет отодвинуто к более позднему моменту истории тем, когда они в действительности появились. В особенности такая участь постигла бы Антестарский Приказ, канцелярская физиономия которого сложилась весьма поздно: последнее обстоятельство обусловливалось тем, что приказ этот возник для чисто личного государева дела, да и докторов мы завели не Бог весть когда.

Думаем, что на приказах удобнее взглянуть без наших понятий о бюрократии или коллегии и признать существование приказа там, где вдала какое-либо дело без всякого отношения к тому, одним ли или несколькими лицами. Несколько лиц всегда появляется с расширением дела, а учреждение остается прежним. Так было и с Антестарским Приказом. Сначала, когда врачебное дело представляется одним, от силы, двумя докторами, то все врачебное дело вдалось какому-нибудь „близким боярином“. Так при Василии Ивановиче III князь Михаил Львович Глинский наблюдал за лечением царя медиками иноземцами и русскими знахарями. Когда же при дворе появляется большое число врачей, лекарей, антестаров, как например, при Иоанне Грозном, то прежнее непосредственное сношение врача с царем суживается благодаря посредничеству доверенного боярина князя Афанасия Вяземского.

Чем больше лиц медицинского персонала, тем шире вмешательство близких боярей, тем все больше и больше начинает складываться тот период отношений, который приво-

¹⁾ Павлов. Московские приказы. Моск. Вкл. 1885 г. № 36.

²⁾ Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. С.-П.-Б. 1888 г. стр. 26, из той работы (стр. 1—79) вообще можно найти прекрасную статью литературных направлений по вопросу о характере приказов.

дигъ къ нормальному приказному дѣлопроизводству. Во главѣ новой канцеляріи стоитъ наиболѣе надежный бояринъ, рядомъ съ которымъ всѣмъ врачеснымъ персоналомъ въдаетъ приказные служители и дѣяки

Когда именно появляется канцелярія Антекарскаго Приказа, сказать трудно. „Допустить очень можно, пишетъ Рихтеръ, что Антекарскій Приказъ существовать прежде 1607 года. Сіе мнѣніе подтверждаетъ сочиненіе Маржерета, напечатанное въ Парижѣ въ упомянутомъ году“. ¹⁾ „Врачебная наука въ Россіи, по замѣчанію Успенскаго, до учрежденія Антекарскаго Приказа не имѣла никакого опредѣлительнаго управленія... Трудно отыскать точныя свѣдѣнія, въ которомъ году учрежденъ былъ приказъ сей; но съ вѣроятностію начало его полагать можно около 1620 г.²⁾ Къ тому же времени относятся учрежденіе Антекарскаго Приказа Берхъ и Неволитъ ³⁾, а за ними и другіе изслѣдователи.

Напримѣръ, авторъ повѣстной работы М. Соколовскій пишетъ: „за невозможностію же точнаго установленія года возникновенія Антекарскаго Приказа, слѣдуетъ относить его начало вообще къ царствованію Михаила Оседоровича (1613—1645 г.г.), какъ на мой взглядъ, совершенно правильно дѣлаетъ Неволитъ“ ⁴⁾. Проф. Владимирскій—Будановъ считаетъ, что Ант. Приказъ возникъ около 1620 года ⁵⁾. Это же время принимается въ докладѣ мин. внутр. дѣлъ, вошедшемъ въ Полное собраніе законовъ ⁶⁾.

Совершенно особенное положеніе занялъ по этому вопросу историкъ русской медицины Змѣевъ. Онъ упрекаетъ Рихтера, Макеевича, Петрова и другихъ въ томъ, что они, при опредѣленіи времени возникновенія приказа, не усвоили „духа времени“. При этомъ онъ допускаетъ удивительную смѣсь вѣрныхъ взглядовъ съ совершенно произвольными положеніями, расходящимися даже съ азбукой исторіи русскаго права. Такъ у него

¹⁾ Рихтеръ. Пол. мед. т. II, стр. 7.

²⁾ Успенскій. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, Харьковъ 1818 г. стр. 539—40.

³⁾ Берхъ. Царствованіе Михаила Оседоровича (ст. изд. 1832 г. Сиб. ч. I стр. 120).

⁴⁾ М. Соколовскій. Характеръ и значеніе дѣятельности антекарскаго приказа. Сиб. 1904 г., стр. 31.

⁵⁾ Владимирскій—Будановъ. Обзоръ ист. рус. права Сиб. 1905 г., стр. 197.

⁶⁾ Полн. собр. закон. т. XXVII, № 21405 стр. 1104.

находимъ слѣдующее: „приказъ всегда состоятъ при лицѣ, кому поручена—приказана—какая либо часть управленія... Въ первые годы царствованія Михаила Оседоровича, когда завидовались врачамъ для войскъ, ради многолюдія, сложности дѣла, контроля его—стало недостаточно словесныхъ распоряженій боярина, за надобилась канцелярія и явился приказъ... Отдѣльное письмо-водство я отношу къ 1627 г., потому что столбцы Антекарскаго Приказа въ главномъ архивѣ мин. внутр. дѣлъ начинаются 9 августа этого года... Затѣмъ отводить Антекарскому Приказу особое помѣщеніе у Воскресенскихъ воротъ... назначается туда особый сторожъ... Но все это еще въ матеріальной зависимости отъ приказа Большого Дворца“....

И такъ усвоивши „духъ времени“, этотъ авторъ продолжаетъ: „Начало существованія Антекарскаго Приказа нужно считать 1631 годомъ, когда получая изъ Дворца (приказъ Большого Дворца) лишь жалованья, приказъ постепенно порываетъ всякія зависимости отношенія отъ всякихъ другихъ учреждений и начинаетъ самостоятельно вѣдать—судить (1632 г. Матеріалы № 105) всѣхъ служащихъ и учрежденія, аптеку, сады и проч.“ ¹⁾ Подобный выводъ никакъ не выжестъ ни съ предыдущими разсужденіями автора, ни съ данными исторіи.

Что касается полной самостоятельности, какъ существеннаго признака, то, по косвенному замѣчанію проф. Сергѣевича, и высшее и низшее учрежденіе одинаково—приказъ ²⁾. Такъ, напримѣръ, Приказъ Большого Дворца имѣлъ подъ своимъ вѣдѣніемъ Сытныи приказъ, Кормовой приказъ, Хлебный Именитый. Проф. Ключевскій въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Боярская дума древней Руси“ указываетъ также на зависимость Казеннаго двора отъ Посольскаго Приказа и смутанность дѣлопроизводства приказовъ Разряднаго, Помѣстнаго, Разбойнаго, Московскаго Суднаго ³⁾.

Не имѣютъ также никакого значенія разсужденія Змѣева объ особомъ помѣщеніи, о „приказѣ“ и „палатѣ“, или о развитомъ дѣлопроизводствѣ. Выраженія „приказъ“, „палата“, „дѣла“ упот-

¹⁾ Метшин. Обзоръ 1887 г. № 21, стр. 844.

²⁾ Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія изд. 1906 г., стр. 274.

³⁾ Ключевскій. Боярская дума (ст. изд. 1902 г., стр. 165 и 481).

реблялись одинаково для обозначения Посольского приказа¹⁾. Разрядный, Поместный и Посольский приказы почти до 1670 годов управлялись только дяками²⁾.

Наконец Посольский приказ, как доказали проф. Лихачев возник гораздо раньше построенного для него здания³⁾. Тоже можно, следовательно, случится с Антекарским Приказом.

Возникновение приказного управления вообще нужно отнести к концу XV столетия. Тогда же появились в Москве иноземные врачи, которые при повальной болезни вдовских детей, лихого зелья, порчи и т. п. не могли не привлекать к себе особаго наблюдения. Можно думать, что Антекарский Приказ существовал уже во времена Иоанна Грозного. При немъ во главѣ приказа стояли, какъ мы уже замѣтили, бояринъ князь Афанасій Вяземскій; при Осодорѣ Ивановичѣ—Борисъ Годуновъ; а при Борисѣ-царѣ—Семенъ Никитичъ Годуновъ. При Осодорѣ Ивановичѣ Антекарскій Приказъ былъ настоящей канцеляріей. Объ этомъ до насъ дошли точныя извѣстія. Такъ въ писемныхъ книгахъ Вяземскаго уѣзда отъ 1594 по 1595 г. находимъ между прочимъ: «а преть того было за Дмитриемъ за Михайловымъ сыномъ Быкова, а осталось за дѣрою *Обтекарскаго Приказу* у Никифора Гаврилова»⁴⁾.

Несколько прочно сложился Антекарскій Приказъ къ концу XVI вѣка, видно изъ сказаній о Россіи иностранцевъ. Маркелетъ, побывавшій въ Москвѣ въ 1600—1601 г. г., занесъ въ свою книгу слѣдующее извѣстіе: „Важнѣйшее въ Россіи достоинство есть самъ кошошеннато боярина, за нимъ слѣдуетъ *антекарскій* бояринъ, главный начальникъ мелниковъ и антекарей”⁵⁾. Въ 1628 г. упоминается о переводчикѣ Антекарскаго Приказа Захаревѣ, который былъ посланъ въ Англію⁶⁾. Отъ тридцатыхъ годовъ XVII ст. сохранились уже многочисленные матеріалы, обрисовывающіе приказную организацию врачебно-антечнаго дѣла въ до-Петровской Русіи.

¹⁾ Объ этомъ см. родинскую работу Федорова „О Посольскомъ приказѣ”. Чтения въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. № 218, 1906 г. стр. 62.

²⁾ Ibid стр. 163.

³⁾ Лихачевъ, Дипломатика. СИБ. 1891 г., стр. 100—102.

⁴⁾ Балабанъ, Писемныя книги конца XVI в. СИБ. 1877 г. т. I, стр. 811.

⁵⁾ Маркелетъ, Состояніе Россійской державы СИБ. 1830 г. стр. 48.

⁶⁾ Норманъ, Древняя Россійская Византизма М. 1791 г. т. XX, стр. 278.

Во главѣ Антекарскаго Приказа „драги остеретельства великихъ государей здоровья” всегда стояли „ближніе люди бояре”, пользовавшіеся особымъ довѣріемъ. Къ сожалѣнію, не сохранилось историческихъ данныхъ для полнаго хронологическаго указателя лицъ, замѣщавшихъ этимъ приказомъ. Князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій состоялъ „антекарскимъ” бояриномъ съ 9 окт. 1629 г. по 2 іюля 1633 года¹⁾; бояринъ кн. Осодоръ Ивановичъ Шереметевъ съ 19 апрѣля 1643 г. по 10 августа 1645 года²⁾; бояр. Борисъ Ивановичъ Морозовъ да дякъ Минифоръ Валцовъ съ 27 мая 1646 г. по 26 іюня 1648 г.³⁾; бояр. кн. Яковъ Куденцовичъ Черкасскій съ 26 іюня по 18 іюля 1648 года⁴⁾; бояр. Нилъ Даниловичъ Милославскій съ сентября 1651 г. по 18 февраля 1669 г., при немъ были дяки Иванъ Десятово, Михаилъ и Ефремъ и подъячіе Иванъ Зусь и Юрій Десятово; окольный Иванъ Михайловичъ Милославскій да дякъ Иванъ Десятово съ 3 апр. по 24 августа 1669 года⁵⁾; думный дякъ Лукьянъ Голосовъ и дякъ Петръ Зыковъ да подъячіе Ив. Зусь и Семенъ Посниновъ съ 7 іюля 1670 г. по 5 ноября 1671 года⁶⁾; окольный Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и дякъ Иванъ Патрикѣевъ съ 14 марта 1672 г. по 4 апр. 1676 г.⁷⁾; бояр. кн. Никита Иванъ да правій съ путемъ (съ 1682 г. бояринъ и дворецкій) Василій Осодоровичъ Одоевскіе съ 1 янв. 1677 г. по 27 мая 1688 года⁸⁾, при нихъ упоминаются дяки Леонтіи Меньшой, Василій Меньшой, Андрей Виниусъ и Матвѣй Чистово; б. кн. Яковъ Никитичъ Одоевскій да дяки Ив. Протопоповъ, Андрей Юдинъ и подъячіе Леонтіи Матвѣевъ, Захаръ Наврошій, Алексѣи Сафоновъ и Василій Протопоповъ съ начала 1689 года по 25 мая 1697 года⁹⁾; дяки Андрей Юдинъ и Иванъ Протопоповъ безъ бояръ съ 22 іюня 1698 г. по 21 окт. 1699 года¹⁰⁾.

¹⁾ Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Импіи Медицинскаго Департамента СИБ. 1881—1885 г. №№ 5—133.

²⁾ ibidem №№ 149—209.

³⁾ ibidem №№ 559—609.

⁴⁾ ibidem №№ 621—625.

⁵⁾ ibidem №№ 393—421.

⁶⁾ ibidem №№ 428—470.

⁷⁾ ibidem № 1232 и Наши матеріалы по исторіи медицины. т. III, ч. II, № 32.

⁸⁾ Наши Матеріалы т. II, №№ 41—202.

⁹⁾ ibidem т. II, № 203—т. III, № 74; Москва. Ст. соб. № 741, л. 218.

¹⁰⁾ Ibidem т. II, №№ 73—76.

Указанный нами даты не обозначают точных предельных времени начала и конца службы разных деятелей Аптекарского Приказа, но эти даты с наибольшей степенью правильности охватывают названные предельные сообразно с имеющимися историческими материалами.

Впервые известия о чинах приказа были помещены в статье неизвестного автора, напечатанной в Древней Русской Вивлиоикѣ. Затѣмъ къ даннымъ этой статьи, которую проф. Лихачевъ приписываетъ Миллеру, последующіе изслѣдователи стали прибавлять свои дополненія. О произвольности послѣднихъ можно судить, сопоставивъ наши данныя съ приводимыми разными авторами, извлеченія изъ сочиненій которыхъ приводимъ ниже въ прилѣжаніи ³⁾.

¹⁾ Авторъ статьи, помещенной в Вивлиоикѣ Новикова (т. XX, стр. 178), пересказываетъ, что въ Аптекарскомъ Приказѣ присутствовали: въ 1661 г. дьякъ Иванъ Деситовъ, въ 1662 г. бояринъ Иванъ Даниловичъ Милославскій, дьякъ Иванъ Деситовъ съ 1663 по 1668 г. дьякъ въ 1671 г. дьякъ, думный дьякъ Тимофейевъ, сынъ Голосовъ да Пётръ Зыковъ, въ 1678 г. бояринъ Никита Ивановичъ Одоескинъ, да краевіе съ рукою князь Василій Осодоровичъ Одоескинъ, дьякъ Леоніе Мешковъ; въ 1686 г. б. кн. Никита Ивановичъ Одоескинъ да бояринъ и переяскинъ кн. Василій Осодоровичъ Одоескинъ, дьякъ Андрей Вишійскъ; въ 1689 г. бояр. кн. Никита Ивановичъ умеръ, февраля же въ 15 день указано сего приказъ вѣдать боярину князю Якову Никитичу Одоескому съ дьякомъ прежнимъ; въ 1690 году прежній.

Рихтеръ не указываетъ времени издѣнія приказа, отбѣлѣвшихъ дворянъ, но перечисляетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: Федоръ Ивановичъ Шереметевъ, Иванъ Даниловичъ Милославскій, князь Черкасскій, Борисъ Ивановичъ Морозовъ, кн. Никита Федоровичъ Одоескинъ, кн. Яковъ Никитичъ Одоескинъ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и проч. (Рихтеръ ж. 1820 г. Истор. мед. ч. 2, стр. 4—5).

По Замѣткѣ во главѣ Аптекарскаго Приказа послѣдовательно стояли: П. Ф. Черкасскій (1637 г.), О. П. Шереметевъ (1642 г.), Б. П. Морозовъ (1646 г.), П. Д. Милославскій (1662—1688 г.), А. С. Матвѣевъ (1673 г.), кн. П. В. Одоескинъ (1678—1686 г.), кн. Я. П. Одоескинъ (1689 г.) (Замѣтки, Врачи и врачебное дѣло въ старинной Руси, Санктъ 1891 г. стр. 30).

Замѣвъ приводитъ оныя данныя, а именно: кн. П. Бор. Черкасскій 1629—? Ост. П. Шереметевъ 1643—45; Бор. П. Морозовъ 1645—51; Иванъ Данил. Милославскій 1669—70; сундъ Аптекарской палаты думный дьякъ Лук. Голосовъ съ дьякомъ Пётръ Зыковъ 1670—72; Арх. Серг. Матвѣевъ 1672 г. марта—76; Никита П. и Вас. Вас. кн. Одоескіе 1676—7; Яковъ Ник. кн. Одоескинъ 1697—714 г. были послѣдними (Замѣтъ. Членія по врачебной исторіи Россіи СПб. 1896 г. стр. 220).

Всѣ эти авторы не приводятъ источниковъ, на основаніи которыхъ они устанавливали свои хронологическія даты.

Изъ другихъ писателей Замѣтчикъ (Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи СПб. 1883 г. стр. 2) и Халиковъ (Очеркъ исторіи медицинской полиціи въ Журн. Мин. Вн. Д. 1851 г. № 33, стр. 355) почти повторяютъ Рихтера, а Соболевскій (Характеръ и значеніе дѣятельности Апт. Приказа СПб. 1904 стр. 13) балансируетъ между Рихтеромъ и Замѣтчикомъ, балливая, согласно Рихтеру, съ кн. Черкасскимъ, короче Чистовича, не упоминаетъ.

До настоящаго времени не опровергнутое предположеніе о преобразованіи Аптекарскаго Приказа въ 1672 г. въ Аптекарскую Палату. Впервые это предположеніе встрѣчаемъ въ статьѣ о приказахъ неизвѣстнаго автора, помещенной въ уже цитированной Вивлиоикѣ Новикова, гдѣ сказано: „Аптекарскій приказъ... въ записныхъ книгахъ упоминается съ 1658 г. по 1672 г., съ сего времени Аптекарская палата“ ¹⁾. Отсюда это извѣстіе перешло въ „указатель Русскихъ законовъ“ Максимовича, въ изслѣдованіе Рихтера, въ работы Чистовича, Хмырова и другихъ ²⁾.

Но наиболѣе оригинальную позицію въ этомъ отношеніи занялъ Л. Замѣвъ. Онъ уверкаетъ Рихтера и его послѣдователей въ томъ, что они не осмыслили русскихъ старыхъ словъ—палата и приказъ. По его мнѣнію, „дѣло было просто: приняли Ив. Андр. Милославскаго; мѣсто оставалось не приказанное, потому что подыскивали лицо для него, вотъ и стали его писать по изстаріи усвоенному понятію—палатой. Въ 1654-1655 г. въ отсутствіи Ив. Дан. Милославскаго приказано вѣдать Аптекарскую Палату Ив. Андр. Милославскому (мат. № 653)“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія онъ останавливается „на томъ времени (2 іюля 1670 г. по май 1672 г. Мат. № 428, 430), когда во главѣ Аптекарскаго Приказа, называемаго тогда естественно не приказомъ, потому приказывать было некому, а Аптекарской Палатой, стоялъ думный дьякъ Лукіанъ Голосовъ съ дьякомъ П. Зыковымъ“ ⁴⁾.

О значеніи „русскихъ старинныхъ словъ—палата и приказъ“ мы высказались выше (см. стр. 78). теперь остается общія соображенія дополнить фактами. Фактическій матеріалъ для своихъ положеній Л. Замѣвъ черпалъ изъ цитированнаго нами четырехтомнаго изданія матеріаловъ для исторіи медицины въ Россіи. Обратившись къ этому источнику, видимъ, что 14 марта 1632 г. „Обтекарской палатой“ заведуетъ бояринъ кн. Иванъ Борисовичъ Черкасскій ⁵⁾. Въ томъ же году 3 іюля во главѣ центрального медицинскаго учрежденія находится тотъ же Черкасскій, а учрежденіе называется „Обтекарская Палата“ ⁶⁾. Въ 1656 г. въ чело-

¹⁾ Новиковъ. Древн. Рос. Вивлиоика М. 1791. т. XX, стр. 178.

²⁾ Рихтеръ Ор. сіт. т. 2, стр. 6; Чистовичъ, Ор. сіт. стр. 2 и 472; Хмыровъ. Русская военно-медицинская старина въ Военно-медицин. журн. 1863 г. ч. CIV стр. 30.

³⁾ Л. Замѣвъ. Ор. сіт. стр. 222.

⁴⁾ Ibidem, стр. 221—222.

⁵⁾ Матеріалы № 88.

⁶⁾ Ibidem № 134.

битной костюмной говорится, объ „Обтекарской палате“, а заведуетъ ею бояринъ Н. Д. Милославскій ¹⁾. Въ 1667 г. 10 января изданъ указъ боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому да дяку Ивану Десятову по поводу челобитной „скажничнаго дѣла заводчика Антоновской жены Коста, вдовы Марьицы“ и въ этомъ указѣ *одно и то же предложение* 7 разъ называется „Оптекарской полатой“ и 4 раза „Оптекарскимъ Приказомъ“. ²⁾ Следовательно, выраженіе „Аптекарская Палата“ употреблялось не въслѣдствіе того, что изъ Апт. Приказа выбыла бояринъ и въ немъ оставались одни дяки или онъ поручался временно какому-либо другому лицу. Это предположеніе Зыбевъ не оправдывается даже тѣми матеріалами, къ которымъ онъ имѣлъ доступъ.

Вообще нужно замѣтить, что *никакой реформы и никакого переименованія Аптекарскаго Приказа въ палату въ 1672 г. не произошло*. Эта реформа имѣла мѣсто только въ головахъ историковъ, которые привыкли читать въ историческихъ памятникахъ объ „Аптекарскомъ Приказѣ“, какъ центральномъ медицинскомъ учрежденіи, и когда въ документахъ, имъ извѣстныхъ, съ 1672 г. замѣчалось названіе „Аптекарская Палата“, то они долго не задумываясь, рѣшили, что произошла реформа. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Въ самомъ дѣлѣ, въ памятникѣ отъ 8 сентября 1616 года учрежденіе, заведывающее врачебнымъ дѣломъ, называется Аптекарскою Палатою, а въ документѣ отъ 2 июня слѣдующаго 1617 года уже Аптекарскимъ Приказомъ. Изъ этого мы заключаемъ только, что въ приказномъ дѣлопроизводствѣ „приказы“ и „палаты“ были выраженія синонимическія и употреблялись одно въ замѣну другого безъ всякой разницы. Наименованіе „Аптекарскій Приказъ“ нужно признать господствующимъ, оно свойственно какъ наиболее раннимъ памятникамъ, такъ и самымъ позднимъ.

Названіе „Аптекарская Палата“ встрѣчается, напримѣръ, въ актахъ отъ 8 сент. 1628 г., 13 февр. 1642 г., 7 июня 1643 г., 15 июня, 4 авг., 18 авг., 18 сент. и 14 дек. 1670 г., 19 мая 1671 г., 21 авг. 1672 г., марта 1674 г., 14 декаб. 1693 г., 22 июня 1698 г., 4 марта 1699 г., 23 авг. 1700 г.; а выраженіе „Аптекарскій Приказъ“ встрѣчается даже въ указахъ отъ 9 мар-

та 1700 г. и указахъ отъ 24 февр., 11 марта и 4 іюля 1701 года и позднѣйшихъ указахъ, извлеченныхъ нами изъ разрядныхъ вѣдомъ и напечатанныхъ въ IV томѣ нашихъ матеріаловъ.

Больше того, въ нѣкоторыхъ памятникахъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ употребляется то одно названіе, то другое. Такъ въ указѣ отъ 7 июня 1643 г. выраженіе „Аптекарская Палата“ употребляется трижды и одинъ разъ „Аптекарскій Приказъ“; въ одномъ мѣстѣ дѣла 1673 года употребляется первое названіе, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ второе; въ первой повѣсти на челобитной 1678 г. упоминается „Аптекарскій Приказъ“, а во второй повѣсти „Аптекарская Палата“; въ указѣ 4 сент. 1698 г. первое названіе встрѣчается четыре раза и одинъ разъ второе; а въ дѣлѣ 1697 г., т. е. спустя ровно четверть столѣтія послѣ воображаемой реформы, названіе „Аптекарская Палата“ употребляется двѣнадцать разъ, а названіе „Аптекарскій Приказъ“ семь разъ! ³⁾

Честь открытія реформы 1672 года принадлежитъ первому историку русской медицины Рихтеру. За нимъ почили сто дѣтъ *facile consensu* твердили объ этомъ другіе изслѣдователи. Только профессоръ Л. Зыбевъ зафиксировалъ „открытіе“ Рихтера и придумалъ весьма сложную комбинацію для объясненія переименованія Аптекарскаго Приказа въ Аптекарскую Палату. Теперь очевидна ненужность остроумныхъ комбинацій Л. Зыбевъ и, употребляя это выраженіе, мы по праву можемъ сказать „дѣло было просто“.

Мы должны разрушить еще одно заблужденіе относительно судьбы Аптекарскаго Приказа. Изслѣдователи врачебной старины слѣдуя указаніямъ (добавимъ—не основаннымъ на историческихъ матеріалахъ) неизвѣстнаго автора статьи въ новиковской вивлюонкѣ и Максимовича, автора „Указателя Россійскихъ законовъ“ пересказотъ, что Аптекарскій Приказъ, переименованный въ 1672 г. въ Аптекарскую Палату, былъ въ 1707 г. переименованъ въ Аптекарскую Канцелярію. На это переименованіе Рихтеръ указываетъ вскользь, какъ на фактъ ⁴⁾. Другіе же изслѣдователи съ этимъ переименованіемъ связываютъ мысль о какомъ-то особено благотворительномъ преобразованіи.

¹⁾ Ibidem № 679.

²⁾ Ibidem № 390.

³⁾ Наши Матеріалы т. II стр. 341, 12, 13, 208, 14, 201, 79, 139, 30, 75, 77, 36, 39, 143, 155, 32, 37 и др.

⁴⁾ Рихтеръ op. cit. т. II, стр. 6.

По мнѣнію проф. Чистовича, „Только въ то время, когда Апт. Приказъ, названный въ 1672 г. Аптекарскою Палатою, переименованъ въ Аптек. Канцелярію (1707) и позже въ Медицинскую Канцелярію (1725 г.), цѣль утвержденія совершенно измѣнилась и Россія увидѣла у себя настоящее центральное медицинское управленіе“. ¹⁾ Прив.-доцентъ М. Лахтинъ, авторъ повѣйшей работы по исторіи медицины въ Россіи, повторяетъ почти тоже. Онъ пишетъ: „Аптекарскій приказъ продолжалъ существовать до Петра I, когда произошла ломка стараго строя и была преобразована вся приказная система управленія. Аптекарскій приказъ былъ реформированъ въ Аптекарскую канцелярію, представлявшую собою уже болѣе высокую ступень въ административномъ управленіи врачебною частью Россіи“ ²⁾.

Любопытно, что приведенныя мнѣнія Чистовича и Лахтина находятъ себѣ опору въ нѣкоторыхъ страницахъ Полнаго Собранія Законовъ, а именно: въ законѣ 31 декабря 1893 г., куда внесенъ докладъ Мин. вн. дѣлъ „о началѣ и переимѣнахъ медицинскаго управленія etc“. Здѣсь мы читаемъ: „Въ семъ положеніи было управленіе врачебной части во время существованія Аптекарскаго Приказа, продолжавшагося съ нѣкоторыми переимѣнами въ чинѣ медицинскихъ чиновъ до временъ Рос. Им. Петра I, или лучше сказать до 1707 г., когда учреждена или по крайней мѣрѣ по дѣламъ стала извѣстна походная Аптекарская канцелярія, которая потомъ подъ именемъ Аптекарской канцеляріи и совѣтъ Приказъ замѣнила. Подъ вѣдомствомъ сей канцеляріи Врачебная наука въ Россіи получала немаловажное приращеніе“ ³⁾.

Утверждаютъ, что Аптекарская Канцелярія была создана въ 1707 г., но дня и мѣсяца, когда произошло преобразование не указываютъ. Обратимся къ документамъ. До насъ дошли акты, направленные въ Аптекарскій Приказъ изъ разныхъ учреждений и обратно отъ 7 февраля, 1, 12 и 19 марта, 2 апрѣля, 4 октября, 7 ноября 1707 года и т. д. ⁴⁾

¹⁾ И. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. СПб. 1883 г. стр. 3.

²⁾ М. Лахтинъ, Медицина и врачи въ Московскомъ Государствѣ. М. 1906 г. стр. 87.

³⁾ Полн. Собр. Зак. т. XXVII № 21,065 стр. 1105.

⁴⁾ Арх. Мин. Юстиціи Разрѣдн. Бажа № 11, т. 33; № 43, т. 42; № 43, т. 29; № 15, т. 54; № 42, т. 47; № 41, т. 74; № 41, т. 29.

Остается предположить, что преобразование совершилось въ самомъ концѣ 1707 года. Однако, извѣстенъ помѣщенный 19 января 1708 года „Вел. госуд. указъ изъ Разряда въ Аптекарскій Приказъ къ Роберту Карлусовичу Арескину архіатеру и физическу примаріусу да комиссару Павлу Яковлевичу Беселовскому“... о посылкѣ врача Семена Робѣчева въ Казань. ¹⁾ Въ этомъ указѣ о канцеляріи ни слова, а Аптекарскій Приказъ повторяется 10 разъ. По указу 5 іюля въ Аптекарскій Приказъ были посланы для свидѣтельствванія 3 солдата ²⁾. По указу 11 февраля приняты въ ученики въ Аптекарскій Приказъ иноземцы Давыдъ Рьца ³⁾.

Указаній на Аптек. Канцелярію не находимъ и въ послѣдующіе годы. Такъ въ апрѣлѣ 1709 г. „по указу вел. гос. б. Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ приказать въ Аптекарскій Приказъ послать память, чтобы по росписи того лекарства приготовить“ ⁴⁾. Въ 1710 г. „мая 26 да іюня въ 7 числахъ въ указахъ вел. гос. изъ Разряда въ Аптекарскій Приказъ писано: велѣно въ Кіевъ для позволенія разнымъ людямъ въ кіевскомъ гваризонѣ обрѣгающихся послать доктору да лекаря, а съ ними на 500 рублей лекарствъ“ ⁵⁾. Въ этомъ документѣ Аптек. Приказъ упоминается 6 разъ, а объ Аптекарск. Канцеляріи ни слова.

Любопытно по разбираемому вопросу мнѣніе Л. Зуфова, этого толкаго начебника въ рукописной литературѣ по врачебной исторіи. Онъ пишетъ: „Аптекарскій Приказъ (какъ и встарь, передвигаясь съ парехи, уносилъ съ собою всю правительственную суть) растворяется въ Канцелярію походной аптеки (1707). Черезъ годъ слово „походная“ долой, видимъ Аптекарскую канцелярію и часть ея засѣла плотно (1712) въ любезномъ Питерѣ, оставшаяся же часть сбрасываетъ новый мундиръ—видимъ Главную Аптеку. Наконецъ въ 1714 г. является добрый человекъ—Арескинъ. Будь, родной, архіатеромъ и похеръ всю предыдущую путаницу. Т. об. соединяется въ однихъ рукахъ учрежденіе „всего медицинскаго факультета“ съ Канцеляріей главной аптеки“ ⁶⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Разр. Вел. № 46, т. 90, т. 1—2.

²⁾ Ibidem № 47, т. 28.

³⁾ Ibid. № 46, т. 90, т. 3.

⁴⁾ Ibid. № 1, т. 128; См. также № 52, т. 347.

⁵⁾ Ibidem № 56, т. 8.

⁶⁾ Л. Зуфовъ, op. cit. 226.

Какъ всегда, Л. Змбевъ свои разсужденія окутываетъ замысловатой вязью въ вилантийскомъ стилѣ, рисунокъ которой полонъ оригинальнаго „домысла“, скрывающаго простоту основы. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ построилъ свои соображенія названный писатель? Въѣстъ съ другими, но на свой ладъ, онъ признаетъ, что въ 1707 г. Аптекарскій Приказъ былъ переименованъ въ Канцелярію, но онъ отрицаетъ существованіе архіатеровъ до 1714 г., которые, по его мнѣнію, появились только съ этого времени. Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія онъ категорически заявляетъ: «что съ 1643—1714 годъ никакого такого докторскаго, такъ сказать, приказа и никакого архіатера не было—доказываютъ намъ прямо документы».¹⁾

Какіе же это „доказывающіе намъ прямо документы“? Во-первыхъ, Змбевъ передаетъ, «что есть двѣ бумаги, гдѣ въ латинской подписи Блюментроста отъ стоитъ —archiat*». Во вторыхъ, онъ напоминаетъ, что „тогда бывали въ ходу почетные титулы, напр., всякій изъ нихъ обывался княземъ, не знатный (по-роду) посолъ писался намѣстникомъ царскимъ какого нибудь Сернухова“²⁾. Вотъ и все „документы“!

Что въ теченіе XVII ст. архіатеромъ не было едва ли нужно доказывать. Правда, въ уже цитированномъ докладѣ Александру I объ исторіи медицинскаго управленія писалось: „Приказъ сей (Аптекарскій Н. Н.) состоятъ изъ нѣкотораго числа придворныхъ медиковъ, изъ первенствующаго въ нихъ, кѣмъ именовался архіатеромъ. Онъ былъ подчиненъ одному изъ знатнѣйшихъ бояръ“³⁾. Но выше мы показали неосвѣдомленность автора доклада о прошломъ Аптекарскаго Приказа. Пересмотрѣвъ огромное количество дѣлъ этого приказа, мы не нашли въ нихъ указанія на архіатеромъ. Последніе появились, какъ только приказъ перешелъ отъ бояръ—управителей къ докторамъ.

Какъ передаетъ Чистовичъ, „послѣдній бояринъ, управлявшій Аптекарскимъ Приказомъ, былъ кн. Як. Никит. Одоевскій, опредѣленный въ эту должность 25 февр. 1697 г. и оставившій ее ровно черезъ восемнадцать лѣтъ (17 февр. 1714 года)... На мѣсто бояр. кн. Я. Н. Одоевскаго опредѣленъ былъ лейбъ-медикъ Петръ I докторъ Робертъ Карловичъ Арескинъ (Robert Areskin) въ

¹⁾ Ibidem стр. 224.

²⁾ Ibidem стр. 224.

³⁾ Полн. Собр. Законовъ т. XXVII, № 21105 стр. 1104.

должность архіатера, т. е. главнаго начальника всей медицинской части въ Россіи“.⁴⁾ Указъ объ утвержденіи его въ этомъ званіи, добавляетъ изслѣдователь, подписанъ 9 сентября 1716 года въ Гданекѣ (въ Данцигѣ).⁵⁾ Онъ даже приводитъ и указъ въ латинскомъ текстѣ и въ русскомъ переводѣ, къ сожалѣнію, не указывая, откуда имъ почерпнуты эти документы.⁶⁾

Если приводимые проф. Чистовичемъ указы представляютъ изъ себя подлинные историческіе акты, то на основаніи ихъ нельзя установить начала архіатерства. Изъ документа слѣдуетъ не то, что выводилъ Чистовичъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ Петръ I объявляетъ, что Роберта Арескина „за вѣрные его и усердные къ намъ учиненныя заслуги, чиномъ и характеромъ дѣйствит. статскаго совѣтника нашего показовати соизволили“.⁷⁾ Что же касается архіатерства, то этимъ указомъ соизволили „въ поминутомъ чинѣ *подтвердити*“.⁸⁾

Ясно, что архіатеромъ Арескинъ былъ и ранѣе 1716 года. Дѣйствительно, имѣются указы 6 марта и 4 апрѣля 1706 года, писанные „въ Разрядъ въ Аптекарскій Приказъ къ Роберту Арескину *архіатеру* атфикусу примариусу да къ дяку Ивану Невѣжину“.⁹⁾ Указы 1, 12, 19, марта и 2 апрѣля 1707 г. и 23 янв. 1708 года изъ Разряда писаны въ Аптекарскій Приказъ „къ Роберту Карловичу Арескину, *архіатеру* и физикиусу, примариусу да къ комисару Павлу Яковлевичу Весселовскому“.¹⁰⁾

Слѣдовательно, мы располагаемъ документами, которые „прямо доказываютъ“ ошибочность мнѣнія Змбеча о появленіи во главѣ приказа архіатера съ 1714 г. и мнѣнія Чистовича, приурочившаго архіатерство Арескина къ 1716 г., а въ частности и неправильность утвержденія Чистовича о томъ, будто-бы 6. кн. Як. Никит. Одоевскій стоялъ во главѣ приказа до 1714 года. Уже въ концѣ XVII ст. во главѣ Аптекарскаго Приказа мы не находимъ воеводу (см. стр. 79). Съ начала же XVII ст. Апт. Приказъ вручается лицамъ медицинскаго персонала—архіатерамъ, и не по титулу, какъ думаетъ Рихтеръ⁶⁾, а по должности.

⁴⁾ Чистовичъ. Опр. сіт. стр. 472—473.

⁵⁾ Ibidem стр. 473, призываніе первое.

⁶⁾ Ibid. Приложение стр. CCCXXVI и CCCXXVII.

⁷⁾ Арх. Мин. Юст. Разр. Взд. № 43, л. 42; № 43, л. 29; № 45, л. 51.

⁸⁾ Ibidem № 41, л. 74; № 46, л. 90; № 47, л. 28.

⁹⁾ Рихтеръ. Опр. сіт. т. III стр. 39. Мнѣніе Рихтера объ архіатерахъ повторяетъ Петровъ, авторъ обширной духовной работы „Собраніе русскихъ законовъ о медицинскомъ управленіи“ (стр. XIV)* и Хморокъ. Опр. сіт. стр. 37.

Приказу были подчинены все лица, имевшие какое либо отношение к врачебному делу: доктора, лекари, окулисты, чепучинные и чечуйные лекари, шарульники, рудометы, гортанные мастера, костоправы, аптекари, алхимики, лекарские и аптекарские ученики, травники и помысы. Кроме того, для депопроизводства были назначены дяки, переписчики, и переводчики. Случайно, кажется, в ведомство этого приказа были отнесены часовых дел мастера, знаменщики и бронзейстеры.

Докторами в то время назывались лица, получившие высшее медицинское образование в иностранных университетах и лечившие внутренние всякия болезни.

От докторов строго отличались лекари, которые занимались исключительно хирургическими операциями и лечением наружных болезней.

Вообще тогда делили „лекарственную мудрость“ „на три статьи: дохтуромъ и обтекаремъ и лекаремъ, потому что дохтуръ совѣтъ свой даетъ и приказываетъ, а самъ тому неискусенъ; а лекарь прикладываетъ и лекарствомъ лечитъ, а самъ ненаученъ; а обтекаръ у нихъ у обоихъ поваръ“...¹⁾

Практическая жизнь оказывалась сильнее теоретического расчленения медицинского знания и лекарю иногда приходилось в провинции лечить отъ всехъ болезней. Но в теории обособление специальностей до такой степени было строго, что когда в 1631 г. Филиппъ Брюль заявил о своем знании и лекарского и аптекарского дела, то допрашивавший его бояринъ Фед. Ив. Шереметевъ велѣлъ спросить, между прочимъ: „и коль давно отворяетъ жилую и для чего отворяетъ, то дело лекарское, а не аптекарское“²⁾. Съ другой стороны, в 1675 г. лекарь Степанъ Алексѣевъ былъ посланъ Аптекарскимъ Приказомъ лечить калмыцкаго лаура Тайшу и по освидѣтельствованіи его доложилъ: „то дело дохтурское, а не лекарское, потому что болезнь внутреняя“³⁾. В 1706 г. в Аптекарскомъ Приказѣ жилецъ Василій Пытова осматривалъ лекаря Яганъ Августъ Томасъ „для

¹⁾ Несколько смутны объясненія объ Аптекарскомъ Приказѣ, видно, наизмышля, потому, что въ обширной работѣ проф. Дебювскаго „Исторія приказнаго строя Московскаго государства“ (Спб. 1900 г. стр. 409) вхожденіе „Аптекарскій Приказъ“ въ составъ аптекарей, докторовъ и лекарей. „Общественно въ Московскомъ государствѣ эти три звѣны объективно совмѣщались въ одномъ лицѣ“, (курсивъ нашъ) Н. Н.

²⁾ Акты истор. г. III № 303 стр. 495.

³⁾ Мат. № 541.

„для того, что у него Василія болѣзнь наружная на лѣвой ногѣ язвы, и то было лекарское, а не дохтурское“⁴⁾.

Все специалисты врачебной науки вѣдались *ассидо* Аптекарскимъ Приказомъ: приказъ занимался приглашеніемъ врачей и аптекарей изъ-за границы, выдавалъ жалованье, распределялъ между ними обязанности, увольнял отъ службы и даже судилъ лишь Аптекарскаго Приказа между собою и разбиралъ ихъ тяжбы съ другими. Компетенція приказа распространялась также на провинціальную врачебно-аптекарскую службу, а не ограничивалась предѣлами Москвы, какъ думаетъ проф. Сергѣевичъ⁵⁾.

Аптекарскій Приказъ имѣлъ свой особый бюджетъ доходовъ и расходовъ. Расходы производились на содержаніе приказныхъ дѣл, аптекъ, садовъ, огородовъ и лишь, какимъ-либо образомъ причисленных къ приказу. Необходимыя суммы получались отъ Большого двора и приказа Большой казны, иногда получались деньги и отъ другихъ приказовъ⁶⁾; Новгородской четверти, Костромской четверти; изъ Сибирскаго приказа брались соборы и куницы, которыми очень часто улачивалась цѣлая половина жалованья.

Во второй половинѣ XVII ст., когда была открыта въ Москвѣ Новая аптека для продажи изъ нея лекарствъ „бѣднымъ чинамъ людскимъ“, все расходы приказа покрывались доходами этой Новой аптеки, а также специальными доходами съ деревень и селъ, приписанныхъ къ приказу.

Годовой бюджетъ приказа представлялся довольно значительнымъ. Такъ въ 1681—1682 г. годовой доходъ былъ 10098 руб., 9 алтынъ полтъ 2 деньги, расходъ 8490 р. 33 алт.; въ 1693—4 г.г. за 9 мѣсяцевъ доходъ 7261 р. 19½ к., расходъ 6520 руб.⁷⁾

При Михаилѣ Одеревичѣ (1613—1645) по свидѣніямъ проф. Загоскина были приняты на службу 8 докторовъ, 5 лекарей и 4 аптекаря⁸⁾.

Въ дѣйствительности составъ врачебнаго персонала былъ иной, а именно: 7 докторовъ—Артеміи Дій, Валентинъ Билъсъ, Артемъ Граманъ, Еганъ Бѣлау, Венделихъ Сибелистъ, Іезъ Полиданусъ и Романъ Нау; 13 лекарей—Клеусъ Алертъ, Олоерій Олоеріевъ, Кампиръ Давидовъ, Матвѣй Андреевъ, Антъ Шлютъ,

⁴⁾ Арх. мин. Юст. Разр. изд. № 11, л. 67.

⁵⁾ Сергѣевичъ. Док. и извѣст. стр. 277.

⁶⁾ Материалы по ист. мед. №№ 536, 537, 939, 1316, 1597, 1613—18, 1656.

⁷⁾ Рихтеръ г. II, стр. 17—18; матеріалы № 1650.

⁸⁾ Загоскинъ. Опр. стр. 48.

Вилиамъ Краморъ, Матвій Кинфитъ, Елизарія Ролонтъ, Иванъ Геникъ, Томасъ Утинъ, Самойло Камъ, Каширь Бартеловъ и Андрей Шниттеръ; 4 аптекаря—Андрей Ивановъ, Филиппъ Бриотъ, Филиппъ Пиктаусъ и Романъ Удьяновъ; 3 алхимиста—Вилиамъ Смитъ, Христофоръ Пухнеръ и Томасъ Винсъ; наконецъ окулистъ Давидъ Брунъ¹⁾. Кроме того Рихтеръ проводилъ имена лекарей Ериха Андерсона, Николая Петерсона, Николая Азара и аптекарей Арензена, Иоанна Годзеви и Рамалля Варлея²⁾.

Докторъ Валентинъ Билльс (старшій) находился на службѣ съ 1615 по 1633 г. Пріѣхалъ онъ въ Москву изъ Голландіи и все время пребыванія въ лейбъ-медикахъ пользовался большимъ расположеніемъ царя. Другой докторъ, Артемій Дій пользовался репутаціей ученаго врача и былъ сначала лейбъ-медикомъ у англійскаго короля Іакова, которымъ, по просьбѣ царя, и былъ присланъ и отпущенъ въ 1621 г. въ Москву. Въ 1634 г. онъ былъ отпущенъ въ Англію, гдѣ снова сталъ придворнымъ докторомъ.

Докторъ Венделлинусъ Сибеліусъ пріѣхалъ въ Москву въ 1634 г. на мѣсто своего предшественника Артемія Дія. Сибеліусъ сильно напоминалъ собою доктора Роберта Якоби: онъ, какъ и послѣдній, кроме медицины принималъ на себя различныя политическія миссіи. Такъ, напримѣръ, въ 1641 г. онъ выѣхалъ на родину съ тайнымъ порученіемъ устроить сватовство датскаго принца Вольдемара за царевну Прину Михайловну. Въ 1643 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ леченіи Михаила Оседоровича, который слегъ въ постель отчасти вследствие неудавшагося сватовства, отчасти вследствие тревожныхъ слуховъ, то изъ Турціи, то изъ Польши о новомъ самозванцѣ — сынѣ Марии Мишиекъ. Врачи нашли, что болѣзнь приключилась «отъ много сидѣнья и отъ холодныхъ нитей и отъ деланхоліи сырѣй кручицы». Были прописаны нарочъ лекарства потогонныя, мочегонныя и слабительныя; установлена была также діета: «въ обѣдѣ позволено употреблять супъ изъ курицы (уха теплая съ курятиною), для нитя теплая квасъ или пиво, а вечерняго кушанья не держати». Несмотря на энергическія усилія Сибеліуса и его товарищей царь скончался 12-го іюля. Немного спустя Сибеліусъ покинулъ Россію съ добрительной грамотой отъ Алексея Михайловича³⁾.

¹⁾ Материалы №№ 15, 82, 87, 102, 87-78, 103, 106, 116, 168, 68, 207; Наши материалы т. II, №№ 137—143.

²⁾ Рихтеръ, *Ор. сіл.* т. 2, стр. 87—101.

³⁾ Рихтеръ, *Истор. зап. въ Россіи* № XIV прибав.

Іоаннъ Візлау былъ сначала профессоромъ въ Дерптѣ, а потомъ по рекомендаціи Сибеліуса былъ приглашенъ лейбъ-медикомъ въ Москву¹⁾. Въ пригласительной къ нему грамотѣ, между прочимъ писали: «Вѣдомо намъ Великому Государю, нашему царскому Величеству учинилось, что ты дохтуръ ученый и смысленной, всякія человѣческія болѣзни: навично лечити умѣешь. А нашему царскому Величеству такой дохтуръ годенъ²⁾. Онъ лечилъ цари Михаила Оседоровича и королевича Вольдемара, производилъ многочисленныя медицинскія эксперименты³⁾. Между послѣдними наиболѣе интересно его заключеніе о болѣзни Григорія Горихвостова, у котораго онъ нашелъ страданіе отъ гнисты.

Послѣ восьмилѣтней службы онъ былъ отпущенъ 16 іюля 1657 г. на родину, гдѣ оставался до конца жизни своей несмотря на неоднократныя усиленные приглашенія опять пріѣхать въ Москву.

Болѣе чистое, имѣвшее отношеніе къ медицинѣ въ первой половинѣ XVII ст. было настолько велико, что въ 1627 г. въ отпискѣ Михаила Оседоровича архангельскому воеводѣ писалось: «у государя есть дохтуры иноземны многихъ земель и прирочные московскаго государства». Въ другой грамотѣ, отъ 1641 года въ отвѣтъ на челобитіе литванскія земли родима Антонія Андрыкаса, дохтура, который всякія болѣзни у человѣка узнаеть и лечитъ, о пріѣздѣ его на службу, между прочимъ было сказано: «въ нашемъ московскомъ государствѣ дохтуровъ и лекарей и аптекарей и безъ него *много* и по нашему указу для дохтурства въ наше въ московское государство принимать не велѣно, а велѣно его отпустить назадъ въ литовскую сторону и онъ быѣхалъ въ литовскую сторону со своимъ съ члѣмъ пріѣхалъ»⁴⁾.

Въ царствованіе Алексея Михайловича врачебная персоналія еще болѣе увеличилась и вправдѣ былъ Діонисій архимандритъ Московскаго Пeverскаго монастыря, писавшій въ своей челобитной о присылкѣ ему доктора нѣмчина Андрея «скорбѣю, государь, нынѣ болѣе году и *многіе* лекари онъ *волеѣ* *лечитъ*, *которые живутъ въ Москвѣ*, приходили ко мнѣ и пользы мнѣ не учинили

¹⁾ Ibid. Прибавленіе № XVII.

²⁾ Ibid. Прибав., № XVIII.

³⁾ Акты ист. т. III №№ 226, 246.

⁴⁾ Москов. Арх. Мил. 1041, Восток. ст. Стоб. 60, л. 101—109.

никакія отъ болѣзни; и какая болѣзнь во мнѣ есть, и они никто не могли разумѣть" ¹⁾).

По свѣдѣніямъ проф. Загоскина при Алексѣѣ Михайловичѣ было принято на службу 11 докторовъ, 3 лекаря, 6 аптекарей и 1 глазной врачъ. ²⁾ Въ действительности ихъ было несравненно больше. По нашимъ *неподлиннымъ* свѣдѣніямъ, кромѣ врачебнаго персонала, перешедшаго отъ Михаила Оедоровича, при Алексѣѣ Михайловичѣ были приглашены: 13 докторовъ—Бернардъ Розенбургъ, Томасъ Вилсонъ, Левъ Личфинусъ, Самуиль Кодаишъ, Яганъ фонъ Френдекъ, Яганъ Костеріусъ, Лаврентій Блюментростъ, Валентинъ Валентиновъ, Иванъ Лудвигъ и Ергаръ Дяклеръ; ³⁾ 27 лекарей—Иванъ Албанусъ, Андрей Энгартъ, Василій Ульфъ, Юріи Схиндеръ, Петръ Роббевъ, Николай Сибътъ, Давыдка Берловъ, Енохъ Штеинъ, Ниль Штокманъ, Селомонъ Енка, Куріанъ Кутеновъ, Харитонъ Семеновъ, Куріанъ Степановъ, Осъка Боржой, Симонъ Зомеръ, Иванко Островскій, Харитонко Лобенскій, Юріи Макъ, Яковъ Починскій, Юріи Ягановъ, Флоръ Дяклеръ, Сенка Ларіоновъ, Пучка Салтыцкова, Янко и Нахомко Ивановы, Иванъ Грамонъ и Яганъ Кладборхъ ⁴⁾; 5 аптекарей—Романъ Бишіанъ, Крестіанъ Эглеръ, Андрей Гензенъ, Яганъ Гутбиръ и Францъ Шляторъ; ⁵⁾ окулистъ—Иванко Малгорнъ ⁶⁾ и 4 алхимиста—Марко Юрьевъ, Петръ Ниль, Беніусъ Гавеланъ и Яганъ Зеттингаастъ ⁷⁾.

Въ послѣдующее время специалистовъ врачебнаго знанія становится еще больше. И нѣтъ никакого основанія слѣдовать общему мнѣнію историковъ, полагающихъ, что врачебная организація у насъ начала складываться со времени Петра Великаго.

Аптекарскій Приказъ былъ связанъ неразрывно съ другими учрежденіями своего времени. Нисколько не поступаая своей самостоятельностью, онъ вѣлъ постоянныя сношенія съ другими приказами и имъ соотвѣственными мѣстами. Присканіе врачей

¹⁾ Наши Черты пр. практикѣ. Арх. Оп. Палаты № 9, стр. 101.

²⁾ Загоскинъ Оп. сѣ. стр. 40.

³⁾ Матеріалы Оп. сѣ. №№ 531, 398, 408, 269, 270, 361, 385, 397 и Наши Матеріалы т. II, № 87 и 105.

⁴⁾ Наши матеріалы т. II, №№ 91, 92, 93, 94, 106, 107 и Мат. № 241, 252, 269, 532, 540, 989, 1245, 649, 280, 288, 319, 332, 340, 408.

⁵⁾ Матеріалы № 266, 283, 305, 461, 531.

⁶⁾ Ibidem № 388.

⁷⁾ Ibidem № 297, 319, 408, 531.

за границей, веденіе съ ними переговоровъ, провѣрка ихъ документовъ, отпуски на родину и т. д. ставили Аптекарскій Приказъ въ необходимость сношенія съ Посольскими Приказомъ. Разсылка врачей и лекарей въ войсковыя части вынуждала сношенія съ Разрядомъ, военнымъ министерствомъ того времени. Разнаго рода хозяйственныя операціи Аптекарскій Приказъ вѣлъ черезъ финансовыя и мѣстные приказы, какъ то: Большую Казну, Приказъ Большаго Прихода, Новгородскій Приказъ, Казенный Приказъ, Казенный Дворъ, Сибирскій Приказъ, Мастерскую Плату и т. д. ¹⁾.

Изъ однихъ учрежденій Аптекарскій Приказъ получалъ денежные суммы на содержаніе врачебнаго персонала, изъ другихъ сукно и разныя матеріи, изъ тростныхъ ковши и посуду, изъ четвертыхъ мѣха, изъ пятыхъ готовое платье, изъ шестыхъ съѣстные припасы и т. д.

Эта разбросанность дѣлъ Аптекарскаго Приказа иногда приводила къ весьма нежелательной затѣлкѣ функцій различныхъ агентствъ и неблагоприятно отражалась на гибкости всего учрежденія. Такъ, напр. въ 1669 г. датскій докторъ Нильсъ Андерсонъ былъ опредѣленъ на службу съ указаніемъ ему получить жалованье изъ приказа Большаго Прихода. Но отсюда получился отзывъ: „Денежныя казны въ приходѣ нѣтъ, дать нечего, и которыя деньги въ сборѣ были, и тѣ деньги по указу великаго государя розданы въ кормовыя деньги вселенскому патриарху и грузинскому наѣзничу, и инымъ всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ раненымъ, и выходнымъ и ружникомъ на жалованье, и которыя деньги въ сборѣ будутъ небольшія-жъ, и тѣ деньги розданы будутъ тѣмъ же людямъ въ кормы и на жалованье.“ Въслѣдствіе подобнаго отзыва пришлось направить доктора въ Приказъ Новгородской чети, который и долженъ былъ на будущее время присылать въ Приказъ жалованье для доктора, командированнаго на службу въ Бѣгородъ ²⁾.

Подобный же случай имѣлъ мѣсто въ 1673 г. съ русскимъ лекаремъ Андреемъ Оедотовымъ и лекарскаго дѣла ученикомъ Авоинкой Мартыновымъ. Они были посланы на службу также въ Бѣгородъ; но, за отсутствіемъ денегъ въ кассѣ Аптекарскаго

¹⁾ Наши матеріалы т. I, ст. 34, 61, 65, 85, 189 и II, стр. 1, 5, 20, 40, 108, 110.

²⁾ Приложение стр. 61—65.

Приказа, не получили подъемных. Но той же причинѣ было указано „государево жалованье годовое и кормовыя деньги дать имъ въ полку“, но изъ Разряда послѣдовала память, что „въ Разрядѣ денегъ нѣтъ, а которые въ Разрядѣ денежные доходы вѣдомы, и тѣ деньги отсылають изъ городовъ въ Сѣвскъ и въ Бѣлгородъ на жалованье тѣхъ полковъ ратнымъ людямъ. И по той памяти изъ А. П. лекарства безденежно не даютъ и затѣмъ лекарь и ученики живутъ на Москвѣ.“¹⁾

Врачебный персонал, своевременно неудовлетворенный денежными и кормовыми довольствиями, конечно, испытывал затрудненія, но еще болѣзнь непрерывности возникали въ случаяхъ, когда воинскія части не могли добиться лекарства и лекарей вѣдѣствіе все той же многочисленности промежуточныхъ инстанцій между Аптекарскимъ Приказомъ и военнымъ отрядомъ.

Вотъ, въ какихъ, полныхъ трагизма, выраженіяхъ обрисовывается указанное положеніе въ челобитной Григорія Ромодановскаго, который писалъ государю: „нынѣ мы холопи твои съ твоими великаго государя ратными людьми на твоей в. г. службѣ въ заѣздовскихъ городахъ, а для леченія твоихъ в. г. ратныхъ людей въ полку у насъ лекаря нѣтъ, а которые твои в. г. ратные люди водъ городомъ Черкасами на приступахъ и въ прошлыхъ годахъ на твоихъ в. г. службахъ ранены нынѣ раны ихъ у многихъ отворились, и тѣхъ, государь, ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей лечить некому, да и полковники и все начальныя люди у тебя в. г. просятъ, а къ намъ х. т. приходятъ съ большою докукою и приносятъ челобитныя безирексташно, чтобы ты в. г. пожаловалъ ихъ, велѣть имъ въ полки прислать лекаря, а безъ лекаря, государь, въ полку у насъ некоторыми мѣрами быть не можно“²⁾.

Этотъ вопль отчаянія раздался послѣ неоднократныхъ челобитныхъ Ромодановскаго о присылкѣ врача. Объ этомъ онъ просилъ 23 іюля 1671 г., 1 сент., 27 февр. и 30 апр. 1672 г., 13 марта 1673 г., 7 декабря того же года и 2 января 1674 года.

Менѣ поразительный, но все же яркій примѣръ волокиты и тренія представляетъ челобитная Гришки Косагова отъ 8 февр. 1687 г., писавшаго, „ратные люди будучи на вашей в. г. служ-

бѣ въ Запорогахъ многие заскорбѣли, во ртахъ икнулась цинга и ноги пухнуть, а лекарь Аонасій Мартыновъ съ товарищемъ намъ х. т. сказали, на тѣхъ де болѣзняхъ лекарства съ ними не послано, и укеусу и сбитню, и вина на дачу больнымъ ратнымъ людямъ... не прислано“. Послѣдовать указъ 13 февраля послать Косагову просимые укеусы, сбитень и вино изъ Сѣвска. Но, не получивши ничего до 1 марта, Косаговъ снова бѣсть челомъ. Черезъ два дня въ Сѣвскѣ дѣлится указъ: „безъ всякаго мотчанія чтобы тѣ хлѣбныя запасы и укеусъ и сбитень и вино въ Запороги довести наибольшимъ зимнимъ путемъ“. Въ тотъ же день Косагову предписано давать лекарства „самымъ больнымъ“. Ровно черезъ мѣсяць объ отпускѣ изъ Косагову просимаго транспорта пишется и посылается указъ уже новому высшему начальнику Голыщину. Не получая просимаго, Косаговъ опять бѣсть челомъ 28 марта и уведомляетъ, что болѣзнь свирѣпствуетъ попрежнему „и отъ того не мало померло“. На другой день пишется новое подтвержденіе Голыщину о выполненіи указа³⁾. Въ документахъ, въ сожалѣнію, нѣтъ указанія на то, чѣмъ помоглось въ данномъ случаѣ снабженіе цинготныхъ медикаментами, но и безъ того видно, какъ медленно носились⁴⁾.

Большой интересъ представляетъ добѣсть о томъ какъ лечили наши князья, московскіе цари и члены ихъ семейства. Въ лѣтописяхъ мы встречаемъ объ этомъ свѣдѣнія различной полноты. Въ однихъ случаяхъ лѣтописи констатируютъ только фактъ болѣзни или смерти, въ другихъ указываютъ причину той или другой, въ третьихъ подробно описываютъ теченіе болѣзни, въ четвертыхъ даютъ весьма подробныя указанія на способы леченія.

Въ 988 г. „Володимръ же боляше оцнма, и пришла къ нему царина, рещиши: „что аще хоцеша болѣзни сѣя избати, то крестися“... Епископъ Корсунскій оцлашилъ крести и, возложъ руки на нѣ, и абіе прозрѣ“⁵⁾.

Въ 1076 г. „преставися Святославъ сынъ Ярославъ мѣсяца декабря 27, отъ рѣзанія желчей и положенъ бысть въ Черниговѣ“⁶⁾.

Въ концѣ XI ст. врачъ армянинъ неудачно лечилъ великаго князя Кіевского, великаго князя Владиміра Мономаха⁷⁾. Въ 1152

¹⁾ Наши Матеріалы т. стр. 142.

²⁾ Наши Матеріалы т. стр. 190.

¹⁾ Наши Матеріалы т. II 315—21.

²⁾ Полное Собраніе рус. лѣт. т. IV, Новгород. Л. СПб. 1818, стр. 175.

³⁾ ibid т. XV лѣтоп. черск. СПб. 1863 г. стр. 173.

⁴⁾ Матеріалы. Воевск. М. 1768 стр. 125—127.

г. галицкѣи князь Владимиръ, идя изъ чернига, почувствовать, что его кто-то удари за плече и не може съ того мѣста ни мало постунити и хотѣ встѣти: и ту подхитива и подъ ручѣ, и песома и въ горенку, и вложива и въ укропъ, и молвахуть яко дна есть подстунила, инѣи же другояко молваху, и много прикладивахуть⁴. И въ ту же ночь Владимиръ умеръ⁵).

Въ 1154 г. Вячеславъ Владимировичъ Ярославовъ сынъ „въ сѣи ночь шлъ бѣ съ своею дружиною въ пещерѣ и леже сна-ти и такъ болѣе того не воста“⁶ 2).

Въ 1158 г. Юрій Владимировичъ кѣвскій „утѣшаяся со своимъ ушнесъ болѣе мѣры, отъ сего нѣтѣя разболѣся и во пятый день умре“⁷).

Въ 1162 г. „преставился князь Иванъ Ростиславичъ рѣкомый Червѣнникъ, въ Селунѣ инѣи такъ молвахуть, яко съ отравы бѣ ему смерть“⁸ 9).

Въ 1174 г. „Преставился Святославъ Юричъ изъ Суздамъ братъ великаго князя Андрея... умий на себѣ злую хоробу отъ юности даже до смерти“⁹).

Въ 1206 г. „преставился великанъ княгиня Всеволожа Марія... болше иде посѣщена болѣзнию и лежаше въ немощи седми лѣтъ... и тако страдаше седми лѣтъ въ велицей болѣзни“¹⁰).

Въ 1287 г. лѣтописъ намъ передѣсть болѣе значительныя подробности о болѣзни князи „Родолдимеру Васильковичу великому князю локчану въ болѣсти четьре лѣта, болѣзнь же сиче скажемо: нача ему гнити исподняя устна, перваго лѣта мало, на другое и на третье болма нача гнити, и исподнюю же четвертому лѣту и наставшее зимѣ, и нача болма немочи, и онада ему все много съ борода, и зубы исподнѣи выгниша вси, и челюсть бородавѣя перетни, и бысть видѣти гортани: и не вкуша по семь недѣль ничево же“¹¹).

Въ 1287 г. „бысть мятежь въ Новѣ Городѣ на Семена Михайловича... а Семень приѣха владыцѣ, а владыко проводи его

⁴ Н. С. Р. Я. Навок. збл. СББ. 1843 г. т. II, стр. 72.

⁵ Н. С. Р. Я. Навок. т. XII, СББ. 1856 г. стр. 61—62.

⁶ Полн. собр. Руск. Лѣтописи Густинской СББ. 1843 г. т. II, стр. 304.

⁷ Н. С. Р. Я. Навок. збл. СББ. 1843 г. т. II, стр. 94.

⁸ Ibid. стр. 316.

⁹ Н. С. Р. Я. Навок. св. СББ. 1885 г. стр. 49.

¹⁰ Н. С. Р. Я. Навок. збл. стр. 219—20.

мог
сод
при
лоу
чир

на
ни
те
чир
на
ша
тѣ
яв
на
сон
кар
бы

1
на
Смо
Имъ
Это
врем
скри
нах
слоб
Цири
докт
ры
клич
Алек
шени
тлжко
рубил
ря Гу

что-
себѣ
мно-
уда-
ему

были
омъ
въ
себѣ-
янь
инъ
ок-
два
те-
те-

око-
ю и
юй-
на
мо-
зле-
уд-
бо-
ты
сѣ-
те-
ца-

те-
ри-
яду
ца-

года

во святую Софію, а завтра сиделъ въ любви. Смереть по-
мале дни разболѣлся полѣзною и делалъ нисколько дней“ ¹⁾.

1367 г. „Тоя же зима князь Михаилъ Васильевичъ Канин-
скій изъ монастыря перыковъ Пресвятыи Богородины повелѣ-
снести внутрь града, и мѣсто то святое раскопати и во гробѣхъ
мертвыхъ кости разрушати... и бысть болѣзнь незнаема князю
Михаилу Васильевичу и князю его болѣзнь велиа незнаема и
тяжка зѣло. Самого зѣло Богъ помилова, а княгиня его Ва-
силка преставися“ ²⁾.

Въ 1387 г. „Тоя же весна по весне дни князю Юрію Дми-
тріевичу болѣзнь тяжка бысть зѣло, но Богъ помилова его.
Тоя же весна моръ бысть великъ во Нсковѣ, а болѣзнь знаменія
железою“ ³⁾.

Въ 1389 г. Дмитрій Ивановичъ Донской „потомъ разболѣлся
и прискорбень бысть добръ и пакы легчае ему бысть... и пакы
впаде въ болѣзную болѣзнь и стеваніе приде въ сердце его яко
и внутренемъ его терзатица и уразумѣ приближающъ конецъ
житія его“ ⁴⁾.

Въ 1427 г. умеръ въ Москвѣ князь Василій Владимировичъ
„принцемъ, кому умереть ино принцъ сынъ и въ третьей день уми-
раше, а кому живу быти ино принцъ черень да долго лежати
дондеже выгнѣтъ“.

Въ 1441 г. умеръ князь Дмитрій Юрьевичъ Красный. О смер-
ти его летописецъ повѣствуетъ: „бысть же нѣчто дивно въ бо-
лѣзнь его: прежде бо глухота бысть ему и болячка въ немъ дви-
жеся, и бысть болѣзнь тяжка ему зѣло, яко на мнози дни ничго
же прияти ему въ уста свои, ниже сна бываше ему... мѣсяца
сентября 18 съвершиша литургію и пришедшу священнику съ
святыми дары, а у него кровь пустился изъ обою поздри, яко
прудки течаху, и много иде ея. Отень же его духовный Іосія...
заткну бумазкою поздри его“. Послѣ этого кровь остановилась
и князь заснулъ, но черезъ нѣсколько часовъ онъ сталъ отхо-
дить. Его отчитали и одѣли, почью же онъ сорвалъ покровъ и
еще прожилъ два дня въ безпамятствѣ. Когда онъ скончался,

¹⁾ Новгород. Летоп. Сиб., 1879 г. стр. 22

²⁾ П. С. Р. Л. Никоновск. Сб. Сиб., 1897 г. т. XI, стр. 12.

³⁾ Ibid, стр. 94

⁴⁾ Ibid, стр. 113

„положиша его въ колоду и осмоливше съ поистьми повезоша на Москву на носилѣхъ“... А черезъ 23 дня „разсѣкоша о немъ колоду мняще только кости обрѣсти, и открывше видѣша всего тѣла суша, лице же его бѣло, яко у спящаго, не имѣи черноты ниже синеты“¹⁾.

Въ 1462 г. великій князь Василій Васильевичъ разболѣлся „сухотною болѣзнію“ и по обычаю того времени „повелѣ у себя жени труть на хребтѣ болѣзни ради сухотныя, и съ тѣхъ ранъ разболѣлся и преставился“²⁾.

Въ 1467 г. „преставился великая княгиня Марья великаго князя Ивана Васильевича тверянка отъ смертнаго зелья, занеже погнаху потому, покровъ на ней положиша, ино много свисло сего, потому же то тѣло разошлось, ино тотъ покровъ много не досталъ на тѣло“³⁾.

Вышеприведенныя летописныя свидѣтельства съ достаточною ясностью обрисовываютъ отсутствіе врачебной помощи со стороны специально образованныхъ лицъ. Подобные специалисты появляются въ Москвѣ лишь на исходѣ XV столѣтія. О практикѣ первыхъ изъ нихъ мы уже говорили (см. стр. 67). Что касается до послѣдующихъ, то свѣдѣнія объ ихъ участіи въ леченіи царскихъ особъ съ XVII ст. становятся довольно полными. До насъ дошли болѣе подробныя описанія леченія Михаила Оеодоровича, Алексѣя Михайловича и Оеодора Алексѣевича.

Въ 1643 г. царь Михаилъ Оеодоровичъ заболѣлъ „рожею“, отъ которой лечили его Артаманъ Граманъ, Іоаннъ Бѣлау и Виллиамъ Крамеръ. О болѣзни и леченіи ея были составлены врачами „сказка и вымыселъ“. „Первая статья“, писали врачи, „мѣзать виннымъ духомъ съ камфорою на день по трижды. А послѣ того принять камни безуя... для поту противъ 12 зеренъ перцовыхъ въ составленной водкѣ, которую для того составили, чтобъ рѣкая жаркая кровь роздѣлилась и не стояла бѣ на одномъ мѣстѣ. А послѣ того надобно отворить жилищную руду для того, чтобъ вывести всякой жаръ изъ головы, и крови продухъ дать; а буде крови продуху не дать, и та тяжкая жаркая кровь стаетъ садится на какомъ мѣстѣ нибудь, гдѣ природа покажетъ, и

отъ того бываютъ пухоты и язвы, а жилищную руду можно отворить изыскавъ день доброй“¹⁾.

Объ этой сказкѣ докладываетъ бояринъ О. Н. Шереметевъ. Въ тотъ же день было составлено лекарство и принято паремъ. На слѣдующій день царю открывали кровь въ банѣ и та руда вѣшана, вѣсомъ стало фунтъ безъ четверти: и тою руду, при бояринѣ при О. Н. Шереметевѣ, Ів. Оед. Большой Стрѣшнень, выконавъ въ саду противъ комнаты ямку, положили въ „жидло“. Послѣ кровопусканія была предложена слѣдующаго рода діета: „добро кушать рыба свѣжая, окуни, пѣсиши, щуки и раки добрыя здорово... а редьки и хрену не ѣсть, и пить ренское вино доброе, съ сахаромъ мелкимъ съ пскорошнымъ, и пиво доброе, и квасъ доброй житной, а не пить вина горячаго, ни водки, ни меду, ни розаненъ“²⁾.

Въ 1645 г. доктора В. Сибелистъ, І. Бѣлау и А. Граманъ лечили царя Михаила отъ водянки, которую опредѣлили по водѣ (мочѣ): „... по водѣ знать, что желудокъ и печень и селезенка природные теплоты для снizu, которая въ нихъ копится безсилны, и отъ того по немногу кровь водянистѣетъ и холодъ бываетъ; да отъ того же цыга и иные мокроты родятца“. Въ виду этого было прописано: „вино ренское составлено съ разными травами и коренны“, а также дано слабительное и установлена діета. Спустя мѣсяцъ врачи снова „смотрѣли воды и та вода бѣдна, знать, что желудокъ и печень и селезенка безсилны отъ многова сидѣнія, и отъ холодныхъ питей, и отъ меланхолія, сиречь, кручина; и отъ того печень и селезенка заперты нѣтъ и колотье возлѣ ребръ объявляесть; и какъ та болѣзнь продолжитца, и отъ того ноги будутъ пухнуть“. Были прописаны слабительныя потогонныя средства и натиранія „для укрѣпленія печени и селезенки и безсилнаго желудка“, но царь, несмотря на всѣ успія докторовъ скончался³⁾.

Царь Алексѣй Михайловичъ, отличавшійся большою тучностью и страдавшій часто желудкомъ, заболѣлъ въ 1665 году. Такъ какъ его болѣзнь была результатомъ общаго ожирѣнія, то докторъ Самуилъ Коллинсъ подаетъ „латинское писмо“, въ которомъ

¹⁾ Ibid. т. VIII, Боскр. продолж. СПб. 1859, стр. 110—111.

²⁾ Ibid. т. IV, Повторен. СПб. 1848, стр. 132.

³⁾ Ibid. т. VI, Соборная вторая СПб. 1853 г., стр. 186.

¹⁾ Метер. № 151.

²⁾ Акты истор. т. III № 228.

³⁾ Акты истор. т. III, № 246.

говорить вообще о тучности, о ея послѣдствіяхъ: одышкѣ, тоскѣ, ослабленіи очей, тяжести, главоболѣнн, насморкѣ, ударѣ, воляной болѣзни, спячкѣ. Кромѣ того онъ рекомендовалъ соответственный режимъ жизни, средства профилактическія и радикальныя для излеченія уже появившейся болѣзни. Къ запискѣ Коллинса мы еще вернемся.

Въ 1676 г. царь Осодоръ Алексѣевичъ „скорбѣлъ пощками“ и потому бояринъ кн. Никита Ивановичъ Одоевскій „въ Аптекарскомъ Приказѣ докторовъ, и медицину, и аптекаря допрашивалъ“. Докторъ Яганъ Костеріусъ далъ заключеніе: „что его государская болѣзнь не отъ вѣшняго случая и ни отъ какой порчи, но отъ его царскаго величества породы, а именно та болѣзнь цынга. А та де цынга была отца его государева... и надобно де ему великому государю внутрь давать лекарства противъ цынги легкіе, которые въ настоящемъ зимнемъ времени пристойно примать, а не проносные и не тяжкіе. А какъ де дастъ Богъ будущее время и въ то время способнѣй и тѣло пристойнѣй ему в. г. лекарства противъ той болѣзни примать, потому что въ то время травы изъ земли проникають и кореніи прозибають и дѣтскую мочь имѣють. А пощки де его государскіе надобно мазать мазью, которую цыпѣ дѣлають въ аптекѣ, и сверхъ мазь прикладывать пластырь и сверхъ де того надобно написать обрѣзецъ, по которому его царское величество изволитъ бы свое государское кушанье и питье употреблять. А воды его государской смотря, сказать, что вода (моча) тонка и противнаго знаку въ себѣ не имѣетъ и знакъ со облачкомъ значить хотѣщаго быть его государскаго къ кушанью хотѣнья, а жару чрезвычайнаго не значить“.

Докторъ Лаврентій Блюментростъ, осмотрѣвъ царственнаго больного, присоединился къ мнѣнію Костеріуса и прибавилъ еще, что „ту де его государскую болѣзнь можно за Божією помощью вылечить только непозволъ, а не скорымъ временемъ“.

Докторъ Степанъ фонъ Галенъ, раздѣляя мнѣніе своихъ товарищей, присовокупилъ: „надобно де ему великому государю сидѣть въ сухой ваннѣ, а вода де его государская знаменуетъ, что милостію Божією вся его государская утроба здорова и никакой въ почкахъ болѣзни не имѣется, ни въ печени, и желчь имѣется въ доброй свободѣ. А въ составахъ его государскихъ и жилахъ есть безмиліе и то отъ того, что цыганная кровь съ соляною

по-
да
Ос
дв
ку;
на
чи
ны
по:

ле
то
„В
Пр
ка
сме
де
чи
док
пот
леч
ука

дан
вел
и к
тур
пре
вел.
или
тѣ .
въ :
}
еди

у
(
2)
2)

зоваль,
ста ни
уцѣ, и
ъ яко
при-

„въ
спа-

сво-
ятый

мый
бѣ

амъ
отъ

ія...
съ...

ныя
ли-
ще
на
ер-
му
тъ
мь

ли-
го

мокрою отъ той соли летитъ въ составъ и сунитъ жилицы, и та соль чинитъ воскишеніе крове и до любви восходитъ. И какъ прямымъ лекарствомъ не лечитъ та болѣзнь, плодится, а какъ лечитъ, болѣзнь умалется, а въ скоромъ времени нельзя излечить, чтобъ его государя не обезсилить“.

Докторъ Михаилъ Граманъ и медикъ Симонъ Зомеръ признали у государя цыгу и нашли, что ее надо лечить „внутренними и наружными лекарствами“. Такое же заключеніе далъ аптекаръ Яганъ Гутменъ, добавивши, „а надобно де первое лечить тѣ части его государской персоны, откуда та болѣзнь произошла, то есть печень, stomachъ и селезенку, и хотѣніе къ купанью направить“. Другой аптекаръ Христіанъ Еслеръ „сказалъ тѣмъ рѣчи и хотя де и не надлежитъ на евоинѣ лекарство обильнѣе такой превосходной персоны, однако жъ онъ, служа его царскому величеству и совѣтуя о томъ съ докторами, по ихъ совѣту, про его царскаго величества здоровье употребленіе лекарства со всѣмъ радѣньемъ готовить желаетъ“¹⁾. Лекарства были назначены съ общаго согласія „какъ пристойнее и лучше“.

Иностраннымъ медикамъ часто приходилось лечить болѣзненнаго Оеодора Алексѣевича, который на 24 году жизни скончался. Смерть молодого государя вызвала волненія среди стрѣльцовъ. Нѣтъ было единогласія между прочимъ, что царя отравили доктора. Это обвиненіе связывали съ именемъ Даниіла фонъ Гадена. Своевременно услышавъ объ угрожающей опасности, фонъ-Гаденъ скрылся. Двое сутокъ онъ проведъ въ Маринной рощѣ и окрестныхъ мѣстахъ, но герольд заставилъ его вернуться въ Нѣмецкую слободу. На улицѣ онъ былъ опознанъ и схваченъ стрѣльцами. Царина Марья Матѣевна и цѣлители утѣряли стрѣльцовъ, что докторъ на ихъ глазахъ самъ надкусивалъ всѣ лекарства, которыя онъ составлялъ для покойнаго государя. Однако стрѣльцы кричали: „это не одно только, что онъ уморилъ царя Оеодора Алексѣевича,—онъ чересчелнистъ, мы въ его домѣ нашли существенныхъ змѣй, и за это надлежитъ казнить его смертью“²⁾. После тяжкихъ пытокъ Гадена притащили на Красную площадь и разрубилъ на части. А заканунѣ такая же участь постигла аптекаря Гутменна³⁾.

¹⁾ Записковскія Вспоминанія Оеодора Алексѣевича. Приложение № 1.

²⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи съ прил. СПб. Изд. Общест. пользы т. 13, стр. 2003.

Бояринъ Антекарскаго Приказа внимательно сѣдиль за врачами, за тѣмъ „у всѣхъ-ли у нихъ можа себѣ софѣтъ и любовь и являть-ли можа ихъ какова несогласия“. Составленіе лекарства „про великова государя“ было обставлено большими строгостями и сѣбшеніями. Самые матеріалы находились „особо въ казенкѣ за дьячею печатью, и безъ дьяка въ тое казенку никто не ходитъ, да и лекарство де въ той казенкѣ.. стоитъ въ склянницахъ и въ ящикахъ за печатями-жъ, а входить де въ тое казенку временемъ только имать по рецептамъ лекарства въ дьякомъ ¹⁾).

Составленное при подобныхъ предосторожностяхъ лекарство передавалось самымъ надежнымъ боярамъ, которые относили его къ государю. Такъ, при Іоаннѣ IV поднесли бояринъ кн. Афанасій Вяземскій; при Борисѣ Годуновѣ—Семей Пикитичъ Годуновъ; при Михаилѣ Осодоровичѣ—бояринъ кн. О. Пв. Шереметьевъ; при Осодорѣ Алексѣевичѣ—бояринъ Матвѣевъ.

Бояре не только подносили царю лекарства, но еще ихъ и надкушивали. Такъ, опасный бояринъ Матвѣевъ писалъ царю Осодору Алексѣевичу, выставляя свои придворныя заслуги: „А что каково лекарство послѣ вашихъ государскихъ приемовъ оставалось и тѣ лекарства при васъ великомъ государѣ выпивать я-жъ холопъ твой... принявъ у тебя, Великаго Государя, рюмку, а что въ ней останется, на ладонь вылью и выпью... Вашъ государскій чинъ обдержитъ, когда вы состави докторскіе изволите принимать и при васъ, Вели. Государь, только чинъ несправильнотъ, надкушиваютъ малѣйшую долю; а что я холопъ твой, выпивалъ и то угождая тебѣ все я Государю и чаялъ, чѣмъ что усугублю милость твою государскую къ себѣ ²⁾).

Какъ на общій порядокъ онъ указывать слѣдующее: „А лекарство де надкушивали прежде докторъ, потомъ я, холопъ твой, а послѣ де меня ваши Великаго Государя дядьки бояре князь Осодоръ, Осодоровичъ Куракинъ да Иванъ Богдановичъ Хитровъ“.

Въ 1676 г. медикъ Розенбургъ вынужденъ былъ выпить всю склянку лекарства, предназначеннаго для царичи, такъ какъ оно вызвало тошноту у придворной дамы, отравлявшейся его предвѣрительно поднесения августѣйшей болной.

Эта система надкушиванія оставалась въ силѣ въ теченіе всего Московскаго періода. Въ извѣстномъ указѣ врачамъ и аптекарямъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ пунктѣ Д. писалось: „А когда великіе государи изволятъ... принять лекарства... для составленія коего великіе государи укажутъ въ аптеку отъ своихъ государскихъ ближнихъ людей послать, и при томъ ближнемъ чело-вѣкѣ, да при дохторѣ долженъ аптекарь со всякимъ остере-ганіемъ и вниманіемъ всѣ лекарственныя статьи собрать и дох-тури показать или сѣбавъ того лекарства самому дохтору и апте-карю при томъ ближнемъ чело-вѣкѣ надкушать, и надкушавъ за-печатать ¹⁾).

Тѣ же ближніе люди, которые заботились о приготовленіи лекарствъ, находились у постели больного государя. Теремная замкнутость женской половины оставалась во всей своей силѣ, даже въ теченіе болѣзни царя. Впервые теремная дверь раскрылась передъ царевной Софией, которая смѣло явилась къ постели больного брата Осодора, ходила за нимъ и подавала ему всѣ лекарства ²⁾).

Московскіе цари не ограничивались тѣмъ, что поили приближенныхъ бояръ лекарствами. Последнимъ иногда приходилось пускать себѣ кровь вмѣстѣ съ больнымъ государемъ. По дорогѣ въ Москву, въ деревнѣ Черкизово, Мейербергъ слышалъ отъ ко-го-то слѣдующій характерный разговоръ: „Однимъ Алексѣю Михаил-ловичу дѣлали кровопусканіе. Когда оно окончилось благопо-лучно, великій князь пригласилъ и окружающихъ бояръ поспѣ-довать его прихвату. Всѣ поспѣваютъ приглашенію государя, хотя противъ воли, однакожъ не столько изъ столь обыкновеннаго при-дворныхъ порока лести, сколько изъ страха, чтобы не навлечь на себя паркаго негодованія въ случаѣ отказа. Одинъ окольный Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, понабывавшій на родство, соеди-нявшее его съ Алексѣемъ по смерти его матери, Евдокіи Стрѣш-невой, отговаривается подлѣ предложеніи своей дряхлой старости. „Ахъ ты, неключимый врагъ! сказалъ Алексѣй въ раздраженіи. Развѣ ты не ставишь ни во что своего государя? Неужто въ твоихъ жилахъ литея кровь дородке мои! Да и съ чего ты такъ

¹⁾ Записковскій арх. сѣд. прилож. № III.

²⁾ Исторія о несправильнотъ заточенія близкаго боярина Ари. Серг. Матвѣева кн. Номикова. М. 1785 г., стр. 7, 8, 9.

¹⁾ Флоринскій. Русскіе восточные врачеванія и лечебники. Казань. 1880 г. Стр. 199; Хавиловъ. Очеркъ ист. М. медик. Стр. 161.

²⁾ Забѣлихъ. Бать русскіхъ царей т. II стр. 1.

превозносишь себя надъ равными, даже и высшими тебя, что похвальный примѣръ ихъ посѣдшаго усердія позволяешь себѣ осуждать совѣсть противоположными поступками? Не говоря много словъ онъ бросается къ его лицу, наноситъ много ему ударовъ кулакомъ руки, свободной отъ кровопусканія, и даетъ ему шипка ногами¹⁾.

Во время выѣздовъ „въ походы“ или путешествія цари были обеспечены со стороны медицинской помощи особымъ штатомъ лицъ врачебнаго персонала. Такъ, въ Кашинскомъ походѣ и въ „походѣ въ селѣ Хоромевѣ“ при особѣ цари Оеодора Алексѣевича находились: докторъ Сизонъ Зомеръ, аптекаръ Крестьянъ Оглеръ, костоправъ Иванъ Максимовъ, лекарь Оеодоръ Ильинъ да ученики²⁾. Въ походѣ „въ селѣ Алексѣевскомъ“ были: докторъ Степанъ Оунавановъ, Иванъ Гутменъ, два алхимиста, два лекаря изъ иностранцевъ и два ученика³⁾. Въ вѣдомствѣ Аптекарскаго приказа состояла для царскихъ выѣздовъ особая аптека „меньшая аптека“⁴⁾.

Если цари пользовались врачебной помощью такъ широкого даже во время выѣздовъ, то царскій теремъ, кажется, упорно и долго избѣгалъ соприкосновенія съ рациональной медициной. Главной причиной этого нужно считать сильное релігіозное настроеніе женской половины царскаго семейства. Заздравныя молитвы, заздравныя милостины были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ обиходѣ домашней жизни нашихъ царицъ. Въ трудныхъ случаяхъ дѣторожденія и опасныхъ случаяхъ дѣтской болѣзни прибѣгали къ заступничеству св. Онуфрія, св. Никиты Столпника или св. Никиты Мученика; бралась также св. вода съ чудотворныхъ крестовъ и со св. мощей; предпринимались путешествія въ отдаленные монастыри и т. д.; особенно усердно царицы молились о плодозачатіи.

Къ молитвѣ присоединялись еще традиціонныя средства теремнаго знахарства боярынь и комнатныхъ бабъ, которыя принадлежали къ четвертой степені царьичьихъ чиновъ на ряду съ постельницами. „Грѣмъ постельницъ, пишетъ Забѣлинь, у ца-

во
мал

скій
снес
мер
Мих
тяж
сил

I
ріем
Тоя
желт

I
и пр
впад
и ви
житі

Е
„пры
раше
донд

В
ти е
лѣзи
жеся
же п
сент
свят
пруд
затки
и кн
дуть.
еще г

¹⁾ Барона Менгерберга путешествіе. Чтен. Изв. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1873 года III, 55.

²⁾ Матер. №№ 1310, 1343.

³⁾ Ibid. № 1630.

⁴⁾ Дополн. къ изв. истор. VI, № 94.

¹⁾ Ик

²⁾ П.

³⁾ Ии

⁴⁾ Ии

ляує
раціо
екаръ
амъ.
одок-
евод-
нима-
извѣ-
а въ
тор-
сего
ь са-
пер-
, въ
ить
1. А
1 въ
езъ
ъ, а
ъ 9
къ,
авъ
, А
ымъ
Да
о 7.
ше-
ною

цар-
Сал-
ыла
, да
гъ⁴.
рый
не

варили и селезенка опухла". Другой иноземный лекарь Балсари нашел у нея "въ очахъ желтоватъ и что лечить ее можно"⁴.

Некунство иноземныхъ медиковъ не облегчило страданій больной. Это зависѣло отъ разобщенности врачей и пациента. Все леченіе производилось какъ бы изъ далека, черезъ посредника Салтыкова, а онъ въѣдъ и былъ единственной причиною появленія болѣзненныхъ припадковъ. Возникшій впоследствии рознь о болѣзни царской невесты наглядно показала, какую огромную власть пріобрѣтала надъ личностью царственного больного близкій боюринтъ, заведывавшій врачебной частью.

Первоначально при леченіи царинъ врачи были стѣснены строгостями восточнаго этикета. Къ женщинамъ не допускались даже врачи; а если бывали исключенія, то создавались условія, мало благоприятныя для врачебныхъ манипуляцій. Любопытное въ этомъ отношеніи находимъ сообщеніе у Ав. Мейерберга. „Разъ, пишетъ онъ, когда царина лежала въ постели, она пожелала принять приглашеннаго врача въ своей спальнѣ, сумрачной по случаю завѣшенныхъ оконъ, чтобы ему было не видать ея, и подала ему для изслѣдованія правую руку, покрывъ ея рукавицею у ней самую тонкою тканью, а то обнаженную онъ могъ бы осмотрѣть своимъ прикосновеніемъ“⁵).

Въ нѣе времени коснулось однако и тема. Въ 1676 г. было приказано „доктору Стевану Оунгалаюву къ нему Великому Государю въ хоромы не ходить, а ходить только къ хоромамъ—къ благоуѣрной Государинѣ Царицѣ и Вел. Кн. Наталіи Кирилловнѣ и благоуѣрнымъ Государ. Цесаревичемъ и къ благоуѣрнымъ Государ. Царевичамъ—къ большимъ и меньшимъ“⁶).

Этотъ указъ представляетъ замѣчательный памятникъ, свидѣтельствующій о возникновеніи во второй половинѣ XVII ст. теремой медицинской службѣ.

Въ извѣстномъ регламентѣ врачамъ царей Юнна и Петра Алексѣвичей уже предписывается медицинскому персоналу имѣть

⁴) Пугачъ, въ Моск. Бар. Авт. Мейерберга въ 1661 году. Изд. Пм. 66, Пет. и Ар. Рос. стр. 172; Аделунгъ, Баронъ Мейербергъ и пугачъ, его по Россіи. Сиб. 1827 г. стр. 236.

⁵) Матер. № 1318. Въ 1679 г. тому же доктору, уже по указу царевны Екатерины, Александръ и Осолодъ, докторъ Алесѣвъ, было предписано лечить боюрина Дарью Мазуя и постельницу Марію Пустоборову. Матер. № 1466.

„всякое крайнее радѣніе и остерегательство о нхъ государскомъ и *целю нхъ государскаго пресвитѣльства дома здравіи*. 1).

Услугами всѣхъ лицъ медицинскаго персонала первоначально пользовались только царь и его семейство. По свидѣтельству Меркерега, Олсарія и др. иностранныхъ о Россіи писателей знатные вельможи въ случаѣ необходимости воспользоваться помощью придворнаго медика или медикаментами придворной аптеки должны были подавать челобитныя объ этомъ и только по именнымъ отвѣтамъ государя на эти челобитныя медики могли заняться леченіемъ, а аптекари отпускать лекарство. Медики и аптекари обязывались исполнить любое требованіе воль страхомъ приказанія.

Весьма вѣроятно, что порядокъ этотъ сложился отчасти вслѣдствіе того, что опасались занесенія медиками приличивыхъ болѣзней во дворецъ государя, а отчасти вслѣдствіе политическихъ соображеній о томъ, что медики, изолированные отъ клініки боярства не могли сдѣлаться грозными орудіями боярской крамолы. Последнее лучше всего оправдывается текстомъ присяжнаго листа, гдѣ между прочимъ говорилось: „и съ московскими людьми ни съ кѣмъ ни на какое зло не ссылатися и не измѣнни ему государю ни въ чемъ и съ измѣнники его любо которые ему государю учнутъ измѣнати и съ нхъ родствомъ и съ советники ни на какое зло писемомъ и иными никакими мѣрами не ссылатися и не измѣнати ни въ чемъ 2)“. Эта форма клятвенной записи не сохранилась въ царствованіе Осодора Алексѣевича, такъ какъ въ эту пору идея самодержавія окончательно подавила всѣ олигархическія стремленія и не было болѣе нужды охранять ее зоркою и мелочною подозрительностью.

Если съ теченіемъ времени московское правительство перестало опасаться, чтобы медики не станинулись съ крамольными боярами, то оно не могло не бояться занесенія врачами приличивыхъ болѣзней во дворецъ, а это послѣднее опять оправдывало порядокъ леченія частныхъ лицъ по челобитнымъ. Такимъ образомъ было легко и удобно установить контроль надъ практикою медиковъ и угрожающую опасность пресѣчь въ самомъ началѣ.

1) Федорскій, Опр. сѣт. Приложение стр. 196

2) Матер. 160.

пр
пе
вз
лк
и
во
хо.
го
и
да
то
но
ос
„р
По.
Сел
му
вел

эпо
раз

ром
ленг

сид
няъ
Тер
пой
сол
съ и
сищ
Аст
твое

1) 1

2) 1

3) i

4) ii

5) M.

тоскѣ,
воя-
вѣст-
икаль-
Кол-
ками"
екар-
аль".
удар-
орчи,
тѣзь
но де
цнги
при-
бу-
ннѣй
го въ
тѣ и
о ма-
мази
ь об-
свое
удар-
знаку
ншаго
тест-
наго
еще,
ощью
ть то-
ю си-
», что
закой
бетел
азахъ
яною

Напримѣръ, когда въ 1658 г. „на Михайловѣ дворѣ прото-
попа мертвая жена Матрена“ была осмотрѣна по указу госу-
даря, то „дьяку Герасиму Дохтурову и дохтуру Лѣву и лекарю
Осипу и подъячему Тимоѣю Антипину велѣно быть на своихъ
дворѣхъ, до государева указа съѣзжать имъ своихъ дворовъ ни
куда не велѣно, и дьякъ Герасимъ и лекарь и подъячей живутъ
на своихъ дворѣхъ генваря со 2-числа генваря ажъ по 16-ое
число“ ¹⁾ Слѣдовательно, быть установленъ четырнадцатиднев-
ный карантинъ для всѣхъ лицъ, имѣвшихъ соприкосновение съ
подозрительной больною.

Въ 1682 г. въ Аптекарскій Приказъ было прислано уведом-
леніе о скорой смерти Оеодора Нелединскаго, по челобитной ко-
торого былъ къ нему отпущенъ врачъ Захарій Фандергуестъ, и
„Вел. Гос. указалъ доктру Захарія допросить въ Аптекарскомъ
Приказѣ Оеодора Нелединскаго какою болѣзною былъ боленъ и
какими лекарствами его лечилъ и съ какою причины ему скорая
смерть учинилась и доктру Захарей по допросу сказали, что
де у него Оеодора Нелединскаго болѣзния была огневая *прили-
чивая* съ пятнами... А о болѣзни де выше писаннаго съ старыми
доктурами прѣжь сего онъ доктру Захарей не разговаривалъ,
потому что которыхъ больныхъ его братія доктры такіе болѣзни
лечать, и въ Аптекарскій Приказъ ходить имъ дохтуромъ до
указу Вел. Государя не велѣно“ ²⁾.

Въ цитированномъ уже указѣ Іоанна и Петра Алексѣевичей,
данномъ по случаю неисправностей въ Аптекарской Палатѣ, по-
велѣвалось: „А буде которыхъ больныхъ болѣзни лихія, огневая
и какия приливчивыя болѣзни, и къ такимъ, буде которому дох-
туру у великихъ государей, или въ которыхъ ихъ Государскаго
пресвѣтѣйшаго дома комнатахъ есть дѣла, и имъ безъ именнаго
вел. гос. указа не ѣздить; а буде который по указу вел. гос.,
или своимъ изволомъ къ такимъ больнымъ и поѣдетъ, и имъ въ
тѣ дни, въ которые лютесть такой болѣзни въ больномъ будеть,
въ аптеку безъ указа вел. гос. не ѣздить“ ³⁾.

Практика придворныхъ врачей у частныхъ лицъ, начавшаяся
единичными фактами и при особо исключительныхъ обстоятель-

¹⁾ Матер. № 778.

²⁾ Ibid № 1678.

³⁾ Флоринскій Ор. сіт. Приложение стр. 200, пунктъ Е.

ствахъ, постепенно расширялась до значительныхъ размѣровъ. Еще въ началѣ XVI ст. когда маркиграфъ Альбрехтъ (1516 г.) требовалъ у Василя Ивановича возвращенія Теофила, то оказалось, что „у Теофила многіе дѣли бодрекіе на рукахъ, лечить ихъ“. Иоаннъ Грозный, ранивъ постельника князя Гвоздева, послать къ нему доктора Ариульфа. Борисъ Годуновъ приказывать своимъ лейбъ-медикамъ, чтобы у датскаго герцога Юанна „дохтуры были безпрестанно въ день и въ ночь, а вѣдно имъ о томъ радѣти всякими мѣрами, чтобы той его скорби облегченіе учинить“¹⁾.

„Въ прежнее время, передаетъ Олеарій, было весьма опасно состояти придворнымъ врачамъ при великомъ князѣ: если данное имъ лекарство не подѣйствовало сообразно съ желаніемъ Царя, или если больной умирали, несмотря на леченіе, тогда врачъ впадалъ въ величайшую немилость, и съ нимъ воступали какъ съ рабомъ“. Въ доказательство своей мысли Олеарій рассказываетъ случай, происшедшій во время болѣзни герцога Юанна, брата датскаго короля Христіана IV, который прибылъ въ 1602 г. въ Москву съ намѣреніемъ вступить въ бракъ съ дочерью великаго князя. Внезапно заболѣвшій герцогъ былъ вѣренъ „съ царьскою угрозою“ искусству и стараніямъ врачей, но искусство послѣднихъ оказалось безсильнымъ: больной скончался, а „врачи должны были скрыться и долгое время не показываться на глаза царя“²⁾.

Беззащитность и безправность медиковъ „добраго“ прошлаго еще нагляднѣе выразилась въ поведеніи того самаго врача-нѣмца, который былъ пожалованъ Борисомъ Годуновымъ въ доктора. Вскорѣ послѣ пожалованія этой ученой степени царь занемогъ приступами подагры и потребовать къ себѣ врача. Послѣдній до того перепугался возврата царской болѣзни, что счелъ себя уже обреченнымъ на смерть и „поэтому одѣлся въ старое, порванное платье, вкочилъ и распустилъ себѣ волосы на лицо и на четверенькахъ вползъ въ двери къ великому князю, говоря, что, подвергшись его немилости, онъ не достоинъ уже жить на свѣтѣ, а тѣмъ болѣе зрѣть свѣтлыя очи Его Царскаго Величества“. Находившійся у царя какой-то бояринъ, стараясь угодить, толк-

нулъ врача ногой и обругалъ его собакой. Врачъ же, замѣтивъ, что картина униженія достигла пѣки, жалобнымъ голосомъ продолжалъ: „О великій Царь! Я твой, а никого другого, рабъ; я очень много согрѣшилъ передъ тобою, вполнѣ заслужилъ смерть, и почелъ бы себя блаженнымъ, еслибъ могъ умереть отъ твоей руки. Но терпѣть такое поруганіе отъ твоего холопа мнѣ крайне прискорбно; ибо знаю, что на то нѣтъ твоей воли, чтобы кто нибудь другой проявлялъ такое жестокое насиліе надъ мною, слугою твоимъ. Великій князь переловилъ гнѣвъ на милость, пожаловавъ врачу 500 рублей“³⁾.

Тѣмъ болѣе вѣрнее наши вѣдѣнія изъ вторичной ограды приходится иноземнымъ врачамъ дѣлать въ боевомъ строю, отбрасывая каждую пядь позицій. Случалось даже, что милостивая заботливость царя о какомъ-нибудь больномъ сановникѣ вызвала челобитную: „пожаловать царскую милость, не велѣть ему лечиться у заморскаго дохтура“. Но время сдѣлало свое дѣло и тотъ же Олеарій, обращаясь отъ эпохи Юанна Грознаго къ современности вынужденъ былъ замѣтить „многое изъ того, что писалось прежде о русскихъ въ настоящее время уже не существовало... въ простомъ народѣ самымъ лучшимъ лекарствомъ, даже въ горючкѣ, считается водка и чеснокъ; знатные же бояре начинаютъ уже теперь обращаться за совѣтами къ нѣмецкимъ врачамъ и употреблять, прописываемыя ими лекарства“⁴⁾.

Начиная съ 50 хъ годовъ XVII ст. встрѣчаются многочисленные челобитныя о лекарствахъ со стороны знатныхъ бояръ, придворной службы, духовныхъ иноземцевъ, которые не преминули воспользоваться почетомъ въ положеніи замкнутой доселѣ придворной медицины.

Такъ въ 1643 г. „по государеву цареву и вел. кн. Михаила Оедоровича всея Россіи указу и *и по челобитию* Григорья Горихвостова посланъ изъ Аптекарскаго Приказа мекленбургскіе земли дохтуръ Еганушъ Белово къ нему Григорью“⁵⁾. Въ 1645 г. былъ

¹⁾ Олеарій. Путешествіе стр. 186.

²⁾ *Ibid.* стр. 202 и 319. Маржеретъ передаетъ о русскихъ чувствую себя нездоровыми они обыкновенно начинаютъ хорошо жару вына, вставая въ постель ружейнаго пороха или съѣшавъ паштотъ съ толченымъ чеснокомъ и немедленно лѣзутъ въ баню, гдѣ въ пестеринномъ жару потѣютъ часъ два или три. Такъ лечится простой народъ во всякъ болѣзняхъ. Соловѣи. Рос. держава etc. стр. 38—39.

³⁾ Матер. № 119.

⁴⁾ Рихтеръ. Извѣст. т. I, стр. 269, 383 и слѣд.

⁵⁾ Олеарій. Путешествіе стр. 185—186.

послать лекаря для лечьбы иноземномъ рудного сыску мастеромъ“¹⁾; въ томъ же году—„для крымскимъ гошмамъ для ознобные лечьбы“²⁾ въ 1646 г.—„для лечьбы колотого человека думного дьяка Ивана Гаврилова“³⁾; въ 1647 г. Иванка Леонтьевъ билъ челомъ: „пожаловать дати мази, чѣмъ помазать больную ногу, а болить... нога отъ убою“⁴⁾.

Въ 1648 г. конной писарь Панко Васильевъ сынь Будаевъ просилъ „дать лекаря, чтобъ государь женинкѣ отъ пожеваго рѣзанья напрасною смертию не умереть“...“⁵⁾.

Въ 1648 г.—торговой иноземецъ Ондрияшка Оанаяшъ билъ челомъ: „... и Едучи, государь, въ Арземакъ грѣхомъ моимъ, санишка опрокинулась и у сыночка моего спинку изломало... а кромѣ твоихъ государевыхъ дохтуровъ и лекаревъ лечить некому. Милосердый Гос. Царь и вел. кн. Алексѣй Михайловичъ всея Руси покажуи меня иноземца, для своего царскаго многолѣтняго здорovia вели, государь, того моего сынишка лечить твоимъ государевымъ лекаремъ. Царь государь смилуйся покажуи“...“⁶⁾

Въ 1656 г. Иванка Карамышевъ подаль челобитную, въ которой писалъ: грѣшною мѣрою меня холопа твоего въ сотиѣ лошадей била, ногу мнѣ переламила и по сѣхъ мѣсть лежу боленъ. Милосердый Государь... покажуи меня холопа своего, вели государь, меня лечить костоправу Первому⁷⁾.

Въ 1658 г. Митка Ивановъ сынь Пепейцанъ писалъ: „какъ билъ у насъ холопеш твоихъ подо Вдовымъ съвѣщенными людьми и на томъ бою я холопъ твой раненъ—пробить насквозь изъ карабина по самому животу, и шлѣ я х. т. отъ той раны лежу въ твоемъ и по сѣю пору раны не затворились... покажуи меня х. своего излечить въ Олтекѣ“...“⁸⁾.

Въ 1661 г. выходецъ изъ Польши „бѣдной и безпомѣстной и безвотчинной жилецъ Томосова полку Белн канитанъ Микитка Жемчужниковъ“ подаль челобитную, въ которой писалъ: „И въ

рш
баб
соби
или
пос.
виш

слѣ
сущ
чаю
ных
сын
шет
как
что
у м
ли,
говс
ли
ма
его
чер
случ
(

врач
случ
нап
был
пов
пуск
вала
нѣк
жил
20
Кля

у,
у)
у,

¹⁾ *ibid.* № 214 дополн.

²⁾ *ibid.* № 195.

³⁾ *ibid.* № 559.

⁴⁾ *ibid.* № 583.

⁵⁾ *ibid.* № 581.

⁶⁾ *ibid.* № 589.

⁷⁾ *ibidem* № 669.

⁸⁾ *ibidem* № 858.

рскомъ

чально
льству
телей
я по-
і ап-
ю по
могли
ки и
стра-

лѣд-
, бо-
нихъ
бо-
олы.
наго
одми
ему
го-
ни
ла-
за-
акъ
всѣ
, ее

ре-
ями
пп-
ды-
мъ
ти-
на-

прошломъ, Государь, во 167—году отманъ полскою Павесть Са-
пега со многими полскими и литовскими людьми Мѣнескѣ городъ
взетъемъ взятъ, и твоихъ государевыхъ служивыхъ и моихъ
людишекъ побиди 104 человекъ; а меня х. т. взяли поѣсчнова
и стреленова мизки тѣлами: и быть въ полону три года и жи-
вотъ свой мучить въ кондалахъ и въ тюрьмѣ... а нуля во мнѣ
холопѣ твоємъ въ самомъ пунѣ и теперь ниже нуля во мнѣ три
годы... пожалуй меня холопа своего... за мое службишко, за кровь,
и за раны, и за полонное терпеніе, и за всякія нужи, вели, госу-
дарь, тое нулю изъ меня вѣнеть, чтобъ мнѣ холопу твоєму отъ
той нули не умереть" ¹⁾. Одновременно съ этимъ Пронка Семе-
новъ сынъ Еннѣ просить его „дубья и раны досмотрить и по
осмотру лечить“ ²⁾. Мѣсяцъ спустя просилъ „въ Онтѣкъ лечить“
„ротмистръ Оектистръ Давыдовъ сынъ Неведковъ“ раненый подъ
Полоцкомъ. ³⁾ Въ 1662 г. поручникъ Логвинко Давыдовъ сынъ
Севекой писалъ въ челобитной: „я холопъ твой раненъ изъ
мушкетъ двумя пулями, и тѣ нунѣ пулки во мнѣ холопѣ твоємъ...
вели, государь, тѣ пулки изъ меня холопа своего вырѣзать“ ⁴⁾.

Сохранились интересныя данныя о томъ, что въ московскую
эпоху принимались мѣры къ снабженію врачевнымъ персоналомъ
разнаго рода посольскихъ миссій.

Такъ въ 1663 г. „съ великими *прось* съ околыничемъ Оеодо-
ромъ Яковлевичемъ Милославскимъ съ товарищи“ былъ отпра-
вленъ лекарь Дунка Салтыцкой ⁵⁾.

Въ 1669 г. „по указу Алексѣя Михайловича“ вѣсть въ Пер-
сиду для его великаго государя дѣла англичанинъ Томасъ Бре-
нинъ, а вѣстно ему дать лекаря“. Лекаремъ былъ посланъ Иванъ
Термонтъ, печальная одиссея котораго описана въ его челобит-
ной Оеодору Алексѣевичу. „Посланный я, писалъ онъ, изъ По-
сольскаго Приказу въ Персидскую землю къ Шаху Величеству
съ *посланникомъ* съ Томасомъ Бренномъ въ лекаряхъ, а изъ пер-
сидскіе земли доѣхалъ до Астрахани; и въ то время пришелъ къ
Астрахани воръ богоотступникъ Стенка Разинъ, и меня холопа
твоего на приступѣ равиль, и животинка моя всѣ пограбилъ и

¹⁾ *ibid.* № 934.

²⁾ *ibid.* № 933.

³⁾ *ibid.* № 943.

⁴⁾ *ibid.* № 938.

⁵⁾ *Матер.* № 310.

разорить без остатку, и мучить меня всякими муками, и я х. т. отъ него Стенки ушелъ на Терки, а съ Терка ушелъ я х. т. въ Торки къ мурзѣ къ Будаю Шайкалу—и быть у него 3 годы: а отъ Будая ушелъ въ Перенцкую землю; и изъ Перенды былъ я въ Индѣи и служилъ на корабляхъ и на разныхъ бояхъ четыре года: а изъ Индѣи пришелъ въ Перенцкую землю... и быть у него годъ, и онъ меня отпустилъ съ *посланникомъ*... *иноземскимъ*“¹⁾.

Заботы московскихъ царей о практикѣ иноземныхъ медиковъ у частныхъ людей отразились на текстѣ изъяснительной записки, по которой каждый врачъ объявлялъ: „кого велитъ государь лечить своихъ государевыхъ бояръ и ближнихъ и приказныхъ людей и дворянъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей, кого государь ни укажетъ и тѣхъ людей по ихъ государскому велѣнью лечить докторствомъ своимъ въ правду съ великимъ радѣніемъ безо всякіе хитрости“²⁾. Еще дальше въ этомъ направлении пошли въ регламентѣ царей Иоанна и Петра Алексѣевичей, гдѣ указывалось: „такоже и дохтуромъ необходимо по присылкамъ всякаго чина къ людямъ больнымъ ѣздить, и своею лечбою отъ болѣзней... поспу какъ богатымъ и бѣднымъ имъ чинить“³⁾.

Можно утверждать, что во второй половинѣ XVII ст. произошелъ крупный переворотъ во всей постановкѣ врачебно-аптечнаго дѣла въ Московскомъ Русіи: придворная медицина отделилась отъ общей, кромѣ царской аптеки возникла другая съ вольною продажей медикаментовъ, была создана первая школа для обученія врачебному искусству, появились постоянные военно-полковые врачи, вольно-практикующіе и русскіе лекари, костоправы, алхимики, чечуйные, горганіе, чечуйные мастера и т. п.

Тѣмъ не менѣе спросъ на врачебныя услуги далеко оставилъ за собою ихъ предложеніе, и явились, такъ сказать, специалисты низшаго разряда. Къ приказу стали приписываться случайные люди вмѣсто прежнихъ апробированныхъ представителей иноземныхъ вѣдѣнныхъ врачебныхъ школъ.

¹⁾ Ibid. № 1647.

²⁾ Матер. № 160.

³⁾ Флоринскій. Op. cit. пр. III. Е. Содержаніе этого указа интересно также сопоставить съ замѣчаніемъ Маргарета, который писалъ: „Ни одинъ лекарь не дерзнулъ, не имѣя позволенія, поспу лечить великаго безъ повѣнчанаго приказа“ Государя. Составленіе Рос. Держ. etc. стр. 76, 77.

Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ въ приказные списки въ 1663 г. попалъ Лукашка Салтыцково, который въ Кизылбашахъ за отсутствіемъ лекарей попробовалъ счастья въ леченіи „многихъ больныхъ низовыми и разными болѣзнями“ *посольскихъ* людей, за что и былъ пожалованъ въ лекари¹⁾.

Извѣстны также лекари изъ плѣнныхъ. Въ 1652 г. былъ принятъ на лекаревую службу „полоцкой иноземецъ Иванко Михайловъ“, изятый „съ лекарною и зельемъ“²⁾. Въ 1658 г. упоминается о изятыхъ въ плѣнъ лекаряхъ „на Магнусовомъ бою Царские земли Стрекертка да подъ Ванками звать Самошка“. При разсѣлованіи въ мартѣ того же года оказалось, что Стрекертка не нашли, а вмѣсто его былъ обнаруженъ докторъ Оргаръ Дряклеръ; Самошка же назвался лекаремъ Соломантой Энке. Спусти почти два мѣсяца Дряклеръ былъ принятъ на службу, предварительно просидѣвъ „въ Чудовѣ монастырѣ подъ началомъ для крещенія православные христіанскіе вѣри“³⁾. Въ 1679 г. зачисленъ лекаремъ „на Смоленскую“ Иванъ Михайловъ сынъ Таборовскій, изятый въ плѣнъ подъ Вильною, гдѣ онъ „былъ иприспичкомъ и жилъ своимъ дворомъ и лечилъ всякіе колотые и стрѣленные раны, и руку жилиную и банками стеклянными, и пушки вырѣзывалъ, и опектурѣ клалъ“⁴⁾.

Развитіе вольной медицины и околоточнаго практиканства, а также наборъ медиковъ изъ иностранцевъ сомнительной выучки, мало преніятевовали спеціальномъ практикѣ лекарей—самоучекъ.

Еще при Иоаннѣ Грозномъ упоминалось о купцѣ Строгановѣ, искусно дѣлавшемъ заворотъ на ранахъ, который будто-бы за свое искусство удостоился особой милости именоваться „вичемъ“, какъ именовались только знатнѣйшіе государственные сановники⁵⁾.

При последующихъ же государяхъ число самоучекъ настолько возросло, что въ 1652 г. въ Аптекарскомъ Приказѣ докторъ Артемій Греханъ да аптекарь Андрей Ивановъ докладывали объ одномъ изъ нихъ: „слышали де они отъ многихъ людей, что Греченинъ Дмитрій Селунскій ѣздитъ по многимъ дворамъ и не-

¹⁾ Материалы № 340.

²⁾ Ibidem. № 258.

³⁾ Ibidem. № 787, 844.

⁴⁾ Ibidem. № 1185.

⁵⁾ Хавицкий, Медицинская полиція въ Россіи, Журн. М. В. Д. т. 33, № 3 стр. 352.

мочнымъ людямъ дать внутренне лекарства не вѣдомо какіе и за то де смѣять большіе деньги, и помочи немочнымъ людямъ чинить мало, а въ ихъ де немецкихъ государствахъ бывасть лекарскому дѣлу что и гораздо ученѣ, а безъ дохтурскаго свидѣтельства лекарство людямъ давать нельзя, потому что бывасть де имъ допросъ, гдѣ кто учился и какими лекарствами лечить, чтобъ отъ того немочнымъ людямъ поврежденія и напрасной кончины не было¹⁾. При разслѣдованіи оказалось, что лекарства „по его приказу и по росписи немочные люди покупають въ овицномъ ряду“.

Судебный процессъ 1679 г. рельефно обрисовываетъ другого изъ подобныхъ предпринимателей, стремящаго приказа сирѣльма Гриньку Донского, который лечилъ князя Осодора Щербатова, кажется, отъ сифилиса, потому что у него было констатировано: „вечность... лицо все осыпалось и не имѣть пушаря и красно... въ роуѣ прыщи и небо осыпалось“. Донской давалъ князю мазь на винѣ и мазалъ ею же лицо. Мазь оказалась составомъ изъ турецкаго купоросу, ртути и другихъ присыпковъ. Цулена она была въ зеленномъ ряду, гдѣ вообще приобретають самоучками лекарства и свѣдѣнія относительно ихъ употребленія²⁾. Лечение кончилось смертію больного.

Несмотря на компетентныя указанія на вредъ отъ практики самозваныхъ врачей, въ законодѣніяхъ московскаго государства не встрѣчалось намека на какую либо регламентацію ихъ практики. Такъ было до 1686 г., когда лекаръ Андрей Харитоновъ далъ „въ реискомъ“ подъячему Юрію Прокофьеву судемы, отпу-щенной въ шляхотъ видѣ, лекаремъ Мишкой Тулейничковымъ вмѣсто потоваго лекарства изъ раковыхъ глазъ. Эта ошибка стоила жизни Прокофьеву. Тулейничковъ былъ сосланъ въ Курскъ на вѣчное житье; а лекаръ Андрей Харитоновъ далъ поручную записку: „что ему такихъ вредныхъ и смерть наводящихъ статей ни кому не давать“, всѣмъ же его товарищамъ было объявлено: „буде изъ нихъ кто нарочно или не нарочно кого умо-рять, а про то слышется, и имъ быть казненнымъ смертію“³⁾.

Нѣкоторые знатные сановники того времени заводили своихъ собственныхъ домашнихъ врачей, даже часто изъ крѣпостныхъ людей. Въ исторіи сохранился печальный примѣръ практики такого крѣпостнаго лекаря. Такъ въ 1700 г. человекъ Петра Петровича Салтыкова лечилъ „лярыномъ“ своего господина отъ бессонницы и „отъ тѣхъ лекарствъ бояринъ умре скорою смертію“⁴⁾. Можно было бы ожидать, что лекаръ будетъ наказанъ смертію согласно указу 1686 г., но наказаніе его было смягчено (сосланъ въ Азовъ), такъ какъ изъ дѣла было обнаружено полное отсутствіе злого умысла.

¹⁾ Матеріалы № 632.

²⁾ *Ibidem* № 1484.

³⁾ Полное Собр. Рос. Зак. т. V, стр. 747, № 1171. и Наши Матер. ... II стр. 311—312.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Центральным местом въ Аптекарскомъ Приказѣ была царская аптека.

Первая русская аптека учреждена въ Москвѣ въ 1581 году англійскимъ аптекаремъ Джемсомъ Френшаномъ, присланнымъ въ Россію королевой Елизаветой по просьбѣ Іоанна IV. Нужно думать, что ранѣе этого времени у насъ не было ни аптеки, ни аптекарей въ смыслѣ специальныхъ учреждений и лицъ. Правда, въ источникахъ упоминается еще въ 1554 г. о какомъ-то „Матюшкѣ аптекарѣ“, но нѣтъ никакихъ указаній на его профессиональныя знанія и практику¹⁾. Упоминается еще о голландскомъ аптекарѣ Арентѣ Клаузиндѣ, прожившемъ въ Россіи 40 лѣтъ, и объ аптекарѣ Николаѣ Броунѣ; но о дѣятельности ихъ не сохранилось свидѣній²⁾, такъ что первымъ аптекаремъ, открывшимъ аптеку, приходится все-таки считать Джемса Френшана.

Аптека, устроенная Френшаномъ, имѣла очень ограниченныя кругъ операций: она была предназначена только для нуждъ царскаго двора, за прѣтѣлами котораго продолжительное время не имѣла вліянія. Это была въ строгомъ смыслѣ закрытая придворная аптека. Медикаменты для ея первоначальнаго снабженія были вывезены изъ Англіи³⁾. Въостѣдствіи она пополнялась различными путями.

Нѣкоторые матеріалы приобретались въ московскихъ рядахъ: москательныхъ, овошныхъ, зеленыхъ, медовыхъ, соляныхъ и другихъ. Матеріалы болѣе цѣнные привозились черезъ западную и восточную границы. Хивная корка, ревенъ, камфора, мускусъ, гвоздика, миндаль, цилибуха покупались у восточныхъ купцовъ. Товары послѣднихъ издавна пользовались на Руси большою извѣстностью. Еще преподобный Агапитъ лечилъ травами и лекар-

ствами восточнаго происхожденія, которая врачъ армянинъ находилъ „не отъ нашихъ земель... изъ Александріи быти“.

Что касается западнаго ввоза, то онъ поддерживался первоначально иностранными врачами, привозившими съ собой „аптекарскіе всякіе лекарства и снасти балберскіе (хирургическіе инструменты)“. Привозъ этотъ настолько считался для врачей обычнымъ и обязательнымъ, что въ 1599 г. посольскому дѣлу Василію Щепалову повелѣлось очень подозрительнымъ отсутствіе „травъ лечебныхъ“ у новопріѣзжаго англійскаго доктора Виллса, которому поэтому даже было отказано въ приѣмѣ на царскую службу¹⁾.

Но мѣръ истощенія вывезенныхъ изъза границы аптекарскихъ запасовъ врачамъ не трудно было ихъ возобновлять черезъ иностранныхъ дрогистовъ. Уже въ началѣ XVII ст. аптекарскіе лекарства со всякимъ аптекарскимъ заводомъ и лекарскіе снасти²⁾ находились въ продажѣ въ специально аптекарскихъ складахъ въ Полоцкѣ, Могилевѣ, Архангельскѣ³⁾. Этими складами пользовалось не разъ московское правительство для военныхъ цѣлей. Такъ, изъ Полоцка 25 сентября 1654 г. въ дѣйствующую армію подъ Смоленскъ были посланы „всякой лекарскій заводъ“, а 2-го ноября того же года затребованы были другой транспортъ въ Вязьму.

Нѣтъ основанія полагать, что пограничные аптекарскіе склады скорѣе были москательными лавками, какихъ имѣлось множество въ Москвѣ. Подобное предположеніе разбивается о дошедшіе до насъ списки медикаментовъ, приобретенныхъ по различнымъ случаямъ въ названныхъ складахъ. Изъ росписей медикаментовъ, купленныхъ, напримѣръ, въ Могилевѣ особымъ воеводо Иваномъ Васильевичемъ Олферьевымъ, видно, что рядомъ съ невинными средствами: деревяннымъ масломъ, смолой, агарикомъ, гуммастикой и шафраномъ, были приобретены сильнотѣйствующія вещества, не входившія въ торговый оборотъ нашихъ зеленыхъ рядовъ, какъ-то: интаргірумъ, кантаритиетъ, интарное масло, опиумъ и другіе.

Придворные врачи охотно обращались въ склады за медикаментами, особенно въ Архангельскъ. Въ 1632 г. докторъ Артемій Діи билъ челомъ о назначеніи ему подвоза, причемъ писалъ:

¹⁾ Рихтеръ, Исторія медицины, ч. I, стр. 303.

²⁾ Германъ, Врачебный бытъ Россіи, стр. 54.

³⁾ Рихтеръ, оп. cit. т. I, прил.б. XV.

¹⁾ Сборникъ Имп. Русскаго Ист. Общ. Спб., 1883 г. т. 38, стр. 290.

²⁾ Матеріалы по исторіи медицины, №№ 251, 252, 260, 261, 264, 638, 646.

„посылаю и холопей твой по всякой годъ людисекъ своихъ къ Архангельскому городу для своей нужи аптекарскаго зелья“¹⁾.

Подводы назначались десятками, давались также проводники, а врачи иностранцы больше перевозили „запасенокъ про обиходъ“, тѣмъ „лекарствъ и книга“. Такимъ образомъ, создавалась контрабандная торговля съ большими приплатами со стороны казны.

Невыгоды подобнаго положенія вскорѣ обнаружались, и правительство приняло мѣры къ снабженію аптеки посредствомъ собственныхъ закупокъ необходимыхъ матеріаловъ заграничей.

Въ 1632 г. англичанинъ Уильямъ Ивановъ Смитъ „по Государеву указу посланъ быть въ английскую землю для аптекарскихъ лекарствъ“²⁾.

Въ 1645 г. торговый плѣмецъ Петръ Матѣевъ вывезъ „изъ Ганштеттскихъ земель, про государевъ обиходъ, аптекарскіе великіе запасы, масла, и воски, и сахара, и спирты, и цвѣты, и травы, и сѣмена, и коренья, пластыри, и мази, и скляницы“³⁾. Росписъ для этого вывоза была составлена докторомъ Венделинусомъ Спбеллстомъ и по сравненію съ росписью лекарствъ, вывезенныхъ первыми аптекаремъ Френнваномъ, поражаетъ какъ количествомъ, такъ и качествомъ матеріаловъ.

Въ 1660 г. и 1664 г. было поручено торговому иностранцу Ананію Диккенсу купить за моремъ „аптекарскихъ запасовъ: коренья хины, дерева сассофраса, коры святого дерева и кассіа индія“ постѣ того, какъ этихъ веществъ не оказалось въ наличности въ Архангельскѣ⁴⁾.

Въ 1661 г. Иванъ Гебдонъ прислалъ изъ Архангельскъ аптекарскія лекарства во одиннадцати мѣстахъ, обшиты въ рогабы. При перетягиваніи ихъ къ Москвѣ наказывалось смотрѣть, чтобы „отъ морозовъ и большія скорыя возки изъ никакія порухи не учинилось“⁵⁾.

Въ 1662 г. лекаръ Лучка Салтышкой, посланный въ Кизылбашъ, въ челобитной писалъ: „А въ Кизылбашехъ де, государь, многіе травы и коренья и зелья, чего въ здѣшнихъ сторонахъ нѣтъ. И будучи въ Кизылбашахъ оны Лучка хочетъ тебѣ в. г.

служить: дѣлать масла, и воски, и балсамы, и иные лекарства, которые пригодятся въ твои в. г. аптекарскіе запасы“. Въ отвѣтъ на это государь указалъ „въ Кизылбашской землѣ купить коренья хины двадцать пудовъ—добро, а купя тотъ корень привезти къ Москвѣ“⁶⁾.

Въ 1663 г. „царскаго величества резидентъ Иванъ Гебдонъ прислалъ изъ английской земли „дѣтъ шести сундукамъ да въ дву боченкахъ да въ тюкѣхъ за клеймомъ... покупныхъ аптекарскихъ запасовъ“⁷⁾. За годъ передъ тѣмъ было „велѣно купчинѣ греченину Захарію Миклаеву купить аптекарскихъ лекарствъ и иныхъ запасовъ по росписи, какова росписъ данъ изъ Аптекарскаго Приказа, а купя тѣ аптекарскіе запасы привезти къ Москвѣ а подѣ тѣ аптекарскіе запасы отъ Нутыля до Москвы велѣно дати подводу на“⁸⁾.

Еще 1666 г. было указано „торговому иностранцу Томасу Кильдерману въ городѣ Гамбургѣ купить аптекарскихъ лекарственныхъ запасовъ по росписи, какова дана ему изъ Аптекарскаго Приказа, а купя тѣ запасы велѣно ему привести къ Архангельскому городу, а отъ Архангельскаго города на Вологду, а съ Вологды прислать къ Москвѣ“. При этомъ повелѣвалось „тѣ аптекарскіе запасы везти съ великимъ береженіемъ, а буде тѣ аптекарскіе запасы застанеть зимнее время и въ бѣ велѣно тѣ запасы устроить въ войюки и въ овчины, чтобы тѣмъ аптекарскимъ запасамъ отъ морозовъ никакія порухи не учинилось“⁹⁾.

Вывозъ медикаментовъ изъ заграницы былъ настолько обычнымъ дѣломъ, что докторъ Самуиль Келлинеръ, отлученный въ 1667 г. на родину, былъ челою государю: „я буде тебѣ великому государю годно въ английской землѣ *купить аптекарскихъ запасовъ* или иного какого твоего великаго государева дѣла, и я х. т. . . въ английской землѣ во всея радѣ тебѣ вел. гос. служить и работать“¹⁰⁾.

Въ 1668 г. торговымъ иностранцемъ фонъ Горномъ и его прикащикомъ Мартиномъ Быхлиномъ въ Гамбургѣ были куплены

¹⁾ Матеріалы № 101.

²⁾ Ibidem № 78.

³⁾ Ibidem № 189 и 190.

⁴⁾ Наши мат. т. I стр. 9 и 53.

⁵⁾ Ibidem стр. 15, 49.

⁶⁾ Матеріалы № 339.

⁷⁾ Матер. № 302, 307 и 310.

⁸⁾ Наши матер. т. I, стр. 28, 31.

⁹⁾ Наши мат. т. I стр. 83.

¹⁰⁾ Наши матеріалы т. I, стр. 128.

огромный транспорт аптекарских товаров на сумму 3753 руб. 21 алтын¹⁾.

В 1670 г. Алексей Михайлович указал „послать для своих государских дѣл и для покупки всяких аптекарских запасовъ въ алтинское и въ иные окрестные государства аптекаря Романа Биніяна, а съ нимъ алхимического дѣла ученика Тихана Аваняна да аптекарского дѣла ученика Исаака Аристова“²⁾.

И такъ, наконецъ, появились лица, занимавшіяся специально поставками медикаментовъ для царской аптеки. Среди такихъ приговорныхъ поставщиковъ встрѣчаются Андрей Вишійсъ (1647 года), Давидъ Микулаевъ (1647 г.), Павликъ Гобдонъ (1652 г.), Вахромей Меллеръ (1674 г.), Вилимъ Горстенъ (1678 г.) и другіе³⁾.

Тѣмъ не менѣе расчетливое московское правительство и впоследствии не оставило старатаго обычая приобретать менѣе важные вещества либо въ пограничныхъ аптекарскихъ складахъ, либо въ „зеленыхъ“ и другихъ рядахъ. Архангельску въ этомъ отношеніи принадлежало выдающееся положеніе, такъ какъ этотъ городъ былъ постояннымъ рынкомъ привозныхъ товаровъ.

Въ 1660 и 1664 г. здѣсь искали „челучинныхъ запасовъ“. Въ 1663 г. послѣдовалъ указъ купить въ Архангельскѣ „сѣмени финиковаго сладкаго 20 фунтъ“. Правда, сѣмени не оказалось у архангельскихъ торговцевъ, и пришлось его купить въ Москвѣ, гдѣ сѣмя имѣлось у иностранцевъ у Ивана Фаневендена, Ивана Мирсова, Якова Вистова и Григорія Горцыла.

Сдѣлки производились съ московскими торговцами и въ другихъ случаяхъ. Такъ въ 1667 г. у иностранца Ивана Еремѣева предлагалось купить 30 фунтовъ анисаго масла за 288 рублей, которое по предѣльнымъ цѣнамъ Аптекарскаго Приказа стоило 720 рублей⁴⁾.

У архангельскихъ дрогистовъ покупались „Ошигноное сѣмя сладкое, гвоздика да деревянное масло, камень безуй да шефрантъ, ромона да мушкатеря, померанцева корка“ и пр.⁵⁾. Въ 1672 г. докторомъ Стефаномъ Оуигдановымъ была составлена

¹⁾ Матер. №№ 392, 411, 413.

²⁾ ibidem №№ 431 и 437.

³⁾ ibid. №№ 213, 303, 522, 528, 532, 580, 1156.

⁴⁾ Тамъ матер. т. I, стр. 48 и 165.

⁵⁾ Матер. № 296 и 496.

слѣдующая роспись медикаментовъ, которые должны были быть куплены въ Архангельскѣ: „мандиальныхъ ядеръ сладкихъ—10 пуд., соку цитронового—пудъ, сѣмянъ сѣбжихъ что надобно на огородѣ, сѣмя базиликумъ—четверть фунта, генри—четверть фунта, анисовъ—фунтъ, ясеге— $\frac{1}{4}$ ф., генисте— $\frac{1}{2}$ фун., макоране— $\frac{1}{4}$ ф., мелиссы—фунтъ, розмарину— $\frac{1}{4}$ ф., фьянку— $\frac{1}{4}$ ф., камохли романа—ф., лигустрин— $\frac{1}{4}$ ф., дауни— $\frac{1}{2}$ ф., тунисе— $\frac{1}{4}$ ф., жемчугу на лекарства фунтъ¹⁾.

Больше грубыя вещества приобретались въ русскихъ зеленыхъ рядахъ. Маскатальный рядъ доставлялъ сѣру горючую, имбиря, шафранъ, смолу черную, бѣлую и желтую и т. д.; мясной рядъ—сало свиное на пластырь „дѣлаема“, свиной—боскъ на пластырь „стиптикомъ нараселенсъ“, овощной—посуду, бумагу, ядра; сѣменной—сѣмя крововое и пр.²⁾. Для закупокъ на внутреннемъ рынкѣ употреблялись особые люди. Такъ въ актахъ читаемъ: „а всякія приныя земля и лекарственныя статьи... покупають тѣхъ палаты подъяче и чистовики и дневальные лекари, а въ иное время для покупокъ лекарственныхъ статей и послать некого и отъ того аптекарскихъ дѣламъ чинится остановка и лекарственной проклакъ недоборъ“³⁾.

О развитіи внутренней торговли медикаментами за счетъ иностранной можно судить, наиримѣръ, по слѣдующему документу отъ 1661 года, въ которомъ читаемъ: „Въ прошломъ во 168 году куплено у Дмитрова посажого человека у Мнанки Берескина 7500 пучковъ мяти свѣжѣе по 6-ти рублевъ, 1000 да за 500 пучковъ 3 рубли, за провозъ 2 рубли, всего 47 рублевъ. А мяти ссыскано въ селѣ Покровскомъ у крестьянина у Секии Камынина мяти свѣжѣе 56 грядъ, а денегъ за тое мятю просить оу Секии 70 рублевъ; а дѣлати изъ тое мяти масло мятисе и водку. А *напередъ сего масло мятисе покупали за моремъ въ Нидерландской землѣ. А мяти аптекарскимъ лекарствамъ изъ за моря привозу не бывало тогда чистовикимъ людямъ*“⁴⁾.

Достигнутые въ этомъ отношеніи успѣхи не замедлили сказаться и въ другихъ формахъ. Такъ въ концѣ XVII ст. послѣдовали уполномоченныя указы на имя докторовъ Реншубера, Пантануса и

¹⁾ ibidem № 296.

²⁾ ibidem № 216, 288, 450 и др.

³⁾ Тамъ матер. т. II, № 72.

⁴⁾ Матер. № 952.

Михаила Грамота, въ которомъ писалось: „и лечить имъ всякихъ чиновъ людей, а лекарства имать изъ Аптекарскаго Приказу, а не своими лекарствами“¹⁾.

Подобный указъ могъ послѣдовать только благодаря тому, что приказная аптека обильно была снабжена лекарствами и не нуждалась, какъ было ранѣе, въ медикаментахъ, приобретаемыхъ *лично* врачами за границей.

Послѣ того, какъ снабженіе царской аптеки медикаментами получило вполнѣ установившійся характеръ *государственнаго* предприятия, стали обнаруживаться попытки освободиться отъ поставщиковъ изъ зеленнаго ряда. Съ первой половины XVII ст. Аптекарскій Приказъ организовать собираніе многихъ лекарственныхъ травъ и корней въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Народъ издавна пользовался всякими травами отъ различныхъ болѣзней, и стоило только найти связь съ нимъ, чтобы иноземная медицина нашла твердую опору въ національно-русской фармакогнозии.

Въ качествѣ посредниковъ между царской аптекой, какъ центромъ заграничнаго врачебнаго знанія, и народнымъ знахарствомъ явились особые специалисты, такъ называемые помесы или травники. Впервые свѣдѣнія о нихъ встрѣчаются въ 1630 году, когда были посланы четыре травника „Ивашка Оедоровъ съ товарищы въ дѣсь для травъ и корней и цвѣтовъ“²⁾.

Помесы вѣдались Аптекарскимъ Приказомъ, состояли также при Хлѣбномъ Дворцѣ и въ Кормовомъ. На практику они выезжали обыкновенно по три—четыре человѣка въ одной группѣ. Каждому отпускались кормы, давалась лошадь и отводилась квартира „гдѣ постоять“. Работали травники въ теченіе всего года подъ надзоромъ приказныхъ людей или мѣстныхъ воеводъ. При выѣздѣ ихъ на сборы травъ воеводамъ наказывалось: „и чинить имъ во всемъ спомогательство, чтобы травному собиранію не испустить времени, и давать имъ въ помощь крестьянскихъ дѣтей, робить по разсмотрѣнію, чтобы однолично травному собиранію мѣшкоты не было“³⁾.

Помесамъ собственно принадлежало руководство въ собираніи лекарственныхъ растений. Они должны были знать, какъ

нужно собирать, въ какихъ мѣстахъ, что и въ какое время. Вся же черная работа совершалась насѣчными силами, „подрядчиками“ изъ окольныхъ крестьянъ, которыхъ приказные люди „подрекали по уговорной цѣнѣ“. Если же не находилось подрядчиковъ, то воеводы силою заставляли крестьянъ выполнить царскій указъ о сборѣ тѣхъ или другихъ растений⁴⁾. Травы собирались по особой росписи „за дѣлею приписью“. По окончаніи работъ, составлялась на мѣстѣ „роспись травамъ и цвѣту и корени которые приисканы“, а въ другую роспись заносились тѣ травы, „которые у травниковъ въ росписи для собиранія написаны и тѣхъ травъ въ дѣлахъ на поляхъ и въ дѣсахъ вѣтъ“.

Операции по приисканію и заготовленію лекарственныхъ травъ въ разныхъ концахъ государства отличались разнообразіемъ и широтой.

Такъ въ 1661 г. повелѣвалось въ Казани и въ уѣздѣ собирать шесть возовъ солодованаго корня, во днатыи сказани, что въ Казани и въ Казанскомъ уѣздѣ и въ Казанскихъ пригородахъ солодового корня вѣтъ“. Въ томъ же году было указано въ день Рождества Іоанна Предтечи собрать 10 пудовъ чечушней травы, для чего изъ Москвы въ Казань былъ посланъ источникъ Дмитрій Ивановъ. Для сбора той же травы въ 1663 г. въ Казань былъ посланъ изъ Москвы костоправъ Іоаннъ Овдонимовъ, а въ 1669 г. лекарскаго дѣла ученикъ Оедка Дороофеевъ.

Въ 1664 г. было приказано „коротояскимъ всякимъ людямъ на Коротоякѣ и въ Коротоянскомъ уѣздѣ и въ казачьихъ городкахъ и въ иныхъ мѣстахъ собрать *солодованаго* коренья тридцать пудовъ въ веснѣ рано или въ осеннее время“. Тогда же было приказано собрать „*солодованаго* коренья десять пудовъ“ дворонекнамъ посадскимъ людямъ на Воронежѣ и въ Воронежскомъ уѣздѣ“.

Въ 1666 г. было указано „въ Казани и въ Казанскомъ уѣздѣ собрать *чечушния* травы 5 пудовъ добрыя съ цвѣтомъ и кореньемъ, а для тое травы прислать въ Казань лекарскаго дѣла ученика Селезка Вавиловъ“. Въ томъ же году велѣно „на Коломенѣ и въ Коломенскомъ уѣздѣ собрать корени *челмерины черной* пудъ, а для того сбору въ Коломенской уѣздѣ велѣно посылать знающихъ людей, которые тое коренье знаютъ“. Тогда же по

¹⁾ Ibid. № 1375.

²⁾ Матеріалы №№ 25, 26.

³⁾ Ibid. № 184.

⁴⁾ Ibid. № 185.

указу Алексея Михайловича полоцкіе жилищніе люди обязаны были собирать „въ Полоцкомъ уѣздѣ на Полоцкой сторонѣ Двинны рѣки *корени консолиды*“.

Въ 1667 г. для сбора 20 пудовъ *солодка* коренья были посланы въ Воронежъ воронежскіе посадскіе люди Иванка Семенишевъ, Оедька Алнатовъ, Микитка Горченевъ, Евдокимка Стефанчиковъ и Иваншка Носковъ. Въ томъ же году было приказано собирать на Коротоякѣ 30 пудовъ *солодка* коренья. Тогда же было указано государственнымъ дворовыхъ подмосковныхъ волостей крестьянамъ собирать *осокорныхъ шишекъ* полъ осмины въ мазъ попилемому¹⁾.

Въ 1672 г. съ тѣхъ же подмосковныхъ дворцовыхъ волостей „40 четвертей *пашну своробориннаго*“. Тогда же повелѣвалось въ Казани и въ Казанскомъ уѣздѣ собирать „*чечуйныя* травы съ цвѣтомъ... и съ тое чечуйныя травы собираи листья нетолочь мелко и просѣять чистымъ ситомъ, чтобъ тое толченныя травы было весомъ 2 пуда, да нетолченныя чечуйныя травы высушенныя четыре пуда“. Семнадцати мая того же года Тобольскому воеводѣ было указано собирать „*травы звѣробой* толченныя и нетолченныя“.

Въ 1674 г. прислали къ Москвѣ травы звѣробой—изъ Томска съ сыномъ боярскимъ съ Матвѣемъ Кузаконскимъ съ товарищи, толченого три пуда да нетолченого съ листомъ и съ цвѣтомъ—пудъ; изъ Кузнецкаго—съ атаманомъ съ Ондриемъ Оедоровымъ толченого три пуда; изъ Красноярскаго съ сыномъ боярскимъ изъ Григоріемъ Никитинымъ—толченого три пуда, да пудъ съ листомъ и съ цвѣтомъ. Сибирь и ранѣе была поставщикомъ звѣробойной травы. Такъ, въ 1655 г. въ Москву „изъ Томскаго... прислали съ томскими служилыми людьми... травы звѣробой пудъ толченныя да полъ пуда не толченныя, съ листомъ и съ цвѣтомъ“. Въ 1663 г. въ Москву „изъ Томскаго воеводѣ Иванъ Бугурлинъ да Прокопей Новодовъ прислали съ томскими служилыми людьми... травы звѣробой толченныя въ мѣшкѣ—полтора пуда, да нетолченныя съ листомъ и съ цвѣтомъ въ зорбу—полпуда“.

Отъ 1672 г. у насъ сохранилось особенно много свѣдѣній о собираніи растительныхъ медикаментовъ въ селѣ Чашниковѣ. Въ этомъ году 25 июля состоялся общій указъ о сборѣ въ селѣ государственныхъ *травъ, пашновъ, кореньевъ и смолъ*. Спусти два дни крестьяне села Чашникова были обязаны доставить на аптекар-

скій обиходъ 100 ведеръ *земляники*. Въ Чашниковѣ работало 9 человекъ, присланныхъ изъ Москвы травниковъ-специалистовъ, которымъ въ помощь были даны крестьянскіе дѣти. Въ маѣ того же года было приказано собирать съ государевыхъ дворовыхъ Огородной и Басманной слободъ 2 четверти *бобового пашна*²⁾.

Крохъ травъ и кореньевъ собирались ягоды и разные фрукты.

Въ 1666 г., напримѣръ, лекарь Оедотъ Васильевъ получилъ указъ „ѣхать ему въ Колугу, въ Лихвинъ, въ Бѣлскъ; а съ нимъ посланы государевы грамоты, а по тѣмъ государевымъ грамотамъ велѣно въ Колугѣ, и въ Лихвинѣ, и въ Бѣлскѣ собирать яблокъ дубовыхъ по полосмнѣ въ городѣ“³⁾.

Въ 1672 г., въ селѣ Чашниковѣ было приказано собирать великого государя на аптекарскій обиходъ ягоды земляники и поставить на Москвѣ въ Аптекарскомъ Приказѣ четвертей двѣнадцать и шъ тридцать и болши⁴⁾.⁵⁾ Въ томъ же году повелѣвалось распоряженіе „купить на... аптекарскій обиходъ въ Володимирѣ ягоды вишенъ четверть, а за тѣ вишни дать денги изъ Володимирскихъ кабацкихъ дехотокъ“⁶⁾.

Иногда сборы травъ производились не посылками изъ Москвы, а „знающими людьми добрыми“, которыхъ указывали воеводы. Последняго рода сборы считались особенной новинностью. Такъ, въ 1630 году собирали „съ московныхъ селъ въ масло попилемому полъ осмины шишекъ осокорныхъ, осмина цвѣту кубышекъ бѣлыхъ“. Тѣ же села, годъ спустя, доставили десять четвертей „швѣту своробориннаго“. Въ 1645 г. на крестьянъ дворовыхъ селъ Московскаго уѣзда опять было возложено собираніе шишекъ осокорныхъ. Въ 1662 г. „съ села Борисоглебскаго да съ села Позднѣвскаго съ четырехъ сотъ дворовъ собрано можжевеловыхъ ягодъ пять четвертей“⁷⁾.

Иногда въ роли травниковъ выступали лекарскаго дѣла ученики, костоправы или даже лекари. Такъ въ 1682 г. послали „въ Володимиръ и въ Суздаль для покупки ягоды земляники ле-

¹⁾ Пашн. Маг. т. I, стр. 68, 69, 104, 108, и 109; 97, 98, 101, 113, 179, 286—291; Приложение къ и. 2 Черны прѣдложеніи практикѣ стр. 97—109; матеріалы №№ 51 и 101, 520, 651, 328.

²⁾ Матер. № 382.

³⁾ Ibid № 485.

⁴⁾ Ibid № 494.

⁵⁾ Ibid №№ 21, 34, 67, 199, 306.

каря Ивана Венедиктова да учениковъ Митку Васильева да Иванку Антонова". Въ томъ же году лекаръ Атольфъ Екимовъ былъ посланъ въ Путивль для сбора цвѣтовъ, травъ и коренья, и ягодъ¹⁾.

Особенно широкое развитіе дѣятельность травниковъ получила въ царствованіе Алексѣя Михайловича, который къ ихъ сборамъ относился не безъ нѣкотораго мистицизма и суевѣрія.

Онъ, напримѣръ, въ 1650 г. приказываетъ столынику Матвѣю: „и ты-бъ велѣлъ тѣхъ волостей крестьянамъ и бобыламъ на рождество Іоанна Предтечи, іюня въ 24 день: выбрать цѣлѣу сераборинскаго, да травъ вишериковой и мятной съ цвѣтомъ, и дигило и дигильнаго коренья...²⁾ А переть смертию онъ наказываетъ воеводамъ отдаленной Сибири: „о какихъ травахъ въ Якушскомъ воеводѣ людей спрашивать, кто знаетъ... и отъ какихъ болѣзней человѣкомъ тѣ травы и водки годны"...³⁾ Собираемыя отъ знахарей сибиряки записывались въ приказной избѣ въ особую росписи, которая отсылалась въ Москву, въ Аптекарскій Приказъ.

Отъ помѣстовъ требовалась большая добросовѣстность во время сбора травъ, приготовления ихъ и отправки въ приказъ. Въ этомъ отношеніи все было регламентировано до мелочей, въ родѣ слѣдующаго: „...и велѣли-бъ тѣмъ людямъ чечюнные травы собрать пять пудовъ съ цвѣты и съ кореньемъ, и тое траву велѣли вымстить и перебрать на чисто, чтобъ въ ней иной травы и земли не было, и тое траву велѣли высушить на вѣтрѣ, или въ избѣ, въ легкомъ духу, чтобъ трава отъ жару не зарумянилась и тое траву зашить въ холстинны и положить въ дубяныя коробки, и тѣ коробки зашить въ рогожки на крѣпко, чтобъ изъ тое травы духъ не вышелъ... и подъ тое траву дать подводцы... и отнестъ въ Москву не мѣшкая"⁴⁾. Приказнымъ людямъ наказывалось: „...и надъ травниками и надъ крестьяны смотрѣть на крѣпко, чтобы они ягоды и травы и коренья и цвѣты собирали съ великимъ радѣньемъ... а будетъ травники учинятъ травы и цвѣты и коренья собирать олюдно, и ты-бъ чинилъ наказаніе: бить батоги"⁵⁾.

¹⁾ Наши матер. т. II стр. 298, № 185 и Прилож. № 49.

²⁾ Дополн. къ акт. ист. т. III, № 71, раз. VII.

³⁾ Дополн. къ акт. ист. т. VI, № 117, 127.

⁴⁾ Материалы № 404.

⁵⁾ Ibid. 490.

Доброкачественность матеріала и количество сбора обезпечивались угрозами и наказаніями.

Такъ, въ 1664 г. за подборъ 4 пудовъ 37 гривенокъ солодкаго коренья въ Воронежѣ было указано на сборщикѣ „за то недобранное коренья... доправить по 5 рублей за пудъ, а сказавъ ему намъ в. г. указъ посадить въ тюрьму, а за недобранное коренья на немъ доправить тотчасъ безъ всякой поворочки". При этомъ и воеводѣ становилось на видѣ: „а буде за недобранное солодкое коренья на Оомѣ денегъ вкорѣ не доправишь и къ Москвѣ не прилетишь и за то ослушаніе велимъ наказать безо всякаго пощады".

Въ 1667 г. воронежскому воеводѣ Василию Епифановичу Уварову Алексѣй Михайловичъ писалъ: „А только ты нашего указу не послушаешь, для сбора солодкаго коренья посадскихъ людей Иванка Семенничева съ товарищи не пошлешь и учнешъ, имъ и велѣмъ посадскимъ людямъ поровѣть, взявъ съ нихъ многіе посулы, имъ то солодкое коренья велимъ доправить на тебѣ противъ нашего указу сполна, да на тебѣ ажъ за твое ослушаніе велимъ доправить пеню 100 рублей". Такою же пеню въ 100 руб. угрожали въ мартѣ 1667 г. коротояжскому воеводѣ Палицыну.

Вѣроятно, поворочка посадскимъ людямъ нередко въ то время имѣла мѣсто. Такъ отъ 1662 г. до насъ дошла челобитная коротояжскихъ дѣтей боярскихъ и полковыхъ казаковъ Марчки Сухарева „съ товарищи 7 человекъ," изъ которой видно, что воевода Денисъ Сухотинъ вмѣсто промысленныхъ и посадскихъ людей послалъ ихъ просителей „скорыхъ дѣломъ" для принежанія солодкаго коренья. Челобитники израсходовали въ этой незаконной командировкѣ 70 рублей, и Приказъ хотя частью возместилъ ихъ убытки, выдвѣвъ 20 рублей.¹⁾

Естественно, что воеводы старались выполнить нарекшіе указы о сборахъ травъ и не останавливались передъ репрессіями въ отношеніи лицъ, ближайшимъ образомъ обязанныхъ. Помѣстовъ за неаккуратное отношеніе къ своимъ обязанностямъ не только били „батоги", но и увольняли со службы. Такъ, напримѣръ, были уволены въ 1645 г. помѣсы Оедька Устиновъ, Митка Елисеевъ да Оомка Тимоосевъ, которые „государеву дѣлу не радѣли, пили и гуляли, травъ и коренья привозили по малу"²⁾. Но тяжелѣе

¹⁾ Наши Матер. т. I стр. 77, 105, 109 и 17.

²⁾ Дополн. къ акт. ист. т. III, № I.

всего была участь крестьян, которые вследствие неурожаа трав и гнета других многочисленных, помимо травной, повинностей и податей часто обращались въ бѣгу. Такъ, въ 1661 г. Василий Унковскій и Илья Кириловъ доносили изъ Ярославля въ Москву: „подводъ и ягодъ будетъ и взять не съ кого потому что изъ многихъ помѣстей и вотчинъ крестьяне и бобыли отъ всякихъ твоихъ государевыхъ податей и отъ хлѣбные недороды разбрелись врознь.“¹⁾

За недоборъ наказывали тюрьмой, а также правожомъ.

Напримѣръ, въ 1661 г. Василию Унковскому и Илья Кирилову на ихъ отписку отъ 21 окт. 1661 г. посланъ приказъ: „дочинниковъ сажать въ тюрьму“²⁾ Въ 1661 г. тѣже лица доносили: „а съ достальнымъ, государь, ягоды многіе уѣздные люди въ Ярославль не ѣдутъ, чинятся сильны и непослушны. А Ярославской земской староста Иванъ Герасимовичъ съ товарищи ничего ягодъ намъ х. т. не плачивали и въ тѣхъ ягодахъ стоять на правожѣ“³⁾ Въ 1667 г. Василий Унковскій и Никита Великосельскій доносили въ Москву: „ярославскій земскій староста Аонасій Захарьевъ съ товарищи въ тѣхъ деньгахъ за можжевеловыя ягоды безпрестанно стоять на правожѣ, а платежу въ сѣбзжую избу ничего не принашивали“⁴⁾.

Съ половины XVII ст. натуральная повинность по сбору растительныхъ медикаментовъ стала замѣняться денежными взносами.

Такъ въ 1663 г. „помѣщичьи, вотчинниковые, крестьянскіе и бобыльскіе дворы“ ярославскаго уѣзда вследствие неурожаа можжевеловыхъ ягодъ были обложены сборомъ въ 10 денегъ съ двора, а всего съ 780 дворовъ въ 38 руб. 11 алтынъ 4 деньги⁵⁾.

Въ 1665 г. въ Ростовскомъ и Костромскомъ уѣздахъ „съ помѣстій и съ вотчинъ всякихъ чиновъ людей“ было разрѣшено взыскивать по 2 руб. за четверть можжевеловыхъ ягодъ⁶⁾.

Въ 1666 г. за недоборъ 4 пуда 31 гривн. солодкового корня коротоякскіе полковые казаки уплатили 9 руб. 18 алт.

¹⁾ М. Оц. Арх. М. Им. Двора. Дла Ам. Пр. № 6.

²⁾ *ibidem*. № 18.

³⁾ *ibidem*. № 19.

⁴⁾ *ibidem*. № 159.

⁵⁾ *ibid*. № 20.

⁶⁾ *ibid*. № 120.

2 деньги¹⁾. Годъ спустя въ ярославскомъ уѣздѣ было взыскано „за можжевеловыя ягоды съ чети панини по четыре алтына съ деньгою, а съ 800 четей сто рублей денегъ“²⁾.

О продуктивности работы травниковъ можно судить по дошедшимъ до насъ спискамъ доставлявшихся имъ травъ. Такъ въ 1672 г. изъ села Чашникова семью травниками было доставлено: буквицы черной 700 пучковъ; жабной 430 п.; очной помощи 100 п.; виролк. 50 п.; нинерику, шавелью людского, поповой скуфы, синевороту, чистяку, салы воронья и гречи дикой по 40 п.; чернобыльнику и миты камениной сѣмянной по 100 пуч.; медвѣжьихъ ягодъ 50 п.; душицы 300 п. Тогда-же и изъ того же села Чашникова другою партией изъ девяти человекъ было доставлено: изъ травъ попутнику и рябины дикой по 200 пучковъ; скабіозу, аризоніи и герниаріи по 100 п.; крапивы 60 п.; умарей 80 п.; подбѣлнику осьмина; шавелины подбѣлными; аиллудия $1\frac{1}{2}$ осм.; листу дубоваго 7 четвер.; бруннера $1\frac{1}{2}$ осм.; жеребьячяго конята $1\frac{1}{2}$ осм.; вероники осм.; мокрицы осм.; фіалки лѣсной 1 четв.; мядуницы 3 четв.; лопушнику осм.; репейнику осм.; гудры осм.; земляничной осм.; малиноваго чет.; львоваго конята осм.; конскаго шавелью 50 п.; изъ цвѣтовъ: буквицы черной 5 четв.; бѣлой четв.; нинерику 5 четв.; боровова осм.; нистикова поля 3-хъ четвер.; кубышникъ желтыхъ четв.; липоваго 7 четв.; изъ сѣмянъ: шавелью людского 2 фун.; шавелью конскаго 2 фун.; попутникова 7 ф.; крапивнаго 2 ф.; изъ корней: термантеннаго четверть съ четвер.; болдерьяну—четв.; змѣева осм.; пелидоніева четверикъ³⁾.

Травы, корни и т. п., собиравшіяся травниками служили для приготовления лекарствъ, настоекъ и духовъ. Производство настоекъ и духовъ представляло особую отрасль. Вотъ почему Аптекарейскій Приказъ постоянно требовалъ присылки романей изъ Приказа Большаго Дворца. Такъ мы располагаемъ свѣдѣніями, что въ 1672 году 20 мая было затребовано „5 ведръ романей доброй дѣлать изъ тое романей духъ изъ сосновыхъ вершинъ“; 28 мая снова „5 ведръ романей доброй дѣлать изъ тое романей духъ изъ буквицы бѣлой“; 30 іюля выписано „въ водки и въ

¹⁾ *ibid*. № 127.

²⁾ *ibid*. № 148, 159, 160.

³⁾ Наши матеріалы т. I, стр. 120, 175, 178; т. II, стр. 288, 290, 291.

духи 3 ведра романен доброй: 8 августа указано прислать „5 ведеръ романен доброй сидѣть изъ той романен духъ ангеликовой“; 12 октября снова „5 ведеръ романен пріяны дѣлати изъ тое романен духъ винной“¹⁾.

Для характеристики тогдашней фармакопеи приведемъ въ сколько описаній лекарственныхъ травъ: *Трава*, имя ей *годузь*, цвѣтъ на ней бѣлъ, горьковата, растеть при водахъ... А годна та трава, будетъ у мужескаго полу или у женскаго нутряная застойная болѣзнь... и тое траву давати въ окуневой въ теплой ухѣ или виномъ въ чемъ, и сухую давати „ѣсти“. *Орѣшки*, имя имъ *пріимныя земліныя*; а годны.. будетъ сердце болѣть отъ какой отъ порчи, или и собою временемъ болѣть или тоскуеть, и тѣ орѣшки ѣсть сырые и тонить въ горячемъ винѣ или въ добромъ укусѣ“. „*Корень*“, имя ему *маринъ* и годенъ... будетъ на комъ.. трисовина; и тотъ корень навязывать... на воротъ и держать... часть, измывъ, для обоняній укусѣ“. „*Корень догматичный*“ бѣлый растеть въ лугахъ, годенъ... будетъ зубная болѣзнь и отъ того пухнуть десны, и того корени взяти малую часть и на зубахъ держать...“. *Трава рабинка*, а годна... бываетъ у челоѣка въ гортани жабная болѣзнь, и тое траву мѣрить въ горячемъ винѣ или въ реческомъ укусѣ и тою травою теплою парить около гортани, и вино или укусѣ держать во ртѣ теплые“...²⁾.

Были также травы, которымъ приписывалось значеніе универсальныхъ лекарствъ: объ „излюдинѣ травѣ“ говорится, напримѣръ (растеть по старымъ росчистямъ, ростомъ въ пядь, собою мохната и листочки мохнаты): „кто тое траву ѣсть и тогъ челоѣкъ живучи никакая скорбь не узритъ тѣлу и сердцу“. Къ такимъ же средствамъ относились: царь-трава, трава маранъ, тарникъ и другія.

Само собою разумѣется, что свѣдѣнія о цѣлебной силѣ различныхъ травъ приобрѣтались въковымъ опытомъ, потому передавались отъ однихъ къ другимъ посредствомъ частныхъ указаній.

Распространеніе знаній между травниками достигалось самой организацией партій, которая составлялась изъ малоопытныхъ и знающихъ свое дѣло. Такъ въ 1673 г. лекарскіе ученики фонъ Гадена были посланы въ село Измайловское „збирать травы и

коренья въ лекарство... а ходити имъ съ старыми учениками вмѣстѣ, которые посланы для травъ въ Имамлово-жъ—шесть челоѣкъ съ апрѣля зъ 9 числа на двѣ перемѣны для наученія лекарскаго дѣла, а старымъ ученикомъ ходити на три перемѣны“.

Сборы производились обыкновенно въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, такъ что съ одной стороны, пріѣзжіе травники имѣли возможность учиться у мѣстныхъ знатоковъ лекарственныхъ растений, а съ другой, ежегодно использовать тѣхъ же чернорабочихъ „дѣтей крестьянскихъ“ и въ свою очередь обучать ихъ растеніевѣдѣнію.

Наконецъ усвоенію свѣдѣній о растеніяхъ помогали очень распространенные въ то время „зельники“, изъ которыхъ нѣкоторые были даже „назnamenаны цвѣтами“, т. е. иллюстрированы.

Въ соответствии съ важностью обязанностей травниковъ московское правительство старалось обезпечить добросовѣстное отношеніе ихъ къ этимъ обязанностямъ не только при помощи угрозъ и наказаній, но и путемъ нѣкотораго рода расширенной гражданской отвѣтственности, а именно: „поручиковъ“.

При поступленіи на службу травники давали обязательство свято соблюдать свой служебный долгъ. Это обязательство скрѣплялось поручителями. Такъ при опредѣленіи въ травники Ивана Григорьева 26 марта 1682 г. за него поручились пять челоѣкъ въ томъ: „что быти ему Ивану, за Нашею порукою въ Аптекарскомъ Приказѣ и на аптекарскомъ огородѣ, что за каменнымъ мостомъ въ травникахъ; и будучи ему у государева дѣла радѣти безо всякаго порону; и которые травы и цвѣты и сѣмена и коренья къ збиранию посѣбуютъ, про обиходъ великаго государя, и ему Ивану, спросисъ съ аптекаремъ, буде посѣбуютъ—збирать и сушить въ подобное время не оброну и не издавъ въ самое такое время, какъ которая трава или цвѣтъ или коренья въ совершенной своей силѣ будетъ и собравъ осушить ему Ивану, какъ прикажутъ, и никакимъ умысломъ не стгнотъ, и въ избахъ не пересушивать, и не жечь; а какъ коренья травы всѣ и цвѣты и сѣмена высушаты, и про обиходъ великаго государя станутъ спрашивать въ Аптекарскомъ Приказѣ—и ему Ивану травы и цвѣты и коренья и сѣмена отнукать свѣжія и не поажженныя и не гнилыя и не пересушенныя, чистыя безъ примѣсу и безъ прикладу; и по дружбѣ тинкому травъ и коренья и никакихъ плодовъ изъ того аптекарскаго огорода утайкою не здавать; и

¹⁾ ibidem т. II, стр. 286—289.

²⁾ Дополненія къ акт. истор. т. VI № 117.

взявъ его государево жалованье, не заслужа, не снестъ и не збѣжать¹⁾.

Въ аптекарскихъ садахъ и огородахъ старались разводить такія лекарственныя травы, которыя помислами собирались съ трудомъ или же вовсе не собирались. Напримѣръ, въ 1672 г. заявили травники—„Володка Семеновъ да Антошка Ивановъ про травы, которые сажены въ аптекарскомъ огороде, а тѣ травы у травниковъ въ росписи для збиранья написаны, и *имѣть травы въ огородахъ, на поляхъ и въ лесахъ имѣть*“²⁾.

Засаживались сады всеми возможными въ то время средствами.

Въ 1643 г. бояринъ Оседоръ Ивановичъ Шереметьевъ просилъ доктора Венделинуса Сибишета привести изъ-за границы для садовъ въ Коломенскомъ и Петровскомъ „что къ тому надобно, а добыть можно съ собою привести“. Въ 1672 г. докторъ Стефанъ Фунгадановъ представилъ списокъ „что купить про аптекарскій обиходъ у города Архангельскаго *огородныхъ семянъ и иныхъ лекарствъ*“³⁾.

Въ 1661 г. была сдѣлана попытка воспользоваться частными питомниками „двора боярина Никиты Ивановича Романова травы всякіе, которые годятся посадить въ государеве аптекарскомъ саду“⁴⁾.

Некоторые растенія пересаживались изъ провинцій. Такъ въ 1662 г. было предложено посадить въ аптекарскомъ саду, что за Каменнымъ мостомъ, „сербоборинникъ и смородишникъ красной, бѣлой, черной и малишникъ; а взять того сербобориннику, малишнику можно изъ Дмитрова изъ Дмитровскаго уѣзда“⁵⁾.

Въ 1666 г. было указано „корени консолиды сырово съ землею и съ травою собрать двадцать кустовъ, а то коренье сырое изъ Подонка велѣно напередъ сухова корени прислать къ Москвѣ, а на Москвѣ то коренье посадить въ саду“⁶⁾. Въ томъ же году на имя воеводы кн. Петра Семеновича Прозоровскаго последовалъ указъ, которымъ „велѣно въ Смоленскъ и въ Смолен-

¹⁾ Матер. № 1679.

²⁾ Ibidem № 487.

³⁾ Ibid. № 708.

⁴⁾ Ibid. № 924.

⁵⁾ Ibid. № 1024.

⁶⁾ Ibid. № 1078.

скомъ уѣздѣ по рѣкѣ Днѣпру и въ иныхъ мѣстахъ собрать корени консолиды чернаго толстаго и тонкаго по 10 пудовъ да сырого корня съ травою и съ землею 20 пудовъ, а для того сбору въ Смоленскій уѣздъ велѣно послать смоленскихъ цырюльниковъ или иныхъ людей, которые люди то коренье знаютъ, а собравъ то коренье велѣно прислать къ Москвѣ, и то коренье собрано ль и вы про то къ намъ не писывали и корени не присылывали, а сырой корень посадить въ саду *према прислано*“¹⁾.

Въ 1676 г. былъ посланъ въ Кіевъ алхимическаго дѣла ученикъ Тишка Аваньянъ „да съ нимъ аптекарскаго дѣла ученикъ Алексизъ Ивановъ для покушки всякихъ огородныхъ деревъ, и цѣлостъ, и сѣмянъ на государевъ аптекарскій огороде, что за Каменнымъ мостомъ“. Изъ расходныхъ книгъ видно, что онъ выполнилъ свою миссію не вполне удачно. Изъ полученныхъ 100 рублей онъ приобрѣлъ всего на 6 рублей на 10 денегъ „огородныхъ деревъ самбуковаго и дулей большихъ и среднихъ, и вишень, и сливъ, и яблоней, и орѣховъ кievскихъ“²⁾.

При садахъ находились садовники съ учениками, истопники, плетельщики рабочихъ и сторожа. Садовники обыкновенно были иностранцы: годового жалованья имъ не полагалось, а шли одни поденные корма около 10 руб. въ мѣсяцъ³⁾.

Въ садахъ, кромѣ фруктовыхъ деревьевъ, культивировались: Бѣзье дерево, кардусъ бенедиктусъ, мята простая, мята кошачья, герниарія, зоря, чабры, азиатичкумъ, атришескъ, цѣлѣ бораговъ, макотъ красный, корень ливова зуба, сатири ошесъ, корень финикововъ, рутновъ⁴⁾ и т. д. ⁵⁾.

Затрудненія, связанныя съ собираніемъ травъ въ отдаленныхъ углахъ Россіи, недобросовѣстность сборщиковъ, частые неурожаи травъ, перѣдкія порчи ихъ при пересылкахъ на большія разстоянія навели московское правительство на мысль о разведеніи нужныхъ растеній въ самой Москвѣ. Аптекарскимъ Приказомъ какъ было показано выше, систематически принимались мѣры къ акклиматизаціи лекарственныхъ растеній въ столицѣ. Съ этою цѣлью устраивались аптекарскіе сады и огороды.

¹⁾ Нашъ матер. т. I, стр. 92.

²⁾ Матер. № 1356.

³⁾ Ibid. № 300.

⁴⁾ Ibid. № 487.

Рихтеръ, а за нимъ Ханьковъ, Загоскинъ и другіе передаютъ, что въ Москвѣ было три аптекарскихъ сада: „первый и важнѣйшій былъ близъ Каменнаго моста у городскихъ стѣнъ, другой у мясницкихъ воротъ и третій близъ нѣмецкой слободы (Аптекарской огорода, что подъ ново-нѣмецкой слободою“ ¹⁾).

Дѣйствительность представляется иною. Въ самомъ дѣлѣ, по указу 1657 г. была устроена цѣлая огородная слободка, куда было указано „аптекарскій дворъ отъ Кремля города перенести и истопниковъ и сторожей перевести за *Фроловскіе ворота* въ огородную слободку“ ²⁾. Мѣсяца за два передъ тѣмъ государь „указалъ построить въ своемъ государевѣ верхнемъ саду всякіе разные цвѣты, дохтуру, противъ того, какъ построено въ Аптекарскомъ саду, не испустя времени“ ³⁾.

Въ 1658 г. Алексѣй Михайловичъ указалъ „аптекарскій садъ, что за *Каменнымъ мостомъ у Кремля города у стѣны*, гдѣ были лебязей.. оберегать стрельцомъ“ ⁴⁾.

Въ указѣ отъ 1678 г. упоминается объ „аптекарскомъ огорода, что за *Мясницкими воротами*“ ⁵⁾.

Возможно допустить, что въ ново-нѣмецкой слободѣ также имѣлся аптекарскій садъ, хотя авторы, упоминающіе о немъ, какъ впрочемъ и о другихъ садахъ, не приводятъ документальныхъ указаній. Но въ матеріалахъ подъ 1670 г. мы находимъ указанія на „аптекарскій садъ, что у *Каменнаго мосту*“ ⁶⁾. Очевидно, были сады по *обѣ стороны рѣки*: одинъ у каменнаго моста, другой по ту сторону послѣдняго.

Впослѣдствіи число садовъ и огородовъ значительно увеличилось. Такъ въ 1677 г. Феодоръ Алексѣевичъ указалъ „Артемонавскій загородный дворъ—Сергѣева сына Матѣева,—что за *Покровскими воротами* за Землянымъ городомъ, по правую сторону Басманныя слободы, идучи изъ города у земляного валу, со всѣмъ строеніемъ, и садомъ, и съ огородамъ, взять на себя Великаго Государя, а вѣдать тотъ со всѣмъ въ Аптекарскомъ Приказѣ, и дворниковъ того двора отослать въ Аптекарской Приказъ“. При

¹⁾ Рихтеръ, *Ор. сіт.* т. II, стр. 181—182; Загоскинъ, *Ор. сіт.* 47; Ханьковъ, *Ор. сіт.* стр. 362.

²⁾ Материалы № 729.

³⁾ *ibidem* № 708.

⁴⁾ *ibidem* № 869.

⁵⁾ *ibidem* № 1418.

⁶⁾ Материалы № 450.

осмотрѣ оказалось, что „кругомъ двора и огорода 335 сажень безъ четверти“ Специально объ огорода въ протоколѣ осмотра записано: „въ огорода 126 яблонъ и грушъ большихъ и малыхъ, и въ томъ числѣ добрыхъ съ тридцать яблонекъ, на десяти яблоней цвѣтъ; 15 вишенъ съ цвѣтами жъ. 10 кустовъ большихъ и малыхъ барбарису. Въ огорода жъ, подлѣ забора, малинникъ и смороденникъ мѣстами, да по меженику въ огорода же малинникъ въ дву мѣстахъ. На грядахъ въ огорода посажена росада и огорды, а иные гряды всаханы; да не всахана съ треть огорода“ ¹⁾.

Сохранились и другія данныя, подтверждающія мысль о постепенномъ увеличеніи числа аптекарскихъ садовъ, а именно изъ одной челобитной 1682 года видно, что въ 1672 г. были разведены три новыхъ сада. Челобитники писали: „Въ прошломъ, государь, во 187-омъ году марта въ 21 день взятъ мы холопи твои по твоему вел. гос. именному указу, въ твой государевъ новый въ красной садъ въ *садовники*—въ *сады* разводить; а сажали мы всякой овощъ, яблони и груши, виноградъ и серебрянникъ красный и бѣлый, и смородину и дыни и огурцы и тыква и всякія цвѣты, и сѣяли съ немчиномъ съ Кондратьемъ Филипповымъ да съ Петромъ Гавриловымъ, а съ Степаномъ Турченинымъ разводъ было: арбузы сажать, анисъ сѣять; да мы жъ холопи твои сажали съ нимъ Степаномъ въ нижнемъ саду на плотничьомъ дворѣ двѣнадцать пучковъ винограду; а онъ Степанъ Турченинъ, oprичъ тѣхъ арбузовъ и анису, ничего не знаетъ. Вели Государь намъ быть у своей старой работнищъ... у твоего государева садового строенія, кои мы сады разводили въ твоемъ государевѣ новомъ красномъ каменномъ саду и на денежномъ старомъ дворѣ, а съ нимъ Степаномъ не вели государь тамъ быть, и вели государь ему Степану разводить вновь что онъ знаетъ“.

Въ отвѣтъ на челобіе послѣдовалъ указъ допросить Турченина Степана Мушкова; тѣ сады онъ строить и во всемъ одинъ надирать и разводить умѣетъ ли и силу въ деревьяхъ и цвѣтахъ и травахъ знаетъ ли? Мушковъ отвѣтилъ: „что де ему набережнаго сада садовники Давыдко Васильевъ да Гройко Деметрѣевъ не надобны, потому что де они ничего не знаютъ и со всякое огородное дѣло ихъ не стало бы; а онъ Степанъ въ садахъ, которые писаны выше сего, всякіе дерева и корни и цвѣты и

¹⁾ *ibidem* № 1389.

сѣмяна и нныя статьи, которые принадлежатъ къ аптекарскимъ великаго государя дѣламъ, веѣ, и силу ихъ знаетъ, и во веѣхъ садахъ онъ Степанъ одинъ можетъ во всемъ надзирать и разводить, да ему-жь Степану надобно въ три сада шесть челоѣкъ работниковъ добрыхъ и не пьющихъ, только въ лѣто, и зиму не надобны. ¹⁾

Изъ этого можно заключить, что въ 1679 году было разведено *три новыхъ* аптекарскихъ сада: одинъ, нижній садъ, на плотинномъ дворѣ; другой—новый красный каменный садъ,—и третій—на денежномъ старомъ дворѣ.

Кромѣ указанныхъ *аптекарскихъ* садовъ было много садовъ въ подмосковныхъ мѣстностяхъ въ селѣ Измайловскомъ, въ монастыряхъ Троице-Сергиевскомъ, Воробьевскомъ, Крутицкомъ и другихъ, во разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ нашу задачу.

Культура аптекарскихъ растений въ садахъ настолько была удачна, что многія травы были вычеркнуты изъ списковъ, по которымъ работали травники въ провинціи. Такъ въ 1679 г. иноземецъ Семеновъ въ челобитной писалъ: „посылать былъ я иноземецъ... въ Переславль Рязанскій, въ Пронескъ и въ Рязкой, и въ Михайловъ, и во многіе города и пригородки для травъ, и цѣлцовъ, и коренья, и ягоды, и для всякихъ лекарственныхъ статей; и за тѣмъ вашимъ в. г. дѣломъ былъ я иноземецъ и работать во четыре года, и *отъ того вашего государева дѣла я иноземецъ опустивъ потому, что тѣ лекарственные травы были отложены*“ ²⁾

Въ результатѣ веѣхъ принятыхъ мѣръ аптечное хозяйство достигло большой степени развитія и аптека стала обладать значительными запасами медикаментовъ какъ привозныхъ, такъ и туземнаго происхожденія.

Прежнее зданіе не могло уже вмѣстить веѣхъ запасовъ, и въ 1669 г. послѣдовалъ указъ: „на гостиномъ дворѣ очистить полаты да погребъ, а въ ту полату и въ погребъ поставить аптекарскіе всякіе лекарственные запасы для береженія“. ³⁾ Кромѣ того, въ 1670 г. упоминается „новый аптекарскій дворъ, что на Смоленской улицѣ подлѣ монастыря Возвисянія Честного Кре-

ста Господня“. На этомъ дворѣ было сооружено большое каменное зданіе, для постройки котораго потребовалось 50000 кирпичей ⁴⁾.

Столь заботливое отношеніе московской администраціи къ снабженію Москвы лекарственными веществами объясняется широкимъ развитіемъ военнаго дѣла и широкой постановкой военно-врачебной службы. Многочисленные полки того времени, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ западной и южной границъ государства, представляли постоянный спросъ на лекарей и лекарства. И московская администрація, какъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ документы, принимала веѣ мѣры къ тому, чтобы запросы не оставались безъ удовлетворенія.

Царская аптека, щедро снабженная медикаментами иностраннаго привоза и отечественнаго сбора, вмѣстѣ съ обиліемъ матеріаловъ, соединяла необычайную роскошь внѣшней обстановки. О послѣдней сохранился характерный отзывъ Шлензинга, писавшаго: „могу сказать по истинѣ, что я никогда не видѣлъ такой превосходной аптеки; флажки, карafины были изъ хрустали шифованнаго и крышки въ оныхъ и края выложены красною позолотою“ ⁵⁾.

Дѣйствительно, въ 1672 г. аптекаремъ Романомъ Биніяномъ изъ Англіи были привезены для приказной аптеки „два сундука съ склянницами *золочеными*“ ⁶⁾.

Въ 1648 г. Алексѣй Михайловичъ прислалъ съ приказъ для варенія аптекарскихъ составовъ про свои государевъ обиходъ *столу серебряную* съ кровлею, мѣрою въ кружки въ дѣѣ или больши, и впродъ той столѣ указалъ быти въ Аптекарскомъ Приказѣ ⁷⁾.

Наши матеріалы даютъ возможность сдѣлать нѣсколько дополнителныхъ штриховъ. Въ 1670 г. въ Аптекарскій Приказъ было взято „пять аршинъ камки черчатой ланчатой доброй, а въ Аптекарскомъ Приказѣ въ той камкѣ дѣлать къ лекарствамъ, которые про великаго государя, держать кровельникъ“. Въ августѣ того же года въ Аптекарскій Приказъ было прислано изъ Каменнаго „десять аршинъ атласу червчатого, оклеивать тѣмъ атласомъ

¹⁾ Матер. № 1672.

²⁾ *ibidem*. № 1467.

³⁾ *ibidem*. № 396.

⁴⁾ Матер. № 456 и 450.

⁵⁾ Рихтеръ, Опр. сіл. т. II, стр. 142.

⁶⁾ Матер. № 496.

⁷⁾ *ibidem* № 621.

въ ящикахъ и въ скрытыхъ гнѣзда, въ которыхъ ставить лекарства про великаго государя, сукна багреноваго самого добраго четыре аршина, аглинскаго червчататаго самого жъ добраго десять аршинъ, настилать тѣми сукнами столы и полки и лавки, гдѣ ставить сосуды, въ которыхъ про великаго государя лекарства наряджены».

Въ 1677 г. Оедоръ Алексѣевичъ указалъ прислать съ Казеннаго Двора въ Аптекарскій Приказъ „на повязку скляницъ, и стопокъ, и сусеки, въ которыхъ отпущаются лекарства въ верховые отпуски, фунтъ шелку краснаго добраго безденежно“. Въ октябрѣ того же года опять послѣдовало такое же требованіе прислать „на повязку склянокъ и стопокъ, въ которыхъ отпущаются изъ Аптекарскаго Приказа всѣякія лекарства въ верховые отпуски фунтъ шелку краснаго“. Въ 1679 г. также на повязку „всѣякихъ склянокъ и стопокъ“ для верховыхъ отпусковъ было затребовано Аптекарскимъ Приказомъ два фунта шелку¹⁾.

Роскошь снабженія аптеки вполнѣ соответствовала великолѣпнѣе приказнаго помѣщенія и его внутренняго убранства. Стѣны и мебель въ приказномъ зданіи обивались лучшимъ англійскимъ сукномъ.

Такъ, въ 1658 г. изъ Казеннаго Приказа было затребовано для Аптекарскаго Приказа „двадцать аршинъ сукна червчататаго добраго аглинскаго... обивать тѣмъ сукномъ въ Аптекарскомъ Приказѣ въ окнахъ, въ ставни и двери“. Спустя 18 дней послѣ этого изъ Казеннаго Приказа были взяты „тридцать аршинъ сукна зеленаго добраго... обивать тѣмъ сукномъ въ Аптекарскомъ Приказѣ лавки“²⁾.

Въ апрѣлѣ 1660 г. взято „двадцать аршинъ сукна червчататаго аглинскаго, а въ Аптекарскомъ Приказѣ обиваютъ тѣмъ сукномъ стѣны“³⁾.

Въ мартѣ 1670 г. Алексѣй Михайловичъ указалъ „изъ Казеннаго Приказа взять въ Аптекарскій Приказъ на столъ три аршина сукна багрену добраго, да пятнадцать аршинъ сукна англійскаго червчататаго добраго, обивать тѣмъ сукномъ въ Аптекарскомъ Приказѣ стѣны и лавки“. А черезъ день еще было взято

„пятнадцать аршинъ сукна аглинскаго червчататаго къ пресажному въ прибавку, обивать тѣмъ сукномъ въ А. П. стѣны и лавки“⁴⁾.

Въ 1679 г. на обивку дверей въ Аптекарскомъ Приказѣ было взято „четыре аршина сукна аглинскаго червчататаго“⁵⁾.

Въ цѣляхъ вышшняго украшенія въ 1658 г. царь повелѣлъ Аптекарскій Приказъ „десять стѣнамъ пилемомъ, а для того дѣла взять стрѣльцовъ, которые пинутъ барабаны“. Кроме того, двумъ стрѣльцамъ было указано „разить камень“.

Въ 1645 г. послѣдовалъ указъ „сдѣлать въ Аптекарскомъ Приказѣ къ десяти окнамъ затворы медьныя“⁶⁾. Можно думать, что зданіе было десятиколонное. Изъ одного документа отъ того же года узнаемъ, что „Аптекарскаго Приказу въ стѣнахъ намонено было киршичемъ“⁷⁾. Изъ оружейной палаты въ Приказъ былъ посланъ столяръ „сдѣлать ему про аптекарской в. г. обиходъ шафи, поставны, скрини, въ чемъ вѣнѣ лекарства ставить“⁸⁾. Эти столярныя подѣлки были выравнены краснымъ сандаломъ⁹⁾.

О мебели даетъ нѣкоторое представленіе вѣстіе, что на примѣръ въ 1676 г. были посланы „въ Аптекарскій Приказъ изъ Посольскаго Приказа кресла костяные да стулцы, покрыты бархатомъ краснымъ“¹⁰⁾. Въ томъ же году „взято съ Казеннаго Двора въ Аптекарскій Приказъ часы столовые цѣна пятьдесятъ рублей, два зеркала хрустальныхъ, по вѣти рублевъ зеркало“¹¹⁾. Вообще зеркала въ Аптекарскомъ Приказѣ имѣлось большое количество, о чемъ можно судить по тому, что было „принято въ оружейную верхнюю палату съ Аптекарскаго двора... всего зеркаль разныхъ статей осемьдесятъ четыре зеркала въ станкахъ, станки у всѣхъ погнели и развалились, а стекла будетъ съ неподи вновь всѣ подводить“¹²⁾.

Заботливостъ о приказѣ простиралась такъ далеко, что въ 1663 г. Алексѣй Михайловичъ „указалъ передѣлать трубу у Кремля города на городовой стѣнѣ, которая труба проведена съ

¹⁾ Намя матер. т. II, стр. 12, 13, 17, 19, 20.

²⁾ Намя матер. стр. 4.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem стр. 11 и 12.

⁵⁾ Ibidem. стр. 20.

⁶⁾ Матер. № 131 и 209.

⁷⁾ Ibidem. № 162.

⁸⁾ Ibidem. № 450, стр. 408.

⁹⁾ Ibidem стр. 410.

¹⁰⁾ Намя Мат. стр. 15.

¹¹⁾ Ibidem. стр. 16.

¹²⁾ Ibidem № 38.

двора боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго въ аптекарской садъ, и тое трубу велѣтъ здѣлать новыми слугами каменныхъ дѣлъ подмастерью, чтобъ изъ той трубы воды, и гризи, и вони, и никакова дурна не было въ аптекарскомъ саду“¹⁾.

Конечно, вышеупомянутое придворной аптеки имѣло нѣкоторое политическое значеніе. Здѣсь служили иноземцы, а московское правительство всемірно старалось распускать слухи за моремъ „про великое жалованье къ докторамъ и къ лекаремъ и къ ученымъ людямъ“. Между тѣмъ будни аптекарской работы были неутѣшительны и далеко не гармонировали съ наружнымъ блескомъ убранства.

Аптекари обязаны были ежедневно находиться въ антекѣ „со второго часу утра до вечера“. За каждый пропущенный день вычитывался изъ ихъ кормовыхъ денегъ двухмѣсячный окладъ. Въ случаѣ же болѣзни кого-либо изъ царской семьи указывалось „по очереди дневать и почевать“.

Вся работа протекала подъ тяжелымъ гнетомъ подозрительнаго недоверія. Для составленія лекарствъ „про великаго государя“ имѣлось въ антекѣ специальное отдѣленіе, гдѣ все медикаменты находились „особо въ казенкѣ за дьячю печатью и безъ дьяка въ тое казенку никто не ходитъ, да и лекарство де въ той казенкѣ... стоитъ въ склянницахъ и въ ящикахъ за печатемъ жъ, а входить де въ тое казенку времянемъ только имать по рецептамъ лекарства зъ дьякомъ“. Бояринъ Аптекарскаго Приказа неуставно слѣдилъ за аптекарями, „нѣтъ-ли межъ нихъ какова несогласія“.

При такихъ условіяхъ предосторожности составленное лекарство не считалось еще годнымъ къ употребленію. Оно передавалось самымъ надежнымъ боярамъ, которые, поднося государю, обязаны были надкусывать или принимать отъ государя рюмку, „и что въ ней останется“ на ладонь вылить и выпить²⁾.

Внутренній смыслъ подобнаго режима прекрасно объясняетъ Забѣлинъ. „Самовластная идея,—пишетъ онъ,—въ самовластной же олигархической средѣ, и не могла существовать иначе, какъ охраняя себя самою зоркою и мелочною подозрительностью. Ея друзья были еще очень слабы и потому очень измѣнчивы, а вра-

¹⁾ Матер. № 348.

²⁾ Исторія невиннаго злодѣянія бояр. Матвѣева Стр. 8 и 9.

ги были очень сильны, сильны были всеобщимъ нравственнымъ растлѣніемъ, криводушіемъ, коварствомъ, измѣною, предательствомъ“³⁾.

Кромѣ лекарствъ, прописанныхъ государю или его семьѣ, изъ аптеки отпускались всякія вещества по различнымъ случаямъ. Такъ, въ 1636 г. было отпущено деревяннаго масла для смазки пишалей⁴⁾. Въ слѣдующемъ году патриарху Филарету Никитичу послали „въ мирное составленіе“: 10 фун.—ситарю доброво, корины—1 фун., перетруну—5 зол., корни азары—3 зол., ладану росного—2 зол., меду дивія—1 фунтъ⁵⁾.

Отпускались во дворецъ различныя снадобья для водокъ (корица, анисъ, патока), для составленія курительныхъ порошковъ, бѣлизъ и т. п.⁶⁾

На дворцовую конюшню также посылалась необходимая для леченія лошадей лекарственная вещества. Въ 1629 году туда было послано полфунта феягреку⁷⁾. Въ 1664 г. выдано „про его княжескіе милости лошадей“ 2 фун.—бобкова масла, 1 фун.—орѣховъ чернильныхъ, 1 фун.—кисцовъ, полфунта—купоросу зеленого, 2 фунта—фенихъ грекомъ, 1 фунтъ—терпентину, 1 фунтъ—воску, 1 фунтъ—купоросу бѣлаго, 1 фунтъ—камфоры, 1 фунтъ—попелумъ, 1 фунтъ—тейфильсъ дрекъ, 1 фунтъ—саза олея⁸⁾. Интересенъ отпускъ 1666 года для характеристики фармацевтической терминологіи того времени: „отпущено на лечбу конемъ тайфистромъ, а по русски—гумы асофети да сатылбомъ—по русски трава сабина по полфунту, а зербочимъ въ Аптекарскомъ Приказѣ нѣтъ и по русски не знаютъ“⁹⁾.

Первоначально царская аптека обслуживала только въ строгомъ смыслѣ придворныя нужды. Частныя лица не имѣли возможности ею пользоваться и продолжали необходимые лекарства получать въ зеленыхъ рядахъ или у иноземныхъ врачей, а практика посѣднихъ въ видѣ общаго правила также не выходила за дворцовую ограду.

¹⁾ Забѣлинъ. Битъ русскихъ царей и царивъ Т. Г, стр. 204.

²⁾ Матеріалы № 36.

³⁾ Ibid. № 5, 161.

⁴⁾ Ibid. № 7, 14, 16.

⁵⁾ Ibid. № 5.

⁶⁾ Ibid. № 237.

⁷⁾ Ibid. № 1073.

Мало-по-малу наиболее развитые русские люди освобождаются от власти знахарей и лекарей заветного рода. Къ государямъ начинаютъ доходить челобитныя объ отпускѣ лекарствъ. Тяжелыя двери дворцовой аптеки чаще и чаще раскрываются для потребностей постороннихъ. Этотъ переломъ въ исторіи аптекарскаго дѣла происходитъ въ царствованіе Михаила Осодоровича. Въ 1630 г. князь Иванъ Катыревъ Ростовскій, страдавшій головными болями, вошелъ къ Государю съ челобитной: „пожалуй меня холопа своего вели Государь мнѣ дать для моей головной болѣзни изъ Своей Государской аптеки своихъ государскихъ маселъ—масла коришнова, м. гвоздиковъ, м. мушкатова, м. анисова, м. кардомомова, м. свробориннова, м. интерикова, м. романова, м. кронова, м. поподіева, м. кровобендикова, м. кишияцова, м. шафронова да водокъ свроборинной будвишной, кроновы, мятевые, финиколесовой, Царь Государь смилуйся помилуй“¹⁾. На челобитные послѣдовалъ указъ выдать иноземныхъ маселъ по одному золотнику, московскихъ же—по 5 зол. и водокъ по фунту.

Этотъ милостивый указъ впервые поколебалъ прочную ограду, которой отдѣлилась царская аптека отъ московскаго населенія, и, пожалуй, былъ подсказанъ правильнымъ сознаніемъ назрѣвающей потребности въ аптекѣ „для всѣхъ чинныхъ людей“. Челобитная князя Ростовскаго представляетъ собою типичный образецъ подобнаго рода обращенія къ Государю. Иногда, впрочемъ, челобитникъ не называлъ, какія именно ему нужны лекарства, а ограничивался лишь указаніемъ болѣзни и предполагаемой ея причины. Иванъ Леонтьевъ писалъ, напримѣръ, въ 1647 году: „вели Государь пожаловать дати мази, чѣмъ помазать болящую ногу, а болить... нога отъ убою“²⁾.

Въ такомъ же духѣ былъ челомъ черезъ годъ послѣ князя Ивана Ростовскаго Михаилъ Рчиновъ, который писалъ: „я холопъ твой боленъ, рукою не владѣю, милосердый государь, царь и вел. князь Михайло Осодоровичъ, пожалуй меня холопа своего, вели государь изъ аптеки дать полъ фунта перцу дикого, четыре горсти крапивныхъ сѣмянъ, полъ фунта бобковъ масличныхъ, двѣнадцать золотниковъ масла кроноваго, девять золотниковъ масла тимекъ“³⁾.

¹⁾ Материалы № 22; Акты ист. г. III, № 161.

²⁾ Ibid. № 5-8.

³⁾ Ibid. № 70.

Въ 1662 г. иноземецъ Петрушка Калвиновскій подаетъ челобитную, въ которой писалъ: „Волею Господнею занемогъ я холопшико твой, заскорбѣлъ, лежу... четвертый мѣсяць... пожалуй меня холопа своего... вели государь, для моей скорби изъ своего гос. Аптекарскаго Приказа дать снадобья“¹⁾.

Въ челобитныхъ объ отпускахъ лекарствъ, такъ и въ разрѣшительныхъ отвѣтахъ по нимъ, бросается въ глаза подавленное количество отдѣльных снадобій, предлагаемыхъ для леченія какого-нибудь одного недуга. Это было своего рода знаменіемъ времени: тогда успѣшность леченія ставилась въ существенную зависимость отъ числа элементовъ „лѣт. составѣ“. Если князю Ивану Ростовскому „отъ головной болѣзни“ понадобилось по его собственному „вымыслу“ цѣлыхъ 18 ингредиентов, то по рецепту ученаго доктора Андрея Ингелгарта Иванъ Даниловичъ Милославскому „отъ рѣшъ въ утробѣ“ было отпущено всего только однимъ мѣнѣ²⁾. Зѣбсь мы пытаемся на замѣчательный примѣръ вѣдѣній иноземной медицины и русскаго знахарства.

Операніи царской аптеки расширялись по двумъ направленіямъ. Въ одномъ лекарства отпускались „безденежно“, въ другомъ продавались по особой расцѣнкѣ.

Безденежно пользовались лекарствами некоторые заслуженные бояре, а „линымъ боярамъ и окольнымъ и ближнимъ людямъ лекарства... безденежно кому давать о томъ Великій Государь что укажетъ“.

Въ 1662 г. окольному Василию Михайловичу безденежно была выдана „дѣлая чепучина“ стоимостью въ 49 рублей 23 алтын.³⁾

Въ 1667 г., по указу Осодора Алексѣевича бесплатныя лекарства получали: бояре князь Никита Ивановичъ и Яковъ Никитичъ Одоевскіе, бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ, князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, князь Иванъ Алексѣевичъ Воротыевскій, князь Осодоръ Осодоровичъ Куракинъ, дворецкій Богданъ Матѣевичъ Хитрово и Иванъ Богдановичъ Хитрово⁴⁾.

Въ 1679 г. было приказано безденежно „столяника и подковника Давыда Баранчѣева лечить чепучиннаго дѣла лекарю Ми-

¹⁾ Наши матер. т. I, стр. 20.

²⁾ Материалы № 365.

³⁾ Наши матер. т. I, стр. 25.

⁴⁾ Мат. № 1102.

трофану Петрову и лекарства, какія понадобятся, давать, изъ Аптек. Пр. безденежно¹⁾.

Такою же привилегіей пользовались лица дворовой службы.

Въ 1671 г. по указу Алексѣя Михайловича повелѣвалось „постельнаго истопника Сергея Куретова лечить безденежно“²⁾.

Въ 1677 г. Петръ Алексѣевичъ указалъ: „карлика Никиту Гаврилова, который у него государя цесаревича, лечить въ Аптекарскомъ Приказу доктору Степану Оунгаданову и лекарства давать изъ Аптекарскаго жъ Приказу безденежно“³⁾. Въ томъ же году Осодоръ Алексѣевичъ распорядился безденежно лечить „своего г. ловчего пути цсаря Сидорка Торбунова“⁴⁾. Тогда же царевичъ Іоаннъ приказалъ лечить доктору Степану Оунгаданову и отпускать безплатныя лекарства „для своего государева крестоваго священника Прова Иванова“⁵⁾ и „своего государева спальника Алексѣя Матвѣева сына Милославскаго“⁶⁾.

Въ 1679 г. царевны и великіе княжны Екатерина и Феодосія Алексѣевны указали „лечить дохтуру Степану Оунгаданову боярыню Дарью Мясную, а болѣзнь у нея, по его дохтуровѣ сказкѣ лихорадка зъ грижею: да постельницу Марью Нустобоярову, а болѣзнь у нея лихорадка жъ да вся желта“⁷⁾. Въ 1679 г. Осодоръ Алексѣевичъ указалъ: „церкви Іоанна Бѣлограшкаго, что у него велик. кн. въ Верху на сѣняхъ, пономаря Степана Васильева изъ Аптекарскаго Приказу лечить костоправу Ивану Максимову, и лекарства какіе понадобятся давать безденежно“⁸⁾.

Безденежными лекарствами и леченіемъ пользовались также ушибленные и обгорѣвшіе во время пожаровъ и другихъ общественныхъ бѣдствій.

Въ 1666 г. „за Москвою рѣкою въ нижнихъ садовникахъ на пожарѣ зашибло бревною сотника московскихъ стрѣльцовъ Мокѣя. и вел. государь и ц. и вел. кн. Алексѣй Михайловичъ ука-

¹⁾ *ibid.* № 1559.

²⁾ *Матер.* № 474, стр. 447.

³⁾ *Матер.* № 1391.

⁴⁾ *ibid.* № 1375.

⁵⁾ *ibid.* № 1380.

⁶⁾ *ibid.* № 1387.

⁷⁾ *ibid.* 1466.

⁸⁾ *ibid.* № 1565.

заль ему Мокѣю изъ аптеки дать лекаря и лекарства давать безденежно“¹⁾.

Въ 1674 г. для леченія 13 раненыхъ на пожарѣ стрѣльцовъ были отпущены пластырь бѣлѣный да другой пластырь стиптикомъ простой, да пластырь стиптикомъ параселъсь, да мазь обливная, да мазь пошлемова, да мазь дѣтеля, да мазь бобковая, да мазь базиликомъ, да трава империкъ“²⁾.

Въ 1677 г. двѣ ночи въ пожарное время, какъ горѣло на Куличникахъ въ приходѣ у церкви Николая Чудотворца, что съвѣсть Подковаева... полуголову московскихъ стрѣльцовъ Ивана Пыхачева засыпало землею и бревнами зашибло и отъ того онъ Иванъ лежить болѣзнь. И вел. гос. (т.) указалъ: полуголову Ив. Пыхачева лечить изъ Аптекар. Приказу безденежно“³⁾.

Въ 1679 г. Осодоръ Алексѣевичъ указалъ: „солдата Федку Женашикова, у котораго... въ пожарное время носъ и губу верхнюю оторвало и зубы выбило бревномъ и отъ того гниетъ—лечить въ Аптекѣ безденежно“⁴⁾. Въ томъ же году во время пожара въ Москвѣ „за Стрѣтенскими вороты“ пострадало 66 человекъ и всѣхъ ихъ было приказано лечить безплатно“⁵⁾.

Раненые, убитые и инвалидные пользовались безденежно не только лекарствами полковыхъ аптекъ, но и царской въ Москвѣ.

Въ 1648 г. Алексѣй Михайловичъ указалъ безденежно лечить Кузьму Познякова, который за три года до этого былъ взятъ въ полонъ въ Крымѣ, на бою на рѣкѣ на Токаѣ израненъ изъ лука, и въ Крымѣ г. лекари не знаючи стрѣлищаго желѣсна доставали, и тѣ желѣсна достававочи пуши въ глубину въ ребра утапили, и послѣ того тѣла и кости вырѣзывали исплечавши то желѣсна отъ ихъ лечбѣ стоитъ въ ребрахъ и по се мѣста, а рана не заживлена, платамъ заткнута“⁶⁾.

Въ 1664 г. былъ назначенъ лекарь и отпущены лекарства для леченія арзамаса Осидки Кузьмина сына Бугуршина, ранена-

¹⁾ *ibid.* № 1079.

²⁾ *Чашн Матер.* т. I, стр. 191.

³⁾ *Мат.* № 523 и 1366.

⁴⁾ *ibid.* № 1556.

⁵⁾ *ibid.* № 1566.

⁶⁾ *ibid.* № 588.

го въ бояхъ „съ польскими, и литовскими, и крымскими людьми въ Карачевскомъ уѣздѣ“ и не получившаго въ полку „за рану“¹⁾.

Въ 1670 г. при пробной стрѣлбѣ у Аюшки Неакова оторвало два пальца на правой рукѣ и „у заняся жилы испортило“, вслѣдствіе чего онъ просилъ о безплатномъ леченіи. Немедленно послѣдовало распоряженіе объ отпускѣ лекарства изъ аптеки „безденежно“²⁾.

Раненые подъ Чигириномъ въ 1678 г. безденежно лечились въ Москвѣ, въ Аптекарскомъ Приказѣ³⁾.

Изъ царской аптеки отпускалось также безденежно все необходимое для свиты и личныхъ представителей иностранныхъ царствующихъ домовъ.

Еще при Борисѣ Годуновѣ въ 1602 г. лекарствами изъ царской аптеки пользовался датскій принцъ Іоаннъ⁴⁾.

Въ 1614 г. было выдано очень много снадобій на нужды королевича Владислава и его свиты⁵⁾.

Въ 1666 г. было послано „въ дорогу“ къ грузинской царницѣ Еленѣ Леонтьевнѣ водки Гуслярной 2 фута⁶⁾.

Было въ обычаѣ посылать безплатно лекарства чинамъ иностранныхъ посольствъ въ Москвѣ. Такъ, въ 1648 г. „былъ челомъ Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руси галанскаго посла сынъ Гондрать Бурхъ: „многіе де у него люди, которые отъ неупокоения дального и трудного пути изнемогавали и болны стали, а лекарства де, которые съ собой привезены и гдѣ издержаны, и Царское Величество пожаловать де ихъ посольскихъ людей тѣми лекарствами, а что имъ какихъ лекарствъ надобно, и голландскаго посла сынъ прислать въ посольской приказъ роспись“. Дѣйствительно эта роспись была получена и по ней приказано „послать лекарства безденежно“ (приказалъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ)⁷⁾.

Въ 1663 г. крымскіе гонцы и послы въ своей челобитной писали: „какъ де гонцы ѣхали изъ Крыму къ Москвѣ, и на дорогѣ

¹⁾ Наши матер. т. I, стр. 75.

²⁾ Мат. № 411.

³⁾ Ibid. № 1431 и 1434.

⁴⁾ Рихтеръ, ор.—сн. т. I стр. 383 и слѣд.

⁵⁾ Матеріалы №№ 238, 239, 240; Акт. вел. т. III, № 298.

⁶⁾ Наши матер. т. I, стр. 96.

⁷⁾ Матер. № 602.

отъ большихъ морозовъ многіе ознобили руки и ноги, и Великій Государь пожаловать-бы ихъ велѣлъ имъ дать лекаря и лекарства чѣмъ ихъ лечить отъ озноби. И великій государь велѣлъ дать лекаря и лекарства“¹⁾.

Въ 1664 г., по рецепту доктора Андрея Энгельгардта было сдѣлано лекарство для калмыцкаго тайши²⁾.

Въ 1675 г. было послано лекарство къ калмыцкому двору Тайшу³⁾.

Великій починъ Михаила Осодоровича, раскрывшаго двери царской аптеки для всѣхъ, стучавшихся въ нее съ послѣдней надеждой найти облегченіе, имѣлъ огромныя культурныя послѣдствія. Иноземные ученые врачи, долго державшіеся въ сторонѣ отъ общей жизни, вошли въ народъ вслѣдъ за аптечными медикаментами. Если на зарѣ врачебнаго дѣла въ Россіи бояринъ, облаканный великокняжескими вниманіемъ, просилъ „пожаловать царской милостію не велѣть ему лечиться у заморскаго дохтура“, то съ теченіемъ времени заморскіи докторы и заморское зелье побѣдили слану отечественнаго знахарства, и Аптекарскій Приказъ все чаще и настойчивѣе осаждался просьбами, въ родѣ: „у сыночка моего сынушку възмогло... а окромя твоихъ государевыхъ дохтуровъ и лекарствъ, лечить некому... вели Государь того моего сынушка лечить твоими государевымъ лекаремъ... или вели государь дать лекаря, чтобъ женикъ... напрасною смертію не умереть“.

Общее вліяніе коснулось даже духовенства, которое наиболѣе упорно продолжало лечиться усиленными постами, водою „со святыихъ иконъ“ и другими чисто религіознаго характера средствами. Рядомъ съ архимандритомъ Никономъ простой священникъ Провъ Ивановъ искалъ помощи у иноземныхъ медиковъ. Царской аптекѣ не было возможности удовлетворить всѣхъ просьбъ и челобитныхъ, пришлось подумать объ устройствѣ новой аптеки...

Въ 1672 г. 20 го марта, Алексѣй Михайловичъ указалъ: „на новомъ гостинѣ дворѣ—гдѣ Приказъ Большого Приходу, очистить палаты, а въ тѣхъ палатахъ указать Великій Государь построить аптеку для продажи всякихъ лекарствъ всякихъ чиновъ

¹⁾ Ibid. № 329.

²⁾ Ibid. № 364, стр. 292.

³⁾ Ibid. № 511.

людям" ¹⁾. Этим указомъ была учреждена вторая, или, какъ она называлась, Новая Аптека, а рядомъ последующихъ указовъ опредѣлилось ей снабженіе лекарствами, служебный персоналъ, порядки ея дѣятельности и пр.

Еще задолго до 20-го марта Аптекарскій Приказъ началъ подготовительныя работы къ открытію Новой Аптеки. Въ августѣ 1668 г. въ Гамбургѣ иностранцемъ фонъ-Горномъ и его приказчикомъ Мартинномъ были куплены большіе запасы аптекарскихъ матеріаловъ (на 3.753 р. 21 ал., т.-е. почти на 63.801 руб.) ²⁾, заказано большое количество аптечной посуды мастеру Косту ³⁾, а „два сундука съ склянницами золочеными“ были выписаны изъ Архангельска ⁴⁾.

Во главѣ Новой Аптеки былъ поставленъ аптекаръ Яганъ Гутменшъ, извѣстный по приказнымъ актамъ подъ именемъ „назирателя“ ⁵⁾. Вручая ему бразды правленія, Аптекарскій Приказъ наказывалъ начать новое дѣло составленіемъ подробныхъ описей аптечнаго имущества и запасовъ, принятыхъ отъ дяка Осодора Казанца, доктора Лаврентія Блюментроста и алхимиста Беніуса Ганеланта. Гутменшъ, при помощи подъячихъ Семена Москвитина и Захара Навроцкаго, заготовилъ описи въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ остался при дѣлахъ аптеки, а другой былъ представленъ боярину Артамону Сергѣевичу Морозову, заведывавшему Аптекарскимъ Приказомъ ⁶⁾. Покончивъ съ инвентаремъ, Гутменшъ сталъ заниматься внутреннимъ устройствомъ аптеки. Часть матеріаловъ была размѣщена для продажи „по разнымъ мѣстамъ, гдѣ имъ что надобно“, а остальное пошло „въ казну задніе палатки“.

Недостатки въ рабочихъ рукахъ не чувствовалось. Аптекарскій приказъ своевременно озабочился прислать весь служебный составъ. Были командированы изъ старой аптеки лекаръ Якимъ Штейнъ съ учениками Иванкой Микитиныхъ, Оской Островскимъ, Василиемъ Шильовымъ, Ивановымъ и Миткой Опрсовымъ, алхимистъ Тихонъ Анашкинъ, аптекаръ Романъ Биняинъ, подъячій

¹⁾ Ibid. № 476.

²⁾ Ibid. № 392.

³⁾ Ibid. № 455.

⁴⁾ Матеріалы № 496.

⁵⁾ Ibid. № 1654.

⁶⁾ Ibid. № 499.

Данила Годовиковъ и сторожа Ларка Ивановъ, Ивашка Михайловъ да Юрій Іевлевъ. Кроме того, ученикамъ Оунгаданова—Ивашкѣ Горбунову, Ивашкѣ Калинину, Паумкѣ Яковлеву, Анашкѣ Григорьеву, Ларкѣ Степанову, Алешкѣ Особанову и приписнымъ Хлѣбнаго двorca Онтошкѣ Иванову, Маркѣ Павлову и Ортюшкѣ Васильеву было приказано „у збору травъ и пивтовъ и кореньевъ во все лѣто и до заморозовъ безпрестанно быть“ ¹⁾.

Въ штатѣ новой аптеки имѣлись также присяжные касеры или цѣловальники. Это были мѣщане изъ Новомѣщанской слободы или изъ Казенной. Первоначально они избирались „по четверти года“ съ жалованьемъ „по рублю человѣку на мѣсяцъ“. Выбирался они по 4 и 6 человекъ „добрыхъ и помянутыхъ, кому бы въ такомъ государствѣ дѣлѣ жено было вѣрить“. Съ 1676 г. цѣловальниковъ стали избирать по два на годъ, съ 1688 г. по 2 и 3 человека, а въ 1694 и 1695 совѣтъ не избиралъ, такъ какъ Аптекарскій Приказъ обходился безъ нихъ. Цѣловальники въ приказѣ оставались „днемъ и ночью часу до семава и болѣе по вся дни“ ²⁾. Они находились подъ контролемъ заведующаго приказомъ; а вся отчетность обѣихъ аптекъ и приказа контролировалась дяками изъ Счетнаго Приказа ³⁾.

Въ январѣ 1677 г. въ приказѣ Новой Аптеки состояли слѣдующія лица: докторъ—Михайло Грамовъ, Лаврентій Ренгуберъ, Петръ Нантанусъ; аптекари—Романъ Биняинъ и Яганъ Гутменшъ; алхимистъ Яганъ Зеттигасть, лекари иностранцы—Семень Ларіоновъ, Яганъ Фохтъ, Алексѣй Ивановъ, Юрія Шхиндеръ; толмачъ Микита Винентъ; аптекарскіе ученики—Василій Шильовъ, Гришка Пиватьевъ, Стенка Микитинъ, Алешка Ивановъ; подъячіе—Кузьма Ростовцевъ и Ивашка Ивановъ; цѣловальники—Григорей Еуномъ и Захарко Анцыферовъ; сторожа—Юшка Іевлевъ, Мокушка Ивановъ, Максимко Тимофѣевъ и Кирюшка Микитинъ ⁴⁾. Кроме того, уже 5 февраля были посланы еще четыре лекарскихъ ученика Уварко Осодоровъ, Игнашка Петровъ, Ивашка Степановъ и Мишка Васильевъ, „чтобы они днели въ приказѣ Новые Аптеки по вся дни“ ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. № 499, 500.

²⁾ Матеріалы, № 504 и 524 и Наши матер. т. II. № 42, 51, 53, 72.

³⁾ Наши матер. т. II. № 58, Прилож. № 50.

⁴⁾ Mat. № 1353.

ibid. № 1355.

Съ учрежденіемъ Новой Аптеки съ ея зрочисленнымъ штатомъ служащихъ, въ матеріалахъ начинается упоминаться объ Аптекарскомъ Приказѣ наряду съ Приказомъ Новой Аптеки или Новымъ Аптекарскимъ Приказомъ, но какъ видно изъ всей постановки дѣла въ новомъ учрежденіи, послѣднее не было независимымъ отъ Аптекарскаго Приказа ¹⁾.

Изъ Новой Аптеки было указано: „лекарства продавать всякаго чину людямъ безъ задержанія по цѣеновой книгѣ, какова въ приказѣ Новой Аптеки“. Аптекари должны были дежурить „съ другою часу дня до вечерняго благовѣста, лѣтомъ и зимою, по переѣмамъ, очереднымъ безотходно“. Аптекаря, не явившіеся на дежурство „безъ всякой причины“ и не представившіе никакого извѣстія о себѣ, а также опоздавшій или ранѣе обыкновеннаго оставившій аптеку, подвергался вычету изъ жалованья.

Для контроля надъ дежурствами была заведена особая тетрадь, ежемѣсячно посылавшаяся въ старую аптеку, гдѣ и налагалось то или другое наказаніе (вычетъ). Дежурные аптекари должны были лично „стоя у вѣсовъ“ продавать лекарства, а деньги отдавать цѣловальникамъ, которымъ вѣнялось въ обязанность записывать выучку „збору своего въ книги“.

Выучка расходовалась на различныя нужды аптеки „и на запасные лекарства, и на строеніе“ ²⁾. Оставшуюся наличность нужно было ежемѣсячно отсылать въ старую аптеку. Лекарство предписывалось продавать на наличныя, такъ какъ вслѣдствіе отпусковъ въ кредитъ „продажи мѣняются бываетъ“, а всѣ чины Новой Аптеки должны были знать, „чтобы окончательно за мѣнякою, въ покупкахъ никакой великаго государя казифъ порухи и простоя, и напрасной передачи, и убытковъ не было“ ³⁾. Вообще весь служебный персоналъ долженъ былъ въ своей дѣятельности помнить страхъ Божій и великаго государя крестное цѣлованье.

Въ милостивомъ рескриптѣ Осодора Алексѣевича аптекарю Ивану Гутменшу, пожалованному „быть въ Новой Аптекѣ въ инспекторахъ или надзирателяхъ“ наказывалось: „вѣдать ему Ивану всякіе дѣла, которые принадлежатъ къ строенію и прибыли Но-

вой Аптеки; и чтобъ всякіе лекарства въ той аптеки были въ достатокѣ, а напрасно не расходились; и надъ аптекарями и учениками и всякими людьми, которые принадлежатъ къ той аптекѣ и которые всякіе лекарства и водки составляютъ, и травы и коренья и сѣмена и цвѣты собираютъ,—надматривать и надзирать со всякимъ прилежаніемъ ему же Ивану, чтобъ всякое дѣло чинно, какъ въ аптекахъ быть пристойно, и Вел. Гос. казифъ было прибылыте“ ⁴⁾.

Помимо инспекторскаго надзора за аптечнымъ персоналомъ, какъ и вообще за врачевнымъ, сдѣланы еще толмачи. Эти послѣдніе при вступленіи на службу давали между прочимъ клятву „смотрити и беречи того накрепко, чтобъ дохтуры и аптекари, алхимицы, и окулисты, и лекари въ дохтурскіе, и въ аптекарскіе, и въ окулистскіе, и въ лекарскіе, и во всякіе составы и въ иное ни то что никакова злого зелья и коренья, и травы, и иного ничего нечистого и злого и отравного и въ несные дни скоромнаго не положить и не прѣмѣшати, и къ ихъ государскому здоравью не принести лиха, или кто учить въ аптекарскіе и въ окулистскіе, и въ алхимическіе, и во всякіе лекарственныя составы зелья и коренья лихія и нечистой травы, что положить, и мнѣ про то тотчасъ сказать государю или ево государевымъ боярамъ, а никакъ того не утантѣ“ ⁵⁾.

Лекарства готовились аптекарями и алхимистами. Рескриптыные отпуски находились подъ строгимъ наблюденьемъ. Съ этой цѣлью были установлены спеціальныя книги, куда заносился каждый рецептъ (съ переводомъ на русскій языкъ), а также фамилія врача, прописавшаго лекарство, аптекаря, готовившаго послѣднее, и лица, которымъ оно было получено изъ аптеки.

Работа въ новой аптекѣ сразу закинула. Приходилось не только удовлетворять текущимъ требованіямъ со стороны частныхъ лицъ и войска, но еще нужно было озаботиться приготовленіемъ ходкихъ медикаментовъ для такъ называемой ручной продажи. За самое короткое время необходимыя запасы были составлены. Спусти всего четыре мѣсяца, въ инвентарѣ аптеки числилось: мази бѣлизной—1 пудъ, мази діалтѣй—1 пудъ, мази ченсіакомъ—1 п., пластыря простого стинтикомъ—1 п. 9 ф. и т.д.

¹⁾ Ibid. №№ 503, 505, 506, 518, 512, 515, 1335 и др.

²⁾ Записки въ Нарекнованіе Осодора Алексѣевича. Прил. № 4 и № 7.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Матер. № 1472.

⁵⁾ Ibid. № 1339.

Снабжение Новой Аптеки медикаментами производилось так же, как и старой царской. Культурные растения доставлялись аптекарскими садами и огородами, дикорастущия набирались травниками, а остальное приобреталось то на внутреннем рынке, то выписывалось из-за границы.

Въ 1673 г. было, напримѣръ, у иностранца Ооса въ Москвѣ приобретено „полсема пуда намеранцьяна корки“, стоимостью 22 руб. 25 алтынъ ¹⁾.

Въ томъ же году куплено у „волооженина посадицаго человека“ у Гаврилы Мартинова сына Фатѣева романей двадцать восемь бочекъ, да двѣ бочки мушкатли, и да двѣ бочки бастру ²⁾.

Въ 1674 г. Вахромѣемъ Меллеромъ были доставлены изъ Голландіи 178 пазганій медикаментовъ цѣною въ 2649 марокъ 8 шиллентъ 9 пенезей ³⁾.

Заботы о расширеніи операций Новой Аптеки не замедлили вскорѣ выразиться въ указѣ 28-го февраля 1673 г., которымъ было „вѣдѣно, чтобъ въ москвитинскомъ и овоцномъ и въ зеленномъ тѣхъ рядахъ торговые люди аптекарскихъ лекарствъ, которые продаютъ изъ Старой и Новой аптеки, что на Новомъ Гостинемъ дворѣ, въ лавкахъ не держали и не продавали: а будеть учинуть въ лавкахъ держать и продавать, и имъ отъ Великаго Государя быть въ жестокомъ наказаніи, чтобы отъ того людемъ никакого поврежденія и въ продажѣ въ Новой аптекѣ Великаго Государя казнѣ поруки не было“. Некоторое исключеніе было сдѣлано для лекарей Аптекарскаго Приказа—Артемія Петрова, Космы Семенова „съ товарищи“, имѣвшихъ свои лавки въ рядахъ. Имъ разрѣшалась торговля маловажными снабдами, а не продажа „линыхъ дорогихъ лекарственныхъ статей“. ⁴⁾

Въ указѣ 28-го февраля 1673 г. нужно видѣть источникъ послѣдующаго монополюющаго аптечнаго законодательства и разграниченія операций привилегированныхъ аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ.

Особенно значительные доходы получались отъ „сидѣнья всякія спирты и водки—коричная, гвоздичная, анисная, поморанцевая, цитраповая, изъ дерева сассифрасу“ и др. О доходахъ отъ

¹⁾ Ibid. № 505.

²⁾ Ibid. № 501 и 508.

³⁾ Ibid. № 522 и 532.

⁴⁾ Ibid. Чтенія поправочной исторіи стр. 227.

вишняго „сидѣнья“ въ источникахъ говорится: „а збиралось съ тѣхъ водокъ въ казну прибыль не малая“. Надо полагать, что прибыль получалась значительная, если за шесть мѣсяцевъ, съ 1-го апрѣля по 1-е октября 1673 г. чистая выручка достигла 5.194 р. 10 ден. по старому счету ¹⁾.

Винное сидѣнье первые четыре года производилось на старомъ Посольскомъ дворѣ въ поварнѣ, а съ 1 ноября 1676 г. последовалъ указъ: „на Греческомъ дворѣ, что приѣханы къ Посольскому двору, занять поварню казенную изъ Приказа Новыхъ Аптекъ, гдѣ сидѣть всякіе спирты и водки, да гдѣ класть всякіе аптекарскіе запасы, да два амбара да жилую палату для того, что всякихъ спиртовъ и водокъ и гдѣ лекарства и лѣдъ въ запасъ класть въ Новой Аптекѣ негдѣ ²⁾“. Водочный оборотъ достигалъ огромныхъ размѣровъ. Но съ 1-го 1673 для нуждъ приказа требовалось 15214 ведеръ, изъ нихъ на одинъ „перенуски“ 7607 ведеръ вина ³⁾.

Первымъ дистилляторомъ былъ аптекарскій ученикъ изъ стоброгенъ Рясилій Шиловъ, который въ 1678 г. просилъ за девятнадцатилѣтнюю его службу (въ лекарскихъ ученикахъ, травникахъ, перенусчикахъ водочныхъ и огородникахъ): „иминишко его въ чинахъ справилъ дистилляторомъ“. Поименому, самолюбію русскаго „перенусчика“ неслило названіе „дистиллятора“. Невиновное честолюбіе челоубитника было удовлетворено, хотя „въ Аптекарскомъ Приказѣ прель сего дистилляторскаго чину не бывало“ ⁴⁾.

Въ обязанности дистилляторовъ входило, промѣ водяннаго сидѣнья, еще „варенье всякихъ сироповъ, пластырей и мазей и прочихъ лекарствъ, которые въ запасъ дѣлаются“. При этомъ отъ нихъ требовалась большая осмотрительность какъ въ самомъ

¹⁾ Матер. № 1332; Рихтеръ (ор. cit. т. II, стр. 116—147) приводитъ свѣдѣнія о годовомъ доходѣ Новой Аптеки съ 1-го сент. 1881 г. до конца августа 1882 г., по свѣдѣнію можно признать эту сумму въ 1106 р. 69 алт. 28 ден. правильной. Если, какъ видно изъ приведенныхъ нами свѣдѣній, первое время и за одно полугодіе отъ одного водяннаго сидѣнья чистая прибыль представляла 5 т. руб., то послѣдняя прибыль была еще значительнѣе, иначе не могло быть, потому что „въ Аптекарскаго Приказа аптекарскіе запасы, которые покупаны въ иностранной землѣ и которые дѣлаются въ Москвѣ изъ русскихъ травъ и изъ цѣлительныхъ и изъ ядовъ и изъ корней продаваны на мѣстные деньги передъ покупкою въ казну и въ матерю и въ шестерю и въ дестерю“. См. матер. № 317.

²⁾ Ibid. № 1336.

³⁾ Ibid. № 517.

⁴⁾ Ibid. № 1462.

веденіи дѣла, такъ и въ выборѣ необходимыхъ матеріаловъ. Имъ предписывалось: „такъ бы чинить, чтобъ всякая водка и составъ совершенную силу по предписанному дѣйствию въ рецептахъ дохтурскихъ имѣла“. Строго вѣнялось также въ обязанность: „сверхъ своего домыслу и обыкlosti описанныхъ въ оормокопечъ зѣ дохтурскаго совѣту никакова злѣва зелія или: предательныхъ и смерти наводящихъ, и скверныхъ или скоромныхъ въ постные дни вещей не примѣшивать и не прикалывать, чтобъ никакому человѣку тѣмъ никакого вѣшняго ни внутренняго зла, ни смерти, ни навести, и не осквернить, и не оскромить“. Какъ видно, на диспансаторовъ возлагалась забота соблюдать не одну „оормокопечю“, но и „чинъ церковный“. Неудивительно поэтому, что по служебному положенію они были поставлены выше иноземныхъ лекарей, молодыхъ и старыхъ подъячихъ, русскихъ лекарей и толмачей.

Нельзя обойти молчаніемъ, что на рубежѣ московскаго и императорскаго періодовъ содалась въ Москвѣ третья аптека. Устроена она была въ 1682 г. по указу царя Оеодора Алексѣевича у Никитскихъ воротъ при первомъ гражданскомъ госпиталѣ. Отверзалась она, какъ въ источникахъ сказано, „для того, что съ всякимъ рецептомъ ходить въ городъ не удобно“¹⁾.

Въ вѣдомствѣ Аптекарскаго Приказа состояла также интересная походная царская аптека, называвшаяся „Меншая аптека“. Аптека состояла изъ „шкатулы“ съ четырьмя подраздѣленіями и двухъ коробовъ съ настоями, травами, и аптекарскою посудой. Въ подраздѣленіяхъ шкатулы содержались всякія масла (коричное, янтарное, гвоздичное, мускатное и др.), элексыры, эссенціи, сахара, сиропы, соли, пластыри, порошки (отъ глисть, насморка, и камлы, пургацыйный etc.). Тутъ же въ качествѣ медикаментовъ имѣлись: сиропъ „изъ жеребья коня“²⁾, духъ изъ червей, духъ изъ муравьевъ, камень безуй, нирогова кость³⁾. Последние два средства относятся къ разряду универсальныхъ.

Нирогова кость была самою драгоценною частью лекарственныхъ запасовъ царской аптеки. Напримѣръ, въ 1655 г. относительно нирога, вывезеннаго иноземцемъ Петромъ Марселлисомъ, Алексѣи Михайловичъ указалъ окольному Ивану Андреевичу

Милославскому: „И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ съ иноземцемъ съ Петромъ Марселлисомъ роги торговалъ, всякими обманомъ, а будетъ Петръ Марселлисъ за тѣ роги менши десяти тысячъ не возьметъ, и ты бѣ за тѣ роги по большой неволѣ велѣтъ дать въ ту цѣну—въ десять тысячъ собольми и иною мякою рухлядью“¹⁾.

Милославскій распорядился назначить доктора Артамана Грамана для осмотра этихъ роговъ. Последний, осмотрѣвъ ихъ, заявилъ: „тѣ роги по признакамъ какъ философіи ишутъ, прямые ипроговые роги; два долгихъ роговъ, что отъ такихъ великихъ не вѣдалъ въ иныхъ государствахъ въ Царской и въ Турской землѣ и отъ прямо вѣдѣтъ, что тѣ роги прямые ипроговые илѣ. Кронлянской; а въ Кронлянской землѣ дикіе люди, такіе роги находять, а лекарства въ тѣхъ рогахъ, у которыхъ людей бываетъ лихорадка и огневая, и отъ морового повѣтрія, или ково укусытъ змѣя, и отъ черной нечисти; а тѣ де роги природные, а не дѣланые; а принимать того рога противъ двучинами зречь съ камнемъ съ безумъ съ тонкимъ репкомъ или въ романти или въ киварѣ; а постѣ того потѣтъ; а меншой роги имѣтъ ту жѣ силу, что и большіе два рога... А отъ морового повѣтрія, тѣ роги имѣютъ силу большую, у котораго человека обильнѣна морское повѣтріе, и того рога тотчасъ принимать съ безумъ и потѣтъ, и постѣ того моровое повѣтріе минуется“²⁾.

Въ 1657 г. въ Аптекарскій Приказъ была доставлена иноземцемъ Артеміемъ Артемьевымъ ипрогова кость въ аршинѣ съ четвертью. Объ этой кости давалъ свое заключеніе опять докторъ Артаманъ Граманъ, заявившій, что „та кость таковаилѣ, которую прислать къ государю изъ за моря дохтуръ Яганусъ, и въ той кости здѣланъ ему государю посохъ, и которая кость наниѣ въ Аптекарскомъ Приказѣ за печатью боярина Ивана Даниловича Милославскаго“.

Кромѣ доктора Артамана Грамана о той же кости подали письменные отзывы докторъ Андрей Ангельгардъ и Левъ Личфинусъ.

Первый изъ нихъ написалъ такой отзывъ: „Промоноцероте, или нирога, древніе философы розные и преудивительные дѣла

¹⁾ Дамидовскій. Нарисов. Оеодора Алек., стр. 26; Гихтеръ т. II, стр. 287.

²⁾ Довольн. къ акт. вел. т. VI, № 94.

¹⁾ Ibid. № 265.

²⁾ Ibid. № 653.

сповидѣніемъ творили, и тому нынѣшнее искушеніе гораздо противно есть, и о томъ онъ дохтуру не пространно пишетъ, только для того, о чемъ ему дохтуру приказано писать и съ тѣмъ вкушѣ дѣлаетъ. Которые говорятъ, что тѣ рога растутъ у воденного звѣря и морской лошади, потому что такіе нирогі морскіе ни единожды отъ плавающихъ по морю видимы бывають, и тѣ ихъ рога по времени съ частью головной кости на край американскаго моря на берегу, также и у устья Давыдова и у устья Адрианскаго обрѣтаются и отгуду къ нимъ привозять, и великою цѣною и только великимъ государемъ, царемъ, королемъ, курфирстамъ и Рѣчи Посполитой продаются, и въ казѣ тѣ рога берегутъ со тщаніемъ: охотникомъ, чужеземцомъ, которые про нихъ спросятъ, показываютъ, а что належитъ тому рогу сила, и и всѣ философы едиными усты говорятъ, что тотъ нирогъ противенъ есть всякой отравѣ и порчи и моровому повѣтрю и оспѣ и коростѣ и всякомъ злымъ болѣзнемъ, потому что своею силою, изъ человѣка потъ учинить, и черезъ тотъ потъ всякую болѣзнь отъ сердца отгонитъ; и удивительно сколько то укрѣпить человека, и дыханіе отъ живота возвышаетъ и всякую дурность отгоняетъ, и потомъ здравіе приноситъ: и сверхъ того, дается во время подобно отъ различныхъ лихорадокъ, и во всякіе лекарства вѣшиваются, которые надобны къ поту, а особно когда философскою мудростію припасено будетъ. А какъ тотъ рогъ на вору посягъ, сказываютъ, что отъ всякой отравы хранитъ: и помысленіе блудное, какъ въ мысли имѣти учнетъ, и тѣмъ погашаетъ. А какъ человекъ пробудеть жаеною, имѣючи его на себѣ, и попадетъ въ него горячей воды, то изъ него вся сила его пропадетъ. Знаки и примѣты съ чего его познать, прямой или кривъ тотъ нирогъ, сіи суть.

1-я статья: Будетъ струя на томъ рогѣ обвивалась кругомъ. Тѣмъ же подобіемъ, какъ и хмѣлевой пруть обвивается около дерева и будто точено.

2-я статья: Гораздо твердо и плотно.

3-я статья: И весьма тяжелъ.

4-я статья: Будетъ преѣзъ помянутую силу имѣеть.

5-я статья: Какъ изъ того рога кружало сдѣлано будетъ, и на томъ кружалѣ положенъ будетъ живой паукъ, и онъ изъ того кружала выйти не можетъ, и только той примѣтѣ не самаго звѣря ему, будеть сырой подѣланной, тотъ рогъ будеть.

6-я статья: Изъ тонкого бѣлого желѣза здѣлай маленькое суденко, величиною съ конфѣтку, и то суденко поставь на теплой водѣ и тутъ то суденко плавать, и возьми того рога часточку и подвигай къ тому суденку помалу, только не трони, и какъ роговая часть будетъ близко того суденка, и то суденко начнетъ отъ той роговой части по водѣ бѣгать.

7-я статья: Будетъ кто малую часть, или крошку хлѣба положить на чистую воду, чтобъ такою мѣрою та хлѣбная кроха на водѣ плавала, а послѣ къ той хлѣбной крошкѣ учнетъ подвигать тоѣ-же роговую часть, только-бы той хлѣбной крохи не тронуть, и какъ тоѣ роговую часть отъ хлѣбной крохи понесешь назадъ, по тихоньку, и та хлѣбная кроха за тою частью бѣжитъ и о томъ доводна“.

Другой докторъ Левъ Лизифиусъ написалъ слѣдующее:

„По гречески монорогенъ, а по латинѣ унисомниусъ, се есть единороженъ по русски.

Много докторы объявили намъ, чему вѣрить невозможно, только вкратцѣ отъ дохтуры свое дѣло здѣлаетъ.

Близко.

Сказываютъ всѣ, что родится въ Индіи восточной, въ дикихъ лѣсахъ, наипаче свидѣтельствующу Алянну: а въ Индіи называется кортазенокъ, звѣрь есть, съ коня величиною, свѣтлоблѣстающаяся шерсть, глаза огненны раздѣльные пазногти, хвостъ кабановый, шея не само долъ и не само волосата, колѣна сухіе, на лбу носить рогъ длиною три локти. А Николай Венециецъ, какъ о томъ пишетъ Андрей Бакиусъ, скажетъ, что его сыщеть и въ дальнихъ странахъ азіискихъ, въ уѣздѣ Маццина парфчанномъ. А Марко Павелъ Венецианъ говоритъ, что сыщется въ некоторомъ уѣздѣ въ западной Индіи въ королевствѣ Базильскомъ. И то полно о его рожденіи, а что о силѣ его и о могутствѣ, гораздо потъ учинить и сердцу пособить, и противиться всякой порчи и излечить немощи прилипающія, се есть жаръ, моровое повѣтріе, угры, восту, и гораздо пригодится отъ удара малыхъ дѣтей, пособляеть отъ трясенія сердцу.

Пособляеть забвенію, пригодится отъ кручины, какъ взято будеть, либо въ ренскомъ, либо въ ушномъ куриномъ.

Индрогъ, слоеной кости, не соидеть струи, потому что тоніе и меньшіе и есть потяжѣліе и по плотнѣ, и въ достальномъ на его новую кость походитъ: а обложки изъ него какъ-

въ перстень положены будутъ, и на перстѣ носить, либо на шею повѣшенъ будетъ, бережетъ отрока отъ трясенія; а которые въ большихъ лѣтѣхъ, тѣмъ надобно либо 5, 6 или 7 зеритъ. Говорить будетъ изъ его копыта перстень здѣлаетъ, и въ середкѣ того перстня паукъ, и онъ съ того перстня не выйдетъ, по умереть въ перстени; такоужъ и змій. Тако-жъ въ ящику будетъ есть порча, и широкъ у того будетъ, тотчасъ разламается на части, и многихъ нныхъ дѣлъ учинить, о которыхъ которые увѣдали, знаютъ¹⁾).

Что касается до хирургическихъ инструментовъ, то они приобретались для аптекъ заграницей. Напримѣръ, въ 1679 г. въ Дании были куплены: „пять пилъ большихъ, тѣмъ кости оттираютъ, и пять пилъ меньшихъ; 10 шуруповъ, тѣмъ пушки вымаютъ; 10 клещей, тѣмъ пушки жъ вынимаютъ; 10 клещей съ жеравиными носами, тѣмъ пушки и кости вынимаютъ; 10 ножей кривыхъ, тѣмъ около костей обрезаютъ“. Въ томъ же году въ Гамбургѣ были приобретены: „двѣ пилы большихъ двойныхъ, 13 пилъ поменьше; 15 ножей кривыхъ; 11 шуруповъ; 10 клещей; 5 клещей двойныхъ, тѣмъ ротъ отворяютъ; 5 одинаковыхъ такихъ же; 7 трубокъ, тѣмъ ротъ отворяютъ; 5 одинаковыхъ въ деревянныхъ ставенкахъ; 2 трубки среднихъ такихъ же; 5 трубокъ такихъ же меньшей руки; 3 трубки такихъ же мѣдныхъ; 15 монастырокъ съ лекарскими снастями и 36 топоришковъ различныхъ“²⁾. Эти инструменты аптеками продавались въ два — три раза дороже заготовительной цѣны.

Остается упомянуть о снабженіи аптекъ спеціальной посудой, которую вѣдали состоявшіе при Аптекарскомъ Приказѣ скляничные мастера.

Московское правительство вынуждало часть посуды изъ за границы, а часть старалось производить домашними средствами. Такъ въ 1662 г. по указу Алексѣя Михайловича „велѣно колу-женну посадскому человѣку Ганкѣ Луковникову въ черкасскихъ городѣхъ купить скляницы, а тѣ скляницы надобны въ Аптекарскомъ Приказѣ“³⁾.

Но доставка скляницъ издалека не представляла удобствъ и болѣе обычнымъ явленіемъ была покупка ихъ въ горшечныхъ и

другихъ торговыхъ рядахъ Москвы. Напримѣръ, въ Щепетинномъ новомъ ряду, что подъ горою, покупались „горшки глиняные муравленные“⁴⁾.

Аптечное дѣло предъявляетъ спросъ на особаго рода посуду, и въ Приказѣ скоро поняли неудобства пользованія продажными издѣльями общаго назначенія.

Уже въ 1663 г. Алексѣй Михайловичъ указалъ „во Гжельской волости для аптекарскихъ и алхимическихъ глиняныхъ судовъ прислать глины, которая глина годится въ аптекарскимъ судамъ“. Для присланія необходимой глины быть посланъ изъ Москвы „аптекарскихъ и алхимическихъ глиняныхъ судовъ мастеръ Пашко Птицкой“. При этомъ дѣль которыхъ мѣстѣхъ мастеръ Пашка Птицкой во Гжельской волости глину прислать, и тое глину указать государь привезти къ Москвѣ Гжельскіе волости крестьяномъ ватащать возомъ; а съ нинѣ дѣла тое глины никуда не давать, а держати тое глину на аптекарскіе дѣла; и впередъ тое глину изъ Гжельскіе волости указать государь имать и возити тое же волости крестьяномъ, такъ та глина въ Аптекарской Приказѣ надобна будетъ“⁵⁾. Въ слѣдующемъ же году было приказано доставить изъ Гжельской волости двадцать возомъ глины.⁶⁾

И такъ, для производства посуды было обращено вниманіе на матеріалъ, который и до настоящаго времени пользуется большою извѣстностью. Глина изъ Гжельской волости доставлялась на скляничные заводы, расположенные не далеко отъ Москвы. Такъ въ 1666 г. было указано „даты... подъ скляничные сосуды 35 подводъ съ тѣлѣги и проводники“⁷⁾. Въ 1670 г. указано было „Аптекарскіе Палаты скляничному мастеру Петру Косту отъ Москвы до скляничныхъ заводовъ дать три подводы добрые съ тѣлѣги и съ проводники, а на тѣхъ подводахъ привезти ему къ Москвѣ про аптекарской обиходъ всякіе скляничные сосуды; а до тѣхъ скляничныхъ заводовъ отъ Москвы сорокъ верстъ“⁸⁾. Этотъ указъ последовалъ 4 августа, а 6 іюля Петру Косту было заказано сдѣлать для Аптекарской Палаты 2720 скляницъ разныхъ фасоновъ и размѣровъ. Однѣ изъ нихъ онъ долженъ былъ

¹⁾ ibid. № 270.

²⁾ ibid. № 1491 и 1576.

³⁾ ibid. № 293.

⁴⁾ ibidem № 450.

⁵⁾ ibid. № 352.

⁶⁾ Намн. Матер. т. I, № 81.

⁷⁾ ibidem № 96.

⁸⁾ ibid. № 453.

приготовить „по заморскому образцу, каковъ ему *бумажный образецъ данъ*“, а другія по образцовымъ издѣліямъ въ натурѣ. Быть можетъ подводы и давались для перевозки польскаго заказа. Если это такъ, то нужно заключить, что заводы работали весьма продуктивно или обладали порядочными запасами готовыхъ издѣлій.

Въ матеріалахъ излѣются указанія на то, что заводы, во-первыхъ, находились въ селѣ Измайловѣ, и во-вторыхъ, работали съ извѣстнымъ некуствомъ. Такъ въ 1676 г. Осодоръ Алексеевичъ повелѣлъ: „здѣлать *въ селѣ Измайловѣ* на скляничныхъ заводахъ про свой в. г. аптекарской обиходъ противъ *образцовой* судейки, какова послана... двѣ судейки мѣрами и полосами равны да двѣнадцать судѣекъ поменьше — *разными узоры*“¹⁾. Въ другомъ указѣ за тотъ же годъ упоминается о складѣ „съ стеклянными судами, которые дѣланы въ селѣ Измайловѣ“²⁾.

Въ 1679 г. Петръ Козъ доставилъ въ приказъ разныхъ судовъ 1674 на 67 руб. 28 алтынъ и въ 1680 г. — 2316 мѣстъ стоимостью 90 руб. 13 алтынъ.³⁾

Новичиному, заводы работали безостановочно. Объ экономическомъ значеніи этого производства можно судить по слѣдующему заявленію вдовы скляничнаго дѣла заводника Антона Коза, писавшей въ 1667 г.: „показаванъ де мужъ ея в. г. скляничнымъ заводомъ, а дѣлать съ того заводу въ Аптекарскую Полату ретерты, и козвы, и реукіоны, и сепраторія, и алеорини, и оіолы, и суден, и скляницы четвертныя, и фунтовые, и полуфунтовые, и иные всякіе скляничные суды; и что де здѣлають всякого стекла на продажу, и тѣ суды продавали безпошлинно, для того, что *прежде сего въ Аптекарскую Полату тѣ скляничные суды покупали за моремъ дорогою цѣною*“⁴⁾.

Низкую степень служебнаго персонала при аптекахъ занимали сторожа. Нерѣдко эта должность замѣщалась аптекарскими учениками. При поступленіи на службу они обѣщались „не пить и не бражничать, в. г. аптекарскую казну во всемъ на Москвѣ и въ походахъ беречь, и приказныхъ статей лекарственныхъ въ свой домъ тайкомъ не имать и не красть, и ни съ кѣмъ по

¹⁾ Ibid № 1305.

²⁾ Ibid № 1327.

³⁾ Ibid, 1611.

⁴⁾ Ibid № 390.

дружбѣ в. г. аптекарской казною не ссужатца, и государевы денежные казны во всемъ остерегать, и къ сундукамъ и коробкамъ печатей не подпечатывать, и къ замкамъ ключей не прибирать“¹⁾.

Приведенныя обѣщанія брались съ поступающихъ въ сторожа и ихъ поручителей не безъ основанія. До насъ дошло наприѣмъ, извѣстіе о кражѣ изъ аптеки медикамента однимъ изъ служащихъ. Такъ 1682 г. аптекарь Григорьевъ доложилъ Никитѣ Ивановичу и Василію Осодоровичу Одоевскимъ, что „смотря оны въ Аптекарскомъ Приказѣ въ книгу травникъ, и подѣл де сего стоялъ дисциплиторъ Петръ Оабрищусъ, и ставъ де оны Петръ вынимать изъ кармана платокъ, и изъ того де платка вынала у него Петра склянка, и аптекарь де Оитрищусъ Григорьевъ тою разбитую склянку и по духу узнать, что де было въ той скляннѣ масло корице“²⁾. При допросѣ Оабрищусъ показалъ, что „изъ меншей казенки наливъ тайно масла корицнаго украсть, и укравъ хотѣлъ отнести къ себѣ на дворѣ“. Преступникъ не былъ наказанъ, его „для иноземства“ лишь удалили со службы, предварительно произведя обыскъ у него „въ сундукѣ и въ подголовкѣ“.

Большое вниманіе заслуживаютъ мѣропріятія московскаго правительства къ насажденію аптекъ въ провинціи.

Развитіе провинціальныхъ аптекъ тѣсно связано съ развитіемъ военной-полевой медицины. Изъ общей исторіи извѣстно, что Россія въ XVII в. представляла собою непрерывный военный лагерь, дѣйствовавшій на югѣ, востокѣ и западѣ. Военно-техническіе успѣхи нашихъ западныхъ сосѣдей заставили насъ преобразовать старую конницу изъ дѣтей боярскихъ въ драгунскіе и рейтарскіе полки, а стрѣльцовъ замѣнить солдатами. Войска, получившее иноземную выучку, не осталось безъ внутреннихъ пріобрѣтеній: прежняя система награды „на лечбу ранъ, на делье“ стала замѣняться организованной медицинскою помощью.

Немногочисленные вначалѣ полковые врачи лечили ратныхъ людей собственными лекарствами. Но къ половинѣ XVII ст. порядки этотъ измѣнились. Въ полки стали посылаться изъ Москвы или изъ провинціальныхъ аптекарскихъ складовъ цѣлые транспорты лекарствъ. Ответственность за нихъ лежала на команди-

¹⁾ Ibid, № 1671.

²⁾ Ibid, № 1633.

рахъ полкови, которые обязывались отчетностью. „И сколько какихъ лекарствъ въ расходъ выдать, велѣли бы записывать въ книги и тѣ книги за дьячею принесли присылали къ намъ къ Москвѣ.“ — наказывалось обыкновенно при посылкѣ медикаментовъ¹⁾.

Аптекарскіе матеріалы высылались по росписямъ, полученнымъ отъ врачей: „конхъ и сколько пристойно прихѣрясь къ прежнимъ отпускамъ“. Отпуска производились „съ кѣмъ пригоже“ и безъ всякаго промедленія, чтобы „лекарствъ для лечбѣ ратныхъ людей безопаснымъ не быть“. Стоимость одного транспорта обыкновенно не превышала ста одиннадцати рублей пятнадцати алтынъ. Такимъ образомъ возникли аптечки на-Дону, въ Астрахани, Вильнѣ, Новгородѣ, Кіевѣ, Пензѣ, Курскѣ, Псковѣ, Нѣжинѣ и другихъ мѣстахъ.

Не ограничиваясь нуждами военныхъ людей, Аптекарскій Приказъ сдѣлалъ попытку завести гражданскую аптеку въ Вологдѣ, которая во второй половинѣ XVII вѣка представлялась довольно бойкимъ торговымъ пунктомъ, болѣе бойкимъ, чѣмъ Новгородъ.

Въ 1675 г. къ вологодскому воеводѣ Осодору Александровичу Тышкевичу былъ посланъ указъ царя Алексѣя Михайловича, въ которомъ: „велѣно на Вологдѣ построить аптеку со всякимъ лекарствомъ и оные продавать всякимъ чиновъ ратнымъ и тамошнимъ людямъ противъ того, какъ продается нынѣ въ Москвѣ въ Новой Аптекѣ“. „Для заводу аптеки“ были назначены докторъ Петръ Пантанусъ, толмачъ Мартинъ Альбрехтъ, приказные, цѣловальники и сторожа²⁾.

Въ 1679 г. Осодоръ Алексѣевичъ указалъ лекарю иноземцу Артемію Назареву „продавати ему въ Казани всякіе лекарства тамошнимъ жителямъ, по цѣнѣ на сто да десять рублей на двадцать на семь алтынъ противъ росписи, какова ему Артемію дана изъ Аптекарского Приказу за дьячею принесли, а за тѣ лекарства, что въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ и насколько по цѣнѣ продано будетъ, присылать деньги къ Москвѣ въ Аптекарской Приказъ къ боярину ко князю Никитѣ Ивановичу да къ кравчему съ путемъ ко князю Василию Осодоровичу Одоескому, да дьяку къ Андрею Винису съ кѣмъ пригоже“³⁾. Всего

¹⁾ Матеріалы №№ 1039, 1041, и т. д.

²⁾ Матеріалы №№ 1349, 1308

³⁾ Ibid. № 1596.

всякихъ лекарствъ съ нимъ было послано „65 статей“. Но завести гражданскую аптеку Артемію Назарову не удалось. Изъ его челобитной, поданной въ 1681 г. узнаемъ, что онъ отправилъ медикаменты со своими учениками въ стругу по рѣкѣ Волгѣ, но „стругъ разбили на Рогѣ рѣкѣ въ Кривушанской Волошкѣ воровскіе русскіе люди и тое лекарство разбили жъ и много лекарствъ въ Волгу рѣку пометали и стругъ въ Волгу затопили“¹⁾.

Свѣдѣній объ операціяхъ вологодской и казанской аптекъ не сохранилось, къ сожалѣнію. На этомъ основаніи Рихтеръ даже сомнѣвается въ томъ, наиримѣръ, была ли дѣйствительно открыта вологодская аптека²⁾. Подозреваемъ, что отсутствіе свѣдѣній объ операціяхъ еще не даетъ основанія не признавать самаго факта существованія аптеки. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, какъ дѣйствовали аптеки въ Вологдѣ и другихъ мѣстахъ, заслуживаютъ большого вниманія сюды относящіеся факты для правильной оцѣнки мѣропріятій въ этомъ же направленіи послѣдующихъ вѣщепоселствъ. У насъ принято исторію аптечнаго дѣла начинать съ Петра Великаго, но едвали это оправдывается при ближайшемъ ознакомленіи съ относящимися къ этой области историческими матеріалами.

Петръ Великій сдѣлалъ попытку къ населенію военныхъ аптекъ. По указу 22 ноября 1701 года было приказано: „для всякихъ надобныхъ и потребныхъ лекарствъ быть на Москвѣ вновь осемь аптекамъ, и построить тѣ аптеки въ Китаѣ и въ Бѣломъ и въ Земляномъ городахъ, на большихъ проѣзжихъ и пространныхъ и многолюдныхъ улицахъ безъ всякаго утѣшенія, и держать и продавать въ тѣхъ аптекахъ всякія лекарства и лекарственные спирты и иные къ тому принадлежащіе потребные и цѣлительные напитки, а опрічь того въ царствующемъ градѣ Москвѣ впредъ инымъ вновь аптекамъ и зелейному ряду, что въ Китаѣ городѣ, также и по всѣмъ улицамъ и по перекресткамъ, лавкамъ, въ которыхъ продавали всякія непотребныя травы и зелья, будто вмѣсто лекарствъ, не быть, и тѣ по улицамъ и по перекресткамъ лавки все сломать и очистить“³⁾.

Что же касается другихъ городовъ, то несмотря на безпопечность покупки лекарствъ, монополію и широкія казенныя

¹⁾ Ibid. № 1619.

²⁾ Рихтеръ *op. cit.* т. II, стр. 274—275.

³⁾ Полн. Собр. Зак. т. IV, № 1879, стр. 177.

субсидии, въ нихъ аптеки возникали весьма медленно. Даже въ Петербургѣ первая вольная аптека была открыта только 29 января 1760, въ Калугѣ и Симбирскѣ—въ 1778 г., въ Перми въ 1786 г. и т. д. ¹⁾.

Остановливаясь на вѣншней сторонѣ мѣропріятій Петра Великаго, пожалуй, возможно подумать, что именно онъ создалъ у насъ аптечное дѣло. Но вотъ что по этому поводу пишетъ проф. Чистовичъ, одинъ изъ его усердныхъ апологетовъ: „При учрежденіи московскаго госпиталя и при заведеніи новыхъ вольныхъ аптекъ въ Москвѣ, какъ того желалъ Петръ Великій, существенное затрудненіе состояло въ томъ, что надобно было пріобрѣтать лекарственные вещества изъ отдаленныхъ заморскихъ странъ. Ничего у насъ не было своего“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ своего обширнаго изслѣдованія тотъ же авторъ добавляетъ: „Но мало того, что у насъ не было собственныхъ матеріаловъ, у насъ не было и стеклянной аптечной посуды, которая всегда почти выписывалась изъ Гамбурга. Только съ 1736 года посуда для аптекъ стала получаться съ Имбургскихъ и съ Кабинскихъ стеклянныхъ заводовъ отъ арендатора Вильгема Эльмала“ ³⁾.

Приведенныя замѣчанія правильно передаютъ дѣйствительное состояніе аптечнаго дѣла при Петрѣ I и въ позднѣйшее время, такъ какъ въ XVIII вѣкѣ—не сумѣли поддержать обширной системы, созданной въ теченіе предшествующаго столѣтія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Большая часть иноземныхъ врачей вызывалась изъ-за границы особыми царскими грамотами, адресованными къ разнымъ иноземнымъ государямъ. „Когда понадобится, говорится въ историческихъ памятникахъ, государю дохтуръ или обтекать, и государь о томъ пишетъ въ нѣмкеніе государетвы къ королямъ и владѣтелямъ, и присылають къ государю свидѣтельствоваанныхъ и вѣдомыхъ, и объ нихъ пишутъ извѣстно“.

Свидѣтельствоваанные и вѣдомые врачи привозили съ собою рекомендательныя грамоты, въ которыхъ писалось объ ихъ заслугахъ и учености.

Подобныя грамоты были представляемы: докторами Робертомъ Якобомъ и Маркомъ Ридлемъ отъ англійской королевы Елизаветы, Артеміемъ Діемъ—отъ англійскихъ королей Якова и Карла, докторами Чамберленомъ и Елметономъ отъ англійскаго короля Карла, Рейнеромъ Пау—отъ Генриха принца Оранскаго, Блюментростомъ—отъ курфюрста Саксонскаго, аптекаремъ Филиппомъ Бриотомъ—отъ короля Карлуса, докторомъ Андерсомъ—отъ датскаго короля Фридриха, докторомъ Григоріемъ Карбоваріемъ—отъ императора римскаго Леопольда ⁴⁾ и т. д.

Съ теченіемъ времени порядокъ пріисканія врачей существенно измѣнился. Въ XVI и началѣ XVII ст. врачи исключительно выписывались по рекомендаціямъ иноземныхъ вѣщеносцевъ, внослѣдствіи же приглашеніе ихъ поручается дипломатическимъ агентамъ и болѣе или менѣе надежнымъ медикамъ, уже извѣстнымъ своею службою въ Москвѣ.

Подъ конецъ XVII ст. за лекарями да окулистами посылали „съ Москвы за море въ Амбурхъ и въ иные нѣмецкіе города“ просто торговыхъ людей.

¹⁾ Проф. Н. Чистовичъ. Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. С.-Пб. 1883 г. стр. 579—80.

²⁾ *ibid.* стр. 591.

³⁾ *ibid.* стр. 593.

⁴⁾ Рихтеръ. Op. cit. т. I, стр. 398, 410 и т. II, прилож., стр. 3, 5, 7, 9, 55, 57, 63, 122, 128 и др.

Такъ Слѣте вызвалъ изъ Германіи 4 врачей, 4 аптекарей, 2 операторовъ, 8 цырульниковъ и 8 подлекарей¹⁾.

Нашъ дипломатическій агентъ Юрій Родіоновъ „въ Поренсѣ ввезъ на царское имя золотара, аптекаря да лекаря“²⁾. Еще раньше англійскій купецъ Чери отправилъ доктора Билеса³⁾.

Англійскій купецъ Ульянъ Ивановичъ Смитъ въ 1631 г. вывезъ изъ Англіи „обтекарскіе лекарства да съ нимъ два человека... да два лекаря Матвѣи Килфинъ, Елизарій Ролонтъ“⁴⁾.

Въ 1655 г. аптекарю Роману Ульянову при отпускѣ на родину въ Англію наказывалось „въ своей землѣ въ свое мѣсто призвать аптекаря добраго и аптекарескому дѣлу навичного, такова жѣ, каковъ онъ, Романъ“⁵⁾. Этотъ послѣдній прислалъ въ 1656 г. изъ Англіи Романа Беніана⁶⁾.

Въ 1656 г. былъ призванъ на царскую службу докторъ Андрей Энгельгардтъ торговымъ человекомъ Яганомъ фонъ Горномъ, которому было поручено „съ собою приговаривать дохтура ученаго человека, который бывать въ дохтурскихъ во многихъ наукахъ и дохтурству совершенно наученъ и свидѣтельствованъ“. Тотъ же фонъ Горнъ призвалъ въ 1656 г. доктора Юганна Кустеріуса⁷⁾.

Въ 1658 г. окулистъ Пвашко Малгорнъ былъ призванъ некоторымъ торговымъ человекомъ Петромъ Николаевымъ⁸⁾.

Въ 1658 г. марта 16-го царь Алексѣй Михайловичъ „указалъ торговому иностранцу Ивану Гебдону въ англійской землѣ призвать дохтура доброго и навичного; да ему жѣ Ивану указалъ государь прежняго аптекаря Романа Тіу“⁹⁾.

Въ 1666 г. полковникъ Афанасій Траурнихтъ привезъ съ собою изъ Франціи доктора Ивана Людвига¹⁰⁾.

Въ 1675 г. былъ „посланъ за море въ Амбурхъ и въ иные нѣмецкіе рѣни, для призванія въ Московское государство дох-

тура Андрѣи Энгельгарта да очного мастера, изъ Аптекарскаго Приказу алхимистъ Беніусъ Ганцъ Слансъ“¹⁾. Въ 1678 г. лекарю иностранному Виллиму Горстену „дѣйстви за моремъ призвать въ Московское Государство десяти или двѣнадцати человекъ лекарей да окулиста“²⁾. Свою миссію онъ выполнилъ удачно, пригласивъ изъ Гамбурга 7 врачей, изъ Лейпзига—2-хъ, и Риги—одного.

Въ 1688 г. изъ Саксоніи привезъ доктора Лаврентія Блюментроста настоярь Іоаннъ Гюорнтъ, специально посланный для прислания сукошныхъ мастеровъ и химиковъ³⁾.

Въ 1698 г. докторомъ Григоріемъ Карбонаріемъ были ввезены въ Москву изъ Вѣны докторъ Бенедиктъ Цоботъ и аптекарь Яганъ Нагель⁴⁾.

Опытъ вызова врачей, такъ сказанъ, окончился по причинѣ „числомъ побольше, нѣкого подоселенія“ былъ произведенъ въ 1698 году. Дѣтельными комиссарами въ этомъ случаѣ явились Осодоръ Алексѣевичъ Головинъ и Францъ Яковлевичъ Лефортъ. Главнѣйшій наборъ врачей они производили въ Амстердакт. На ихъ призванъ откликнулось 68 лекарей; изъ этого числа въ первую очередь было принято и отправлено на кораблѣхъ въ Архангельску 51 человекъ.

Изъ отправленныхъ нѣкоторые письменные документы о своей профессиональной дѣятельности представили только 31 человекъ, у остальныхъ же не оказалось никакихъ бумагъ, такъ что свѣдѣнія о нихъ почерпнуты были изъ ихъ собственныхъ показаній.

Принятые и вообще бывшіе о себѣ какія-либо свѣдѣнія 47 лекарей по національностямъ распредѣлились слѣдующимъ образомъ: 14 голландцевъ, 13 французовъ, 13 нѣмцевъ, 5 датчанъ, 1 итальянецъ и 1 испанецъ. Только двое изъ нихъ сообщали, что учились въ школахъ; остальные же обучались лекарскому искусству при практикующихъ лекаряхъ. По три года состояли лекарскими учениками 17 человекъ, а 5 изъ нихъ сверхъ того были „подмастерьями“ отъ 2 до 7 лѣтъ. Что касается практической опытности этихъ лекарей, то 5 человекъ практиковали

¹⁾ Карамзинъ. Исторія Государ. Рос. т. VIII, примѣчаніе 206.

²⁾ Писемники диплом. сношеній ср. Россіи съ иностр. держ. Спб. 1852 г. II, 1375.

³⁾ Гаммель. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII ст. Спб. 1869 г. стр. 185.

⁴⁾ Матеріалы по Исторіи медицины въ Россіи № 78.

⁵⁾ Тамъ матер. т. III, ч. II, стр. 48—50.

⁶⁾ *ibid.* стр. 52—53.

⁷⁾ *ibid.* т. I, стр. 124 и 158 и т. III, ч. II, стр. 50—51.

⁸⁾ *ibid.* т. I, стр. 126.

⁹⁾ Матер. № 795.

¹⁰⁾ *ib.* т. II, стр. 14.

¹⁾ *ibid.* т. III, ч. II, стр. 77—82.

²⁾ Матер. №№ 1156, 1158, 1160, 1195, 1620.

³⁾ Нашъ жд. т. III, ч. II, стр. 55—69.

⁴⁾ *ibidem* т. II, стр. 118.

не больше 2 летъ, 1—3½ года, 2 лекаря по 4 г., 4 л. по 5 летъ, 5 л. отъ 6 до 6½ летъ, 3 л. по 7 летъ, 1 л.—9 летъ и 5 лекарей 10 летъ и больше ¹).

Что касается непринятыхъ, то между ними преобладали лица безъ всякихъ документовъ и, по ихъ собственнымъ показаніямъ, мало учившіеся и мало практиковавшіеся. Кромѣ указанныхъ лекарей тогда же были приняты и другія лица, а именно: 7 аптекарей, англійскій докторъ Андросонъ, лекарь Крестыльнъ Винторъ и докторъ изъ Вены Христофоръ Бекеръ.

Свидѣній о специальной подготовкѣ и самостоятельной практикѣ лекарей, принятыхъ на службу, почерпнуты изъ ихъ собственныхъ показаній, поэтому слѣдуетъ считать эти свѣдѣнія, если не вполне соответствующими действительности, то во всякомъ случаѣ не преуменьшенными. И что же мы видимъ? Развѣ этотъ транспортъ лекарей можно считать въ научномъ отношеніи стоящимъ выше русскихъ специалистовъ, обучавшихся у насъ въ приказной школѣ и при лекаряхъ въ теченіе пятилѣтняго срока по крайней мѣрѣ.

Въ итоговѣ вышесказанныхъ лекарей никакъ нельзя видѣть какого-либо шага впередъ. Наоборотъ, это было со стороны Петра Великаго шагомъ назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, при вступленіи на престолъ онъ получилъ отъ предшествовавшего времени солидное наследіе въ области врачебнаго дѣла. Кромѣ вольнопрактикующихъ врачей, однихъ приказныхъ специалистовъ насчитывалось порядочное количество, именно: 27 апрѣля 1682 г. ему прислали на вѣрность 6 докторовъ, 4 аптекаря, 2 алхимиста, 5 иноземныхъ лекарей, 14 русскихъ лекарей, 27 лекарейскихъ учениковъ, костоправъ и 3 алхимистекаго и аптекарекаго дѣла ученика.

Имѣя въ своемъ распоряженіи такое количество учителей и учениковъ, а также почти тридцатилѣтнюю традицію подготовки лекарей изъ русскихъ, онъ могъ бы въ теченіе 17 летъ т. е. съ 1682 г. по 1698 г. подготовить значительные кадры врачебныхъ специалистовъ, если бы проявилъ болѣе энергіи на томъ самомъ пути, на который было направлено врачебное дѣло его предшественниками.

Да наконецъ, возможно сомнѣваться, была ли надобность въ выписываніи лекарей изъ заграницы въ 1698 г., когда за три

года до того подъ Азовъ безъ всякихъ затрудненій были снаряжены докторъ, 14 лекарей иноземцевъ и 3 аптекаря иноземца да 7 русскихъ лекарей, 10 лекарейскаго дѣла учениковъ, одинъ костоправъ и 2 ученика ²).

При наборѣ врачей въ 1698 г. не останавливались передъ тѣмъ, что многіе изъ нихъ не имѣли никакихъ письменныхъ доказательствъ ни своей прежней службы, ни вообще своихъ профессиональных познаній, а также были совершенно неизвѣстны мѣстнымъ людямъ. Насколько это было результатомъ пониженія требованій, предъявлявшихся до того къ врачамъ, можно судить потому, напримѣръ, что въ 1678 г. Виллму Горстену отпращиваемому въ нѣмецкіе города для приглашенія въ Москву врачебнаго персонала, наказывалось «прощивать наирѣнко со всякимъ прилежаніемъ, *тайно*, добрыхъ лекарей, которые у курфюрста были мастера искусные, и въ полкахъ и на корабляхъ бывающіе, и которые всякому лекарскому дѣлу, что доброму лекарю и окулисту знать надобно, были искусны, и у которыхъ есть *добрыя письменныя свидѣтельства и скоронныя люди о томъ также свидѣтельствовать будуще*» ³).

Ѣхавъ въ Россію иностранные медики, разсчитывая на милости, о которыхъ старательно распускало слухъ московское правительство. Извѣстно, напримѣръ, что въ наказѣ Бориса Годунова Роману Бекману, выдвинутому въ 1600 г. къ Любеку для приглашенія докторовъ, говорилось: «и сказывать про царское жалованье, что великій государь царь и великій князь Борисъ Осодоровичъ всея Руси его (доктора) покажетъ по достоинству своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ, и во всемъ ему будетъ повольность прѣхать и отѣхать, вольно безъ всякаго задержанья» ⁴).

Нѣкоторые врачи, не имѣя ни свидѣтельствующихъ грамотъ отъ другихъ государей, ни свидѣтельствъ «за руками всею коллегією дохтуровъ», а просто лишь слышавшіеся «про великое жалованье къ дохторамъ и къ лекаремъ и къ ученымъ людямъ» или какъ говорится въ другихъ источникахъ, слыша, «что великій князь Московскій ахочъ къ ученымъ людямъ, и ученыхъ людей и дохтуровъ лечебныхъ любить» выезжали въ Россію на

¹ Блж. ст. сб. № 1415 т. 23—27, 63—64, 71—72, 108—110.

² Матеріалы № 1458.

³ Рус. истор. биб. СПб. 1884 г. т. 8, стр. 87.

⁴ Ibidem т. II, стр. 86—117.

своей страхи, безъ всякаго вызова. Такихъ отъявленныхъ искателей счастья съ 1624 г. по 1627 г. было три: Матиасъ Даміусъ и Доминикъ Кауфманъ прибыли изъ Голландіи, а фонъ Даленъ—судимъ путемъ отъ Шведской границы ¹⁾.

Доминикъ Кауфманъ такъ сильно рассчитывалъ на царскія милости къ ученымъ, что захватилъ съ собою жену и какого-то аптекаря Георга Кризея ²⁾. Обоимъ было велѣно оставить Архангельскъ, тамъ какъ они „люди невѣдомые, и свидѣтельствовавшихся у нихъ грамотъ, и объ нихъ ни отколѣ Царскому Величеству извѣста нѣтъ“.

Вообще кажется эти выходцы изъ Голландіи были шарлатаны не лучше своего предшественника и соотечественника Киврина фонъ Бремборга ³⁾, который также безъ приглашенія и также изъ Голландіи пріѣхалъ въ Россію въ 1626 г. и прославился хвастовствомъ и отсутствіемъ всякаго чувства профессиональной чести. Бремборгъ просилъ государя дозволить ему исправлять обязанности доктора, хирурга и аптекаря. Онъ утѣрлялъ, что лечитъ лекарствами собственнаго изобрѣтенія, что онъ излечиваетъ такіа болѣзни, о которыхъ ничего неизвѣстно со временъ Гиппократа и о которыхъ не имѣютъ понятія самые ученые и опытные медики. Онъ вообще съ пренебреженіемъ отзывался о докторахъ и называлъ обманщиками даже лейденскихъ профессоровъ, которые раздаютъ дипломы за деньги. Эгоизмъ хвастуны вскорѣ по принятіи на царскую службу былъ высланъ изъ предѣловъ Россіи.

Немного нарочетъ профессиональной гордости обнаружилось и въ просьбѣ Кауфмана, писавшаго царю, что онъ согласенъ на другую службу кромѣ врачебной, какъ-то: „дорога ставить и острожки великими крѣпостями укрѣпляти, и воду подъ городъ и въ городъ проводить“ ⁴⁾. Чтобы оцѣнить служебную неразборчивость Кауфмана, припомнимъ, что, когда „доктору Валентину Вильсу велѣно было въ дохтурѣхъ не быть, а служить ему (другую) государеву службу“, то онъ отвѣчалъ, „что ему въ службѣ быть нельзя, для того что въ высокой школѣ свидѣтельствоваанные дохтуры ко кресту привели его на томъ, что ему быти въ дох-

турѣхъ и дохтурства своего не отбыть до своей смерти, а въ иномъ ни въ какомъ чину не быти“ ¹⁾.

Случалось иногда что рекомендованный врачъ возбуждалъ какія нибудь подозрѣнія. Тогда наряжался цѣлый следственный комитетъ, съ настойчивой подозрительностью разбиравшій бумаги и патенты врача, рекомендательныя грамоты отъ коронованныхъ особъ, наконецъ „даже всякую рухлядь лекарскую“ и профессиональныя познанія. Такъ, напримѣръ, было съ докторомъ Вилісомъ, присланнымъ въ 1599 г. англійской королевой Елизаветой, которая дала ему нѣкоторыя политическія порученія. Последнее обстоятельство возбудило недоверіе къ врачу-дипломату и печатнику Василию Щенкалову было поручено произвести допросъ.

Внимательно осмотрѣвъ письма, которыя „лишерель вѣтъ“ Вилісъ, узнавъ „хто послалъ и хто писалъ“, печатники и посольскій дѣлецъ Василій спросилъ его: „сказываешся ты докторъ, и грамота у тебя Елизаветъ королевина дохторская и книги дохторскія и лечебныя и зелье, съ тобою есть ли? и каіе немочи знаешь и почему у человека какову немочь опознаешь?, почему тебѣ у человека безъ книгъ какая немочь можно познати: по водамъ ли или по жиламъ?“. И докторъ Вилісъ отвѣтилъ: „немочь въ человекѣ всякую можно безъ книгъ разумомъ знати по водамъ, а которая будетъ въ человекѣ *иліакия* болѣзнь, ино си и по жиламъ можно познати; а лечебная книга со мною есть же, а старая книга—у меня въ головѣ“.

Не только эти объясненія, но и тѣ, которыя давалъ Вилісъ черезъ день (25 сентября) въ Посольскомъ приказѣ не удовлетворили Щенкалова „и докторъ Вилісъ отъ царскаго величества отпущенъ безъ грамоты и безъ отвѣту: да и потому сказывался докторъ Вилісъ, что его къ царскому величеству прислала королева для дохторскаго дѣла, а книгъ съ нимъ дохторскихъ и травъ лечебныхъ ничего не было“ ²⁾. Московскіе цари настолько были „ахочи къ ученымъ людямъ“, что даже непринятые на службу врачи награждались подарками и подъемными деньгами ³⁾.

Врачи въѣзжали въ Россію различными путями. Одни черезъ Архангельскъ, другіе—черезъ Новгородъ. Первый путь былъ

¹⁾ Рихтеръ. Ист. мед. т. II, 94.

²⁾ Тамъ же II, 98.

³⁾ Тамъ же II, 39.

⁴⁾ Тамъ же 97.

¹⁾ Матеріалы № 179.

²⁾ Сборн. рус. Ист. Мед. Общ. т. 38, стр. 271 и 290.

³⁾ Рус. Ист. Библ. т. VIII, стр. 192 и 193.

ниболѣе удобенъ. Изъ Архангельска до Москвы приходилось ѣхать не болѣе 13-ти дней. Вторымъ путемъ можно было прѣѣхать скорѣе: дней за 6—7 при обыкновенныхъ условіяхъ. Но тутъ сношенія мѣшали сильно поляки, шведы, и разныя шайки бродягъ, такъ что не даромъ Вильсъ говорилъ: „насъ, докторовъ къ Москвѣ никуда не пропускаютъ“.

Въ Москву выѣзжали иностранцы либо на извѣстный срокъ, указанный въ договорѣ, либо на неопредѣленное время. Напримеръ, изъ приглашенныхъ въ 1679 г. лекари Юрій Эисентъ, Александръ Квилсентъ и Андрей Бекеръ обязались служить три года, а лекари Адольфъ Екимовъ, Бастьянъ Резлеръ, Ефимъ Эсендорфъ, Яганъ Фридрихъ Лагусъ, Родольфъ Оттереонъ, Вольдемаръ Крестьянусъ и Отто Эймерсъ уговорились служить только два года¹⁾. Въ большинствѣ случаевъ московское правительство не связывало себя сроками, сохраняя за собою право уволить медика, когда это будетъ необходимо.

Приглашая специалистовъ, московское правительство всегда давало обѣщаніе: „да буде ты (имя рекъ) послужа намъ, великому государю, похочешь ѣхать назадъ въ свою землю, и тебѣ ѣхать будетъ вольно со всеми животы, а задержанія тебѣ никакова не будетъ.“

При выѣздѣ въ Россію безпримѣнительность передвиженія обезпечивалась заранее данными „онашими“ грамотами, а „на ступекъ“ московская администрація выдавала „свидѣтельствовавшия“ грамоты и „проѣзжія“.

Въ свидѣтельствовавшихся грамотахъ московские царя удостовѣряли службу и личныя качества выѣзжавшаго врача и обращались ко всемъ иностраннымъ властямъ съ просьбой ради международной солидарности не чинить препятствій обладателю грамоты. Последнее выражалось слѣдующими стереотипными фразами: „И въ которое государство тотъ (имя рекъ) прѣдетъ, и великимъ государемъ, королевемъ, куронстромъ, и архикняземъ, и граомъ, и волиныхъ городовъ бурмистромъ, и ритманомъ, и полатинкамъ для нашего ц. в. велѣти его пропустить безъ задержанія“.

Образомъ свидѣтельствовавшей грамоты пространный форма можетъ служить грамота, данная доктору Христофору Бекеру въ

1698 году. Въ ней писалось: „Божьею милостию мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь и великій князь Петръ Алексѣевичъ (т.) наше царское величество пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государемъ царскому величеству, любительнѣйшимъ братіямъ и друзьямъ нашимъ здравія и благословенныхъ поведеній, непрестаннаго и всегдашняго приращенія, такожде де всемъ вочче и коемуждо особно свѣтлѣйшимъ електоромъ и инымъ принципамъ, рѣчамъ посполитымъ и ихъ правителямъ духовнымъ и мирскимъ, архиепископомъ, епископомъ, князямъ, генераломъ, воеводамъ, марграфомъ, граомъ, канцеляромъ, а въ войскахъ гетманомъ, полковникомъ и инымъ начальнымъ людямъ, барономъ и старостамъ, воиномъ, шляхтѣ, подвластнымъ начальникомъ, президентомъ, комедантомъ, капитаномъ, намѣстникамъ, вице-коммисаромъ, губернаторомъ, ротмистромъ, хоронжимъ, предводителемъ и властителемъ, и городовъ, и селъ, и какихъ ни есть мѣсть и обществъ правителямъ, бурмистромъ, а на морѣ адмираломъ и вицеадмираломъ и прочимъ начальникамъ, и полнымъ должникомъ морскимъ, а пристанищъ, мостовъ и переправъ возникъ стражамъ и инымъ, которые востанцею грамотою употреблены будутъ, какова ни есть состоянія степеней, уряду, чина, достоинства или преимущества суть благоволенія и всякое благо объявляемъ. Но нашему царскому величеству указу отущенъ въ нѣмецкіе государства дворовой нашъ дохтуръ Христоооръ Бекеръ для нѣкоторыхъ дохтурскихъ употребленій, и какъ онъ изъ которое государство или въ волные города прѣдетъ, и пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государемъ царскому величеству римскому и королевскимъ величествамъ, любительнѣйшимъ братіямъ и друзьямъ нашимъ, такожде всемъ вочче и коемуждо особно свѣтлѣйшимъ електорамъ и инымъ принципамъ, рѣчамъ посполитымъ и ихъ правителямъ духовнымъ и мирскимъ князямъ, генераломъ и адмираломъ, и вышенонимянованнымъ, какова ни есть состоянія, степеней, уряду, чина и достоинства или преимущества, велѣти ево Христооора со всеми при немъ будущими людьми ево, которые съ собою имѣть будутъ, сухимъ и воинымъ путемъ, какъ туды ѣдучего и назадъ въ государство наше возвращающагося, *пропустить безо всякаго препятствія и задержанія а и насъ съ государствомъ нашимъ своимъ людямъ нашимъ царскому величеству благоволеніемъ и милостию потому что обязано будетъ*. Нисанъ государства нашего во дворѣ въ Царствующемъ

¹⁾ Магэр. № 1620

величьем градѣ Москвѣ глѣта отъ созданія мира 7207 г. мѣсяца оубраия 4 дня государствованія нашего 17 г.“¹⁾

О внѣшнемъ видѣ грамоты можно судить по слѣдующей припискѣ: „Такова великаго государя бѣлая грамота писана на александрийскомъ *среднемъ листу, застолца съ фигуры и великаго государя иманованіе и титло по „московскій“ пресвѣтлѣйшимъ ч. державнѣйшимъ по „также“ въ двухъ мѣстахъ писано золотомъ, а месть тѣмъ и дѣло писано чернилы. Писать въ листъ подъячей Василей Степановъ да подъ нею списокъ по пѣмецки, писать тотъ списокъ переводчикъ Иванъ Орѣшникъ; запечатана *среднею печатью* подъ гладкою кустодіею“.*

Внѣшній видъ грамотъ не всегда быть одинъ и тотъ же.

Такъ на грамотѣ, выданной въ 1652 г. лекарю Елизарію Ролуну на „Александрийскомъ *среднемъ листу кайма, Божество и государево имя по „владимирскою“ писано золотомъ, печать государственная отворочена* на красномъ воску подъ кустодіею, *безъ оцѣны приписи“* 2).

Грамота, выданная въ 1655 г. аптекарю Роману Тиу написана на *среднемъ листу „съ каймою безъ оцѣны. Писанное слово и государево иманованіе писано золотомъ безъ оцѣны приписи. Печать божіая подъ гладкою кустодіею“* 3).

Въ 1672 г. бакалавру медицины Оонъ Гадену была выдана грамота „бѣлая писана на *среднемъ александрийскомъ листу, кайма и оцѣны, и Божество милостиво и великаго государя иманованіе по „многилъ“ писано золотомъ, а дѣло чернилы. Запечатана государственною *малою* печатью подъ кустодіею гладкою“* 4).

Грамоты, выданныя Вилему Горшину въ 1681 г. и Ягану Зеттегау въ 1683 г., были написаны на александрийскомъ *меньшомъ листу*, причемъ вторая грамота была запечатана „воронкою печатью, поднися позади дѣльца“.

Грамота 1683 г. представляетъ въ томъ отношеніи интересъ, что на ней имѣется подписи дѣльца. Въ другихъ грамотахъ, какъ мы видѣли, такой подписи нѣтъ и этого требовали приказныя формальности. Такъ о грамотѣ, выданной въ 1642 г. доктору

¹⁾ Наши матер. т. II, стр. 116—117.

²⁾ Наши матер. т. II, стр. 222.

³⁾ Ibidem т. III, ч. II, стр. 50.

⁴⁾ Наши матер. т. II, стр. 67.

Венделинусу Сибелисту говорится: „Бѣлая грамота написана на Александрийскомъ на *среднемъ листу, кайма съ оцѣны, и Божество милостиво и государево иманованіе по „Владимирскою“ писано золотомъ, а послѣ того все писано чернилы, запечатана отворчатою печатью, печать государственная божіая на красномъ воску подъ кустодіею, а дѣльцы поднися у грамоты правъ, потому что у такихъ грамотъ приписи оцѣны и оцѣны подъяческой не бывають* 1).

Чѣмъ больше было въ грамотѣ писемъ золотомъ, чѣмъ крупнѣе были форматъ бумаги или образецъ печати, чѣмъ больше было фигуръ, чѣмъ грамота считалась болѣе торжественной.

„Проѣзжая“ грамота предназначалась до рубежа, внутри государства, а иногда и для обратнаго возвращенія.

Центральнымъ пунктомъ ея содержанія было: „Отъ Москвы по городамъ до Переяславля Залѣскаго, и до Ростова, и до Ярославля, и до Вологды, и до Устюга Великаго, и до Колмогоръ, и до Архангельскаго города воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ... (имя рѣкъ) велѣти пустити зарубежъ, на которое мѣсто онъ нехочетъ, а русскихъ людей и московскихъ служилыхъ и торговыхъ пѣмецъ и иныхъ иноземцовъ... съ нимъ никого не отпускатъ“.

При другомъ направленіи отъѣзда грамота писалась „отъ Москвы до Клину, и до Твери, и до Торжку, и до великаго Новгорода и до Пскова“. Писались „проѣзжая“ и на Смоленскъ 2).

О каждомъ ожидаемомъ пріѣздѣ лица вѣселаго персонала писалось въ пограничныя города воеводѣ, чтобы онъ позаботился о дальнѣйшемъ проѣздѣ: провозатыхъ, кормахъ и подводяхъ. „Вѣдомое учинилось, писали въ этихъ случаяхъ воеводамъ архангельскимъ, Государю Царю и Вели. Кн., что изъ за моря, изъ англійской земли, къ Архангельскому городу пріѣхаетъ *изъ аглинской*

¹⁾ Наши матер. т. II, стр. 205. Вопросъ о формѣ печати и характерѣ писемъ имѣетъ большое значеніе для науки объ актахъ, такъ называемой дипломатики. Первая указанія въ этомъ отношеніи находимъ у Котошихина въ его сочиненіи „уже интродуцированномъ: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ Спб. 1859 г. Глава III, стр. 29—32. Зѣль подробно указываетъ въ какихъ случаяхъ какого формата употребляется печать и бумага, а также какія части текста пишутся золотомъ и какія чернилами, и въ какихъ случаяхъ употребляются „цѣлы“ или означеніе свободныхъ полей.

²⁾ Ibidem т. III, ч. II, стр. 44—51, 55—69, 67—70, 77—84; т. II, стр. 84, 85, 182, 204, 209 также Рус. ист. библ. т. 8, стр. 326—328.

земли Государю служить обтекаръ. И по Государеву Цареву и Вел. Кн. Михаилу Федоровичу всея Руссии указу дьякомъ Боиму Болтину да Дементью Образцову велѣти воеводамъ къ Архангельскому городу послать Государеву грамоту, а велѣти ихъ обтекарскіе запасы и обтекаря англинсково прислати къ Москвѣ... и подводы подъ него обтекаря велѣти дати какъ обтекарю мощно поднята ¹⁾).

Если же о приѣзжѣмъ никакихъ приказаній предварительно не получалось, то онъ задерживался воеводой. „А безъ твоего Государева указа, писать воевода въ донесеніи въ Москву, къ Москвѣ ѣздить не велѣно“. О тѣхъ же, которые были извѣстны и ожидалась, свѣдѣнія посылались въ Посольскій Приказъ... „не доѣзжая Москвы, съ послѣдняго стану“, или „не доѣхавъ до Москвы за пятнадцать верстъ“, или „съ подхожего стану“ ²⁾).

Призываемые изъ заграницы врачи приѣзжали въ Москву съ семействами и съ большимъ числомъ прислуги. Такъ въ 1639 г. Рейниръ Пау приѣхалъ съ женою, тремя дѣтьми, племянницей и одной прислугой женской. Въ 1640 г. докторъ Гартманъ Грамонъ съ женою, свояченицей и 8 прислугами; въ 1642 г. докторъ Венделинъ Сибелистъ—съ женою, дочерью, племянникомъ, и 1 прислугой женской и 4 мужскими; въ 1643 г. докторъ Яганъ Белау приѣхалъ съ женою, дочерью, племянникомъ, 2 женскими и 4 мужскими прислугами. Въ 1667 г. при докторѣ Яганѣ Кустеріусѣ прибыли: жена, 5 сыновей, дочь, дѣтскій учитель, хранитель лекарствъ, 3 женскихъ прислуги и 2 мужскихъ ³⁾).

Въ пути врачи и всѣ члены ихъ семействъ получали кормовое довольство. Рейниръ Пау получалъ 8 алтынъ въ день, а люди его по 6 денегъ. Михаилу Грамону было указано „дать кормъ примѣняясь къ другимъ иноземцамъ или противъ полковниковы статьи“. Ягану Кустеріусу было повелѣно давать кормъ „противъ прежнихъ дохтуровъ или противъ полковниковъ“ ⁴⁾). Для передвиженія давались подводы и телѣги „на чемъ мощно подняться и приѣхать къ Москвѣ“ ⁵⁾).

¹⁾ Матеріалы № 41.

²⁾ Рус. ист. библ. т. 8 стр. 260; Наши матер. т. II, стр. 188, 192; т. III, ч. II, стр. 51.

³⁾ Наши матер. т. II, стр. 209, 210, 211—80; т. I стр. 158.

⁴⁾ Ibidem т. II, стр. 190 и 213; т. I стр. 93, 123 и 124.

⁵⁾ Ibidem т. I стр. 94, 124; т. II стр. 71.

Кормы и подводы назначались сообразно съ важностью и извѣстностью, а также по рангу; болѣе извѣстнымъ докторамъ отпускатось больше; лекари получали меньше докторовъ; аптекари немного болѣе лекарей. Проводники назначались отчасти въ знакъ почета и уваженія, отчасти ради безопасности. Такъ, въ 1633 г. доктору Сибелисту дали пять стрѣльцовъ „до Торжку“ а „до послѣдняго стану“ пристава Ивана Пустошкина ¹⁾.—Еще раньше, въ 1628 г. былъ отправленъ Аптекарскаго Приказа переводчикъ, „а для провожанія послали „пятидесятника стрѣлца Бориса Яковлева“ ²⁾.

Можно думать, что московское правительство принимало на себя путевыя издержки не только отъ пограничныхъ городовъ до Москвы, но даже и тѣ расходы, которые вызываемы для медицинскаго дѣла иностранцы дѣлами до русской границы „за моремъ“.

Подтвержденіе этого находимъ въ опасной грамотѣ, данной Касперу Фидлеру, въ которой читаемъ: „а ѣхать бы еси къ Нашему Царскому Величеству до нашеи вотчины до Пскова на наемныхъ подводахъ, и на кормъ денегъ себѣ занявъ; а какъ доѣдешь до Пскова, и тотъ долгъ и намъ, что тебѣ дати за провозъ, велѣли есмя *заплатити изъ нашеи казны*, а ото Пскова до царствующаго нашего града Москвы велѣли есмя тебѣ и твоимъ людямъ, которые будутъ съ тобою, давати кормъ доволѣть и подводы“ ³⁾.

Позднѣе, въ 1678 г. въ Аптекарскомъ Приказѣ были выданы 450 руб. „тѣмъ призывнымъ лекаремъ за протори жъ и за харчи, и за проѣздъ—чѣмъ имъ до московскаго государства доѣхать“ ⁴⁾. Лекарю Вилиму Горстену, котораго отправлялся „за море въ разные нѣмецкіе города для призванія въ службу Великаго Государя добрыхъ лекарей“ наказывалось „дать тѣмъ лекаремъ денегъ на ихъ протори и чѣмъ имъ въ московское государство выѣхать“ ⁵⁾.

Самое вознагражденіе за выѣздъ, столь обычное, въ то время, было ничѣмъ инымъ, какъ дополнительнымъ вознагражденіемъ со стороны московскаго правительства за расходы „до рубежа“.

¹⁾ Рус. ист. библ. т. 8 стр. 259 и Наши матер. т. II, стр. 206.

²⁾ Ibidem стр. 254.

³⁾ Собр. Государ. грам. и доверг. т. 2, стр. 158 № 75.

⁴⁾ Матер. № 1453.

⁵⁾ Ibidem № 1458 и 1599.

За выдѣлъ обыкновенно давалось отъ 40 до 70 руб. денегъ, по 1 или 2 куска бархату, атласу и камки, 2 куска лундыша и по 40 соболей цѣною въ 30—40 рублей.

Доктора Сибелистъ Белау, Томасъ Вильсонъ и Гартманусъ Грамонтъ получили, напримѣръ по 2 куска бархату, атласъ гладкой, двѣ камки куфтери, два сукна багренъ да лундышъ, 40 соболей въ 40 рублей, денегъ 70 рублей¹⁾.

Поздѣе, въ 1667 и 1668 г. стали давать „бархату гладкаго 10 аршинъ, атласу гладкаго 10 арш., камки куфтеру 10 арш., сукно багренъ, сукно лундышъ, 40 соболей въ 45 руб., денегъ 70 руб.—да еще кубокъ серебряный золоченъ съ кровлею въ двѣ гривенки съ золотниками“. Такъ получили Самуилъ Коллинсъ, Кустеріусъ фонъ-Розенбургъ, Лефентій Блюментростъ, Андерсонъ и другіе²⁾.

Кромѣ кубка, матерій и денегъ выдавалось еще различное питье въ различныхъ количествахъ, выдавался также хлѣбъ и мясное да „на мелкое гривна“.

Напримѣръ, въ 1666 и 1667 г. доктора Яганъ Людвигъ и Яганъ Кустеріусъ получили: „Питья—кружка пива бодрскаго, 2 кружки романенъ, 2 кружки ренского, 2 круж. меду вишневаго, 2 кружки меду малиноваго, 2 кружки меду обарнаго съ варомъ, ведро меду паточнаго, ведро меду цезенного, 4 ведра меду княжего, ведро пива поддѣльнаго, 2 ведра пива простаго добраго. Корму—калачъ крупичагой въ 2 лопатки, калачъ смесной. Изъ Большого Приходу—четверть стяга говядины, гусь, утка, заецъ, 2 тетерева, баранъ живой, 5 куровъ, 2 полтя ветчины, 6 гривенокъ масла коровья, 50 яицъ; на мелкое гривна“³⁾.

Вознагражденіе это принимало солидные размѣры, если мы припомнимъ, что иностранцы къ намъ прѣзжали часто съ семействомъ, а всегда съ болѣе или менѣе многочисленнымъ штатомъ прислуги, такъ какъ служить у „левѣрныхъ искренностихъ иноземцевъ“ по указамъ Оеодора Ивановича, Михаила Оеодоровича

¹⁾ Рихтеръ ср. сіт. т. II. Прибав. VII, XX, XXXIII и Наши матер. т. II, стр. 186—203; т. III, ч. II стр. 54.

²⁾ Наши матер. т. I и Рихтеръ ср. сіт. т. II, прибав. № VII, XIX, XXXVIII, XXXIX, XLIV.

³⁾ Наши матер. т. II стр. 54, 17, 18, 21, 29, 32, 63, 198, 203; т. III, ч. II стр. 67 и др.

и Алексѣя Михайловича запрещалось, „чтобы христіанскимъ душамъ оскверненій не было“⁴⁾.

Выдавалось вознагражденіе прислугѣ, получали его жена и дѣти новопрѣзжаго. Такъ по случаю прѣзда семьи доктора Сибелиста было дано: женѣ камки куфтеръ, тафты широкой, сукна лундышъ, 40 соболей въ 25 рублей; людемъ дохтуровымъ, чепрежъ челоуѣкамъ, лучшимъ, какъ-то: дворецкому его Гарлеву-ѣу Лидерусу, казначею Мартину Сибелисту, камернику Гасу и Никласу по сукну аглинскому, по 13 рублей дороги и по 8 рублей денегъ челоуѣку. Достапнымъ его челоуѣкамъ, какъ-то Ебергарду Демею, Мариндусу Сетору, Олдресу Шуху и Орлену Шуху по сукну аглинскому. Да по дорогамъ по 5 рублей денегъ челоуѣку. Да служанкамъ двумъ: Маргаретѣ комнатной, а другой поварешой по сукну аглинскому“⁵⁾.

Некоторые доктора выѣзжали болѣе семействомъ только, когда ужъ служба ихъ поправится, „чтобы помочь по жену и по дѣти“. Въ послѣднемъ случаѣ жены получали „опасныя“ грамоты, корма, подводы и проводниковъ по особымъ челоуѣкамъ, ихъ мужья, какъ было, полагали, съ женами Каспара Филлера и лекаря Матвея Андреева⁶⁾. Иногда высылался встрѣтить врача какойнибудь переводчикъ, какъ, напримѣръ, доктора Юза Павлиуса встрѣчалъ нѣмецкій переводчикъ Елисей Павловъ, а доктора Гартмана Грамана—Унрихъ Яковлевъ.

По прибытіи въ Москву каждый врачъ или аптекарь долженъ былъ немедленно явиться въ Посольскій приказъ, а потомъ въ Аптекарскій, гдѣ подвергался разспросамъ и испытанію: „сколько лѣтъ за моремъ дохтурской наукѣ училися, и въ какомъ государствѣ, и въ которыхъ земляхъ, и въ какомъ городѣ“ или „и гдѣ прежде сего бывали и насколько лѣтъ, воторой слушать уговоренъ быти и почему на хѣзять государева жалованья кому обѣщано, справясь съ договорными ихъ писмами и съ котораго чина государева жалованье имъ данъ по договору доведетца“. Иногда, не удовлетворяясь одними разспросами, приказывали лекаря свидѣтельствовать на дѣлѣ и дать ему раненныхъ людей лечить“⁷⁾.

⁴⁾ Писма къ Протестантамъ въ Россію стр. 325—6.

⁵⁾ Рихтеръ Ср. сіт. т. II, прибав. № VII.

⁶⁾ Рус. ист. библ. т. 8, стр. 98; арх. истор. т. III № 169.

⁷⁾ Матер. № 811, 1410, 1411, 1442, 1569 и др. Наши матер. т. II стр. 185.

Когда повопріизвій выдерживала всю строгость приказнаго испытанія, то брали „поручную запись противъ иныхъ ево братьи“ и приводили „къ вѣрѣ по чиновной книгѣ“, или „по новымъ крестоприводнымъ статьямъ“.

По общему правилу постѣ приведенія къ присягѣ великій государь „жаловалъ, велѣлъ дать своего Великаго Государя годового денежнаго жалованія и мѣсячныхъ кормовыхъ денегъ съ того числа, *какъ къ оной присягѣ, а не съ того числа, какъ вѣнциска помѣчена къ годовому жалованью*“¹⁾. Порядокъ этотъ имѣлъ нѣкоторый смыслъ, такъ какъ иногда со времени цѣлованія креста до указа о жалованьи проходило мѣсяцъ и болѣе. Иногда это правило измѣнялось особымъ соглашеніемъ, уговоромъ, по которому жалованье давалось съ того дня „какъ онъ (вратъ) будетъ на рубежѣ“²⁾.

Наиболѣе выдающіеся представители врачебнаго званія допускались къ аудіенціи съ Государемъ. Этой аудіенціи удостоились въ 1615 г. голландскій докторъ Валентинъ Вильсъ, въ 1617 г. голландскій докторъ Іевъ Нолдманусъ, въ 1621 г. англичанинъ Артемій Дій, въ 1634 г. голштинецъ Венделинусъ Сибелистъ, въ 1639 голландецъ Рейнаръ Пау, въ 1640 г. голштинецъ Гартманъ Грамонтъ, въ 1666 г. англичанинъ Томасъ Вилсъ, въ 1669 г. датчанинъ Нилсъ Андерсовъ и т. д.³⁾

Аудіенція у государя—не обычное явленіе, какъ думаетъ Германъ⁴⁾, а разрывалась только наиболѣе значительнымъ докторамъ. Пріемъ былъ очень торжественный и проишеходил по извѣстному этикету. Вотъ описаніе пріема, оказаннаго доктору Гартману Грамонту 4 сентября 1639 г.: „указалъ Государь Царь и Вел. Кн. Михаилъ Оеодоровичъ всея Россіи быти у себя Государя на пріѣздѣ голштинскіе земли дохтуру Гартману Грамонту. И того дни дохтуръ у Государя на пріѣздѣ былъ; а посланъ по него швейской переводчикъ Ульфъ Яковлевъ; а лошадь по него послана съ государевой конюшни. А пріѣхавъ въ городъ, дожидался государева выхода въ Посольскохъ приказѣ. А какъ про него думной діакъ Оеодоръ Лихачевъ сказалъ государю, и государь велѣлъ ему итти къ себѣ государю въ палату; и явилъ

его государю челомъ ударити думной діакъ Оеодоръ Лихачевъ, а молвель: вел. госуд., вел. госуд. царь и вел. кн. Михаилъ Оеодоровичъ всея Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ обладатель! голштинскіе земли дохтуръ Гартманъ Грамонтъ намъ великому государю служити по опасной грамотѣ И Государь пожаловалъ его къ рукѣ, и велѣлъ его спросити о здоровьѣ“.

Далѣе, по повелѣнію государя, дякъ говорилъ доктору: „пріѣхалъ еси къ намъ великому государю служити дохтурствомъ своимъ, поискавъ къ себѣ нашего царскаго жалованья. И мы Вел. Государь тебя похвалимъ, что ты нашего царскаго жалованья къ себѣ поискалъ, и ты бѣ Нашему Царскому Величеству служить и на Нашу Царскую милость и жалованье быть надеженъ. А мы Вел. Гос. ущемъ тебя держати въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованьи и въ призрѣнѣи“.

Постѣ этой рѣчи дякъ сообщалъ подробно все царское жалованье „на пріѣздѣ“, чѣмъ и заканчивалась аудіенція. Церемонія представленія государю оставалась во всѣхъ случаяхъ одна и та же, за исключеніемъ того, что смотря по времени года то была „послана съ государевы конюшни лошадь съ сѣдломъ“, какъ, напримѣръ, за Діемъ и Грамонтомъ, то „лошадь съ санями и съ мѣлѣдкомъ“, какъ за Валентиномъ Вильсомъ¹⁾.

По свидѣтельству Олсарія, иноземные медики пользовались полнымъ довѣріемъ обращавшихся къ нимъ лицъ, а другой писатель начала того же вѣка—Буссовъ въ очень яркихъ краскахъ представляетъ ихъ общественное положеніе. Онъ передаетъ, будто врачи были въ такой чести, что сами казались князьями и боярами²⁾. Въ этихъ свидѣтельствахъ очевидно нѣтъ ничего недостовернаго. Естественная близость докторовъ къ царю, мистическое преклоненіе передъ ихъ таинственными знаніями, наконецъ, блескъ матеріальнаго положенія—все это укрѣпляло ихъ авторитетъ и дѣйствовало на окружающихъ.

Что касается до матеріальной обезпеченности иноземныхъ докторовъ, то она прямо кажется баснословной.

Такъ Венделинусъ Сибелистъ, извѣстный врачъ-дипломатъ Михаила Оеодоровича, получалъ 250 руб. годоваго жалованья.

¹⁾ Ibidem, № 1297.

²⁾ Ibidem, № 1157.

³⁾ Наши матер. т. II, стр. 54, 63, 195—198, 203, 212.

⁴⁾ Германъ, Баварскіе и московскіе врачи. К. 1895 г., стр. 74.

¹⁾ Рус. истор. биб., т. 8, стр. 320—21; Рихтеръ т. II, прил. XIX.

²⁾ Олсарій, „Путешествіе“ стр. 202; Устряловъ „Описание служеб. о. Дмитрія самозванца“. Спб. 1831 г. ч. I, стр. 15—16.

да 72 руб. месячного корму—всего 1114 руб. в год. Если принять во внимание, что рубль конца первой половины XVII ст. был почти в 14 раз дешевле современного рубля, то окажется, что Сибелюсть получал свыше 15½ тыс. руб. Другой врач Царя Михаила, доктор Валентинъ Биласъ получал 200 руб. годового жалованья и 55 р. кормовых, т. е. 860 руб. в год или болѣе 10 000 руб. по нашему курсу.

Доктора Алексѣя Михайловича—Яганъ Белау и Артаманъ Грамантъ получали жалованья по 220 руб. и кормовых по 60 руб. в месяц, т. е. всего в год 940 руб. ¹⁾ Доктор Андрей Ингенгартъ и Яганъ Костерюсъ получали даже окладъ 250 руб. и корму месячного по 72 руб.) по 1114 руб. в год, т. е. почти 19 тысячъ рублей ²⁾.

Оклады докторовъ далеко превосходили размѣры жалованья всѣхъ выдающихся современныхъ имъ русскихъ государственныхъ дѣятелей. Такъ, напримѣръ, стольникъ Никита Ивановичъ Шереметевъ получалъ государева жалованья, денежнаго оклада всего 75 руб. в год; бояринъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ—400 руб.; бояринъ кн. Никита Ивановичъ Одоевскій—730 руб.; бояринъ кн. Яковъ Кудебетовичъ Черкасскій получалъ высшій въ то время окладъ—850 руб. ³⁾

И правда, оклады лицъ врачебнаго персонала были нѣсколько понижены къ концу XVII ст., когда усилилось предложеніе врачебнаго труда, но тѣмъ не менѣе они оставались очень большими.

По росписи на 1692 г. были определены слѣдующіе оклады жалованья и кормовыхъ: докторамъ Степану Оунгаданову, Лаврентію Блюментросту, Симону Зомеру, Ягану Гутменшу по 730 руб., докторамъ низшаго разряда: Захарію Оандергулсту и Андрею Келлерману—немного больше 200 рублей ⁴⁾.

Значительно меньшіе оклады получали лекари. По той же росписи 1692 г. имъ назначалось отъ 100 до 130 руб. в год; подлекари, русскіе лекари, рудометы, горнаниге и костоправнаго дѣла мастера получали отъ 20 до 50 рублей.

¹⁾ Тихтеръ т. II, стр. 2050; Матер. № 197, 211, 397.

²⁾ Ibidem. № 397; рубль второй половины XVII вѣка=17 руб. современныхъ.

³⁾ Баруховъ. Роль Шереметевыхъ т. VI, стр. 280.

⁴⁾ Записковскій, Наречіе Осодора Алексѣевича прилож. № 6.

Размѣры жалованья медицинскаго персонала опредѣлялись, какъ было уже замѣчено, взаимнымъ соглашеніемъ—„сговоромъ“—передъ поступленіемъ на службу. По истеченіи нѣкотораго времени дѣлались прибавки, но не иначе, какъ по челобитной. Прибавки шли въ строго мѣстническомъ порядкѣ. Вообще духъ мѣстничества былъ сильно развитъ среди представителей медицинскаго званія. Такъ, лекарь Иашперъ Баргеловъ въ 1645 г. былъ челомъ о прибавкѣ жалованья, указывая, что онъ „противъ своей брата и лекарей оскорбленъ“ ¹⁾. Въ 1663 г. лекарь Данило Оунгадановъ въ челобитной указывалъ: „...а которые государь моя брата лекари въ Аптекарскомъ Приказѣ служатъ и молодое меня и лекаремъ ученье, молодое же меня и тѣмъ лекаремъ твое государево жалованіе и мѣсячной кормъ идетъ большой; и я холоду твой передъ ними братьей своей оскорбленъ“... ²⁾.

Въ результатѣ челобитныхъ о прибавкахъ оклады увеличивались „въ версту“, „на примѣръ“, „противъ ихъ братьи“, „въ окладъ“ и т. д.

Кромѣ годового денежнаго жалованья и мѣсячнаго корма, размѣры которыхъ варіировали въ зависимости отъ личныхъ качествъ того или другого лица врачебнаго персонала, врачи и другіе спеціалисты получали еще дополнительное вознагражденіе по разнымъ случаямъ.

Такъ, въ 1654 г. 25 учениковъ, 4 голяма, пстоппикъ и 2 сторожа Аптекарскаго Приказа были пожалованы суммою „для Вяземскія службы“ ³⁾.

Въ 1660 г. Алексѣю Михайловичу „отворили жилищую“ и по этому поводу были даны доктору Андрею „кубокъ серебряной съ кровлею позолоченъ, вѣсу 2 гривенки 41 золотникъ, бархату червчатаго 10 аршинъ, казки куфтеру 10 арш., 40 соболей въ 100 руб.“. Лекарю Симону „ковшъ серебряной вѣсу полъ 2 гривенки, 10 арш. отласу, 40 соболей въ 20 рублей“.

Въ 1661 г. они же за провонусканіе Алексѣю Михайловичу получили: докторъ Андрей „кубокъ серебряной съ кровлею, позолоченъ, вѣсу 2 гривенки 25 золотниковъ, 10 арш. бархату, 10

¹⁾ Матер. № 213.

²⁾ Ibidem. № 357.

³⁾ Наши матер. т. II, стр. 2.

китѣ Акиннову за 1.900 руб. Андрей Ингелгартъ получилъ дворъ съ постройками на Тверской улицѣ, принадлежавшій ранѣе окольничему князю Семену Петровичу Лвову и оцѣнивавшійся въ огромную сумму—3 500 рублей по тогдашнему счету ¹⁾.

Въ 1664 г. докторъ Самуилъ Коллинсъ по прїѣздѣ въ Москву былъ поставленъ „на Бѣломъ городѣ на Кулишкахъ, на дворѣ гостиницы сотни Василія Колашникова“. По недѣли черезъ двѣ было указано „дохтура Самуила Коллинса поставить на Бѣломъ городѣ на Погономъ Прудѣ на дворѣ торговаго иноземца Петра Марселіса, а Петра Марселіса указать государь съ того двора выселить“. Вскорѣ Коллинсъ былъ помѣщенъ въ новомъ зданіи, купленномъ „въ Бѣломъ городѣ у Пузскихъ воротъ у торговаго иноземца у Артемія Артемьева, а за тотъ дворъ дано ему соболѣми 2.800 рублей“. На этотъ дворъ жилъ докторъ до выѣзда на родину и передъ выѣздомъ получилъ 205 р. 17 алтынъ 4 денги, затраченные имъ на ремонтъ зданія и возведеніе нѣкоторыхъ новыхъ построекъ ²⁾.

На дворѣ къ врачу назначался егоровъ. Кроме того, иногда давалась прислуга изъ нѣмцкихъ иноземцевъ. Такъ въ 1663 г. доктору Андрею Ингелгарту были даны „полоненники прусской земли нѣмчины Мартышко Токерскій да полякъ Петрушка Лещинскій“. Доктору Самуилу Коллинсу были даны въ 1661 г. Томаско Брускъ и въ 1665 г. английской земли иноземецъ Вильямко Перскъ ³⁾.

Во время денежнаго кризиса московское правительство обнужило большую заботливость объ иностранномъ врачебномъ персоналѣ.

Такъ 26 мая 1662 г., по указу Алексея Михайловича, доктору Симону Зюмеру изъ Приказу Большой Казны выдано 100 рублей серебряныхъ, потому что жалованье ему выдавалось мѣдными обезцѣвленными деньгами, а „хлѣбъ и всякій харчъ, и конскій кормъ дрова и все стало передъ прежнимъ вдесятеро и больше“. Въ тотъ же день другимъ указомъ было пожаловано доктору Андрею Ингелгарту 300 руб. „серебряныхъ денегъ“ въ отвѣтъ на челобитную доктора объ обмѣнѣ 600 рублей мѣд-

ныхъ на серебряные, нужные ему для расплаты съ торговыми иноземцами за товары. Государь пожаловалъ 300 рублей „безъ обмѣна“ ⁴⁾.

По указу 25 іюня 1662 г. Алексеи Михайловичъ повелѣлъ „для хлѣбные и всякіе дороговизны сверхъ мѣсячныхъ кормовъ, въ приказѣ, а не по окладу иноземцемъ—по двадцати пяти алтынъ на рубль, а русскимъ—по 16 алтынъ по 4 ден. на рубль...—до тѣхъ мѣстъ, какъ учнутъ имъ давать серебряные деньги“ ⁵⁾. Эта прибавка, повидимому, не рази распространялась на лишь медицинскаго персонала, почему они вскоре просили о примѣненіи къ нимъ указа 25 іюня. Государь повелѣлъ 10 ноября того же года прибавить имъ „до двадцати алтынъ по три денги на рубль“ ⁶⁾.

Докторъ Ингелгартъ въ челобитнѣ о прибавкѣ не отсталъ отъ своихъ товарищей, несмотря на недавнее солидное пособіе. Одновременно съ другими онъ былъ членомъ государя: „Прекраснѣе государь т. в. г. Олонецкаго Приказу дохтуромъ, какъ было все дешево, дано твое государево жалованье серебряными деньгами... А нынѣ, государь, хлѣбъ, и всякой харчъ, и дрова, и всякая обувь,—стало все дорого не въ мѣру и... въ нынѣшнюю и всякую дороговизну пропорциѣ тѣмъ твоимъ государевымъ жалованьемъ мѣдными деньгами стало велемень... вели, государь, мнѣ холоду твоему... жалованья мѣсячной кормъ, серебряными деньгами“ ⁷⁾. Въ отвѣтъ на челобитные послѣдовалъ указъ прибавить на рубль по 25 алтынъ.

Въ финансовомъ отношеніи слѣдуетъ признать серьезною льготою иноземныхъ медиковъ безпошлинный ввозъ изъ заграницы разныхъ питей и товаровъ.

Въ 1643 г. „подъ лекарства и подъ фунги и подъ заморскіе запасы отъ Архангельскаго города до Москвы“ доктору Еганусу Бѣлово было дано три подводы съ телегами, а доктору Артману Граману—семь ⁸⁾.

Въ 1668 г. было указано „дохтура Ягана Розенбурха заморскіе про домашній его обиходъ съѣстные и питейные запасы и

¹⁾ Ibidem № 1408.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 63, 72, 128, 141.

³⁾ Ibidem, I стр. 64 и 143.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 33, 35.

⁵⁾ Матер. № 301.

⁶⁾ Ibidem, № 313.

⁷⁾ Ibidem, № 312.

⁸⁾ Матер. № 233.

питье для перепуску всякихъ лекарственныхъ водокъ отъ Архангельскаго города отпустить къ прежнимъ такимъ отпускамъ къ Москвѣ, у Архангельскаго города на судиѣ, на которомъ поднять мочно до Вологды, а съ Вологды на подводахъ на сколькихъ поднять до Москвы мочно¹⁾.

Оказалось, что доктору было послано „загорскихъ питей 3 бочки подубереженныхъ, да бочку полуаринную ренскаго, да бочку полуаринную романей, двѣ бочки полуаринныхъ краснаго питья, погребенъ водки“. Пошлинъ за этотъ транспортъ слѣдовало 60 рублей, но докторъ билъ челомъ о сложеніи съ него пошлинъ.

Московская администрація давно привыкла къ тому, что иноземные медики, прикрываясь „лекарственными дѣлами“, широко пользовались беспошлинностью, и тѣмъ не менѣе на этотъ разъ были смущены, и въ Посольскомъ Приказѣ дьякъ Герасимъ Доктуровъ просилъ Розенбурга: „и онъ бы дохтуръ сказать вправду, тѣ питей въ-ль къ нему шли одному, или къ кому иному, и для чего тѣхъ питей привезено много, потому что напередъ сего къ прежнимъ дохтурамъ къ Москвѣ въ привозѣ такихъ питей много не бывало“. Конечно, пошлины были сложены, потому что врачъ подтвердилъ, что все напитки надобны ему одному „про свой обиходъ и лекарства“²⁾.

Въ 1670 г., по челобитію бакаларіуса медицины Стефана Оунгадена былъ посланъ въ Архангельскъ указъ „подъ лекарственные запасы отъ Архангельскаго города до Москвы подводы дать.. противъ прошлыхъ годовъ и.. пошлинъ у города имать не велѣли“³⁾.

Въ 1671 г. докторъ Розенбургъ „передъ иными не въ образецъ“ для перевозки рейнвейна получилъ 16 подводъ⁴⁾.

Что беспошлинность и ежегодность привоза загорскихъ товаровъ составляли обычное явленіе, на это указываетъ слѣдующее мѣсто совмѣстной челобитной Розенбурха и Оунгаданова отъ 1673 года: „высылаютъ къ намъ х. т. *по вся годы* изъ за моря къ Архангельскому городу аптекарскіе лекарства и домовые запасы, а по твоему великаго государя указу подѣ тѣ лекарства

по вся годы отъ Архангельскаго города до Вологды ямские подводы водянымъ путемъ, а съ Вологды до Москвы *по шестнадцати* подводъ“. То же подтверждается справками въ книгахъ Посольскаго Приказа, на основаніи чего и были отпущены подводы обоимъ докторамъ въ 1673 году¹⁾.

Въ 1674 г. доктору Ягану Розенбурху было доставлено черезъ Новгородъ „семь бочекъ большихъ, *пославъ* бочекъ среднихъ, *четыре* бочки малыхъ, да въ *одну* ящикахъ“²⁾.

Въ 1675 г. Оунгадановъ устроилъ беспошлинный въѣздъ зятинскѣ своему „евреянину Іудѣ Псаеву съ людьми“. Вообще Оунгадановъ былъ мастеръ устраивать беспошлинные въѣзды. Въ 1672 г. онъ выхлопоталъ беспошлинный проѣздъ изъ Вильны для своихъ людей Оски Кононова и Моисейки Назарова „съ рухлядью“; въ 1673 г. онъ получилъ указъ на беспошлинный пропускъ его матеріи „съ людьми и со всею ея пожитки“. Въ обоихъ случаяхъ, конечно, были даны и безплатныя подводы³⁾.

Въ 1698 г. была подана любопытная челобитная докторомъ Лаврентіемъ Блюментростомъ, въ которой онъ писалъ: посланы де къ нему изъ Амбурха лекарства, которыя положены въ одной бочкѣ да въ сундукѣ, и часть онъ, что тѣ лекарства о сіе время въ великій Новгородъ привезены, и... пожаловати бѣ ево велѣтъ тѣ лекарства ево, не разбивая въ сундукѣ и въ бочкѣ и не осматривая ихъ, отпустить... къ Москвѣ на подводахъ; *а тамо жинному и кабацкому оловъ того сундука и бочки съ лекарствамъ раскрывать и осматривать не велѣтъ, потому что если ли ихъ раскроютъ и разобьютъ, и тѣ лекарства и суды испортятся и пошатъ осмотру тѣ суды съ лекарствамъ вмѣстѣ имъ въ тѣ... будетъ не дѣлать“*⁴⁾.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ обычай жалованія подарками по случаю обращенія лицъ врачебнаго персонала въ православіе. Награждая за обращеніе, московское правительство, по справедливому замѣчанію проф. Дм. Цвѣтасва, не имѣло чамбренія стѣснять свободу вѣроисповѣданія иновѣрцевъ или принуждать ихъ къ переходу въ православіе. Выдача жалованья носила характеръ пособія, чтобы легче устроиться въ новой средѣ, такъ

¹⁾ Наши матер. т. II стр. 59—60.

²⁾ *ibidem* стр. 79.

³⁾ Рихтеръ *op. cit.* т. II, стр. 238.

¹⁾ Наши матер. т. III, ч. II, стр. 73.

²⁾ *ibidem* т. II, стр. 83.

³⁾ *ibidem* т. II стр. 76—78.

⁴⁾ *ibidem* стр. 58.

какъ обращенные должны были почитать съ прежними своими одноверцами всѣ связи и не только не разсчитывать на ихъ помощь, но еще ожидать отъ нихъ различныхъ притѣсненій¹⁾.

Совершенно вѣрно, подобную выдачу подарковъ нельзя иначе разсматривать, какъ простое пособие. Мы увидимъ ниже, что мещане пользовались многими преимуществами передъ своими соотечественниками и во всякомъ случаѣ полной свободой вѣроисповѣданія, такъ что подарки не могли имѣть значенія одного изъ средствъ свращенія. Кромѣ того, самыя суммы жалованія за крещеніе были незначительны, всего около 30 рублей. Столько по крайней мѣрѣ получали польскіе выходцы Харитонъ Семеничъ, Кирьянъ Степановъ, Симонъ Зомертъ, Юрій Макъ, Левъ Инчифинусъ, Артемій Назаровъ и другіе²⁾.

Такая сумма обыкновенно выдавалась „за кубокъ, и за соборъ, и за камку, и за платье“. Иногда „подначальное платье“ для принимающихъ крещеніе заготовлялось въ Казенномъ Приказѣ. По платью, сшитому въ 1667 г. для дѣтара Степана Тевлева и его жены, можно судить, что костюмы отличались большою роскошью, шились изъ лучшихъ матерій, отделывались золотымъ и серебромъ³⁾.

Принимавший православіе вмѣстѣ съ этимъ становился подданнымъ московскихъ царей и утрачивалъ право возвращенія на прежнюю родину. Поэтому-то входя въ интересы иноземцевъ, Михаилъ Осодоровичъ въ 1629 г. писалъ новгородскимъ воеводамъ: „которые изъ некрещенныхъ вѣмцевъ подхотятъ креститься въ нашу православную христіанскую вѣру греческаго закона, и тѣхъ бы велѣли крестить; а какъ ихъ крестятъ, и вы бы тѣхъ крещенныхъ вѣмцевъ въ свою землю отпускать не велѣли, а сказати бы имъ до крещенія, что имъ отпуску съ нашей стороны не будетъ“⁴⁾.

Нарушителей крестныхъ обѣщаній московское правительство строго наказывало. Не смотря на это бывали случаи, что иноземцы принимали крещеніе, получали подарки, а потомъ бросали службу и уходили. Одинъ изъ такихъ перебѣжчиковъ—Сенка Власовъ былъ наказанъ кнутомъ и отданъ въ солдаты, а съ му-

¹⁾ Рус. Вѣст. 1886 г. к. 8, стр. 337; кн. 10, стр. 668.

²⁾ Матер. № 649 и 744.

³⁾ Матер. т. II, стр. 8.

⁴⁾ Рус. Вѣст. 1886 г. кн. 8 стр. 516.

жика Ивана Штациника приказано было выкупать 50 руб. пени „за то, что Сенка, бѣснучи отъ государевы службы, жилъ у него Ивашки“¹⁾.

Издавна въ Москвѣ мы находимъ иновѣрческіе элементы. Не воздвигая на нихъ гоненій за вѣру, московское правительство различно относилось къ католицизму и протестантству, считая то и другое не одинаково опаснымъ для „греческаго закона“. Протестанты уже съ XVI ст. строили въ Москвѣ свои церкви и отправляли богослуженіе²⁾.

Но въ противоположность протестантскимъ пастырямъ и киркамъ, замѣчаетъ проф. Дм. Цѣтасъ, существовавшимъ въ Россіи постоянно, хотя и съ различными превратностями въ судьбѣ, католики при всемъ томъ, что не были стѣсняемы въ вѣрѣ, никогда, за исключеніемъ эпохи самозванцевъ, не получали позволенія имѣть ни костела, ни іезуитовъ, постѣ же междоусобицъ не допускались къ намъ и священники, даже было время, когда запрещалось въѣзжать въ Россію и простымъ мирянамъ католическаго вѣроисповѣданія³⁾. Дѣйствительно, католики занимали въ то время исключительное положеніе, къ тому были впрочемъ особыя историческія причины.

Во всякомъ случаѣ, „москвитяне, какъ писалъ Олеарій, терпѣть лишь всякаго рода вацій и вѣроисповѣданія, будь то лютеране, кальвинисты, армяне, татары, персы и турки... но папистовъ и жидовъ не могутъ охотно ни видѣть, ни слышать“⁴⁾.

Московское правительство всѣми силами старалось не принимать на службу католиковъ и не позволять имъ прѣзжать въ Россію.

Такъ, въ 1631 году англійскому голштиннику Александру Лесли поручено было набрать за границей всякихъ людей „противъ французскихъ людей и французанъ иныхъ, которые римскіе вѣры, односторонно не наймовать“⁵⁾.

Въ 1634 г. при заключеніи договора между Россіей и Голштиніей на свободный десятилѣтній прѣѣздъ въ Персію между прочимъ говорилось: „а римскія вѣры поповъ и учителей и ни-

¹⁾ Матеріалы № 1036.

²⁾ Олеарій, Путешествіе стр. 374.

³⁾ Цѣтасъ, Рус. Вѣст. 1887 г. кн. 12, стр. 2.

⁴⁾ Олеарій, Путешествіе ст. 369—74.

⁵⁾ Собр. Голш. грамотъ и договоровъ т. III, №№ 83—89.

какихъ латинскія вѣры съ собою имѣ въ Московское государство не привозити и тайно у себя не держати; а кто привезетъ и учнетъ держати тайно, и тѣхъ казнить смертию“.

Столь строгое отношеніе къ иудеямъ зависѣло отъ взглядовъ тогдашняго правительства на нихъ, какъ на болѣе энергичныхъ и болѣе фанатизированныхъ пропагандистовъ своего вѣроученія. Впрочемъ, свободы ихъ религіозныхъ убѣжденій не стѣсняли и все ограниченіе въ этомъ отношеніи выражалось тѣмъ, что разрѣшалось дѣлать по ихъ вѣрѣ совершать въ домахъ, а не въ костелахъ“.

Въ противоположность католицизму протестанство пользовалось полной свободой и даже некоторымъ покровительствомъ, что было достигнуто благодаря влиянію придворныхъ докторовъ Бомерлія, Якоба, Фидлера и Сибелиста.

Насколько искусно дѣйствовали доктора въ пользу протестантизма, можно судить, напримеръ, по челобитной Ягана Бедау, писавшаго въ 1643 г. по поводу загородной кирки: „а мы, холоны твои, дохтуры... всегда сходимся для богомолія далеко за городомъ за Фроловскии ворота, близко Земленого валу... а далѣ того намъ твоимъ парскимъ холономъ ѣздить изъ города невозможно, того ради, что *по всякъ часъ рано и поздно готовымъ быть для обсерванціи твоего царскаго многотысячного здоровья, безостановно, и для всякаго времени отлучиться нельзя*“¹⁾. Естественно, что такъ поставленный вопросъ разрѣшился въ пользу челобитчика и по царскому указу было отведено изъ огорода Никиты Юзина особый участокъ „гдѣ имъ съѣзжаться для богомолія по ихъ вѣрѣ“²⁾.

Кромѣ религіозной свободы иноземные медики имѣли еще одно серьезное преимущество—это право судиться особымъ судомъ въ Аптекарскомъ Приказѣ.

Въ 1631 г. лекаръ Касперъ Давыдовъ искалъ здѣсь 70 рублей съ Микитки Михайлова, тиглена новгородской сотни³⁾.

Съ 1644 г. докторъ Вейделингуль Сибелистъ искалъ на иноземца Ивана Гессенца за безчестье жены и дочери⁴⁾.

¹⁾ Матер. № 212, акт. вел. г. III, № 225.

²⁾ Собран. Госуд. прав. и договор. г. III, № 116.

³⁾ Матер. № 59.

⁴⁾ Ibidem № 184.

Въ 1646 г. лекаръ Елизарій Ролантъ вель тяжбѣ съ иноземцемъ Вилимомъ Гамсомъ¹⁾.

Въ слѣдующемъ году иноземецъ Антонъ Томсонъ искалъ на лекарѣ Ролантѣ, не желавшемъ возратить принятаго въ залогъ золота²⁾.

Въ 1657 г. кузнецъ Кондрешко Анофреевъ сутажился съ костоправомъ Степаномъ Дорофѣевымъ³⁾. Годъ спустя докторъ Андрей Энгелгартъ искалъ на „вольномъ ибелитѣ Аннѣ Лантѣ“, учинившемъ „дѣласть большую... дѣлку служанку брехату“⁴⁾.

Въ 1661 г. Ерестьянъ Фелеръ искалъ на челобиткѣ своемъ „за похвальбу лошадей свести и дворъ сжечь“⁵⁾. Въ этомъ же году Аптекарскаго Приказа истоникъ Митка Иешовъ да лекаръ Осодтка Васильевъ жаловались на торговаго иноземца на Михаила Гаврилова сына Ниглена да на подполковника на Ермака Бака, что, они съ своими людьми были челобитничковъ по щекамъ и бородамъ у нихъ драли, гонялись за ними съ шинами и безъ ружья стрѣляли и ослонемъ... перебили и изувѣчили“⁶⁾. Въ 1666 г. Аптекарскаго Приказа подьячій Юрій Деситовъ билъ челомъ по поводу побѣга отъ него литовской вѣнницы Анютки Ирановой, совершившей у него кражу со взломомъ⁷⁾.

Въ 1667 г. разбиралось дѣло о покражѣ въ Аптекарскомъ Приказѣ сторожемъ Артемиемъ Леонтьевымъ 100 рублей казенныхъ денегъ⁸⁾.

Въ 1668 г. разбиралось дѣло по жалобѣ Хлѣбнаго Дворца подполковника Саввы Кутникова на лекарскаго ученика Исайя Аристова объ оскорбленіи жены, грабѣжѣ и увѣдѣ крѣпостной дѣвки⁹⁾.

Въ 1672 г. возникло дѣло по жалобѣ доктора Юганна Розенбурга на людей дяка Ивана Владыкина, подозреваемыхъ въ кражѣ¹⁰⁾.

¹⁾ Ibidem № 559.

²⁾ Ibidem № 565.

³⁾ Ibidem № 742.

⁴⁾ Ibidem № 859.

⁵⁾ Ibidem № 901.

⁶⁾ Ibidem № 902.

⁷⁾ Тамъ матер. г. I, стр. 91.

⁸⁾ Ibidem стр. 135.

⁹⁾ Ibidem стр. 165—166.

¹⁰⁾ Ibidem стр. 174.

Словом, отдельных случаев неисчерпаемое множество, а это убеждает, что лица медицинского персонала и при тяжбах между собою и съ другими иностранцами и съ русскими людьми разбирались въ Аптекарскомъ Приказѣ, хотя вообще иностранцы вѣдались въ судебномъ отношеніи другими приказами.

Иностранцы *служилые* подлежали, напримѣръ, суду Иностраннаго приказа. Такъ, въ царской грамотѣ 1635 г. белозерскому воеводѣ Ильѣ Грушецкому приказывалось: „а по нашему указу иностранцевъ и ихъ людей и крестьянъ, во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ судитъ въ Иностранномъ приказѣ бояринъ нашъ вн. Ив. Бор Черкасскій да дякы наши Василий Ртищевъ, а въ иныхъ приказахъ и въ городехъ иностранцевъ... вѣдати и судити безъ нашего указу не вѣдно“¹⁾.

Всѣ *торговые* иностранцы подлежали суду Посольскаго приказа, что подтверждается, напримѣръ, указомъ 1679 г., въ которомъ сказано: „...изъ кони голландскихъ стать подданные, также и иныхъ государствъ Вели. Государя Его Царскаго Величества пребывающіе вѣдомы во всякихъ дѣлахъ всякихъ чиновъ съ людьми въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ; а въ иныхъ приказахъ видѣти ихъ ни какихъ чиновъ людьми не вѣдаютъ“²⁾.

Въ 1680 г. указомъ 12 марта подтверждалось: „вѣдати *всѣхъ* иностранцевъ по прежнему въ одномъ Государственномъ Посольскомъ приказѣ“³⁾.

Историкъ военно-медицинской старины Хмыровъ въ свое время утверждалъ, что „при Осодорѣ Алексѣевичѣ управление медицинской частью не сосредоточивалось уже въ одной Аптекарской Палатѣ, но раздѣлялось и Посольскимъ Приказомъ, гдѣ каждый врачъ иностранецъ, хотя бы полковой, долженъ былъ исключительно вѣдаться „во всякихъ дѣлахъ“⁴⁾.

Конечно, изслѣдователь медицинской старины не понималъ бы такъ названныхъ указовъ, еслибы былъ знакомъ съ дѣлами Аптекарскаго Приказа. Одновременно съ первыми указами, т. е. въ 1679 г. была послана память въ патриаршіи Разрядъ о лекарскомъ ученикѣ Тимошкѣ Петровѣ: „буде до него какое дѣло... вѣзѣти

искать въ Аптекарскомъ Приказѣ“⁵⁾. Въ 1681 г. тоже было приказано относительно Себастьяна Резлера, вольнопрактикующаго лекаря изъ отставныхъ приказныхъ⁶⁾. Въ томъ же году 23 ноября подобная память для свѣдѣнія была послана въ Стрѣлцкій приказъ, потому что „лекари и лекарскаго дѣла ученики вѣдомы судомъ и расправою въ Аптекарскомъ Приказѣ и отвѣчать въ иныхъ приказахъ... не вѣдно“⁷⁾.

О важности судебной льготы чиновъ Аптекарскаго Приказа можно составить себѣ правильное понятіе, бросивъ хотя бы бѣглый взглядъ на общую постановку судостроительства въ старинной Руси. Кроме рѣзкихъ отзывовъ въ этомъ отношеніи иностранныхъ писателей: Флетчера, Коллинса, Корба и др., сохранилось много архивныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ видно, что судъ организованы былъ такъ, чтобы судья могъ получать прибыли „чѣмъ можно были сыты“⁸⁾, а о населеніи совершенно забывали.

Челобитные того времени настойчиво докладывали царю о разнообразныхъ злоупотребленіяхъ воеводъ, такъ что даже въ царской грамотѣ отъ 1620 писалось: „вѣдомо намъ учинилось, что въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлають не по нашему указу, и монастырямъ и служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и приѣзжымъ всякимъ людямъ чинять насильства и убытки и продажи великіе, и посулы, и взятки, и кормы едятъ многіе“⁹⁾.

Яркую характеристику общественнаго быта того времени сдѣлать проф. Соловьевъ. „Человѣкъ, по его замѣчанію, привыкалъ къ случаямъ насилия, грабежа, смертоубійства; привычка пагубная, ибо ужасное для него становилось болѣе неукаснымъ, и при этомъ относительно своей безопасности онъ привыкалъ полагаться или на собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную; и легко понять, какъ вследствие этого ослаблялось въ немъ сознаніе общественной связи; онъ привыкалъ жить въ эфеу, а не въ обществѣ, и вести себя сообразно этому“¹⁰⁾.

¹⁾ Матер. № 1478.

²⁾ *ibidem* № 1622.

³⁾ *ibidem* № 1642.

⁴⁾ Акты истор. т. III, 183.

⁵⁾ Полн. собр. закон. т. II, стр. 792. См. также акты экзек. т. III, 17; Дополн. къ акт. истор. т. IV, № 136; С. Гос. грам. т. III, № 109.

⁶⁾ *ibidem* № 805 и 1398.

⁷⁾ Хмыровъ. Военно-медиц. журн. ч. CIV, Спб. 1869 г., стр. 31.

⁸⁾ Акты экзек. т. III, № 115. Чиселъ въ Областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ. М. 1856 г., стр. 310—16.

⁹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи etc. Спб. 1891 г., т. XIII, стр. 754—55.

При такой нравственной температурѣ особенно пужны были хорошія судебныя учрежденія и добросовѣстные судьи, а ихъ то и не было. Хотя и чинить, говорить о нихъ Котошихинъ, крестное цѣлованіе съ жестокиѣ проклятиемъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду по царскому приказу и по Уложению: ни во что ихъ есть вѣра и заклинаніе, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержать не могутъ и руки свои во взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней дѣстности черезъ жену или дочь, или черезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы будто то про то и не вѣдаютъ" ¹⁾.

Къ недобросовѣстности и продажности судей московскихъ присоединялся и другой недостатокъ тогдашняго судопроизводства—волокига. Правительство борелось съ этимъ, но такъ же безуспѣшно, какъ и со взяточничествомъ. Понятно, что волокита была оборотной стороной продажности судей. Всѣ правосудія всегда склонялись на ту сторону, гдѣ положены были подарки: виновные освобождались отъ заслуженнаго наказанія, а невинные верѣдко томилась въ тюрьмѣ, ожидая иногда самой пустой развязки. Напримѣръ, Посошковъ, известный политикъ-самоучка конца XVII и начала XVIII ст. рассказываетъ, что онъ подавъ челобитную о разрѣшеніи ему построить винокуренный заводъ, какъ бы въ отвѣтъ на это, его схватили, посадили въ тюрьму, а черезъ недѣлю выпустили. „И я, кажется, замѣчаетъ Посошковъ, и не послѣдній человѣкъ; и онъ князь Дмитрій Михайловичъ меня знаетъ; а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что. Кольки же паче косяго мизернаго посадятъ, да и забудутъ... И тако многое множество безвинно сидятъ и помираютъ безвременно... Я истинно удивляюсь, что то у судей за правъ, что въ тюрьму посады держать дѣтъ по пяти—шести и больше" ²⁾.

Свои наблюденія надъ правосудіемъ въ Россіи онъ резюмируетъ въ такой рѣзкой формѣ: „Намъ сіе весьма зазорно: не точю у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинить праведны; а у насъ вѣра святая, благочестивая, и на весь свѣтъ славная, а судная расправа, никуды негодная, и ка-

кіе указы его императорскаго величества ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ" ³⁾.

Послѣ сдѣланнаго хотя и бѣлаго очерка состоянія правосудія въ московскомъ государствѣ можетъ быть понятно слезное челобитіе полковаго отставнаго лекаря, служившаго и подъ Кіевомъ, и подъ Путивлемъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ, о томъ „чтобъ его холопа за многую службу и за работнику великъ Государь его во всякихъ дѣлахъ суюмъ и расправу вѣдать въ Аптекарскомъ Приказѣ... Чтобъ его холопа по инымъ разнымъ приказамъ, во всякихъ приказѣхъ и во всякихъ дѣлахъ не волочили и не убивали" ⁴⁾.

Если служилый или торговый иноземецъ просилъ для себя суда и управы въ Посольскомъ или Посольскомъ приказѣ, то это онъ дѣлалъ, рассчитывая на большую добросовѣстность судей приказныхъ, чѣмъ провинціальныхъ тѣмъ. Лица же врачебнаго персонала, добываясь суда въ Аптекарскомъ Приказѣ, не только обезпечивали за собою до нѣкоторой степени судейское нелицепріятіе и безпристрастіе, но пользовались еще безвозмездной защитой.

Извѣстно, что вѣдливость судебной защиты съ равныхъ поръ устанавлилась въ московскомъ княжествѣ. Судебная пошлина составляла одинъ изъ источниковъ княжескихъ доходовъ. Тѣмъ не менѣе, сложился порядокъ, что съ иноземцевъ „ради ихъ иноземства" взымали „Государевы пошлины *противъ русскихъ людей вольны, съ рубля по полурубли, а нерусскіе и правый десятокъ противъ того вольны же*" ⁵⁾. Исно, эта льгота устанавливалась для иноземцевъ по началу международной взаимности.

Что же касается врачей, то, благодаря имъ особому служебному положенію, общая льгота доходила до полной судебной безвозмездности и въ матеріалахъ передается „съ дохтуровъ и съ аптекарей и съ лекарей съ судныхъ дѣлъ пошлинъ по Государеву указу *не емлятъ*" ⁶⁾.

Льгота немаловажная, тѣмъ болѣе, что пошлина въ XVI в. достигала иногда трети иска, а по уголовнымъ дѣламъ въ пользу

¹⁾ Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексея Михайловича. Спб. 1884 г. стр. 132, § 38.

²⁾ Ив. Посошковъ. Книга о скудости и богатствѣ etc. М. 1842 стр. 19.

³⁾ Ibidem стр. 87.

⁴⁾ Матер. № 1657.

⁵⁾ Ibidem. № 567.

⁶⁾ Ibidem. № 66.

судьи конфисковалось все имущество виновного, за исключением части, вознаграждавшей пострадавшего ¹⁾.

Медики и въ другихъ многочисленныхъ случаяхъ пользовались весьма выгодными изъятіями изъ общихъ правоограничительныхъ распоряженій.

По неоднократнымъ указамъ Михаила Оеодоровича и Алексѣя Михайловича иностранцамъ запрещалось держать русскую прислугу.

Это ограниченіе вводилось въ духовныхъ интересахъ послѣдней, и чтобы „христіанскимъ душамъ оскверненія не было и безъ покаянія не помирали бы“. Уложеніе не только запрещало русскимъ жить у иноземцевъ, но даже угрожало большими строгостями наказанія, а именно: „тѣхъ кои учнутъ жить, по крѣпостямъ или добровольно, велѣно съскакивать и чинить имъ жестокое наказаніе“. Иноземцамъ же указывалось имѣть только иноземную прислугу.

Печего говорить, что обойтись иноземной прислугой, при ея малочисленности, познавшіи мѣстныхъ русскихъ условій было невозможно. Иностранцы поэтому постоянно добивались отмены указанного ограниченія. Разрѣшеніе нанимать русскихъ рабочихъ первыми изъ иностранцевъ добыли себѣ голландцы только въ 1652 году; а представители врачебнаго званія тогоже добились на двадцать лѣтъ раньше. Указомъ 1632 г. „велѣно рабочимъ людямъ у нихъ на хлѣбную распаху и на дворовую подѣлку и на женству наймовать“ ²⁾.

Пользуясь многочисленными привилегіями, московскіе врачи проводили время въ привольномъ бездѣліи. Какъ передаетъ Олсарій, они обязаны были являться ежедневно въ Аптекарскій Приказъ „съ поклономъ къ боярину“ и вопросомъ: „нѣтъ-ли дѣла“. Обычныя занятія врачей заключались въ полицейскихъ осмотрахъ больныхъ сановниковъ, леченіи кого нибудь изъ нихъ по указу цари, а главное—въ леченіи царской фамиліи, которая къ тому же прибѣгала въ услуги медиковъ въ послѣдней крайности. Тѣмъ не менѣе приказные медики маскировали свое бездѣліе и неизмѣнно докладывали, что они проводятъ время въ изученіи книгъ, „чтобы лучше охранять здоровье его царскаго величества“.

¹⁾ Ланге, Древнее русское уголовное судопроизводство. Сиб. 1884 г. стр. 228—239; Сергѣевичъ, Лекція и изслѣдов. Сиб. 1903 г. стр. 331.

²⁾ Матер. № 105.

Забавіе медики приобретаѣли въ Россіи не одно богатство: некоторымъ изъ нихъ удавалось получать высшія ученія степени.

Первый подобный случай имѣлъ мѣсто въ 1601 г., когда Борисъ Годуновъ далъ докторскій дипломъ Христофору Ритлингеру. Послѣдній былъ блестяще рекомендованъ царю англійскимъ посланникомъ Ричардомъ Ли, писавшимъ въ своемъ ходатайствѣ за него въ Москву: „я покорно челомъ быю пресвѣтлѣйшему государю и вел. князю Борису Оеодоровичу всеа Руссіи, шобъ его царское величество пожаловалъ, для моего покорнаго челобитія его вѣрнаго человека Христофора Рыхлингера (бывъ по моему челобитію онъ въ докторахъ), шобъ ему велѣти дати имя докторское, назвати его докторомъ, и я вѣдаю, что онъ достоинъ такого жалованія по его ученю, что онъ учить и сердечло вѣренъ царскому величеству, а у меня онъ пребываетъ 26 лѣтъ, всегда онъ объявлялся добрымъ дѣломъ, и вѣдаю изъ, что великій государь царское величество, какъ есть во всей вселенной, можетъ дати жалованія—честь всякимъ людямъ по ихъ достоинству. И я быю челомъ его у царской милости шобъ ему та честь учинить и назвати его докторомъ до моего отъѣзда отъсель“ ¹⁾. Олсарій передаетъ и другой случай возведенія въ докторскую степень при томъ же Борисѣ Годуновѣ. Однажды, когда какой-то врачъ этого царя былъ челомъ объ отъѣздѣ въ нѣмецкій университетъ для полученія докторской степени, царь спросилъ его: „что это значить сдѣлаться докторомъ, и какъ получается это званіе? Узнавъ, что званіе это дается медицинскимъ факультетомъ лицамъ, успѣшно выдержавшимъ испытаніе въ наукѣ, царь сказалъ врачу: „поѣзду ты можешь отложить и сохранить себѣ путевыя издержки: я самъ испытаю твое искусство и хочу произвести тебя въ доктора, я дамъ тебѣ такую большую грамоту, какой за границей ты не получишь“ ²⁾.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1672 г., по царскому указу, былъ возведенъ въ степень доктора медицины Степанъ Фунгадановъ. Въ 1656 г. онъ служилъ въ Кіевѣ въ качествѣ цирюльника; спустя три года онъ былъ уже лекаремъ. За восемь лѣтъ лекарской службы Фунгадановъ удостоился оригинальнаго званія „пѣдъ—доктора“, а въ 1672 г. получилъ степень док-

¹⁾ Соби. Импер. Рус. Ист. Общ. Сиб. 1883 г. т. 28, стр. 404.

²⁾ Олсарій, Путешествіе стр. 185.

тора¹⁾. Этотъ выслужившійся докторъ имѣлъ огромное вліяніе при дворѣ.

Получивъ званіе доктора, Фунгадановъ (онъ же фонъ-Гаденъ) возбуждалъ ходатайство о пожалованіи ему докторскаго диплома. Посольскій Приказъ былъ въ затрудненіи, потому что до этого подобныя дипломы не выдавались лицамъ врачебнаго персонала. Но государь повелѣлъ выдать просимую грамоту. Таковую выдали 3 августа 1672 года.

Вотъ содержаніе этого *перваго* докторскаго диплома. дошедшаго до насъ полностью: „Божьей милостію, мы, великій государь (т. е.), пожаловали семя нашего царскаго величества Аптекарскаго Псалты лекаря Стефана Іевлева сына Оонъ Гаданова. Въ прошломъ во 164 году, поискавъ онъ Стефанъ къ себѣ наше государскія милости, выхазъ къ намъ в г. къ нашему ц. в. на наше царскаго величества имя изъ Польши послужить лекаремъ. И со 164 году по 175 годъ намъ в г. нашему ц. в. служить тѣмъ чиномъ въ Аптекарскихъ нашихъ Палатахъ вѣрно, безо всякаго пореку, какъ достойной и свидѣтельствованной ученой человекъ. И за то сво къ намъ въ в. г. къ нашему ц. в. въ службу въ прошломъ 175 году (т. е. 33) пожаловали мы в г. наше ц. в. сво Стефана въ *поддоктора*. И будучи въ поддокторахъ такъ же онъ намъ в г. нашему ц. в. въ лекарственныхъ и во всякихъ поддокторскихъ дѣлахъ, служить намъ иже прежняго, и всякое къ тѣмъ дѣламъ имѣть тѣлательство, и совершенно знающимъ себя объявилъ. И мы в г. (т. е.), видя къ намъ в г. къ нашему ц. в. ево Стефанову вѣрную службу и радѣнье и въ докторскихъ дѣлахъ совершенно навичнаго, пожаловали ево нашею государскою милостію *доктурскимъ* *аманель*. И сво нашу цар. вел. жалованною грамотою объ немъ Стефана Іевлевича свидѣтельствуемъ, что онъ *въ доктурскомъ и во всякомъ лекарственномъ ученіи достаточно намъ иже, и доктурской чести достоинъ, и во всемъ человекъ потребной, и для подлиннаго объ немъ и совершенно ученого въ доктурствѣ, свидѣтельства указали ему дать сю нашу царскаго величества жалованную грамоту за нашею ц. в. государственнымъ большою печатью*. Дана ся нашего в. г. н. ц. в. жалованная милостивая грамота въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7180 г. мѣсяца августа въ 3 день“²⁾.

¹⁾ Матер. № 480 и 1278.

²⁾ Наши матер. т. II стр. 74—75.

Въ 1676 г. по царскому указу докторская степень была пожалована лекарю Симону Зоммеру, возведенному 14 фев. 1682 г. въ лейбъ-медики³⁾.

Извѣстенъ даже случай, когда докторской степени удостоился аптекаръ. Такъ въ 1679 г. аптекаръ Яганъ Гутменшъ „за свое прилежное радѣнье въ леченіе всякихъ чиновъ людей дохтурскими и лекарскими дѣлами“ пожалованъ былъ „быть въ Новой Аптекѣ въ чину въ *аптектора*“, а въ 1682 г. онъ уже вносится въ *списки докторовъ* впереди докторовъ Андрея Келлермана и Захарія Фандергунста⁴⁾.

Степень доктора впервые была введена въ 12 в. въ Салерно и лишь съ 13 в. привилегія раздавать эту степень была признана за всѣми другими университетами. Въ средніе вѣка такое же право имѣлъ папа, а въ Англіи—архіепископъ кентерберійскій. Въ Англіи подобныя дипломы раздавались архіепископами до 1862 г.⁵⁾

Конечно, съ точки зрѣнія европейской практики ничего не было необычайнаго въ раздаваніи московскими государями докторскихъ дипломовъ, но по условіямъ русской жизни, особенно при отсутствіи высшихъ школъ для медицинскаго образованія, это является весьма замѣчательнымъ.

Не сохранилось никакихъ указаній на то, подвергались ли аспиранты какому либо экзамену передъ возведеніемъ въ высшій ученый степени.

На этотъ темный вопросъ продливаетъ косвенный свѣтъ единственный случай полного экзамена пріѣзжаго аптекаря Филиппа Бритве, подвергнутаго въ 1631 г. по указу царя Михаила Осодоровича испытанію. Экзаменаторъ извѣстный лейбъ-медики Артекій Дій допрашивалъ: „что аптекарю доводится знать и вѣдать, что именуется мудрость лекарская, что мудрость есть рукодѣлія (хирургія), какія болѣзни и раны лекарю доводится знать и лечить“ и т. д.

Всего было предложено сорокъ пять вопросовъ и всѣ въ родѣ вышеприведенныхъ, т. е. отличающіеся крайне общимъ характеромъ и полной почти ненаучностью. Въ заключеніе Арте-

³⁾ Рихтеръ, Ор. сіт. т. II, 297 и Матер. № 1664.

⁴⁾ Матер. № 1472 и 1677.

⁵⁾ Копперъ, Исторія средневѣка, во франц. К. 1897 г. т. II стр. 369 и 584.

ий Дій сказалъ: „Большаго того у тебя не спрашиваю. Отвѣчай ты до сихъ мѣстъ, какъ я самъ многожды своими очами видѣлъ, дай тебѣ Богъ, что бы отъ тебѣ такъ лечить, чтобъ людей здоровить и отъ государя получить честь“¹⁾.

Благодаря сохранившемуся протоколу пенитанца мы знаемъ, что „отъ прямого лекаря“ требовались спеціальныя нравственныя качества: „очима востро глядѣть, сердцемъ смѣло и неторопливо, рука легкая и не дрожала-бъ“.

Бритте пріѣхать въ Москву по рекомендаціи англійскаго короля Карла I. Успѣшно выдержавши пенитанцію, онъ поступилъ на царскую службу. Онъ служилъ „аптекаремъ и лекаремъ учениемъ четырнадцать лѣтъ“. Жалованья получалъ по 55 рублѣ въ годъ и по 10 рублѣ кормовыхъ въ мѣсяцъ.

Въ 1644 г. 28 октября Бріоту было приказано „быть въ лекарьхъ, потому что онъ отворяетъ живныя, а аптекари живныхъ не отворяютъ“. Это ему грозило потерей 45 рублѣ изъ оклада годового жалованья. Тогда онъ подалъ государю челобитную, въ которой заявлялъ, что согласенъ служить и въ новомъ званіи, „если государь его пожалуетъ, велитъ ему свое государево годовое жалованье и мѣсячной денежной и конской кормъ и интые давать, что ему было въ аптекарьхъ... а будетъ де ему Государева жалованья и корму передъ прежнимъ будетъ съ убавкою, и ему де Филипу служить Государю немилѣ, потому что передъ своею братьею быть въ позорѣ“²⁾.

По указу 8 ноября 1644 г. Бріотъ былъ уволенъ со службы не смотря на то, что онъ согласился получать окладъ лекаря, но только въ томъ размѣрѣ, въ которомъ получалъ лекарь Елизарій Ролантъ³⁾.

Передъ отъѣздомъ на родину отъѣзжающему снова выдавались подарки, чтобы онъ могъ „за моремъ“ рассказывать „про государеву милость къ нимъ иноземномъ“ или чтобы было „чѣмъ до своей земли зъ женишкою и зъ дѣтинками и съ людьми доѣхать“. Такъ Артемій Дій „за отпускъ“ получилъ: 40 соболѣй въ 106 руб., 2 сорока соболѣй по 80-ти рублѣ: 40 соболѣй въ 40 руб., всего дано на 300 руб.; да ему жѣ дохтуру дано отъ

¹⁾ Акты истор. т. III. № 163 и Флеринскій, Гус. простокар. Травн. стр. 202—209.

²⁾ Матер. № 176 и 177.

³⁾ Матер. № 177 и 178.

Москвы до Архангельска города 20 подводъ¹⁾. Венделшусъ Сибелгистъ получилъ на 350 руб. соболѣй и 20 подводъ до нѣмецкаго рубежа; докторъ Яганъ Бедау—столько же. Самуиль Коллинсъ и Михаилъ Грамонъ получили на 300 рублѣ соболѣй каждый и отъ Москвы до Никова, до нѣмецкаго рубежа по 20 подводъ. Къ отъѣзжающимъ прикомандировывались приставъ и нѣсколько челоѣкъ стрѣльцовъ „для береженія“²⁾.

Кромѣ подарковъ и подводъ выдавалась еще „государева жалованная свидѣтельствованная грамота“, въ которой говорилось о вѣрной и полезной службѣ, о степени учености и искусства и вообще обо всемъ, что прилично внести въ формулярный списокъ. Подобными грамотами иностранцы очень дорожили. Объ этомъ можно заключить изъ многочисленныхъ челобитныхъ о выдачѣ имъ таковыхъ, „чтобы передъ своею братьею оскорблену не быть и въ своей землѣ твоею Государскою милостію хвалитца“ или „съ чѣмъ имъ въ тѣхъ государствахъ явитца“³⁾.

¹⁾ Наши матер. т. I, стр. 128—129, 130—131; т. II, стр. 206; т. III, ч. I, стр. 45, 16, 85 и др.

²⁾ Матер. № 1403, 1406, 1411.

никовъ“ въ 1631 году ¹⁾, о сыиѣ доктора Аргмана Грамонта Севалдусѣ Констанусѣ, отправленномъ за границу въ 1656 г. и о племянникѣ Грамонта—Михѣѣ Грамонѣ, учившемся въ теченіе восьми лѣтъ у своего дяди, а въ 1659 г. уѣхавшемъ „въ цесарскую землю для подлиннаго дохтурскаго обученія“ ²⁾. Никакихъ слѣдовъ не сохранилось и о Ромашкѣ съ Карлуской, сыновьяхъ аптекаря Франца Шлятора, отправившаго ихъ въ 1678 г. въ Англію съ тѣмъ, по его замѣчанію, чтобы „по ихъ де извѣстнѣ аптекарской или иной наукѣ выучитца, а чтобы выучась какъ возрастуть могли бы себя прокормить“ ³⁾.

Словомъ, изъ всѣхъ молодыхъ иностранцевъ, выѣзжавшихъ изъ Москвы за границу для обученія, никто не оставилъ послѣ себя какихъ—либо замѣтныхъ слѣдовъ, а поле для ихъ дѣятельности было широкое.

Счастливыѣ другихъ оказался докторъ Андрей Келлерманъ, сынъ доктора Томека Келлермана. Онъ провелъ за границей семнадцать лѣтъ и, вернувшись въ Россію въ 1678 г., поступилъ на службу въ Аптекарскій Приказъ ⁴⁾. Келлерманъ—отецъ въ челобитной о зачисленіи сына на службу писалъ, между прочимъ: „сынъ де его нинѣ въ молодыхъ лѣтахъ, и словенской грамотѣ и русскому языку можетъ вскорѣ изучитца; и чаятъ отъ него впродъ больше службы иныхъ дохтуровъ, которые свои дѣла совершаютъ черезъ толмачей“ ⁵⁾. Извѣстно, что Андрей Келлерманъ практиковалъ черезъ толмачей и едвали въ теченіе своей одиннадцатилѣтней службы принесъ пользы болѣе другихъ иностранцевъ, непосредственно изъ за границы пріѣзжавшихъ въ Москву на службу“ ⁶⁾.

Нѣсколько затруднительна была практика черезъ толмача, можно судить по заявленію того же Андрея Келлермана. Въ 1678 г. 2 ноября онъ словесно заявилъ въ Аптекарскомъ Приказѣ: „велѣно ему лечить головъ московскихъ стрѣльцовъ больныхъ стрѣльцовъ, а для толмачества велѣно съ нимъ дохтуромъ Андреемъ ѣздить толмачу Микитѣ Виценту; и онъ докторъ тѣмъ больнымъ стрѣль-

цовъ написаль росписи, чтобы въ новой аптекѣ лекарства дѣлали; и тѣ де лекарства готовы давно, а толмачъ де Микита къ нему дохтуру не ѣздитъ *болыи недѣли; а тѣмъ больнымъ стрѣльцомъ ему должуру лекарствъ безъ толмачества давать не можно и онъ дохтуръ отъ того описень, чтобы тѣ больные стрѣльцы не померли* ¹⁾.

Такое же заявленіе было подано вполнѣ иноземнымъ врачомъ Яганомъ Розенбургомъ въ 1674 году, куда онъ докладывалъ: „посылають меня холопа твоего къ боярамъ и ко всякихъ чиновъ людямъ для лечбы, а толмача у меня холопа твоего нѣтъ, а безъ толмача мнѣ холопу твоему быть нельзя ни на часъ“ ²⁾.

Жалованье и всѣ службныя преимущества доктора Келлермана нисколько не выделялись изъ ряда выпадавшихъ на долю другихъ иностранныхъ медиковъ, а практика при посредствѣ толмача лучше всего показываетъ, какъ было мало пользы отъ этихъ иноземныхъ врачей, хотя бы и родившихся въ Москвѣ.

✓ Московское правительство давно поняло, что нужны медики изъ русскихъ, чтобы московская медицина потеряла иноземный характеръ и вполнѣ вошла въ русскую жизнь. Указъ Феодора Алексѣевича объ учрежденіи госпиталя и медицинской школы для обученія русскихъ лекарей представляетъ въ этомъ отношеніи лишь обобщеніе предшествующей работы правительства. Онъ не указалъ новыхъ путей, но выдвинулъ на первый планъ фактически сложившееся огромное живое дѣло, нуждавшееся въ опредѣленной организаціи.

Бытовая обстановка врачебной практики иноземцевъ въ значительной степени подготовила почву для правильнаго изученія медицины русскими людьми, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расчистила путь къ распространенію раціональных врачебныхъ знаній въ народѣ.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ московскимъ „зелевымъ“ рядамъ. Издавна въ этихъ рядахъ, еще при полномъ торжествѣ знахарства, продавалось все необходимое при леченіи различныхъ болѣзней. Здѣсь можно было отыскать всякія травы, корни, масла, настойки и даже мази. Собственники подобныхъ лавокъ, естественно, изучали качество и цѣлебную силу матеріаловъ, которыми они торговали, а каждый покупатель вмѣ-

¹⁾ Ibidem № 72.

²⁾ Ibidem № 368, 677, 1059.

³⁾ Ibidem № 1119.

⁴⁾ Ibidem № 1107.

⁵⁾ Ibidem № 1118.

⁶⁾ Ibidem № 1114.

¹⁾ Ibidem № 1118.

²⁾ Матер. № 519.

стѣ съ товаромъ уносили нѣкоторыя свѣдѣнія относительно качествъ и дѣйствія купленнаго. Первые уроки по фармакологіи и фармакогнозіи, патологіи и теріи—давались въ этихъ именно лавочкахъ.

Подобное значеніе москательныхъ лавокъ, какъ разсѣдниковъ врачебнаго знанія нашло себѣ подтвержденіе въ матеріалахъ процесса Юлики Семеновой въ 1698 г., которая о себѣ показала: „лечила всякихъ чиновъ людей мужска и женска полу отъ всякихъ болѣзней кромѣ кликотной болѣзни, *покупая въ зелѣйномъ ряду травы, сиранивая лавочника сидѣльцевъ*, которая въ которой болѣзни бываесть угодна“¹⁾.

Мы знаемъ, что человѣку боярина Петра Петровича Салтыкова, страдавшаго безсонницей, совѣтовали „*зелѣянаго ряду сидѣльцевъ* Ганька Варооломѣевъ... давать мочному человѣку противъ трѣхъ зеренъ, а немочному противу двухъ зеренъ конопляныхъ“ арыну отъ безсонницы. Когда же на другой день „человѣкъ“ пришелъ къ Ганькѣ и сообщилъ, что бояринъ заснулъ непробуднымъ сномъ, то тотъ же Ганька „тому Алешкѣ говорилъ, чтобы они того боярина велили по часту... и велѣть дать парного молока и носить хотя на рукахъ, чтобы збѣлвать“²⁾.

Спеціально-врачебную опытность сидѣльцевъ зелѣянаго ряду признавать даже и Аптекарскій Приказъ, который въ 1679 г. велѣлъ мазь стрѣльца Гришки Донского „осмотрѣть аптекаремъ и алхимистамъ и *зелѣянаго ряду лекаремъ*“; когда же первая экспертиза русскихъ лекарей Никитина, Алексѣева и Семенова оказалась несостоятельной—„какая мазь, говорили они, того не знаютъ, потому что та мазь здѣлана изъ многихъ статей“,—то было рѣшено, что „у кого де та мазь куплена въ *зелѣйномъ ряду* и *тотъ человекъ скажетъ, что въ тоѣ мазѣ положено*“³⁾.

Широкая практика москательныхъ лавочекъ заставила Аптекарскій Приказъ принять нѣкоторыя ограничительныя мѣры. Указомъ 28-го февраля 1673 г. „велѣно учинить приказъ крѣпкій, чтобы въ рядахъ въ москательномъ и овощномъ и въ зелѣйномъ тѣхъ рядовъ торговые люди аптекарскихъ лекарствъ, которые продають изъ Старой и Новой аптеки, что на Новомъ Гос-

тинѣ дворѣ... въ лавкахъ не держали и не продавали, а буде учнутъ въ лавкахъ держать и имѣть отъ Вел. Государя быть въ жестокомъ наказаніѣ, чтобы отъ того людямъ никакого поврежденія и въ продажѣ въ Новой аптекѣ Вел. Государя казни не было“¹⁾. Нѣкоторое исключеніе было сдѣлано для лекарей Аптекарскаго Приказа. Артемій Петровъ и Кузьма Степановъ съ товарищами, которые имѣли свои лавки въ рядахъ, получили право продажи маловажныхъ снадобій, а „не иныхъ дорогихъ лекарственныхъ статей“.

Зелѣйные ряды были неконными источниками, откуда широкой струей направлялись въ народную массу врачебныя знанія. Последніе съ теченіемъ времени утрачивали отпечатокъ традиціи и все сильнѣе покрывались отложеніями иноземныхъ вліяній. Иностранные врачи волей-неволей обращались въ зелѣйные ряды за покупкой различныхъ матеріаловъ и своимъ общеніемъ съ „сидѣльцами“ вліяли на расширеніе ихъ спеціальныхъ познаній, знакомясь въ свою очередь съ оригинальной русской фармакогнозіей и фармакопеей.

Взаимодѣйствіе между раціональной медициной и русскимъ знахарствомъ въ широкомъ смыслѣ съ особенной силой сказалось въ дѣятельности травниковъ. Поиски на Руси были первыми природоиспытателями, первыми лекарями и фармацевтами. Ихъ опытностью царская аптека начинаетъ пользоваться вскорѣ послѣ своего проявленія.

Услуги травниковъ не только сокращали расходы по снабженію царской аптеки медикаментами, но еще въ большей степени облегчали *иноземной медицинѣ возможность укорениться на русской почвѣ*. Вѣками служившая гѣра въ отечественныя травы и корни, велѣдъ за травниками перешла въ аптеку, устроенную иностранцами. Такова уже психологія человѣка.

Когда пріѣзжіе медики достаточно ознакомились съ богатствомъ національно-русской фармакогносіи, то они стали руководить работой травниковъ. Последніе получали отъ Аптекарскаго Приказа списки растений, необходимыхъ для аптеки, составленные иноземными специалистами. Эти списки внесли организацію въ работу травниковъ, послужили до нѣкоторой степени систематическимъ руководствомъ какъ для нихъ самихъ, такъ и

¹⁾ Древн. и Нов. Россія оп. cit стр. 158.

²⁾ Пол. собр. зак. т. IV, стр. 10 № 1756.

³⁾ Матер. № 1484.

¹⁾ „Медицин. Обозр.“ 1887 г., № 20 стр. 850.

для обученія крестьянъ и дѣтей крестьянскихъ, дававшихся имъ въ помощь.

Сборы травниковъ, со времени руководства ими со стороны приказныхъ медиковъ, *способствовали расширенію народныхъ знаній въ области фармакопозіи*, ранѣе передававшихся отъ однихъ къ другимъ случайно, путемъ изустныхъ сообщеній.

Съ другой стороны, распространеніе врачебныхъ знаній иноземныхъ медиковъ совершалось при посредствѣ протокольнаго характера постановки врачебнаго дѣла въ Аптекарскомъ Приказѣ.

Еще въ началѣ XVII ст. въ Аптекарскомъ Приказѣ установился довольно сложный бюрократическій порядокъ дѣлопроизводства. Каждый актъ врачебной дѣятельности иноземныхъ докторовъ и аптекарей заносился на бумагу, въ протоколъ. Прописывался рецептъ и дѣяки должны были занести его въ переводѣ на русскій языкъ, въ особыя записныя книги. Въ этихъ книгахъ обозначалось кѣмъ, отъ какой болѣзни врачуетъ данное лекарство.

Напримѣръ, лекарства, отпущенныя королевичу Вольдемару въ 1644 г., сопровождались такими помѣтками: „Сентября въ 6 день отпущено духу винного склянница; и то годно мазать по суставомъ отъ лоуи. Сентября въ 8 день отпущено пяти статей лекарствъ; а тѣ лекарства годны къ ранамъ и къ болячкамъ. Того жъ числа отпущено патоки свороборинной да водки гуляфвой; а тѣмъ годно отъ жару въ ротѣ полоскать. Сентября въ 26 день отпущено 23-хъ статей лекарствъ; а тѣ лекарства годны для поносу отъ многихъ нутреннихъ болѣзней“.

О послѣднемъ лекарствѣ имѣется еще особая приписка: „Тотъ составъ, что посланъ въ 26 день сентября 23 статей, годенъ ко всякимъ немощамъ, въ которыхъ немощахъ лекарства принимаются пропускные, а тѣ немощи именуются кевалѣя, то есть: какъ голова гораздо болить и въ ушахъ шумить, да колѣ бываютъ потоки изъ головы на грудь и отъ того кашель и удушье, да когда желудокъ и черева не чисты, и отъ того зачинаются лихорадки, да когда печень и селезенка засорится и отъ того зарождается цынга, или водяная, или желтая болѣзнь, и у кого въ составѣхъ лемъ великой“¹⁾.

¹⁾ Акт. Истор. т. III, № 198, VI.

Иногда дѣло не ограничивалось бумажными записями, а приходилось давать устные заключенія. Такъ, когда 31 января врачи прописали королевичу лекарства, то по „приказу боярина О. Ив. Шереметева, Аптекарского Приказу докторы допрашиваны, отъ какіе болѣзни тѣ лекарства годны? И дохтуръ Венделинъ Сибиліетъ, Яганъ Бѣловъ, Артманъ Граманъ, смотря росписи, сказали: годны де тѣ лекарства отъ жару, у кого жаръ въ горѣтани, и тѣми лекарствами ротъ полошуть“¹⁾.

Въ 1643 г. 10 іюля бояринъ Осодоръ Ивановичъ Шереметевъ „велѣлъ допросить дохтуровъ, какую сырую траву кладутъ въ питье, отъ которой травы холодить? Доктора Артманъ Граманъ и Яганъ Бѣлау сказали: „кладутъ въ вино церковное и въ иные питья сырые травы, отъ которыхъ въ желудкѣ холодить, по латыни зовутца: трава барага, трава пистерлапа, трава понтернела. И отъ тѣхъ травъ въ желудкѣ холодить и запахъ къ питью ставится хорошъ. Да кумать въ нынѣшніе дни хорошо смородина красная, холодить съ нею гораздо“²⁾.

Въ 1665 г. докторъ Самуилъ Коллинсъ представилъ цѣлый трактатъ о травѣ валеріанѣ. Онъ писалъ: „Трава валеріана, а по гречески Оу, пристойна: изъ той травы перепускать водка, и та водка годитца отъ очной болѣзни: да тое жъ траву за моремъ кладутъ въ ушечкѣ“³⁾ для всякого здоровья и ядять отъ вѣтру, и у которыхъ людей печень испортитца и ото всякаго запору и женскому поду—отъ мѣсячнаго запору, принимать и отъ водяного запору. А коренье тое травы разрѣзать намелко сварить въ ревскомъ или съ сокомъ зберезовымъ или въ винѣ церковномъ, и тѣмъ полоскать ротъ у которыхъ людей въ ротѣ осыпалось или иная какая болѣзнь или въ деснахъ цынга. Да тотъ же корень принимать отъ огневой и отъ морового повѣтрія; и у раненыхъ людей раны заживають; и у которыхъ людей бываетъ на лицѣ жолчь.

Въ русскомъ травникѣ въ 520 главѣ написано:

Трава валеріана по латинѣ лихнисъ, по гречески Оу, по арабски Бондріонъ, по немецки трясовичное кореніе, по резанскіе или кошкнна трава.

¹⁾ ibidem, XIV.

²⁾ Матер. № 154.

³⁾ Уха, сушь и вообще жарено.

Серапионъ глаголетъ что та трава имѣеть тонки и долги листвѣ. Ибиди мастера глаголють что та трава листвѣ равенствомъ имѣеть подобно аніеве травѣ, а корень ее многи отростки имѣеть. Плиніусъ глаголетъ, что та трава горяча есть въ 3-мъ ступнѣ а суха въ началѣ 2-го. Павлинъ глаголетъ что корень тое травы въ зелѣи полагаемъ: корень тоя травы толченъ и пріять въ питье—потъ тѣлу наводитъ и легостно урину движетъ; тотъ же корень, такоже въ питье пріять дессуріево страданіе или запоръ водяной изгоняетъ. Сама та трава и корень, вельми духъ тяжель имѣеть; кошки трутся около тое травы и сперму на нсе пускають, для того сохраняемъ ту траву которую въ зелѣи подлагати хотимъ. Врачеве глаголють что тое травы кореніе высушено, соблюдаемъ его на три годы безъ умаленія силъ его. Тотъ корень собираемъ въ мѣсяцѣ Августѣ. То кореніе да чемерицы бѣлые кореніе толчены и смѣшено съ мукою ржаную, и того преснеца аще мыши ядятъ, тогда они отъ того умирають. Сѣмя тое травы да сѣмя финиково, да сѣмя аніево—всѣхъ тѣхъ по ровну варено въ винѣ или во иномъ старомъ питѣи и пито—легостно урину движетъ; тоже питье принято—болестъ изъ поясицы вывести; тоже питье аще жонки пьютъ тогда у нихъ менстравъ ихъ движется.

Да дохтуръ же Самойло сказали:

Травы лаушниковы корень сырой принимать съ перцомъ да съ солю, и отъ того внутри мокроту сушить и грѣть и безсильному человѣку силу подаетъ; и у которыхъ людей бываетъ тоска; да тотъ же корень годитца—которого человѣка укуситъ собака бѣшеная и тотъ корень потому жъ принимать и къ ранѣ прикладывати; да тотъ же корень варить въ алканѣ и тотъ алканъ принимать женскому полу—у которыхъ будетъ мѣсячное бѣло да тотъ же корень держать въ водкѣ попутникове и ту водку держать отъ зубные болѣзни во ртѣ.

Листвѣ лаушниково да бѣлокъ лишной, смѣшавъ, прикладывать къ ногамъ отъ камюжной болѣзни.

Сѣмени лаушниковъ золотникъ истолочь и смѣшати съ ренсимъ и принимать отъ камени.

Рельей лаушниковъ истолочь и прикладывать къ опухолю.

Корень лаушниковъ варить въ молокѣ, и какъ будетъ густой—и тотъ корень прикладывать на пупъ и отъ того исправляется вупъ.

Въ 202-й главѣ написано:

Трава лаппамаеръ или лапосіомъ по латинѣ, а по руски лапушникъ большой:

Діоскоритъ глаголетъ, что четыре травы суть лапушниковы, разньство же межъ собою въ силѣ мало имѣють естествомъ же они горячи и сухи въ 4-мъ ступнѣ. Ибиди же глаголють что они горячи и сухи въ 3-мъ ступнѣ. Въ книгѣ Серокоминтсанъ есть написано, что тотъ лапушникъ, кой имѣеть листвѣ остры, тотъ лучши есть всѣхъ; а другой лапушникъ, кой имѣеть листвѣ круглы тотъ не толь пристонть къ лечбѣ якоже прежній; третій же лапушникъ кой имѣеть листвѣ широкое, и того приедемъ въ брашиѣ за капуста мѣста; 4-й лапушникъ—ибиди называютъ коневилъмъ шавлемъ тѣмъ именежъ. Если соку изъ перваго лапушника иже листвѣ имѣеть остры, да маси орѣхового, да смолы терпентиновой—всѣхъ трехъ по ровну, и повари въ сковородѣ на огнѣ и потомъ процѣди сквозѣ платъ и въ то весили тартари—алби толченые, въ третьей жеребей противъ тѣхъ, въ томъ дѣлать мазь, и тѣмъ помазуемъ все тѣло отъ коросты и отъ свербежу; и егда короста бываетъ прыщевата въ мѣстѣ угодномъ—въ мыльнѣ или въ избѣ теплой, потомъ да облечется болящій въ порты своя и полежитъ на одрѣ и тако въ малыхъ днехъ короста спадаетъ и тѣло станетъ чисто и гладко. Корень же преді реченнаго лапушника, варенъ въ винѣ или въ укусѣ до—мягкости и потомъ его истолчемъ въ ступѣ и дѣлаемъ въ томъ пластырь и то прикладываемъ къ лѣвому боку противу отоку селезенному, и тако отокъ полегаетъ. Того жъ лапушника корень вываренъ въ винѣ, и то вино пить вельми пристонть тѣмъ—кои горломъ осипають и храпятъ. Тотъ же корень сыръ толченъ—прикладываемъ гдѣ на тѣлѣ желви явятся, тогда они погибають. Учитель Велегельмъ пишетъ въ своихъ лекарскихъ книгѣхъ, что листвѣ лапушника острого прижжено или варено въ чистомъ салѣ ветчинномъ, и то прикладываемъ къ твердымъ и жестокимъ опостомомъ, и тако скоростно они согрѣвають и вмѣсто збираетъ вредительную мокротъ и гноестъ и раны отворить и болѣсть вывести и оживляетъ. Галиенъ въ 6-й книгѣ своей глаголетъ о томъ лапушникѣ, что тотъ лапушникъ имѣеть силу такову, что онъ легостно вытягиветъ всякое вредительно сущее, для того, аще конякъ обычаемъ ни будетъ пріинять внутрь—на желъ выгонить; тако-жъ ту траву прикладываемъ къ

гнилымъ болячкамъ, и тако изъ нихъ гной выдетъ и ихъ заживляетъ. Сѣмя-жь того лапушника пріято внутрь—болѣсть утробную кровавую заключаетъ; и аще то-жь сѣмя жонки пріемлютъ тогда лишнее теченіе ихъ менструово заключаетъ.

Врачи вси единомысленно глаголють, что вси лапушники въ лечбахъ едину силу имѣютъ мало межъ собою разньствующе, но острый лапушникъ, о немъ же преже писано всѣхъ лучши есть, для того тѣхъ всѣхъ 4-хъ лапушниковъ въ зеліяхъ требуемъ. Диоскоритъ глаголетъ, что большой лапушникъ имѣетъ силу такову якоже и меньшей. Аще которой человекъ изву имѣетъ великую гнилую въ коей растеть дикое мясо, тотъ да толчетъ мелко то сѣмя лапушниково и варитъ въ водѣ, и тою водою вымываетъ язвы на день дважды или трижды, и тако язвы заживляются и мясо дикое изъ нихъ выведетъ.

Въ 203-й главѣ написано:

Трава ланпаминоръ по латинѣ а по руски меньшей лапушникъ.

Врачи глаголють что меньшей лапушникъ такову силу имѣетъ якоже и большой наипаче сѣмя его. То-жь сѣмя толчено присыпается гдѣ явятся на тѣлѣ желви—и тако погибають. Кореніе же того меньшого лапушника варено въ винѣ или во иномъ питіи и пріято выгонитъ камень изъ почекъ аще у кого застарѣлся. Тако же то-жь питіе пріято—камень въ пузырь издробитъ и выгонитъ. Всѣ тѣ травы лапушниковы едину силу имѣютъ якоже вышечисано. Корень того-жь меньшого лапушника мелко толченъ и смѣшенъ съ ревенемъ по разженію въ винѣ и пріятъ—выгонитъ мокроту изъ всего тѣла отъ которые мокроты ражаются прокаженіе¹⁾.

Заболѣваетъ ли кто изъ царской семьи—пишутся въ приказѣ пространная „сказки“ о причинахъ болѣзни, о ея признакахъ и ходѣ, о ея леченіи и нужныхъ лекарствахъ. „Сказки“ эти представляются иногда просто лекціями, изъ которыхъ можно познаться съ мнѣніями о данномъ случаѣ Гипократа, Аристотеля, Плиніуса, Павліна, Галена, Диоскорида и др. медицинскихъ авторитетовъ.

Намъ уже извѣстна сказка докторовъ о рождѣ, поданная докторами въ іюнь 1643 г. въ связи съ болѣзнію вел. кн. Михаила

¹⁾ Матер. № 1058.

Отеодоровича¹⁾. Приведемъ весьма характерную сказку доктора Самуила Коллинса, представленную имъ 20 января 1665 г. по поводу болѣзни Алексѣя Михайловича. Въ своей сказкѣ ученый докторъ докладывалъ:

„По Гипократову разумѣнію тонкихъ природъ человекъ, не толико склоненъ суть къ болѣзнемъ, якоже людие густыхъ и тучныхъ сляний, и самая убо тучность за недугъ принятися можетъ: которая есть сугуба, здравая и болѣзненная. Здравая яже естественныхъ и подобающихъ умѣреній не преходитъ, не точю тучности и расположенію чувства, и тѣлесе ко укрѣпленію взирается.

Болѣзненная, яже отъ дѣйствія тѣлесе повреждаетъ, къ праздности принуждаетъ и сонною тяжестію чувства и движенія творитъ широчны.

Сего растворенія дѣйствія суть одышки, тоска, ослабленіе очей, тяжесть, главоболѣніе, насморки, ударъ, водяная болѣзнь, спячка, по расположенію вещества къ стеченію.

Излеченіе, или лаче предохраненіе состоитъ во умѣреніи яденія и питія во обученіи и лекарствахъ.

Что умѣренія касается, долженствуетъ быти тонкое, ужинъ обѣда скупѣйшій и не зельми нуажно хотя бѣ и не ужинать, въ-дущу stomachу молчаніе естли пищи не желаются и да не припущаются. Множыихъ излишество нежели мѣрно яденіе погубляти обыче. Не пользуют на трапезахъ молочныя и житкія яди, зане мокротны суть, и не зело здравитъ бѣствъ многообразнѣе со своими составовъ возкизаньми, вредитъ пиво новое и которое не устоялось, да будетъ медъ свѣтлый и тонкій и не кислый. Свиинна повреждаетъ. Пользуетъ мясо говяжье сѣбже, естли вареное, чтобъ безъ чесноку и соли множества, а когда жарить, прежде да покрошится солю. Но лучшаго сока есть мясо баранье и агнчее. Также здорово есть рябчики, курятка, молодые журавлики, утки дикіе, тетеревы, пелепелки, молодые тетеревки и лебедки. А рыбы, понеже студентѣйшаго суть растворенія, жестоко подають тѣлеси питаніе, которые на каменныхъ мѣстахъ въ рѣкахъ водворяются лучше суть и легче да будутъ бѣдуги и того-жь де чина отъ малосоленія растлѣваюціеся, и непріятный запахъ испущающіе. Но что реку, обычай другая есть природа горькая творитъ сладкая, не пріемная пріемна.

¹⁾ Матер. № 151.

Да будетъ хлѣбъ пшеничный въ ближней нощи печеный. А сухари много отончеваютъ. Изряднее ко отонченію припособляеть вареное кафе, Персянемъ и Туркомъ знаемое и обычайное послѣ обѣдѣ, вареное чае листу ханского, по свѣжа изрядное есть лекарство противъ надменій, насморковъ и главоболѣній.

Обученія.

Движеніе по Аристотелю есть вина теплоты. Воды родниковъ и рѣкъ текущихъ здравѣйшіе пеншуются. Блѣднѣютъ узо и исыхаютъ тюремные сидѣльцы, свободнаго бо воздуха и обученія лишаются. Видимъ по вся дни птицы что они плѣшущихъ животинъ суть и здравѣйшіи, ибо вспомогаютъ частыя обученія яко на кони ѣзженіе, произхожденіе, теченіе и ловленіе, сонъ полуселуденный утѣренный или ни единъ, а и ночью опочивать чтобъ не болши 7-мичасовъ.

Лекарства.

Могутъ онаи противу мокротная, яже мокроту иссучаютъ, и рожденіе ея возбраняють единою или дважды въ коемъ либо мѣсяцѣ пріята Къ симъ потливая по аглински состроенная, яже древечекъ и травъ мочи изъ сосуда аптекарскаго низу положеннаго и поставленнаго чрезъ трубочку препущаютъ къ великому страждующаго пользованію и утѣшенію не менши вспомогаютъ къ соблюденію здравія . . . . . надлежащая лекарства, которые мокроты несочные утишаютъ, яже впрямъ терпящизъ насморкъ и водяной трудъ изрядна. Къ сему обычаю належитъ пиво опелыненное съ кохлеарією и хрѣномъ строенное, квасъ яблочной съ семенемъ горчицы.

Вся яже о тучности истонченія . . . . . длѣнія теченію насморку, водиново . . . . . и спячки предхраненію изрядно помогаютъ ане и удару.

Еще у меня есть лекарство отъ дохтуровъ нашихъ гораздо похвальное и искушенное, которое доселе впрямое употребленіе и искусство привести не могохъ. Потому что ни едино или неизвѣстно всегда бѣ обиталище оскудѣвающую повседневному хлѣбу, и прямъ вскорѣ . . . . . издержавъ голодомъ мѣхъ истаявати".

Обнаружится какая-нибудь эпидемическая болѣзнь—снова пишется сказка о томъ, что нужно предпринимать въ отношеніи больныхъ и здоровыхъ.

Напримѣръ, 6 поля 1643 г. докторами Артманомъ Граманомъ и Яганомъ Бѣлау была подана сказка объ ангинѣ. Доктора пи-

сали: „У котораго де челоуѣка горло и груди пухнуть и будетъ де въ тѣхъ пухлыхъ мѣстахъ жаръ объявится тае де немочь зовется по латыни ангина. А начинается де та немочь отъ дурныхъ вѣтровъ и отъ жаркихъ мокротъ и отъ вѣствъ, которые челоуѣку не въ потребу и отъ жарче крови, которые бывають въ челоуѣкѣ. И только де отъ такіе болѣзни пособи челоуѣку вскорѣ не будетъ и отъ такихъ де болѣзней многіе люди задыхаються.

Да бываетъ тая жъ немочь людемъ отъ мертвой де животины, которая помираеть отъ повѣтрія, какъ де тое животину стануть одирать и отъ того стерва или отъ кожи паръ попадеть въ челоуѣка и съ тово помирають.

А коли де бываетъ повѣтріе на скоть на лошади или на коровы и мертвой де скоть надобно закапывать въ землю совѣмъ а только де въ землю не закапывать или стануть кожи одирать и отъ тово де бывать повѣтріе на люди.

А бываетъ де такое лихое повѣтріе на скоть отъ тумановъ коли весна бываетъ мочливая, а послѣ тово туманы великіе и жары и тѣ де туманы падутъ на траву а дождемъ ихъ не смоешь и трава съ тово станеть отравна и отъ тово де скоть помираеть.

Помочь немощнымъ людемъ у которыхъ горло и груди пухнуть:

Подъ языкомъ живую отворить да сдѣлать водка которая холодитъ и тою водкою въ ротѣ полоскать а не глатать и плевать вонъ. А наружно мазать мазми и чкастыри прикладывать которые къ тому годны будутъ и только немочь продолити надобно давать лекарства чтобъ потѣть и отъ тово бываетъ облегченіе.

А которые люди занемоутъ отъ духу мертвой животины или въ которыхъ людей отъ стерва войдетъ паръ и тѣмъ людемъ пособлять тово жъ часу чтобъ та болѣзнь до сердца не допуститъ а какъ до сердца доидеть и тому пособи не льзѣ. А скотинѣ всякой отъ повѣтрія которая занеможетъ давать вскорѣ корень по латыни зовется карлина истолокны мѣлко сыпать въ воду и тѣмъ поить всякая животина по многіе дни и насилу въ ротъ вливать которая пить не станеть.

И здоровымъ лошадямъ и всякому скоту тотъ корень давать въ питье чтобъ та болѣзнь не вѣтривалась.

Да и людемъ тотъ корень въ такіе тяжкіе времена добро пить" 1)

Черезъ 5 дней тѣже доктора подали новую сказку, въ которой писали:

„У которыхъ людей горло задухнеть и потомъ провалитца наружно и та немощь отъ лихово повѣгряя.

Лечить ту немощь:

Петчи ягоды винныя и мѣшать съ фіалкомъ что пластеръ и тѣмъ прикладывать и буде фіалку иѣтъ ино въ то мѣсто съ печенымъ лукомъ смѣшать истолчи такъ станетъ пластырь и къ той наружно ранѣ прикладывать того ради чтобъ повѣтривной отравной жаръ вывести и потомъ живити пластеромъ деаколонъ и тѣмъ людямъ давати питейцо пити сколь скоро почуветь такую болѣзнь, именуется та трава которую въ пиво варити и пити мелифоліумъ и пити да закутався потѣтъ и такую траву пьютъ варя въ пивѣ и дворовые люди для обереганья здравья въ такіе времена.

А цвѣтъ съ тоѣ травы мелифоліумъ цвѣтъ съ семенемъ да сушить а изсуша класть въ молодое пиво въ бочки завязавъ въ платъ, которая бочка будетъ ведръ въ десять, и въ тоѣ бочку цвѣту положить гореть, и то пиво давати пити немощнымъ.

А только молодова пива не лучитца а такое питье понадобится вскоре, и тоѣ травы мелифоліумъ сушеной цвѣтъ положить въ пиво и не новой вари, и варить тотъ цвѣтъ въ пивѣ столько какъ часть сваритца свѣжее рыба. А пива положить сколько бы немощному выпити, а цвѣту положить шепти съ двѣ небольшихъ, и процедя пить то пиво теплое и быть въ теплой избѣ, и одѣвся теплымъ на постелѣ и потѣтъ.

Да тотъ же цвѣтъ класть въ вино въ винницѣйскую склянцу шепти по три и по четыре, или болши а какъ устоитца то вино съ цвѣтомъ, и ево пить по утру въ другомъ или въ третьемъ часу дни, для обереганья отъ летворнаго вѣтру.

Да и здоровымъ людямъ въ такіе времена тотъ цвѣтъ въ пивѣ и въ винѣ пить съ утра надобно⁴.

Производится ли осмотръ частныхъ лицъ или воровскихъ кореньевъ—опять подается сказка.

Такъ въ 1643 г. 18 мая, осмотрѣвъ Григорія Горихвостова, докторъ Яганъ Бѣлогъ велалъ записку, въ которой сообщалъ: „болѣзнь у Горихвостова внутри есть глиста и у кого такая болѣзнь бывала и онъ де разными лекарствами такую болѣзнь потопивши или на низъ прыгущею сганивалъ которые глисты бывали по 3 и по 4 и по 5 аршинъ длиною.

А у многихъ людей такая болѣзнь не бываетъ а начинается она отъ худой нутреной мокроты и растетъ подле самыхъ кишекъ и бываетъ безъ мало что не противъ кишекъ длиною а шириною на персть и кормитца отъ того что человекъ шеть и ѣсть и для того что она возле самыхъ кишекъ близко бываетъ запретъ тѣ жилы у человека, отъ которыхъ жить печень силы и кровь къ себѣ принимаетъ и отъ того бываетъ тѣмъ людямъ у которыхъ людей такая болѣзнь что они тощи и безсилны бываютъ хотя и много пьютъ и ѣдятъ не будетъ у нихъ силы отъ ѣствы внутри ни какъ покаѣста та глиста у человека внутри и советна съ кишками мѣсте и живетъ въ мокротѣ и отъ того тѣмъ людямъ поносу времяемъ не бываетъ а не по всякъ день только будетъ человекъ въ кой день прыгаею не приметъ а какъ тотъ человекъ у кого такая болѣзнь бываетъ внутри да съ утра не поѣстъ ничего и та глиста совется съ кишками вмѣсте отъ того бываютъ нутреные вѣтры и рванье и ворчаніе внутри и вступитъ та глиста для своего корму подъ сердце со много мокротою что иногда у человека изъ горла мокрота пойдетъ а какъ та глиста передъ прохождомъ советца и для того у человека на низъ поносу не бываетъ на всякъ день и всякіе ѣствы что человекъ ѣсть внутри гниетъ и отъ того бываетъ внутри нечисты и отъ тое нечистоты бываютъ розныя немощи головныя и темненіе глазомъ и лихорадка а вскоре тое глисты избытъ нельзя потому что по кишкамъ лежитъ въ мокротѣ и для того ево ни какою прыгаею не пронесетъ и та глиста возле кишекъ останетца и советъ всѣ кишки вмѣсте что послѣ прыгаею и проносу иногда не бываетъ и отъ того бываетъ внутри рваніе и ворчаніе и вѣтръ нутреной и тое глисту надобно лекарствами прежи утомить и обезсилить чтобъ она въ клубъ вмѣстесилася а и отъ кишекъ бы отстала и какъ она отъ кишекъ отстанетъ и въ тѣ поры можно еѣ лекарствами на низъ согнати⁵.

Въ 1661 г. доктора, аптекаря и лекаря разсматривали коренья, принесенное отъ боярина Бориса Ивановича Морозова, и нашли, что „то коренье именуется латинскимъ языкомъ красули или фабарія или телефіумъ, а во аптекѣ того корени траву кладутъ въ мазь понилемову, а людямъ траву и коренья принимать не годится, потому что во всѣхъ книгахъ травникахъ не написано, что тотъ корень и траву людямъ принимать“¹⁾.

⁴⁾ Наши матер. т. I, стр. 5.

Наконецъ, привозятся къмъ либо-рѣдкіе аптекарскіе матеріалы въ родѣ янвора, и тутъ медики пишутъ о дѣйствительныхъ признакахъ его, о случаяхъ примѣненія и т. д. ¹⁾ Подобныя сказки приводились уже (см. стр. 157—160) и въ дальѣйшемъ этого вопроса коснемся снова, когда будетъ рѣчь объ экспертизѣ.

Словомъ, не было ни одной подробности въ медицинскомъ дѣлѣ, которая не заносилась бы въ записныя книги Аптекарскаго Приказа.

Эти книги, естественно, представляли собою все отдѣлы медицинской литературы. По нимъ русскіе люди, обращавшіеся около аптеки и дѣла Аптекарскаго Приказа, усваивали нѣкоторые элементарныя познанія въ медицинѣ, какъ, напримѣръ, дякъ Щелыловъ или же бодринъ Оедоръ Ивановичъ Шереметевъ и другіе.

Помимо указанного пути, такъ сказать, письменнаго, врачебныя знанія приобретались русскими людьми еще практически, въ качествѣ врачебныхъ служителей.

Первые иноземные медики привозили съ собою практически обученныхъ медицинскихъ помощниковъ. Докторъ Андрей Кауфманъ привезъ съ собою аптекаря Брисеа; Венделинуса Сибелнста прибылъ съ хирургомъ Николаемъ Петерсеномъ; Левъ Личфинусъ вывезъ Марка Кондвекки; съ Карбонаріемъ прибылъ лекаръ Игнатій Аберъ и т. д.

Съ теченіемъ времени помощники изъ иностранцевъ стали замѣняться русскими, которые постепенно привыкали къ иностранцамъ, не боясь уже болѣе „дѣтъ ихъ осквернитца“. Вскорѣ нашими спеціалистамъ, всякимъ мастерамъ гортаннаго, чечуйнаго и чепучиннаго дѣла, очнымъ мастерамъ и костоправамъ пришлось работать рядомъ съ иноземными лекарями. И въ полкахъ, и въ аптекахъ, и въ садахъ, и у водочнаго сидѣнья, словомъ, нигдѣ не обходилось дѣло безъ нашихъ русскихъ помощниковъ, обучавшихся заморской мудрости.

Съ постепеннымъ расширеніемъ медицинскаго дѣла лекарскіе служители, практиканты врачебной науки, теряютъ свой случайный характеръ, а занятія ихъ становятся подготовительнымъ образованіемъ. Возникаетъ вопросъ о медицинскихъ выученикахъ.

¹⁾ Матер. № 270.

Желаніе обучаться медицинѣ обнаружилось среди классовъ, наиболѣе нуждавшихся во врачебной помощи или же изъ лагеря лицъ, связанныхъ съ представителями тогдашней медицины. Поэтому-то преобладающее число учениковъ вышло изъ стрѣльцовъ и дѣтей стрѣлечихъ, т. е. класса особенно нуждавагося въ медикахъ при тогдашнихъ почти непрерывныхъ войнахъ.

Желаніе обучаться медицинѣ подавали государю челобитныя.

Такъ въ 1657 г. стрѣлечій сыншика Гавриила Минифоровъ докладывалъ: „отецъ мой служилъ... дѣтъ съ пятьдесятъ и болѣе всякіе твои государевы службы... а я холопъ твой въ службѣхъ ни въ какомъ чинѣ не былъ... пожалуй меня х. е. за службу отца моего, вели, государь, мѣнѣ приискать въ Аптекарской Приказѣ къ лекарскому дѣлу въ ученики“ ¹⁾

Въ томъ же году стрѣлечій сыншика Митка Обросимовъ билъ челомъ: „служилъ отецъ мой прежнимъ государемъ и тебѣ праведному государю всякіе ваши г. службы многое время и отца моего судомъ Божіимъ не стало, и я х. т. ни въ какую т. г. службу не написанъ... вели, государь, мнѣ быть у с. г. костоправнаго дѣла въ ученикахъ у Ивана Макенмова“ ²⁾.

Въ 1659 г. лекарскаго дѣла ученикъ Иванко Михайловъ билъ челомъ: „служилъ отецъ мой... дѣтъ съ шездесять и болѣе въ стрѣльцахъ, и въ нынѣшнемъ... году... велѣтъ мнѣ служить... стрѣлечая служба... вели, государь, въ мое мѣсто быть въ Аптекарскій Приказъ къ лекарскому дѣлу въ ученики братишка моего“ ³⁾.

Въ случаѣ смерти одного брата, служившаго въ Приказѣ, другой, оставшійся въ живыхъ, старался занять мѣсто умершаго.

Напримѣръ, въ 1657 г. стрѣлечій сыншико Иванко Авдкимовъ билъ челомъ государю: „былъ братъ мой дворяниной Первой Петровъ изъ стрѣльцовъ... къ костоправному дѣлу въ мастера въ Аптекарскій Приказъ; а нынѣ, государь, того моего брата Перваго судомъ въ живости не стало, а я холопъ твой костоправному небольшому дѣлу у того брата своего навичентъ... вели

¹⁾ Матер. № 277.

²⁾ ibidem № 758.

³⁾ ibidem № 840.

государь, меня взять въ Аптекарскій Приказъ къ...костоправному дѣлу въ ученики" ¹⁾.

Въ 1682 г. Гришка Исаковъ писалъ въ челобитной: „Служилъ отецъ мой... въ Аптекарскомъ Приказѣ въ костоправахъ...а волею Божьею отца моего не стало; а послѣ отца моего, на ево мѣсто пожалованъ братъ мой Лукьянъ, и волею Божьею брата моего... не стало жъ... за службу отца моего, вели, государь, мнѣ быть... въ Аптекарскомъ Приказѣ на мѣсто брата моего Лукьяна у костоправнаго лекарскаго дѣла въ ученикахъ, и чтобъ было мнѣ чѣмъ прокормить бабу и мать свою съ снохою и съ малыми дѣтьми“ ²⁾.

Вообще встрѣчаются неоднократныя челобитныя членовъ медицинскаго персонала, старавшихся сохранить служебную связь съ Аптекарскимъ Приказомъ.

Напримѣръ, въ 1678 г. былъ челомъ „сирота бѣдной и беззаступной горкой Аптекарскаго Приказу лекаря иноземца Семена Ларионова сынишка Сенка Семеновъ“, докладывавшій: „отецъ мой убитъ на в. г. службѣ въ Чигиринѣ, а я бѣдной сирота т. остался съ матерью своею и съ сестрами самъ четверть—помираю голодною смертию... вели, государь, мнѣ быть въ Аптекарскомъ Приказѣ въ аптекарскихъ или въ алхимическихъ ученикахъ, и вели, государь меня отдать въ наученія латынскаго языка выучить“ ³⁾.

Подобныя челобитныя поступали также отъ родителей.

Въ 1667 г. аптекарь Романъ Тиу былъ челомъ: „служилъ я х. т... во Аптекарскомъ Приказѣ многіе годы и нынѣ я х. т. при старости... вели, государь, сынишку моему быть во Аптекарскомъ Приказѣ во аптекарскихъ ученикахъ, а я х. т. сынишка своего аптекарскому дѣлу выучу“ ⁴⁾.

Въ 1678 г. „алхимическаго дѣла Тиханъ Ананинъ“ проситъ: „вели, государь, сынишкѣ моему Левкѣ быть въ Аптекарскомъ Приказѣ алхимическаго дѣла въ ученикахъ и учитца у иноземца Петра Пили“ ⁵⁾. Въ данномъ случаѣ отецъ хлопоталъ о представленіи возможности усовершенствоваться уже третьему сыну,

¹⁾ ibidem № 772.

²⁾ ibidem № 1655.

³⁾ ibidem, № 1446.

⁴⁾ Намн матер. т. I, стр. 157.

⁵⁾ Матер. № 1450.

такъ какъ при немъ самомъ обучались двое сыновей и даже состояли на государевомъ жалованьи: одинъ получалъ въ годъ 12 руб. 31 алтынъ, 4 денги, а другой — 11 руб. 31 алтынъ 4 денги.

Въ 1679 г. черучинный лекарь Митрошка Петровъ былъ челомъ государю повелѣть „быть въ Аптекарскомъ Приказѣ въ ученикахъ сынишку моему Прохѣ Митрофанову“ ¹⁾. Несколько дней спустя Степка Алексѣевъ подалъ челобитную, въ которой писалъ: „Сынишко, государь, у меня на возрастѣ и въ чинѣ ни въ какой не жалованъ; а подлѣ, государь, меня малую часть къ учению лекарскаго дѣла принадлежить... вели, государь, сынишкѣ моему Андрюшкѣ быть въ Аптекарскомъ Приказѣ въ лекарскихъ ученикахъ, и о даѣтъ того моего сынишка въ наученіе къ кому ты в. г. укажешь лекарю отдать“ ²⁾.

Бывали ученики изъ посадскихъ, монастырскихъ и другихъ людей, а также солдатскихъ дѣтей.

Такъ въ 1662 г. „вольной гулящій человекъ Андрюшка Харитоновъ“ былъ челомъ велѣть ему „быть у своего государева дѣла во Аптекарскомъ Приказѣ въ лекарскихъ ученикахъ“ ³⁾. Въ 1664 г. „вольной гулящій человекъ Оедка Дорофѣевъ“ просилъ указа быть „во Аптекарскомъ Приказѣ въ лекарскихъ ученикахъ для наученія лекарскаго или костоправнаго дѣла“ ⁴⁾. Въ 1667 о томъ же просилъ его государева богомольца Венедикта Тимофѣева сынъ Ивашка ⁵⁾.

Въ 1682 г. было приказано Савкѣ Терентьеву „быть въ травникахъ“. Изъ его челобитной о приѣмѣ узнаемъ, что онъ сначала былъ „у Рождества Пресвятыя Богородицы, что на сѣняхъ въ сторожахъ съ годъ, и послѣ де того былъ въ сторожахъ же въ соборѣ Архистратига Михаила — года съ полтора“... Предъ поступленіемъ въ Приказъ онъ показатъ, что „кормится своимъ рукодѣлемъ: шьетъ порпное“ ⁶⁾. Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ Савкѣ выяснилось, что онъ „Устюга Великаго посадскій человекъ А въ тягѣ онъ ни въ какомъ не бывалъ; а на Москвѣ

¹⁾ ibidem, № 1470.

²⁾ ibidem, № 1475.

³⁾ Намн матер. т. I, стр. 36—37.

⁴⁾ ibidem, стр. 78.

⁵⁾ ibidem, стр. 109—110.

⁶⁾ Матер. № 1663.

жить года з два; а стать де онъ съ Устюга города з женою и з дѣтми, отъ скудости и отъ хлѣбного недороду“¹⁾.

Въ 1671 г. было велѣно, отдать учить лекарскому дѣлу *солдатика* сына Савку Дмитреева Аптекарской Палаты лекарю Оролу Дяклеру“²⁾.

Но подавляющее большинство выучениковъ происходило изъ стрѣльцовъ и дѣтей стрѣлечихъ, какъ болѣе другихъ развитыхъ и грамотныхъ, а также наиболѣе нуждающихся въ знаніи врачебнаго дѣла³⁾. Неудобство этого подбора сказывалось, когда приходилъ срокъ службы и Стрѣлецкій приказъ требовалъ къ собѣ лекарскаго ученика.

Напримѣръ въ 1672 г. Оетка Захарьевъ въ своей челобитной писалъ: „Я холопъ твой за кровь и за смерть послѣ отца своего пожалованъ... въ Аптеку къ лекарскому дѣлу въ ученики, а въ нынѣшнемъ... году взять я холопъ твой былъ въ Стрѣлецкій приказъ и сидѣлъ скованъ четверы сутки и... отданъ въ Ларіоновъ приказъ Лопухинна; а нынѣ по твоему в. г. указу велѣно мнѣ х. т. быть въ Оп. Пр. попрежнему въ лекарехъ... пожалуй меня кровь х. с. за кровь и за смерть отца моего изъ Оп. Пр. въ стр. прик. послать память, чтобъ *меня впредь въ стрѣльцы въ Стр. Прик. не волочили*“⁴⁾. На челобитье послѣдовалъ указъ: „въ Стр. Пр. не составя съ Апт. Приказомъ его не имать“.

Въ стрѣлечью службу лицъ медицинскаго персонала требовали иногда несмотря ни на какую продолжительность ихъ занятій въ Аптекарскомъ Приказѣ. Такъ въ 1671 г. лекари Оедотка Васильевъ и Андрюшка Оедотовъ были челомъ государю: „изъ Стрѣлечкаго приказу въ Аптек. Палату прислана память: велѣно насъ холопей твоихъ отдать въ Ларіоновъ приказъ въ стрѣльцы, а мы х. т. въ Опт. Пал. служили тебѣ в. г. въ ученикахъ и въ лекаряхъ *девятнадцать* лѣтъ и всякую нужду и бѣдность терѣли... пожалуй насъ холопей своихъ бѣдныхъ и беззаступныхъ за нашу многую службишку, вели, государь, намъ служить свою в. г. лекарскую службу, а изъ Аптекарской Палаты въ стрѣлецкій приказъ не вели, государь, насъ посылать.

¹⁾ Ibidem, № 1665;

²⁾ Ibidem, № 1668.

³⁾ Наши матер. ч. II, № 32.

⁴⁾ Ibidem, № 491.

чтобъ намъ холопямъ твоимъ *лекарскаго дѣла чему мастера иноземцы насъ учили, не забывать* и твоей в. г. службы впредь не отбыть“¹⁾.

Тоже самое было съ посадскими и духовными, которыхъ то тянули къ тяглу, то къ иконписи. Въ подобныхъ случаяхъ Аптекарскій Приказъ поступалъ различно: способныхъ и дѣльных не отпускать, другихъ же не удерживать.

Такъ, въ 1657 г. стрѣльцу Оедикѣ Васильеву велѣтъ... быть у... Государева дѣла въ Аптекарскомъ Приказѣ, въ лекарскомъ ученьѣ, а въ стрѣлечкой службѣ быть ему не велѣтъ...“²⁾

Въ 1663 г. состоялся указъ о зачисленіи въ Аптекарскій Приказъ Стенки Ошуркова, который былъ посланъ „для иконнаго писма въ Волоцкую и въ Молдавскую землю съ Волоскимъ митрополитомъ Гедеевымъ и съ иными иконники Оружейнаго Приказу... и быть онъ Степанъ въ той землѣ шесть лѣтъ“³⁾.

Въ томъ же году было приказано относительно нижегородскаго посадскаго человека Омельи Мухановскаго, взятаго въ Москву въ лекари... „тягло съ него Омельи з дѣтей его велѣно снять и ни на какія тягла и податей всякихъ съ нижегородны съ посадскими людьми платить не велѣно“...“⁴⁾

Въ другомъ случаѣ въ отвѣтъ на челобитную лекарскаго ученика Ивашки, поданную въ 1677 г., Государь указалъ думному дворянину Соковину: „а поборовъ ни въ какой ихъ посадкой расходъ съ него Ивашки имати бѣ не велѣтъ“...“⁵⁾.

Взятые въ приказъ ученики обучались всѣмъ наукамъ практическимъ, помогая тому лекарю, которому отдавались въ обученіе. Напримѣръ въ 1677 г. у аптекаря Ивана Гутменна обучались аптекарскіе ученики Алешка Ивановъ, Гришка Игнатьевъ и Стенка Микитинъ; чепучиннаго, костоправнаго, лекарскаго и гортаннаго дѣла ученики обучались: Артемій Петровъ у брата своего Митрофана Петрова, Якушко Ивановъ у лекаря Ягана Термонта, Кузанка Дмитріевъ у лекаря Власа Губина, Ивашка Антоновъ у костоправа Ивана Максимова, Ивашка Тихавовъ у отца своего Тихона, Андрюшка Аристовъ у аптекаря Крестьяна Эглера,

¹⁾ Ibidem, № 472.

²⁾ Ibidem, № 720.

³⁾ Ibidem, № 346.

⁴⁾ Ibidem, № 337.

⁵⁾ Ibidem, № 1394.

Оеда Дорощевъ у лекаря и окулиста Ягана Шарплинга и т. д. ¹⁾.

По прошествии некоторого времени, ученики посылались въ полки въ качествѣ лекарей. Такъ было до организации официально-школьнаго образования, которое складывается съ начала второй половины XVII ст. Съ этого времени стало труднѣе попасть въ лекари, такъ какъ нужно было пройти нѣсколько определенныхъ стадій обученія: побывать въ поляхъ съ травниками „на двѣ перекаты и на три“, т. е. сначала въ качествѣ младшихъ учениковъ, а потомъ старшихъ.

Прямой переходъ изъ старшихъ травниковъ былъ въ аптеку, „гдѣ за лекарства, масла и вотки, и спирты, и сахара, и сиропы, и пластыри, и всякія аптекарскія и дистилаторскія дѣла“ опять приходилось посидѣть нѣкоторое время въ ученикахъ „мелшой статьи“, а потомъ уже просто въ ученикахъ, то-есть въ томъ самомъ званіи, которое обеспечивало лекаремъ практику гдѣ-нибудь въ полку ²⁾.

Некоторые ученики не проходили обученія въ травникахъ и въ аптекахъ. Эти все свое образованіе получали у лекарей, подъ руководствомъ которыхъ работали на практикѣ.

При посылкѣ въ полкъ ученика съ какимъ-нибудь лекаремъ воеводѣ наказывалось: „да сколько человекъ, и ково имени нашихъ ратныхъ людей излечено будетъ, и ты бѣ тѣхъ людей велѣлъ записывать. А котораго числа лекарь и ученикъ.. прибудутъ, и ты бѣ о томъ къ намъ отписать и ратнымъ раненымъ людямъ записныя книги прислать“ ³⁾...

Почувствовавъ себя достаточно сильнымъ въ своей специальности, ученикъ былъ Государю челомъ: „велѣть быть ему, холопу царскому... въ аптекахъ въ лекаряхъ и пожаловать его... кормами... чѣмъ бы ему на Государевой службѣ не умереть съ голоду“. При этомъ подавалась роспись „кого онъ всякихъ чиновъ людей излечилъ“... и указывалось на достигнутыя познанія и успѣхи вообще, въ родѣ того что „раны стрѣльные, колотыя и рубленныя лечу и пульки вырѣзываю и руду живую и банками пущать умѣю, водки гнать, мази стирать знаю же, болѣзни внутренныя

¹⁾ ibidem, № 1381.

²⁾ ibidem, № 500, 1397, 1462.

³⁾ ibidem, № 280.

лечить могу же и нѣсколько очного и костоправного дѣла навичень“.

Аптекарскій Приказъ все это принималъ въ соображеніе и зачислялъ челобитчика въ „русскіе лекари“. При этомъ назначалось мѣсто службы и давались инструменты для хирургической практики: „по шурупу пулечному; по клещамъ пулечнымъ; по другимъ клещамъ журавлины носы; по клещамъ, чѣмъ ротъ растворяютъ; по ножу кривому; по два ланцета въ монастырки; по трубкѣ, чѣмъ раны прыщутъ, мѣдные тройные; по два клестера костяныхъ; по два монастырка цѣлыхъ; снасть, чѣмъ прижигаютъ раны; по вѣскамъ небольшимъ, по фунту; по потѣлкѣ средней; по губкѣ гречкой; по ложкѣ долгой мѣдной съ комлемъ; по двадцати пузырей; воску по фунту ¹⁾.

Въ цѣляхъ облегченія ученикамъ доступа къ теоретическимъ знаніямъ по медицинѣ того времени принимались мѣры къ обученію ихъ иностраннымъ языкамъ.

По указу Осодора Алексѣевича 5 ноября 1678 г. велѣно было „быть въ Аптекарскомъ Приказѣ въ наученіе аптекарскаго и алхимискаго дѣла лекаря Семена Ларионова сыну его Сенькѣ, да алхимискаго дѣла Тихона Ананьина сыну его Левкѣ и велѣно ихъ отдать учителя въ школу въ новонѣмецкую слободу латинскому и царскому языку“ ²⁾. Въ томъ же году 14 декабря „для совершеннаго наученія“ туда же были отданы Гавріиль Стефановъ Оуигадановъ, который раньше учился у Симеона Полецкаго латинскому и польскому языкамъ ³⁾.

Въ 1679 г. въ мартѣ Осодоръ Алексѣевичъ указать по словесному челобитію лекаря Митрофана Петрова „дѣтей его—Пронку да Тишку изъ Аптекарскаго Приказу отдать ихъ въ наученіе въ новую Нѣмецкую слободу въ школу латинскому и царскому языковъ“ ⁴⁾. Названная школа была устроена иноземцемъ Яганомъ Понціусомъ. Ему было наказано: „учить тѣхъ учениковъ со всякимъ прилежаніемъ и радѣніемъ; а буде они учнутъ дѣлится или ослушаться, учинить наказанье какъ въ школахъ... по винѣ смотря“. За каждаго ученика Понціусъ получалъ по рублю. Стефанъ Оуигадановъ за своего сына платилъ изъ

¹⁾ ibidem, № 1622.

²⁾ Матеріалы №№ 1446, 1450.

³⁾ № 1461.

⁴⁾ ibid., № 1488, 1493.

Вся масса медицинских книг, естественно, предназначена была для обучения, а не самолечения, как полагали некоторые историки, въ родѣ Рихтера ¹⁾. Лишь въ XVIII столѣтіи учебники стали терять свой специально-школьный характеръ и вошли во всеобщее пользованіе въ видѣ многочисленныхъ передѣлокъ и сокращеній. „Врачебники XVII вѣка, хотя уже начинали сокращаться, служили, по справедливому убѣжденію Л. Змѣева, учебниками; но къ концу вѣка все болѣе и болѣе они уходили отъ научности отчасти отъ сокращеній и передѣлокъ, такъ сказать, опрощенія, частью же отъ появленія новой науки. Въ XVIII столѣтіи видно уже полное откидываніе старыхъ началъ, переставшихъ быть нужными за нарастаніемъ новыхъ. Тогда наши травники, создаваемые торговлей будто бы для народа, потеряли и слѣды науки, а пожалуй и мысли“ ²⁾. Такимъ образомъ, были ученики, были и учебники.

Мы уже отмѣчали, что развитіе медицины въ до-Петровской Руси шло подъ сильнымъ давленіемъ возрастающей въ войскахъ потребности въ обученныхъ лекаряхъ. Непрерывныя войны давали огромное число раненыхъ, а справиться съ ними не было возможности силами иноземныхъ врачей, какъ невозможно было оставить ратныхъ людей безъ врачебной помощи, когда войско реорганизовалось по иностранному образцу и примѣры правительственной заботы о здоровьѣ солдатъ были на глазахъ. Смоленскій походъ открылъ въ этомъ отношеніи новую эру.

Въ горячее время 1654 года для обученія медицинѣ было набрано 30 учениковъ изъ стрѣльцовъ и дѣтей стрѣльцкихъ ³⁾. Спустя нѣкоторое время къ нимъ присоединились еще 8 человекъ, составившихъ „меншой статьи“ учениковъ ⁴⁾. Ученики перваго призыва въ 1660 году были уже выпущены лекарями; 13 изъ нихъ—въ стрѣлецкіе приказы и 17—„въ разные полки вмѣсто лекарей для лечбы ратныхъ людей“. Въ спискахъ полковыхъ лекарей за 1663 годъ встрѣчаются слѣдующія фамиліи прежнихъ лекарскихъ учениковъ: Оедотко Васильевъ, Ондришка Оедотовъ, Ивашко Семеновъ, Ивашко Онтоновъ, Васка Подуруевъ, Якушко Дементьевъ, Олонка Шешуковъ, Стенка Алексѣевъ,

Ивашка Овдокимовъ, Ивашко Павловъ, Митрошка Петровъ, Митка Обросимовъ, Оедотка Яковлевъ, Оедка Захарьевъ, Митка Микитинъ, Ивашко Костылевъ, Алешка Левонтьевъ, Емелько Климовъ и Оска Ермолинъ ¹⁾.

Лекарскіе ученики состояли на жалованьи, размѣры котораго колебались въ зависимости отъ опытности каждаго изъ нихъ. Напримѣръ въ 1667 г. ученикъ Алешка Левонтьевъ получалъ 23 руб. 16 алтынъ 4 деньги годового жалованья и поденнаго корма. Столько же получали Ивашко Екимовъ и Ивашко Костылевъ. Но Сережка Бавалевъ получалъ 21 руб. 11 алтынъ 4 деньги а Оська Ермолинъ, Гришка Тимофьевъ, Давыдка Аксентьевъ, Федька Дорофьевъ, Емелька Климовъ, Фельза Плинь по 20 руб. 18 алт. 4 деньги ²⁾.

Въ придачу къ скудному жалованью иногда ихъ награждали дополнительными выдачами. Напр., въ 1672 г. 10 учениковъ получили по сукну за ихъ работу, что они лечили раненныхъ стрѣльцовъ. За годъ передъ тѣмъ 3 ученика были награждены также сукномъ за ихъ работу, что они *лекарскому оуду грамота* и лечили московскихъ приказовъ раненныхъ и стрѣльцовъ ³⁾.

Всѣ эти пионеры русской врачебной науки шли въ глухія мѣста, терпѣли нужду и лишенія, разнося страждущимъ помощь и распространяя рационально—медицинскія свѣдѣнія въ военныхъ народныхъ массахъ.

При Оедорѣ Алексѣевичѣ Аптекарейскій Приказъ настолько усердно стремился къ насажденію медицинскихъ знаній среди русскихъ, что вопросъ объ обученіи сталъ вносить и въ призывныя грамоты и въ клятвенныя записи. Въ наказѣ, напримѣръ, Вилиму Горстену въ 1678 году, ѣхавшему за море для призыванія въ службу великаго государя добрыхъ лекарей, писалось между прочимъ: „да имъ же обѣщать буде они... *грамоты учениковъ русскихъ грамота со всякимъ приложаніемъ* чему сами го-разды и имъ государева жалованья будутъ придачи сверхъ того уговору“ ⁴⁾. Въ 1680 году лекаря Фридрихъ Буркгартъ и Расперъ должны были передъ приведеніемъ къ присягѣ обѣщать:

¹⁾ Рихтеръ. Исторія мед. т. I стр. 90 и слѣд.

²⁾ Змѣевъ. Русскіе врачебники стр. 29, 30, 265, 266.

³⁾ *ibidem*, № 896.

⁴⁾ *ibidem*, № 809.

¹⁾ *ibidem*, № 332.

²⁾ Наши матер. т. I стр. 103.

³⁾ *ibidem*, т. II стр. 14—15.

⁴⁾ *ibidem*, № 1458.

„и учениковъ, которые мнѣ для ученія даны будутъ, *учить съ великимъ прилежаніемъ* 1)...

Въ 1671 г. на почвѣ обязанности врачей обучать учениковъ произошел интересный конфликтъ между иноземнымъ лекаремъ и Аптек. Приказомъ. Къ лекарю Ивану Албанусу былъ посланъ стрѣлецкій сынъ Оедка Сергѣевъ, но лекарь „того ученика не принять“, а при допросѣ заявилъ: „потому де онъ нехочетъ учить лекарскому дѣлу Оедку Сергѣева, что ему Ягану не дано вел. государя годовое жалованье денежное и корму за прошлой 179-й годъ, а какъ де ему государево жалованье и кормъ выдадутъ, и онъ де ево въ то время учить станеть“ 2).

О томъ, насколько широко было поставлено приказомъ медицинское образованіе, можно судить отчасти по числу учениковъ, а частью по числу лицъ врачебнаго персонала изъ русскихъ. По свидѣтельству Котошихина, въ вѣдѣніи Аптекарскаго Приказа, кромѣ 30-ти иностранныхъ докторовъ и лекарей, было до 20-ти русскихъ учениковъ, а въ 1682 году, къ концу царствованія Оедора Алексѣевича иностранныхъ докторовъ, аптекарей, алхимиковъ, лекарей, всѣхъ вмѣстѣ было 17 человекъ, русскихъ же лекарей съ учениками насчитывалось сорокъ четыре 3).

Приведенными цифрами не ограничивалось, однако, дѣйствительное число русскихъ врачебныхъ силъ. Уже въ то время много было вольныхъ выучениковъ и вольныхъ лекарей; были даже частные преподаватели медицины, какъ-то: Гадень Кладенбургъ, Артемій Назаровъ въ Казани и другіе. У частныхъ учителей обученіе велось такъ же, какъ и въ Аптекарскомъ Приказѣ. Исторія сохранила намъ весьма любопытный дипломъ, выданный частной медицинской школой 4). Изъ этого диплома видно, что обученіе продолжалось около 5 лѣтъ, по прошествіи которыхъ ученикъ экзаменовался въ присутствіи многихъ приглашенныхъ для этого специалистовъ. Обученіе начиналось по особому контракту „на годы“.

1) *ibidem* № 1605.

2) *ibidem* № 464.

3) Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича Спб. 1859 г. стр. 90 и Матер. № 1677.

4) Змѣевъ. Первый врачебный дипломъ, выданный въ Россіи Рус. Архивъ 1886 г. № 7.

Плодотворность приказнаго медицинскаго образованія съ особенною ясностью выступаетъ при сопоставленіи приказной школы со школой, созданной при Петрѣ Великомъ.

По указу Петра I отъ 25 мая 1706 г. быть построены „гофшпиталь“ въ Москвѣ „за Яузскою рѣкою, противъ нѣмецкой слободы, въ пристойномъ мѣстѣ, для леченія болящихъ людей“. Указомъ повелѣвалось: „А у того леченія быть доктору Николаю Бидлоу да двумъ лекарямъ Андрею Рыбкину, а другому, кто присланъ будетъ; да *изъ иноземцевъ и изъ русскихъ, изъ всякаго чина людей набрать для аптекарской науки 50 человекъ*; а на строеніе и на покупку лекарствъ, и на всякія къ тому дѣлу принадлежащія вещи, и доктору и лекарямъ, и ученикамъ на жалованье деньги держать въ расходъ изъ сборовъ Монастырскаго приказа“ 1).

Черезъ полтора года по объявленіи указа московскій госпиталь былъ открытъ и приступили къ набору учениковъ, „которые были бы уже весьма въ латинскомъ языкѣ искусны“. Первый комплектъ учениковъ составилъ не рѣше четырехъ лѣтъ со времени открытія школы 2). Въ 1712 г. Бидлоу писалъ Петру Великому: „Взялъ я въ разныхъ городахъ и числахъ 50 человекъ до науки хирургической, которыхъ 33 осталось“... 3).

Недостатокъ учениковъ былъ обычнымъ явленіемъ для этой школы. Въ 1719 г. въ ней было всего 30 учениковъ, большинство которыхъ составляли *дѣти иностранцевъ*, проживавшихъ въ Москвѣ. Пришлось бы, пожалуй, школу закрыть, если бы учениковъ не начали вербовать изъ лучшихъ воспитанниковъ московской славяно-греческой школы. Изъ послѣдней въ 1722 г. взяли 19 мальчиковъ, спустя два года—11; черезъ два года опять столько же; въ 1727 г. взято 18 учениковъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря ни на какія усилія Бидлоу, въ 1723 г. въ его школѣ было иностранныхъ и русскихъ учениковъ всего 25, а при Аптекарскомъ Приказѣ въ 1658 г. однихъ русскихъ насчитывались 38 4).

Не въ пользу школы Бидлоу, говорить система вербовки учениковъ, между тѣмъ какъ Аптек. Приказъ одолевали челобитчики, добровольно стремившіеся посвятить себя или своихъ дѣтей и родственниковъ изученію медицины.

1) Полное Собр. Законовъ т. VI № 3937.

2) Чистовичъ *op. cit.* стр. 43.

3) *ibidem* стр. 44.

4) *ibidem* стр. 47 и матер. № 809.

Аптекарейскій Приказъ, какъ мы видѣли, засыпался просьбами о зачисленіи на службу. Наоборотъ, въ петровскую эпоху съ врачебной службы бѣгутъ и правительству приходится принимать чрезвычайныя мѣры борьбы съ уклоняющимися. Такъ по грамотѣ 12 сент. 1706 г. въ военномъ походѣ въ Кіевъ было указано быть „у аптекарскихъ дѣлъ ст. Оедору Неблову, да Григорью Нашеккину да Петру Благому“, но ни одинъ изъ нихъ не явился. По грамотѣ 2 октября „къ аптекарскимъ дѣламъ.. для надемотру къ больнымъ и раненымъ“ велѣно быть ст. Василию Сумарокову, но онъ не явился. Всѣхъ четверыхъ пришлось разыскивать ¹⁾.

По указу 25 октября 1706 г. было приказано „во Ржевскомъ уѣздѣ Григорья Семенова сына Нашеккина сыскать, а сыскавъ выслать въ военный походъ къ аптекарскимъ дѣламъ тотчасъ безо всякаго мотчанья, а покажетъ онъ Григорій изъ Ржевы высланъ будетъ, деревни его отписать на великаго государя и людямъ его и крестьянамъ слушать его не велѣть, а изъ усадьбы его велѣно взять людей его и крестьянъ человекъ 2 или 3 и держать въ тюрьмѣ“ ²⁾.

Подобная мѣра поужденія была принята по указу 28 ноября 1706 г. въ отношеніи ст. Григорья Павлова сына Языкова. Последняго не оказалось въ обычномъ его мѣстѣ жительства, въ Галичѣ и поэтому были посланы памяти о сыскѣ по всѣмъ городамъ. Также самое было предпринято въ отношеніи Артемія Михайлова сына Кирѣева, разыскивававшегося въ Бѣлевѣ на основаніи указа отъ 9 ноября 1706 года ³⁾.

Лекари, получавшіе образованіе въ приказной школѣ пользовались въ глазахъ населенія не меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ лекари изъ иностранцевъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ напримѣръ случай имѣвшій мѣсто въ 1679 г. со стольникомъ Иваномъ Аонасеевымъ сыномъ Матюшкинымъ, леченіе котораго было поручено, по указу Оеодора Алексѣевича, повопризванному иностранному лекарю Севастьяну Резлеру. Когда назначенный лекарь прибылъ съ переводчикомъ Васькой Стенберхомъ къ больному, то „стольникъ Иванъ Аонасеевичъ сказалъ, что лекарь иноземецъ ему не надобенъ, а лечить-де его лекарь Митрофанъ Петровъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Архив. Мин. Юстиціи Разр. гл. 37 д. 56.

²⁾ ibidem. № 41 д. 36.

³⁾ ibidem, № 38 д. 89.

⁴⁾ Матер. № 1582.

Полагаемъ, что для выясненія вопроса о времени возникновенія у насъ медицинскаго образованія и укорененія его на отечественной почвѣ приведено достаточно матеріала, чтобы не повторять за многими историками, будто бы и первая медицинская школа и вся вообще врачебная организація появились въ Россіи со времени Петра Великаго.

Нужно еще замѣтить, что петербургское правительство воспользовалось не только планами московскаго относительно обученія русскихъ людей медицинѣ у себя дома, но не забыло и старыхъ попытокъ Аптекарейскаго Приказа готовить докторовъ для русской службы въ иностранныхъ университетахъ. Такъ въ 1692 г. странникъ Петръ Гасильевичъ Постниковъ на казенныхъ подводахъ и денежномъ содержаніи до 1.000 рубльковъ былъ отправленъ „по именному Великаго Государя Петра Алексѣевича указу“ въ Венецію для спеціальнаго изученія медицины. Изъ заграничной поездки онъ былъ вполне подготовленъ къ суммѣ общаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ, а можетъ быть былъ уже знакомъ до нѣкоторой степени и съ медициной. Проф. Дм. Цвѣтаевъ предполагаетъ, что Постниковъ могъ заниматься медициной въ Москвѣ подъ руководствомъ молодыхъ докторовъ падуанскаго университета Якова Веларино и Ивана Комнина ¹⁾.

Это предположеніе тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что Постниковъ получилъ степень доктора медицины въ 1694 г. Трудно допустить, чтобы онъ за такое короткое время успѣлъ овладѣть медициной безъ предварительной подготовки.

Проф. Загоскинъ передаетъ, что „окончивъ курсъ въ славившемся въ ту пору Падуанскомъ университетѣ и получивъ отъ послѣдняго блестящій дипломъ (этотъ дипломъ сохранился до нашихъ дней) на степень доктора медицины и философии, молодой Постниковъ вернулся въ Россію и съ 1701 г. началъ здѣсь свою медицинскую карьеру“ ²⁾. Въ дѣйствительности Постникову не суждено было примѣнить свои знанія на практикѣ въ качествѣ врача. По указу Петра Алексѣевича отъ 23 марта 1701 года повелѣвалось: „Петра Гасильева сына Постникова... ево въ докторы и учинить ему вел. государя жалованья окладъ

¹⁾ Дм. Цвѣтаевъ. Медики въ Московск. Россіи стр. 23.

²⁾ Загоскинъ ср. ст. стр. 67 и Державинъ. Вспомысловъ. Сиб. 1903 г. стр. 248.

и поденного корму по пятьсот рублей... а въ Посолскомъ приказѣ какъ случатся латинскіе, французскіе, италіанскіе нужные письма, и тѣ письма переходить ему жъ Петру“¹⁾. Сначала Постниковъ занимался переводами, но осенью того же года онъ былъ назначенъ въ Парижъ „для сообщенія о тамошнихъ поведеніяхъ“, гдѣ оставался до 1710 года.

И такъ, первый русскій докторъ императорскаго періода такъ же мало оставилъ слѣда въ русской врачебной жизни, какъ и многочисленные молодые люди, посылавшіеся за границу значительно ранѣе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вопросъ о врачебной экспертизѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе больныхъ мѣстъ современной организаціи медицинскаго дѣла. Съ одной стороны, врачи *обязаны* давать свои заключенія по требованію судебныхъ и административныхъ властей, съ другой—эти власти *не стеснены* въ своихъ рѣшеніяхъ мнѣніемъ экспертовъ.

Жизнь изобилуетъ тысячами случаевъ, когда, напримѣръ, къ судебному разбирательству привлекались выдающіеся ученые, которые затрачивали по нѣскольку дней на изученіе того или другого вопроса и въ заключеніе высказывали свое, обоснованное на точныхъ требованіяхъ науки, мнѣніе, а судьи постановляли приговоры какъ разъ *вопреки* этому мнѣнію. Тоже наблюдается въ административной сферѣ, напримѣръ, по дѣламъ о воинской повинности.

О современномъ состояніи врачебной экспертизы приходится тѣмъ болѣе пожалѣть, что она считаетъ за собою вѣковую давность и въ старину не занимала столь унижительнаго положенія.

Надо полагать, что колыбелью врачебной экспертизы были язычскіе суды. Наши предки производили судебныя испытанія огнемъ, водою и желѣзомъ. Лица, слѣдившія за ходомъ испытанія и дававшія заключеніе о его результатахъ, и были въ собственномъ смыслѣ экспертами. Народные обычаи заронили зерно экспертизы въ организованные князьями суды.

Уже по договору русскихъ съ греками при князѣ Олегѣ (911 г. ст. 5) и Игорѣ (945 г. ст. 14) было предусмотрено нанесеніе побоевъ и ранъ¹⁾. Въ Правдѣ Русской, дѣйствовавшей съ XI в. до конца XIII в., упоминается о преступленіяхъ противъ здоровья (Азѣд. спис. ст. 5, 9 и Кар. ст. 25²⁾. Въ XIV

¹⁾ Въ Писемъ орд. сім. прилож. № IV, стр. 60.

¹⁾ Владимірскій—Будановъ. Христоматія по исторіи русскаго права II. и С.П.Б. 1899 г. ч. I. стр. 4 и 26.

²⁾ Ibidem. ст. 44.

столбѣн по Двинской Уставной грамотѣ (1397 г. ст. 1 и 2) назначалось различное наказаніе за *кровавую рану* и за *синюю* ¹⁾. По Судебнику Іоанна Васильевича IV (1550 г. ст. 25) то или другое взысканіе за увѣчье устанавливалось въ зависимости не только отъ личности потерпѣвшаго, но и *качества* увѣчья ²⁾. Но если въ теченіе многихъ вѣковъ уголовное законодательство различаетъ качество ранъ и увѣчій, то дозны были выработаться тѣ или другіе приемы для опредѣленія свойства ранъ и увѣчій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Примѣненіе этихъ приемовъ и было ничто иное, какъ экспертиза.

Какимъ образомъ производились осмотры ранъ и увѣчій—объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Можно лишь съ достовѣрностью сказать, что экспертами были не врачи, такъ какъ лица съ медицинскимъ образованіемъ появились въ Россіи значительно позже.

Первая *врачебная* экспертиза имѣла мѣсто въ 1537 г. когда врачъ Теофилъ былъ посланъ освидѣтельствовать князя Андрея Ивановича, который подъ предлогомъ болѣзни отказывался пріѣхать въ Москву ³⁾. Въ 1623 г. два царскихъ доктора Вилсъ и Дин и лекарь Балсмеръ были отправлены для освидѣтельствованія состоянія дѣвицы Марии Хлоповой, бывшей царской невесты ⁴⁾. Въ 1643 г. докторъ Белау свидѣтельствовалъ Григорія Горихвостова, у котораго онъ призналъ страданіе отъ „глнсты“.

Въ 1657 г. на загородномъ дворѣ боярина Бориса Ивановича Морозова докторъ Андрей Матвѣевъ осматривалъ больного чело-вѣка Акинфейку Мижуева, о которомъ представилъ письменный актъ экспертизы: „объявилась де у него на ногѣ золотуха, и то де болѣзнь золотуху захватила студа, и нынѣ объявилась де въ правомъ паху да на лицѣ, и будетъ де, онъ отъ той болѣзни не истоцаетъ и онъ живъ будетъ, а истоцаетъ—умреть. А по латынѣ та болѣзнь назвать арзноласъ ешикорбустикомъ“ ⁵⁾.

Въ 1658 г. въ Аптекарскомъ Приказѣ производился разспросъ жителя Ивана Чортоса, который сказалъ, что „у него ручной блудъ, а учинился тотъ блудъ въ тѣ поры какъ онъ былъ

десяти лѣтъ, и съ тѣхъ мѣстъ и по се время у него тотъ блудъ“. Осмотрѣвшій его докторъ сдѣлалъ заключеніе, что „тотъ блудъ учинился у него отъ порчи и отъ кручины, а какъ онъ Иванъ учалъ быть въ возрастѣ, и тотъ блудъ сталъ ему не въ мочь и отъ того ему учинилась кручина; а которые люди бывають въ шесть лѣтъ и у тѣхъ людей тотъ блудъ отъ порчи жъ бываетъ; и тотъ блудъ у него лечить мочно, только ему будетъ тяжело и лекарствъ много надобно, потому что тотъ блудъ многими лѣтъ застарѣлъ и вскорѣ излечить его не мочно ¹⁾“.

Въ 1671 г. былъ посланъ докторъ Яганъ Розенбургъ „для досмотру столбиковъ и стрипчихъ больныхъ“; имъ были осмот-рѣны 4 челоѣка и подана „рописъ“, въ которой говорится, напримѣръ: „*Мартъ Григорьевъ сынъ Запразской: всеъ здоровъ, только у него болѣзнь тайной удѣ роснулъ; Тихонъ Григорьевъ сынъ Волковъ: всеъ здоровъ, только у него черпичная болѣзнь небольшая, за нимъ проходомъ идетъ ррѣа*“ ²⁾ и т. д.

Въ 1676 г. докторъ Петръ Пантанусъ осматривалъ Спаса Андроніева монастыря архимандрита Никона, котораго онъ нашелъ совершенно здоровымъ. Поводомъ къ осмотру послужило то, что Никонъ „на Троишкомъ подворьи облачился къ литургіи и принялъ жаръ въ то время въ голову, и отъ того тяжекъ зѣло сталъ, и въ службу не пошелъ, и сѣлъ на лавку и велѣлъ съ себя одежду дякону снять, а крѣпостью тѣлесною оскудѣлъ, вельми въ то время и до другихъ сутокъ“ ³⁾.

Поручая врачамъ осмотры больныхъ, московское правитель-ство съ особенною настойчивостью задавалось вопросомъ: „не ма-рочная ли болѣзнь была“? Излишне распространяться о томъ, сколько жертвъ уносили въ то время эпидеміи; поэтому было вполне разумно со стороны администраціи разслѣдованіе всякаго подозрительнаго заболѣванія.

Врачи съ особенною осторожностью относились къ больнымъ съ „язвами“. Едва, напримѣръ, въ 1657 г. дошелъ до Аптекар-скаго Приказа слухъ о подозрительной болѣзни Акинфейки Ми-жуева, проживавшаго въ загородномъ домѣ боярина Бориса Ива-новича Морозова, какъ немедленно командировается туда докторъ

¹⁾ Ibidem. стр. 141.

²⁾ Ibidem. К. и С. П. Б. 1887 г. ч. II, стр. 129.

³⁾ Рихтеръ. Op. cit. т. I, стр. 276.

⁴⁾ Собраніе Государ. грамотъ и договоровъ т. VI, № 63.

⁵⁾ Матер. № 774.

¹⁾ Матер. № 812.

²⁾ Ibidem. № 469.

³⁾ Ibidem. № 1330.

Андрей Матвѣевъ. Опасенія разсѣялись, когда докторъ донесъ: „*объявилась де у него на нощ золотуха*“.

Въ 1658 г. умерла „скорою смертию“ жена Богородицкаго протопопа Михайлы. Сейчас же для осмотра трупа былъ составленъ особый комитетъ изъ доктора Льва Личифинуса, лекаря Осипа Боржо, подъячаго Тимофея Антипина и дьяка Герасима Дохтурова. Доктора нашли, что у „той жонки болѣзнь была въ животъ золотуха и родимая кровь заперлась и отъ того у ней подъ глазами и на ирцахъ, и въ иныхъ мѣстахъ синя, и та болѣзнь бываетъ и на иныхъ многихъ женщинахъ, а моровые болѣзни отъ того не бываютъ“. Тѣхъ не менѣе придворное вѣдомство не успокоилось: женка Матрена была похоронена съ чрезвычайными предосторожностями, а эксперты были подвергнуты карантину въ собственныхъ домахъ въ теченіе 14 дней¹⁾.

Съ особеннымъ вниманіемъ производились осмотры тѣхъ лицъ, которые по дѣламъ службы должны были посѣщать дворецъ. Такъ въ 1664 г. лекарь Давила Фонтъ-Гаденъ осматривалъ стольника Михаила Иванова сына Морозова и пѣвчаго Кирилла Федорова. О первомъ онъ заявилъ, что у него „болѣзни никакія нутринныя и наружныя и знаковъ на немъ никакихъ нѣтъ и весь онъ здоровъ“. О второмъ лекарь сообщилъ что „болѣзни внутри и наружи никакія нѣтъ и язвъ и знаковъ наружныхъ нигдѣ нѣтъ же, и весь онъ здоровъ“. Вслѣдствіе этого заключенія Морозову разрѣшено было явиться въ день Благовѣщенія къ Государю, а пѣвчему „ходить къ пѣнію“²⁾.

Въ 1677 г., когда у доктора Лаврентія Блюментроста умерли жена и дочь, былъ подвергнутъ осмотру весь его дворъ, причемъ оказалось, что „во дворѣ больныхъ людей никакихъ нѣтъ“³⁾. Въ томъ же году аптекаръ Крестьянъ Эглеръ былъ посланъ для освидѣтельствованія „пѣвчаго дьякона Ефима Богданова“, умершаго, какъ оказалось, отъ камней въ почкахъ⁴⁾. Тогда же было приказано осмотрѣть великаго государя комнатнаго истопника Якова Сергѣева. Осматривавшій его аптекаръ Крестьянъ Эглеръ донесъ въ Аптекарскій Приказъ, что „болѣзнь де у него Якова

¹⁾ ibidem. № 778.

²⁾ Наши матер. т. I № 89.

³⁾ Матер. № 1361.

⁴⁾ ibidem. № 1373.

Сергѣева была опухоль, и нынѣ де онъ отъ той болѣзни оздоровѣлъ и „въ Верхъ“ ему ходить мочно“¹⁾.

Въ 1677 г. докторъ Степанъ Фунгадановъ осматривалъ нагихъ пѣвчихъ дьяковъ. По освидѣтельствованіи онъ заявилъ, что „де на нихъ никакой болѣзни нѣтъ, весь въ чистотѣ и что де имъ „въ Верхъ“ ходить можно, какъ укажутъ“²⁾. Спустя два года тотъ же докторъ осматривалъ больного пономаря Михаила Орлова, у котораго „на лицѣ выступили ури красныя“. Болѣзнь эту докторъ призывалъ „по насилью отъ отца или матери и кромѣ того „въ Верхъ“, пока вылезется, ходить ему немочно, потому что та болѣзнь прилипчивая“³⁾.

Подъ вліяніемъ стремленія къ огражденію царскаго двора отъ заноса прилипчивыхъ болѣзней 18-го февраля 1676 г. вел. князь Оеодоръ Алексѣевичъ „указалъ дохтуру Степану Фунгаданову... ходить только къ хоромамъ въ благовѣрнымъ госуд. царевичемъ и къ благовѣрнымъ государынямъ царевнамъ—къ большиимъ и къ меншиимъ, съ лекарствомъ“⁴⁾. По указу 30 декабря того же года былъ сформированъ для нуждъ царскаго семейства особый аптекарскій персоналъ, а именно: было приказано „аптекарю Францу Шлахтору быть въ Верхней Аптекарской Палатѣ вмѣстѣ съ аптекаремъ съ Крестьяномъ Эглеромъ“⁵⁾.

Въ 1677 г. 27 января государь допрашивалъ боярина кн. Никиту Ивановича, доктора Симона Зомера, аптекаря Ягана Гутмента и Крестьяна Эглера о томъ, нельзя-ли „аптеку порознь учинить для того, чтобы особо лекарства составлять, по рецептамъ дохтура Степана Фунгаданова особенно-жъ“. Слѣдовательно, возникалъ вопросъ объ устройствѣ одной аптеки—для государя лично, а другой—для его семейства⁶⁾.

Изъ указа Оеодора Алексѣевича отъ 19-го февраля 1682 г. видно, что былъ также заведенъ особый докторъ для государя Симонъ Зомеръ, о которомъ государь сдѣлалъ распоряженіе: „для осмотровъ и леченія къ больнымъ людямъ изъ Аптекарскаго Приказу ни къ кому не посылать“⁷⁾.

¹⁾ ibidem. № 1371.

²⁾ ibidem. № 1387 и 1388.

³⁾ ibidem. № 1536.

⁴⁾ ibidem. № 1348.

⁵⁾ ibidem. № 1347.

⁶⁾ Записковскій ср. съ приложеніе № 3.

⁷⁾ матер. № 1664.

Приведенные указы были первыми ограниченіями дѣятельности придворныхъ врачей въ качествѣ экспертовъ по осмотру подозрительныхъ больныхъ.

Исторія сохранила намъ любопытный случай осмотра язвеннаго трупа. Въ 1671 г. поддоктору Степану Медицинѣ было приказано осмотрѣть „умершаго человѣка дяка Дмитрія Шипулина, какая на немъ язва или перечось“. Но Степанъ Медицина заявилъ, что „онъ Степанъ всякія язвы, кромѣ моровыхъ, знаетъ, а моровыхъ де язвъ, отъ чего люди умирають, онъ не знаетъ и никогда такихъ язвъ самъ не видалъ и отъ искусныхъ тому дѣлу ни отъ кого не учивался и не слыхалъ. А будетъ де ему того умершаго человѣка... осматривать, и чтобъ того человѣка осмотрѣть по утру рано, для того что онъ къ такому дѣлу изготovitъ себѣ къ утру лекарствъ, да и для того, что по утру къ человѣку болѣзнь не такъ принадлежитъ, какъ на вечеръ, и съ свѣчею де той болѣзни онъ познати не можетъ“. Желая избавиться отъ опаснаго порученія, Степанъ заявилъ на слѣдующій день, чтобы послали доктора Лаврентія Блюментреста „для того что онъ человѣкъ бывалый во многихъ государствахъ и такіе скорби... ему Лаврентію въ обычай“¹⁾. Порученіе осталось за Блюментрестомъ.

Врачебная экспертиза распространялась еще на различныя лекарственныя и другія вещества. Заслуживаетъ вниманія, что подобная экспертиза первоначально поручалась воеводамъ. Когда же медицинскія свѣдѣнія иностранныхъ докторовъ перестали возбуждать сомнѣнія, да и количество докторовъ значительно возросло, то осмотры корней и травъ сдѣлались монопольнымъ правомъ лицъ врачебнаго персонала.

Такъ въ 1625 году попа Якова отослали въ Приказъ Казанскаго Дворца къ боярину князю Дмитрію Матрюковичу Черкасскому „чтобъ онъ осмотрѣлъ коробью попа съ воровскимъ кореньемъ“. Въ коробѣ были найдены „трава багрова, да три корени, да комокъ перхчевать бѣлъ“²⁾.

Но уже въ 1628 г. корень, отобранный у душевнобольного Андрейки, было приказано „взять и показать дохтурамъ“³⁾. Въ

зальнѣйшемъ врачебная экспертиза становится общимъ правиломъ.

Въ 1657 г. въ Земскій приказъ былъ приведенъ человѣкъ Андришка Дурбенева, у котораго въ мѣшкѣ оказались корни. Дурбенева далъ показаніе о корняхъ, что „одно коренье бѣдятъ люди отъ утробы и отъ мыту, а другое коренье лошадиное—даютъ лошадямъ отъ запалу, а третье коренье зубное—ростетъ по полямъ и по огородамъ“. Алексѣй Михайловичъ указалъ „то коренье отослать въ Аптекарскій Приказъ для подлиннаго розыску. и то коренье Аптекарскаго Приказу дохтуромъ и мастеромъ осмотрѣть: какое то коренье и не воровское-ль“¹⁾.

Присланные корни подвергались въ Аптекарскомъ Приказѣ изслѣдованію, по окончаніи котораго доктора дали заключеніе: „то коренье болдерьянъ и отъ того корени никакова дурна не бываетъ, а иного коренья имъ знать не почему, потому что то коренье сухо изгнило и духа никакова отъ нихъ нѣтъ, тако жъ и отъ того коренья дурна никакова нѣтъ; и изъ тѣхъ кореньевъ узнали одно коренье и назвали болдерьянъ“²⁾.

Въ 1658 г. осмотръ всѣмъ извѣстной „нирговой кости“—этого стариннаго универсальнаго средства—ужь не возлагается на бояръ, а приказано „тою кость свидѣтельствовать и опытъ учинить дохтуромъ и аптекаремъ“. Документы, сохранившіеся объ экспертизѣ въ данномъ случаѣ, даютъ намъ возможность судить объ экспериментальныхъ методахъ ученыхъ экспертовъ, а именно: „іюня въ 25-й день дохтуры Левъ Личифинусъ да Ондрей Ингельгартъ, аптекари Крестьянусъ Эглеръ да Романъ Биніянъ нирговой кости опытъ учинили надъ тремя голуби: одному голубю дано мышьяку противъ дву зеренъ перцовыхъ; другому голубю кости нирговы противъ пяти зеренъ перцовыхъ, мышьяку—противъ одного зерка; третьему голубю дано мышьяку противъ одного жъ зерна, кости нирговой противъ пяти жъ зеренъ; и тѣ голуби іюня съ 22-го числа по 26 е число всѣ были живы. И іюня въ 26-й день дохтуры и аптекари тѣмъ же голубямъ давали въ другорядъ: одному дано мышьяку противъ двузеренъ; другому голубю кости нирговы противъ пяти зеренъ, мышьяку—противъ дву зеренъ; третьему голубю дано мышьяку

¹⁾ Приложение № 32.

²⁾ Акты истор. т III, № 137

³⁾ Наши матер. т III, ч I стр. 11—21.

¹⁾ Матер. № 761

²⁾ ibidem № 762

противъ дву—жъ зеренъ, кости нироговы противъ пяти зеренъ перцовыхъ. И которому голубю данъ одинъ мышьякъ. и которому голубю дано мышьякъ ба пость кости нироговы и тѣ голуби померли; а которому голубю дано кости нироговы да пость того мышьяку, и тотъ голубь живъ“ ¹⁾).

Въ 1669 г. врачебному персоналу Аптекарскаго Приказа опять пришлось имѣть дѣло съ нирогомъ. Посольскій приказъ требовалъ отъ врачей опредѣлить подлинность и цѣнность кости. Доктора Яганъ Кустеріусъ, Лаврентій Блюментростъ, аптекари Крестьянусъ Эглеръ, Романъ Биніянъ и Андрей Гезеніусъ, а также лекаръ Симонъ Зомеръ, осматрѣвъ кость, сообщили: „эта кость морскова звѣря, а не нирогова, и къ лекарству не годится. А что той кости цѣна—того они не знаютъ“ ²⁾).

Въ 1662 г. въ Аптекарскомъ Приказѣ допрашивался знахаръ Оедька Бѣлозерцевъ относительно корня, который онъ давалъ въ молокѣ боярину Борису Ивановичу Морозову „отъ мокротной болѣзни“. Доказывая безвредность корня, знахаръ показывалъ между прочимъ: „а онъ Оедька тотъ корень самъ въ молокѣ топя принималъ и сырой ѣлъ, и отъ того корени ему, Оедькѣ, худа никакого не учинивалось; да и нынѣ онъ, Оедька, тотъ корень и траву готовъ ѣсть хоть три дни или пять дней и ему, Оедькѣ, никакого отъ нея худа не будетъ“ ³⁾).

Въ 1664 г. при обыскѣ боярскаго сына Дмитрія Володимирова „взяты въ сѣнной вышкѣ травы, а какія тѣ травы про то невѣдомо“. И вотъ послѣдовалъ указъ „допросить про тѣ травы аптекарей, какія тѣ травы, и не будетъ-ли отъ нихъ какого худа“. Аптекаря, осматрѣвъ присланные травы, сказали: „траву Кардіана, другая трава Каниса, а тѣ де травы полевые и никакого дурна отъ тѣхъ травъ не чаешь, а иныхъ травъ знать не почемъ, потому что тѣ травы истолчены“ ⁴⁾).

Въ 1673 г. были приведены въ „Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ“ разныхъ чиновъ люди съ травами и съ кореньемъ, а въ роспросѣ и съ пытокъ тѣ приводные люди говорятъ, что тѣ травы и коренья не лихіе... и для подлиннаго свидѣтельства дохтуромъ и

¹⁾ Матер. № 781.

²⁾ ibidem № 1094.

³⁾ Наши Матер. т. I, № 16.

⁴⁾ ibidem, № 71.

лекарскаго дѣла ученикомъ, чтобъ о сѣхъ травахъ и кореньяхъ доискатца самая правды и тѣ травы и коренья для свидѣтельства изъ Приказу Сыскныхъ Дѣлъ посланы въ Обтекарской Приказъ“ ¹⁾). И въ данномъ случаѣ заключеніе было дано не воеводами, а докторами Лаврентіемъ Блюментростомъ и Михаиломъ Грамономъ и аптекаремъ Яганомъ Гутменшомъ.

Экспертами была подана слѣдующая сказка: „Писма заговорные и коренье въ воску Ивашково...тѣ коренья добры-ль или нѣтъ—того не вѣдаютъ. Андрея Дашкова у крестьянина: въ мѣшечкѣ корень ангеликовой, корень игирь, и тѣ коренья годятся въ лекарство. Архангельскаго собору крестьянина: въ бумажкѣ и въ воску, и того сказали не знаютъ да и въ плату травы не знаютъ же. Пашки Власова: въ бумажкѣ корень оялковой—въ лекарство годится. Спирки Семенова: въ плату коренье и травы и сѣмя... доброе. Женки Оековки: въ мѣшечкахъ въ четырехъ... лихого ничего нѣтъ“.

Въ 1677 г. въ Аптекарскій Приказъ были присланы травы, при этомъ повелѣвалось дяку Леонтію Меншову: „спросать бы у дохтуровъ какъ той травѣ званіе и волка (настояка Н. Н.) къ чему пригодна, и не будетъ ли вреду есть ли ее пить“. Осматривавшіе эту траву докторъ Степанъ Оунгадановъ и аптекаръ Яганъ Гутменшъ, сказали: „познають де они траву смотря на цвѣтъ званіемъ по латыни—эрика силвестрисъ, или эризимусъ, а по русски—дикая горчица. И такой де травы есть родовъ много: родитца иная въ хлѣбѣ, а иная на мокрыхъ и на высокихъ мѣстахъ... трава имѣетъ въ себѣ въ лекарствахъ силу порознь; и какъ де они такую траву увидятъ съ листомъ и съ кореньемъ и они де смотря на нее познають къ чему изъ нее водка пригодна будетъ; а безъ листу а безъ коренья познать имъ не мочно“ ²⁾).

Въ 1679 г. въ Аптекарскомъ Приказѣ производилось изслѣдованіе мази, которою стрѣлецъ Гришка Донской лечилъ князя Оеодора Щербатаго. Въ изслѣзованіи принимали участіе аптекаръ Крестьянъ Эглеръ, алхимистъ Петръ Пиль, алхимискаго дѣла ученикъ Тихонъ Ананьинъ и русскіе лекари Дмитрій Никитинъ, Степанъ Алексѣевъ да Кузьма Семеновъ ³⁾).

¹⁾ матер. № 506.

²⁾ Матер. № 1399.

³⁾ ibidem, № 1434.

Сохранились многочисленные данные об освидетельствовании врачами Аптекарского Приказа стрельцов и разного рода служивых людей. В этих случаях врачи должны были дать заключение по вопросу: „мочно-ль отъ тѣхъ ранъ и увѣчья излечитца и впредь Вел. Государя служба служить“.

Имѣя въ виду сенатскій указъ 17 января 1714 г., Хмыровъ полагалъ, что „медицинскій осмотръ неспособныхъ къ службѣ воинскихъ чиновъ встрѣчается впервые не ранѣе 1714 года“¹⁾. Неправильность этого мнѣнія очевидной становится, если принять во вниманіе нижеслѣдующія данные.

Такъ въ 1662 г. лекарь Зомеръ осматривалъ рейтарскаго стрелка Нечая Шерапова сына Шекурова и сдѣлалъ заключеніе, что „болѣзнь у него пониже пупа черева выходить, и отъ той болѣзни ему Государевы рейтарскіе службы служить и излечить тое болѣзни не мочно“²⁾. Въ томъ же году, по заключенію лекаря Ивана Албануса, у капитана Якова Тимофеева сына Чирикова „правая рука выше локтя переломлена пополамъ и жилы перерваны, а излечить тое руку у него не мочно-жь“³⁾.

Въ 1663 г., по указу Государя четыре лекаря осматривали Ивана Степанова сына Панова и нашли, что „у него изнутри выходить черева въ тайные уды... И ему Ивану не только на лошади сидѣть и пѣшему ходить много не мочно... только ему и помочи учинить, сдѣлать поясъ широкой и тѣмъ поясомъ то мѣсто подвязывать, и быть дома, а нигуды ходить и ѣздить не мочно“⁴⁾.

Въ 1666 г. лекари Симонъ Зомеръ, Данило Фонъ-Гаденъ и Иванъ Албанусъ у стрѣльца Гурки Миронова отмѣтили: „правая рука высохла и жилы въ пальцахъ свело и государевы службы служить ему не мочно“, а у стрѣльца Матюшки Федорова: „мокротная болѣзнь... и отъ той болѣзни будутъ у него на ногахъ язвы большія... и государевы службы ему служить не мочно“⁵⁾.

Въ 1667 г. окулистъ Иванъ Малгарнъ осматривалъ Темниковскаго кансвира мурзы князя Еникѣева и заявилъ, что „у

¹⁾ Хмыровъ. Русская военно-медицинская старина стр. 29 и 38; Полн. Собр. Закон. т. I № 158, т. V, № 2761.

²⁾ Матер. № 966.

³⁾ ibidem, № 1014.

⁴⁾ ibidem, № 1038.

⁵⁾ Наши матер. № 109.

него въ глаза подошла темная вода и отъ тому правый глазъ треснулъ и на обоихъ глазахъ бѣльма, а лечить его не мочно“¹⁾. Спустя мѣсяць доктора свидѣтельствовали стрѣлецъ Лѣчку Семёнова и показали, что „у него въ лѣвой рукѣ два пальца оторваны и три пальца скорчились и жилы свело, а мочно-ль ему стрѣлцкая служба служить того не вѣдаютъ“²⁾. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ тѣ же специалисты забраковали для службы стрѣльца Потапку Иванова, у котораго они нашли „у правой ноги берцо переломлено и кости берца выходятъ и излечить тое ногу не мочно“³⁾. Еще спустя мѣсяць лекари Симонъ Зомеръ и Иванъ Албанусъ, освидѣтельствовали стрѣльца Гринку Оомина, заявили: „у него болѣзнь нечистая и лечить его отъ тое болѣзни и государевы службы *служить ему не мочно, потому что та болѣзнь приметъ къ здоровымъ людямъ*“⁴⁾.

Въ 1679 г. просилъ объ увольненіи отъ службы стряпчій Дейко Ступининъ, ссылаясь на свою животную мокротную скорбь. Въ Аптекарскомъ Приказѣ его подвергли осмотру и доктора Стефанъ фонъ-Гаденъ и Захарій Ванъ-деръ Гульстъ нашли у него „болѣзнь фрянки и во всемъ мокрота, и отъ того въ головѣ обморокъ, и тое де болѣзнь лечить у него мочно. А вылечится и ему государева служба служить мочно“⁵⁾.

Подобные осмотры имѣли мѣсто ежегодно, ежемѣсячно, почти *ежедневно*⁶⁾. Вслѣдствіе старости и увѣчья просили „отставить отъ Государевой службы“ не только рядовые солдаты, но и поручики, капитаны, майоры, окольные, стряпчье и т. п. служилый людъ. Объ увольненіи подавались даже коллективные челобитныя. Такъ, 27-го Марта 1679 г. были челомъ „стольники, и стряпчье, и дворяне Московскіе, и жильцы, и городовыя дворяне, и дѣти боярскіе“, всего 26 человекъ⁷⁾. При освидѣтельствovanii указывалось „азятъ у дохтуровъ и лекарей сказки за руками и тѣмъ осмотръ и сказки представить въ Разрядъ за дьякою при-

¹⁾ ibidem, 125.

²⁾ ibidem, № 133.

³⁾ ibidem, № 142.

⁴⁾ ibidem, № 154.

⁵⁾ Наши матер. т. II стр. 226—229.

⁶⁾ Наши матер. т. I, № 181 и матер. № 513, 1476 1477, 1481, 1487 и др.

⁷⁾ Матер. № 1679.

писью". Мнѣніе врачей было безапелляціонно и принималось въ вниманіе безусловно ¹⁾).

Въ петровскую эпоху врачебныя освидѣтельствования служилыхъ людей получили еще болѣе широкое примѣненіе вслѣдствіе происшедшаго общаго прикрѣпленія къ службѣ. Въ этомъ отношеніи дѣла Разряда, имѣвшаго тогда значеніе военного министерства, представляютъ обширѣйшій матеріалъ.

Въ 1704 г. 1 іюня докторъ Блюментростъ осматривалъ стряпчача Якова Андреева сына Кучешкаго и нашелъ, что тотъ „немоществуетъ тяжкимъ въздыханіемъ, а по латыни зовется астма, тяжкая грудная болѣзнь, да въ немъ же болѣзнь тяжкая жъ цыготная, и водяная немочь и помраченіе ума и за тѣми болѣзнями ему Якову его в. г. службы служить невозможно“ ²⁾).

Въ томъ же году 11 іюля докторъ Лаврентій Блюментростъ осматривалъ изъ дворянъ Аванасія Шевелева, что онъ „болѣзнуетъ лѣваго боку ломомъ и чечуйными болѣзнями безпрестанно и на лошади ѣздить невозможно“ ³⁾).

Освидѣствованный 31 іюля ст. Яковъ Порошинъ былъ освобожденъ отъ службы впредь до поправленія, такъ какъ было найдено докторами, что у него „болѣзнь животная и временемъ харкаетъ кровью и отъ той болѣзни въ лицѣ худъ“, а кромѣ того „на правой ногѣ были водяные пузыри и тѣ пузыри прорвались и оттого учинились язвы небольшія“ ⁴⁾).

Тотъ же Блюментростъ 16 сентября нашелъ у недоросля Степана Акимова „на правой ногѣ на берцѣ язва большая, гноющая съ дикимъ мясомъ и отъ того подъ колѣномъ жилы ведутъ и нога разгибается не свободно, и покажетъ онъ, Степанъ, отъ той болѣзни не выздоровѣетъ, и до тѣхъ мѣстъ ему... службы служить невозможно“ ⁵⁾).

¹⁾ Протоколы врачебнаго осмотра служилыхъ людей можно найти въ слѣдующихъ номерахъ матеріаловъ для исторіи медицины: 1090, 1092, 1093, 1101, 1104, 1111, 1139, 1249, 1303, 1325, 1358, 1416, 1477, 1482, 1487, 1489, 1491, 1495, 1495, 1498—1498, 1500, 1503, 1504, 1506, 1508, 1509, 1511, 1515, 1517, 1518, 1519—1522, 1524—1526, 1529—1531, 1537—1539, 1541, 1542, 1545, 1551, 1553, 1556—1558, 1566, 1568, 1583, 1591, 1592. Нами приводятся лишь нѣкоторыя „сказки“ объ осмотрахъ, изъ которыхъ можно было бы видѣть насколько разнообразна была врачебная экспертиза.

²⁾ Арх. М. И. К. Разр. в. в. 32 л. 93.

³⁾ *ibidem*, № 33, л. 67.

⁴⁾ *ibidem*, № 31, л. 53.

⁵⁾ *ibid.* № 33, л. 67.

Въ декабрѣ 1705 г. былъ признанъ негоднымъ къ службѣ бывший московскій стрѣлецъ Иванъ Король, который, по заключенію доктора, „болѣнъ горломъ и безислентъ, и жилами слабъ“ ¹⁾).

Въ январѣ 1706 г. докторъ Миніанъ нашелъ необходимымъ освободить отъ службы жильца князя Александра Юсупова, который страдалъ ²⁾ „паче ногами, на которыхъ только кожа да кости; одновременно съ Юсуповымъ подверглись осмотру Антипъ Гурьевъ, Леонтій Трубицынъ и Петръ Нефиминъ“ ³⁾).

Въ ноябрѣ 1706 г. въ Аптекарскомъ Приказѣ докторъ Миніанъ свидѣтельствовалъ недоросля Василя Нефедьева, Василя Забусова и Ивана Родіонова и призналъ ихъ подлежащими освобожденію отъ драгунской службы „покажетъ они.. въ совершенство не вылечатся“ ⁴⁾).

Въ томъ же году по экспертизѣ докторовъ получили временный отпускъ: жилецъ князь Пріимковъ — Ростовскій, у котораго „отъ конскаго убою грудная кость выше локки переломлена и втавлена и не выправлена и отъ того легкому и желудку утѣсненіе и одышка, и безсиліе, и сохнеть“; жилецъ Василій Нятовъ, страдавшій язвами на ногахъ, что „учинились ему отъ цыготной болѣзни“; жилецъ Ефимъ Епишевъ, страдавшій „немощью отъ которой есть сухо и слабо все тѣло, великій переломъ и боль слышнѣтъ“; жилецъ Леонтій Трубицынъ, у котораго „болѣзнь въ тайныхъ удахъ“ жилецъ Антипъ Гурьевъ, страдавшій „животной болѣзнию“ и т. д. ⁵⁾).

О лицахъ, освобожденныхъ отъ службы въ 1707 г. доктора дали слѣдующія заключенія: Андреянъ Якушкинъ — „правая рука изъ плеча вышнблена и не вправлена въ суставъ срослася и хрящемъ заросла и вверхъ не поднимается“; жилецъ Даниль Поровъ „немоществуетъ застарѣлою прилипчивою французскою болѣзнию, отъ которой у него были на тѣлѣ и на ногахъ язвы и затворились, а нныя язвы и нынѣ не зажили, токмо та болѣзнь вступила въ составы его и кости и оттого имѣетъ въ костяхъ ломъ“; у Ивана Калачева „на шеѣ на правой сторонѣ фистуловая болячка и въ носу кости оголились для того, что отъ той фистуловой болячки хрящъ гниетъ.. лечитъ мочно, а вылечится про то не-

¹⁾ *ibidem* № 36, л. 76.

²⁾ Арх. М. И. К. Разр. в. в. № 38, л. 28.

³⁾ *ibidem* № 39 л. 44.

⁴⁾ *ibidem* № 1 л. 40.

⁵⁾ *ibidem* № 41, л. 67.

здому; у Сафона Бердышева „лѣвая нога прострѣлена изъ фузеи выше колѣна и пуля въ кости стоитъ, а значить, что кость отшибена, а подкожную жилу сводить“; жилецъ Илья Короваевъ „боленъ головою болѣзною и временемъ ошибаетъ его обморокъ“ и т. д. ¹⁾.

При заявленіяхъ свидѣтельствуемыхъ, что они страдаютъ „падучею болѣзною“ врачи—эксперты прибѣгали къ проверкѣ заявленій путемъ опроса соседей и другихъ близкихъ людей. Такъ, напримѣръ, было съ жильцомъ Дмитриемъ Зубатовымъ и солдатомъ Петромъ Овсовымъ ²⁾.

Признанные больными и излечимыми въ Аптекарскій Приказъ отправлялись для излеченія. Иногда отправлялись больные цѣлыми группами. Напримѣръ, въ октябрѣ 1707 г. было отправлено вмѣстѣ пять человекъ, а въ декабрѣ 8 человекъ ³⁾.

Надо полагать, что больные въ Аптекарскомъ Приказѣ не оставались, а жили гдѣ нибудь внѣ приказа и изъ послѣдняго получали только медикаменты и врачебныя указанія. Съ открытіемъ госпиталя больные стали поступать туда. Напримѣръ, въ декабрѣ 1707 было предписано „тѣхъ москвичъ лечить въ госпитальни дохтеру Николаю Бидлѣ и для отсылки въ госпитальню тѣхъ москвичъ изъ Разряда отослать въ Монастырскій приказъ“ ⁴⁾.

Повидимому госпитальное леченіе скоро приобрѣло хорошую славу. Такъ въ 1709 г. солдатъ Петръ Вороновъ обратился къ государю со слѣдующей просьбой: „была на мнѣ, рабѣ твоемъ, фряножская болѣзнь, и та болѣзнь вошла въ кости и въ ноги, по головѣ и въ гортани выметалась... а для леченія той болѣзни отослать его на Шпитальный дворъ“ ⁵⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, какъ широко применялась врачебная экспертиза, но въ матеріалахъ имѣются нѣкоторыя указанія на то, что иногда осмотръ больныхъ поручался не лицамъ врачебнаго персонала, а другимъ служилымъ.

Въ 1667 г. былъ осмотрѣнъ стольникъ Кирила Хлоповъ, а „болѣзнь де у него огневая“ ⁶⁾. Этотъ осмотръ производилъ не

лекаръ, а подъячій Разряднаго Приказа. Къ сожалѣнію, въ матеріалахъ нѣтъ данныхъ для сужденія о причинахъ столь необычной для того времени экспертизы. Вѣроятно, въ данномъ случаѣ подъячій былъ посланъ для предварительной развѣдки, для простого удостовѣренія, дѣйствительно ли Хлоповъ боленъ.

Такое предположеніе мы имѣемъ сдѣлать въ виду того, что сохранившіеся многочисленныя данныя объ экспертизахъ во второй половинѣ XVII столѣтія свидѣлствуютъ, что экспертиза всегда поручалась лицамъ врачебной корпораціи. Думаемъ, что подобная же предварительная развѣдка имѣла мѣсто и въ 1679 г., когда были „у стольника князя Семена князя Одерова сына Барятинскаго на дворѣ сестра и люди осматриваны“ ¹⁾.

Мысль о наличности въ такихъ случаяхъ не экспертизы, а полицейской развѣдки, находитъ себѣ опору и въ другихъ матеріалахъ. Напримѣръ, въ 1697 г. для удостовѣренія въ болѣзни Разряднаго Приказа подъячаго Ивана Наумова, переставшаго ходить на службу въ приказъ, былъ посланъ Ивашко Бубновъ ²⁾. Послѣдній въ томъ же году осматривалъ подъячаго Тихона Сафронова, который также не являлся на службу послѣ того, какъ его „въ суздальскомъ уѣздѣ на спорной землѣ съ Василія Ордина Нашекина прикащикъ его съ людьми и его крестьяны били обухами и дубьемъ“ ³⁾.

Въ 1702 г. генералъ—маіоръ иноземецъ Христофоръ Ринмонъ получилъ приказаніе отправиться съ полками въ Острожокскъ, но онъ просилъ объ освобожденіи его по болѣзни. Въ отвѣтъ на ходатайство генерала послѣдовалъ указъ: „послать изъ Разряда въ Бѣлгородъ нарочно разряднаго старшаго подъячаго и велѣть тому подъячему его генералъ—маіора какою у него болѣзнь осмотрѣть и тотъ осмотръ тому подъячему привезти къ Москвѣ въ Разрядъ“ ⁴⁾.

Въ 1705 г. изъ Разряда была прислана грамота въ Саратовскъ на имя воеводы Одера Якушкина съ приказаніемъ „жильца Ларіона Артемьева сына Безобразова осмотрѣть болѣзнь его самому и описать у него сказка съ подкрѣплениемъ, *впрамѣти ему за тою болѣзнию ѣхать къ Москвѣ не мочи*“. Какъ мы видѣли изъ

¹⁾ ibidem № 43, д. 29, л. 1—10 и № 42, л. 47.

²⁾ ibidem № 42, л. 47 и 44, л. 29.

³⁾ Арх. Мин. Юст. Разр. вѣд. № 41, л. 74 и № 43, л. 43.

⁴⁾ ibidem.

⁵⁾ ibidem № 48 л. 10.

⁶⁾ Наши матер. т. II, стр. 230.

¹⁾ ibidem стр. 260.

²⁾ Арх. М. Юст. Москов. стр. столб. № 855, л. 56.

³⁾ ibidem столб. № 888 л. 2.

⁴⁾ Приложение № 42 стр. LXXX.

предшествующаго изложенія, врачамъ не предписывалось отбирать отъ больныхъ подобныя „сказки съ подкрѣпленіемъ“. Врачи сами рѣшали, способно или нѣтъ данное лицо продолжать службу.

Якушкинъ „его Ларіона осматривалъ и болѣзнь его описать и сказку у него взять“ причемъ нашелъ: „лежитъ боленъ и на головѣ у него за правымъ ухомъ изъ раны идетъ течь, на обѣихъ рукахъ кожу поволокло и на бедрахъ отъ пролежней синевато, а на ногахъ многія раны“. Къ этому больной добавилъ, что на него „почасту находятъ страхъ и безпамятство, а буде онъ Ларіонъ сказалъ ложно и чтобъ в. г. указалъ за ложную его сказку учинить ему наказаніе и помѣстья его и вотчины и животы взять на себя“. Но въ іюнѣ слѣдующаго года изъ Москвы воевода получилъ грамоту, въ которой писалъ государь: „и ты бѣ его Ларіона въ Саранскѣ у приказныхъ избы осматривалъ самъ при многѣхъ московскихъ чиновъ людѣхъ, какою онъ болѣзнию боленъ и сколь давно, также и около деревни его велѣлъ про болѣзнь его потому жъ сыскать многими людьми московскихъ чиновъ выравду, а у отца его духовнаго о болѣзни его... потому жъ взять сказку“¹⁾.

Въ 1706 г. „разрядный подъячий Акимъ Вырковъ посыланъ на дворъ къ дьяку Василью Кашкину для досмотру болѣзни его“. Подъячий донесъ что „онъ Василій въ лицѣ худъ и желтъ и руки и ноги въ болѣзни и обвиты пластырьми“²⁾.

До сихъ поръ нами приводились случаи врачебной экспертизы по деламъ административнымъ. Не меньшую роль она играла и въ делахъ судебныхъ.

Такъ, въ 1644 г. въ Москвѣ умеръ отъ огнестрѣльной раны кравчій датскаго принца Вольдемара. Для „досмотру“ убитаго были командированы на посольскій дворъ доктора Венделинусъ Сибелистъ, Іоаннъ Белау и Артемъ Грамантъ. Осмотрѣвъ трупъ, они, между прочимъ, писали въ своей сказкѣ: „и тотъ кравчей раненъ изъ пинали, рана подъ самымъ правымъ глазомъ, и они дохтуры въ ту рану шуюнъ шупали, а пульки не допускались, потому что рана глубока, а то подлинно, что пулька въ головѣ“³⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Разр. вѣд. № 38, л. 38.

²⁾ Арх. Мин. Юст. Разр. вѣд. № 39, л. 44.

³⁾ Матер. № 169 и акты истор. т. III, № 302.

Въ 1664 г. Иноземнаго приказа отъ лекаря Елизарія Лоранта поступила челобитная, въ которой онъ сообщалъ, что, когда онъ возвращался отъ больного, замочный мастеръ Вилимъ де Гамсъ „училъ его Елизарія лаять матерны и всякою неподобною лаею и билъ его палкою“. Елизарій билъ челомъ, чтобы „Государь его пожаловалъ, велѣлъ бы его осмотрѣть и про то сыскать“. Эксперты заявили: „а по осмотру битъ по спинѣ, на правомъ боку вспухло и синевы знать“¹⁾.

Марчка Павловъ билъ челомъ Государю о назначеніи врачей для освидѣтельствованія по случаю того, что „Митка Татаринъ бросилъ въ него кирпичемъ и прошибъ голову“²⁾. Въ мартѣ того же года съ челобитной о врачебномъ осмотрѣ обращался лекарь Симонъ Зомеръ, писавшій: „былъ я холопъ твой, на новой нѣмецкой слободѣ на свадьбѣ у капитана у Якова Хитнера и на той свадьбѣ рубилъ меня, холопа твоего, саблею по лбу псуполковникъ Августъ Элернъ. вели, государь, меня, холопа своего, изъ Антекерскаго Приказу рубленой той сабельной раны осмотрѣть“³⁾.

Въ 1674 г. лекарь Микулайко Грекъ въ челобитной своей заявлялъ, что онъ вызванъ какимъ-то полковникомъ въ Новомѣщенскую Слободу, который его „билъ и увѣчилъ“, вслѣдствіе чего лекарь и просилъ его „досмотрѣть и для смертнаго часу увѣщье записать“. По освидѣтельствованіи оказалось „битыхъ мѣстъ на немъ Микулаѣ: голова въ двухъ мѣстахъ пробита—весь въ крови, правое плечо не въ одномъ мѣстѣ бито—синева и вспухло, да правая жъ рука по мышкѣ бито и вспухло, на лѣвомъ боку бито жъ и вспухло“⁴⁾.

Въ 1679 г., въ Земскій приказъ были вызваны доктора и лекари „для осматриванія на мертвомъ тѣлѣ язвъ“. Въ качествѣ экспертовъ были посланы доктора Андрей Келлерманъ и Захарей Оандергустъ, которые въ своей „сказкѣ“ писали, что „вчерашняго числа осматривали патриарша умершаго конюха, а по осмотру... битъ тотъ конскъ плетью по спинѣ, а иныхъ язвъ кромѣ побой на тѣлѣ у того конюха никакихъ нѣтъ и нутрен-

¹⁾ ibidem. № 559.

²⁾ Наши матер. т. I, № 64.

³⁾ ibidem № 84.

⁴⁾ Матер. № 525.

нихъ болѣзней нынѣ узнать не можно, и знатное дѣло, что тотъ конюхъ умеръ съ побой" ¹⁾.

Въ 1679 г. доктора Лаврентій Блюментростъ и Симонъ Зомеръ были посланы осмотрѣть трупъ внезапно скончавшагося боярина князя Ивана Алексѣевича Воротынского. Изъ доклада докторовъ узнаемъ, что „князь И. А. Воротынский, совѣта царскаго бояринъ, бывъ на сидѣнн нача болѣзновати и жалобу предлагати о зельней болѣзни, сердечной и стѣсненн; того ради поволено ему домой ѣхать; и дома такожде изнемогающу зельнее, и нашедшей блевотѣ мало нѣчто мокротѣ выкинувъ--абие послѣ блевоты внезапною смертію угасаеъ послѣдующи измѣненіе лица и нохтей синости и всего тѣла студеность“. Очевидно, возникло подозрѣніе въ отравленіи, но докторская экспертиза его разсѣяла. Доктора сообщили: „сіе злое ничто иное быть (могло) точию изнеможеніе сердечное, въ незанного захвату жилиаго къ сердцу лежащаго; отсюду теплота естественная и духъ животный угашенъ бысть; безъ сумнѣнія же болѣзни сей наченшейся отъ знатной жестоты и колоты въ воздухахъ, которое частное колотье нынѣшняго возрженія воздушного есть виною. О прочемъ же, никакому зазору здѣ быти, ни отравы взятой, ни надучей болѣзни отъ основанія науки извѣстни есмы“ ²⁾.

Бывали случаи, что врачу приходилось давать свое заключеніе по дѣламъ практики другихъ врачей. Такъ, въ 1682 г. Великому князю Оеодору Алексѣевичу „вѣдомо учинилось, что-де Оеодоръ Яковлевъ сынъ Нелединскій, принявъ лекарство, умре скорою смертію, а лечилъ-де его, и лекарства давалъ дохтуръ Захарей Оандергустъ“. Немедленно былъ допрошенъ Оандергустъ обо всѣхъ обстоятельствахъ болѣзни умершаго Нелединскаго. Кромѣ того, послѣдовалъ указъ на имя доктора Андрея Келлермана „на дворѣ умершаго Оедора Нелединскаго ѣхать... и осмотрѣть тѣло его: извъ неестественныхъ отъ лекарствъ на тѣлѣ его есть-ли или нѣтъ“ ³⁾.

Нѣсколько ранѣе, а именно въ 1679 г., въ Аптекарскомъ Приказѣ, какъ уже упоминалось, производилось изслѣдованіе ртутной мази съ купоросомъ, которую давалъ стрѣлецъ Гришка

¹⁾ Ibidem № 1543.

²⁾ Ibidem № 1592.

³⁾ Матер., № 1673.

Донской князю Оеодору Щербатову для втиранія и внутреннего потребленія на винѣ и отъ употребленія которой больноі умеръ ¹⁾.

Традиціи въ этомъ направленіи передались и послѣдующему времени. Въ указѣ, напримѣръ, Іоанна и Петра Алексѣевичей, находимъ: „Аще же буде увѣдають, что прежь нѣкогого больного лечилъ какой неискусной человекъ русскаго или иного коего народу, и болѣзнь учиниъ лечбою того человека злѣе быти, или тотъ больной неискуствомъ того человека умереть, и имъ дохтуромъ того не шить, а о томъ извѣщать, чтобы неискуснымъ людямъ, смотря по оному, учинить вел. гос. указъ“ ²⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ съ очевидностію слѣдуетъ, что въ Московской Руси врачебною экспертизою широко пользовались какъ въ дѣлахъ административныхъ, такъ и судебныхъ. Московскіе князья, начавши съ умерщвленія врачей за каждый случай неудачнаго леченія и съ проверки ихъ знаній посредствомъ разсросовъ черезъ дяконовъ, окончили полнымъ довѣріемъ къ заключеніямъ специалистовъ. Но, когда эти специалисты пріобрѣли дѣйствительно научные методы изслѣдованія болѣзненыхъ явленій и стали давать точные выводы, ихъ мнѣніе потеряло обязательность для тѣхъ, кто въ этихъ мнѣніяхъ нуждался. „Tempora mutantur et nos mutamur in illis!“

И такъ врачебная экспертиза зародилась въ кровавыхъ обычаяхъ языческихъ судовъ и въ XVII столѣтіи получила широкое примѣненіе отчасти подъ напоромъ военно-народныхъ массъ засылавшихъ государя челобитными объ освобожденіи отъ службы, отчасти подъ вліяніемъ заботъ о предохраненіи государя отъ заразныхъ болѣзней. Экспертиза по частнымъ дѣламъ развилась позже и не имѣла столь крупнаго значенія.

¹⁾ Ibidem 1484

²⁾ Флоринскій Ор. сіт. Приложеніе стр. 200, пунктъ ж.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Медицинская помощь становится для народных масс доступной лишь послѣ значительныхъ преобразованій въ организаціи нашихъ военныхъ силъ. Войска наши до XV ст. не имѣли определенной организаціи. Непрерывная борьба съ сосѣдями и территориальный ростъ Великаго Московскаго Княжества приводятъ въ XV ст. къ необходимости содержанія постоянного войска. Появляется конница изъ „дѣтей боярскихъ“, а за нею возникаетъ пѣхота „пищальщиковъ“, немного позднѣе—„стрѣльцовъ“. Съ конца XVI ст. правительство начинаетъ вызывать на службу иноземныхъ офицеровъ и солдатъ; въ русскихъ войскахъ вводится иноземный строй. Со второй половины слѣдующаго столѣтія дѣти боярскіе превращаются въ драгунъ и рейтаръ, а стрѣльцы получаютъ организацію европейской пѣхоты¹⁾.

Все эти преобразованія завершаются въ непрерывныхъ войнахъ и внутреннихъ неурядицахъ XVII столѣтія. Борьба съ Лжедмитріемъ и Тушинскимъ воромъ, войны съ поляками, шведами, турками и ливонцами, народныя возмущенія въ Москвѣ, Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Новгородѣ, Псковѣ, бунтъ Уса и Разина, казачье и крестьянское движеніе, походы въ Крымъ и на Азовъ, раскочъ и движеніе стрѣльцовъ—вотъ непрерывная волна событій этого бурнаго вѣка.

Естественно, что правительственныя заботы въ силу самоохраненія сосредоточились на развитіи военнаго дѣла и внутреннихъ преобразованіяхъ, неизбежныхъ въ поискахъ за средствами для удовлетворенія съ чрезвычайной быстротой возраставшихъ военныхъ расходовъ. Параллельно съ реформами въ войскахъ росла и выяснялась организація военно-полковой медицины.

¹⁾ Блжвль. О русскомъ войскѣ въ XVII столѣтіи. Журн. военно-учебныхъ заведеній. 1856 г. №№ 121—123. Голубовскій. Переходъ Россіи къ регулярной арміи Сиб. 1885 г. стр. 66—89.

Въ арміи стараго русскаго строя поднявшійся на государственную службу „оружнымъ и коннымъ“ и въ отношеніи врачебной помощи предоставлялся собственнымъ силамъ и заботливости. О полковыхъ врачахъ за это время не можетъ быть и рѣчи. Во-первыхъ, врачи были только въ одной Москвѣ, притомъ въ ограниченномъ числѣ, а во-вторыхъ, народъ былъ ближе къ отечественнымъ знахарямъ, чѣмъ къ „заморскимъ дохтурамъ“. Въ это время встрѣчаются лишь отдельные случаи врачебнаго воспособленія ратнымъ людямъ со стороны правительства.

Въ 1556 г. изъ Москвы была послана грамота новгородскимъ дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому въ отвѣтъ на челобитіе раненаго въ дѣлѣ „съ нѣмецкими людьми“ Григорія Оеодорова сына Нашокина, который просилъ у Государя медицинской помощи. Въ названной грамотѣ указывалось: „И какъ къ вамъ наша сія грамота придетъ, и вы бѣ ему дали мастера, лекаря, кому бѣ у него мочно ядро изъ ноги вывести, и рана бы мочно излечить“¹⁾. Едва ли подобный отвѣтъ на челобитіе могъ удовлетворить Нашокина, который, вѣроятно, билъ челомъ о врачебной помощи вслѣдствіе отсутствія медиковъ въ Новгородѣ.

Предположеніе это находитъ себѣ нѣкоторую опору въ томъ, что и полѣтка спустя, т. е. въ 1605 г., не нашлось ни лекарей, ни аптекъ въ 80-тысячной арміи Бориса Годунова, стоявшей подъ Кромами противъ Лжедмитрія I. Среди ратныхъ людей свирѣпствовалъ поносъ, а помощи не было никакой и ни откуда. Услыхавъ объ этомъ царь Борисъ „оскорбился и присла всякаго питья и всякаго зелья, кои пригодны къ болѣзнямъ и отъ того же учини имъ помощь велию“²⁾.

Въ 1615 г. въ расходной книгѣ верховнаго государственнаго Разряда впервые упоминается о лекарѣ, практиковавшемъ среди войскъ³⁾. Въ 1631 г. полковнику Даму было поручено набрать въ Германіи полкъ въ 1600 чел. и отправить ихъ изъ Любека въ Нарву. Въ штатѣ этого полка состоялъ постоянный врачъ⁴⁾.

Въ смоленскомъ походѣ 1632 г. врачей было уже значительное число. Въ одномъ полку Фукса, нанятомъ Лесли, находилось че-

¹⁾ Дополненія къ акт. истор. Сиб. 1846 г. т. I № 110.

²⁾ Крат. повѣсть о самозванцахъ. Сиб. 1774 г. стр. 38.

³⁾ Успенскій. Опытъ повѣствованія о дѣлѣхъ российскихъ. X. 1818 стр. 540.

⁴⁾ Рихтеръ. Ор. сіт. т. II, стр. 124.

тыре лекаря, съ жалованьемъ 60 царскихъ ефимковъ¹⁾. Въ „Тобіюсова полку“ былъ лекарь Иванъ Шлющъ и „Оалентинова полку Росдормова нѣмчинъ Иванъ Гепикъ“. Въ сентябрѣ того же года подъ Смоленскъ былъ командированъ лекарь Елизарій Ролонтъ²⁾.

Въ 1633 г. по указу Михаила Ѳеодоровича „велѣно на Бѣлой быть у околничево и воеводы у князя Семена Прозоровскаго съ товарищи для лечьбы ратныхъ людей лекаремъ Кашпиру Давыдову да Томасу Утину“³⁾. Въ февралѣ того же года англійскій врачъ Матвѣй Кинфинъ былъ „посланъ съ столникомъ съ Василиемъ Ивановичемъ Стрешневымъ въ Пермь великую“⁴⁾. Въ іюлѣ „для лечьбы ратныхъ людей въ полку у полковника Юрія Матусина“ велѣно быть лекарю Кашпиру Давыдову⁵⁾.

Тогда же *полковой* лекарь Анцъ Вульфъ былъ „посланъ къ государеву къ мѣдному дѣлу къ Соли Камской... для лечьбы иноземномъ рудного сыску“⁶⁾.

Изъ челобитныхъ аптекаря Филиппа Бріота и Елизарія Ролонта можно видѣть, что они служили въ полкахъ въ Тулѣ и Переславлѣ Рязанскомъ⁷⁾. Можно полагать, что въ теченіе первой половины XVII ст. *постоянные* лекари были только въ иноземныхъ полкахъ. Главная же масса военныхъ силъ оставалась либо совершенно безъ медицинской помощи, либо пользовались ею случайно.

У насъ было въ обычаѣ выдавать ратнымъ людямъ „на лечьбу ранъ, на зелье“ особыя пособія. Такъ подъ Псковомъ въ 1633 г. выдавалось „смотря по ранамъ рубли по 2, и по 3, и по 4 рубли человѣку; а больши 4-хъ рублевъ на лечьбу, на зелье не даютъ“⁸⁾. По царскому указу раненныхъ воеводы „сами осматривали, какова чья рана“ и сообразно своимъ заключеніямъ о тяжести пораненій назначали пособія.

Отдѣльные врачи появляются въ русскихъ полкахъ въ зависимости отъ болѣе или менѣе просвѣщеннаго взгляда на лечеб-

ное дѣло высшихъ военныхъ начальниковъ, которые въ случаѣ желанія имѣть врача просили о немъ въ нарочитыхъ челобитныхъ. Околничій воевода кн. Семенъ Васильевичъ Прозоровскій писалъ, напримѣръ, въ 1632 году: „на Бѣлой дворянъ и дѣтей боярскихъ, и всякихъ ратныхъ людей, раненныхъ лечити некому, лекарей нѣтъ, и многіе ратные люди отъ ранъ помираютъ“¹⁾. Въ отвѣтъ на это изъ Москвы были посланы лекари Кашпиръ Давыдовъ и Томасъ Утинъ „со всякимъ съ своимъ лекарствомъ; а за лекарство, и за кормъ, и за подводы, указать государь имѣ давати своего государева жалованья на мѣсяцъ претивъ тѣхъ лекарей, которые подъ Смоленскомъ—по тридцати рублевъ“. Въ слѣдующемъ году къ Василию Ивановичу Стрѣшневу былъ командированъ лекарь Матвѣй Кинфинъ²⁾. Въ этомъ же году упомянутый нами Кашпиръ Давыдовъ получилъ переводъ къ полковнику Юрію Матусину³⁾. Въ 1644 г. въ калмыкомъ походѣ участвовалъ лекарь Елизарій Ролонтъ, который въ 1632 г. работалъ подъ Смоленскомъ.

Бывали случаи, что лекари назначались для леченія отдѣльных лицъ, какъ-то, напримѣръ, въ 1633 г. былъ назначенъ лекарь къ раненому подъ Великимъ Ѳеодору Баранову⁴⁾.

Со второй половины XVII ст. выделяется особый классъ военно-полковыхъ врачей съ особой специальной выучкой, съ особыми служебными правами, даже съ извѣстной національной окраской. Съ 70-хъ годовъ XVII ст. полковые врачи имѣются въ частяхъ кн. Ивана Андреевича Хованскаго, кн. Бориса Александровича Рѣпина, кн. Алексѣя Никитича Трубецкаго, кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова, кн. Григорія Григорьевича Ромодановскаго и другихъ, словомъ, въ любомъ полку не было недостатка въ медицинской помощи.

Встрѣчались не только врачи, но и другія лица, имѣвшія свѣдѣнія къ различнымъ отраслямъ врачебнаго знанія⁵⁾. Въ 1661 г. въ полку Юрія Алексѣевича Долгорукова, кромѣ русскихъ лекарей Степана Алексѣева и Киріана Кутешева былъ

¹⁾ Цѣтаевъ. Протестанты въ Россіи стр. 728.

²⁾ Матер. №№ 106 и 107.

³⁾ *ibid.* №№ 116 и 117.

⁴⁾ *ibid.* № 120.

⁵⁾ *ibid.* № 137.

⁶⁾ Матер. № 214.

⁷⁾ Матер. № 176 и 220.

⁸⁾ Акты экспедиц. Сиб. 1836 г. III № 234.

¹⁾ Акты истор. Сиб. 1841 г. т. III, №№ 173 и 174; матер. № 116.

²⁾ Матер. № 118.

³⁾ *ibidem*, № 137.

⁴⁾ Акты истор. т. III, № 176.

⁵⁾ Матер. № 294, 325, 335, 386, 407, и др.

еще костоправъ Иванъ Макенцовъ ¹⁾. У кн. Ивана Андреевича Хованскаго въ 1661 г. было 2 лекаря изъ русскихъ—Иванъ Никитинъ и Иванъ Антоновъ, а въ 1679 г. лекари иноземцы Яковъ Починскій, Вольдемаръ Крестьянусъ и Рудольфъ Горционъ съ учениками Иваномъ Никитинымъ, Яковомъ Ивановымъ и Куземкой Дмитріевымъ ²⁾.

Въ 1661 г. у б. в. Петра Михайловича Салтыкова были лекари иноземцы Юрій Ягановъ, Кирьянъ Кутешевъ, Степанъ Алексеевъ, Иванъ Евдокимовъ и ученики Степка Власовъ и Алешка Леонтьевъ ³⁾. Въ томъ же году въ полкъ къ б. в. кн. Григорію Семеновичу Куракину были посланы лекарь Флоръ Дьяклеръ и лек. ученики Афанасій Шешуковъ и Василиій Подуруевъ, а въ 1667 г. у него были иноземный лекарь Артемій Назаровъ, русскіе лекари Андрей Федотовъ и Иванъ Антоновъ, костоправъ Евдокимовъ и ученики Ивашко Якимовъ и Гришка Тимофеевъ ⁴⁾.

Въ 1661 г. у бояр. и в. кн. Якова Куденетовича Черкаскаго были два лекаря и костоправъ, а въ 1664 г. находился иноземный лекарь Иванъ Албанусъ и шесть русскихъ лекарей: Иванъ Никитинъ, Иванъ Антоновъ, Василиій Подуруевъ, Степанъ Алексеевъ, Иванъ Костылевъ и Степанъ Ошурковъ да костоправъ Иванъ Евдокимовъ ⁵⁾.

Въ полку у воеводы Петра Васильевича Шереметева въ 1662 г. были иноземный лекарь Василиій Ульфъ и русскіе лекари Оедотъ Васильевъ, Иванъ Семеновъ и Иванъ Раевъ; въ 1664 г. прежніе; въ 1665 г. рус. лекарь Афанасій Шешуковъ и ученикъ Дмитрій Никитинъ; въ 1679 г. иноземные лекари Яганъ Фридрихъ Лагусъ и Отто Лихерсъ; въ 1680 г. иноземный лекарь Петръ Рабкѣвъ и ученики Ивашка Федоровъ и Ивашка Казариновъ ⁶⁾.

Въ полку у б. и в. кн. Григ. Григ. Ромодановскаго въ 1657 г. служилъ лекарь Осипъ Боржовъ; въ слѣдующемъ году лекарь Василиій Ульфъ и ученики Васыка Подуруевъ и Ивашка Михай-

¹⁾ Ibidem. № 410.

²⁾ Матер. № 410; Наши матер. т. II, стр. 129 и 158 и т. I стр. 151.

³⁾ Наши мат. т. I, стр. 151.

⁴⁾ Ibidem, стр. 151 и матер. № 410.

⁵⁾ Матер. № 40 и наши мат. т. I, стр. 58.

⁶⁾ Наши матер. т. I, стр. 43 и 151, 58, т. II, стр. 161, мат. № 410.

ловъ; въ 1660 г. лекарь Юрій Ягановъ; въ 1662 г. лек. Оедотъ Васильевъ и Андрей Оедотовъ и ученикъ Оедька Захаровъ; въ 1664 г. лекари Юрій Ягановъ, Андрей Оедотовъ и учен. Митька Мчкитинъ; въ 1668 г. лекари Иванъ Кладборхъ и Иванъ Костылевъ и ученики Оедька Захаровъ и Ивашка Веневитиновъ; въ 1671 г. лек. Ивашко Несмѣяновъ и уч. Куземка Семеновъ; въ 1672 г. кромѣ бывшихъ въ предыдущемъ году еще лекарь Оедоръ Захарьевъ и ученикъ Емелька Климовъ; въ 1674 г. иноземный лек. Францъ Курціусъ и ученики Оедька Островскій и Ивашка Оедотовъ; въ 1676 г. лек. иноз. Петръ Рабкѣвъ и рус. лекарь Кузема Семеновъ да три ученика; въ 1680 г. лекари иноземцы Вольдемаръ Крестьянусъ, Родольфъ Отгерсонъ и ученики Куземка Дмитріевъ и Мартынка Рухъ ¹⁾.

Полковые врачи имѣлись во всѣхъ частяхъ государства, гдѣ только были расположены ратные люди: въ Белгородѣ, Смоленскѣ, Сѣвскѣ, Астрахани, Рыльскѣ, Мценскѣ, Чигиринѣ, Путивлѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Козловѣ, Новомъ Осколѣ, Сибирскѣ, на Дону, въ Запорогахъ и т. д. ²⁾.

Какъ и въ первой половинѣ XVII столѣтія, врачебный персоналъ высылался по челобитнымъ. Напр. въ 1672 г. князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій въ своей челобитной о присылкѣ лекаря заявлялъ, что „безъ лекаря быть некоторымъ мѣря не можно“. То-же самое повторялъ въ 1680 и 1682 г. князь Петръ Ивановичъ Хованскій и въ 1687 г. Михаилъ Андреевичъ Голицынъ. Въ 1695 г. воевода Борисъ Петровичъ Шереметевъ заявлялъ, что „въ нынѣшнемъ походѣ безъ лекаря и безъ лекарей быть не по которой мѣрѣ невозможно“ ³⁾.

И нельзя не признать заблужденіемъ мнѣніе Хмырова, который, вычитавъ въ докладной выпискѣ Посольскаго приказа отъ 27 октября 1669 года, что „въ Смоленску лекарей нѣтъ и ратнымъ-де людямъ безъ лекаря быть нельзя“, пишетъ: „самое назначеніе лекарей въ полки, даже въ цѣлыя пограничныя округа, не было въ царствованіе Алексѣя Михайловича непремѣннымъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Наши матер. т. I, стр. 134; ibid. т. II, стр. 135; т. I, стр. 44; ibid. стр. 58; ibidem, т. II, стр. 137; т. II, стр. 139 и 148; ibid. стр. 148; ibidem, стр. 154; ibid. стр. 163.

²⁾ Наши матер. т. II, стр. 314, 323, 336, 161, 163, 165, 172, 173, 129, 156, 149, 152, 155, 137, 142, 157; т. I, стр. 154, 42, 14; мат. № 410.

³⁾ Ibidem, т. II, стр. 145, 177, 182 и др.

⁴⁾ Op. cit. стр. 29 и Дополн. къ акт. истор. Сиб. 1855 г. V № 100.

Хмыровъ рискнулъ высказать такое мнѣніе, хотя въ томъ-же документѣ, который нѣтъ цитируется, имѣется указаніе, что „прежде сего въ Смоленскѣ былъ лекаръ Юхмъ Стень“ и далѣе сообщается о новомъ командированіи этого врача въ Смоленскъ.

Если бы придерживаться манеры Хмырова дѣлать заключенія, то пришлось бы сказать, что московскіе врачи служили безъ жалованья, жили безъ кормовъ, ѣздили безъ подводъ, лечили безъ лекарствъ и т. д., потому что во всѣхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ соответственные челобитья.

Изученіе архивныхъ матеріаловъ, убѣждаетъ насъ, что въ многочисленныхъ челобитныхъ о присылкѣ врачей и медикаментовъ не вполне точно отражается истинное положеніе дѣлъ. Часто въ челобитныхъ мы читаемъ сѣтованія на отсутствіе врачебнаго персонала, а между тѣмъ здѣсь имѣетъ мѣсто или случайный перерывъ между выѣздомъ одного врачебнаго персонала и прибытіемъ другого, или же несвоевременное возвращеніе медицинскаго персонала изъ отпуска, или же самовольныя отлучки лекарей изъ воинскихъ частей, или же, наконецъ, отсутствіе врачебнаго персонала за освобожденіемъ его отъ службы тѣмъ или другимъ воинскимъ начальникомъ.

Мы уже указывали выше на челобитную князя Гр. Ромодановскаго, просившаго о присылкѣ врача восемь разъ въ промежутокъ времени съ 23 июля 1671 г. по 13 февраля 1674 г. Эта челобитная, начинаясь указаніемъ на всѣ прежнія ходатайства, заканчивалась словами: „и съ Москвы, Государь, къ намъ холопямъ твоимъ въ полкъ февраля по 13 число лекаръ не присланъ“. Изъ этого можно заключить, что вообще за указанное время Ромодановскій никакъ не могъ добиться присылки въ его полкъ врача.

Обратимся однако къ другимъ документамъ. Въ нихъ мы находимъ, напр., что въ полкъ Гр. Ромодановскаго 21 августа 1672 г. были назначены лекаръ Ѳеодоръ Захарьевъ и ученикъ Емелька Климовъ, но 2 ноября слѣдующаго года Ромодановскій по собственной волѣ прислать въ Разрядъ Ѳеодора Захарьева съ отпискою, что „тотъ де лекаръ... лекарства въ полкъ привезъ не все сполна... да онъ же де лекаръ Ѳеодоръ Захарьевъ будучи въ полку безпрестанно пилъ и зерню играетъ и прокрался; да онъ и *лечить не умѣетъ*, и у такихъ лекарственныхъ дѣлъ за паки

его воровство и за пьянство некоторыми мѣры у нихъ б. и в. въ полку быть ему не мочно. Да у нихъ же бѣ и в. въ полку безъ него Ѳеодора его два такихъ же ученика Иванъ Сябяновъ да Кузьма Семеновъ, и большія г. лекарственныя дѣла имъ.. не за обычаемъ... а безъ добраго лекаря быть нѣтъ не мочно... И они де б. и в. лекаря Ѳеодора Захарьева за его пьянство что *лекарскому дѣлу не за обычаемъ* и что лекарства своимъ пьянствомъ и небреженіемъ привезъ не все сполна“.

Далѣе, изъ тѣхъ же документовъ мы узнаемъ, что въ 1671 г. у Ромодановскаго въ полку былъ лекаръ Иванъ Кладборхъ, который 2 марта былъ отпущенъ Ромодановскимъ, опять по его личной инициативѣ „для его нужныхъ дѣлъ къ Москвѣ срокомъ на мѣсяцъ“, и съ тѣхъ поръ не возвращался въ полкъ. Вотъ объ этомъ то злоупотребленіи отпусковъ, какъ видно изъ документовъ, и писалъ Ромодановскій въ Москву 27 февраля и 30 апрѣля 1672 года.

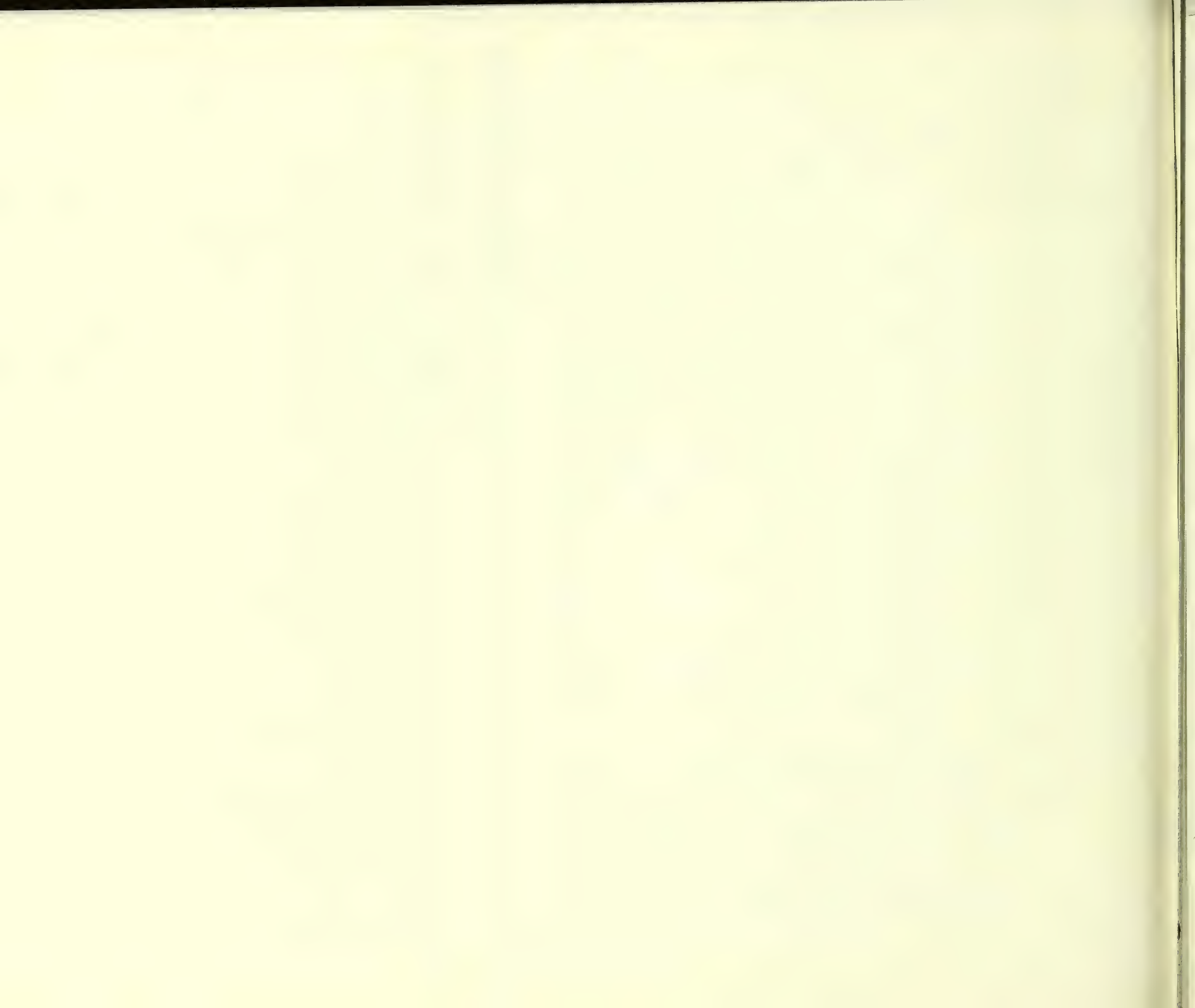
Но этихъ дѣло не заканчивается. Изъ тѣхъ же документовъ видно, что 23 декабря 1674 г. къ Ромодановскому были назначены лекаръ иноземецъ Фрихъ Курціусъ да лекарскаго дѣла ученики Осыка Островскій и Ивашка Ѳеодотовъ съ лекарствами. Названные лица прибыли въ полкъ 23 февраля, а черезъ два дня были отосланы въ Москву прежніе специалисты Иванъ Несмѣяновъ и Куземка Семеновъ ¹⁾ Нужно еще добавить, что къ тому же Ромодановскому въ маѣ мѣсяцѣ 1673 г. былъ назначенъ русскій лекаръ Андрей Ѳеодотовъ да лекарскаго дѣла ученикъ Аоонька Мартыновъ ²⁾.

Такимъ образомъ, указанную челобитную Ромодановскаго отъ 13 февраля 1674 г. нельзя понимать буквально: врачебный персоналъ у него былъ въ составѣ нѣсколькихъ человекъ, но по тѣмъ или инымъ побочнымъ причинамъ не могъ выполнить своего назначенія.

Въ 1682 г. Петръ Ивановичъ Хованскій, какъ уже извѣстно, также сѣтовалъ на отсутствіе лекаря. Однако, оказывается, что у него были лекаря Александръ Квилонъ и Яковъ Вульфъ съ учениками Якушкой Ивановымъ и Андрюшкой Буксегденомъ. Дѣло же заключалось въ томъ, что въ 1681 г. Александръ Квилонъ

¹⁾ Матеріалы т. I, стр. 190; т. II, стр. 145—149.

²⁾ *ibidem*, томъ II, стр. 141.

съ учениками быть отозванъ въ Москву, а на ихъ мѣсто были назначены лекаръ Иванъ Костылевъ да ученикъ Ивашко Степановъ. Эти то специалисты и побудили воеводу Хованскаго бить челомъ о присылкѣ лекарей, такъ какъ, по словамъ воеводы, „тотъ лекаръ Иванъ Костылевъ изъ Курскъ бѣжалъ безвѣстно, а ученикъ Ивашко Степановъ въ Курскѣ отъ пьянства умеръ“. Что же касается другихъ лицъ врачебнаго персонала, т. е. лекаря Якова Вульфа и учениковъ Якушки Иванова и Андришки Буксегдена, то они были отправлены въ Москву не за долго передъ этимъ и полкъ дѣйствительно остался безъ лекарей. Въ такомъ положеніи полкъ оставался не долго, а именно: 31 мая Хованскій заявилъ объ отсутствіи лекарей, а 25 іюля были посланы лекаръ Андрей Харитоновъ съ ученикомъ Тимошкой Петровымъ¹⁾.

Характеристикѣ, которую далъ Хованскій Ивану Костылеву, удивляться не приходится, потому что еще въ 1668 г. Ромодановскій писалъ въ Москву: „лекаръ Иванъ Костылевъ да ученикъ Оедика Захаровъ, Ивашко Реневитиновъ... не знаютъ у ратныхъ людей и легкихъ ранъ и лечить не умѣютъ и пьютъ и бражничаютъ“²⁾. Несколько не удивителенъ и упоминаемый Хованскимъ побѣгъ Костылева. Побѣги, вѣроятно, были не рѣдки. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1664 разыскивался въ Ярославлѣ бѣжавшій изъ Москвы лекарскаго дѣла ученикъ Емелька Климовъ³⁾.

Болѣе смягченной формой отсутствія изъ мѣста назначенія были, съ одной стороны, отъѣздъ безъ разрѣшенія, какъ сдѣлалъ, наприимѣръ, лекаръ, Осинъ Островскій, самовольно покинувшій въ 1679 г. Курскъ, или, съ другой, игнорированіе срока отпуска, какъ то было, положимъ, съ лекаремъ иноземцемъ Яганомъ Кушневымъ, въ 1695 г. отпущеннымъ Бор. Алексѣвичемъ Шереметевымъ на короткое время въ Москву и не вернувшимся оттуда съ 16 октября по 16 апрѣля⁴⁾. Какъ только была получена въ Москвѣ челобитная о сыскѣ Кушнея, немедленно его стали разыскивать и 24 апрѣля состоялся указъ о

¹⁾ *ibidem*, т. II, стр. 173—179.

²⁾ Наши матер. т. II, стр. 137.

³⁾ *ibidem*, т. I, стр. 68.

⁴⁾ *ibidem*, т. II, стр. 155 и 181.

возвращеніи Кушнея на прежнее мѣсто. Слѣдовательно полгола оставался воевода безъ врача по собственной винѣ¹⁾.

Что касается отъѣздовъ безъ разрѣшенія, то подобные случаи также не оставались безъ вниманія. До насъ дошла обширная переписка по поводу оставленія въ 1696 г. Черкаскаго лекарями Иваномъ Фохтомъ, Гилембрандомъ Фандерномъ и Николаемъ Петелинымъ. Случай этотъ заслуживаетъ вниманія еще и въ другомъ отношеніи, а именно: указанные врачи, самовольно покинувъ одну службу, не поѣхали на другую, въ Сергіевъ. Какъ видно же изъ донесенія стольника и воеводы Акима Ржевскаго въ Сергіевъ положеніе было серьезное. Отъ писали: „начальные ратные люди изволеніемъ Божиимъ отъ дыгги и отъ муту многіе заболѣли и померли, для того что въ Сергіевѣ лекарей и лекарей нѣтъ ничего не оставлено, а которыми де лекарями... вѣдно быть изъ Черкаскаго... и тѣ де лекари учинились ослупы, въ Сергіевъ городъ не поѣхали и изъ Черкаскаго уѣхали къ Москвѣ“²⁾.

Въ правильность врачебной военно-полевой службы немалое разстройство вносили отпуски врачей. Можно думать, что въ этомъ отношеніи не существовало какихъ—либо определенныхъ правилъ.

Наприимѣръ, въ 1678 г. былъ челомъ лекаръ Яганъ Оантермонти: „посланъ я х. т. въ Сѣвскъ для леченія полковника Андрея Гамонтонна и иныхъ: и того полковника и иныхъ раненыхъ я холопъ твой вылечилъ и поѣхали къ Москвѣ. А дѣль г., вынѣ въ Сѣвску никакихъ нѣтъ, а воевода безъ твоего государева указу къ Москвѣ не отпускаетъ, и я х. т. помираю голодною смертью“³⁾.

Въ 1690 г. боярину и воеводѣ кн. Михаилу Григорьевичу Ромодановскому было послано извѣщеніе, что „велѣно Антекарскаго Приказа лекаря Ивана Казаринова изъ Кіева отпустить къ Москвѣ“⁴⁾. Чѣмъ былъ вызванъ этотъ указъ неизвѣстно.

Въ 1696 г. бояринъ Борисъ Шереметевъ отпустилъ собственною властью лекаря Николая Зорина, просившаго объ отпускѣ въ Москву „для челобитья.. о денежномъ жалованьи“⁵⁾.

¹⁾ *ibidem*, т. III, ч. II, стр. 8—13.

²⁾ *ibidem*, стр. 17—18.

³⁾ Матер. № 1455.

⁴⁾ Прилож. № 39.

⁵⁾ Наши матер. т. III, ч. II, стр. 34.

Въ 1702 г. „изъ Бѣлгорода по отпискѣ пріѣхалъ къ Москвѣ для челобитія о дачѣ ему его государева жалованья, потому что ему въ Бѣлгородѣ его в. г. жалованья на 3 года не дано“ ¹⁾.

Неудивительно, что правильность военно—врачебной службы нарушалась, если въ однихъ случаяхъ воеводы врачей отпускали для челобитія о жалованьи и удерживали, когда не было даже пациентовъ, а въ другихъ Приказы посылали указы объ отпускѣ, предварительно не освѣдомившись, нуженъ врачъ или нѣтъ.

Со второй половины XVII ст. до такой степени измѣнилась постановка военно-медицинской службы и настолько стало обычнымъ явленіемъ имѣть въ полковомъ врачебномъ составѣ *несколько* специалистовъ, что въ челобитныхъ послѣдующаго времени вмѣсто жалобъ на отсутствіе врачебной помощи, какъ бывало раньше, находимъ „и въ полку у насъ холопей твоихъ лекарь *одинъ* и лекарства у него мало, равныхъ лечить нѣкому, а одинъ лекарь лечить не успѣваетъ“ ²⁾...

Челобитныя о присылкѣ нѣсколькихъ специалистовъ настолько сдѣлались привычными съ конца 70-хъ годовъ, что московское правительство по собственному почину разсылало въ полки, кромѣ нѣсколькихъ русскихъ специалистовъ, нѣсколько иноземныхъ. Но вслѣдствіе общей громоздкости приказнаго строя и по другимъ причинамъ, лежавшимъ внѣ особенностей какой—либо административной системы, эти специалисты не всегда оказывались на мѣстахъ назначенія.

Въ 1678 году были посланы въ бѣлгородскій полкъ „и въ прибылые полки къ *прежнему* лекарю въ *прибавку* лекарь иноземецъ Петръ Рабѣевъ да съ нимъ лекарьскихъ учениковъ Алешка Ивановъ да Гришка Тимофѣевъ да русской лекарь же Кузьма Семеновъ да съ нимъ лекарьскій же ученикъ Стенька Шешуковъ“ ³⁾.

Въ 1679 г. изъ Курска писалъ въ Москву воевода Иванъ Милославскій „о лекарѣ Осипѣ и о иныхъ *прибавочныхъ* лекаряхъ и о лекарствахъ для нынѣшней своей в. г. службы“ ⁴⁾.

Въ 1679 г., по заранѣ составленнымъ спискамъ новопризывныхъ лекарей „кому во которыхъ полкахъ быть“, были отправ-

¹⁾ Прилож. № 42.

²⁾ Матер. № 646.

³⁾ Наши матер. т. II, стр. 295.

⁴⁾ ibidem, стр. 155.

лены къ князю Михаилу Алексѣевичу Черкасскому: Юлій Генсенъ, Андрей Беккеръ, Николай Шнедъ; къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву—Яганъ Лягушъ и Отто Эймеръ; къ князю Ивану Андреевичу Хованскому—Володимеръ Крестьянушъ и Родольфъ Гордонсонъ и т. д. ¹⁾.

Въ 1686 г. иноземцы бѣлгородскихъ полковъ въ своей челобитной писали: „а напередъ сего для вашей в. г. службы было въ бѣлгородскомъ полку лекарей *забытыхъ* людей, человека *по два*“ ²⁾.

Въ 1697 г. Яковъ Долгорукій просилъ прислать въ бѣлгородскій полкъ сверхъ лекаря, который у него былъ, „и другого человека лекаря и къ нимъ *въ подачу* двухъ человекъ учениковъ“ ³⁾. Просьба была выполнена безъ замедленія, потому что воевода не просилъ чего-либо новаго.

Съ половины XVII ст. стало обычнымъ имѣть въ полку не только нѣсколькихъ представителей врачебнаго знанія, но и дѣйствительныхъ знатоковъ своего дѣла.

Въ 1675 Алексѣи Михайловичъ указалъ „послать со княземъ Каспулатомъ Муцалоничемъ Черкасскимъ съ товарищи, на свою вел. государя службу *лекаря добраго*“ ⁴⁾.

Въ 1679 г. указомъ Осодора Алексѣевича повелѣвалось „изъ нѣмецкихъ рѣшъ призвать въ московское государство лекарей полковыхъ и сотенныхъ *добрыхъ и ученыхъ* людей“ ⁵⁾.

Соотвѣтственно духу московской администраціи въ своей челобитной, принесенной въ 1687 г. Михаилу Андреевичу Голицыну, генералъ-маіоръ Яковъ Билльсъ писалъ между прочимъ, что „во всѣхъ ихъ полкахъ даны дохторы и лекари, и на Украинѣ де отъ тяжелаго воздуха и отъ воды всякія человѣческія скорби непрестанно множатся и многіе отъ нихъ скорбятъ, а лекаря де добраго нѣтъ, отъ нутряныхъ болѣзней лечить ихъ некому, а который де въ томъ полку и есть ученикъ изъ русскихъ, и тотъ нутряныхъ болѣзней лечить не знаетъ, и чтобъ... имъ дать съ Москвы добраго лекаря“ ⁶⁾.

¹⁾ Матер. № 1603.

²⁾ Наши матер. т. III, ч. II, стр. 41.

³⁾ ibidem, № 18.

⁴⁾ Матер. № 543.

⁵⁾ ibidem, № 1599.

⁶⁾ Наши матер. т. II, стр. 322.

Если обнаруживалось, что тотъ или другой врачъ не „добрый“, не владѣть своею специальностью въ должной мѣрѣ, то Аптекарскій Приказъ старался отъ него избавиться. Иногда это достигалось немедленнымъ исключеніемъ изъ приказныхъ списковъ, иногда настолько низкой оцѣнкой услугъ, что обиженному специалисту приходилось покинуть Москву по собственному почину.

Такъ въ 1642 г. по указу Михаила Ѳеодоровича, доктора Романа Пау велѣно отпустить въ Галанскую землю или куда похочетъ, потому что ему въ Аптекарской Палатѣ... въ дохтурехъ быть не указано“. Подобному указу предшествовала длинная и оригинальная мотивировка. Здѣсь между прочимъ говорилось: „и тотъ докторъ Романъ Пау былъ въ Аптекарской Палатѣ въ дохтурехъ по нынѣшней по 151 годъ ноября по 2 число. А въ прошломъ во 148 году февраля въ 17-мъ числѣ по государеву указу и по челобитію Богдана Хитрово посланъ онъ Романъ къ Епифантю Хитрово, да во 141-мъ году сентября въ 24-мъ числѣ посланъ къ Василью Ляпунову, во 149-мъ же году іюня въ 24 числѣ по челобитію боярина князя Юрія Ондѣевича Спикова посланъ онъ осматривать боярина князя Олексея Юрьевича Спикова, да въ прошломъ же во 149 году посланъ ко князю Ивану Албертусу. И куды онъ ни посланъ и онъ *никогда не излечивалъ* и государю службы своей никакой въ лекарствѣ не объявлять“.

Что же за личность этотъ докторъ Романъ Пау? Онъ пріѣхалъ въ Москву въ 1638 г. съ рекомендательной грамотой отъ князя Индрика Оранскаго, который писалъ о Пау что „онъ доброе свидѣтельство имѣетъ о своей наукѣ и изыщности въ лечебномъ дѣлѣ, которое онъ двадцать четыре года велъ“. Разспросы иноземцевъ, находившихся въ Москвѣ, дали весьма благоприятныя для доктора свѣдѣнія, и онъ былъ принятъ въ Аптекарскій Приказъ на огромное содержаніе — по 220 руб. денежнаго годового жалованья и по 60 рублей мѣсячнаго корма. Столь щедрое вознагражденіе Роману Пау казалось недостаточнымъ и въ 1642 г. онъ былъ челомъ о прибавкѣ, въ отвѣтъ на что и послѣдовало увольненіе его съ вышеприведенными мотивами ¹⁾.

¹⁾ Наши матер. т. II, стр. 203.

Такого же рода случай произошелъ съ докторомъ Андреемъ Келлерманомъ. Въ 1661 г. онъ былъ отправленъ за границу для изученія медицины, съ каковою цѣлью онъ пробылъ въ Лейпцигѣ 6 лѣтъ, въ Страсбургѣ 3 года, въ Оксфордѣ 1 годъ, въ Парижѣ и Монпелье 1½ г. и въ Падубѣ 2 года. Получивъ изъ Падубскаго университета докторскій дипломъ, онъ вернулся въ Россію, и въ 1676 г. былъ зачисленъ въ приказные доктора съ годовымъ жалованьемъ въ 60 рублей и мѣсячнымъ кормомъ по 12 руб. Вознагражденіе это онъ находилъ для себя недостаточнымъ и въ челобитной о прибавкѣ писалъ, что онъ „не токмо передъ своею братьею дохтурами, но и передъ аптекарми оскорбленъ“ ¹⁾.

Дѣйствительно, размыслы его вознагражденія были чрезвычайны и скромны, но времена ужъ измѣнились и врачей массаи включали „за многолѣтствомъ изъ Аптекарскія Палаты“. Теперь ужъ представлялся широкій выборъ специалистовъ, дипломами не обольщались и требовали реальныхъ знаній.

Андрей Келлерманъ просилъ назначить ему жалованье наравнѣ съ докторомъ Михаиломъ Граманомъ, т. е. вмѣсто 204 рублей 690. Въ докладѣ государю было указано, что челобитчикъ лечилъ „столика и полковника Володимера Приказу Воробина 166 чел., Григорьева приказу Титова 147 чел., Афанасьева приказу Парасукова 150 чел., всего 463 человека“. Вмѣстѣ съ тѣмъ доложено, что онъ былъ посланъ въ 1679 г. къ гетману Ивану Самойловичу и 15 дек. 1680 г. отъ гетмана получилось объ Андрѣ Келлерманѣ увѣдомленіе, что „ле къ нему посланъ былъ, съ ними поживъ и немощи жителей ихъ вызнавъ, разсудилъ то прилежно, что *въ изъ странахъ трудно такихъ смыкать вещей, каковы къ лекарству оныхъ немощей были немощны, и онъ гетманъ сво дохтура отпустилъ съ честью*“. Вѣроятно, въ силу этихъ послѣднихъ свѣдѣній вмѣсто прибавки Келлерманъ получилъ указъ „въ дохтурахъ въ аптекахъ не быть“ ²⁾.

При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ врачи обязываются къ полковой службѣ самымъ текстомъ крестоприводныхъ записей. Иностранцы при вступленіи на русскую службу стали давать торжественное обѣщаніе: „служити государю *полковую* службу и гдѣ Великій Государь быть укажетъ“ ³⁾.

¹⁾ Ibidem т. III, ч. II стр. 159—160.

²⁾ Ibidem стр. 161—162.

³⁾ Матер. № 1605.

При сравненіи текста этой записи съ таковымъ же царствованіи Михаила Оеодоровича, отчасти—Алексеѣя Михайловича, не остается сомнѣнія въ томъ, что *полковая* служба при Оеодорѣ Алексѣевичѣ была серьезно выдвинута впередъ.

Историкъ Хмыровъ въ своемъ очеркѣ военно-медицинской старины высказываетъ, однако, мнѣніе, будто бы въ это царствование цѣлые военные округа оставались безъ лекарей и будто бы вообще *постоянныхъ* полковыхъ врачей не было. Иначе,—пишетъ, онъ—зачѣмъ бы было правительству въ числѣ наградъ за чигиринскій походъ 1678 г. назначать ратнымъ людямъ, оставшимся на службѣ, „на лечбу ранъ по 4, по 3 и по 2 р. челобѣтку, смотря по ранамъ, а за легкія по 1 рублю“¹⁾. Здѣсь явное недоразумѣніе, которое объясняется приведеннымъ выше распределеніемъ врачебнаго персонала въ 1676 году. Впрочемъ, свидѣній объ этомъ у г. Хмырова не было, и подлинныя дѣла Антекарскаго Приказа за соответствующее время считались сгорѣвшими при пожарѣ 1812 года.

Тѣмъ не менѣе ошибочность сдѣланнаго почетомъ изслѣдователемъ заключенія могла бы обнаружиться и безъ пользованія новѣйшими архивными матеріалами: стоило только сопоставить между собою указы 29 го Сентября 1678 г. и 22-го Ноября 1633 года. Последний указъ относился къ тому періоду, когда у насъ дѣйствительно не было *постоянныхъ* полковыхъ врачей, почему было отпущено „на лечбу ранъ, на зелье, смотря по ранамъ“, отъ 2-хъ до 4-хъ рублей²⁾. Въ указѣ же 1678 года говорилось „о *придачѣ* раненымъ подѣ Чигириномъ всякаго чина людямъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ на излеченіе“³⁾, иначе сказать, рѣчь шла только объ *улучшеніи* матеріальныхъ средствъ больныхъ сравнительно со здоровыми.

Придача къ окладу не являлась новымъ родомъ ассигнованія, и заботы объ улучшеніи условій жизни раненыхъ ратныхъ людей вполне понятны. Старая истина, что больной нуждается въ большемъ, чѣмъ здоровый, но практическое ея выраженіе въ указѣ 1678 года могло произойти не безъ вліянія полковыхъ врачей. Еще приводились многочисленныя „сказки“ иноземныхъ

¹⁾ Хмыровъ. *Op. cit.* стр. 31.

²⁾ *Акты жезел*. СПб. 1836 г. т. III № 234.

³⁾ Полн. Собр. Закон. СПб. 1830 г. т. II № 732.

медиковъ, въ которыхъ трактуются различныя болѣзни со стороны этиологіи, терапіи, діететики. Исполнѣ естественно, что московское правительство, понимая, съ одной стороны, важность улучшенія жизненной обстановки раненыхъ, а съ другой, зная ея дѣйствительную скудость, распорядилось „о *придачѣ* раненымъ подѣ Чигириномъ“.

Съ постепеннымъ упрощеніемъ института военно-полковыхъ врачей развивалась децентрализція врачебной организаціи. Изъ множества лицъ врачебнаго состава влѣдѣлось небольшое число лейбъ-медиковъ въ собственномъ смыслѣ, а остальные вошли въ составъ военно-полковыхъ врачей. При этомъ пріемъ и увольненіе врачей въ полкахъ нерѣдко совершалось помимо Антекарскаго Приказа.

Воеводы, не стѣняясь Приказомъ, часто принимали врачей на службу и увольняли ихъ, когда горячее время проходило. Такой порядокъ, повидимому, признавался правильнымъ. Да иначе и быть не могло въ такомъ живомъ дѣлѣ при тогдашнемъ бездорожьи и канцелярской волокитѣ. Отъ децентрализціи выигрывало дѣло и ничего не теряли врачи.

Слѣдуетъ замѣтить, что Хмыровъ весьма произвольно пользуется приводимымъ указомъ. Совершенно игнорируя ассигнованіе помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, онъ остановился лишь на прибавкахъ, „на лечбу ранъ“. При такомъ же кромсаніи указа легко можно упустить смыслъ ассигнованій, какъ *наградъ* за походъ.

Принятые воеводою лекаря не лишались возможности вѣтунить зі число приказныхъ и воспользоваться всѣми выгодами царской службы, для чего считалось достаточнымъ подать челобитную и представить списокъ вылеченныхъ лицъ. Такъ, Данило Оунгадановъ, взятый на службу воеводою кн. Василіемъ Бутурлинымъ, билъ челомъ о принятіи его въ Антекарскій Приказъ. „А излечилъ,—писалъ онъ,—государевыхъ всякихъ чиновъ людей *сто двадцать пять* человекъ“.

Представленіе росписи „кого на службѣ великаго государя будучи лечилъ и съ какихъ ранъ“—составляло необходимую формальность: роспись какъ бы замѣняла дипломъ и тотъ громоздкій порядокъ разспросовъ врачей, который практиковался въ Приказѣ ранѣе. Въ виду этого въ полкахъ велись особые „ратныхъ раненымъ людямъ записки книги“¹⁾, по которымъ, когда

¹⁾ *Матер.* № 280; *Наши матер.* т. I. № 52, 53 и др.

нужно было, составлялись росписи. Подобные росписи были представлены при поступлении на службу в Аптекарский Приказъ Александромъ Личифинусомъ, Петрушкой Семеновымъ, Максимкой Суховымъ, братьями Козьмой и Иваномъ Семеновыми, Семеномъ Кеврягинымъ и другими, взятыми в Приказъ изъ вольныхъ людей ¹⁾.

Образцомъ росписи излеченныхъ пациентовъ можетъ служить роспись, поданная в 1679 г. иноземцемъ Петрушкой Семеновымъ, который писалъ: „жильца Алексѣя Оедорова лечить ноги, лошадь перебила и отъ того язвы великіе означились. Елисѣя Ивана сына Синявина, а болѣзнь у него зубы и десны все прогнило въ ность. Петра Михайлова сына Кабанова: болѣзнь у него на ногѣ прикинулась, отъ раны прогнило и кости падали. Да у Оедора... лечить человѣка... у него была рана изъ пищи и перстѣ оторвало и отъ того прикинулась болѣзнь великая. Рязского уѣзду жильца Тимофея Лукина человѣка его Юрку лечить: голова была пробита чеканомъ, и отъ того язвы велики, жаръ и ломъ былъ, потому что долго было не лечено“ etc.

Помимо росписи пациентовъ врачи представляли общее заявление о своемъ профессиональномъ искусствѣ.

Напримѣръ, в 1658 г. лекаръ Эргаръ Дяклеръ показалъ о себѣ: „а лечить съченые, и колотые, и стрѣленные и всякіе раны, и лихіе вереды, которые бываютъ подъ щеками и въ иныхъ мѣстахъ отъ морового повѣтрія; пострѣльные язвы, и килы, и золотухи, и жабы, всякіе болѣзни, и очи у которыхъ бываютъ бѣльма, и каменную болѣзнь лечить, и камень изъ чедовѣка вонъ вынимаетъ, и всякіе закрытые нутренные болѣзни лечить, и рошковую жильную руду пушаетъ; а которыми лекарства тѣ болѣзни лечить, и онъ тѣ лекарства самъ дѣлаетъ, и рошковую руду онъ пушаетъ нѣмецкими мѣдными рошками“ ²⁾.

Лекаръ иноземецъ Мартынъ Радомской показалъ в 1678 г. что онъ „лечить научился раны колотые, и стрѣленные, и рѣзанные, и пульки вырѣзывать, и жильную руду пускать и банками, и внутренніе лекарства пургающе и иные давать умѣетъ“ ³⁾ В томъ же году лекаръ Матвѣй Ивановъ сынъ Таборовскій заявилъ,

¹⁾ матер. № 275, 670, 1167, 1471, 1476, 1505.

²⁾ матер. № 844.

³⁾ Ibidem. № 1410.

что „раны лечить колотыя, и рубленныя, и стрѣленные, и пульки вырѣзывать, и составы ломаные справлять, и жильную руду пускать умѣетъ“ ¹⁾.

В 1679 г. лекаръ иноземецъ Иванъ Яковлевъ Гладкой сообщилъ, что „лечить стрѣленные, и колотые, и рѣзанные раны, и пульки вырѣзываетъ и руду жильную и банками пущать умѣетъ, и чепучинные болѣзни лечить умѣетъ же“ ²⁾.

Принимались лекари либо на извѣстный срокъ, либо только на неопредѣленное время военныхъ дѣйствій. Когда ихъ услуги оказывались излишними, имъ предоставлялось или уѣхать на родину, или же заняться частной практикой, причемъ ставилось единственное стѣсненіе: „лекарства имать изъ Аптекарскаго Приказа, а не своими лекарствами“ ³⁾.

Объ отѣзжавшихъ за море собирались предварительно тщательныя свѣдѣнія, не имѣлось-ли какихъ-нибудь препятствій къ выѣзду. Устанавливалось между прочимъ: „тѣ всѣ снасти лекарскіе назадъ у нихъ взяты-ли; также и въ лекарствахъ, которые съ ними въ полки посланы: въ обѣихъ аптекахъ какова дѣла нѣтъ-ли; также и по челобитчиковымъ дѣламъ и не справясь именно денегъ заслуженныхъ имъ не давать и съ Москвы не отпускать“ ⁴⁾.

Совершившаяся въ силу естественнаго хода событій децентрализція врачебнаго дѣла привела къ возникновенію вольнопрактикующихъ врачей. Въ концѣ XVII ст. в Аптекарскомъ Приказѣ чувствовался избытокъ врачебныхъ силъ, и московское правительствомъ не стѣснялось увольненіемъ лицъ, неудобныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи.

Въ увольнительныхъ указахъ 1667 г. говорилось, напримѣръ: „дохтуровъ Михаила Грамова, Лаврентья Ренгубера, Петра Пантануса съ Москвы отпустить въ тѣ государства—хто изъ котораго пріѣхалъ; а хто изъ нихъ похочетъ быть на Москвѣ,—и имъ жить на Москвѣ на своихъ проторяхъ и лечить имъ всякихъ чинновъ людей“ ⁵⁾. То же самое встрѣчается въ указахъ объ от-

¹⁾ Ibidem. № 1442.

²⁾ Ibidem. № 1469.

³⁾ Ibidem. № 1375.

⁴⁾ Ibid. № 1620.

⁵⁾ Ibid. № 1375.

ставкѣ лекарей въ 1682 г., изъ которыхъ иные пожелали остаться въ Москвѣ и „кормиться собою“, жить „своею лекарскою работишкою“¹⁾.

Въ 1682 г., повидимому, произошло сильное сокращеніе медицинскаго персонала, числившагося въ Аптекарскомъ Приказѣ. Это предположеніе находитъ опору въ челобитной лекаря Петра Семенова, который пишетъ: „и въ нынѣшнемъ, государь—во 190 году—по твоему вел. государя указу, *за многолюдствомъ, изъ Аптекарскіе Полеты мноіе лекари и ученики отставлены*, и нѣкоторые нѣмцы отставлены и они отпущены въ свою землю за море“²⁾.

Нѣкоторые изъ отставныхъ врачей уѣзжали на родину, а другіе посвящали себя вольной практикѣ, ожидая „какъ лекари повадобятца... и впродъ... в. государю лекарною службою... служить и работать“.

Кромѣ отставныхъ лекарей, контингентъ вольнопрактикующихъ пополнялся изъ разныхъ источниковъ. Вольной практикой занимались лекаря изъ плѣнныхъ. Такъ, Данило Оунгадановъ, взятый въ плѣнъ въ 1656 г. кн. Бутурлинымъ, съ 1659 г. „живетъ на Москвѣ и лечитъ онъ всякихъ людей всякими болѣзнями и жилищную онъ пушаетъ топоркомъ“³⁾.

Въ 1679 г. лекарь Иванъ Табаровскій показывалъ о себѣ въ Аптекарскомъ Приказѣ: „его де Ивана взяли въ полонъ и отвезли въ Смоленскъ, и съ тѣхъ временъ и донынѣ жилъ въ Смоленску з женою и з дѣтьми... всякіе лекарства покупалъ и кормился своимъ промысломъ“⁴⁾. За годъ передъ этимъ „изъ Смоленска къ Москвѣ для покормки“ прибылъ сынъ Ивана Табаровскаго, лекарь Матвей Ивановъ, который былъ зачисленъ потомъ въ Аптекарскій Приказъ⁵⁾.

Въ 1679 г. въ Москвѣ жилъ „своимъ дворомъ“ лекарь Семенъ Михайловъ сынъ Кеврягинъ, взятый „полономъ подъ Ригю“⁶⁾.

Для занятія частною практикой въ Москву ѣхали медики какъ изъ провинцій, такъ и изъ заграницы.

¹⁾ *ibid.* № 1657. 1620.

²⁾ *ibidem*, № 1657.

³⁾ *ibidem*, № 480.

⁴⁾ *ibidem*, № 1485.

⁵⁾ *ibidem*, № 1442.

⁶⁾ *ibidem*, № 1505.

Въ 1675 г. изъ Курека пріѣхалъ въ Москву польской породы лекарь Пвашка Гладкой, служившій полковымъ врачомъ у Гр. Рогодановскаго, „и пріѣхавъ жилъ на Москвѣ по разнымъ мѣстамъ и лечилъ всякихъ чиновъ людей по своей воли“¹⁾.

Въ 1677 г. въ Москвѣ съ выдающимся успѣхомъ занимался леченіемъ глазныхъ болѣзней лекарь и окулистъ, очной мастеръ Яганъ Тирихъ Шартлингъ, который о своей практикѣ далъ такія свѣдѣнія: „глаза вылечилъ, а испорчены де были отъ нашатырю, что пускали ей протѣ сего не знающіе люди нашатырь въ глаза, не видѣла очми, а нынѣ видитъ; росъ волосъ, а тотъ волосъ вырѣзывали: шла слеза, и нынѣ слеза идетъ; была вода темная, а нынѣ видитъ, тусклъ согналъ съ глазъ“²⁾ и т. д. Среди пациентовъ Шартлинга встрѣчаются довольно видныя имена: бояринъ кн. Яковъ Никитичъ Одоевскій, жена боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, сестра думнаго дворянина и ясельнаго Ивана Кондырева, боярыня княгиня Оетинья Ивановна Лобанова, сынъ стольника Ивана Ляпунова и т. д.

Вольная практика могла развиваться, съ одной стороны, влѣдствие избытка врачебнаго персонала военно-полковой службы, а съ другой, въ силу того, что во второй половинѣ XVII ст. врачебныя услуги нашли себѣ спросъ даже въ самой консервативной, не совсѣмъ благосклонной къ медицинѣ средѣ, а именно въ духовенствѣ и среди женщинъ.

Изъ росписи пациентовъ доктора Александра Личфинуса, представленной имъ въ 1656 г., узнаемъ, что у него лечились: жена боярина Ильи Даниловича Милославскаго, жена стольника Ивана Богданова сына Милославскаго и жена полковника Алексея Бутлера³⁾.

Въ 1677 г. окулистъ Яганъ Тирихъ Шартлингъ, какъ мы видѣли, среди своихъ пациентовъ называлъ: дочь бояр. кн. Якова Никитича Одоевскаго, жену бояр. кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова, сестру думн. двор. и ясельнаго Ивана Тимофѣевича Кондырева, жену кн. Лобанова, жену стольника Ивана Ивановича Ляпунова и дочь священника Алексея Степанова⁴⁾.

¹⁾ *Матер.* № 1469.

²⁾ *ibidem*, № 1378.

³⁾ *Материалы* № 670.

⁴⁾ *ibidem*, № 1378.

Въ 1661 г. архимандритъ Діонисій обратился къ государю съ челобитной, въ которой писалі: „скорблю, государь, нынѣ больше году и мнози лекари отъ всякъхъ языкъ, которые живутъ на Москвѣ, приходили ко мнѣ, а пользы мнѣ они не учинили никакой отъ болѣзни, и какая болѣзнь во мнѣ есть и они никто не могли разумѣть, токмо, государь, единъ Андрей докторъ нѣмчинъ онъ ко мнѣ не бывалъ и меня не видалъ. Милосердный государь... пожалуй меня богомольца своего... вели, государь, тому дохтуру Андрею Нѣмчину, чтобъ у меня побывалъ дважды или трижды и болѣзни мои досмотрѣлъ“¹⁾.

Въ 1667 г. папу и патріарха александрійскаго Пансія лечилъ костоправъ Иванъ Максимовъ²⁾. Въ 1668 г. богомольца государева Павла Тимофѣева пользовалъ лекарскій ученикъ Серешка Вавилонъ³⁾.

Въ 1677 г. дочь Алексѣя, священника церкви Григорія Богослова, что на Дмитровкѣ, лечилъ окулистъ Шартлингъ⁴⁾. Въ томъ же году у доктора Степана Оунгаданова лечился государевъ священникъ Провъ Ивановъ⁵⁾.

Въ 1679 г. Даниловскаго монастыря келейникъ былъ посланъ въ Кіевъ. Едва онъ отѣхалъ на семь верстъ отъ монастыря, какъ на него напали разбойники, которые разбили ему голову и „череппъ прорубили, только плена у мозга цѣла“. Пострадавшій 5 дней былъ въ безпамятствѣ, но благодаря искусству лекаря Семена Михайлова черезъ 7 недѣль совершенно выздоровѣлъ⁶⁾. Въ томъ же году костоправъ Иванъ Максимовъ лечилъ Степана Васильева, пономаря церкви Іоанна Бѣлограцкаго⁷⁾.

Сама по себѣ практика у духовныхъ лицъ была не многочисленна, но огромное вліяніе на расширение вольной практики среди остального населенія имѣло то, что наконецъ стало обращаться къ врачамъ за помощью духовенство, которое ранѣе употребляло весь свой авторитетъ противъ врачей.

Вольнопрактикующіе врачи за труды свои получали „могорецъ“, который, понятно, при хозяйствѣ того времени давался

¹⁾ Наши „Черты врачев. практики“. Приложение стр. 101.

²⁾ Наши матер. т. II, № 19.

³⁾ ibidem, № 23.

⁴⁾ Матер. № 1378.

⁵⁾ ibidem, 1380.

⁶⁾ ibidem, № 1505.

⁷⁾ ibidem, № 1565.

натурою: „хто самъ чѣмъ почтитъ ширинкою или рубашкою подарить или хто вина или запасу какова пришлетъ“. Только въ случаяхъ очень серьезныхъ, какъ, напримѣръ, при операциі кильной болѣзни, стороны ридились на деньги—на довольно значительныя суммы.

Заслуживаетъ вниманія, что врачи имѣли право искать гонораръ по суду. Въ 1674 г. лекарь Микулай Ивановъ Грекъ лечилъ нѣкоего Силу Потемкина „отъ кильные болѣзни и рядилъ съ нимъ отъ леченія 60 рублей“. Выздоровѣвъ, Потемкинъ не пожелалъ заплатить лекарю, ссылаясь на то, что „онъ де Миколай ево Силу невылечилъ—здѣлалъ съ увѣчемъ“.

Въ виду подобнаго заявленія Аптекарскимъ Приказомъ были назначены эксперты съ порученіемъ: „досмотрить—впрямъ ли его Силу лекарь Миколай Грекъ отъ болѣзни вылечилъ“. Эксперты нашли, что „Сила въ добромъ здоровьи“. Тогда окольный Артамонъ Матвѣевъ приказалъ лекарю „достальные деньги на Силѣ Потемкинѣ допрашивать“¹⁾.

Въ 1678 г. возникло дѣло о требованіи военнымъ лекаремъ вознагражденія за леченіе стрѣльца. Очевидно, полковые врачи не имѣли права на вознагражденіе, иначе по челобитью стрѣльца о пожалованіи ему 2-хъ рублей для уплаты лекарю Гришки Тимофѣеву, Федоръ Алексѣевичъ не указалъ бы „противъ сего челобитья лекаря Гришку Тимофѣева допросить и выписать по указу—лекаремъ будучи на государевыхъ службахъ за леченія имъ съ раненыхъ людей могорецъ имать велѣно-ль“²⁾.

Но если военно—полковые врачи не имѣли права получать „могорецъ“ за свою практику среди военныхъ, то частнымъ лицамъ они оказывали услуги за вознагражденіе. Въ этомъ послѣднемъ направленіи практика ихъ встрѣчала единственное ограниченіе въ размѣрахъ лекарственныхъ запасовъ.

Полковые запасы были на строгомъ учетѣ. Воеводамъ неперестанно наказывалось: „лекарства, которыя къ нимъ посланы..., чтобъ они тѣ лекарства берегли, и безъ дѣла никуда не теряли и даромъ никому ничего не давали отнюдь ни которыми дѣлами“. Едва ли изъ этихъ запасовъ было возможно что либо и за деньги отпускать постороннимъ, потому что повелѣвалось „ратныхъ

¹⁾ Матер. № 527.

²⁾ ibidem, № 145.

людей больных и раненых тѣмъ лекарствомъ лечилъ... а въ которыхъ числахъ и какимъ людямъ лекарствъ что роздано будетъ, и то все писать въ расходныя книги *исполню порознь, по статьямъ*; и послѣ твоей в. г. службы и похода и роспуска твоихъ в. г. ратныхъ людей о томъ къ тебѣ в. г. писать и лекарствомъ расходныя книги... прислать“¹⁾).

Вѣроятно всего лекари въ частной практикѣ пользовались своими личными запасами, а таковые, какъ извѣстно, были, напримѣръ, у лекарскаго ученика Серешки Вавилова, который въ 1668 г. подать челобитную, гдѣ писалъ: „а лечилъ я х. т. твоего государева богомольца Павла Тимофѣева *своимъ лекарствомъ*, а лекарства г. у меня изшло пластырей и мазей на пять рублей съ полуною“²⁾. Въ заручномъ письмѣ по лекарѣ Алексѣѣ Афанасьевѣ писалось въ 1691 г.: „во время пожара въ Бѣлгородѣ и *особымъ его* лекарства и лекарскіе инструменты... погорѣли“³⁾).

На развитіе узаконенной врачебной практики съ использованием врачами собственныхъ медикаментовъ указываетъ, напримѣръ, еще одна челобитная отъ 1687 г., когда лекаръ Куземка Семеновъ писалъ: „лечилъ я х. в. казенныя слободы Тимофея Игнатьева, а за лекарства и за работу по договору дать было ему Тимофею мнѣ х. в. по алтыну денегъ, мнѣ х. в. не платить и по се число“⁴⁾).

Широкая постановка военно-полковой медицины во второй половинѣ XVII ст. до настоящаго времени не пользуется признаніемъ.

Первый изслѣдователь русской военно-медицинской старины М. Д. Хмыровъ пишетъ: „Къ началу единодержавія Петра, т. е. къ 1696 г., военно-медицинская часть не успѣла еще выдѣлиться изъ хаоса старыхъ порядковъ — и лекари, а съ ними медикаменты, присылались въ нѣкоторые полки на время, что видно изъ слѣдующаго распоряженія, объявленнаго московскими боярами 22 марта 1698 года: „Велѣно быть на его вел. госуд. службѣ въ Рязанскомъ полку боярина и воеводы Ал. Петр. Салтыкова лекаремъ иноземцамъ, которые вѣдомы въ Пушкарскомъ при-

¹⁾ Наил матер. т. II стр. 161, 163 174.

²⁾ *ibidem*, № 23, стр. 10.

³⁾ *ibidem*, стр. 337.

⁴⁾ Наши матер. т. II, № 61 стр. 28.

казѣ, Готфриду Бергарду да Андрею фонъ Крагену; а сколько въ тотъ полкъ какихъ лекарствъ надобно, и тому подали тѣ лекари въ Разрядъ росписъ, а что по той росписи въ тотъ полкъ какихъ лекарствъ отпущено будетъ, о томъ для вѣдома отписать“¹⁾. Этотъ указъ, извлеченный Хмыровымъ изъ Полнаго Собранія Законовъ²⁾, не даетъ совершенно никакихъ основаній къ тому, что утверждаетъ указанный писатель. Стоитъ только обратиться къ матеріаламъ по исторіи медицины, изданнымъ медицинскимъ департаментомъ или изданнымъ нами, чтобы убѣдиться, что всѣ многочисленныя указы о посылкѣ врачей и лекарствъ въ полки редактировались такъ же, какъ приводимый Хмыровымъ.

Съ правомъ изъ указа 22 марта 1698 г. можно только заключить, что лекарства отпущались по росписямъ врачей, и что медикаменты были на учетѣ. И то и другое практикуется въ полкахъ до настоящаго времени.

Замѣтимъ еще, что къ концу XVII ст. московское правительство старалось, чтобы врачебною помощью были обеспечены не только отрядъ, а полкъ и *болѣе дробныя дѣленія*. Такъ въ указѣ Осодора Алексѣевича отъ 14 ноября 1679 г. повѣдѣвалось: „изъ нѣмечкихъ рѣшъ призвать въ московское государство лекарей *полюбовныхъ и сотенныхъ*, добрыхъ и ученыхъ людей“.

О дѣйствительныхъ размѣрахъ наличнаго медицинскаго персонала едва ли можно судить потому, напримѣръ, что въ полкъ генерала и масора Агея Шепелева, состоявшій изъ 4000 человекъ, въ 1676 г. были назначены лекаръ иноземецъ Семень Ларионовъ да ученики Ивашка Венедиктовъ и Мишка Васильевъ³⁾. Вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ одинъ врачебный специалистъ приходился еще на меньшее число солдатъ, т. е. не на тысячу ихъ, а на нѣсколько сотенъ, почему и назывался *сотеннымъ*.

Спустя болѣе 30 лѣтъ, не имѣя подъ рукою архивныхъ матеріаловъ, авторъ очерковъ по исторіи русской культуры, Милюковъ подобно Хмырову высказывается: „только въ концѣ XVII вѣка, послѣ пріѣзда 75 медиковъ, вызванныхъ Петромъ (1695 1697 г.) военно-медицинская помощь становится сколько нибудь замѣтной“⁴⁾.

¹⁾ Хмыровъ Рус. военно-медиц. старина въ Вост. Мед. Журн. 1869 г. № CIV.

²⁾ Полн. Собр. Зак. Сиб. 1830 г. т. III № 1621.

³⁾ Матер. № 1383.

⁴⁾ Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Изд. 3, СПб. 1902 г. вып. 2, стр. 280.

Впрочем, не всегда способствуют правильности воззрѣній и архивные матеріалы. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить прив.-доц. М. Лахтинъ. Въ одной работѣ, посвященной прошлому русской медицины, онъ приводитъ указъ царя Михаила Ѳеодоровича воеводамъ Ивану Ивановичу Бутурлину и Саввѣ Потаповичу Корбекову въ отвѣтъ на ихъ донесеніе, что „на Жердѣ въ ратныхъ людѣхъ отъ цынги и ото всякіе тамошніе нузи есть больные, а иныя отъ тамошнихъ болѣзней померли“¹⁾. Боярамъ, какъ оказывается, было приказано самимъ осматривать раненыхъ и тѣхъ „кому отъ болѣзни легости пѣтъ“ отпускать по домамъ. „Но сознавая, замѣчаетъ Лахтинъ, что всякое правительство, требуя отъ солдатъ полнаго самоотреченія до готовности жертвовать жизнью, и не обезпечивая ихъ въ то же время медицинскою помощью на случай болѣзней и раненія, можетъ подвергнуться вполне заслуженнымъ нареканіямъ, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, добавляетъ; „а ратнымъ бы есте людямъ сего нашего указу не сказывали, держали бы есте сей нашъ указъ у себя тайно“.

И такъ г. Лахтинъ отмѣчаетъ не драматизмъ положенія безсильнаго царя, а беспомощность ратныхъ людей. „Русское правительство, по его мнѣнію, не въ состояніи было обезпечить раненымъ даже ту примитивную помощь, какую оказывали цирюльники и костоправы: не было ни денегъ, чтобы платить лекарямъ, ни самихъ лекарей“²⁾.

Категоричность этого вывода совершенно не соответствуетъ дѣйствительности. Къ тому же приведенный указъ помѣченъ 8 сентября 1637 года, слѣдовательно, относится къ началу XVII столѣтія, когда военно-медицинская организація начинала лишь складываться.

„Что лекари точно назначались въ походъ, явствуетъ, по справедливому замѣчанію г. М. Перфильева, изъ тѣхъ росписей лекарствъ, „сказокъ“, какія отпускались „въ походъ“, причемъ прямо указывалось, что лекарю такому-то въ походъ отпущено то-то и то то „для лечьбы“³⁾.

¹⁾ М. Лахтинъ. Изъ прошлаго русской медицины. „Больничная галлѣя Боткина“ 1902 г. стр. 2018.

²⁾ ibidem стр. 2017.

³⁾ М. Перфильевъ. Медицинское дѣло въ Россіи въ первой половинѣ XVII ст. Истор. Вѣстн. 1893 г. стр. 379.

Дѣйствительно, уже въ 1632 г. „лекаремъ Тобиюсова полку Ивану Шлюцу да Ѳалентинова полку Росдормова немчину Ивану Генику“ были отправлены два сундука „а въ нихъ абтекарьскихъ всякихъ лекарствъ и снастей балберскихъ на сто на одинъ рубль на три алтына съ денгою“¹⁾. Томасть Утинъ, Давидъ Кашпиръ и Матвѣй Кинфинъ, командированные въ полки, первые въ половинѣ января, а послѣдній въ февралѣ 1633 г. также отправились къ мѣсту службы съ большими запасами медикаментовъ²⁾.

Въ маѣ того же года было послано „изъ Обтекарьского Приказу полковнику Киту, ево полку ратнымъ людямъ для лечьбы два сундука съ обтекарьскими лекарствами и съ балберскими снастями, а цѣна тѣмъ сундукомъ 111 рублевъ 15 алт.“³⁾. Въ концѣ іюня „подъ Смоленскъ къ полковнику къ Якову Шарлу по ево росписи“ былъ посланъ транспортъ, состоявшій изъ 58 названій медикаментовъ⁴⁾.

Врачи послѣдующихъ призывовъ не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Всѣ они либо сами привозили въ полки лекарственные запасы, либо находили ихъ у командировъ Аптекарьскій Приказъ снабжалъ воинскія части медикаментами по росписямъ, заранее составленнымъ лекарями. При этомъ требованія послѣднихъ исполнялись безъ замедленія, чтобы „лекаремъ для лечьбы ратныхъ людей беззапаснымъ не быть“.

Съ цѣлью ускоренія пересылки аптекарскихъ товаровъ пользовались всякими оказіями, отсылали „съ кѣмъ пригоже“. Въ самомъ способѣ составленія транспортвъ держались установившихся традицій; посылались масла, корни, мази и пластыри „какихъ и сколько пристойно примѣрясь къ прежнимъ отпускомъ“⁵⁾. Когда вначалѣ лекарства выдавались врачамъ, то съ нихъ удерживали по стоимости, допуская разсрочку платежа по третямъ⁶⁾. Съ теченіемъ времени лекарства стали высылаться командирамъ съ уплатою денегъ изъ Разряда, который въ то время отчасти представлялъ собою современное намъ военное чини-

¹⁾ Матер. № 106.

²⁾ ibidem, № 118.

³⁾ ibidem, № 123.

⁴⁾ ibidem, № 132.

⁵⁾ ibidem № 118, 128, 132, 248, 250, 314, 386, 415, 412, 434 и др.

⁶⁾ ibidem, № 106.

стерство. Съ переходомъ со второй половины XVII в. къ бесплатному отъ казны снабженію войскъ лекарствами на командировъ былъ возложенъ строгій надзоръ за правильнымъ расходоуаніемъ послѣднихъ. Командирамъ наказывалось: „и сколько какихъ лекарствъ въ расходъ выдеть, велѣли бы записывать въ книги и тѣ книги за дѣшею приписью присылали къ намъ къ Москвѣ“¹⁾.

Въ полки посылалось лекарство на большія суммы. Такъ медикаментовъ на 150 рублей (а рубль тогда стоилъ по крайней мѣрѣ въ 10 разъ больше, чѣмъ теперь) было послано: въ 1679 г. въ Гыльскъ въ полкъ кн. Ивана Андреевича Хованскаго и въ Курскъ къ кн. Ив. Богдановичу Милославскому, въ 1680 г. на Новый Осколь къ Петру Васильевичу Шереметеву, въ 1682 г. въ Бѣлгородъ къ Ивану Богдан. Милославскому и въ Курскъ къ кн. Петру Ивановичу Хованскому. Медикаментовъ на 200 р. было отправлено въ 1679 г. къ гетману Ивану Самойловичу и въ 1680 г. къ кн. Петру Васильевичу Шереметеву въ Козловъ. Транспортъ лекарствъ, отправленныхъ въ 1680 г. въ Кіевъ къ боярину Василию Семеновичу Волинскому оцѣнивался даже въ 300 рублей²⁾.

Неудивительно, что въ эпоху петровскихъ войнъ, когда численность нашихъ войскъ возрасла до огромныхъ размѣровъ, стоимость аптекарскихъ транспортовъ еще болѣе увеличилась. Такъ въ 1710 г. въ Кіевъ въ полкъ кн. Дмитрія Михайловича Голицына „посылается лекарствъ и припасовъ по цѣнѣ на 700 рублей“³⁾. За годъ же передъ этимъ „для леченія новообращенныхъ драгунъ“ стольнику Юрію Степановичу Мелединскому—Меленко му на медикаменты была отпущена 1000 рублей⁴⁾.

Первоначально подборъ медикаментовъ не отличался разнообразіемъ. Напримѣръ, въ партіи, отправленной въ 1662 г. кн. Борису Александровичу Репину мы встрѣчаемъ 6 названій пластырей, 5 названій мазей, ремень, квасцы, камфору, камень кровавикъ, терпентинъ; къ к. Гр. Григ. Ромодановскому было послано 8 пластырей, 7 мазей, звѣробой, патока изъ шиповника, камень кровавикъ, масло кирпичное и квасцы; Петръ Васильевичъ Шереметевъ получилъ транспортъ, состоявшій изъ 8 пла-

стырей, 7 мазей, 9 мазей и еще отдѣльныхъ 9 названій. Въ 1664 г. Гр. Гр. Ромодановскому было послано 9 пластырей, 6 мазей, 4 мази и 7 отдѣльныхъ названій, по пяти стопокъ и склянокъ да хирургическіе инструменты, какъ-то: „пила, чѣмъ кости перетираты; клещи да шурупъ, чѣмъ пульки вынимать; клещи, чѣмъ палцы стнимать“¹⁾.

Какъ уже было упомянуто, при разсылкѣ медикаментовъ воеводамъ неизмѣнно наказывалось „лекарство давать съ запискою, а кто иманы наши ратные люди на бояхъ будутъ ранены и больны, и сколько какихъ лекарствъ въ расходъ выдеть, и вы бы тѣхъ людей имана и аптекарскія лекарства велѣли записывать въ книгѣ“²⁾. Благодаря такой регистраціи всѣ медикаменты были на счету и легко было передвигать ихъ изъ одного мѣста въ другое. Такъ въ 1662 г. изъ Смоленска были перевезены въ Москву „аптекарскіе лекарственные запасы“, оставленные тамъ еще въ 1656 году. Въ 1681 г. было указано доставить лекарства изъ Козлова въ Москву. Въ 1672 г. повелѣвалось перевезти медикаменты изъ Симбирска въ Астрахань³⁾.

Особую группу среди медикаментовъ занимали средства отъ цынги, какъ вино, сбитень и укусы. Запасы этихъ средствъ были огромны. Въ 1677 г., напримѣръ, было приказано „изготовить на Воронежѣ укусу 500 ведръ, вина 400 ведръ, сбитню 300 ведръ противъ прежняго; а на сбитень меду 100 пудъ велено послать изъ Томбова, а вина... послать изъ Козлова 200 ведръ, съ Вѣнца 100 ведръ, а достаточное вино и на сбитень дать съ воронежскаго кружечнаго двора“. Къ этой же категоріи медикаментовъ относился перецъ, разсылавшійся пудами. Укусы и сбитень того времени варились изъ ячменя, ржи, солоду и всякой муки съ примѣсью вина, хмѣля и меду⁴⁾.

Кромѣ медикаментовъ, аптечной посуды и хирургическихъ инструментовъ, московская администрація снабжала полки перевозочнымъ матеріаломъ.

Такъ въ 1677 г. Казенный дворъ доставилъ въ Аптекарскій Приказъ „къ костоправному дѣлу пятьдесятъ аршинъ покровей зеленыхъ да лазоревыхъ къ нынѣшнему походу“.

¹⁾ Ibidem №№ 1039, 1342, 1384, 1385 и др.

²⁾ Наши мат. т. II стр. 129, 156, 161, 165, 170, 173, 179.

³⁾ Арх. Мин. Юст. Разряд. Вѣд. № 56, л. 8.

⁴⁾ Ibidem № 52, л. 348.

¹⁾ Наши Матеріалы т. I, стр. 49—51 и 59.

²⁾ Ibidem т. I, стр. 42—46.

³⁾ Ibidem т. I, стр. 30—32, 40, т. II, стр. 179, т. I, стр. 183.

⁴⁾ Ibidem т. II, стр. 250.

Въ 1695 г. было указано прислать въ Аптекарскій Приказъ „въ отпускъ... въ Донской походъ къ костоправному дѣлу пятьсотъ аршинъ покроей, которыя отдирають отъ суконъ“.

Въ 1696 г. Петръ Алексѣевичъ „указалъ въ отпускъ... въ морской караванъ къ костоправному дѣлу пятьсотъ аршинъ покроей“.

Въ 1698 г. было указано „въ большой полкъ боярина и воеводы Алексѣя Семеновича Шейнина съ товарищи на обшивку раненыхъ стрѣльцовъ 20 аршинъ покроей“.

Въ 1699 г. указано „для азовскаго походу для леченія раненыхъ людей къ костоправнымъ дѣламъ на перевивку покроей 300 аршинъ“.

Въ 1700 г. для Воронежскаго похода было отпущено 40 аршинъ покроей и для Рижскаго — пятьсотъ.

Въ 1701 г. въ Свѣйской походъ отпустили 300 арш. покроей и столько же въ походъ на Воронежъ¹⁾.

Столь заботливое отношеніе московской администраціи къ снабженію войска лекарственными веществами объясняется широкимъ развитіемъ военнаго дѣла и широкой постановкой военноврачебной службы. Многочисленные полки того времени, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ западной и южной границъ государства, предъявляли постоянный спросъ на лекарей и лекарства. И московская администрація, какъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ документы, принимала все мѣры къ тому, чтобы запросы не оставались безъ удовлетворенія.

И такъ со второй четверти XVII столѣтія принимаются серьезные мѣры къ организаціи медицинской помощи въ войскахъ и достигаются въ этомъ отношеніи большіе успѣхи. Было бы не научно оценивать мѣропріятія московскаго правительства съ точки зрѣнія современныхъ на этотъ счетъ взглядовъ. Дѣйствительный врачебный бытъ народовъ всегда отстаетъ отъ научныхъ требованій. Пропасть между теоретическими воззрѣніями и практическимъ ихъ осуществленіемъ была и будетъ. И, конечно, это не даетъ намъ основанія отрицать жизнь съ ея медленными завоеваніями, незамѣтными иногда приобрѣтеніями.

Стремленіе московскаго правительства XVII ст. къ широкой постановкѣ медицинскаго дѣла выразилось, между прочимъ, въ

попыткахъ организовать больничное леченіе. При малокультурности народа того времени врачебная помощь, которую оказывали ратнымъ людямъ военно-полковые врачи, въ значительной степени ослаблялась несоотвѣтствіемъ условій ежедневнаго быта домашней жизни требованіямъ даже тогдашняго врачебнаго знанія. Кромѣ того, непрерывныя войны давали огромное число раненыхъ, съ леченіемъ которыхъ, при ихъ разбросанности, не въ силахъ былъ справиться медицинскій персоналъ. Въ интересахъ цѣлесообразности правительственныхъ затратъ на врачебное дѣло необходимо было найти путь къ объединенію больныхъ и работы лекарей. Средствомъ къ этому послужила госпитальная организація.

Первымъ въ настоящемъ смыслѣ больничнымъ учрежденіемъ въ Россіи нужно считать пріемный покой для раненыхъ, устроенный въ 1612 г. монахами Троице-Сергіева монастыря.

Сохранились извѣстія о существованіи двухъ монастырей — Боршеле — Воронежскаго и Терніева — Тамбовскаго, гдѣ находили себѣ пріютъ довеліе казаки „за кровь, за раны, за полное терпѣніе“. Разъ являлись спеціальныя пріюты для ратныхъ людей — инвалидовъ, то трудно допустить мысль объ отсутствіи госпиталя для леченія раненыхъ.

Можно думать, что нѣчто въ родѣ временнаго военнаго госпиталя возникло еще въ 1657 г., когда производились осмотръ и леченіе раненыхъ подъ „Динаборскомъ до приступа и на приступѣ всякихъ чиновъ людей тяжелыми раны 167 человекъ, да легкими 84 человекъ“¹⁾. Къ сожалѣнію, до насъ дошелъ только списокъ пострадавшихъ и не сохранилось свѣдѣній о порядкѣ оказанія имъ помощи.

Болѣе полными свѣдѣніями мы обладаемъ относительно организаціи правительствомъ врачебной помощи раненымъ 1678 г. подъ Чигириномъ. Тогда именно состоялось замѣчательное распоряженіе: „тѣхъ которые бездомовные люди, и учнутъ приходить и стоять на Рязанскомъ подворьѣ для леченія и лекарей, которые тѣхъ раненыхъ людей на Рязанскомъ подворье учнутъ лечить, поить и кормить изъ Приказу Большого Дворца пока мѣста тѣ раненые вылечатца, а лекари ихъ вылечатъ“²⁾ Лече-

¹⁾ Ibidem т. II стр. 19, 31, 36, 40 и 41.

¹⁾ матер. № 777.

²⁾ Ibid. №№ 1432, 1433.

ние было поручено докторамъ Лаврентію Блюментросту, Степану Фунгаданову и Симону Зомеру. Кромѣ того указывалось: „имѣ же дать въ помощь лекарей по разсмотрѣнію“. Вслѣдствіе чего тяжелый трудъ докторовъ раздѣлили лекари изъ иностранцевъ: Юрій Шхиндеръ и Яганъ Оохтъ и изъ стрѣльцовъ: Петръ Рабкѣевъ, Кирилло Петровъ, Оедоръ Ильинъ, Митрофанъ Петровъ, Василей Подуруевъ, Дмитрій Никитинъ, Оедоръ Дорофѣевъ и друг.

Первоначально подверглось медицинскому осмотру 746 человекъ. Въ подворьѣ помѣстилось 159 тяжело раненныхъ, остальные или лечились по домамъ, или же только приходили на подворье и въ Новую аптеку.

При послѣдующихъ осмотрахъ число тяжело раненныхъ возросло до 441 чел., такъ что пришлось помѣщеніе расширить. Раненные полка генераль-поручика Агѣева-Шенелева были размѣщены на Казанскомъ подворьѣ, а солдаты полка генераль-маіора Кровкова—въ нижнемъ этажѣ Рязанскаго и частью—на Вологодскомъ ¹⁾. Къ первымъ былъ назначенъ лекаръ Алексѣй Бединскій съ учениками Тимофеевымъ, Ивановымъ и Алексѣевымъ; вторые поручались Митрофану, Кириллу и Артемію Петровымъ. Сверхъ отведенныхъ мѣстъ были еще указаны запасныя подворья: Новгородское, Суздальское, Смоленское и Коломенское ²⁾.

По указу 19-го октября доктора Лаврентій Блюментростъ и Андрей Кендлерманъ должны были заняться многочисленными больными. Послѣдніе были осмотрѣны въ теченіе двухъ дней, и 23-го октября доктора уже докладывали въ Аптекарскомъ. Приказъ, что: „у тѣхъ де стрѣльцовъ болѣзнь: поносъ кровавой и лихорадка и опухоль; и къ тѣмъ де болѣзнемъ тѣмъ больнымъ стрѣльцамъ надобно вина и пива—по немногу; а нынѣ де тѣ стрѣльцы пьютъ воду и квась, и отъ того де у нихъ бываетъ одышка и къ болѣзнемъ припадокъ болши и отъ того де многіе стрѣльцы помирають и впредь опасно“ ³⁾. На этотъ докладъ послѣдовало распоряженіе: „велѣть для леченья и болѣзней стрѣльцамъ больнымъ давать по три чарки вина, по двѣ крушки пива на день“.

¹⁾ Матеріалы № 1435.

²⁾ *ibid.* № 1438.

³⁾ *ibid.* № 1443.

Какъ ни много было полковыхъ врачей, но они оказались не въ силахъ справиться съ огромнымъ наплывомъ больныхъ и раненныхъ. Пришлось призвать на помощь приказныхъ докторовъ съ врачами, военнопрактикующихъ, какъ Ананій Григорьевъ, Емелька Климовъ, Микифорка Тулейщиковъ и пр., и даже воспользоваться услугами лекарей изъ плѣнныхъ, какъ напримѣръ, Матюшка Табаровскій. Такимъ образомъ 11-го октября 1678 г. нужно считать первымъ днемъ военно-госпитальныхъ организаций.

Въ связи съ устройствомъ временнаго госпиталя на Рязанскомъ подворьѣ въ матеріалахъ упоминается о постройкѣ въ 1680 г. „дохтурской полатки... для дохтурскаго сидѣнія по осмотру больныхъ“ ¹⁾. Эта „полатка“, вѣроятно, прототипъ значительно позднѣйшихъ лечебницъ для амбулаторныхъ больныхъ.

Нельзя обойти молчаніемъ и того обстоятельства, что починъ правительства по устройству временнаго госпиталя для раненыхъ раненныхъ исполненъ правильно и при томъ въ самомъ непродолжительномъ времени привелъ къ мысли о гражданскомъ госпиталѣ. До насъ дошло извѣстіе о замѣчательномъ указѣ Царя Оеодора Алексѣевича (1682 г.) объ учрежденіи богадѣленъ и проектъ устройства школы для нищихъ, гдѣ предполагалось обучать архитектурѣ, геометріи, фортификаціи, живописи, артиллеріи и разнымъ ремесламъ. Въ самомъ указѣ раскрывалась цѣль новыхъ учреждений. Предполагалось, что „посредствомъ учрежденія этихъ школъ многіе иностранцы, коихъ выписывали съ трудомъ и кои прокивали обыкновенно самое короткое время въ отечествѣ нашемъ, сдѣлаются пенузыными; и напротивъ множество природныхъ русскихъ съ малыми токмо издержками доставятъ отечеству всеобщую значительную пользу“ ²⁾.

Особеннаго вниманія въ названномъ указѣ заслуживаютъ просвѣщенныя заботы объ устройствѣ госпиталя, „гдѣ бы больныхъ лечить и лекарей учить было бы мочно“.

Госпиталь былъ устроенъ у Никитскихъ воротъ, а богадѣлня—въ Знаменскомъ монастырѣ. Въ штатъ новаго учрежденія входили: бояринъ, докторъ, три или четыре лекаря со множествомъ учениковъ, подьячій—для дѣлопроизводства и множество служителей. Была также особая аптека „для того что

¹⁾ Матеріалы № 1618.

²⁾ Рихтеръ „Исторія медицины въ Россіи“, II 280.

со всякимъ репетомъ ходить въ городъ неудобно". На содержаніе учреждений назначались спеціальныя капиталы.

Въ томъ же году 24-го—26-го января было указано: „Архангельской епископѣ вотчины со крестьяны изъ бобыли и съ пашнею и съ сѣнными покосы и со всѣми угодья, вѣдать и всякіе доходы збирать въ Аптекарскомъ Приказѣ, а для отписки тѣхъ вотчинъ посланы до отдачи въ Аптекарской Приказъ“¹⁾. Такимъ образомъ въ Аптекарскій Приказъ поступили со всѣми доходами село Ильинское Канинскаго уѣзда, село Каменское—Боровскаго, село Завидово—Клинскаго, деревня Гореносовка—Московского и рыбные промысла на 3 озерахъ въ Пашинской вотчинѣ.

Существованіе намѣченныхъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ учреждений вполне подтверждается дошедшими до насъ хозяйственными счетами. Смерть Царя учредителя и начавшіяся вскорѣ смуты остановили дѣло, которое впоследствии Петръ I при содѣйствіи доктора Бидлоо осуществить по старому плану.

Многіе историки указъ 1682 г. приписываютъ Петру I-му, хотя обстоятельное изложеніе этого указа Рихтеромъ, хозяйственные счета, напечатанные Забѣинымъ и указъ Ѳеодора Алексѣевича о принискѣ вотчинъ къ Аптекарскому Приказу—не позволяютъ сомнѣваться относительно времени появленія этого замѣчательнаго памятника мудрой дальновидности послѣдняго изъ московскихъ царей, заботившагося не менѣе своего отца о насажденіи врачебнаго образованія въ Россіи.

Полковые врачи назначались Аптекарскимъ Приказомъ, откуда препровождались въ Разрядъ. Эта послѣдняя инстанція завѣдывала ближайшимъ размѣщеніемъ врачей²⁾. Понятно, что такой порядокъ вносилъ излишнее треніе въ административный механизмъ и замедлялъ дѣло.

Хмыровъ находилъ, что въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича „самое управленіе всякою медицинскою частью не сосредоточивалось, какъ прежде, въ одной Аптекарской Палатѣ, но раздѣлялось и Посольскимъ приказомъ, гдѣ каждый врачъ—иноземецъ, хотя бы и полковой, долженъ былъ исключительно вѣдать

ся „во всякихъ дѣлѣхъ“³⁾. Въ подтвержденіе своей мысли онъ ссылается на указы 1679 г. (Полн. Собр. Закон. т. II № 792) и 12 марта 1680 г. (ibid. № 805). Однако въ первомъ указѣ идетъ рѣчь вообще объ иноземцахъ „голландскихъ стать подданныхъ, также и иныхъ государствъ“, а во второмъ о судебной тяжбѣ между иноземцемъ Андреемъ Минтеромъ и торговымъ иноземцемъ Мейвелеромъ. О *врачахъ* здѣсь не упоминается. Ихъ то именно касавшіеся спеціальныя указы нами приводились выше (см. стр. 196), а изъ этихъ указовъ слѣдуетъ, что врачебный персоналъ вѣдался *исключительно* Аптекарскимъ Приказомъ. Это подтверждается также множествомъ матеріаловъ, извлеченныхъ нами изъ архивовъ.

Впрочемъ, нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи пошли дальше Хмырова и утверждаютъ, что Аптекарскій Приказъ не былъ средоточіемъ медицинскаго управленія не только при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, но и при другихъ государяхъ.

Такъ г. Соколовскій повѣствуетъ: „врачебная часть не сосредоточивалась всецѣло въ одномъ Аптекарскомъ Приказѣ Аптекарскій Приказъ вовсе не былъ, какъ ошибочно заключалъ Рихтеръ и какъ не правильно повторяли съ его словъ другіе изслѣдователи, средоточіемъ медицинской отрасли государственнаго управленія; наряду со свѣтскою, только что зарождавшейся тогда въ Россіи, медицинской существовало еще врачеваніе монастырское и народное и врачебная помощь подавалась монахами и знахарями“⁴⁾.

Подъ вліяніемъ г. Соколовскаго г. М. Лахтинъ высказываетъ то же самое. Онъ пишетъ: „Сосредоточивая въ себѣ управленіе медицинскими дѣлами государства, Аптекарскій Приказъ не былъ тѣмъ не менѣе учрежденіемъ, которое объединяло бы все врачебное дѣло. На ряду съ государственной медициной существовала еще медицина народная и церковная, и представители ихъ знахари и монахи, не находились ни въ какой зависимости отъ officialнаго органа медицинскаго управленія“⁵⁾.

Вѣроятно, каждый изъ названныхъ писателей знаетъ, что и въ настоящее время существуютъ знахарство и монастырское леченіе и тѣмъ не менѣе, полагаемъ, они не отрицаютъ, что ме-

¹⁾ Матеріалы № 1656; Записловскій, Царствованіе Ѳеодора Алек. стр. 26.

²⁾ Наши матер. т. II стр. 128, 129, 134, 139, 138, 136, 141, 145, 148, 157, 161, 164, 167, 168, 173, 179, 181; т. III ч. II, №№ 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 18, 37, 38, и т. IV passim.

³⁾ Хмыровъ. Op. cit. Воен. мед. жур. стр. 31.

⁴⁾ Соколовскій, Характеръ и значеніе дѣятельности Аптекарскаго Приказа. Спб. 1904 стр. 11.

⁵⁾ М. Лахтинъ. Медицина и врачи въ московскомъ государствѣ М. 1906 г. стр. 84.

дицинскій департаментъ или главное военно-медицинское управление *сосредоточиваютъ* въ себѣ врачебное управленіе. Чтобы это отрицать, нужно указать, какія центральныя учрежденія заведываютъ знахарскимъ или монастырскимъ врачеваніемъ. Ни г. Соколовскій, ни г. Лахтинъ не указываютъ подобныхъ учреждений для московской эпохи.

И такъ *полковые* врачи на ряду съ другими медиками вѣдались исключительно Аптекарскимъ Приказомъ. При снаряженіи въ поле лекаря и другіе специалисты получали въ зависимости отъ основного своего жалованія и разстоянія до мѣста командировки особое вознагражденіе. Такъ въ 1662 г. „на подъемъ и на лошадь“ до Сѣвска лекаря получали по 20 руб., ученики по 15 руб.; до Новгородъ, Бѣлгорода и Смоленска лекарямъ отпускалось по 15 рублей. При отправкѣ въ Астрахань въ 1667 врачъ получилъ 30 руб. и ученикъ 15 рублей. Кромѣ того, дѣлались прибавки къ основному содержанію, какъ то: въ 1667 за астраханскій походъ было прибавлено лекарю къ годовому жалованью 5 руб. и къ мѣсячному корму по 2 руб. ¹⁾.

Полковые лекаря пользовались отпусками. Напримѣръ, въ 1678 г. изъ Курска были отпущены въ Москву русскій лекарь Кузьма Семеновъ и ученикъ Стенька Шешуковъ „по ихъ челобитію для ихъ великихъ нуждъ“ ²⁾. Въ 1691 г. на полмѣсяца былъ отпущенъ въ Москву лекарь Алексѣй Осеофановъ, заявившій, что онъ былъ „на Коломнѣ и на Орчикѣ, и которое де было у него лекарство, и то все у него изшло, а лекарныя инструменты и всякая рухлядь въ наемной его лавкѣ въ Бѣлгородѣ погорѣли“ ³⁾. Въ 1695 г. получилъ отпускъ изъ Бѣлгорода въ Москву лекарь Григорій Зоринъ „для челобитія.. о денежномъ жалованіи“ ⁴⁾.

Бывали случаи, что Аптекарскій Приказъ переводилъ лекарей въ Москву вслѣдствіе ихъ челобитій. Такъ въ 1680 г. лекари Адольфъ Екимовъ и Отто Лимерсъ были переведены изъ Кіева въ Москву, такъ какъ по ихъ заявленію въ Кіевѣ они „оскудали и одолжали великими долгами“ ⁵⁾.

Въ видѣ общаго правила медицинскій персоналъ возвращался изъ походовъ въ Москву по окончаніи порученія или „по роспуску ратныхъ людей“. Такъ въ 1678 г. въ Сѣвскъ столынику Василию Абрамовичу Лопухину съ товарищами былъ посланъ указъ, въ которомъ писалось: „последнѣ съ Москвы изъ Аптекарскаго Приказу въ Сѣвскъ, для леченія полковника Андрея Гамонта и иныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей, лекарь иноземецъ Яганъ Термонтъ съ лекарствомъ—*на время*, и того лекаря Ягана Термонта отпустить въ назъ къ вел. гос. къ Москвѣ на подводахъ не замочаятъ—буде въ Сѣвску раненыхъ никого нѣтъ и лечить некого“ ¹⁾. Въ 1680 г. изъ Бѣлгорода въ Москву были отпущены лекарь Яковъ Вульфъ и ученикъ Якушка Ивановъ ²⁾. Въ 1688 г. получилъ отпускъ лекарь Афанасій Мартыновъ съ ученикомъ Милеи Васильевымъ, бывшіе на службѣ въ Запорогахъ ³⁾.

Несколько возникаетъ вопросъ, какими профессиональными познаніями обладали иноземцы, служившіе у насъ полковыми врачами. Мы уже указывали, какимъ научнымъ цензомъ располагали лекаря призыва 1698 года (см. стр. 169). Доктора болѣе раннихъ призывовъ принадлежали къ числу лицъ съ академическимъ образованіемъ, но и они не высоко поднимались надъ темной массой самоучекъ, коноваловъ и знахарей. Въ нашу задачу не входитъ оцѣнка специально научныхъ знаній врачей того времени. Тѣмъ не менѣе, не вероимая докторскихъ заключеній объ инородовой кости или камнѣ безуѣ, позволимъ себѣ привести два характерныхъ факта.

Въ 1656 г. докторъ Александръ Личифинусъ далъ о себѣ показанія: „А лечитъ онъ всякіе болѣзни и отъ морового повѣтрія; и боярина Василия Васильевича Битурлива онъ лечитъ же, а болѣзнь была у боярина *порча*; а лекарства ему давалъ *отъ порчи*—масло купоросное съ каменемъ безуемъ да трожды давалъ ему клестерь“ ⁴⁾.

Въ 1664 г. докторъ Андрей Энгельгардтъ представилъ обширную сказку о томъ, „противу какихъ недуговъ бывають упот-

¹⁾ Наши матер. т. I стр. 151 и 153.

²⁾ *ibidem* т. II, стр. 295.

³⁾ *ibidem*, стр. 337.

⁴⁾ *ibidem*, т. III ч. I, стр. 34.

⁵⁾ *ibidem*, т. II, стр. 170.

¹⁾ Матеріалы № 1455.

²⁾ Наши матер. т. II стр. 297.

³⁾ *ibidem* стр. 314.

⁴⁾ Матер. № 670.

ребнямы медвѣжья, волчья и лисья желчь, сало и проч., заячья кровь, мозг и сердце и о томъ какъ готовить изъ нихъ лекарственныя свадобья и какъ ими пользоваться". Въ этой сказкѣ ученый докторъ пишетъ:

„Желчь медвѣжья даютъ за моремъ тѣмъ людямъ у которыхъ бываетъ *черная болѣзнь*, принимать тое желчь съ лекарствомъ, которое къ той болѣзни пристойно.

Медвѣжья печень и кости въ лекарство ни въ какое не годятся.

Сало медвѣжье перенушить и то перенушное сало годится къ нутрянымъ болѣзнямъ, у которыхъ людей жилы туги и у которыхъ людей жилы ослабли и у рукъ и у ногъ учнутъ жилы корчиться; и у которыхъ людей въ костяхъ ломъ, и отъ того дому, когда ногами станеть хромать, и тѣмъ саломъ жилы и гдѣ учнетъ болѣть мазать, и отъ того жилы мягки бываютъ и болѣзнь минуется.

Волчий желчь пристойно мазать у которыхъ людей *около пупа членикъ*, и у которыхъ людей въ ушахъ заложить, и изъ ту желчь въ ухо пущать и мазать ею; и у которыхъ людей головныя мокроты, и если рана опухнетъ, и у которыхъ бываетъ въ ранахъ дикое мясо и жаръ, и тою желчью мазать и отъ того легчаетъ.

Волче сердце иссушить въ вольномъ духу, и какъ отъ того сердца будеть духъ доброй, и какъ то сердце стогоритъ, и то жеженое сердце *принимать женскому полу*, у которыхъ женъ *матрица съ мѣста вверхъ подниметъ да къ тому же болить*.

Волче мясо и печень пристойно иссушить и *женскому полу въ одежать въ мѣшкѣ и въ карманѣ носить на себѣ*, а волчью кожу положить на брюхо и *отъ того матрица станеть на прежнее мѣсто*.

А когти волчьи ни къ чему не годятся.

Лисью печень и желчь и легкое иссушить и высуша истолочь мелко и просѣять, а принимать той печени или легкаго по золотнику въ пиво, у которыхъ людей бываетъ кашель и одышка и нутряныя всякія болѣзни и у которыхъ людей селезенка опухнетъ, да отъ тѣхъ же болѣзней лисью селезенку принимать и прикладывать селезенку по обѣ стороны противъ селезенки".

Сало лисье годится мазать у которыхъ людей въ рукахъ и въ ногахъ судорога и руки дрожать, и въ ногахъ бываетъ корчъ и отъ того ногами хромаетъ, и у которыхъ людей болятъ почки и въ спинѣ.

Кровь заячья годится у которыхъ людей въ лицѣ угри и сею кровью умываться смѣшавъ съ лекарствами, а съ какими лекарствами тое кровь смѣшать про то доскажетъ.

Мозгъ заячий сварить или изжарить и тотъ мозгъ принимать у которыхъ людей *въ животѣ дрожанье бываетъ*.

Желчь заячья смѣшать съ саломъ и у которыхъ людей бываетъ на глазахъ и на челѣ и на лицѣ оспа и тою желчью прибавивъ патоки мазать.

А зайцы молодые которые родятся въ мартѣ и тѣмъ зайцевъ живыхъ *сжечь и сдѣлать порошокъ* и тотъ порошокъ принимать у которыхъ людей *каменная болѣзнь*, а лучше того у которой зайки, зайцы въ брюхѣ живые и *тѣмъ зайцевъ изъ брюха вынуть и сжечь и принимать, отъ каменной болѣзни* въ ренскомъ мозги зайцевъ молодыхъ вынуть и у малыхъ дѣтей хазать ягодины, и отъ того дѣтямъ безъ больно зубы вырастутъ.

Да зайца жъ всего изрѣзать и варить въ водѣ до тое время, чтобъ въ той водѣ разварился и въ ту воду омачивать платъ, и прикладывать къ ногамъ, у которыхъ людей камчужная болѣзнь бываетъ.

Печень заячью иссушить и истолочь и той печени *принять восемь золотниковъ въ ренскомъ тѣмъ людямъ, у которыхъ людей бываетъ апоплексія*, а по русски падучія болѣзнь¹⁾.

Вся эта терапия, пожалуй, не годилась бы и для отечественнаго знахарства, а между тѣмъ она входила въ русскую жизнь подъ знаменемъ медицинской науки. Вотъ почему мы считаемъ крупной заслугой московской администраціи организацію въ Москвѣ при Аптекарскомъ Приказѣ школьнаго обученія врачебному знанію съ послѣдующей практикой учениковъ въ войскахъ.

Но среди полковыхъ медиковъ преобладающее число было русскихъ. Какого же положеніе занимали эти русскіе лекари? По рангу они занимали послѣднее мѣсто, въ смыслѣ матеріальнаго вознагражденія—тоже самое. При назначеніи на должность они получали „на подъемъ“ около 10 руб., жалованья годового около той же суммы и мѣсячнаго корму около 4 руб. Между тѣмъ какъ иноземные лекари получали отъ 20 до 60 руб. жалованья

¹⁾ Наши матер. т. I, стр. 53—54. Въ томъ же родѣ докторомъ Ливомъ Ливинфу-селемъ составлена была въ 1657 г. сказка о кровоупусканіи, изданныя нами въ Архива Оружейной палаты (т. Аптек. прик. № 3). Это такой бессмысленный наборъ словъ, что мы не рѣшаемся никакъ приводить даже извлеченіи.

и до 15 руб. мѣсячнаго корму. Вотъ почему русскіе лекари жаловались: „на твоихъ Великаго Государя службахъ, мы, холопи твои, бываемъ вѣсто лекарей иноземцевъ: и тѣми твоими государевыми далними службами лекаревъ иноземцевъ отслуживаемъ; а имя лекаремъ иноземцомъ, твое царское денежное годовое жалованье и мѣсячной кормъ идетъ большой; а мы, холопи твои людишки бѣдные и скудные...¹⁾ А между тѣмъ, образовательный цевъ нашихъ лекарей нельзя полагать ниже выучки иностранцевъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно только просмотрѣть биографическія свѣдѣнія иностранцевъ, которыя они сообщали о себѣ при поступленіи въ Аптекарскій Приказъ.

Изъ этихъ свѣдѣній видно, что Яганъ Албанусъ, Эргардъ Дяктеръ, Иванъ Гладкой, Иванъ Таборовскій, Сеника Кеврягинъ и другіе²⁾, проходили тоже практическіе курсы у всякихъ лекарей. Нѣкоторые изъ нихъ были безграмотны, а нѣкоторые, какъ Левъ Личиничусъ, учились даже „собою... межъ учительныхъ людей“³⁾. Русскіе лекари всѣтаки проходили пятилѣтній практическій курсъ, а не училось „собою“ и не въ теченіе трехъ лѣтъ, какъ медики послѣдняго привоза Вилима Горстена — Адольфъ Акимовъ, Андрей Бекеръ, Себастьянъ Резлеръ, Ефимъ Геждорфъ и Яганъ Ягусъ⁴⁾.

Въ дѣлахъ Аптекарскаго Приказа сохранилось множество челобитныхъ русскихъ полковыхъ лекарей, въ которыхъ выраженія: „нужду и всякую бѣдность терпимъ“ чередуются съ жалобами „остались наги и босы... платишкомъ ободрались... оскудали и великими долгами одолжали и зъ женишками помираемъ зъ голоду“... Выраженія характерныя для матеріальнаго быта полкового лекаря!

Тѣмъ не менѣе, случалось, что въ челобитныхъ иноземцевъ занесены указанія на судьбу болѣе счастливыхъ соотечественниковъ: „а которые, Государь, моя братья лекари въ Аптекарскомъ Приказѣ служатъ и моложе меня и тѣмъ лекаремъ твое Государево годовое жалованье и мѣсячной кормъ идетъ большой“ или же: „службу я, холопъ твой, служу болши ихъ, а умѣньишко мое и лекаретвенной промышль не хуже ихъ“⁵⁾. Въ 1662 году полко-

вые врачи „Одотка Васильевъ съ товарищи 18 человекъ“ въ своей челобитной о прибавкѣ писали: „а мы бѣдные передъ всѣми чинами оскорблены: кормъ небольшой, а лѣба намъ бѣднымъ ничего не дано — зъ дѣтишками и зъ женишками помираемъ голодною смертю“¹⁾.

Денежное жалованье выдавалось врачамъ изъ Аптекарскаго Приказа, а кормовое довольствіе, главнымъ образомъ, натурою, получалось „въ полѣхъ“²⁾. При этомъ установленныхъ періодическихъ сроковъ для выдачи жалованья не было, такъ что постоянно приходилось напоминать о себѣ челобитными. При отсутствіи послѣднихъ не слѣдовало указовъ о выдачахъ. Напримѣръ, какъ увидимъ ниже, на похороны лишь врачебнаго персонала выдавались изъ Аптекарскаго Приказа особія пособія, и вотъ въ похоронной, такъ сказать, перепискѣ Приказа за 1645 г. находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: „Да во 152 году Аптекарскаго Приказу алхимиста и водочника Вилима Смита не стало, а государева жалованья на похороны ничего не дано, *потому что государю о томъ ничего челобитнаго не было*“³⁾.

При посылкѣ въ походъ выдавалась „подмога на подъемъ и на лошади“ иноземнымъ лекарямъ отъ 4 до 30-ти, а русскимъ до 15-ти рублей⁴⁾. Кроме того, иноземные врачи получали повышенный окладъ и подарки. Въ 1633 г. за смоленскій походъ жалованье съ 3 р. 25 алтынъ было возвышено до 30 рублей въ мѣсяць⁵⁾. За калмычскій походъ полковому лекаря Елизарію Роланту выдали „противъ московскихъ иноземцевъ ротмистровъ и капитановъ... чарку серебряную да тафти да сорокъ соболей, всего на двадцать рублей“⁶⁾.

Полковые врачи изъ иноземцевъ получали жалованье и кормъ не только на себя, но и на всѣхъ членовъ своего семейства. Въ 1662 г. лекарь Артемій Назаровъ подалъ весьма характерную въ этомъ смыслѣ челобитную, въ которой писалъ: „а отецъ мой г. Назарій Семеновъ съ матерью моею и съ племянники съ Васыкою да съ Андрюшкою, съ Ивашкой Тихоновымъ, да съ Гришкою да

¹⁾ Матер. № 338, 948.

²⁾ ibidem №№ 625, 841, 1469, 1485, 1505.

³⁾ ibidem № 670.

⁴⁾ ibidem № 1569.

⁵⁾ ibidem № 357.

¹⁾ ibidem № 301.

²⁾ ibidem № 107.

³⁾ ibidem № 188, стр. 78.

⁴⁾ Дополнен. къ акт. истор. т. III № 58.

⁵⁾ Матер. № 116.

⁶⁾ ibidem, № 220.

съ Тимошкой Игнатьевыми.. твоего г. жалованья денежнаго корму имъ нѣтъ, живутъ въ Москвѣ у меня, скитаются межъ дворами; а нашей братьи иноземцамъ вѣсьмъ мало в. г. милость жалованье и кормъ дають, а отцу моему и матери, и племянникамъ моихъ корму нѣтъ“¹⁾. Въ отвѣтъ на челобитіе послѣдовалъ указъ выдавать родителямъ просителя по гривнѣ на день, а племянникамъ по 6 денегъ на день „покаместа въ службу поспѣвать“.

Лекари изъ русскихъ стояли ниже лекарей иноземцевъ и подарками не обременялись; ихъ удѣломъ были трудности скитальческой жизни, работа безъ отдыха и голодный праздникъ. Впрочемъ, переплавали и имъ кое-какія крохи въ случаяхъ особой важности. Такъ въ 1667 г. было пожаловано 14 русскимъ лекарямъ по сукну „для всемирныя радости объявленія сына... государя царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича“²⁾.

Хорошей стороной московской системы слѣдуетъ признать нѣкоторое попеченіе о больныхъ и инвалидныхъ врачебнаго персонала.

Напримѣръ въ 1667 году было приказано лекаря Феодотку Яковъ лева „постричь въ Даниловомъ монастырѣ безвкладно“. Какъ видно изъ челобитной этого лекаря, онъ прослужилъ въ Антекарскомъ Приказѣ лѣтъ 15 и былъ въ походахъ и подъ Смоленскомъ, и подъ Вильною, и подъ Ригю. Служба стала ему не въ мочь, онъ „устарѣлъ и заскорбѣлъ“, а поэтому и просилъ о безвкладномъ постриженіи въ монастырь³⁾.

Въ 1669 г. было приказано выдать жалованье за шесть мѣсяцевъ русскому лекарю Стенкѣ Алексѣеву, который это время болѣлъ „мокрошною болѣзью, и въ кистяхъ и въ рукахъ и въ ногахъ и въ составѣхъ“ большимъ лохомъ⁴⁾.

Въ 1682 г. „антекарскихъ и алхимическихъ дѣлъ“ ученикъ Григорій Игнатьевъ просилъ уволить его отъ службы, причѣмъ заявилъ, что „у него безсиліе великое и головныя болѣзни и сердечной страхъ и трепетъ безпрестанно, и отъ того де весь безсиленъ сталъ и работы работать не сможетъ“. Но государь указалъ: „ему быть по прежнему въ Новой Антекѣ у лекарственныхныхъ составныхъ дѣлъ; а работать всякой работы ему для сво болѣзни не велѣтъ“⁵⁾.

¹⁾ Приложение № 30

²⁾ Наши матер. т. II. № 21.

³⁾ Наши матер. т. I. стр. 119.

⁴⁾ Матер. № 394

⁵⁾ ibidem, № 1674

Пасынки врачебной службы не успѣвали обеспечить своихъ семействъ прижизненными сбереженіями и къ матеріальнымъ испытаніямъ лекарей присоединялась тревога и опасеніе за судьбу семейства. Въ дѣлахъ приказа сохранилось немало челобитныхъ, въ которыхъ напримѣръ, вдовы лекарей просили: „чѣмъ мужа своего похоронить“. Просьбами о пособіи на погребеніе дѣло не ограничивалось и возбуждался обыкновенно вопросъ о чемъ-то въ родѣ пенсій, „чтобъ безпомощной горькой и бѣдной вдовѣ скитающейся межъ дворами голодною смертію не умереть и въ конецъ не погибнуть“.

Такъ въ 1645 г. вдова „алхимиста и водочника Христофоровская женишко Лукерьяна“ была челомъ ей „бѣдной дать чѣмъ мужа своего похоронить“ и, по указу Михаила Феодоровича, было выдано 10 рублей¹⁾.

Въ 1656 и 1657 г. въ спискахъ жалованья чиновъ Антекарскаго Приказа встрѣчаемъ ассигнованіе жалованья „вдовѣ Антѣ, антекаря, Андрѣевѣ женѣ Иванова“²⁾.

Въ 1682 г. „Тихановской женѣ Анавнина на погребеніе мужа ея“ было выдано 4 рубля. Въ ноябрѣ того же года за истѣшіе сентябрь и октябрь было выдано „Тихановѣ женѣ Анавнина вдовѣ годового и кормовыхъ... 16 рублей съ полтиной“. Въ спискахъ за декабрь того же года имѣется отмѣтка о выдачѣ годового и корму „вдовѣ Псаковской женѣ Павлова да сыну ея“³⁾. Въ мартѣ 1682 г. послѣдовалъ указъ объ отпускѣ хлѣбнаго жалованья „лекаря Васильевской женѣ Вульфа вдовѣ Мароуткѣ“⁴⁾.

Вдовы и жены взятыхъ въ плѣнъ врачей обыкновенно также зачислялись на казенное кормленіе. Напримѣръ, въ 1662 г. получала жалованье „по два алтына на день“ „полковаго лекаря Любимова женишка Агѣева сына Гобарева Натальяца“, мужа которой „полскіе люди взяли въ полонъ“ еще въ 1659 году⁵⁾.

Но какъ ни велика была промашка между матеріальнымъ благосостояніемъ иноземныхъ докторовъ и русскихъ лекарей, все же развитіе врачебнаго управленія въ московской Руси характеризуется тѣмъ, что привилегированный иноземный элементъ мало

¹⁾ Матер. № 188.

²⁾ ibidem, № 286 и 287.

³⁾ ibidem, № 1650, стр. 1262—1263

⁴⁾ ibidem, № 1666.

⁵⁾ ibidem, №№ 341 и 980.

по малу вытѣняется природными русскими людьми, получившими врачебное образованіе у себя на родинѣ.

Ростъ медицинскаго дѣла со второй половины XVII ст. характеризуется не только широкой постановкой военно-полковой врачебной службы, но и появленіемъ медиковъ въ городахъ окранныхъ и провинціи. Въ 1654 г. были лекари Моисей и Савелій Гавриловы, Осодоръ и Матвій Ивановы и Романъ Лоховинъ въ Шкловѣ; лекари Максимъ и Артемій Прокофьевы и Артемій Озаровъ въ Копошѣ; лекарь Иванко Михайловъ въ Полоцкѣ; лекарь Николай Зартікій въ Могилевѣ¹⁾. Въ 1655 г. въ Бѣлой Церквѣ работать Юрій Махъ²⁾. Въ 1657 г. въ новомъ Царевѣ-Дмитріевѣ практиковали лекарь Кирчикъ Катущенъ и ученикъ Коношка Павловъ³⁾. Въ 1678 г. въ Казани былъ лекарь Артемій Назаровъ, въ Сѣвскѣ Яганъ Термонъ и въ Нѣжинѣ какой-то лекарь иностранецъ⁴⁾. Въ 1679 г. лекарь Матвій Табаровскій работалъ въ Кіевѣ⁵⁾ и т. д.

Врачебная служба по городамъ настолько была обычной въ то время, что о ней специально упоминается въ условіяхъ, заключавшихся съ иностранными лекарями. Такъ въ 1678 г. лекарю Виллму Горстену вел. кн. Осодоромъ Алексѣевичемъ поручалось при наймѣ лекарей уговариваться, что „имъ служить вел. государю... вѣрою и правдою, *не только на Москвѣ*, но и въ полковыхъ з бояры и воеводы и *въ городѣхъ* и куды ихъ вел. государь на свою гос. службу послать укажетъ“⁶⁾

Мы нисколько не преувеличиваемъ значенія этого указа. Мы знаемъ, что города XVII ст., разбросанные по русскимъ окраннымъ, не были еще гражданскими центрами въ нашемъ смыслѣ, что, посылая туда врачей, московское правительство имѣло въ виду главнымъ образомъ нужды военно-служащихъ. Тѣмъ не менѣе выдѣленіе *городской* службы изъ службы въ полкахъ и Москвѣ представляется знаменательнымъ и должно было послужить готовымъ образцомъ для соответственныхъ мѣропріятій Петра Великаго, этого якобы основоположника нашей врачебной организаціи.

¹⁾ Матер. №№ 249, 255, 258, 260.

²⁾ ibidem, № 646.

³⁾ ibidem № 279 и 280.

⁴⁾ ibidem, №№ 1452, 1455 и 1465.

⁵⁾ ibidem № 1485.

⁶⁾ ibidem № 1458.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Обозрѣвая врачебное управленіе въ до-Петровской Руси, приходится остановиться на вопросѣ о больницахъ. Въ одномъ изъ старѣйшихъ нашихъ законодательныхъ памятниковъ, а именно въ уставѣ Владимира о церковныхъ судахъ мы находимъ уже упоминаніе о больницахъ. При перечисленіи лицъ, подвѣдомственныхъ духовно-церковной юрисдикціи говорится: „а съ церковнии люди: игумень, поплъ, дьяконъ и дѣти ихъ и попады и кто въ клиросѣ, игуменья, чернцы, чернцыя, прескурница, наложники, лечецы, удѣвца, задушевный человекъ (больноотпущенный по духовной), сторонникъ, слѣпецъ, хромецъ, монастыреве, больницы, гостиници, странопріимци: то люди церковныя бога дѣла нима, епискупъ вѣдаетъ межъ ими судъ...“¹⁾

Конечно, церковные люди не дешево стояли церкви и по уставу же Владимира она получила въ свое распоряженіе десятинный сборъ— „отъ всего княжа суда десятую вѣшню, изъ торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ на всяко дѣло отъ всякаго стада и отъ всякаго жита“²⁾

Къ десятинному сбору присоединялись добровольныя обильныя приношенія князей, бояръ и простыхъ людей. Въ результатѣ въ церковную казну стекались огромныя суммы, располагая которыми духовенство могло развернуть широкую благотворительную дѣятельность. Среди другихъ благотворительныхъ дѣлъ церкви встрѣчается и сооруженіе больницъ. Напримѣръ, о митрополитѣ кievскомъ Ефремѣ дѣтописецъ повѣствуетъ, что онъ, по сооруженіи нѣсколькихъ церквей, построилъ „строеніе банное и врачеве и больницы, во вѣмъ приходящимъ безмездно врачеваніе, также и въ Милитенѣ въ своемъ градѣ устроилъ и

¹⁾ Полн. Собр. Рус. зак. Собр. зак. прибав. Свѣд. 1853 г., т. VI, стр. 83.

²⁾ ibidem стр. 82.

по нымъ своимъ градомъ митрополскимъ... се же не бысть прежде на Руси" ¹⁾.

Приведенное свидѣтельство лѣтописца даетъ основаніе предполагать, что въ 1091 г., если не впервые была снаряжена больница, то во всякомъ случаѣ построеніе больницы представлялось исключительнымъ явленіемъ. Въ послѣдующее время больницы стали возрастать въ числѣ, хотя къ половинѣ XVI ст. ихъ все же было меньше, чѣмъ того требовалось по количеству лицъ въ нихъ нуждавшихся. Иначе не пришлось бы на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. поднимать вопроса „о богадѣльныхъ избахъ“. На соборѣ было рѣшено: „всѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихъ опочить по всѣмъ градомъ опрочѣ здравыхъ строевъ да въ коемъ ждо градѣ устроить богадѣльни мужскіи и женскіи и тѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихъ, не могущихъ нигдѣ же главы поклонити, устроить въ богадѣльняхъ пещю и одеждою, а боголюбцы милостыню и вся потребная имъ приносить же своего ради спасенія“ ²⁾.

Писцовыя книги, составленныя во второй половинѣ XVI столѣтія даютъ обширный матеріалъ для сужденія о размѣрахъ церковно—благотворительной дѣятельности по сооруженію особыхъ мѣстъ для призрѣнія немощныхъ. Въ новѣйшее время соответственной обработкѣ писцовыя книги подвергъ г. Бензинъ въ своей прекрасной работѣ „Церковно-приходская благотворительность на Руси“ ³⁾. Изъ имѣющихся здѣсь данныхъ слѣдуетъ, что въ 23 уѣздахъ и вотчинахъ Троице—Сергіевой Лавры имѣлось 1132 помѣщенія для призрѣнія и въ 12 городахъ 470 помѣщеній ⁴⁾.

Конечно, эти свѣдѣнія нельзя считать полными, но ими устанавливается весьма важный фактъ повсемѣстнаго существованія особымъ пріютовъ для увѣчныхъ и калѣкъ

¹⁾ П. С. Р. Л. Никонъ-лѣт. Сиб. 1862 г. т. IX. стр. 116.

²⁾ Стоглавъ. Казань 1862 г. стр. 335.

³⁾ Бензинъ. Церковно-приходская благотворительность на Руси. Трудовая помощь 1906 г. № 7.

⁴⁾ Въ Тульскомъ уѣздѣ 43 помѣщенія, Дѣдлюковомъ 8, Каширскомъ 76, Вяземскомъ 54, Енинскомъ 16, Орловскомъ 27, Вяземскомъ 47, Московскомъ 35, Коломенскомъ 6, Звенигородскомъ 9, Дмитровскомъ 47, Владимирскомъ 5, Переславль—Залескомъ 2, Юрьевъ—Польскомъ 8, Муромскомъ 21, Ростовскомъ 15, Пошехонскомъ 8, Бокотеевскомъ 19, Угличкомъ 13, Старицкомъ 17, Бѣлозерскомъ 13, въ вотчинахъ Троице—Сергіевой лавры 181, Тверскомъ 78, Новгородскихъ патинахъ 383. Въ городахъ Коломен. 51, Можайскѣ 102, Туль 32, Енинскѣ 12, Вязьмѣ 29, Дѣдлювѣ 25, Протекѣ 27, пригородахъ Пскова 54, Нижнемъ Новгородѣ 60, Троицѣ 18, Москвѣ 60.

Заботы объ этихъ пріютахъ князей, духовенства и частныхъ лицъ не прекращаются до конца XVII столѣтія. Такъ въ грамотѣ отъ 30 сент. 1678 г. патриархъ пишетъ Вологодскому и Бѣлозерскому архіепископу Симону: „въ прошломъ году... изволеніемъ в. г. и в. кн. Оеодора Алексѣевича (т.) московскихъ *богадѣльнъ* старихъ и винихъ, мужеска пола и женска, *четыреста двадцать человекъ*, которымъ даванъ кормъ, денги и хлѣбъ, и соль, и прочая потребная на пищу и одежду изъ Приказу Большого Дворца, велѣно вѣдать въ нашемъ Святѣйш. Патриарха (Іоакима) дому, и питати ихъ и всякая потребная имъ давати изъ нашего жѣ дому... И съ совѣтомъ вел. гос. мн. св. патриарха указали на вспоможеніе въ прокормленіи тѣмъ винихъ вашихъ митрополитскихъ и архіепископскихъ и епископскихъ епархей всѣхъ въ данныхъ церквей и съ новопостроенныхъ, которые впредь построены будутъ, малое число, по три алтына по двѣ денги съ церквей... присылать къ намъ по вся годы“ ¹⁾.

Изъ Приказа Большой казны отпущались денги и на провинціальныя богадѣльни. Объ этомъ можно судить напрямѣтъ, по указу 14 дек. 1681 года, изъ котораго видно, что изъ царской казны въ Новгородъ посылалось: „и въ *богадѣльни* тысяча шестьсотъ девяносто пять рублей десять алтынъ“ ²⁾.

Изъ частныхъ лицъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи вниманія бояринъ Ртищевъ. Въ обширной статьѣ „житіе милостиваго мужа Ф. Ртищева“, помѣщенной въ Вивлиоикѣ Новикова, о немъ разсказывается, что онъ посылалъ „сблудатаи изъ пути града да идѣже обрѣцутъ отъ болѣзни и глада изнемогихъ, и оныхъ повѣлѣвая привозити въ домъ на се устроенный, въ немъ же онымъ отъ имѣнія своего потребными доволство творяше... ихъ же тамо овогда *двадцать*, овогда же и *тридцать* человекъ въ различныхъ болѣзняхъ бываху“ ³⁾. Кроме того Ртищевъ „въ царствующемъ же градѣ Москвѣ видя скитающіяся и по путемъ лежащія всякія недужныя никакого прибѣжища имущія, купи нѣкій домецъ, и устрои въ немъ *два келіи*, и тамо собравъ овогда *13 человекъ*, а овогда и *15 человекъ*, питаше и утѣшаваше тоя“. О характерѣ этого учрежденія даетъ понятіе слѣ-

¹⁾ Акты экзекд. Сиб. 1836 г. т. IV № 228.

²⁾ *ibidem* № 348.

³⁾ Вивлиоика Новикова т. XVIII стр. 413—414.

дующее замѣчаніе: „живущіе же въ той больницѣ суть немощніи, состарѣвшіеся, слѣпніи и иныи недуги одержиміи“¹⁾.

Богатѣйшии, больницѣ, кельи, упоминаемыя въ вышеприведенныхъ матеріалахъ не представляютъ изъ себя *лечебныхъ* заведеній въ нашемъ смыслѣ. Это были пріюты. Въ всякаго сомнѣнія, что искусство знахарей встрѣчало здѣсь широкое гостепріимство. Но нужно имѣть въ виду, что лечение недужныхъ не было главной цѣлью устроителей, искавшихъ христіанскаго подвига въ одномъ призрѣніи безпомощныхъ.

Въ настоящемъ смыслѣ больничныя заведенія въ Россіи отсутствовали до 1682 г., когда по указу Осодора Алексѣевича было повелѣно „по европейскимъ обычаямъ“ соорудить въ Москвѣ „двѣ шпитальи“²⁾. Но и послѣ этого не прекратилось сооруженіе духовными пріютовъ для больныхъ. Напримѣръ, патріархъ Іоакимъ 9 апрѣля 1685 г. указалъ: „Николаевской бѣлой монастырь съ вѣщинами и со всеи угоди приписать въ Софійской домъ и въ томъ монастырѣ построить *больницу для прокормленія и покая болельныхъ* и питати ихъ изъ вѣщины того Николаевского Бѣлаго монастыря“³⁾. Это распоряженіе послѣдовало въ отвѣтъ на увѣдомленіе, что „устарѣлымъ и скорбнымъ всякихъ чинѣмъ людямъ больницы построить негдѣ.“

Что касается душевно-больныхъ, то въ этой области нельзя усмотрѣть какой либо особой административной организаціи, какъ отрасли внутренняго управленія. Московское правительство XVII ст. не включало въ кругъ своихъ обязанностей организацію лечебнаго дѣла въ интересахъ *частныхъ* лицъ. Поэтому душевныя болѣзни, какъ и всякія другія, совершенно игнорировались властями. Последнія выступали лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь принимала эпидемическій характеръ, становилась *общесообщной*. Тогда начиналась энергичная сыскная дѣятельность административн, доканывались до причинъ болѣзни, розыскивали виновниковъ и т. д.

¹⁾ *ibidem*, стр. 115.

²⁾ Этотъ указъ былъ сообщенъ Берху статскимъ совѣтникомъ Анастасевичемъ, который отъ иркутскаго Каралана получилъ копію съ подлинника, хранившагося въ дѣлахъ Антисарепскаго Приказа. До настоящаго времени подлинная рукопись не разыскана. Указъ цѣлкомъ напечатанъ у Берха въ его книгѣ „Дарствованіе царя Осодора Алексѣевича“ СПб. 1873 г. стр. 86—100.

³⁾ Докладъ къ акт. истор. СИБ. 1872 г. XI стр. 96.

Въ видѣ общаго правила душевно-больныхъ помѣщали въ монастыри, которые въ то время были центромъ благотворительной дѣятельности, своего рода школами богоугодныхъ дѣлъ. Инициатива заключенія туда больныхъ исходила иногда отъ родственниковъ послѣднихъ, иногда же отъ властей, ближайшихъ начальниковъ, однообщественниковъ и т. д. Всякій разъ требовалось исходатайствовать указъ государя.

Такъ въ 1648 г. состоялся указъ „послать Микиту Уварова въ Кирилловъ монастырь подъ начало для того, что Микита Уваровъ въ умѣ помѣшался... а въ Кирилловъ монастырь велѣть его держать подъ крѣпкимъ началомъ и у церковнаго пѣнія и у келейнаго правила велѣть ему быть по вся дни, чтобъ его на истину привести: а кормить его велѣть въ трапезѣ съ старцами амѣтѣ; а будетъ Микита въ монастырѣ учить дуровать и въ послушаніи монастырскомъ быть не похочетъ, и его велѣть держать въ хлѣбѣ въ работѣ скована, чтобъ его отъ его безумія на истину привести“. Тогда же дочь Стрѣшневъ Варвара была челомъ государю „сослать подъ начало на время въ монастырь“ ея мужа Осодора, чтобы ей „бѣдной съ дѣтскими отъ его руки не погибнуть“¹⁾.

Въ 1651 г. Микишка Автофѣвъ, сказавшій „во изступленіи ума своего“ государево слово, былъ сосланъ „въ монастырь къ Николѣ на Шартину, а велѣно его держать подъ крѣпкимъ началомъ“²⁾.

Въ 1676 г. билъ челомъ Андрюшка Ивановъ сынъ Черкашевиновъ: „по твоему в. г. указу и по наряду высланъ на твою в. г. службу углоченъ недоросль Микита Осодоровъ сынъ Кучковскій и волею Божіею на него сослана скорбь, ума рехнулся... а мнѣ х. т. онъ Микита *илеминникъ* и побережь ему его некому...пожалуй меня х. с., вели г. его Микитку сослать на Угличъ и дать его подъ начало въ монастырь“³⁾.

Въ 1681 г. Івашко князь Михайловъ сынъ Мешерскій докладывалъ, что *илеминникъ* его родной князь Сежень „ума своего рушился и по се число бѣнуется“, а поэтому просилъ „его послать подъ начало въ Боровскъ въ Пафнутьевъ монастырь... что-

¹⁾ Наши матеріалы т. III, ч. II, № 58 и Приказ. ст., столб. № 130.

²⁾ *ibidem* № 60.

³⁾ Приложение № 48.

бы ему из такой его скорби и из бѣснованій внезапностью напрасно не умереть и отъ святыхъ соборныхъ церкви не отлучиться“¹⁾.

Въ 1685 г. сынъ боярскій Кузма Кохневъ, по государеву указу, „для того что онъ во изступленіи ума“ былъ сосланъ въ Николаевскій монастырь, что на Угрюши, а велѣно его въ томъ монастырѣ держать подъ началомъ“²⁾.

Въ 1694 г. дьякъ Петръ Пешковъ былъ заключенъ въ курскій Богородицкій Знаменскій монастырь „для того что онъ въѣхъ ума и говорить, что не надобно“³⁾.

Не всегда, конечно, въ монастырѣ могли быть подходящія условія для помѣщенія душевно-больныхъ. Въ однихъ монастыряхъ не находилось мѣста для новыхъ лицъ въ другихъ не было подходящихъ помѣщеній для содержанія „подъ *крѣпкимъ* началомъ“. Напримеръ, гуляничъ человекъ Сенька не былъ отданъ въ Воскресенскій монастырь „потому что того Воскресенскаго монастыря у строителя старца Іова старцы ходятъ по своей волѣ просто по саду, какъ простые люди“⁴⁾. При помѣщеніи блгородскаго дьяка Петра Вяземскаго возникло затрудненіе другого рода. Въ Бѣлгородѣ оказался только одинъ монастырь Николаевскій да „и тотъ самый скудный и малолюдный, и держать его Петра въ томъ монастырѣ некому“. Послать въ ближайшіе Зміевскій и Святогорскій монастыри воевода находить „опасно отъ воинскихъ людей“. Оставался только Богородицкій Знаменскій въ Курскѣ, но тотъ былъ „полный и люденъ“⁵⁾. Тѣмъ не менѣе больного временно помѣстили туда.

Въ случаѣ невозможности по какимъ либо причинамъ заключить больного въ монастырь, администрація пользовалась тюрьмами. Характерна въ этомъ отношеніи челобитная Оедьки Шеховскаго, заключившаго въ 1652 г. душевно-больного въ тюрьму и писавшаго по этому поводу въ Москву: „а изъ тюрьмы выкинуть его не смѣю, потому что только учинить какую пакость, кого зарѣжетъ или гдѣ дѣръ зажжетъ“⁶⁾.

¹⁾ *ibidem* № 36.

²⁾ Намнъ матер. т. III, ч. II, № 63.

³⁾ *ibidem* № 65.

⁴⁾ *ibidem* № 62.

⁵⁾ *ibidem* № 65.

⁶⁾ *ibidem* № 62.

Повидимому, для заключенія душевно-больныхъ московская администрація пользовалась тюрьмой или монастыремъ лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда больные были опасны для общественнаго спокойствія, а родственниковъ у нихъ не было. Такъ въ 1637 г. власти вытѣснялись въ принуденіе ярославскаго татарина Форафузова потому, что, по свидѣніямъ ярославскихъ и романовскихъ татаръ, „роду и племени у татарина нѣтъ, побережь того татарина некому“¹⁾. Гуляничго человека Сеньку Топанскаго воевода Шеховской первоначально хотѣлъ отдать къ отцу, чтобъ „онъ сына своего Сеньку вывелъ въ себѣ“ и, только увидя, что отецъ больного „сестрѣ не вѣдоу куда“, обратился къ государю за указомъ²⁾. Черкашениновъ просилъ о помѣщеніи въ монастырь племянника, указывая на то, что „побережь его некому и въ ставѣ изъ себѣ никто его не приметъ, потому что ставъ онъ малоуменъ, всаки его боитетъ“³⁾.

До насъ дошла одна челобитная князя Пешкова князя Меллерскаго, которая изъ 1708 г. проситъ отдать ему его малоумнаго родственника „на сбереженіе“. Изъ челобитной этой видно, что князь Феодоръ Меллерскій, родственникъ челобитника „добль Ругодинъ“ пропалъ безвѣстно. Последъ пропавшаго остался, братъ его родной князь (Александръ) и погубилъ отъ родства матери своей да остался „она его жена Феодора Матрѣна“ безвѣсна, и умомъ рушилась и была въ Бессеренской монастырѣ подъ и началомъ и изъ подъ начала вѣта была“. Вышла изъ подъ начала, она пришла къ себѣ малоумнаго Александра, а „который ему князь Александру помѣстья и вотчины были принадлежать, и съ тѣхъ помѣстій и вотчинъ доходы имѣла она княгиня Матрѣна“. По смерти послѣдней челобитный и проситъ раздѣлить князя Александра и раздѣлить ему „съ тѣхъ помѣстій и вотчинъ доходы имѣть ему малоумному на пропитаніе“⁴⁾. Вѣроятно, перспектива „иманія доходовъ“ и руководила челобитникомъ.

Хорошою стороною тогдашнихъ порядковъ слѣдуетъ признать то, что монастырь не являлся пожизненной тюрьмой для заключеннаго. Не только родственники больного, но и монастырскіи

¹⁾ *ibidem* № 57.

²⁾ *ibidem* № 62.

³⁾ Приложение № 48.

⁴⁾ *ibidem* № 53.

и другія власти возбуждали ходатайства объ освобожденіи тѣхъ лицъ, къ которымъ возвращалось здоровье. Ходатайства эти удовлетворялись послѣ надлежащаго удостовѣренія въ дѣйствительномъ выздоровленіи. Напримѣръ, Микифорко Автофеевъ былъ посаженъ въ монастырь „покаместа тотъ Микифорко *въ совершенный умъ придетъ*“. Этотъ Микифорко въ монастырь подѣ началомъ пребылъ съ 28 іюня по ноябрь 1651 года. Чувствуя себя хорошо, онъ подалъ государю челобитную съ просьбою освободить его. Велѣдіе челобитной была послана 29 декабря грамота къ епископу Серапіону, въ которой писали государь: „и ты бѣ богомолецъ нашъ послать отъ себя въ Тихонову пустынь къ игумену Сергію кого пригоже и велѣть того игумена допросить—Микифорко Автофеевъ, будучи въ монастырь подѣ началомъ, въ совершенный умъ пришелъ-ли, и будетъ Тихоновы-пустыни игумень скажетъ, что тотъ Микифорко шлѣ въ совершенномъ умѣ, и ты бѣ велѣть у него игумена взять сказку за его рукою“¹⁾.

Дяди Микиты Кучковского ходатайствовать о помѣщеніи племянника въ монастырь „покаместа онъ отъ той болѣзни *излечится*“²⁾.

Боярскій сынъ Кузьма Кохневъ также былъ заключенъ въ монастырь „до тѣхъ мѣстъ, покаместа онъ опаматуется и *въ разумъ естественный придетъ*“. Кохневъ въ монастырѣ находился съ 6 іюня 1685 г., а 3 октября слѣдующаго года игумень съ ораціею писалъ къ великому государю: „ливенецъ де сынъ боярскій... шлѣ въ разумѣ своемъ исправился“ и просилъ „того Кузьму Кохнева изъ подѣ начала освободить“. По указу 10 октября Кохневъ былъ освобожденъ и отправленъ съ приставомъ на прежнее мѣсто службы, причемъ ливенскому воеводѣ Остафьеву было указано: „и ты бѣ его Кузьму велѣть... принять и быть ему на Ливнахъ въ прежней службѣ, какъ онъ по послѣднему разбору написанъ, а съ Ливенъ его никуда не отпускаль ни для чего и велѣть отдать его на поруки съ записью, чтобъ ему съ Ливенъ никуда не выѣзжать“³⁾. Очевидно, выздоравливавшему не вполне довѣряли. Предосторожность во всякомъ случаѣ умѣстная.

¹⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 59.

²⁾ Приложение № 48.

³⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 63.

Въ 1694 г. Бѣлгородскаго дьяка Петра сослали въ монастырь „покаместа онъ Петръ отъ *той болѣзни обможетца*“¹⁾.

Въ 1703 г. послѣдовалъ указъ относительно Андрея Бестужева: „его Андрея сыскавъ взять на Вологду въ приказную избу и держать на чепи“. Но посланные не могли привести въ исполненіе указъ и донесли, что „онъ Андрей лежитъ въ скорбѣ и въ неумѣ, и живетъ въ особой хороминѣ; а какъ онъ Андрей въ неумѣ, тому будетъ лѣтъ пятнадцать“²⁾. Къ сожалѣнію, нельзя себѣ уяснить, для чего повелѣвалось посадить Бестужева на чѣпъ, по этому указу представляется интереснымъ въ другомъ отношеніи: онъ знакомитъ насъ съ практиковавшимся домашнимъ содержаніемъ душевно-больныхъ въ „особыхъ“ хороминахъ.

Къ признанію кого-либо душевно-больнымъ московское правительство относилось съ большою осторожностью. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ назначались осмотры, свидѣтельствованія, опросы, сыскъ черезъ окольныхъ людей и священниковъ, и только въ случаѣ убѣдительныхъ доказательствъ душевной болѣзни больной, смотря по обстоятельствамъ, отправлялся въ монастырь, освобождался отъ службы или отдавался родственникамъ подѣ опеку.

Такъ въ 1676 г., прежде чѣмъ отослать подѣ началъ угличскаго Микиту Кучковского, были допрошены 45 бояръ и дѣтей боярскихъ³⁾. Въ 1681 г. кн. Семенъ Мошарскій подвергся осмотру „какъ больныхъ и старыхъ и увѣчныхъ дворянъ досматривали и въ то время на осмотровой тетради помѣчено: велѣно про его князя Семенова бѣснованіе и скорбь розыскать“⁴⁾. Въ 1680 г. въ слѣзскую избу явился рязанецъ Василій Масловъ и сталъ кричать: „ѣду въ Литву, высылайте де меня къ государю въ Москвѣ или де меня пытайте“. Тогда же онъ былъ „отданъ за пристава“ въ ожиданіи государева указа. Въ виду же того, что братья больного заявили, что онъ боленъ „черною болѣзнію“, послѣдовалъ указъ произвести сыскъ, „что тотъ Василій Масловъ черною болѣзнію боленъ-ли и сколько давно боленъ и такія рѣчи, что онъ хочетъ въ Литву отѣхать говорить въ немочи ли“⁵⁾. При розыскѣ было допрошено 615 человекъ!

¹⁾ ibidem, № 65.

²⁾ Приложение № 52.

³⁾ ibidem, № 48.

⁴⁾ ibidem, № 36.

⁵⁾ ibidem, № 2.

Въ материалахъ имѣется указаніе на весьма прискорбный фактъ пытки душевно-больного съ цѣлью раскрыть „государево слово“. Въ 1624 г. былъ подвергнутъ пыткамъ душевно-больной жилецъ Катай Кудашевъ сынъ Оedorовъ. Онъ былъ уличенъ „въ печатномъ воровствѣ“ и „съ пытки въ томъ воровствѣ винылся, что споровалъ онъ подпечатать государевы четыре грамоты да съ пытки жъ сказать на себѣ черную немочь“. По-этому дѣлу послѣдовало удивительныи указъ „его Катайка *за воровство и за черную немочь изъ житія выкинуть*“¹⁾. Подобный же случай произошелъ въ 1651 г. съ отставленнымъ монастырскимъ служкой Микифоркой Автоѣвымъ. Послѣдній 21 апрѣля „бѣдучи отъ монастырской отъ воротной бѣдни, кричалъ и сказывалъ за собою государево дѣло“. Спустя семь дней „того Микифорка Автоѣва ударила о землю черная немочь“. И тѣмъ же менѣе его взяли въ сѣзжскую избу „за пристава“ до государева указу.

Ждать пришлось не долго: 16 мая была послана изъ Москвы грамота „того отставленного служку Микифорка Автоѣва у пытки распросить, какое за нимъ государево дѣло, и на кого свѣдѣть, и съ тѣмъ дать оную ставку“. На допросѣ Микифорка далъ показанія противъ келаря Галактіона и повара Андрюшки. Первый будто бы говорилъ: „время идетъ послѣднее, посылають подо Псковъ силу на православную христіанскую вѣру, не долге де царствовать, и Борисова де время минется, а котораго Бориса—и про то не сказать“. Поваръ же на сообщеніе Микифорки о томъ, что государь въ Звенигородѣ строитъ монастырь, будто бы замѣтилъ: „въ Звенигородѣ де государь монастырь строить, а шны разорять“.

Оговоренные и свидѣтели рѣшительно отвергли показанія Микифорки. По правиламъ судопроизводства того времени предстоѣла пытка всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, но отъ кровавой процедуры они были избавлены, вѣроятно, благодаря заявленію Микифорки, что „те дѣло онъ Микифорка говорилъ во изгнѣненіи ума своего, потому что де онъ за грѣхъ одержимъ болѣзнью чернымъ недугомъ и про ту де его болѣзнь вѣдомо въ Суздали многимъ людямъ“²⁾.

¹⁾ Приложение № 44.

²⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 59.

Въ 1630 г. возникло такое же дѣло до государева слова. Душевно-больной Василій Масловъ явился въ сѣзжскую избу и „почелъ въ сѣзжей избѣ вѣщать, что будто де я Васыка въ Литву бѣду, и вы де меня посылаете къ Москвѣ или пытайте. И въ сѣзжей избѣ самъ было обноготился, платилъ съ себя по сметамъ, а водѣлъ себя пытать вразумскимъ наученіемъ“¹⁾. Въ этомъ случаѣ до пытки не дошло, такъ какъ братья больного успѣли подать государю челобитную съ заявленіемъ о черной немочи больного, что и было удостоверено многочисленными показаніями околныхъ людей.

Въ 1640 г. Микита Уваревъ „бить изумахъ, перятомъ перядно за то, что онъ гос. указу не послушалъ, унылся сильно, пристава посылъ сабасю и стрѣльцомъ порешили, и многого времени дѣлъ заперился у себя въ хоромахъ, и перессаженного глупого старосту рѣшилъ изъ вышати“²⁾.

Въ 1652 г. „сказывалъ за собою государево дѣло“ Иванко Акиншинъ. Немедленно онъ былъ приведенъ къ пыткамъ и „Иванко Акиншина допрашивали, какое за нимъ Иванкомъ государево дѣло и на кого извѣсти государево дѣло вѣщать, и онъ бы Иванко про то государево дѣло сказалъ правду, не затѣвая ни на кого и не покрывая ни по комъ: а *буревъ онъ Иванко про государево дѣло правду не сказалъ, и сему Иванку въ томъ ошлы бити плетану*“³⁾.

Въ другомъ дѣлѣ имѣется указаніе на привѣдѣніе пытки не къ самому душевно-больному, а по его показаніямъ, къ постороннему, а именно: въ 1657 г. столбцы Якова Лихаревъ, производя на сѣху „воинобный разсѣлъ“, про тѣхъ порочныхъ людей свѣскавалъ, и на кого они порочили на порѣхъ свои говоритъ и онъ Якова тѣхъ людей пыталъ“⁴⁾. Такимъ образомъ душевная болѣзнь или крайняя степень нервного расстройствъ изъ индивидуальнаго страданія могли обратиться въ болѣе общественное бѣдствіе, напрасно и нѣлѣзно вымалывать свои жертвы изъ рядовъ мирныхъ обывателей и втягивать ихъ въ кровавый процессъ тогдашняго суда.

¹⁾ Приложение № 2.

²⁾ Приказъ. Столб. стѣб. № 130 л. 2 7—332.

³⁾ *ibidem*, № 45.

⁴⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 70.

Что же говорят документы о проявлениях душевных болезней и причинах их? Не все акты дают ответ на поставленные вопросы, но в некоторых из них имеется довольно материала для заключений. В одних актах, например, пишется: кн. Яков Дулов „умом рушился и учалъ быть въ изступленіи ума“. В других же описываются проявления болезни.

Такъ о татаринѣ Татаркѣ Форазуовѣ въ 1637 г. сообщается, что „ума отбылъ тотъ татаринъ, въ нечочи ходитъ, у нихъ Таттарко по ставнямъ сабли и пицали смелеть и людей саблями съчетъ, а пицали стрѣляетъ и всякое дурно дѣлаетъ“¹⁾.

Сеника гулящій человекъ въ 1652 г. „посещеніемъ Божиимъ тяжкимъ недугомъ одержимъ, пакости многи дѣлаетъ, людей ножомъ рѣкаетъ и животину побиваетъ, и мясо отрѣзавъ сырое ѣстъ, и въ ночи съ огнемъ по городу ходитъ“²⁾. Въ томъ же году бобыль Пваша Акиншинъ „умъ рушился и взялъ де съ собою двое лошадей да садокъ и побѣжало повѣдомо куда, и многихъ де было людей въ Скопинѣ изъ лука перестрѣлъ“³⁾.

Въ 1676 г. педоросель Микита Федотовъ сынъ Кучковскій... ума рехнулся и дорогою ѣдучи отъ Углича свое братью многихъ перебилъ, а много порубилъ, и занасъ въ телегѣ топоромъ изсѣкъ, и платишко съ себя растерялъ, и съ лошади сѣдло и ружье все потерять“⁴⁾.

Въ 1680 г. Семень Михайловъ сынъ князь Мещерскій „ума своего рушился и по се чело бѣснуется... и онъ князь Семень въ бѣснованіи своемъ Божіе милосердіе складни въ печь кинулъ и сжегъ и крестъ съ себя снимаетъ и въ печь мечетъ и людей бьетъ и зубомъ кусаетъ и много многое скверное и гнусное дѣлаетъ“⁵⁾.

Въ 1682 г. „волею Божьею... Андрей Клементьевъ сынъ Родионовъ памяти отбылъ и ума рушился многакды, въ малости своей бросается въ воду и въ огонь, и бѣгаетъ на лѣсъ и крыется отъ Божья милосердія, и за людьми гоняется со всякою скверностью, и изъ церкви бѣгаетъ во время божественнаго пѣнія“⁶⁾.

¹⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 57.

²⁾ ibidem, № 62.

³⁾ Приложение № 45.

⁴⁾ ibidem, № 48.

⁵⁾ ibidem, № 36.

⁶⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 60.

Въ 1694 г. дякъ Петръ Исаковъ, будучи въ курскомъ уѣздѣ въ деревнѣ помѣщика Горяинова „на постояломъ дворѣ, выневъ ножъ у себя изъ ноженъ, и мценскаго ямщика да Земскаго Приказу подъячаго Микиту Тѣльнова, который съ нимъ ѣхалъ, учелъ ихъ рѣзать, а, вшевъ въ избу, тѣмъ же ножомъ порѣзалъ жену свою да дворовую свою женку“. Кроме того Исаковъ „съ ножомъ гонялъ же“ за помѣщикомъ Горяиновымъ и „мценскихъ ямщиковъ... дорогою билъ батоги и саблею, и съ коней за ними гонялъ“¹⁾.

Нередко во всехъ подобныхъ проявленіяхъ буйства немаловажную роль играло пьянство. Такъ въ 1648 г. Варька Макашева о своемъ мужѣ заявляла, что онъ „доть многого пьянства въ умѣ рушился и за дѣтьми своими гоняется съ саблею и пицали по нимъ стрѣляетъ“. Въ другомъ мѣстѣ своей челобитной она пишетъ: „мужъ мой 3 апрѣля отъ вина пиять ума рушился, а меня бѣдную бьетъ по вся дни и дѣтишекъ разогнать, гоняетъ съ саблею и пицалими, и платишка у нихъ пересѣкъ, и окошечкы рамы высѣлъ, и животинишко продавать а мнѣ бѣдной ничего не оставилъ... а жить съ нимъ не можно никою мѣрою, спился съ ума, въ кабакъ въ казачьи пропалъ, а съ женами отъ меня живетъ, на домъ сидеть на постелѣ насилуетъ“²⁾.

Въ 1701 г. подполковникомъ Артемій Давидовъ, будучи на службѣ в. г. въ Бѣлгородѣ во многомъ пьянствомъ учинилъ многихъ бѣлгородскихъ жителей и пошку его Анд. Иван. солдатамъ обиды, во пьянствѣ бывая, много билъ обухомъ и шапку изрубилъ, а бѣлгор. жителей многихъ билъ же, и съ саблею ганивался, и баннестомъ рубилъ, и священниковъ страшивалъ, изъ лука стрѣляетъ и конемъ колеть, и у соборной церкви въ ноги караульничковъ билъ же, а въ инымъ приѣзжать ко дворахъ и дралися на дворѣ, и въ томъ его пьянствѣ многое на него полушолъ, въ бѣлгородъ радий избѣ и на стѣблемъ дворѣ челобитны записано“.

Этимъ, однако, не ограничился безчинства подполковника. Изъ челобитной его денщиковъ видно, что „ходитъ де онъ полушолъ съ ними денщиками въ Бѣлгородѣ по улицамъ по по-

¹⁾ ibidem, № 62.

²⁾ ibidem, № 58.

чужь и людей бьетъ и ихъ денщиковъ бить заставляеть, и они денщики, видя въ такомъ его безурядетѣ, въ томъ его не слушаютъ, и онъ де полуполк. за то ихъ денщиковъ самихъ бьетъ, также и караульничковъ въ пьянствѣ бьетъ же". Сначала полуполковникъ былъ отосланъ въ Архіерейскій Судный приказъ, чтобъ его „привести въ чувство смиренія... для исправленія ума“, а потомъ „за пьянство и безумство, что ума отетунилъ“ его выслали въ Москву ¹⁾.

Иногда буйное помѣшательство являлось результатомъ пьянства въ связи съ другими причинами, наирѣмъ, поврежденіемъ головы. Подобный случай произошелъ въ 1692 г. съ Белокозодскимъ ротмистромъ Андреемъ Волковымъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описывали поведеніе дѣла „гражданинъ и урядникъ всякихъ чиновъ людей“: „онъ Андрей живучи... въ Белокозодскохъ на приказѣ пьянствуетъ и пашъ х. вашихъ бьетъ безпрестанно своими руками смертными боемъ да онъ же Андрей въ прошломъ въ 200 году въ 10-мъ мѣсцѣ пьянствомъ своимъ скакалъ на лошади и съ лошади упалъ, и съ того бою умомъ рушился, и отъ того чела и нынѣ лежитъ въ Белокозодску и скорбитъ къ смерти, и лежа пьянствуетъ, и отъ его Андреева безумія вашихъ в. г. дѣламъ чинятся остановки и всякія челоубитія дѣла расправы чинить некому; а городъ Белокозодскій на черѣ, вести про воинскихъ людей безпрестанно, и какой приходъ воинскихъ людей будетъ, и противъ ихъ промислу чинить некому; а Белокозодскій городъ весь обречать и стѣны всѣ обвалишесъ“.

Но догнать наѣздѣмъ Андрей давилъ въ безуміи, и бѣгаетъ изъ дому по городу и за городъ въ одной рубахѣ босикомъ, а вѣдѣго де его на воеводскомъ мѣстѣ сидятъ насѣники его Андреевы и подтягивъ де бьютъ и бранятъ напрасно, а онъ де Андрей и въ Приказную избу никогда не ѣздитъ и расправы приказомъ не чинитъ, да насѣнокъ же его Кирюшка собираетъ четвертными деньгами съ 34 городовъ по 4 алтына неѣдомо по какому указу“ ²⁾.

Въ 1639 г. изъ Московскаго Суднаго Приказа были посланы люди „по Микиту Уварова, по челоубитію Иванова жена Грязева вдовы Полаген въ убивствѣ крестьянина ея; и тотъ Микита Уваровъ, тѣхъ петлыничковъ и разсыльных бить и по попе-

дѣльничкахъ и по понатыхъ изъ лука стрѣлять и съ дровкомъ за ними гонялся, а петлыничка Микиту Княженикова съѣлъ саблею“. Черезъ двѣ недѣли за ними были посланы другіе люди, но „Микита Уваровъ пристапу и стрѣляемъ не дался и заперся въ горнищѣ и стрѣлять по нимъ изъ нищадей и изъ лука цѣлый день“. Спусти мѣсяцъ къ нему были отправлены губной староста и стрѣльцы, но, по донесенію воеводы, староста вернулся „раненъ и убитъ по дѣловъ лопатки изъ нищадъ... да онъ же Микита... разилъ изъ нищадъ стрѣльцамъ по брѣху и стѣлъ заперши въ горнищѣ съ женою... и изъ горнища у него подѣлавъ бои на всѣхъ стѣнахъ и подолѣхъ въ горнищѣ вѣзая и безъ бою взять его неможно, а и съ боемъ безъ огня его тоять нельзя, взять орошѣ, что вымерить его голодомъ“.

Въ 1640 г. жаловались на своего вѣчника того же Микиту Уварова пашинни, которые писали: „ли тотъ горюмъ пашъ Микита деркачетъ пашъ сильно у себя съ людниками пашинми, и вѣчникомъ и московскими дворохъ и животами владѣтъ онъ пашинствомъ а на тѣхъ вашихъ крестьянншкѣхъ подати емлетъ болейшя по нимъ сѣмъ, а онъ его г. Микитинихъ подоби и пашъ преступники бредутъ разномъ да онъ же вѣчникъ пашъ людншкѣхъ пашинихъ мучитъ всякою мукою, кнутемъ и осло... пытаетъ и саблею съчетъ, а челоубку моему... ухо отрѣзаетъ... а пашъ сиротъ и жатъ вашу хочеть побить до смерти“ ¹⁾.

Послѣ догнѣхъ ухивреній Уварова все таки схватили. Решивъ его людямъ наказывалось его „связать, вѣрфико и дорогою бередъ, чтобъ Микита изъ дорогѣ не увелъ и дурна пашъ собою не учинилъ“. Оказавшееся столь заботливое отъсѣданіе въ бѣгство не спасло его отъ пытки за все сдѣланное пашъ во и поимѣи.

Выше были указаны случаи (стр. 308), когда выдвореннаго душевно—больного отирали на преданію службу, учредивъ за нимъ нѣкоторый надзоръ. Совершенно исключительный характеръ представляетъ инцидентъ, происшедшій въ 1621 году, когда кн. Василій Щербатовъ прислалъ въ Москву выходна вѣчника Давона „а на Москвѣ выходецъ пѣчникъ Давонъ допрашиванъ, и онъ въ роспросѣ сказаться не утѣгетъ, потому что скорбитъ съ ума“. Можно было бы ожидать, что Давонъ будетъ заключенъ въ тюрь-

¹⁾ Ibidem, № 67.

²⁾ Иванъ матер. г. III, ч. II, № 66.

¹⁾ Приказъ, столб. столб. № 130, л. 297—332, обор. 330—338.

му или отосланъ въ монастырь „подъ началь,* но „бояре приговорили того нѣмчина Джона сослать въ понизовые города, куда приложе, и устроить во что придется, и кормить ему давать, чѣмъ сыту быть“ ¹⁾).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ вопросѣ о душевно-больныхъ отношеніе къ нимъ власти. Извѣстно, что въ Европѣ до конца XVIII ст. душевно-больные содержались въ тюрьмахъ, а многіе изъ нихъ были даже закованы въ цѣпи и подвергались всевозможнымъ истязаніямъ. „Незабвенными, по замѣчанію проф. П. И. Ковалева, въ умѣхъ всѣхъ образованныхъ людей должны быть имена Pinel и Солоу. Первый освободилъ этихъ несчастныхъ (душевнобольныхъ) отъ цѣпей, второй избавилъ ихъ отъ истязаній и далъ гуманную систему леченія. Первый работалъ во Франціи, второй въ Англіи“ ²⁾. Въ 1792 г. Пинель принялъ мѣсто врача въ Бисерѣ. Вотъ какъ описываетъ Л. Ковалева кайдешное въ Бисерѣ новыя врачевствъ: „часть, принадлежащая дому умалишенныхъ, представляла собою рядъ конуръ узкихъ, холодныхъ, сырыхъ, лишенныхъ воздуха и свѣта... Тѣ, кого заперли въ эти гнилые пріюты, были всецѣло въ вѣдѣніи болѣзненныхъ служителей,—а эти служители набирались изъ тюрьмы. Несчастные сумасшедшіе, какъ каторжники, скованные и связанные цѣпями, были отданы въ безконтрольное вѣдѣніе сторожей. Жестокія мѣры надзирателей, предпринимаемыя противъ несчастныхъ заключенныхъ приводили ихъ въ неистовство и вызвали крики, вой и гамъ; ужасъ этой обстановки еще болѣе усиливался звономъ желѣза ихъ цѣпей“ ³⁾. Изъ Бисерта Пинель перешелъ въ Сальпетріеръ, но по замѣчанію Л. Ковалева, „такъ былъ тотъ же ужасъ и жестокость. Ему пришлось бороться съ страшными затрудненіями и побѣдить. Цѣпи сумасшедшихъ Сальпетеріа пали такъ же, какъ и цѣпи сумасшедшихъ Бисерта“ ⁴⁾.

Извлеченные нами архивные матеріалы впервые описываютъ положеніе душевно больныхъ въ Россіи XVII столѣтія, и мы должны отмѣтить, что это положеніе было несравненно лучшее у насъ, чѣмъ даже сто лѣтъ спустя на Западѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ настоящей главѣ мы имѣемъ въ виду охарактеризовать основы борьбы съ эпидеміями въ до—Петровской Руси. Объ эпидеміяхъ за указанный періодъ имѣется значительная литература, которая довольно подробно съ фактической стороны освѣщаетъ отдѣльные случаи, но слишкомъ мало уделяетъ вниманія характеристикѣ *принципиальной*, руководящихъ началъ дѣятельности московской администраціи. Не останавливаясь на описаніи отдѣльных эпидемій, мы постараемся разобраться въ мѣрахъ московскаго правительства по медицинской полиціи и показать, что онѣ вырабатывались помимо заѣзжихъ иностранныхъ медиковъ, безъ всякаго ихъ вліянія на народъ и администрацію того времени.

Наши лѣтописи упоминаютъ о многихъ десяткахъ эпидемій, большая часть которыхъ сопровождалась засухами, смѣнявшимися сильными ливнями, наводненіями, ранними заморозками, инеями, и т. п. Нередко эпидеміи сопровождались новальными болѣзнями лошадей, рогатаго скота, птицъ, рыбъ, лѣсныхъ и полевыхъ звѣрей. Эти эпидеміи заносились то изъ Европы черезъ Полоцкъ, Смоленскъ, Псковъ и Новгородъ, то проникали черезъ Крымскій рубѣжъ. Суровый климатъ, частые неурожаи и голодовки, рядъ большихъ войнъ и неудовлетворительное довольствіе ратныхъ людей способствовали усилению заболѣваемости и увеличенію смертности. Въ общемъ, такимъ образомъ, складывались весьма благоприятныя условія какъ для развитія, такъ и распространенія эпидемій.

Правительство старалось ослабить общественныя и государственныя послѣдствія эпидемій, но мѣры борьбы съ ними вырабатывались, постепенно, неподволь. Здѣсь не было готовыхъ образцовъ или традицій. Приходилось извлекать указанія изъ настоящаго во имя будущаго, камень за камнемъ сооружать арсеналъ, цѣлесообразность котораго должна была проявиться себя спустя нѣсколько столѣтій ¹⁾.

¹⁾ Приложение № 1.

²⁾ Ковалевскій. Психіатрія X. 1886 г. т. I, стр. 242.

³⁾ Архивъ психіатріи 1885 г. т. VI, № 2.

⁴⁾ ibidem.

¹⁾ Большая часть цитируемыхъ столбцовъ Нижегородскаго и Новгородскаго стола Моск. Архива Мин. Юстиціи начата нами въ XVIII выпускѣ „Вѣстника Археологій и Исторій“, остальные акты входятъ въ четвертый томъ нашихъ матеріаловъ по исторіи медицины въ Россіи.

Обратившись, однако, къ казуистикѣ эпидемій и постараемся подмѣтить въ этой печальной повѣсти народныхъ бѣдъ пріемы народной самозащиты, выработанные здравымъ русскимъ смысломъ. Въ 1128 г. Новгородъ былъ охваченъ голодомъ, который окончился моромъ. Смертность достигла ужасающихъ размѣровъ. Трупы умершихъ валялись по улицамъ, на торговой площади, по дорогамъ, повсюду. И новгородцы *мнози наймаша возы и морт-вины изъ города*¹⁾.

Пролетѣло столѣтіе, и въ 1214 г. въ томъ же Новгородѣ опять наступилъ голодъ и началось повальное заболѣваніе. Новгородцы *попоспѣвали скудельники и наметали полу, по улицамъ трупы, по полу труде, не мѣлаху немъ излѣтити черевъ*²⁾. Очевидно, смертность была такъ велика, что не было возможности похоронить всѣхъ. Тѣмъ не менѣе обозначается новая мѣра: погребеніе въ общихъ могилахъ.

Въ 1230 г. въ Новгородѣ снова повалился эпидемическій смертоносный эпидъ, улицы покрывались трупами, которыхъ безразвѣстно терзали собаки. Архіепископъ Свирскій для погребенія умершихъ *велѣхъ поспѣвать скудельнику, т. е. обшуре, могилу и распорядились пригнати къ ней мужа блага, сирѣчь, именны. Станисла, возити жертвы на пошн*³⁾. Но эти различныя мѣры, одна изъ которыхъ *особаго* лица. И это было современнѣе намъ впередъ, такъ какъ прекосовѣность этихъ лицъ къ погребенію умершихъ способствовала равнору заразы, а съ другой стороны, опасеніе заразы могло быть настолько сильнымъ, что не нашлось бы добровольцевъ для уборанія труповъ, и погребеніе оставались бы не погребенными, что явилось бы дальнѣйшимъ факторомъ усиленія смертности и возрастанія пауповъ. Наирѣзѣть, рассказывая о морѣ въ Псковской землѣ въ 1353 г., летописецъ добавляетъ: *Мнози же послужили хогаше умершимъ и тѣи скоро неспѣльно умираху, тою раба мнози отбѣгающе послужили умершимъ*⁴⁾.

Скудельницы сооружались въ 1341 г. во Псковѣ и Изборскѣ, въ 1364 г. въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ, въ 1389 г. во Псковѣ,

въ 1421 г. въ Новгородѣ, въ 1422 г. во Псковѣ, въ 1478 г. въ Новгородѣ, въ 1558 г. во Псковѣ⁵⁾. Въ упомянутыхъ московскихъ, псковскихъ и новгородскихъ скудельницахъ XIV и XV столѣтій хоронили по 10 человекъ и болѣе. А въ 1230 г. въ Смоленскѣ въ одной скудельницѣ положили 16000 чел., въ другой 7000 чел. и въ третьей 9000 чел. и въ Новгородѣ 3030 человекъ. Во Псковѣ въ 1553 г. въ одну скудельницу опустили 4800 чел. и въ другую 2700 человекъ.

Въ 1352 г. въ Новгородѣ свирѣпствовала черная смерть, много множество безчислено людей добрыхъ помере тогда. Новгородцы просили князю, чтобы онъ *ѣхалъ паравѣе востра во Орблѣ*⁶⁾, т. е. со стороны предполагаемаго движенія заразы⁷⁾. Такимъ образомъ явилось еще одно оригинальное мѣропріятіе въ видѣ зачаточнаго пограничнаго карантинна.

Въ 1351 г. моръ начался во Псковѣ. Но свѣдѣтельству летописца умирали *мужи и жены, старыи и младыи, а отъ гостей и съ дутныхъ людей, бѣеъ мала вси не изомрѣна*, и первое помина мзрети на Петровской улицѣ у Юрѣ у Табулона у свѣтцова, и князь Михайло *пославъ челядъ Петровскую заперати съ обѣе стороны*⁸⁾. Это распоряженіе имъ Михайло можно признать установленіемъ перваго внутреннего карантинна, а единственную мѣру новгородцевъ, первая въ примѣненіи идея о пограничномъ карантинѣ.

Въ послѣдующее время мысль объ издѣніи *запорныхъ* мѣстъ нашла себѣ широкое и постоянное приложеніе къ жизни. Такъ въ 1552 г. въ Новгородѣ по случаю эпидеміи чумы было объявлено псковскимъ купцамъ, чтобы двѣ они *ѣхали вонъ, часа того, изъ Новгорода съ товаромъ съ чимъ-нибудь*. А поймають гости всконитина назавтрѣ въ Новгородъ съ товаромъ съ чимъ-нибудь, ино его выведши за городъ *сжечи съ товаромъ*; а въ Новгородѣ вымутъ во дворѣ Псковитина, ино дворника бити кнутомъ, а Псковитина сжечи. И бѣсть *застава* на

¹⁾ Полн. Собр. Рус. Лит. Новгород. Лит. I, Сиб. 1811 г. т. III, стр. 5.

²⁾ Ibidem, стр. 33.

³⁾ Ibidem, стр. 46.

⁴⁾ Ibidem, Новгород. Лит. IV стр. 61.

⁵⁾ Ibidem, Новгород. II, Сиб. 1811 г. т. III, стр. 129; Псков. I, Сиб. 1818 г. т. IV, стр. 189; Воскрес. Продолж. Сиб. 1859 г. т. VIII, стр. 12; Псков. I стр. 194; Новгород. I, Сиб. 1811 г. т. III, стр. 110; Псков. II, Сиб. 1811 г. т. V, стр. 24; Псков. I, стр. 25; Псков. I, стр. 308.

⁶⁾ Ibidem, стр. 85.

⁷⁾ Полн. Собр. Рус. Лит. Сиб. 1818 г. т. IV Псковск. Лит. I, стр. 294.

псковской дорогѣ, чтобъ гости съ товаромъ не ѣздили во Псковъ, ни изъ Пскова въ Новгородъ¹⁾.

Само собою разумѣется, недостаточно оцѣнить зараженную мѣстность. Для воспрепятствованія распространенію заразы необходимо не допускать выхода хотя бы и здоровыхъ людей за черту оцѣленія. Напримѣръ, въ 1239 г. во Псковѣ вѣдѣстїе эпидеміи „бысть страхъ и трепеть на всѣхъ вѣліи и вси бѣжаша сѣмо и овамо и не вѣрше себе никто же камо бѣжати“²⁾.

Въ 1532 г. подобные выходы еще не были воспрещены. Напримѣръ, во время мора во Псковѣ „начала отъ мѣсяца іюля и до Христова Рождества яко и воеводамъ градскимъ и сановникамъ изъ града, плача ради людского и страха ради смертнаго, вонъ выхати, койже изъ селѣхъ и мѣстѣхъ тайныхъ крыхуся и живяху“³⁾. Но уже въ 1566—67 г. г., когда моровое повѣтріе обильную жатву собрало въ Новгородъ и Псковъ, новгородцы оцѣпили свой великій городъ и прекратили всякія сношенія съ псковичами, „а которые люди побѣжали изъ града и тѣхъ людей близкого амана и жюна“⁴⁾.

Въ эпидемію 1572 г. запрещалось погребеніе въ городѣ, у церкви, такихъ умершихъ, у которыхъ на тѣлѣ оказывалось „знамя смертоносное“. Было приказано подозрительные трупы выносить за городъ „въ деревню Водопіаново за шесть верстъ, по Волгову внизъ“. Кроме того, въ цѣляхъ строжайшей изоляціи „поставили заставу по улицамъ и сторожей въ которой улицѣ челоуѣкъ умереть знаменемъ, и тѣ дворя затирали и съ людьми, и кормили тѣхъ людей улицею, и отъ сѣмъ оубоимъ показавши тѣхъ людей знаменныхъ не велѣли“. Въ случаѣ нарушенія послѣдняго запрещенія „тѣхъ священниковъ велѣли жєнцѣ съ тѣми же людьми съ болыими“⁵⁾.

И такъ строгость взысканія за карантинное нарушеніе не остановилась даже передъ чашей со св. дарами! Приходится только пожалѣть, что не всегда свѣтская власть удерживалась на этой трудной позиціи и, снисходя къ религіозной потребно-

¹⁾ Пол. Соб. Рус. Лѣт. Свѣд. 1841 г. т. III, Новгород. лѣт. II, стр. 155.

²⁾ Патр. СПб. 1772 г. стр. 114.

³⁾ Пол. С. Р. Л. СПб. 1853 г. т. VI, Отрыв. Рус. лѣтов. по повѣрес. новгородс. списку стр. 289.

⁴⁾ П. С. Р. Л. СПб. 1841, т. III, Новгород. лѣт. II, стр. 233.

⁵⁾ ibidem. Новгород. лѣт. II, стр. 169.

сти населенія, нерѣдко отступала. Безпрепятственно позволяла собираться для крестныхъ ходовъ, молебствій и другихъ церковныхъ службъ, что въ большинствѣ случаевъ только способствовало распространенію заразы съ усиленною быстротою.

Въ 1390 г. въ Новгородѣ „бысть моръ... тогда же поставиша церкви... святаго Афанасія во единъ день“¹⁾. Въ 1407 г. во Псковѣ „сѣзлаша церкви во имя св. отца Аозан. въ единъ“ день²⁾. Въ 1417 г. тамъ же „поставиша церкви святую Анастасію въ память ея... церкви свят. Ілію и св. Афанасія... единымъ утромъ“³⁾. Въ 1420 г. въ Псковѣ „въ единъ день поставиша церкви во имя святаго Всемилоствиваго Спаса“⁴⁾. Въ 1424 г. „поставиша церкви Новгородци въ единъ день... святой Спасъ Милостивый“⁵⁾. Въ 1442—43 г. г. псковичи поставили „церковь Похвалу святыхъ Богородицы“⁶⁾. Въ 1466 г. во Псковѣ „поставиша въ единъ день церкви заветную во имя преподобнаго отца Варлама“⁷⁾. Въ 1467 г. по случаю мора во Псковѣ и Новгородѣ новгородцы „поставиша церкви деревяну Святого Семіона Богопримца“⁸⁾. Въ 1487 г. псковичи „поставиша 2 церкви, св. Образа Господа нашего Іисуса Христа да свещ. мученику Анастасію“⁹⁾.

Въ 1507 г. въ Новгородѣ поставили „церковь въ единъ день... на память св. мученика Лукіана прєзвитера, въ имя трєсвятыхъ Владычцы нашея, Богородицы и Приснодѣвы Маріа честныя ея Похвалы“¹⁰⁾. Въ 1521 г. во Псковѣ „поставиша церкви святаго Варлама подлѣ Всемилоствиваго Спаса; и моръ не прєста. И пакѣ поставиша другую церковь Покровъ святѣи Богородицы“¹¹⁾. Въ 1532 г. во Псковѣ „повелѣ князь великій изъ своей казны церкви поставити обиденную... и поставиша церкви св. Гавріила“¹²⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л. Новгород. I, Свѣд. 1841 г. т. III, стр. 95.

²⁾ ibidem. Псковская I, Свѣд. 1851 г. т. V, стр. 20.

³⁾ ibidem, Новгород. I, стр. 107.

⁴⁾ ibidem. Псковская II, стр. 23.

⁵⁾ ibidem, Новгород. IV, Свѣд. 1848 г. т. IV, стр. 120 и Новгород. I, стр. 110.

⁶⁾ ibidem. Псковская I, Свѣд. 1848 г. т. IV, стр. 212.

⁷⁾ ibidem, Псковская II, стр. 35.

⁸⁾ ibidem, Новгород. IV, Свѣд. 1848 г. т. IV, стр. 127.

⁹⁾ ibidem, Псковская I, стр. 267.

¹⁰⁾ П. С. Р. Л. Новгород. V, Свѣд. 1848 г. т. IV, стр. 136.

¹¹⁾ ibidem, Псковская I, стр. 294.

¹²⁾ ibidem, Псковская I, стр. 298.

Въ 1533 г. въ Новгородѣ преосвященный Макарій „повелѣ создати единымъ днемъ церковь деревяну... во имя святаго славнаго апостола и евангелиста Марка, по жребію“¹⁾. Въ 1537 г. въ Новгородѣ была срублена церковь „Похвалы Богородицы въ дѣтинцѣ“²⁾.

При сооружеіи церквей обывденныхъ все населеніе данной мѣстности принимало участіе въ постройкѣ: одни возили дѣся или таскали его на себѣ, а другіе возводили зданіе. Освящалась церковь въ тотъ же день, когда и строилась. На освященіе обыкновенно „стекошася весь градъ“.

Въ случаяхъ менѣе тяжелой заразы населеніе собиралось на молебны. Такъ въ 1417 г. въ Новгородѣ „владыка Семеонъ, съ всею седмью съборовъ и съ христіаны, съ кресты, обходи около всего города, молися Богу и пречистѣй его матери о престанніи гнѣва божіа“³⁾.

Когда мѣстные средства не достигали цѣли, то на помощь привлекались московскія святыни. Тогда изъ Москвы разсылалась вода „со святыхъ мощей“ Напримѣръ, въ 1521 г. святая вода была послана во Псковъ⁴⁾. Въ 1532 г. повторилось тоже⁵⁾. Въ 1592 г. изъ Москвы была послана въ Псковъ вода „съ чудотворныхъ мощей Петра Алексѣя, Іоны и медъ чудотворцевъ Алексѣевъ“⁶⁾.

Въ арсеналѣ мѣропріятій для борьбы съ эпидеміями къ концу XVI в. измѣнились слѣдующія рациональныя средства: тщательное погребеніе умершихъ вдали отъ жилыхъ мѣстъ и питьевыхъ водъ, прекращеніе сообщенія съ зараженными мѣстностями посредствомъ заставъ и костровъ, наконецъ, оцѣпленіе отдѣльныхъ улицъ и домовъ.

Въ семнадцатомъ столѣтіи эти исконныя карантинно-санитарныя приемы достигли еще большей степени совершенства и разнообразія. Въ эпидемію начала XVII ст. Борисъ Годуновъ въ Москвѣ „повелѣ мертвыхъ людей въ убогихъ домахъ погребати и

учреди къ тому людей, кому тѣ трупы збирати“¹⁾. Нѣсколько лѣтъ спустя, по случаю мора въ Смоленскѣ, Годуновъ распорядился „крѣпити заставы и прибавиша ихъ до Брянска, чтобы никто изъ Литвы и въ Литву не ходилъ“²⁾. Эти указы напоминаютъ намъ новгородскій карантинный арсеналъ XIII и XIV столѣтій съ „наймитами“ и пограничными „кострами“.

Въ 1623 г. въ Москвѣ получились извѣстія, что „въ Польшѣ и въ Литвѣ на люди моровое повѣтріе и голодъ великій и литовскіе люди умышлениемъ нарочно хотятъ изъ моровыхъ мѣстъ посылати съ купецкими людьми... въ города всякіе товары и продавати дешевою цѣною“ а поэтому повелѣвалось „по порубежнымъ мѣстамъ по всѣмъ дорогамъ поставити заставы крѣпкія дѣтей боярскихъ добрыхъ, кому мочно вѣрить“³⁾. Такіе указы были посланы въ Путивль, Рыльскъ, Брянскъ, Сѣвскъ, Мценскъ, Козелецкъ, Мосальскъ, Калугу, Вязьму, Ржевъ, Великіе Луки, Торонецъ и Псковъ съ пригородами⁴⁾.

Въ 1626 г. появились слухи о моровомъ повѣтріи на Литовской границѣ и было приказано: „буде въ Литовскихъ городахъ моровое повѣтріе на люди подлинно есть, и вы бъ... отъ литовскаго рубежа по всѣмъ дорогамъ и по примѣтнымъ мѣстамъ заставы поставили крѣпкія, чтобы однолично мимо заставъ въ Торонецъ и въ торопецкія мѣста дорогою и лѣсами изъ за рубежа и изъ моровыхъ мѣстъ никаковъ человѣкъ не проѣхалъ и яинъ не прошелъ и не прокрался никакими обычаи“⁵⁾.

Въ 1628 г. былъ оцѣпленъ Брянскій уѣздъ и 120 человекъ карантинной стражи было поставлено „по заставамъ отъ Серпейскаго и отъ Смоленскаго и отъ Трубчевскаго рубежа“⁶⁾.

Въ 1631 г. въ Коломенскій уѣздъ былъ посланъ указъ „да будетъ гдѣ моровое повѣтріе на люди объявлено, и имъ въ тѣхъ мѣстахъ велѣно заставы поставити околныхъ людей, а въ иныхъ мѣстахъ и засѣки засѣчь, и о томъ заказъ велѣно учинити крѣпкій и беречь велѣно накрѣпко, чтобы изъ повѣтранныхъ мѣстъ

¹⁾ *ibidem*, Софійская, отрыв. рус. лѣт., Сиб. 1853 г. т. VI, стр. 290.

²⁾ *ibidem*, Новгород. III, Сиб. 1841 г. т. стр. 249.

³⁾ Н. С. Р. I. Новгород. III стр. 249.

⁴⁾ *ibidem*, Псковская I, Сиб. 1848 г. т. IV, стр. 295.

⁵⁾ *ibidem*, Софійская II, отрыв. рус. лѣт., Сиб. 1853 г. VI, стр. 289.

⁶⁾ *ibidem*, Псковская I, стр. 345.

¹⁾ Русская лѣтопись по Никонову списку, Сиб. 1730—32 г. VIII, 47.

²⁾ *ibidem*, 59.

³⁾ Архивъ Мин. Восточн. Дѣлъ, столб. столб. № 10 л. 92—99 и № 12, л. 524—527.

⁴⁾ *ibidem*, Московскій столб. столб. № 15 л. 69—85, 88—98.

⁵⁾ *ibidem*, Разряд. кн. № 21 л. 14.

⁶⁾ *ibidem*, Белгородскій столб. столб. № 20.

на здоровыя мѣста никто не ходилъ и не ѣздилъ, такъ же и изъ здоровыхъ мѣстъ въ моровыя мѣста никому ни по что ходить и выѣзжать не велѣно“ ¹⁾).

Въ 1654 г. въ Вяземскомъ, Дорогобужскомъ и Смоленскомъ уѣздахъ люди умирали „скорою смертію“ и „всякимъ животнымъ большой падежъ“ ²⁾. Въ виду этого были задержаны войска, предназначенныя къ отправкѣ въ неблагополучныя мѣстности. Въ 1636 г. по случаю морового повѣтрія въ Крыму крымскіе гонцы были подвергнуты изоляціи въ Ливнахъ и Осколѣ ³⁾. Въ 1640 г. были сооружены заставы по Брянской дорогѣ. На заставахъ жили дѣти боярскіе, „перемѣняясь по двѣ недѣли“ ⁴⁾. Въ 1643 г. вслѣдствіе эпидеміи „пострѣла“ послѣдовало распоряженіе „и всякихъ чиновъ людей, помѣстныхъ и вотчинныхъ селъ и деревень крестьянъ съ пяти дворовъ по человѣку съ рогатины и съ топоры и съ заступы и. отъ Вязмы большія дороги, и проселочныя, и малыя стежки, и заѣзжыя лѣсомъ и всякими крѣпостями укрѣпить, и на заставахъ, и на заѣзжахъ, и на сторожахъ въ день и ночь огни класть безпрерывно и беречь того накрѣпко, чтобъ изъ Вязмы и Вяземскаго уѣзда въ Калугу и Калужскій уѣздъ и въ иные не въ которые города... никто не проѣхалъ и не прошелъ“ ⁵⁾. При этомъ была объявлена *смертная казнь* всѣмъ, насильно прорвавшимся черезъ заставы, а также и тѣмъ, которые пропустили бы черезъ карантинную линію „по дружбѣ или за взятку“.

Чумные 1654—1656 г. г. заставили московское правитель-ство проводить въ борьбѣ съ эпидеміей самую строгую изоляцію. Въ это время царь Алексѣй Михайловичъ былъ занятъ польскою войною и находился съ войскомъ подъ Смоленскомъ, а семья царская оставалась въ Москвѣ. Первою заботою было спасеніе государя и войска. Съ этой цѣлью состоялось распоряженіе: „...на Можайской дорогѣ и по инымъ, которыми ѣздить съ Москвы подъ Смоленскъ, *чтобы съ Москвы подѣ Смоленскъ не ѣздили*, да по дорогамъ же, на Троицкой, на

Володимирекой и на иныхъ, которые всякихъ чиновъ люди поѣдутъ подъ Смоленскъ, *чтобы ѣздили не займѣя Москву*“ ¹⁾).

Когда военныя силы были обезпечены въ смыслѣ полного отдѣленія отъ зачумленной Москвы, послѣдовали мѣропріятія для изоляціи московскаго царскаго дворца. Было приказано „въ государевыхъ мастерскихъ палатахъ и на Казенномъ дворѣ, гдѣ государево платье, *двери и окна.. замазать, чтобы въ тѣ мѣста вътеръ не проходилъ, а на дворѣ проѣзжіе ворота и двери... замкнуть*... а въ которыхъ дворѣхъ учинилось на Москвѣ моровое повѣтріе и изъ тѣхъ бы дворовъ доставлять людей выпускать не велѣно и велѣно тѣ двора заваливать и приставить къ тѣмъ дворамъ сторожи *крестьяне*, чтобъ изъ тѣхъ дворовъ отнюдь никто не выходилъ, и съ Москвы по деревнямъ и въ города ихъ не отпущать“.

Нельзя обойти молчаніемъ, что карантинныя строгости были поставлены въ очень разумныя границы. Заваливались только зачумленные дворы, но не весь городъ, такъ что жители вполнѣ здоровыхъ домовъ и улицъ не лишались нѣкоторой свободы передвиженія и о нихъ особо наказывалось: „тѣмъ бы людямъ съ Москвы ѣздить не запрещати“ ²⁾. Однако вполнѣ свободное, совершенно безпрепятственное сообщеніе Москвы съ окрестностями могло способствовать распространенію заразы въ уѣздѣ, въ виду чего 26 августа ставятся стрѣльни „на болшой Стрѣмянской дорогѣ, подѣ деревнею Хранковыми“ и имъ наказывается *ликарство, чтобы Стрѣмянскаго дорожнаго съ Москвы въ Переславской и Суздальской и въ Юрьевской дѣлѣ, отнюдь ника-кихъ людей не пропускати*... ³⁾. На слѣдующій день было указано относительно дороги „отъ Москвы на Богородну и въ Государевы помѣстные города, *завалить все заставы, и на тѣхъ дорогахъ поставити заставы крестьяне*“ ⁴⁾.

Въ концѣ іюля 1654 г. воеводѣ Ивану Федоровичу Еропкину повелѣвалось „уничить отъ Москвы по Можайской, и по Вяземской, и по Волоцкой, и по Боровекой дорогѣ, и по инымъ по всѣмъ дорогамъ, которыя къ Смоленску, такъ же и межъ до

¹⁾ *ibidem*, Владимирскія столб., столб. № 43, л. 1—15.

²⁾ *ibidem*, Бѣлгородъ столб., столб. № 48.

³⁾ *ibidem*, Бѣлгр. столб., столб. № 97.

⁴⁾ *ibidem*, Бѣлгр. столб., столб. № 130.

⁵⁾ *ibidem*, Бѣлгор. столб., столб. № 192.

¹⁾ Дополн. къ арх. историч. Сиб. 1718 г. т. III, X 413, II, стр. 443.

²⁾ *ibidem*, т. III, № 119, III, стр. 441.

³⁾ *ibidem*, т. III, № 119, IV, стр. 445.

⁴⁾ *ibidem*, т. III, № 119, V, стр. 445.

рогъ по проселочнымъ дорогамъ заставы крѣпкія и стеречи того накрѣпко, чтобъ никто никакоемъ челоуѣкъ черезъ заставу днемъ и ночью украдомъ и не являсь не прошелъ и не проѣхалъ.“¹⁾

Въ началѣ августа въ Москвѣ получилось извѣстіе, что „въ Царевѣ Займицѣ учинилось на люди моровое „повѣтріе съ язвами“, а поэтому предписывалось въ случаѣ подтвержденія извѣстія „по Вяземской дорогѣ отъ Царева Займища въ ближнемъ мѣстѣ и межъ большихъ дорогъ по проселочнымъ дорогамъ и по малымъ стежкамъ, гдѣ пригоже, поставить заставы крѣпкія... а въ Вяземѣ городѣ, и на посадѣ, и въ слободахъ, и въ Вяземскомъ уѣздѣ.. у которыхъ людей объявятся язвы, и они бѣ тѣ язвы указывали *булатными шилами* и прикладывали изюмными ягодами, а для того велѣли бѣ вяземскимъ кузнецамъ сковать булатныхъ шилъ сколько доведется“²⁾.

Въ слѣдующемъ году московское правительство еще болѣе усилило бдительность медицинской полиціи. Такъ 7 сентября царь указалъ, чтобы всѣ донесенія о московскихъ дѣлахъ присылались къ нему въ копіяхъ, „а подлинныхъ отписокъ подъ Смоленскъ посылать не велѣли“³⁾. Со стана на рѣкѣ Нерлѣ царское семейство отправилось 8 сентября въ Калязинъ монастырь, но вдругъ получилось извѣстіе, что черезъ дорогу въ монастырь провезено тѣло думной дворянки Гаврениной, умершей, вѣроятно, отъ заразной болѣзни. Извѣстіе это произвело переполохъ, послѣдовалъ тотчасъ же указъ: „въ которомъ мѣстѣ черезъ большую дорогу тѣло Ивановой жены Гавренина перевезли, и съскавъ допряма, на томъ мѣстѣ, на дорогѣ и по обѣмъ сторонамъ дороги, саженъ по десяти и болши, *накласть дрова и выжечь то мѣсто гораздо и уломъ съ тое дороги и пенелъ съ землею велѣтъ свезть, а на то мѣсто насыпать новыя земли; а въ ширину выжигать та дорога на сторону саженъ по десяти и болши, а землю, которою засыпать, имать издали, а не близко тое дороги“⁴⁾.*

Заставы крѣпкія были поставлены повсюду: и въ Новгородѣ, и въ Псковѣ, и въ Калугѣ, и въ Ярославлѣ. Такимъ образомъ вся Москва оказалась въ заповѣдномъ кругу. Что касается мерт-

выхъ, то они погребались „*во всемъ платьѣ, въ чемъ и на чемъ умерли*“¹⁾. Самое погребеніе происходило „*аскоръ, чтобъ отъ тоего моровое повѣтріе не множилось*“²⁾. Заморные дворы обламывались, а гдѣ не было воды „къ тѣмъ дворамъ сторожамъ приносятъ воду и даютъ черезъ ворота“³⁾. Обламывались, засѣкались кругомъ цѣлыя деревни и села, чтобы „изъ тѣхъ заморныхъ селъ и изъ деревень съ крестьяны и всякіе живущіе люди здоровыхъ селъ и деревень съ крестьяны-жъ и со всякими житецкими людьми не сходились никоторыми дѣлами“. Всѣхъ гонцовъ и всякихъ служилыхъ людей, выѣзжавшихъ въ различныя мѣста по казеннымъ надобностямъ, подвергали строгому карантину: „и какъ учнутъ проѣзжать, и тѣхъ ячшиновъ *всѣмъ держать за заставами недѣлю по двѣ, по три, а великъ срокъ имъ за заставою неближо*“⁴⁾. Въ томъ же году, 22 сентября были объявлены особые правила для сношеній съ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ и всѣмъ царскимъ семействомъ.

Московская администрація карантинныя строгости довела до такой степени, что подѣ полицейскій надзоръ поставила отдѣльные дома и полицейскія функціи возложила даже на домохозяевъ. Въ 1654 г. населенію Устюга и уѣзда предписывалось не держать у себя выходцевъ изъ Москвы „а будетъ кто кого учнетъ къ себѣ пускать и держать у себя тайно, а послѣ про то сыщется, и тѣмъ людямъ быть за то въ смертной казни безо всякія пощадъ“⁵⁾. Въ томъ же году въ намити Тихвинскаго монастыря архимандрита Іосифа жителямъ Тихвинскаго посада о недовольствіи пристава на подворьяхъ пріѣзжимъ и приходящимъ читаемъ слѣдующее: „а буде кто станетъ къ себѣ пріѣзжихъ или прихожихъ какихъ людей на подворье пускать или у себя тавъ, или на посадѣ приставать которыми дѣла дадутъ, и имъ за то быти отъ государя въ смертной казни“⁶⁾.

Спустя два года правительство пошло еще дальше. Въ 1656 г. издается указъ, чтобы „въ Кремлѣ городѣ и въ Китаѣ, и въ Бѣломѣ, и въ Земляномѣ, и за городомъ, во всѣхъ слободахъ, подѣ смертною казнью, которые люди пріѣдутъ или явля-

¹⁾ Приложение № 15 стр. XLIV.

²⁾ *ibidem*, № 14, стр. XLIII.

³⁾ Дополн. къ акт. ист. № 119, VI и VII, стр. 447.

⁴⁾ *ibidem*, № 119, IX, стр. 448 и 466.

¹⁾ *ibidem* № 119, XXI и XXXVI, стр. 454, 466.

²⁾ *ibidem* № 119, XVI, стр. 451 и 452.

³⁾ Дополненіе къ акт. истор. т. III № 119 стр. 466.

⁴⁾ Акт. Оксфорд. 1836 г. т. IV, № 77, стр. 113.

придутъ къ Москвѣ изъ Понизовыхъ и изъ иныхъ городовъ, въ которыхъ городѣхъ учинилось моровое повѣтріе, и тѣхъ бы людей—отцы дѣтей, и дѣти отцовъ, и братья братьи и всякаго плеени, и помѣщики и вотчинники людей своихъ и крестьянъ на дворы свои отнюдь не пушали.. и тотчасъ про тѣхъ прѣзжихъ и прихожихъ людей сказывать боярину кн. Григорію Семеновичу Куракину съ товарищи“¹⁾.

Возможность надзора за передвиженіемъ населенія изъ заморныхъ мѣстъ и обратно, по прежнему, обезпечивалась оборудованіемъ заставъ или засѣкъ, которыя охватывали узкимъ кольцомъ мѣстность, намѣченную къ изоляціи. Такъ, въ 1655 г. было сдѣлано распоряженіе „поставить сторожи крѣпкія по всей Яблоновской чертѣ, чтобъ черезъ заставы и мимо заставъ съ Дону и изъ Астрахани и изъ Чернаго Яру и изъ иныхъ понизовыхъ городовъ изъ моровыхъ мѣстъ... къ Государю къ Москвѣ и ни въ которые государевы украинные города въ здоровыя мѣста никто не проѣхалъ и не прошелъ“²⁾.

Въ 1655 г. „въ Козловѣ и въ Козловскомъ уѣздѣ, въ селахъ, и въ деревняхъ, и на большихъ на проѣзжихъ дорогахъ и на малыхъ стежкахъ“ были поставлены заставы. Головамъ и служилымъ людямъ, приставленнымъ къ заставамъ наказывалось слѣдить, чтобы изъ Козлова „не отѣзжали и никуды не сходились также“, а съ другой стороны, чтобы „и въ Козловѣ и въ Козловскій уѣздъ... никого... не пропущали и никакія рухляди у нихъ у проѣзжихъ людей не принимали“³⁾.

Когда же въ 1656 г. началась эпидемія въ самой Москвѣ, то были приняты царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ самыя строгія мѣры къ оцѣпленію столицы и окрестностей. Указомъ 23 августа онъ распорядился, чтобы „въ Клину и изъ Клина на обѣ стороны учинить заставы, и въ Володимирѣ и въ Суздальскомъ, и въ Нижегородскомъ и въ Арзамаскомъ уѣздахъ объявилось моровое повѣтріе, и чтобы съ Москвы и изъ иныхъ мѣстъ, гдѣ моровое повѣтріе объявилось, въ Тверской уѣздъ и въ Тверь и въ Новгородъ и во Псковъ и въ новгородскіе и во псковскіе пригороды никто не проѣхалъ и не прошелъ“. Вяземскому воеводѣ

было приказано 3 сентября „отъ Вязмы съ Московскую и Дорогобужскую сторону на большихъ и на проселочныхъ дорогахъ и на малыхъ стежкахъ учинить заставы крѣпкія“, черезъ которыя должны были подъ страхомъ смертной казни никого не пропускать „съ Москвы и изъ Можайска въ Дорогобужъ и къ Смоленску“. Въ тотъ же день Дорогобужскому воеводѣ было приказано поставить заставы „отъ Дорогобужа въ Московскую и въ Смоленскую сторону“ и можайскому воеводѣ—„отъ Можайска въ Московскую и въ Вяземскую сторону и во всемъ Можайскомъ уѣздѣ“. По указу 2 сентября были прекращены всякіе отпуски людей „съ Москвы въ Можайскъ и въ Вязму и въ Дорогобужъ и въ Смоленскъ“⁴⁾. По указу 27 октября того же года было предписано обещать Донкомъ и Донковскій уѣздъ, чтобы не занести туда заразы, появившейся въ Москвѣ, въ Казани, въ Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Суздальскомъ и Владимирскомъ уѣздахъ⁵⁾. Достаточно было двухъ случаевъ „скорой смерти съ язвою“ въ двухъ деревняхъ Рославльскаго уѣзда, чтобы по указу 27 июня 1656 г. былъ обещанъ цѣлый уѣздъ⁶⁾.

Въ 1657 г. послѣдовалъ указъ „отъ Вильны по Воложской, и по Борисовской, и по Меньской дорогамъ, и отъ Ковны и отъ Гродно, и отъ польскихъ городовъ поставить заставы, и засѣкъ... засѣки и... учинить караулы крѣпкіе“⁷⁾. Кроме того, было указано „изъ моровыхъ мѣстъ отъ морового повѣтрія беречь всякими обычай по прежнему г. указу, чтобъ изъ повѣтренныхъ мѣстъ ничего не покупали и даромъ не имали“. Въ томъ же году воевода Иванъ Пронскій для извѣсту положившихъ буржистровъ и мѣщанъ“ распорядился „на Друѣ и на Диснѣ поставить заставы, чтобъ изъ Риги морового повѣтрія въ Полоцкѣ не нанести“⁸⁾. Въ 1657 г. заставы ставились на линіи Тушина и отъ Юрьева Ливонскаго⁹⁾.

Въ 1658 г. доносилъ воевода Богданъ Абрѣлевъ, что „въ Гродненскомъ повѣтѣ въ мѣстечкѣ въ Минскомъ объявилось на люди моровое повѣтріе за Нѣманомъ рѣкою отъ Гродни за 20

¹⁾ Полн. Соб. Зак. т. I, № 184, стр. 392.

²⁾ А. М. Ю. Бѣлор. ст. столб. № 282.

³⁾ Наши матер. т. II, стр. 294.

⁴⁾ А. М. Ю. Бѣлор. ст. столб. № 316.

⁵⁾ Ibidem, Бѣлорудскій ст. столб. № 389.

⁶⁾ Ibidem, Новгород. ст. столб. № 122.

⁷⁾ Арх. М. Юст. Моск. ст. столб. № 272 л. 107—110, 432—434.

⁸⁾ Арх. Мин. Юст. Моск. ст. столб. № 279 л. 29—30.

⁹⁾ А. М. Ю. Бѣлор. ст. столб. № 165.

версты, и онъ Богданъ велѣлъ собрать всѣ перевозки и за рѣку перевозить никого не велѣлъ, и около Гродни и въ повѣтъ отъ моровыхъ мѣстъ, по большимъ дорогамъ и отъ Варшавы велѣлъ поставить заставы, потому что въ Варшавѣ объявилось на люди моровое повѣтріе¹⁾.

По указу 18 іюня 1663 г. было приказано „по всѣмъ причиннымъ мѣстамъ, въ которыхъ мѣстахъ пригоже, съ Дону заставы крѣпкія поставить“²⁾. Въ 1664 г. заставы были „и въ Путивлѣ и въ Рыльскѣ, по всѣхъ дорогамъ и по малымъ стежкамъ“³⁾. По указу 11 окт. 1668 г. было приказано „людей съ Дону не пропускать и съ ними не сѣзжаться и ничего у нихъ не покупать и даромъ не имать некоторыми мѣры“⁴⁾.

Въ 1677 г. повелѣвалось „подъ жестокимъ страхомъ къ наказанію“ поставить заставы отъ литовской стороны, потому что прошелъ слухъ, что „въ Пользѣ, въ городѣ Варшавѣ объявилась моровая язва, и для того всѣ сенаторы, и кунцы, и жители изъ того города выѣхали; а въ перубежныхъ ихъ городахъ люди мало не всѣ вымерли“. Заставнымъ людямъ наказывалось наблюдать, чтобы ни въ ту, ни въ другую сторону отъ заставы никто не проѣхалъ и пѣшъ не прошелъ, и не прокрался, и въ моровыхъ бы мѣстахъ никто ни у кого ничего не покупать, и даромъ не имать“. Въ случаѣ подтвержденія слуховъ повелѣвалось никого къ рубежу не допускать и обратно отсылать „и переѣзчиковъ, и выходцевъ, и полонниковъ и купецкихъ людей“⁵⁾. Въ 1678 г. повелѣвалось „поставить заставы отъ Литовскаго рубежа, въ которыхъ мѣстахъ пристойно“⁶⁾.

Въ 1679 г. 7 января стало извѣстно, что въ Сѣвскомъ уѣздѣ въ Комарицкой волости, въ 30 верстахъ отъ Сѣвска, въ селѣ Красномъ Клину умерло 27 мужчинъ и 2 женщины и „изъ тѣхъ де умершихъ людей на дву человѣкахъ подлѣ шекаши были язвы, а лежали тѣ больные дни по три, и по четыре, и по недѣли“. Немедленно последовалъ указъ „около того села деревни заѣхъ, заставы крѣпкія поставить, чтобы изъ того села никаковъ че-

¹⁾ *ibidem*, Московскій ст. слѣб. № 301.

²⁾ *ibidem*, Бѣлгород. ст. слѣб. № 524.

³⁾ *ibidem*, Бѣлгород. ст. слѣб. № 547.

⁴⁾ *ibidem*, Новгород. ст. слѣб. № 613.

⁵⁾ Наши матер. т. II стр. 251.

⁶⁾ А. Н. Ю. Бѣлгород. ст. слѣб. № 508.

ловѣкъ мужеска и женска полу въ иные села и въ деревни не ѣздили и не ходили некоторыми дѣлами, и чтобы изъ околныхъ городовъ, и селъ, и деревень никакіе люди въ то село не ѣздили и пѣши не ходили, и ночью не прокрались, и изъ того села животныхъ запасовъ покупать и даромъ имать ничего не велѣтъ, и съ людьми не сходитьсѣ, и къ заставѣ тѣхъ людей не пропускать ни съ которыми дѣлами“¹⁾.

Въ 1681 г. въслѣдствіе извѣстій, что „въ Краковѣ паки моровое повѣтріе начинается“ было приказано „для спасенія отъ морового повѣтрія въ Кіевѣ и въ иныхъ малороссійскихъ городахъ, на причинныхъ мѣстахъ отъ литовскаго рубежа, провѣдавъ подлинно, *указать заставы*“²⁾. Въ половинѣ января того же года было „велѣно въ Сѣвскѣ и въ уѣздѣ отъ литовскаго рубежа, отъ морового повѣтрія *поставить заставы* въ которыхъ мѣстахъ пристойно“. Въ сентябрѣ отъ гетмана Ивана Самойловича послѣдовалъ указъ „изъ Запорожья и изъ волошеской земли купецкихъ людей на сю сторону Днѣпра въ города перепускать“ не велѣтъ въслѣдствіе слуховъ о моровомъ повѣтріи „въ турецкомъ городѣ Казыкермени“³⁾.

Въ связи съ этимъ воевода Кирило Хлоповъ писалъ къ ахтырскому воеводѣ, чтобы онъ воевода „мѣщанъ около хуторъ и слободъ ахтырскихъ, а полковникъ бы своего ахтырскаго полку казакъ *добрыхъ и правдивыхъ и заобычныхъ и разумныхъ* людей послать бы на заставы въ самые въ краинные своего полку въ города, которые сѣшлись съ малороссійскими землями и близки къ крымскимъ дорогамъ“. Заставные люди должны были разспрашивать проѣзжихъ, не извѣли ли они какого либо сообщенія съ заморными людьми и мѣстами. Относительно всѣхъ прикосновенныхъ къ заморной полостѣ воевода послать приказъ „и такихъ людей отнюдь черезъ заставы въ Ахтырской и въ Бѣлгородъ и въ иные государевы города въ бѣлгородскую черту, и во всѣ украинные, и въ черкасскіе города пропускать не велѣтъ ни съ какими дѣлами, и велѣтъ тѣхъ приѣзжихъ людей отсылать назадъ, кто откуда приѣхалъ“⁴⁾.

¹⁾ Наши матер. т. II, стр. 257.

²⁾ *ibidem*, стр. 260.

³⁾ *ibidem*, стр. 263—264.

⁴⁾ *ibidem*, стр. 269—270.

Въ 1690 г. были поставлены заставы на Самарѣ велѣдствіе морового повѣтрія въ Новобогородицкѣ, около Хотмышка, Курска и другихъ мѣстъ ¹⁾. Въ 1693 г. велѣдствіе морового повѣтрія въ Астрахани и на Дону было указано, чтобы „учинили заставы во всѣхъ казачьихъ городкахъ“ ²⁾, а также было приказано „изъ Астрахани, изъ Терска, изъ Чернаго Яру отнюдь никого къ Москвѣ и въ верховые города пропускать невелѣно и въ пристойныхъ мѣстахъ велѣно поставить заставы крѣпкія, чтобы никто изъ тамошнихъ мѣстъ къ Москвѣ и въ верховые города не прошелъ“ ³⁾.

Въ 1706 г. „велѣно въ Переяславѣ отъ моровой язвы имѣть осторожность великую и по дорогамъ и перевозамъ ставить заставы и караулы крѣпкіе во многихъ мѣстахъ“ ⁴⁾.

Въ 1710 г. ростовскому воеводѣ наказывалось „быть во всякомъ оберегателствѣ въ Ростовѣ и въ Ростовскомъ уѣздѣ и велѣно поставить по многимъ дорогамъ заставы, чтобы изъ украинскихъ городовъ никого не пропускать и одерживать, а паче черкасъ имѣть опасеніе“ ⁵⁾.

Заставы ставились при *первомъ слухѣ* о появленіи заразы. Такъ грамотою отъ 22 февраля 1657 г. верхотурскому воеводѣ Хитрову предписывалось *въ слухѣ появленія слуха* о заразѣ „въ заморныхъ мѣстахъ засѣчь лѣсомъ и около тѣхъ засѣкъ по дорогамъ и малымъ степкамъ и по причиннымъ мѣстамъ учинить заставы крѣпкія... чтобы никто подь смертною казною ни изъ мѣстъ заморныхъ въ здоровыя, ни обратно, ни прошелъ, ни проѣхалъ и ничего не вывезъ и не ввезъ“. Къ заставамъ повелѣвалось приставить дѣтей боярскихъ добрыхъ „кему вѣрить можно“, а съ ними служилыхъ людей „несколько человѣкъ пригоже“ ⁶⁾.

Московское правительство имѣло неослабный надзоръ за всякимъ случаемъ появленія заразной болѣзни какъ внутри государства, такъ и за рубежомъ. Съ этою цѣлью оно неустанно производило разслѣдованія по поводу каждаго извѣстія о моровой болѣзни. Такъ въ 1623 г. въ Путивль былъ посланъ указъ: „въ-

домо намъ учинилось, что нынѣ въ Польшѣ и въ Литвѣ на люди моровое повѣтріе и голодъ великій... а которые выѣзжіе литовскіе люди или полоняники учнутъ изъ Литвы выходить на заставы, и вы бъ тѣхъ выѣзжихъ и полоняниковъ про моровое повѣтріе и про всякія вѣсти велѣли *распранивати* накрѣпко... а сами мимо ихъ сыскивали и распранивали подлинно, не изъ повѣтренныхъ ли городовъ идутъ“ ¹⁾. Такая же грамота была тогда же послана Мосальскому воеводѣ ²⁾.

Въ маѣ 1625 г. повелѣвалось „у выходцевъ и у полоняниковъ и у лазутчиковъ и у торговыхъ людей провѣдывать и распранивать ихъ накрѣпко, въ Польшѣ и въ Литвѣ нынѣ на люди моровое повѣтріе есть-ли... и въ которомъ городѣ... и сколь давно учинилось и какимъ знаменемъ мрутъ“. Въ 1626 г. отъ пришлаго лазутчика Иванки Щеки узнали, что въ Кіевѣ моровое повѣтріе, поэтому воеводѣ было приказано: „и вы бъ тотчасъ послали въ порубежные города, гдѣ пригоже, лазутчиковъ и велѣли имъ въ порубежныхъ городахъ про моровое повѣтріе провѣдати подлинно, въ Кіевѣ и въ иныхъ литовскихъ городахъ моровое повѣтріе есть-ли и сколь давно моровое повѣтріе почало быть“ ³⁾.

Въ 1631 г. служилые люди были „въ Путивльскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Псѣѣ, и наѣхали де они на т. г. земли у Новаго Городища литовскаго челоуѣка—рыбу ловить, и они де его изымали и *распранивали* про вѣсти, и тотъ де литвинъ сказася изъ Миргородка... а близко де Миргородка вымерло 2 слободы“ ⁴⁾.

Въ 1653 г. Брянскому воеводѣ Григорію Долгорукому опрошенные люди сообщили, что „въ Сосницѣ де г. городѣ, на рѣкѣ на Деснѣ паромы всѣ затоплены въ воду для того, что въ Кіевѣ де г. гнѣвомъ Божіемъ на люди моровое повѣтріе большое, и митрополитъ де кіевскій изъ Кіева выѣхалъ и поѣхалъ было къ Нѣжину городу, и въ Нѣжинѣ де его не пустили“ ⁵⁾. Въ 1657 г. было приказано „въ Менскомъ уѣздѣ... *распранивати* польскихъ и литовскихъ людей про моровое повѣтріе“, а также „изъ Борисова послать нарочно наскоро въ Менскъ и въ Вильну и

¹⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. ст. столб. № 1897.

²⁾ *ibidem*. Москов. ст. столб. № 967, л. 207—217.

³⁾ *ibidem*. Москов. ст. столб. № 709 л. 401.

⁴⁾ *ibidem*. Разр. вѣд. № 39 л. 17.

⁵⁾ *ibidem*. Разр. вѣд. № 54 л. 17, л. 294—296.

⁶⁾ Акты истор. г. IV № 105.

¹⁾ А. М. Ю. Москов. ст. столб. № 15 л. 69—85, 88—98.

²⁾ А. М. Ю. Прикази. ст. столб. № 12 л. 524—527.

³⁾ А. М. Ю. Разр. вѣд. № 21, л. 14.

⁴⁾ *ibidem*. Прикази. ст. столб. № 42.

⁵⁾ *ibidem*. Прикази. ст. столб. № 203.

въ нѣмъ.. въ литовскіе города провѣдывать про моровое повѣтріе всякими способами накрѣпко“¹⁾.

По полученіи въ 1673 г. извѣстій, что „въ Запорогахъ, въ Сѣчи, и въ Кишиневѣ, и въ Переволочнѣ на люди моровое повѣтріе“, было приказано „воеводамъ и приказнымъ людямъ съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ они *противъдали* о томъ подлинно и изъ запорожскихъ и изъ всѣхъ городовъ никакихъ проѣзжихъ и торговыхъ людей ни съ чѣмъ *до подлиннаго вѣдома* пропускать не велѣли, и отсылали ихъ назадъ, кто откуда пріѣдетъ. И о томъ во всѣхъ украинныхъ городахъ учинили заказъ *подъ смертною казною*, и по дорогамъ въ причинныхъ мѣстахъ *поставили заставы*, и велѣли отъ заставы до заставы разѣзжать и смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобъ изъ тамошнихъ мѣстъ никто не проѣхалъ и ночью лѣсами и болотами пѣши не прошли“²⁾.

Распросы производились по всѣмъ границамъ государства и въ Торопцѣ, и въ Друѣ, и Полоцкѣ, и Витебскѣ, и Валуйкѣ, и со стороны Астрахани и т. д.³⁾. Распросы велись черезъ огонь, а у Роменской заставы 16 ноября 1665 г. было предписано выйти изъ города „къ рѣкѣ Сулѣ на берегъ и не сходясь.. черезъ рѣку Сулу“ произвести опросъ развѣдчиковъ⁴⁾. Внутри государства на заставахъ спрашивали: „откуда, кто и куда ѣдетъ.. а безъ проѣзжихъ грамотъ и безъ намятки за дѣячими принесли“ не пропускали.

Съ прибывавшими къ заставамъ переговаривались „не сходясь“, „черезъ огонь“, „издалека“. Обыкновенно наказывалось „разспрашивать накрѣпко... *подъ жестокимъ страхомъ*“. Допрашиваемые предупреждались: „и если они пріѣхавъ изъ моровыхъ мѣстъ про то утаятъ, а послѣ про то будетъ вѣдомо, и имъ за то... *быти въ смертной казни безо всякаго пощады*“⁵⁾. Пріѣхавшіе изъ заморныхъ мѣстъ отсылались обратно. Въ этомъ случаѣ исключенія ни для кого не допускалось. Отмѣтнымъ характерный инцидентъ. Въ 1681 г. гетманъ Иванъ Самойловичъ отправилъ въ Москву „посланца своего прилуцкаго полку писаря Семена

¹⁾ Ibidem. Москов. ст. столб. № 272.

²⁾ Наши матеріалы т. II, стр. 244.

³⁾ А. М. Ю. Новгород. ст. столб. №№ 7, 109, 118, 122, 165, 335, 622, 613 и т. д. Новгород. ст. столб. №№ 524, 547, etc.

⁴⁾ Ibidem. Новгород. ст. столб. № 535.

Ракова съ товарищи“. Посланцу было указано „въ дорогѣ поворотить къ гетману“ въ виду, того что онъ проходилъ заморными мѣстами. Но въ то время московское правительство еще заигрывало съ Малороссіей и по указу Феодора Алексѣевича воевода въ Сѣвскѣ долженъ былъ разяснить посланцу, что „онъ поворочень съ дороги и до Москвы не допущень для того, что онъ съ посланники нашими съ стольникомъ и полковникомъ съ Васильемъ Тяпкинымъ и съ дьякомъ съ Никитою Зотовымъ былъ въ Крыму и было при нихъ въ Крыму на люди моровое повѣтріе, и нашихъ в. г. людей померло язвою 12 человекъ, и за тѣмъ повѣтріемъ тѣ наши в. г. посланники и крымскіе послы въ *дорогѣ удержаны и до Москвы не допущены жъ, потому что отъ морового повѣтрія во всѣхъ государствахъ имѣютъ великое опасеніе, и онъ бы, посланецъ, себя того во оскорбленіе не ставилъ и къ гетману къ Ивану Самойловичу ѣхалъ безо всякаго сомнѣнія*“¹⁾. Вотъ какъ тонко въ то время понимали этикетъ въ отношеніи посланцевъ!

Въ 1693 г. тоже почти повторилось. Былъ моръ въ Астрахани. И вотъ, по указу государей, была послана грамота „на Донъ къ атаманамъ и къ казакамъ, къ войсковому атаману ко Фролу Минаеву и всему войску донскому, чтобы и они отъ того морового повѣтрія имѣли великую осторожность.. и зимою бы станицы своей къ Москвѣ не отпускали, а ихъ в. г. жалованье на нынѣшній.. 201 г. за ихъ службы... съ Москвы денегъ 5000 рублей, 430 половинокъ суконъ амбурскихъ, 230 пуд. пороху ручного и пушечного, 115 пуд. свинцу да съ Воронежа хлѣбныхъ запасовъ 6500 четв. муки ржаной, 500 ведеръ вина... къ нимъ на Донъ прислано будетъ.. съ подъячимъ нынѣшнимъ зимнимъ путемъ сполна, а *во оскорбленіе бѣ тою они донскіе казаки себя не ставили и были бѣ на ихъ государскую милость во всемъ надежны*“²⁾.

Какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, московское правительство устанавливало заставы не только въ случаяхъ дѣйствительной эпидеміи, но и при *всякомъ* слухѣ о ней впродъ „до подлинной вѣдомости, буде то моровое повѣтріе престанетъ или распространится“. Поэтому заставная служба требовала большого

¹⁾ Наши мат. т. II, стр. 262—263.

²⁾ А. М. Ю. Москов. ст. столб. № 967.

числа людей. Напримѣръ, въ 1631 г. воевода доносилъ: „а толѣ ко г. сколо села Ундала и около тѣхъ деревень засѣка засѣкать и заставы поставить крѣпкія иво надобе на засѣку и на заставу околныхъ людей съ 300 чел, потому что отъ дер. Жоховы до села Ундала, да дер. Петрушины, да дер. Хрѣновы 12 верстѣ, а промежъ тѣхъ деревень прошли дороги многія“¹⁾.

Обычно на заставы посылался одинъ человѣкъ изъ 5 душъ населенія. О густотѣ размѣщенія заставныхъ людей можно судить потому, что въ 1643 г. на Пехорской заставѣ были поставлены „на веретѣ и на дву верстахъ по стрѣльцу да по 2 челов. уѣздныхъ людей, а на трехъ и на четырехъ верстахъ по стрѣльцу жъ да по 3 ч. уѣздныхъ людей“²⁾.

Въ 1643 г. людямъ останковской слободы было указано „стоять на ржевской заставѣ отъ вяземскаго рубежа... а тотъ вяземскій и ржевскій рубежъ отъ той останковской слободы удалѣти верстѣ съ полторасто и больше“. Останковцы „безотступно“ были челомъ, указывая „что вѣтъ у нихъ ни по одному бобылю, а работаютъ сами своими руками, и что выѣзано у нихъ хлѣба, и то де обрядить некому“³⁾. Но просьба ихъ не была уважена. Избранные отъ населенія стояли на заставахъ вмѣстѣ съ стрѣльцами. Иногда послѣдніе несли заставную службу одни. Во всякомъ случаѣ ихъ положеніе было также очень тягостное. Характерно въ этомъ отношеніи донесеніе воеводы писавшаго въ 1690 г.: „и стрѣльцамъ отъ перемѣнныхъ карауловъ тягость великая и многіе отъ перазуванія ноги погнуили“⁴⁾.

Изъ засѣчныхъ мѣстностей здоровое населеніе старалось выѣзжать въ мѣста болѣе благополучныя. Въ 1654 г. Виленскій воевода доносилъ, что „многіе мѣшане, видя сей гнѣвъ Божій, почали разѣзжаться и разѣхались многіе; и я х. т. велѣлъ въ большемъ городѣ ворота запереть и велѣлъ оставить одни ворота и изъ города мѣшанъ пропускать не велѣлъ“. Но виленское населеніе подало челобитную съ просьбой „ихъ отъ морового повѣтрія изъ города выпустить въ Лукишки на рѣку Вилею, и по полямъ, и по мѣстамъ, и по мѣстечкамъ, и по деревнямъ жить по сю сторону Виленскихъ заставъ, покаместъ въ Виленѣ гнѣвъ

¹⁾ ibidem, Владимір. ст. столб. № 43 л. 173—177.

²⁾ ibidem, Приказн. ст. столб. № 146 л. 72.

³⁾ ibidem

⁴⁾ А. М. Ю. Бѣлогр. ст. столб. № 1897.

Божій моровое повѣтріе утолится, *чтобъ де имъ явснкою смертію живущи въ городѣ въ одномъ мѣстѣ съ заповѣдными людьми не помереть*, потому что моровое повѣтріе чинится въ городѣ и въ слободахъ въ разныхъ улицахъ и домахъ“¹⁾. Можно думать, что просьба челобитчиковъ была уважена, при чемъ они были обязаны не разѣзжаться далеко отъ города и всегда быть наготовѣ отбить непріятельское нападеніе.

Въ 1690 г. вл. Новобогородицкѣ свирѣпствовала эпидемія и воевода доносилъ: „а городовыя пробѣжныя ворота все заперты, что на караулѣ стоять некому и самарскіе жители многіе *поумирали въ стѣнахъ и дна*“²⁾. Въ томъ же году „приходскіе священники изъ Курека изъ всѣхъ слободъ всякихъ чиновъ люди, видя такой упадокъ на люди что не престаетъ *многіе выѣхали въ стѣны* и нынѣ стоятъ въ стѣнахъ по дѣсамъ“³⁾. Подъячій Родіонъ Бѣловневъ показавъ о себѣ при розыскѣ о моровомъ повѣтріи: „какъ волею Божіею въ Курекъ на люди моровое повѣтріе, и въ то время я съ женою и съ дѣтьми выѣзжалъ изъ города и жилъ за рѣкою Семью на полѣ въ степи, а во время осення большія стужи и зима жилъ въ уѣздѣ, въ деревнѣ... на нустомъ крестьянскомъ дворѣ, покаместъ совершенно престоало въ городѣ моровое повѣтріе“⁴⁾.

Встрѣчаются случаи, когда правительство распоряжалось о выселеніи здороваго населенія изъ заморной мѣстности. Напримѣръ, въ 1654 г. было предписано: „а изъ здоровыхъ дворовъ... жильныхъ людей выселать на лѣсъ, покаместа въ тѣхъ селахъ и въ деревняхъ моровое повѣтріе минется“⁵⁾. Конечно, выселенія могли служить только распространенію заразы и неудивительно, что въ 1681 г. доносили въ Москву: „и въ Сѣчи де моръ большой, многіе казаки вымерли, а достальные вышли въ луги и въ лугахъ мрутъ“⁶⁾.

Бѣгство изъ зараженныхъ мѣстностей происходило не столько по соображеніямъ безопасности, сколько вслѣдствіе паническаго страха, охватывавшаго населеніе. Напримѣръ, въ 1690 г.

¹⁾ А. В. Ю. Москов. ст. столб. № 272.

²⁾ ibidem Бѣлогр. ст., столб. № 1897.

³⁾ ibidem л. 390—398.

⁴⁾ А. М. Ю. Бѣлогр. ст., столб. № 1872, л. 8—36.

⁵⁾ Дополн. къ акт. истор. т. III, № 119, стр. 166.

⁶⁾ Наши матер. т. II, стр. 273.

изъ Новобогородицк: воевода доносилъ: „а черкасы полтавскаго полку *всѣ разбѣжались*, а харьковскаго и ахтырскаго полку осталось черкасъ малое число, и тѣ *всѣ хотѣли бѣжать отъ стра-ху*“ ¹⁾).

Выходъ изъ неблагополучныхъ городовъ въ это время практиковался и у нашихъ сосѣдей. Напримѣръ, въ 1657 г. воевода доносилъ, что „вѣдомо ему отъ присяжныхъ людей въ Ригѣ великій страхъ на людей отъ посѣщенія Божія и изъ города выбѣжавъ живутъ лутчіе люди по островамъ и по дѣсамъ, а въ Ригѣ де немногіе держатся“ ²⁾. Въ слѣдующемъ году поступило донесеніе, что „изъ Лифляндскихъ г. дороговъ изъ всѣхъ нѣмцы выбѣжавъ по дѣсамъ живутъ“ ³⁾. Въ 1677 г. въ памяти, посланной Посольскимъ приказомъ въ Разрядъ, писалось: „въ Польшѣ въ городѣ Варшавѣ объявилася моровая язва, и для того всѣ сенаторы, и купцы, и жители изъ того города выѣхали; а въ порубежныхъ ихъ городахъ люди мало не всѣ вымерли“ ⁴⁾.

Рядомъ съ заставами въ Московской Руси дѣйствовали карантинны. Въ 1623 г. было приказано выѣзжихъ людей.. до сыску ставить въ деревняхъ и притавливати къ нимъ приставовъ“ ⁵⁾. Въ томъ же году относительно тѣхъ же людей наказывалось: „а до сыску тѣхъ выѣзжихъ людей и полоняниковъ... ставить въ деревняхъ гдѣ не близко рубежа и приставовъ къ нимъ приставили“ ⁶⁾. Въ 1626 г., по случаю мороваго повѣтрія въ Кіевѣ повелѣвалось „полоняниковъ и всякихъ русскихъ людей... держати за заставами пока мѣста милостью Божьею моровое повѣтріе на люди помилуется“ ⁷⁾.

Указомъ 1 сентября 1656 года относительно прибывшихъ „изъ Друй въ Полоцкій уѣздъ“ повелѣвалось „тѣхъ всѣхъ oprнчъ Федора Ладженскаго не вводя въ Полотскъ поставить въ деревнѣ *отъ болыиѣя дороги въ сторону*, гдѣ пригоже, и ту деревню оесѣчь и сторожей поставить... а Федору Ладженскому быть въ Полотцкѣ на особомъ дворѣ“. И дѣйствительно, прибывшіе были поставлены

¹⁾ Бѣлгород. ст. слѣб. № 1897 л. 83—87.

²⁾ А. М. Юстин. Московск. ст., слѣб. № 279, л. 29—30.

³⁾ Ibidem Москов. ст. слѣб. № 279 л. 10—17.

⁴⁾ Наши матер. т. II, стр. 251.

⁵⁾ Ар. Мин. Ю. Приказ. ст., слѣб. № 10.

⁶⁾ Ibidem Москов. ст., слѣб. № 15 и Прикази. ст., слѣб. № 12.

⁷⁾ А. М. Ю. Разр. изв. № 21, л. 14.

„не доѣзжая Полотика за 15 верстъ и отъ большія дороги въ сторонѣ“ ¹⁾.

Стрѣльцы и солдаты „ѣхавшіе мимо Рославля и Рославльскимъ уѣздомъ“, по прибытіи въ Смоленскъ, по указу 6 сент. 1656 г., были высланы изъ города въ деревню и послѣднюю было приказано „осѣчь на мѣсяць... и будетъ упадку у нихъ не будетъ ихъ отпустить по домамъ“. Спустя 12 дней прибывшихъ изъ моровыхъ мѣстъ курмышанъ дѣтей боярскихъ было приказано „поставить отъ большой дороги въ сторонѣ *верскаль въ пяти и въ шестти*, гдѣ пригоже, и около того мѣста учинить осѣчку и сторожи держать впредь до указу“ ²⁾.

Въ томъ же году „люди смертною казнью“ было объявлено подмосковному населенію: „которые тѣхъ слободъ жители и всякіе люди ихъ братья и дѣти и всякіе захребетники пріѣдутъ къ Москвѣ изъ помпзовыхъ городовъ, и тѣхъ бы проѣзжихъ людей въ тѣ слободы стнвдъ во дворы не пускали и отъ дворовъ и отъ слободъ ихъ высылали за земляной городъ, а ставили ихъ на поле и про нихъ пашецаи точчасъ“ ³⁾. Нѣсколько дней спустя послѣ этого въ Москву прибыли изъ Курмыша посланные люди, но „ихъ де къ Москвѣ не пустили и обрубили въ дѣсу за 8 верстъ отъ Москвы“ ⁴⁾.

Въ 1655 г. послѣдовалъ указъ: „буде иноземны учнутъ пріѣзжіе изъ которыхъ земель во Псковъ, а про то во Псковѣ будетъ вѣдомо, что въ той землѣ моровое повѣтріе, и такихъ иноземцевъ... къ Москвѣ отнущать не велѣно“. Въ октябрѣ слѣдующаго года ко Пскову пріѣхалъ изъ Лондона полковникъ Афанасій Траурнихтъ. Мѣстныи воевода распорядился „для того что онъ былъ въ Лондонѣ“ поставить его „за Великою рѣкою“. Въ январѣ получился указъ отъ государя: „полковнику и дохтуру до указу вел. государя быть во Псковѣ, гдѣ они поставлены, а къ Москвѣ ихъ безъ указу не отнущать, и платье, въ которомъ они изъ заморя пріѣхали, велѣно сиратать въ землю, а имъ сдѣлать новое, и русскимъ людямъ съ ними сходиться и покупать у нихъ ничего не велѣно“. У него были отобраны даже золотыя деньги, чтобы „онъ на тѣ деньги ничего не покупать“, а взаменъ отоб-

¹⁾ Бѣлгород. ст. № 387.

²⁾ Ibidem Новгород. ст. слѣб. № 122.

³⁾ Приложение № 20 стр. I.

⁴⁾ Ibidem № 21 стр. II.

раннаго были выданы русскія деньги. Во Псковѣ его продержали почти 4 мѣсяца, и все потому что онъ самъ сообщилъ, что „въ Лондонѣ моръ былъ большій, что въ юлѣ мѣсяцѣ умерло 14320 чел., а въ августѣ мѣсяцѣ умерло 28,464 чел., въ сентябрѣ мѣсяцѣ умерло 19,470 человекъ“. Вещи же полковника подверглись задержанію еще въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Но отпустивъ полковника къ Москвѣ, все еще не рѣшались дозволить ему свободный входъ въ городъ и до указа поставили его „за землянымъ городомъ въ Яуской Тверской слободѣ“¹⁾.

Въ 1660 г. послѣ кончины женки татарки во дворѣ Стрѣлецкаго приказа было приказано: „а которые подъячье и приста-вы въ Стрѣлецкомъ Приказѣ въ то время были, какъ та женка умерла, и подъячаго, который ее осматривалъ, и тѣхъ людей, которые ее заканчивали, всѣмъ... быть до нашего указа въ домахъ своихъ и изъ дворовъ никуда имъ ходить и къ нимъ никого пускать не велѣли. А чего съѣстного имъ понадобится купить и имъ велѣтъ покупать средичамъ ихъ и приносить на дворы ихъ; а тѣхъ людей, которые съѣстное принесутъ, на дворы къ нимъ пускать не велѣли“²⁾.

Въ 1674 г. получились извѣстія, что изъ Крыма прибыли въ Колонтаево полоняники копейнаго и рейтарнаго строя, а тамъ во многихъ городахъ былъ моръ. Этого было достаточно, чтобы не только повелѣть „тѣхъ полоняниковъ задержать въ Колонтаевѣ“, но также „и колонтаевскихъ жителей никого никуда не отпускать до указа“³⁾.

Въ 1689 г. въ вотчинѣ кн. Якова Никитича Одоевскаго умерло отъ язвы вѣсколько крестьянъ и немедленно было указано деревни „обѣмъ лѣсомъ и изъ тѣхъ мѣстъ и въ тѣ мѣста никого не пропускать“⁴⁾.

Въ 1690 г. пріѣзжихъ изъ Новобогородицкаго и Сергіевскаго было приказано держать за заставами до государева указа „въ безлюдныхъ мѣстахъ при крѣпостяхъ и при водахъ отъ городовъ, и отъ деревень податѣ за крѣпкими сторожами“⁵⁾. Въ томъ же году въ Курскѣ въ Стрѣлецкой слободѣ открылась эпидемія и по-

¹⁾ Иамия матер. т. II, стр. 44, 47, 48, 50, 51.

²⁾ Приложение № 25 стр. LVI.

³⁾ *ibidem* стр. 52.

⁴⁾ А. М. Ю. Москов. ст., столб. № 945.

⁵⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. ст., столб. № 1897.

слѣдовало указы: „а въ которыхъ дворахъ учинился на люди упадокъ и тѣ дворы... завалять и поставить сторожи, чтобы изъ тѣхъ дворовъ люди не выходили и къ нимъ въ дома не ходили“¹⁾. Въ эту слободу было запрещено пропускать каже поновъ. Тогда же послѣдовало распоряженіе стрѣльца Ларьку „завалять въ особомъ дворѣ“, такъ какъ этотъ стрѣлецъ „засѣченъ былъ въ лѣсу и изъ засѣки ушелъ въ лѣсу, пришелъ въ Стрѣлецкую слободу къ своей братѣ стрѣльцамъ“. Вслѣдствіе прихода Ларьки „около той слободы отъ иныхъ слободъ по всемъ переулкамъ поставлены сторожи крѣпкія“²⁾.

Иногда не засѣкались дворы, въ которыхъ проявилась зараза, а зараженные и прикосновенные къ нимъ выселялись изъ общинныхъ мѣстъ поселенія. Пацрижѣръ, въ 1658 г. изъ Цареничева—Дмитріева воевода доносилъ: „а въ то г. время, какъ скорбы на людей учала быть, и *которые скорбные люди были, и а х. т. выезжали за городъ покаместъ выздоровѣютъ*“³⁾.

Въ 1662 г. „сидѣли въ Стрѣлецкомъ приказѣ въ воробѣхъ колодницы—стрѣльчиха да безсѣтная старина, и та стрѣльчиха та старину извѣщала, что де у той старины отрывнула прежная язва, которая у ней была напередъ сего въ моровое повѣтріе“. Немедленно было приказано: „ту старину и женку стрѣльчиху, которая на нее извѣщала... отвезти по Дмитровской дорогѣ верстъ съ 15 и бѣшено... въ большомъ лѣсу отъ большія дороги въ сторонѣ обѣмъ накрѣпно и поставить караулъ стрѣльцовъ—десятиника, а съ нимъ 5 челов. стрѣльцовъ, и тѣмъ стрѣльцамъ... смотреть и беречь накрѣпно подъ *смертною казною*, чтобы они, обѣмши ту старину и женку, были безотступно и по деревнямъ никуда ни для чего не ходили, и смотрѣли и беречь того накрѣпно, чтобы къ нимъ никаковыя челоѣки ни откуда не пріѣхали и не пришли некоторыми обычай“⁴⁾.

Въ 1671 г. у дѣяка Дмитрія Шипулина умеръ дворовой челоѣкъ. При осмотрѣ тѣла оказалось, что у него „вышезапаястыя знакъ съ золотой краснѣ и багрово“. Вслѣдствіе этого духовная власти не рѣшились похоронить тѣло безъ государева указа. Вое-

¹⁾ *ibidem*.

²⁾ *ibidem* л. 386—387.

³⁾ *ibidem*, Москов. ст., столб. № 279 л. 83—85.

⁴⁾ Приложение № 28, стр. LXII.

вода же распорядился „ко двору дьяка Дмитрія Шипулина послалъ сотника московскихъ стрѣльцовъ, да пятидесятника, да десятника, да рядовыхъ стрѣльцовъ 20 человекъ и велѣть имъ стоять около того двора, и его Дмитрія и людей его никого съ двора никуда, и къ нему на дворъ никого пускать не велѣтъ; а о старостѣ поповскомъ, который того умершаго осматривалъ и объ отцѣ его духовномъ приказывалъ.. къ патриарху съ тѣмъ же Чудова монастыря архимаритомъ Іакимомъ, чтобъ онъ тому старостѣ поповскому и умершаго отцу духовному до в. г. указу велѣлъ *быть на дворъ у дьяка Дмитрія жъ Шипулина*“⁶⁾.

Умершихъ обычно погребали въ мѣстахъ смерти.

Предписывалось, напримѣръ, въ 1643 году: „а которые люди повѣтрѣмъ помрутъ... и тѣхъ людей *погребать въ новотрениныхъ же мѣстахъ* тотчасъ безо всякаго мотчанія“¹⁾. Этого правила держались, чтобы не разносить заразы. Поэтому, когда въ 1656 г. обнаружилось, что „на Москвѣ въ монастыряхъ и у приходскихъ церквей умершихъ людей нынѣшняго лѣта хоронять въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ хоронены умершіе люди въ моровое повѣтріе во 162 и во 163 годахъ, и тѣ прежніе гробы оказываютъ и нынѣ на Москвѣ на иныхъ людяхъ объявилася болѣзнь съ язвою“, то было приказано: „котораго человека волею Божьею не станеть, и того бѣ человека похоронить въ монастырѣ или у церкви Божіей *на порозжесъ мѣстѣ*, гдѣ умершіе люди въ моровое повѣтріе во 162 и во 163 г. не хоронены, а на такихъ и на иныхъ кладбищахъ, гдѣ хоронены умершіе въ моровое повѣтріе, надъ гробами и близко гробовъ могилъ не копать, чтобъ тѣхъ прежнихъ гробовъ не оказывать... а у которыхъ церквей мѣста тѣсны и порозжихъ мѣстъ нѣтъ, и у тѣхъ бы церквей, кого волею Божьею не станеть, не хоронить, а хоронить *въ городѣ или за городомъ* у церкви Божіей *на порозжесъ мѣстѣ*, а не на прежнихъ кладбищахъ“²⁾.

Умершую въ 1662 г. женку татарку было приказано „законать за землянымъ городомъ, подале гдѣ бѣ не на пащенномъ мѣстѣ, поглубже и велѣли на тое могилу *накласть отню побольше и нажечь пораздо*, чтобъ той могилы звѣрь никакой не раскопалъ“³⁾.

¹⁾ *ibidem*. № 32, стр. LXXII.

²⁾ Ар. М. Ю. Приказн. ст., столб. № 146 л. 98—103.

³⁾ *ibidem*. № 545.

⁴⁾ Приложение № 25, стр. LIII.

Имущество, остававшееся послѣ умершихъ отъ морового повѣтрія, нерѣдко подвергалось расхищенію. Напримѣръ, въ 1654 г. Иванъ Хилковъ доносилъ, что „воровство на Москвѣ объявилось, въ Бѣломъ городѣ разграбили Филоновъ дворъ Оничковъ да Олексѣевъ дворъ Луговского да за городомъ разграбили Осиповъ дворъ Костяева и *иные выморочные мѣста пустые дворы грабятъ*, а сыскать про то воровство и воровъ унять некъмъ“¹⁾.

Въ 1658 г. „которые дворы наносомъ отъ рижанъ у курляндскихъ людей заповѣтривались.. и князь Осипова г. полку служилые люди безъ остатку выграбили и многіе дома запустошили“²⁾. Въ 1690 г. въ Новобородинскъ, послѣ бѣгства оттуда жителей, пришли „самарские жители и запорожцы учели отъ умершихъ людей имать себѣ деньги и платье, и тѣ люди, *которые брали себѣ деньги и платье, померли жъ скорою злою недугомъ болѣзною*“³⁾.

Велѣдствіе того, что расхищаемое выморочное имущество способствовало распространенію заразы въ направлении ея переноса, московская администрація принимала строія мѣры къ изыятію этого имущества изъ гражданского оборота.

Въ 1643 г. на заставахъ по дорогамъ изъ Серпухова, изъ Калуги, изъ Каширы и уѣздовъ повелѣвалось излюбовать, чтобы „*платья и никакія рухляди и деньги*.. и иного ничего въ повѣтрениныхъ мѣстахъ не имали.. а что какія рухляди или какихъ судовъ за заставу привезутъ или принесутъ въ здоровыя мѣста, и то все... сыскавъ *отвезти за заставу, а за заставою то сжечь*... а у тѣхъ людей, которые повѣтрѣмъ помрутъ, никакимъ людямъ имать ничего не велѣли, чтобъ отъ того повѣтренинаго.. на люди повѣтрія не нанесло“⁴⁾.

Когда чума появилась въ Верхотурѣ, то 22 февр. 1657 г. былъ посланъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, нах. дились такія глубокомысленныя распоряженія: „а въ тѣхъ дворѣхъ послѣ умершихъ осталось *платье всякое въ коробыяхъ*, и вы бы то платье велѣли *вымыть и развѣсать на морозъ и выморозить*; а которое платьишко было у тѣхъ умершихъ *носившее и на чемъ они лежали*,

¹⁾ Доводн. къ акт. истор. т. III, № 119, XXVIII, стр. 459.

²⁾ Москв. ст. столб. № 279 л. 10—17.

³⁾ Бѣгород. ст., столб. 1897.

⁴⁾ Ар. М. Ю. Приказн. ст., столб. № 146, л. 43—60—63, 105—106.

и вы то платье и постели велели сжечь, чтобы послѣ тѣхъ умершихъ того платья никто не имѣлъ; а которые люди послѣ умершихъ во дворѣхъ ихъ оставались и вы бы изъ тѣхъ дворовъ тѣхъ людей велѣли высылать въ иные дворы, въ которыхъ дворѣхъ морового повѣтрія не было, и въ тѣхъ выморочныхъ дворѣхъ быти имъ не велѣли дать педѣли, чтобы въ тѣхъ дворѣхъ отъ морозовъ ураздо прозябло; а какъ дать педѣли минетъ, и вы бы въ тѣхъ выморочныхъ дворѣхъ велѣли и бы вытонить можжевельными дровами и положить педѣли, чтобы ураздо понатопить, а велѣте топить дни по три, чтобы въ тѣхъ избахъ духу можжевельного и полынная понадержалось ураздо“¹⁾.

Въ августѣ 1663 г. въ Москву донеслись слухи, что „изъ казанскихъ многихъ городковъ, въ которыхъ было повѣтріе, торговые многіе люди поѣхали вверхъ по Дону и повезли съ собою выморочную рухлядь въ Русь на продажу въ украинные города“. Въѣдствие этого 23 сентября были посланы указы въ Казань, Астрахань, „во всѣ понизовые, и въ мещерскіе и по чертѣ въ новые города... и на Воронежъ, и въ Яблонецъ, и въ Тамбовъ, и на Валуйку... сыскать всѣхъ до одного человѣка со всею ихъ рухлядью... велѣно подѣ смертную казню, чтобы сыщики тѣхъ людей сыскивали всякими обычаями накрѣпко безъ мотчанія и безъ поноровки... и сыскавъ, гдѣ кого сыщутъ, со всею донскою рухлядью держать за городомъ, на отводныхъ дворахъ, гдѣ доведется не близко города и ласалы мѣстѣ 8 педѣль... и держать около тѣхъ дворовъ складочной огонь, а кормъ имъ и питье подавать издали черезъ огонь... да будеть отъ тѣхъ людей, которые будутъ сысканы и посажены за караулы 8 педѣль дурна никакого не объявится, и имъ велѣно платье и рухлядь перемать и на вѣтри перетрясти и съ караула ихъ освободить“²⁾. Въ ноябрѣ 1668 г. было приказано у всѣхъ прѣхавшихъ съ Дона на Коротоюкъ „взять платье и рухлядь всю, что у нихъ есть, и то все выѣшивать и вывѣтривать на дворѣ, гдѣ они стоятъ, чтобъ ихъ платье проветрити и проморозити накрѣпко, чтобъ отъ нихъ повѣтріе на люди не учинилось“.

Съ цѣлью излечія изъ гражданского оборота имущества, оставшагося послѣ умершихъ отъ заразныхъ болѣзней, москов-

ская администрація назначала опись заморного имущества. Такъ въ 1691 г. въ Курскѣ была послана грамота, въ которой предписывалось, между прочимъ: „а что послѣ умершихъ курскихъ жителей осталось св., и пожитковъ, и денегъ, и платья, а посуда серебряная, и мѣдная, и оловянная, и желѣзная, и деревянная, и всякой домашней рухляди... и то все пересмотрѣть и переписать изъ курчанъ кому пригоже именно слободами всякаго двора порознь, а пересмотря и переписавъ всякіе пожитки собрать въ одно мѣсто и положить гдѣ яристойно и запечатать... до указа“¹⁾.

Къ удивленію собраннаго имущества были не уничтожены, какъ бы слѣдовало ожидать въ соответствии съ другими мѣропріятіями въ подобныхъ случаяхъ, а были розданы наслѣдникамъ, „а иные по ихъ сказу и по духовнымъ отданы въ Курскѣ на церкви въ Богор. Знаменскій и въ Троицкій дѣвичій монастыри и въ приходскія церкви на поминаніе душъ ихъ и по кабаламъ за долговые деньги по челобитію съ роспискою, а у иныхъ многихъ во время того упадку всякіе изноты покрадены и роспроданы“²⁾. Этотъ оборотъ имущества совершенно не вяжется съ общен практикой и вслѣдствіе возникаетъ предположеніе, что розданное имущество не имѣло непосредственнаго соприкосновенія съ умершими. Насколько же строго администрація слѣдила за оставшимся послѣ умершихъ имуществомъ, можно судить по дошедшему до насъ интересному розыску объ употребленіи имущества, относительно котораго состоялся вышеприведенный указъ 1691 года³⁾.

О карантинной строгости описываемой эпохи можно судить, напримѣръ, по слѣдующему случаю. По указу 28 сент. 1654 г. ярославскій воевода былъ обязанъ купить для смоленскаго войска „3000 кафтановъ шубныхъ добрыхъ и пространныхъ, а купить тѣ кафтаны прислать... тотчасъ безъ мотчанія“. Воеводѣ удалось купить всего 359 кафтановъ, какъ стало ясно, что въ Ярославлѣ появилась эпидемія. И вотъ 15 февраля 1655 г. послѣдовало распоряженіе „чтобы кафтаны въ Ярославлѣ держать до указа съ береженіемъ и больше того не покупать“⁴⁾.

¹⁾ А. М. Ю. Новгород. ст. столб. № 1897 лист. 612—613.

²⁾ Ibidem л. 613—624.

³⁾ Ibidem. столб. № 1572.

⁴⁾ А. М. Ю. Новгород. ст. столб. № 161.

¹⁾ Акты истор. т. IV, № 105, стр. 248.

²⁾ А. М. Ю. Новгород. столб. № 643.

Немаловажное значеніе представляют заботы московскаго правительства о пропитаніи задерживаемых на карантинных засѣкахъ.

Въ 1623 г. было приказано „кормецъ давать смотря по человекѣ“ литовскимъ выходцамъ „покаместа подлинно сыщется, не изъ моровыхъ ли мѣстъ вышли“¹⁾. Въ 1631 г. одновременно съ указомъ поставить карантинныя засѣки въ коломенскомъ уѣздѣ повелѣвалось задержанныхъ „кормить изъ ихъ животвъ, а будеть тѣхъ селъ и деревень хлѣбъ не пожать или сѣно не покосено и... тотъ хлѣбъ... пожать *иныхъ* селъ и деревень крестьяномъ, а велѣти его скласти въ скирды или... чтобъ тому хлѣбу истери не было; а себѣ того хлѣба сторонніе люди не имали, того велѣти беречь накрѣико“²⁾.

Въ 1668 г. прибывшему съ Дону на Коротойкъ Афанасію Пестерову „съ товарищи“ были отпущены хлѣбные запасы, вино и пиво; а за мѣсяцъ до этого задержаннымъ на Валуйкѣ „посланнику и толмачу и крымскимъ генцамъ съ татарами“ овса и ржи выдали изъ государевыхъ валуйскихъ житницъ, вино и медъ изъ кружечнаго двора, харчевой кормъ и сѣно собиравшесъ „съ валуйчанъ со великихъ чиновъ съ грацкихъ людей“³⁾.

Относительно половняниковъ, задержанныхъ въ 1674 г. въ Колонтаевѣ, было приказано ихъ „поить и кормить“⁴⁾. Въ 1682 г. „многіе люди изъ за Дѣбира къ Кременчугу прѣзжали и ихъ де кременчугскій сотникъ и атаманъ по разсказанію и по писемамъ гетманскимъ не пустили и на ту де сторону Дѣбира къ прѣзжкимъ великихъ чиновъ людямъ посылають изъ Кременчуга хлѣбъ, чѣмъ имъ сыту быть“⁵⁾.

Конечно, при незначительномъ числѣ задержанныхъ съ вопросомъ объ ихъ довольствіи было легко справиться, но при большомъ скопленіи испытываемыхъ возникали затрудненія. Такъ въ 1690 г. вскорѣ послѣ сильнаго мора на Самарѣ, когда у одного полковника Деркачевскаго изъ 200 человекъ умерло 193, было указано отправить изъ Новобогородскъ 1500 человекъ сумскаго и ахтырскаго полковъ, но по случаю бывшаго мороваго по-

вѣтрія повелѣвалось, чтобы войска „были близъ городка Городного, на рѣкѣ Мерлѣ. въ пристойномъ мѣстѣ при Лѣсовой крѣпости, а въ города бѣ и въ уѣзды ни для чего бѣ не ходили и великороссійскихъ городовъ жителямъ ничего не продавали, также и изъ городовъ и изъ уѣздовъ къ нимъ никому хо-ить и ничего у нихъ покупать не велѣтъ, и пасѣкъ и лѣсовъ, которые есть при рѣкѣ Мерлу и въ иныхъ мѣстахъ, не пустошили и тамошнимъ жителямъ никакого разоренія и убытковъ не чинили, а харчъ всякій велѣтъ великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ жителямъ тѣмъ московскимъ стрѣльцамъ продавать со всякою осторожностью, а *денги* за тотъ харчъ велѣтъ имъ стрѣльцамъ давать продавцамъ *перемывать въ воду и перетирать пескомъ, также и продавцамъ принимать имъ денги потому жъ въ воду перемывать. А не перемывать въ воду и не перетирать пескомъ денегъ взятыхъ за продолженный харчъ возить имъ съ собою не велѣтъ для того, что иначе всею моровою повѣтріе приставаетъ отъ денегъ“*¹⁾.

Ясно, что отъ стараго принципа *покупки*, сокращенія купли — продажи въ мѣстахъ неблагополучныхъ было допущено отступленіе въ пользу большого скопленія военныхъ людей. Извѣстія при подобныхъ условіяхъ была немыслима, да и правила денежнаго обращенія вызвали сомнѣнія, и боевода стискивали: „въ великороссійскихъ и малороссійскихъ во всѣхъ городахъ, во всякихъ торговыхъ покупкахъ ходятъ чехи польскаго дѣла и *такимъ* *денегъ... водою мыть и пескомъ тереть некоторыми мирами невозможно, а потому что въ торгахъ, которые изъ тѣхъ денегъ чехи бывають худы и красны и гладки, и тѣ чехи и безъ воднаго мытья и безъ перетирки въ купляхъ и въ продажахъ не емлютъ. А буде противъ вашего г. указу, гдѣ чехи имъ мыть водою и перетирать пескомъ, и они отъ того де толь будутъ красны и гладки, и клеймы, которые на нихъ есть, будутъ безвѣстны, и *такимъ* *чеховъ за хлѣбъ и ни за которую харчъ въ городъ и никуда имать не будутъ и оттого... въ покуить хлѣба и всякихъ харчей будетъ великая скудость и нужда“*²⁾.*

Обмываніе монеты предписывалось, наипрѣмѣрь, еще въ 1658 г. грамотою на ния князя Бориса Александровича Решнина, кото-

¹⁾ Ibidem, Приказы, ст., столб. № 12 и 524—527 и Москва, ст., столб. № 15.

²⁾ Ibidem, Владимир, ст., столб. № 43.

³⁾ Ibidem, Новгород, ст., столб. № 673.

⁴⁾ Наши мат. т. II, стр. 244.

⁵⁾ Ibidem, стр. 273.

¹⁾ Наши мат. т. II, стр. 339, 342.

²⁾ Наши матеріалы, т. II, стр. 340. Какъ увидимъ ниже, въ XVIII ст. додумалось до обмыванія въ уксусѣ ассигнацій.

рому писалось: „а которая наша денежная казна зъ великаго Новгорода привезена къ заставѣ, и вы бѣ тое нашу денежную казну велѣли перемыть, а перемывъ велѣли ее везти къ намъ къ Москвѣ“¹⁾.

Итакъ цѣною отступленія отъ требованія строгой изоляціи могъ быть найденъ нѣкоторый *modus vivendi*. Иначе складывались обстоятельства, когда никакихъ отступленій не допускалось. Напримѣръ, въ 1690 г. было моровое повѣтріе въ Курскѣ. По обыкновенію были поставлены заставы. Черезъ нѣкоторое время были посланы люди для провѣдыванія „черезъ рѣчку Куръ и черезъ огонь“ о ходѣ эпидеміи. Прибывшіе къ заставѣ куряне заявили, что „имъ взаперти харчъ съѣстной взять негдѣ и въ куплю никто не продастъ, оттого де они нынѣ взаперти помирають голодомъ, да въ томъ число изъ нихъ... кричали: что намъ на деньги съѣстной всякій харчъ и животовъ и дровъ не продають, и изъ слободы для покупки нигдѣ не пропущають и мы де изъ слободы пойдемъ къ Москвѣ и въ города, куда кому спосажно“. Провѣдывавшій полковникъ на это замѣтилъ, что ихъ никуда не пропустить, а во-вторыхъ, напомнилъ о смертной казни. Но ему отвѣтили: „хотя де вы ихъ в. г. укажете и перевѣшать, и имъ все равно умирать“. Къ Москвѣ стрѣльцы не пошли, но, какъ доносилъ воевода, на кружечныхъ дворахъ „проходя силою заставы, вино и медъ покупають и напився пьяны безпрестанно бьются и всякія неистовія слова говорятъ“²⁾.

Въ томъ же 1790 г. было приказано: „пріѣзжающимъ и приходящимъ съ Самары ратнымъ людямъ для пристанища подъ великороссійскими украинскими городами гдѣ мѣсто назначить и *онымъ только ратнымъ людямъ быть сытымъ*“³⁾. Тогда же повелѣвалось задержаннымъ „людямъ отъ Новобогородицкаго и Сергіевскаго... посылать на кормъ изъ.. в. г. житницъ хлѣбные запасы и харчъ, чѣмъ имъ можно сытымъ быть... и тѣмъ запасы и харчъ давать за сторожу по вѣтру черезъ огонь, не близко къ нимъ приходя съ великимъ опасеньемъ и осторожностью“⁴⁾. Когда жители села Краснаго Хотмышскаго уѣзда, обѣщенные по случаю морового

повѣтрія, заявили, что они испытываютъ лишенія въ продовольствіи, послѣдовало распоряженіе воеводы: „села Краснаго жителямъ хлѣбныхъ запасовъ къ тому селу Красному отвезти изъ Хотмышска изъ в. г. житницъ на прокормленіе и... тотъ запасъ положить отъ того села Краснаго не въ близинныхъ мѣстахъ и черезъ огонь сказать имъ, чтобъ они тотъ запасъ взяли сами“¹⁾. Такой указъ былъ тогда посланъ по всей Бѣлгородской границѣ²⁾.

Какъ видно изъ указовъ, на заставы посылались наиболѣе способные и надежные люди, и не смотря на это за ними строго наблюдали.

Въ 1628 г. въ указѣ объ установленіи заставъ со стороны Кіева наказывалось „и *надъ заставными людьми и надъ сторожами беречь того накрывко*, чтобъ они потому имъ съ выходны и съ волоняники не съѣзжались и не сходились“³⁾.

Въ 1655 г. козловскій воевода пишетъ: „и по веѣмъ заставамъ я х. т. фзидилъ по часту, а на дальнія г. заставы посылать я х. т. дозорниковъ безпрестанно, козловцевъ *лучшихъ* людей, и надъ головами и надъ заставными людьми смотрѣть и беречь безпрестанно“⁴⁾.

Выполненіе карантинныхъ распоряженій санкціонировалось самою разнообразною отвѣтственностью. Въ 1657 г. на заставѣ, которая „въ Вильнѣ отъ Борисова учинена“ приказано „накрѣпко *подъ смертною казною*, чтобъ одиночно изъ Вильны и изъ иныхъ городовъ и уѣздовъ мимо заставъ къ Менску, и къ Борисову, и къ Полотцку, и въ иные ни въ которые города... никаковъ человекъ не проѣхалъ, и не прошелъ, и не прокрался никакими обычай“⁵⁾.

Въ 1656 г. предписывая, поставить заставы около Верхотурья, гоеударь пишетъ: „а будетъ тѣ заставщики воровски какихъ людей изъ моровыхъ мѣстъ, гдѣ моровое повѣтріе не престало, въ Сибирь пропускать, а отъ тѣхъ пріѣзжихъ людей въ Сибири учинится сибирскимъ людямъ.. моровое повѣтрее.. и тѣмъ верхотурскимъ *заставщикамъ* быти каженнымъ смертью“⁶⁾.

¹⁾ Приложение № 22, стр. II.

²⁾ Наши матер. т. III ч. II, стр. 36—37.

³⁾ А. М. Ю. Бѣлор. ст. столб. № 1897 л. 54—61.

⁴⁾ Ibidem.

¹⁾ Ibidem. л. 218—222.

²⁾ Ibidem. т. 672—682.

³⁾ А. М. Ю. Разряд. вѣд. № 21, л. 14.

⁴⁾ Наши матер. т. II, стр. 294.

⁵⁾ А. М. Ю. Москов. ст. столб. № 272.

⁶⁾ Актъ истор. т. IV, № 105, стр. 248.

Въ 1677 г. исполненіе всѣхъ заставныхъ предписаній вѣдѣлось въ обязанности „головамъ заставнымъ и людямъ, которымъ на заставѣ быть... *подъ смертной казнью*“¹⁾. Въ 1690 г. заставнымъ людямъ со стороны Новобогородикаго и Сергіевскаго было объявлено: „а буде они впредь такъ учинять и изъ моровыхъ мѣстъ мимо тѣхъ городовъ въ которыя мѣста пропускать и имъ за то быть въ *смертной казни* безо всякія пощады“²⁾. Относительно рѣчки Коломки было указано заставнымъ чинамъ: „а будетъ чрезъ рѣчку учнетъ кто *проходить сильно*, и они бы тѣхъ людей *били изъ палицъ* и отнюдь бы никого на сторону рѣчки Коломки не перепускали; а будетъ ихъ заставныхъ людей *небреженіемъ* кто изъ тамошнихъ мѣстъ въ здоровыя мѣста проѣдетъ, или пройдетъ, или прокрадется, и *тѣмъ заставнымъ людямъ быть повиннымъ* же въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ люди пройдутъ.“³⁾

Тяжесть карантинной службы и перспектива тяжелой ответственности даже за простую небрежность, вѣроятно, побуждали назначенныхъ для пребыванія на заставахъ обращаться въ бѣгу. Но московское правительство строго расправлялось съ бѣглецами. Когда, напримѣръ, въ 1690 г. караульщики покинули курскую заставу, то послѣдовалъ указъ о нихъ: „буде они живутъ въ уѣздѣ не въ дальнихъ мѣстахъ, послать ихъ сыскать, а сыскавъ учинить имъ наказаніе *бить батою* и впредь имъ на заставахъ стоять по прежнему“⁴⁾.

Взысканія не ограничивались низшими агентами. Напримѣръ, въ 1654 г. за обходъ или объѣздъ „заставъ, и засѣкъ, и сторожекъ“ предписывалось воеводамъ въ первый разъ подвергать жестокимъ наказаніямъ, а во второй—предать смертной казни и далѣе присвокуплялось по адресу воеводы съ товарищами: „а будетъ вашимъ нерадѣніемъ и оплошкою на Устюгѣ-Великомъ и въ Устюжскомъ уѣздѣ въ села и въ приселки и въ деревни съ Москвы и изъ иныхъ городовъ и изъ уѣздовъ или съ Устюга Вел. и изъ Устюжскаго уѣзда въ которые иные города и въ уѣзды учнутъ кто ѣздить и ходить, или заставы и засѣки объ-

ѣзжать или обходить и на Устюгѣ Вел. и въ уѣздахъ пріѣзжіе и прихожіе люди въ которыхъ мѣстахъ жить тайнымъ обычаемъ а послѣ про то сыщется; и вѣжъ за то *быть имъ насъ въ онамъ и жестокомъ наказаніи безъ пощады*“¹⁾.

Въ 1681 г. въ указѣ писалось: „будетъ проѣдетъ кто-нибудь на заставахъ заставщиковъ *нерадѣніемъ* и ихъ воеводы и полковники надъ заставщиками *недосмотромъ*, и о заставщикахъ писано къ воеводѣ и къ полковнику, что *тѣмъ заставщикамъ* быть за то отъ великаго государя въ *смертной казни*, а имъ, воеводѣ и полковнику, *въ несть и наказаніи*“²⁾.

Тѣмъ не менѣе, не говоря уже о злоупотребленіяхъ, заставы обходились тайно, а иногда явно и даже съ примѣненіемъ насилія противъ заставныхъ людей. Такъ въ 1643 г. около Ржевы „прѣѣхали на заставѣ *сильно* къ Москвѣ человекъ съ 20 и больше и на заставѣ *засаула* и заставщиковъ перебили, а *сказалися ржевичи*“³⁾.

Въ 1656 г. приставу Ивану Покину былъ посланъ запросъ: вѣдомо, учинилось, что де изъ села Перевозу старцы и крестьяны многіе люди были въ здоровомъ селѣ Ягодномъ... и того села Перевозу старцы и крестьяны сами-ли они *насиліемъ* прошли черезъ заставу или ты ихъ пропустилъ“⁴⁾.

Въ 1657 г. изъ Менскаго уѣзда были получены извѣстія, что наѣхали Лисовскаго полку жолнеры и въ томъ мѣстечкѣ, и въ деревняхъ, на заставахъ караулы разбили, и солдатъ *побили*“⁵⁾.

Въ 1675 г. заставные люди заявили: „ноябрь и декабрь въ разныхъ числахъ воронежцы, и строгощане, и иныхъ городовъ разныхъ чиновъ *люди ѣздятъ ниже коротояки-ль, сосенской и богацкой заставъ, внизъ по рѣкѣ Дону, судимъ путемъ, степью на лошадахъ обѣзжаютъ городъ Коротоякъ и коротоякскія заставы не являсь утайкою воровски*, и дороги накладываютъ и тѣми ихъ накладными дороги опасно къ Коротояку и къ инымъ городамъ приходу воинскихъ людей и побѣгу служилымъ и воровскимъ людямъ на Донъ“⁶⁾. Но бывало и хуже.

¹⁾ Наши матер. т. II, стр. 257.

²⁾ А. М. Ю. Белгород. ст. столб. № 1897 л. 54—61.

³⁾ Ibidem, л. 92—93.

⁴⁾ Ibidem, л. 458.

¹⁾ Деволн. къ акт. истор. т. III, № 119, XXXVI, стр. 467.

²⁾ Наши матер. т. II, стр. 271.

³⁾ А. М. Юст. Приказ. ст. столб. № 146 л. 233.

⁴⁾ Деволн. къ акт. истор. Сиб. 1851 г. т. IV, № 29, I, стр. 69.

⁵⁾ Ibidem, Москов. ст., столб. № 272 л. 432—431.

⁶⁾ Наши матер. т. II, стр. 248.

Въ 1683 г. „въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ“ были посланы грамоты, чтобы „изъ Курска и Курскаго уѣзду и изъ иныхъ мѣстъ, въ которыхъ было моровое повѣтріе, никакихъ людей къ Москвѣ не пропускать.“ Однако 20 іюня бывшій ахтырскій полковникъ Андрей Прокофьевъ „со многими людьми... пріѣхавъ на заставу изъ Курскаго уѣзда въ Сѣвскій уѣздъ подь селомъ Гпанью *взяли насильствомъ паромъ и черезъ рѣку Свапу переехали, а прапорики, который поставленъ на заставѣ, и караульщики всѣхъ били жѣ, и похитили... на Кромы*“. Объ этомъ случѣѣ воевода доносилъ, чтобы велѣдствіе пріѣзда этихъ людей въ Москву „отъ того ихъ наглаго проѣзду, что они ѣхали моровыми мѣстами, какого бы худа не учинилось.“¹⁾

Въ 1690 г., во время эпидеміи въ Курскѣ, въ московской стрѣлочной слободѣ и на посадѣ въ Пушкарской и Яковиницкой слободахъ, по донесенію воеводы, стрѣльцы „*приходя силою черезъ заставы, и медъ покупаютъ и напивши пьяны безпрестанно бьются и всякія неистовыя слова говорятъ*“²⁾.

Частныя лица, какъ было уже указано, за прорывъ карантинной линіи подвергались смертной казни. Въ 1690 г., по случаю морового повѣтрія на Самарѣ, былъ посланъ указъ, дающій понятіе о родѣ казни, а именно въ указѣ писалось: „а будетъ кто своруетъ... и какими мѣрами прокрадется въ здоровыя мѣста, и тѣ люди, кто гдѣ изыманъ будетъ, въ тѣхъ мѣстахъ будутъ повѣшены безо всякаго милосердія“³⁾.

Лица, подвергавшіяся допросу о моровомъ повѣтріи, обязаны были показывать правду подь страхомъ тяжкихъ наказаній. Такъ въ 1677 г., велѣдствіе слуховъ о повѣтріи въ Польшѣ было приказано, выходцевъ и холопьянниковъ русскихъ и иныхъ людей и черкасъ, не допуская до обозовъ своихъ... разспрашивать накрѣпко и чтобъ имъ у разспросу сказывать подь жестокииъ страхомъ. И если они, пріѣхавъ изъ моровыхъ мѣстъ, про то утоятъ, а послѣ про то будетъ вѣдомо, и имъ за то... бити въ смертной казни безо всякаго пощады“⁴⁾. Въ 1692 г. пріѣзжихъ и прохажившихъ повелѣвалось разспрашивать на заставахъ о моровомъ по-

вѣтріи „подь смертною казнью, чтобъ они сказывали правду безо всяка лжи и затѣйки“⁵⁾.

Что касается переписки съ заморными мѣстами, то здѣсь приходится отмѣтить такую же строгую предусмотрительность, какъ и въ другихъ случаяхъ противозаразныхъ мѣропріятій.

Въ 1628 г. распросили рѣчи о моровомъ повѣтріи за рубежомъ сжигались и донесенія писались „на новой бумагѣ“⁶⁾. Въ 1643 г. сжигались подлинныя отписки ливонскія, валуйскія и оскольскія и передавались „на новой бумагѣ“⁷⁾. По правиламъ же 22 сентября 1654 г. указывалось перья коніи „*переписать черезъ огонь и сирая подлинныя отписки сжечь, а съ ними отписокъ списки запечатать въ листъ печатью послать съ стрѣльцою въ Троицкой Сергіевъ монастырь ко властямъ точащъ, а они списки отписокъ же прислали къ Колязину монастырю не заочтыва*“⁸⁾. Два года спустя повелѣвалось указъ, которымъ предписывалось устранять отъ составленія отписокъ государю тѣхъ изъ дяковъ, у которыхъ въ домѣ были больные⁹⁾.

Въ послѣдующее время строгости еще болѣе усилились. Такъ еще 17 августа 1657 г. отъ гонца изъ Юрьева Ливонскаго предписывалось отписки „принять *черезъ огонь въ клецки* и тѣ отписки переписать *на новую бумагу*, а тѣ отписки, которыя присланы отъ Юрьева Ливонскаго... сжечь... и тѣ отписки, кои списаны въ Приказной Каблѣ переписать *на новую бумагу* и тѣ списки со отписокъ“¹⁰⁾ послать къ государю къ Москвѣ, т. е. быть подтвержденъ прежній порядокъ трехкратнаго списыванія донесеній государю. Но уже 4 сентября 1664 г. по случаю эпидеміи въ Роднахъ было дано распоряженіе, чтобы „о всемъ подлинно писали... и тѣ отписки прислать къ заставѣ и *переписывать на новую бумагу черезъ огонь на пятую и шестую* и прислать къ Москвѣ *на шестомъ листѣ*“¹¹⁾. Въ октябрѣ и ноябрѣ 1668 г. повелѣвалось донесенія съ Дона и другихъ мѣстъ на Валуйкѣ „переписывать на новую бумагу *третью*... а отписку и

1) Наши жемчужины т. II, стр. 338.

2) ibidem. т. III, ч. II, стр. 37.

3) А. М. Ю. Бѣлгород. ет., стр. № 1897 л. 88.

4) Наши жемчужины т. II, стр. 252.

5) ibidem т. III, ч. II, стр. 4.

6) Бѣлг. Стрѣб. № 20.

7) Бѣлг. Стрѣб. №№ 177, 192.

8) Дополн. къ зап. истор. т. III, № 119, XX, стр. 153.

9) Полное Собр. Законовъ т. I, № 187, стр. 395.

10) Повг. Стрѣб. № 167.

11) Бѣлг. Стрѣб. № 547.

тѣхъ распробныхъ рѣчи... переписавъ съ того списка на новую жъ бумагу на *третью* послать къ Москвѣ¹⁾).

Въ грамотѣ отъ 27 июня 1681 г. на имя кунгурскаго воеводы Ивана Черникова Онучина наказывалось: „и тѣхъ отписки окуря надъ огнемъ, переписывать на новую бумагу... а на новой бумагѣ отписки ихъ привозить къ себѣ въ городъ и переписывать на третью или на четвертую бумагу... а въ первыхъ городѣхъ (по московской дорогѣ) тѣхъ отписки переписать на *шестую* или на *седьмую* бумагу одному подъячему, а другому сказывать, и кто станетъ переписывать и тѣмъ межъ себя близко не сходиться“²⁾).

Въ указѣ 11 февраля 1693 г. кн. Петру Хованскому, для отправления имъ допесеній изъ Астрахани предписывается отписки переписывать на *восемью* бумагу³⁾. Повидимому, къ концу XVII ст. складывается порядокъ посылать въ Москву не менѣе, какъ *восемью* копію съ оригиналовъ. Такъ въ 1682 г. Кирило Хлоповъ сообщалъ, что онъ „съ той отписки, и съ выписки, и съ роспробныхъ рѣчей списокъ переписавъ на *четвертую* бумагу... велѣлъ подать на Тулѣ столнику и воеводѣ Цвару Мясного, и къ нему писать, чтобы онъ тое отписку и списокъ, переписавъ на Тулѣ на новую на *четвертую* жъ бумагу, послать... къ Москвѣ“⁴⁾).

Въ 1690 г. встрѣчаемся со случаемъ еще болѣе строгаго отношенія къ перепискѣ, а именно: розыскъ о моровомъ повѣтрѣи въ Новобогородицкомъ, привезенный прапорщикомъ Авзбуковымъ „переписывавъ на новой бумагѣ и на 5 бумагахъ за заставою сожжены, а на 6 на новой бумагѣ послать онъ (воевода) въ Бѣлгородъ; и то письмо.. на бѣлгородской *дальней* заставѣ переписывано черезъ огонь на новую жъ на 6 бумагъ, и на 6 бумагахъ, что писаны, сожжены, а на 7-й новой бумагѣ, окуря надъ огнемъ съ той заставы привезено на бѣлгородскую жъ ближнюю заставу, и я х. т. съ того присланнаго письма велѣтъ въ Бѣлгородѣ на *ближней* бѣлгородской заставѣ переписать на новой бумагѣ черезъ огонь, и на 6 бумагахъ списки съ тѣхъ писемъ сожжены, а на 7-й привезено въ Бѣлгородъ, и я х. т.

1) Повел. Свѣд. № 643, 662.

2) Акты истор. т. V, № 73 стр. 107.

3) *ibidem*, № 216, стр. 372.

4) Наши матеріалы т. II, стр. 266, 274.

съ тѣхъ писемъ велѣтъ списать списки на 7 бумагъ, и тѣ списки на 7 бумагахъ велѣтъ въ Бѣлгородѣ сжечь, а на 8-й бумагѣ съ того письма списокъ для посылки къ Москвѣ послать изъ Бѣлгорода до Курской заставы... а на Курской заставѣ съ той своей отписки и посланнаго письма велѣтъ переписать на новую жъ на 6 бумагъ, и на 6 бумагахъ тѣ списки на огнѣ сжечь, а на 7-й на новой бумагѣ съ той курской заставы съ того письма списокъ велѣтъ отвезти въ Курскъ... а къ нему писать, чтобы онъ о перепискѣ списка съ той моею х. в отписки и съ писемъ списковъ и о посылкѣ ихъ до Тулы и о писемъ на Тулу, чтобы на Тулѣ съ тѣхъ списковъ о перепискѣ на новую жъ бумаги и о посылкѣ тѣхъ списковъ... къ Москвѣ“¹⁾).

Благотворное вліяніе санитарно-карантинной организаціи въ до-Петровской Руси въ значительной степени парализовалось общими свойствами приказнаго строя—водокитомъ. Такъ, напримѣръ, въ какой-либо мѣстности появляясь эпидемія, объ этомъ нужно было сообщать въ Москву и ждать указа; оттуда слѣдовало указъ о принятіи тѣхъ или другихъ мѣръ; исполнивъ указъ въ точности, нужно было ждать новыхъ распоряженій; если же указъ нельзя было выполнить въ точности, то писалась челобитная относительно разлечения, а это должно было стоить. Въ тому же самое обиліе челобитныхъ, отписокъ и другихъ бумажныхъ вещей нерѣдко становилось мѣстными властямъ непреодолимая препятствія.

Обычно среди заставныхъ людей входили дворяне и подьячіе, на которыхъ возлагалась письменная работа. Напримѣръ, въ 1654 г. Ивану Федоровичу Ерошину, отправлявшемуся на Можайскую заставу было предписано: „пріѣхавъ въ Можайскъ, взяти ему на Волоку, въ Борисовѣ и въ Вереѣ... стрѣльцовъ, и казачковъ, и пушкарей изъ всѣхъ городовъ полонину, да ему жъ взяти въ тѣхъ же городахъ изъ приказныхъ изъ *для письма* дву человекъ дьячковъ добрыхъ“²⁾).

Бумажныя сношенія замедлялись то вѣдѣствіе отсутствія подьячихъ, то по недостатку изъ письменныхъ матеріаловъ. Такъ въ 1643 г. въ Москву доносили съ заставы, что „переписывать г. отписокъ и всякихъ дѣлъ стало *не на чемъ*, потому что для

1) А. М. Ю. Бѣлгород. ст., столб. № 1897 и 129—130.

2) Приложение № 15, стр. XLIV.

твоихъ г. дѣлъ дано намъ х. т. только 3 дести бумаги, и *та бумага* на твои г. дѣла *вся изомла*, а купить негдѣ, а дѣла т. г. у насъ х. т. на Пехорской заставѣ учели быть многія, только впродѣ... съ Рогожскія заставы и изъ иныхъ городовъ съ гонцы и съ станичники отписки и книги и всякія письма учнутъ присылать многія, а переписывая то все будутъ жечь, и мнѣ х. т. Сенькѣ *одному переписывать не уснуть*, а молодыхъ подьячихъ, и дячковъ кому мочь переписывать и переписавъ прочитать никого нѣтъ, и въ томъ твоему г. дѣлу чинится мотчаніе“¹⁾.

Въ 1657 г. съ Тушинской заставы пришла, наиримѣръ, жалоба на отсутствие бумаги²⁾. Въ концѣ того же года оттуда же писалось къ Москвѣ, что тамъ остался одинъ подьячій „а прежь сего были... три подьячіе и два подьячихъ съ заставы безъ вѣсти сошли... а переписывать некому“³⁾. Въ 1658 г. съ Можайской заставы писали: „многія отписки присылаются де къ нимъ на заставы изъ городовъ, а съ тѣхъ де отписокъ списковъ переписывать не успѣваютъ, и за тѣмъ де на заставахъ у нихъ писму чинится большое мотчанье, *лежатъ многіе отписки много время не переписаны*“⁴⁾. Въ отвѣтъ на это донесеніе послѣдовало указъ: „для переписки отписокъ на заставы послать изъ *всѣхъ* приказовъ по человѣку, чтобъ въ перепискѣ отписокъ мотчанья ни малаго не было“⁵⁾.

Если вспомнить о разстояніяхъ между Москвою и рубежами и состояніе путей и средствъ сообщенія въ то время, то станетъ очевидно, какія затрудненія воздвигались передъ властью въ тѣхъ случаяхъ когда требовалось безотлагательное энергичное дѣйствіе, а бумага и писцы заставляли оставаться въ великомъ „мотчаньи“!

Понятно, что многочисленныя заставы, въ болшей или меньшей степени достигая санитарныхъ цѣлей, вносили значительныя неудобства въ хозяйственную жизнь страны. И правы были вѣзмики, жаловавшіеся государю, что они „отъ тѣхъ проѣзжихъ паматей и отъ волокиты промысловъ своихъ отбыли“⁶⁾. Съ цѣлью предупрежденія ненужныхъ стѣсненій въ сношеніяхъ населенія и

экономическомъ оборотѣ московское правительство тщательно изводило справки о ходѣ эпидеміи и при первыхъ достоверныхъ извѣстіяхъ о прекращеніи ея снимало заставы.

Заставы по Окѣ, въ Коломенскомъ, Переяславскомъ уѣздахъ и другихъ мѣстахъ въ 1631 г. было приказано „свести“, какъ только получатся путемъ мѣстнаго разслѣдованія благопріятныя извѣстія о прекращеніи морового повѣтрія¹⁾. Застава отъ Юрьева Ливонскаго была установлена 24 августа 1657 г., а 5 марта 1658 г. было уже приказано „заставы свести тотчасъ безъ мотчанья“. На Литовскомъ рубежѣ заставы, поставленныя 17 октября 1678 г., были сняты 13 февраля 1680 года²⁾. Въ 1677 г. въ Путивль былъ посланъ указъ „со вѣхъ дорогъ заставы... свести и учинить на обѣ стороны путь свободный“³⁾. Въ 1690 г. было приказано свести заставы отъ Курска⁴⁾.

Въ 1692 г. появился въ Москвѣ слухъ, что въ Астрахани моровое повѣтріе. Немедленно, по указу Іоанна и Петра Алексѣевичей, было приказано воеводѣ бѣлгородскому Бар. Петр. Шереметеву, чтобъ онъ отъ себя писалъ „съ большимъ подтвержденіемъ“, въ города, которые по чертѣ, и за черту къ воеводамъ и приказнымъ людямъ... и для того послать нарочныхъ посыльщиковъ, чтобъ они во вѣхъ причинныхъ мѣстахъ учинили заставы крѣпкія“. Выходящъ со стороны изморныхъ мѣстъ предписывалось „устанавливать за тѣми заставами въ дѣсахъ, къ рѣкамъ и къ водамъ не близко не въ ясныхъ и въ безлюдныхъ мѣстахъ...; про моровое повѣтріе „распрашивать черезъ огонь и окурить тѣ письма“; на заставахъ поставить „заставныхъ головъ и дѣтей боярскихъ съ служилыми людьми... и на тѣхъ заставахъ стоять безотлучно“, кромѣ того присоединить къ нимъ „для писма помянутыхъ дячковъ“. И были поставлены заставы съ лучшими людьми по дорогамъ со стороны Воронежа, Коротояка и Валукъ. Послѣ первыхъ вѣстей о прекращеніи мора въ Астрахани было разрѣшено пропускать людей къ Москвѣ и къ Владимиру изъ Уфы, Казани и Нижняго Новгорода. Подъ запретомъ оставались еще Астрахань и Терекъ, но по полученіи дальнѣйшихъ извѣстій и съ послѣднихъ былъ снятъ запретъ. Такимъ образомъ ясно,

¹⁾ А. М. Ю. Москв. ст., столб. № 160.

²⁾ Новгородскій ст., столб. № 168.

³⁾ Новгородскій ст., столб. № 606.

⁴⁾ Приложение № 24, стр. LII.

⁵⁾ А. М. Ю. Новгород. ст., столб. № 96.

¹⁾ А. М. Ю. Владимир. ст., столб. № 43.

²⁾ Ibidem, Новгород. ст., столб. №№ 108, 165, 708.

³⁾ Ibidem, Приказ. ст., столб. № 773.

⁴⁾ Ibidem, Бѣлгород. ст., столб. № 1397 л. 624-627.

что накануне новаго столѣтія въ борьбѣ съ эпидеміей шли старой дорожкой¹⁾.

Для сведенія заставы такъ же, какъ и для установленія ея, требовался особый царскій указъ. Напримѣръ, въ 1628 г. изъ Москвы былъ посланъ указъ поставить заставы со стороны Кіева, причемъ писалось: „А будетъ отъ лазутчиковъ, которыхъ вы пошлете, или отъ выходцевъ, или отъ полоняниковъ въ вѣстяхъ у васъ объявится, что въ Кіевѣ и иныхъ литовскихъ въ порубежныхъ городахъ повѣтрія нѣтъ, и вы бы о томъ тотчасъ къ намъ отписали, а *заставъ безъ нашего указу* не сводили“²⁾. Въ 1677 г. торопецкій воевода высказалъ въ Москву розыскныя сказки о прекращеніи морового повѣтрія, добавивъ къ отпискѣ: „а *заставъ мы х. т. безъ твоего в. г. указу* свести не смѣемъ“³⁾. Въ 1690 г. въ Москву доносили воевода Бѣлгородскій о сообщеніи полковника Шилова „что де то моровое повѣтріе въ Царевѣ Борисовѣ всеконечно унялось и утихло... и нынѣ де нѣтъ, а сторожъ свести онъ не смѣетъ и о томъ бы ему твой в. г. указъ учинить“⁴⁾.

Весьма часто воеводы возбуждали ходатайство о сведеніи заставъ въслѣдствіе просьбъ объ этомъ мѣстныхъ жителей. Въ 1657 г. виленьскій воевода писалъ въ Москву: „въ Вильнѣ г. въ сѣзжую избу приходятъ многіе шляхта, и мѣщане, и повѣтные люди и быють челомъ тебѣ в. г., многіе де въ мѣстечкахъ и въ селахъ и въ деревняхъ повѣтные люди умирають томною смертію съ голоду, потому что въ Вильну де г. за заставами изъ повѣтовыхъ хлѣбныхъ запасовъ не возятъ, и чтобъ ты г. ихъ пожаловалъ, велѣлъ отъ Гродни и отъ Гродненскаго и отъ иныхъ повятовъ, гдѣ морового повѣтрія нѣтъ, заставы свести. И я х. т... безъ твоего г. указу заставъ свести не смѣю, и о томъ, какъ ты в. г. укажешь“⁵⁾.

Установленію, а еще въ большей степени сведенію заставъ предшествовали обыски, которые производились черезъ мѣстныхъ людей специально присланными „сызниками“. Напримѣръ въ 1631 г. „по государеву указу посланы для обыску про моровое повѣ-

¹⁾ Наши матер. т. III, ч. II, стр. 6—8.

²⁾ А. М. Ю. Разряд. вѣд. № 21, д. 14.

³⁾ А. М. Ю. Приказн. ст., столб. № 773.

⁴⁾ Ibidem Бѣлгород. ст., столб. № 1897.

⁵⁾ Ibidem Московск. ст., столб. № 272.

ріе на Рязань въ Пересвѣтскій станъ князь Михайло княжъ Оedorовъ сынъ Борятинскій, на Коломну въ Коломенскій уѣздъ Данило Мясной, въ Коломенскій же уѣздъ по сю сторону Коломны Богданъ Лупандинъ, а велѣно имъ про моровое повѣтріе сыскати всякими людьми всякими сыски накрѣпко; да будетъ гдѣ моровое повѣтріе на люди объявилось, и имъ въ тѣхъ мѣстахъ велѣно заставы поставить“¹⁾.

Въ томъ же году въслѣдствіе эпидеміи съ эпизостіей въ Московскомъ уѣздѣ, по Серпуховской, Каширской и Калужской дорогамъ было предписано произвести обыскъ и „обыскнымъ всякимъ людямъ сказати именно, чтобы они про моровое повѣтріе сказали въ правду, архимандриты и игумены по иноческому обѣщанію, а попы и дьяконы по священству, а мірскіе люди по г. т. крестному пѣлованью, а которые обыскные люди про моровое повѣтріе въ обыску правды не скажутъ, тѣмъ людямъ быть въ большемъ наказаніи и въ казни“²⁾.

Заслуживаетъ вниманія, что обыскъ производился посредствомъ опроса населенія заморныхъ мѣстъ и прилежащихъ къ нимъ вполне еще благополучныхъ. Такъ въ 1643 г. „лучшия заставы и сторожи велѣно тѣхъ селъ и деревень всякихъ людей не допуская до заставы за заставою черезъ огонь роспрашивать, кто именемъ и какіе люди у нихъ и въ который кто день какою язвою умеръ, и давно-ль у нихъ людское моровое повѣтріе и какими обычай и отчего учинилось и сколько день больны бывають“. Одновременно съ тѣхъ повелѣвалось: „*около тѣхъ селъ и деревень*, въ которыхъ людское моровое повѣтріе, *въ зори оныя мѣстца* взяти обыски“³⁾.

При обыскѣ къ опросу привлекалось огромное количество населенія. Напримѣръ, въ 1631 г. было опрошено не менѣе 1000 человекъ, и въ 1643 г. не менѣе 1538 душъ! Эти цифры представляютъ учетъ поименно показанныхъ въ обыскныхъ записяхъ. Но кромѣ перечисленныхъ лицъ, опрашивались и другіе, о которыхъ въ актахъ присовокупляется: „и всѣ крестьяне“ или „и всѣ крестьяне, а сколько ихъ—того не написано“⁴⁾.

¹⁾ А. М. Ю. Владимир. ст., столб. № 43.

²⁾ Ibidem, Приказн. ст., столб. № 146 л. 43—60.

³⁾ А. М. Ю. Приказн. ст., столб. № 146, л. 143—157 и Москов. ст., № 160, л. 471—492.

⁴⁾ Ibidem, Приказн. ст., столб. № 146 и Владимир. ст., столб. № 43.

Нельзя обойти молчаніем своеобразной прямотой государственнаго хозяйства московской эпохи, къ глубокому прискорбію не чуждой и современной бюрократической системѣ. Какъ извѣстно, въ нынѣшнемъ году наше отечество постигло исключительное бѣдствіе—голодають многіе десятки милліоновъ крестьянскаго населенія неурожайныхъ мѣстностей; но казенное вино заготовляется и распродается въ количествахъ значительно большихъ, чѣмъ въ предшествующій благополучный годъ; но подати выколачиваются безотносительно къ постигнутому народу бѣдствію. Тоже встрѣчается и въ XVII столѣтіи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ 1690 г. изъ Курска донесли въ Москву, что вслѣдствіе установленія заставъ около города и уѣзда „на Курскомъ кружечномъ дворѣ винная и медовая продажа остановилась“. Немедленно изъ Москвы послѣдовалъ указъ ослабить карантинныя строгости, а именно: „съ подряднымъ виномъ въ Курскъ пропускать“¹⁾

Столь же мало истинно народнымъ характеромъ отличалась податная политика. Тогда же изъ Курска поступила челобитная, въ которой курское населеніе писало: „волею Божіею въ Курску на посадѣ въ разныхъ слободахъ учинились на люди упадокъ и многіе посадскіе люди померли, и за тѣмъ упадкомъ въ городы нигде для торговыхъ промысловъ пропускать ихъ не велѣно и въ Курску у нихъ никакихъ торговъ не бываетъ и отъ того они оскудали и обѣднѣли и в. г. пожаловали бы ихъ для того упадку и для ихъ скудости тѣхъ стрѣлцкихъ денегъ править на нихъ не велѣно“²⁾. Челобитная не имѣла успѣха, вслѣдствіе чего спустя нѣкоторое время куряне подали опять челобитную, въ которой докладывали: „велѣно съ насъ сиротъ вѣннихъ... взять стрѣлцкія деньги и *иные азъ тѣхъ деньги сполна мы сироты вѣнны на правяемъ*, а намъ х. в. тѣхъ стрѣлцкихъ денегъ платить нечѣмъ и взять негдѣ, потому что промышленниковъ своихъ отбыли... милосердый государь... велите... указъ учинить и въ стрѣлцкихъ деньгахъ для нашего разоренія *дать льготу...* чтобъ намъ х. в. съ женами и дѣтьми отъ того въ конецъ не разориться“³⁾.

¹⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. ст., стр. № 1897 л. 399—401.

²⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. ст., стр. № 1897 л. 454.

³⁾ Ibidem, л. 502—503 и Приложение № 13, стр. XL и XLI.

Мѣры, принимавшіяся московскимъ правительствомъ во второй половинѣ XVII столѣтія противъ заразныхъ эпидемическихъ болѣзней, съ одной стороны, носятъ черты строгой выработанности и большой цѣлесообразности; а съ другой, въ нихъ чувствуется смѣсъ началъ цѣлесообразныхъ со средствами религіознаго характера, прямо вредными и не достигающими цѣли.

Въ теченіе XVII ст. мы находимъ еще многочисленныя случаи употребленія религіозныхъ средствъ для борьбы съ эпидеміями.

Такъ въ 1646 году въ Хотмыжскій городъ на рѣку Вореклу былъ посланъ крестъ со святыми мощами по случаю того, что населеніе страдало „всеими разными болѣзнями, а иные одержимы нечистымъ духомъ“¹⁾.

Въ 1647 г. въ новый Царевъ-Алексѣевъ городъ былъ посланъ крестъ съ мощами, причемъ повелѣвалось встрѣтить крестъ „съ великою честью со священники и со кресты и со всеми людьми за посадомъ, гдѣ пригоже, и принести бѣ его въ соборную церковь и иѣти молебны и воду святить и тою водою святою людей и животину и лошади кроить и впредь по воскресеньямъ и въ праздники молебны иѣти и для исцѣленія воду святить“²⁾. Подобное распоряженіе создавало весьма благопріятную обстановку для распространенія заразы, но поэтому дѣло не остановилось, и было еще приказано крестъ „допустить на Оскать. А которые города въ Олшанскомъ, на Короголицѣ, на Усѣрдѣ и на Валуику и въ другихъ урянскихъ городахъ учнутъ просить того животворящаго креста... отпустить съ великою честью... въ городахъ съ животворящимъ крестомъ быть дни по два и по три“.

Въ 1649 г. въ Курскъ былъ посланъ крестъ со св. мощами вслѣдствіе того, что стало извѣстно, что тамъ „многіе нападными болѣзнями и скорбми и страхованіемъ болѣзнуютъ“³⁾. Въ томъ же году послали крестъ съ мощами въ городъ Карповъ, гдѣ также страдало населеніе „нападными болѣзнями и страхованіемъ“⁴⁾.

Какъ и въ предшествующіе годы, въ 1649 году наказывалось крестъ встрѣчать всемъ населеніемъ „съ женами и съ дѣтьми“.

¹⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. ст., стр. № 256.

²⁾ Ibidem, № 292.

³⁾ Ibidem, № 288.

⁴⁾ Ibidem, № 303.

служить молебны, кропить водою людей и животных, и посылать крестъ по отдѣльнымъ населеннымъ мѣстностямъ.

Въ 1655 г. было приказано въ Козловѣ, въ сѣзжей избѣ собраться „старостѣ поповскому и соборнымъ священникамъ изъ посадовъ и изъ селъ и изъ деревень приходскимъ священникамъ и выборнымъ головамъ всего Козловскаго уѣзда“ и сказать имъ, чтобъ они „видя Божій праведный мечъ, насъ грѣшныхъ постигающій за наше премногое окаянство, просили бѣ у Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи и заступленія, постились бѣ безпрестанно и приходили бѣ къ церквамъ Божиимъ, и дѣтиямъ бы своимъ духовнымъ въ Козловѣ и въ Козловскомъ уѣздѣ приказывали поститца жъ“. Головы были обязаны приказать во всемъ уѣздѣ, чтобъ все люди „отцовъ своихъ духовныхъ слушали, постились бы и приходили къ церкви Божией“¹⁾.

Въ 1657 г. доноситъ воевода изъ Царевичева—Дмитріева, что население „сентября въ 25 д. на память великаго чудотворца Сергія и на завтра на память евангелиста Христова Богослова Ивана за твое в. г. здоровье *молебствоваши* и съ воскреснаго дня до праздника Покрова Пречистыя Богородицы *постились* и *общались* образы вымѣнить и къ прежней церкви благовѣрнаго царевича Дмитрія всеа Русіи чудотворца трапезу придѣлать и на верху церковь престолъ Покрова Пресв. Богородицы съ претѣльными престолами“²⁾.

Въ 1690 г. по случаю мороваго повѣтрія и появленія саранчи въ Курскѣ былъ посланъ указъ, чтобъ „курчане всякихъ чиновъ люди, видя такой по волѣ Божией. Успенскій нынѣшній постъ постили, и отъ брашенъ и питья имѣли воздержаніе, и приходили бѣ во время божественныхъ службъ къ церквамъ Божиимъ и молились Господу Богу и его Богоматери Пречистыя Владычицѣ нашей Пресв. Богородицѣ и всемъ святымъ, и у отцовъ духовныхъ исповѣдывались и св. Христовыхъ божественныхъ таинъ, кто достоинъ, причещались, дабы онъ Всесильный и Всевидяшій Милостивый въ тройцѣ славимый Господь Богъ нашъ, гнѣвъ свой праведный и тлетворный вѣтръ отвратилъ и отъ того губительнаго недуга избавилъ и даровалъ бы всемъ православнымъ христіанамъ здравіа; а если кто престарѣлъ или не-

мочный, и таковымъ въ тѣхъ постныхъ дняхъ также въ постѣ пребывая отъ рыбныхъ съедей воздержался бѣ и нужды ради кормились сухоѣденіемъ; и въ тѣ бѣ постные дни въ Курску въ ряду, въ лавкахъ, торговые люди для продажи рыбъ не были бѣ“¹⁾.

Въ 1690 г., по указу Іоанна и Петра Алексѣевичей повелѣвалось „на Коротоякѣ и въ Коротояцкомъ уѣздѣ во всехъ селахъ и деревняхъ людямъ всякаго возрасту учинить приказъ съ potvrжденіемъ накрѣпко, чтобъ они... священникомъ и отцамъ своимъ духовнымъ были послушны и постъ содержали, а промышленнымъ людямъ заповѣдать накрѣпко жъ, чтобъ они въ тое седмицу, какъ уречено будетъ постъ, рыбы и мясныхъ ядей отнюдь не продавали бѣ“. Этотъ указъ появился въслѣдствіе свирѣпствовавшего „въ Курскѣ и въ иныхъ не въ дальнихъ городахъ повѣтрія“²⁾.

Святая вода употреблялась, повидимому, не только какъ средство предупредительное, но и какъ дезинфицирующее. Такъ въ 1660 г. послѣ смерти женки татарки передъ Стрѣлецкимъ приказомъ повелѣвалось: „а въ которыхъ мѣстахъ та женка *блуждала* и *умерла*, и тѣ мѣста... *выскоблить* и *водою смывать* и *святою водою окропить*“³⁾.

Оставляя въ сторонѣ религіозныя средства и сосредоточиваясь на карантинныхъ и заставныхъ мѣропріятіяхъ московской администраціи, нельзя не признать, что эти послѣднія мѣропріятія отличались большою цѣлесообразностью.

Во-первыхъ, лица, оставшихся въ заморныхъ домахъ, не погребали живо въ очагахъ заразы, какъ это дѣлалось у насъ раньше или даже въ то время на Западѣ, а выводили „въ иные дворы“ на испытаніе въ теченіе срока отъ двухъ недѣль до восьми. Во-вторыхъ, вводилась обязательная дезинфекція предметовъ и жилищъ. Для дезинфекціи употреблялись крайнія температуры и окуриваніе можжевеловымъ и полыню.

Эти мѣропріятія тѣмъ болѣе замѣчательны, что во Франціи, напримѣръ, по ордонансу 1596 г. и послѣдующимъ зачумленные дома изолировались со всемъ населеніемъ, а на домахъ выставлялся большой бѣлый крестъ для предупрежденія.

¹⁾ Наши матер. т. II, стр. 294.

²⁾ А. М. Ю. Моск. ст., стр. 279 л. 83—85.

¹⁾ А. М. Ю. Изгород. ст., стр. 389 л. 366—369.

²⁾ Наши матер. т. II, стр. 333.

³⁾ Приказаніе № 25 стр. LVI.

Для дезинфекции тамъ также употреблялось окуриваніе можжевеловыми дровами, уксусомъ и другими сильно пахучими веществами. Во время эпидеміи конца XVI столѣтія парижане обвязывались ежедневно утромъ и вечеромъ раскладывать *костры* на улицахъ, чтобы „очистить воздухъ и прогнать заразу“.

Въ качествѣ предохранительнаго и терапевтическаго средства французское правительство рекомендовало разные настои изъ корицы, гвоздики, лимона и т. д. Московская администрація въ соответственныхъ случаяхъ пускала въ ходъ свои самобытныя средства. Такъ въ 1640 г. въ Яблонецъ больнымъ „отъ мыту“ и на Усердь стрѣльцамъ, которые „ощипажали“, были отпущены вино, перецъ и уксусъ ¹⁾. Въ 1647 г. уксусъ и перецъ были отпущены въ Олшанскій городъ по случаю ботѣзны „отъ полевыхъ вѣтровъ“ ²⁾. Тѣми же средствами снабжались больные въ Чугуевѣ, Хотмыжѣ, Вольномъ, Курганѣ и т. д.

Въ 1664 г. ратные люди изъ Сѣвска заявили, что они „ощипажали и многіе болѣли... а сбитню и уксусу нѣтъ“ ³⁾. Въ мартѣ 1666 г. по просьбѣ кievскихъ ратныхъ людей было приказано отпустить въ Кіевъ „ратнымъ людямъ, которые болѣли сто ведеръ сбитню и триста ведеръ уксусу изъ Приказа Большого Дворна“, но такого огромнаго количества тамъ не нашлось, такъ какъ передъ тѣмъ сбитень и уксусъ были отправлены въ Витебскъ и Полоцкъ ⁴⁾.

Въ 1690 г. въ Курскъ было отпущено 2 бочки вина для стрѣльцовъ заморной слободы съ указомъ, чтобы „они пятисотенный и приставы то вино держали въ сѣбѣжей избѣ за печатями и за своимъ карауломъ и о дачѣ вина больнымъ для ихъ нужды поскольку доведется, а не во пьянство“ ⁵⁾.

До насъ дошла небольшая часть того огромнаго бумажнаго матеріала, который могъ бы возстановить передъ нами всю картину кипучей работы московскаго правительства въ области врачебнаго строенія вообще и въ частности въ области борьбы съ эпидеміями. Въ этой послѣдней сферѣ было затрачено особенно много энергіи. Политическія, хозяйственныя и бытовыя условія

¹⁾ А. М. Ю. Белгород. ст., столб. №№ 117 и 169.

²⁾ *ibidem* № 219.

³⁾ *ibidem* Новгород. ст., столб. № 547.

⁴⁾ *ibidem* № 588; см. стр. 285.

⁵⁾ А. М. Ю. Белград. ст., столб. № 1897 л. 366—369.

были весьма благоприятны для развитія эпидемій. Развитіе же ихъ угрожало самому существованію государства. Вотъ почему Москва была соединена бумажными нитями со всѣми частями государства и непрерывно въ ту и другую сторону летѣли указы, отписки, списки и т. д. Весь приказный механизмъ всегда былъ на стражѣ эпидеміи и „протѣдываніе“ никогда не прекращалось.

Характерно, что московское правительство ужько совмѣщать протѣдываніе насчетъ эпидеміи съ собираніемъ свѣдѣній чисто политическаго свойства. Въ 1639 г. протѣдываютъ, наирѣмѣрь, что французскій и швейцарскій короли воюють съ цесаремъ, что литовскій королевичъ поварь въ французскому королю въ пѣнѣ и т. д. ¹⁾.

Въ 1653 г. наводятъ справки, гдѣ нынѣ король польскій и гетманъ литовскій Радзивилъ стоятъ, и сколько съ ними извѣстныхъ служилыхъ людей козлыхъ и пѣшихъ, и что они учинили съ завороженымъ гетманомъ съ Богданомъ Хмельницкимъ и съ черкасы“ ²⁾.

Въ 1656 г. на Виленской заставѣ развѣдчики протѣдали, что Швецскій король... Брескъ взялъ“ ³⁾. Въ 1657 г. было дозвано, что „графъ Магнусъ изъ Рини Фдучи къ Вольдемару умеръ“ ⁴⁾. Въ 1658 г. Аонасій Намекинъ, воевода Царевичева, Дмитріева получилъ указъ „протѣдать, датскій король съ швейцарскимъ королемъ войну впрямъ ли зачалъ и подъ Ригоръ и по инымъ мѣстамъ воинскіе люди датскаго короля естъ-ли“. Воевода донесъ: „а по многому мнѣ х. т. вѣдомо, что корабли воинскіе датскаго короля въ полѣ мѣсяцъ подходили близко Шанцовъ устья Двины рѣки... А нынѣ швейцарскій король въ Голетѣнской землѣ также и датскаго короля многія войска и межъ ними де г. война безъ престани, а въ Ригѣ г. меровое повѣтріе утишается“ ⁵⁾.

Въ 1665 г. узнають, что въ англійской землѣ дважды былъ бой съ бунтовщиками, изъ воихъ 200 чел. посажено въ крѣпость, что въ галанской бой со швейцарскими людьми, что галанцамъ будетъ помогать король французскій и т. д., причѣмъ для каждаго случая узнають сколько въ тысячахъ войскъ пѣшихъ и козлыхъ.

¹⁾ Наши матер. т. II, стр. 193.

²⁾ Наши матеріалы т. II, стр. 292—293.

³⁾ А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 272.

⁴⁾ *ibidem* № 279.

⁵⁾ А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 279 л. 10—17.

Въ 1674 г. распространяють „и про турецкаго салтана, и про крымскаго хана, и про ихъ замыслы къ войнѣ“¹⁾.

При посылкѣ на развѣдки предписывалось, какъ было, положимъ, въ 1690 г., „идучи дорогою про вѣсти непріятельскихъ людей и про моровое повѣтріе провѣдывать... и отъ кого что про воинскихъ людей какихъ вѣстей и о моровомъ повѣтріи и о всякихъ здѣшнихъ поведеніяхъ вѣдомостей учинится и по тѣмъ вѣдомостямъ учнется дѣлать... о всемъ писать подлинно“²⁾.

Конечно, добросовѣстность въ этихъ случаяхъ была необходима. Но московскому правительству могли доставляться недѣльные свѣдѣнія bona fide. Напримѣръ, въ 1681 г. къ Петру Ивановичу Хованскому вмѣсто извѣщенія о моровомъ повѣтріи на Орликѣ была послана цѣлкою отписки полуполковника Якова Готфрда Эрнста „для того что та отписка писана просто и глупо, про все выписать изъ ней на перечень нельзя“³⁾.

Большой интересъ представляетъ вопросъ о характерѣ эпидемическихъ заболѣваній, по изученію этого вопроса выходитъ за передѣлы нашей специальности. Въ источникахъ мы находимъ различныя указанія на болѣзни: „объявилась язва на щекѣ“, „опухоль на шеехъ“, „будто огневая съ лихорадкой, перво заболитъ голова, постѣ возьметъ за животъ въ 3 дни и велико въ 5 день, и умирають“, „болѣють головою и поносомъ, и рудокъ, не ходять, и въ болѣзняхъ съ ума сходятъ, и поясницы болятъ и отъ того желѣзы отмѣиваются“ и т. д.⁴⁾.

Внѣ круга нашего изслѣдованія мы оставили также статистику смертности, но старались при этомъ выяснитъ, была ли свѣдѣнная московской администраціи самая мысль объ учетѣ умершихъ и каковы были приемы, употреблявшіеся для этой цѣли.

Нѣкоторыя данныя о размѣрахъ смертности находимъ все-таки въ извлеченныхъ нами матеріалахъ. Такъ въ 1624 г. съ Дона пришло донесеніе, „атаманъ де Шила и товарищи его 500 человекъ черкасъ *все померли безъ остатку*“. Такое количество народа, повидимому умерло „съ *Филипповыхъ заповѣдъ* по Рож-

¹⁾ Наши матер., т. II, стр. 245.

²⁾ *ibidem*, стр. 328—330.

³⁾ Наши матер., т. II, стр. 271.

⁴⁾ А. М. Ю. Бѣлгород, ст., столб. № 1897; Приказни ст., столб. № 146, Московск. ст., столб. № 160.

дество“¹⁾. Въ 1631 г. лазутчики у Новаго городища узнали что „близко де Миргородка вымерло двѣ слободы“²⁾. Въ 1653 г. въ пограничномъ городѣ Чернухѣ „люди *все* вымерли моровымъ повѣтріемъ“³⁾. Въ томъ же году въ Вологдѣ съ посадами умерло „мужского полу-большихъ 212 ч., да женъ умерло 166, да дѣтей мужского и женскаго полу 154 ч. И всего муж. полу и женъ ихъ и дѣтей умерло 532“⁴⁾ человекъ. Тогда же съ 6 сентября по 12 ноябрю въ г. Кашинѣ отъ морового повѣтрія умерло 84 ч. обоюго пола⁵⁾. Въ 1654 г. въ Олексинѣ „отъ морового повѣтрія умерло поповъ, и стрѣльцовъ и пушкарей, и рыбаковъ; а что было г. посадскихъ людей *все* померли, и женъ ихъ и дѣтей, и братій, и племянниковъ 370 человекъ“⁶⁾. Въ 1657 г. съ 1 по 14 мая въ Вильнѣ умерло съ язвами 70 человекъ⁷⁾. Въ 1690 г. въ Новобогородицкомъ городкѣ на Самарѣ въ живыхъ „осталось мужского и женскаго полу только 15 человекъ“, а изъ болѣе подробныхъ донесеній видно, что тамъ съ 22 февраля по 2 апрѣля умерло 470 человекъ⁸⁾. Въ томъ же году въ Курскѣ съ 26 іюня по 7 августа однихъ стрѣльцовъ умерло 374 чел., женщинъ 248 и дѣтей 229 душъ⁹⁾.

Какимъ же образомъ производился учетъ умершихъ? Напримѣръ, въ 1655 г. Козловскому воеводѣ былъ посланъ указъ „въ Козловѣ городѣ, и на посадѣ, и въ слободахъ, и въ Козловскомъ уѣздѣ въ дворцовыхъ селехъ и отица... в. г. святѣйшаго патриарха московскаго т. въ вотчинахъ, и въ митрополичьихъ, и въ архіепископскихъ, и епископскихъ, и монастырскихъ, и церковныхъ вотчинахъ и т. г. бояръ, и окольныхчихъ, и думныхъ, и ближнихъ людей, и стольниковъ, и стряпчихъ, и жильцовъ, и дворянъ московскихъ и городовыхъ всякихъ чиновъ людей въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ *переписати на списъ*, сколько человекъ имяны и какого чину людей *отъ морового повѣтрія умерло*

¹⁾ *ibidem*, Прикази, ст., столб. № 12 л. 86—87.

²⁾ *ibidem*, столб. № 42 л. 142—150.

³⁾ *ibidem*, столб. № 203 л. 87—89.

⁴⁾ *ibidem*, Московск. ст., столб. № 271 л. 611—614.

⁵⁾ *ibidem*, столб. № 271 л. 578—585.

⁶⁾ Проложеніе № 13.

⁷⁾ А. М. Ю. № 272 л. 107—110.

⁸⁾ *ibidem*, Бѣлгородскій ст., столб. 1897 л. 62—64, 88—107.

⁹⁾ *ibidem*, л. 397—398.

и сколько человек осталось живым на лето, и темъ людямъ росписи велено принести ко мнѣ з. т. тотчасъ. И изъ тѣхъ росписей тѣмъ умершимъ и остаточнымъ всякихъ чиновъ людямъ сдѣлать переписную роспись по именамъ... Изъ длиннаго перечня всякаго рода вотчинъ и помѣстій видно, что переписи не преслѣдовала какихъ либо фискальных цѣлей¹⁾.

О самомъ способѣ установленія числа умершихъ даетъ нѣкоторое представленіе другой документъ, именно указъ о сыскѣ на Валуйскъ людей, предвѣзданныхъ въ Воронежъ „для стругового дѣла“. Въ виду того, что въ Воронежѣ не были высланы изъ Валуйки работники и потому именно, что тамъ померло „ст. 600 человекъ, окрѣпъ „сенска поду“, былъ посланъ на Валуйку „значной человекъ“ „разыскать валуйчанъ гражданскихъ и уѣздныхъ и *принимать* людьми отъ чего тотъ упадежъ на люди учинился, и сколь давно и какою болѣзью и сколько человекъ померло“. Эти *принимы* изъ мѣстныхъ людей и дали весь матеріалъ для сужденія о числѣ умершихъ и причинахъ болѣзни²⁾.

Въ 1677 г. о моровомъ повѣтріи въ Красножъ Клину было опрошено живущихъ людей 73 чел., а въ 1631 г. во Владимирскомъ, Коломенскомъ и др. уѣздахъ болѣе 1600 человекъ³⁾. Такова была энергія московской администраціи.

Подробный учетъ умершихъ производился обязательно во всѣхъ случаяхъ появленія заразной болѣзни. Напримѣръ, въ 1664 г. изъ Городецка воевода донесъ о числѣ и времени скончавшихся, а также средней продолжительности болѣзни хворавшихъ, но изъ Москвы последовалъ грозный указъ: „за отъ чего на Городецкѣ моровое повѣтріе на люди учинилось, отъ тутешнихъ-ли живущихъ, или отъ прїѣзжихъ и отъ прохожихъ людей и сколько въ которомъ дворѣ людей умерло порознь, и кто именно, и въ коихъ числахъ—о томъ ты къ намъ *именно* не отписать, званно, что ты нашего указу не слушаешь, а по нашему указу велѣно тебѣ про моровое на люди повѣтріе и про упадокъ людямъ писать *именно*, и ты тотъ нашъ указъ поставилъ въ оплошку“⁴⁾. Изъ этого ясно видно, что общихъ отече-

товъ о смертности московское правительство не признавало, оно настаивало на строго индивидуализированныхъ свѣдѣніяхъ.

Намъ остается еще коснуться мѣропріятій московской администраціи въ борьбѣ съ эпизоотіями.

Эпизоотіи—явленіе весьма обычное въ нашей русской исторіи. Если на Западѣ Европы скотскіе падежи отъ повальныхъ болѣзней отошли въ область прошлаго, то у насъ онѣ и до сихъ поръ охватываютъ обширные районы и наносятъ народному хозяйству миллионныя убытки. Чума, сибирская язва, повальное воспаленіе легкихъ и другія болѣзни постоянно держатъ русскаго сельскаго хозяина въ своей губительной власти. На первыхъ страницахъ отечественныхъ лѣтописей и въ текущей газетной литературѣ приходится наталкиваться на одну и ту же печальную повѣсть захвата заразою цѣлыхъ областей. Но какъ и много вѣковъ тому назадъ, въ наши дни практикуются все тѣ же стародавнія средства борьбы съ бѣдствіемъ. Эти средства нельзя не признать весьма цѣлесообразными для своего времени и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть, что народный гений, создавшій ихъ въ первоначальный періодъ своей исторіи, въ послѣдующія столѣтія къ нимъ ничего почти не прибавилъ.

Первое упоминаніе объ эпизоотіи находимъ въ лѣтописяхъ подъ 1264 г., гдѣ читаемъ: „бысть великій моръ во скотѣхъ“¹⁾. Такое же извѣстіе встрѣчается спустя двадцатилѣтіе²⁾. Въ 1291 г. лѣтописецъ пишетъ: „поморна кони въ Новгородѣ, мало ся оста“³⁾. Въ 1298 г. „бысть моръ на скотъ“⁴⁾.

Въ XIV ст. отмѣчено нѣсколько крупныхъ эпизоотій, совпавшихъ съ эпидеміями. Въ 1309 г. „бысть моръ на люди и на кони и на всякій скотъ“⁵⁾. Въ 1321 г. былъ „моръ на люди и на кони“⁶⁾. Спустя двадцать лѣтъ „скотъ рогатый помре“⁷⁾. Въ 1373 г. „на кони и на коровы и на овцы и на всякъ скотъ былъ моръ великъ“⁸⁾. Въ 1375 г. былъ „моръ на люди и на скотъ

¹⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. Сиб. 1843 г. т. II, Густ., стр. 343.

²⁾ *ibidem*, т. II, Ипатьев., стр. 213.

³⁾ *ibidem*, Сиб. 1841 г. т. III, Новгород. I, стр. 68.

⁴⁾ *ibidem*, т. I, Лаурент., стр. 208, Сиб. 1846 г.

⁵⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. VI, Сиб. 1856 г. Воскрес. лѣт. стр. 185.

⁶⁾ *ibidem*, Лаурентьев., стр. 229.

⁷⁾ *ibidem*, Новгород. т. I, стр. 81.

⁸⁾ *ibidem*, Сиб. 1897 г. т. XI, Никонев., стр. 21.

¹⁾ Намн. матер. т. II, стр. 294—295 и Приложение № 13.

²⁾ *ibidem*, т. III, ч. II, стр. 21—26, 29—34.

³⁾ Намн. матер. т. II, стр. 253—266 и Владимир. ст. столб. № 43.

⁴⁾ Дополн. къ акт. истор. т. III, № 119, XXV, стр. 465.

въ Твери¹⁾. Въ 1393 г. въ Новгородѣ „скоти умираху, изомроша множество“²⁾.

Эпизоотія XV столѣтія относится лѣтописями къ первой половинѣ его. Въ 1443 г. въ Твери „скотъ померлъ, а люди мерли по улицамъ“³⁾. Въ 1444 г. въ Новгородѣ „начаша конѣ мерети много во градахъ и во властехъ“⁴⁾. Въ 1445 г. „оже въ Новгородѣ кони много падуть“⁵⁾. Въ 1448 г. „моръ бысть на конѣ да и люди мерли“⁶⁾.

Въ 1573 г. въ Новгородѣ „добри пали лошади добрыи по дорогамъ и деревнямъ, и рогатой животъ во дворѣхъ и по дорогамъ“⁷⁾. Дальнѣйшихъ извѣстій не содержатъ наши лѣтописи, но, какъ видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, они не отличаются полнотою, позволяющею дѣлать выводы о *морпропітіяхъ*. Такого рода материалы начинаютъ встрѣчаться съ начала XVII столѣтія.

Московская администрація прекрасно понимала, что зараза можетъ передаваться отъ скота человеку. Такъ въ 1631 г. изъ Коломенскаго уѣзда писали „на люди де та язва пала отъ лошадей“⁸⁾. Въ 1640 г. доносили изъ Брянска, что „во Брянскомъ уѣздѣ въ Воротнецкой волости отъ города во 120 верстахъ учинилось *первое* падежъ на лошади, а послѣ учинилось моровое повѣтріе на люди отъ конскаго падежу, какъ почели съ падежныхъ съ лошадей кожи снимать“⁹⁾. Въ 1643 г. крестьяне села Хуповны при обыскѣ о моровомъ повѣтріи показали, что „одинъ крестьянинъ умеръ, ободрали онъ лошадь и умеръ... да въ деревнѣ Оед. Иван. Голенищева крестьянинъ закапывать лошадь и тотъ умеръ“¹⁰⁾. О второмъ крестьянинѣ была даже показана такая подробность, что онъ „закапывалъ падежную лошадь и отъ тое падежныя лошади брызнула на него руда и отъ того умеръ“¹¹⁾. Въ деревнѣ Онеужной умеръ крестьянинъ съ сыномъ „пострѣломъ — съ лошади кожу снимали“¹²⁾.

¹⁾ Ibidem, т. XV, Сиб. 1863 г. Тверская, стр. 135.

²⁾ Ibidem, т. VI, Сиб. 1853 г. Софійская П., стр. 123.

³⁾ Ibidem, т. XV, Тверская, стр. 492.

⁴⁾ Русская лѣтопись по Никонов. списку, Сиб. 1789 г. ч. V, стр. 193—194.

⁵⁾ Ibidem, т. IV, Сиб. 1848 г. Новгород IV, стр. 123.

⁶⁾ Ibidem, т. IV, Новгород IV, Христогр. стр. 146.

⁷⁾ Ibidem, т. III, Сиб. 1841 г. Новгород II, стр. 172.

⁸⁾ Арх. Мин. Вост. Владимир. ст. столб. № 43, л. 1—7.

⁹⁾ Ibidem, Приказ: ст. столб. № 130 л. 740—746.

¹⁰⁾ Ibidem, Приказ: ст. столб. № 146, л. 20.

¹¹⁾ Ibidem, л. 41—43.

¹²⁾ Ibidem, л. 146—157.

Въ 1655 г. доносили въ Москву Ивашко Голицынъ и Васыка Шпилькинъ, „что въ Кашинскомъ уѣздѣ и въ иныхъ городахъ въ селахъ и въ деревняхъ учинился на лошади и на иную всякую животину падежъ; и въ которыхъ мѣстахъ учили животину обдирать, и отъ того въ иныхъ мѣстахъ помирають люди скорою смертию и съ язвою“¹⁾.

Съ цѣлью воспрепятствованія переносу заразительныхъ болѣзней отъ скота къ людямъ принимались разнообразныя мѣры. Воспреещалось, напримѣръ, снимать кожи съ палыхъ животныхъ, а также предпринималось ихъ тщательное погребеніе. Въ 1631 г. въ Коломенскій уѣздъ былъ посланъ указъ падежныхъ животныхъ „закапывать въ землю глубоко сажени на 2, а кожу съ падежныхъ лошадей и съ животныхъ одиолочно снимать не велѣть... а которые люди учнутъ съ падежныхъ лошадей и съ животныхъ кожи снимать и тѣмъ людямъ чинить наказаніе и сажати въ тюрьму на время“²⁾. Въ томъ же году была послана грамота въ Переславскій уѣздъ въ Окружскую волость „Окружскія волости и окольнымъ всякимъ людямъ заказать накрѣпко, чтобъ они съ мертвою животиною съ лошадей и съ коровъ и съ иной со всякой животины кожъ не сымали и не продавали, а конати бѣ тое мертвую животину въ землю совѣтъ; а будетъ кто учнетъ съ мертвыхъ лошадей и съ коровъ и со всякой животины кожи сымати, и тѣхъ людей велѣти сыскивать и за воровство учинить имъ наказаніе, бити кнутомъ и отсылать въ Переславль въ тюрьму на время, чтобъ инымъ такимъ не повадно было такъ воровать“³⁾.

Въ 1640 г. 5 августа былъ изданъ слѣдующій интересный указъ, которымъ повелѣвалось: „у которыхъ людей на Москвѣ лошади и жив. всякая падеть и съ тѣхъ бы лошадей и со всякія животины кожъ не снимали и тѣ падежныя лошади и всякую падежную животину за землянымъ городомъ на полыхъ мѣстахъ копали въ землю не мелко; а въ Кнтаѣ, и въ Бѣломъ, и въ Землянскомъ городѣ въ улицахъ и за городомъ въ слободахъ падежныхъ лошадей и всякія падежныя жив. и собакъ мертвыхъ, и кошекъ, и иного ничего мертвого одиолочно нигдѣ не метали

¹⁾ Ibidem, Москов. ст., столб. № 271 л. 7—8.

²⁾ Ibidem, Владимир. ст., столб. № 43.

³⁾ Ibidem, Владимир. ст., столб. № 43.

и... смотрѣть... для того по улицамъ и по переулкамъ посылать по часту, чтобъ въ улицахъ и въ переулкахъ однолично падежнаго ничего не нигдѣ не было; да биричемъ же велѣтъ прокликать не по одинъ день, чтобъ и въ Московскомъ уѣздѣ, и въ волостяхъ, и въ селахъ, и въ деревняхъ, и на погостахъ, и въ укранныхъ, и въ замосковныхъ, и въ понизовыхъ, и во всѣхъ городахъ, и въ уѣздахъ, всякіе люди съ падежныхъ лошадей и со всякія падежныя животныя *кожъ не снимали, копали бѣ падежныя лошади и всякую падежную животину въ землю на поляхъ мѣстахъ и въ лѣсахъ не близко селъ и деревень* да и больныхъ животинъ никто никому *не продавалъ* и никто ни у кого больныхъ животинъ *не покупалъ* и къ Успеневу дню и послѣ Успенева дни больныя жив. *на продажу никто не убивалъ*, чтобъ отъ падежныхъ и отъ больныхъ животины на люди морового повѣтрія не нанесло, а которые люди того гос. указу не послушаютъ... и тѣхъ людей по г. указу велѣно бить кнутомъ безо всякія пощады" ¹⁾.

Исслѣдователь исторіи русской медицины Л. Змѣевъ приведенный указъ ставилъ въ зависимость отъ „сказки“ докторовъ Армана Грамана и Ягануса Белау объ ангинѣ ²⁾ Неправильность подобнаго сопоставленія становится очевидной, если обратить вниманіе, что „сказка“ была составлена докторами 6 іюля 1643 года, т. е. спустя значительное время послѣ изданія августовскаго указа ³⁾.

Полагаясь, что для объясненія содержательности указа 1640 года нѣтъ надобности приписывать его происхожденіе вліянію иноземныхъ врачей. До-московская исторія изобиловала эпидеміями и эпизоотіями и вполне самостоятельно могла выработать горькимъ опытомъ добытые приемы борьбы съ подобными бѣдствіями.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно обратить вниманіе на приведенные нами указы отъ 1631 г., чтобы въ указѣ 1640 г. видѣть лишь развитіе старыхъ самобытныхъ началъ. Но Л. Змѣевъ, какъ и другіе исслѣдователи, не имѣлъ доступа къ указамъ 1631 г., а указомъ 1640 *начинается* „Собраніе россійскихъ законовъ о

медицинскомъ управленіи“ ⁴⁾, почему, вѣроятно, онъ и принялъ этотъ актъ за *первый* въ области мѣропріятій противъ эпизоотій.

Въ послѣдующее время московская администрація неустанно даетъ указанія относительно кожъ зараженныхъ животныхъ и закапыванія ихъ.

Уже черезъ 9 дней послѣ августовскаго указа 1640 года состоялось повелѣніе „въ Переславлѣ Рязанскомъ всякимъ служилымъ и посаженнымъ людямъ указъ учинить крѣпкій и въ торговыхъ людехъ лошади или иная какая животина падеть, и они бѣ съ тѣхъ лошадей и со всякія падежныя животныя кожъ не снимали и копали бѣ тѣ падежныя лошади и всякую жив. *совѣтъ въ землю не мелко, чтобъ отъ падежн. лошадей... на люди морового повѣтрія не навести*“ ⁵⁾.

Въ 1643 г. былъ посланъ приказъ въ Галичъ, чтобы „съ тѣхъ лошадей и съ коровъ и со всякія падежныя животныя кожъ не снимали, копали бѣ тѣ лошади и коровы и всякую падежн. жив. въ землю не мелко“ ⁶⁾. Такой же указъ былъ посланъ въ томъ же году въ Серпуховскій уѣздъ и въ Дмитровскій уѣздъ, въ село Рогачево Никольской волости. Въ послѣднемъ случаѣ наказывалось, чтобы „лошади и коровы и всякую падежную животину копали совѣтъ въ землю не мелко, чтобъ тѣхъ падеж. лош. и всякія падежн. живот. находный звѣрь и собаки не откопали, а кожъ съ падежныхъ лош. и кор. и со всякія пад. жив. однолично не снимали, и въ воду и въ боераки... не метали, и на поля, и въ лѣса не отвозили и просто... не метали и больныя животныя на продажу не убивали и не продавали, чтобъ отъ того отъ всего на люди морового повѣтрія не нанесло“ ⁷⁾.

Въ іюлѣ 1644 г. въ Тулѣ начался падежъ коровъ и изъ Москвы послѣдовалъ указъ „о той падежной животинѣ велѣтъ на Тулѣ въ торговый день кликать биричу не по 1 день, чтобы тульскіе торговые люди мясники коровъ на продажу не били и не продавали. А у которыхъ людей лошади или коровы и какая нибудь животина повалилась, и они бѣ съ тѣхъ падежныхъ жи-

¹⁾ ibidem, Приказный ст., столб. № 130.

²⁾ Змѣевъ. Чтенія по врачев. исторіи, стр. 224.

³⁾ Матеріалы № 153.

⁴⁾ Петровъ. Собраніе Россійскихъ законовъ о медицинскомъ управленіи СПб. 1826 г. т. I, стр. 1—2.

⁵⁾ А. М. Ю. Приказн. ст., столб. № 130.

⁶⁾ ibidem Влазмюр. ст., столб. № 117.

⁷⁾ ibidem Приказн. ст., столб. № 146 л. 61, 63, 105—106.

вотинъ кожи не снимали и копали бы тое падежную животину совѣмъ въ землю не мелко, чтобъ той падежной животины духу не было“ ¹⁾.

Въ 1653 г по случаю падежа скота въ Переяславлѣ Залѣскомъ, было указано, чтобы „съ падежныя животины никто кожи не снимали, а отвозили бь падежную животину въ лѣсъ и въ буераки и копали совѣмъ въ землю глубоко; а покаместъ въ Переяславлѣ животины на продажу не побивали и къ Москвѣ и не въ которые города изъ Переяславля никакіе люди животины не гоняли“ ²⁾.

Еще большею обстоятельностью отличался указъ 1655 г., данный по поводу морового повѣтрія въ Боровскомъ уѣздѣ. Въ этомъ указѣ писалось: „будетъ гдѣ въ Зараску и въ Зараскомъ уѣздѣ объявится на лошади и на всякую животину падежь, и они бь съ падежныхъ лошадей и со всякія животины кожъ не снимали и руками за ту падежную животину отнюдь не принимались некоторыми обываи, и оттащали бь ту падежную животину въ ямы веревками и шестами, и копали бь тѣ падежныя лошади и всякую животину совѣмъ въ землю не мелко, чтобъ тѣхъ падежныхъ лошадей и животины зѣрь и собаки не откопали, а въ воду бь и въ буераки падежныя скотины не метали, и въ лѣса и на поля не отвозили, и просто падежныхъ лошадей и всякія падежныя животины не метали, а копали бь въ землю глубоко, чтобъ отъ падежныхъ лошадей и отъ всякія падежныя животины на люди морового повѣтрія не нанесло“ ³⁾. Подобные указы въ томъ же году были посланы въ Кашиинскій, Бѣлозерскій и Ростовскій уѣзды ⁴⁾.

Въ 1674 г. Владимирскому воеводѣ было указано: „а въ которыхъ мѣстахъ скотина пала и съ той палой скотины кожъ снимать не велѣтъ, а велѣтъ закапывать въ землю въ глубокія ямы не близко города и дорогъ, чтобъ зѣрь и собаки той палой скотины изъ ямъ не вырыли“ ⁵⁾.

Въ 1681 г. изъ Вязьмы въ Москву донесъ воевода, что „учинилось въ Вязьмѣ на роговую скотину на коровы падежь вели-

кій, а съ тѣхъ падежныхъ коровъ градскіе жители... сьмають кожи и отъ того г... опасно всякаго дурна“. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ указъ: „велѣтъ ту животину зарывать въ землю въ пристойномъ мѣстѣ гдѣ на полѣ, не близко дворовъ, не сьмаючи кожъ и... учинить заказъ крѣпкій, чтобъ отнюдь изъ тѣхъ мѣстъ въ здоровыя мѣста той животины не гонять и животины съ животиною вмѣстѣ не пушать“ ¹⁾.

При падежѣ скота въ Самаровѣ въ 1691 г. было указано воеводѣ, чтобы „изъ тѣхъ мѣстъ гдѣ падежь, никакой животины по сторонамъ не гоняли, и никому не продавали, и кожъ съ той падучей скотины не сьмали, а засыпали тое животину въ землю совѣмъ глубоко въ лѣсахъ или на поляхъ, гдѣ пристойно“ ²⁾.

На почвѣ воспрещенія снимать съ палыхъ животныхъ кожи и торговать ими возникло любопытное челобитіе галичанъ, подобнаго которому, вѣроятно, было немало. Въ 1643 г. г. галичане докладывали, что въ Галичѣ „многіе посадскіе людшка отъ того кожнннго промысла кормятся и... всякія подати... правятъ, а низнеча г. посадскіе людшка у уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей и съ битые скотины кожъ покупать не смѣють, и стали г. многіе посадскіе людшка безъ промыслу и одолажи великими долгами и помирають голодомъ“. Вслѣдствіе этого, чтобы „посадскимъ людшкамъ податей не отбыть, и отъ кожевннго своего промысла не отстать, и голодною смертію не помереть, и великими долгами не одолажить“, галичане просили „велѣтъ имъ скотинными всякими кожами торговать по прежнему“ ³⁾.

Само собою разумѣется, что для прегращенія эпизотіи не достаточно принять мѣры къ тому, чтобы палый скотъ уничтожался со всеѣи предосторожностями, а подозрительный не поступать въ продажу, но необходимо еще здоровыя мѣстности изолировать отъ зараженныхъ. Съ этою цѣлью устанавливаются заставки и заставы.

Въ 1624 г. въ Тульскомъ уѣздѣ въ дер. Горѣлкахъ въ іюнѣ мѣсяцѣ начался конскій падежь и мѣстныя власти распорядились „около той деревни Горѣлокъ поставить заставу тульскихъ стрѣльцовъ по всеѣмъ дорогамъ и по стежкамъ, а не велѣли изъ той

¹⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 48, стр. 100.

²⁾ ibidem, № 51, стр. 102.

³⁾ ibidem, № 45, стр. 106.

⁴⁾ А. М. Ю. Московскій ст., таб. № 271.

⁵⁾ ibidem, таб., № 440.

¹⁾ ibidem, Прикази, ст., таб. № 545 л. 273--274.

²⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 50, стр. 101.

³⁾ А. М. Ю. Владим. ст., таб. № 117 л. 385--392.

деревни на лошадяхъ никому въ городъ на Тулу и въ села и деревни никуда выѣзжати; а кормить лошади велѣли подѣ тою деревнею близко, а далече отъ той деревни отганивать не велѣли, а прикащику и крестьянамъ и всякимъ тутошнимъ людямъ изъ той деревни Горѣлки и кто къ той деревнѣ пріѣдетъ на лошадяхъ, велѣли ходить пѣшимъ, а лошадей въ ту деревню водить изъ иныхъ деревень никому не велѣли“¹⁾. Такимъ образомъ былъ установленъ строжайшій карантинъ: изъ зараженной мѣстности скота не выпускали вовсе и не позволяли вводить въ нее скотъ со стороны, чтобы не увеличивать числа возможныхъ жертвъ; также были приняты мѣры къ прокормленію карантиннаго скота на пространствѣ, ближайшемъ къ зараженной деревнѣ.

Въ 1631 г. былъ посланъ въ Переславльскій уѣздъ указъ „чтобъ тутошніе и сторонніе всякіе люди съ лошадьми и съ коровами и со всякою животиною, въ которыхъ мѣстахъ на животину моровое повѣтріе, къ Москвѣ и по городамъ не ѣздили однолично пропускать не велѣтъ... и беречь накрѣпко, чтобъ изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ мѣстахъ на жив. моровое повѣтріе, никакіе люди къ Москвѣ и по городамъ съ лошадьми и съ коровами и со всякою животиною не приходили и не проѣзжали“²⁾.

Идея необходимости изолировать зараженный скотъ была настолько ясна для мѣстныхъ властей, что въ 1643 г., напримѣръ, Гришка Шаховской доноситъ государю о падежѣ лошадей у служилыхъ людей, проѣзжавшихъ, по государеву указу, черезъ Новосильскій уѣздъ на Ливны. Несмотря на предупрежденіе Шаховского, чтобы „всякіе служилые люди на посадѣ съ больными лошадьми не заѣзжали и не ставились“, они все таки, по его донесенію, „на посадѣ и на торгъ для своихъ запасовъ и конскаго корма заѣзжаютъ днемъ и ночью, и лошади у ратныхъ людей на посадѣ и близко посаду падаютъ скорою смертію“. Въ виду этихъ то обстоятельствъ воевода выражалъ опасеніе, что „отъ тѣхъ ратныхъ людей наѣзду и отъ ихъ больныхъ лошадей какое дурно учинится“, и двухъ палыхъ лошадей, имъ заѣченныхъ, онъ велѣлъ „отъ посады отвезти далеча и закопать въ землю“³⁾.

¹⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 45 стр. 98.

²⁾ А. М. Ю. Владимир. ст., стр. 43.

³⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 49 стр. 101.

Въ 1656 г. изъ Кіева къ Смоленску прибылъ бояринъ князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Волконскій и „онъ за 60 верстъ до Смоленска сталъ у деревни Хмары для того, что гчѣвомъ Божиимъ многія у него лошади попадали, а которыя лошади остались, и на тѣхъ лошадяхъ въ походъ къ Смоленску ѣхать не смѣлъ, чтобъ лошадиной болѣзни въ Смоленскъ не навести“¹⁾. Въ городъ кн. Волконскій выѣхалъ только 24 августа.

Въ 1674 воеводѣ донесли, что „въ Шатурской волости да въ Сиѣшскомъ стану падаютъ лошади и всякая животины повѣтріемъ“. Велѣдствіе этого воеводы послать „володимерскихъ площадныхъ подъячихъ и служилыхъ людей съ наказными памятьми и велѣлъ имъ въ тѣхъ станахъ и волостяхъ заказъ учинить накрѣпко, чтобъ въ тѣ села и въ деревни, въ которыхъ конской и всякой животины падежъ есть и изъ иныхъ селъ и деревень всякихъ чиновъ люди отнюдь не ѣздили и не ходили“. Велѣдъ за этимъ изъ Москвы было приказано на основаніи прежнихъ грамотъ „въ Володимерскомъ уѣздѣ заставы учинить крѣпкія“²⁾. Тогда же воеводѣ было приказано: „и ты бѣ въ Володимерскій уѣздъ въ Туголѣтскую и въ инныя волости и станы послать изъ Володимера изъ отставныхъ дворянъ кого пригоже, а съ ними пушкарей и разсылщиковъ сколько челоувѣкъ пригоже и велѣлъ имъ въ тѣхъ мѣстахъ про конскій падежъ и иную скотину сыскать всякихъ чиновъ *многими* людьми, да будетъ по сыску гдѣ обявится на лошади и на иную животину падежъ, и ты бѣ велѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ и по дорогамъ поставить заставы крѣпкія и села и деревни засѣчь и изъ тѣхъ селъ и деревень никуда съ лошадьми и со всякою животиною пропускать и продавать не велѣли покаместъ... повѣтріе минется“³⁾.

Когда въ 1691 г. появилась въ селѣ Самаровѣ эпизоотія, то наряду съ другими мѣропріятіями было указано поставить „заставы крѣпкія, въ которыхъ мѣстахъ доведется“⁴⁾.

Насколько густою сѣтью разбрасывались заставы, можно видѣть по тому, напримѣръ, что въ 1643 г. во время эпидеміи, совпавшей съ эпизоотіей, заставы были поставлены „съ Москвы

¹⁾ А. М. Ю. Повгород. ст., стр. 122.

²⁾ А. М. Ю. Москов. ст., стр. 440.

³⁾ *ibidem*.

⁴⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 50, стр. 101.

по дорогам", а именно: 1) на Вяземской дорогѣ на Елиѣ, 2) по Володимерской дорогѣ въ Ямской слободѣ на Рогожѣ, 3) по Володимерской дорогѣ на Каменкѣ (Носовиха тожѣ), 4) на Коломенской и на Кжельской дорогѣ по рѣчкамъ Коломенкѣ и Выхинкѣ, 5) на Переславской дорогѣ на Лузѣ, на Стромынской и Хомутовкѣ, 6) на Дмитровской, Озерецкой и Ольшанской дорогахъ 7) на Тверской дорогѣ на Хинкѣ, 8) на Волотцкой дорогѣ въ Тушинѣ и, наконецъ, 9) вверхъ по Москвѣ рѣкѣ до Звенигорода. На каждую заставу было выслано по подъѣзему съ завідующимъ, отъ 2 до 4 челов. дѣтей боярскихъ и отъ 20 до 30 чел. стрѣльцовъ.

Конечно, всѣ карантинныя распоряженія населеніемъ выполнялись не за совѣсть, а страхъ. Московское правительство каждое свое распоряженіе подкрѣпляло угрозою жестокихъ наказаній.

Въ 1643 г. население Галича обязывалось соблюдать всѣ предписанія подъ угрозою „наказанія безъ пощады“¹⁾; ослушниковъ въ Серпуховскомъ и Ржевскомъ уѣздахъ приказано было „бить кнутомъ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ кто живетъ, чтобъ на то смотря инымъ не повадно было г. указу ослушаться“²⁾. Такой же указъ былъ посланъ въ 1655 г. въ Зарайскій и Новгородскій уѣзды³⁾.

Въ 1644 г. въ Тулѣ и въ 1653 г. въ Переяславлѣ ослушникамъ угрожалъ „быти въ большемъ наказаніи“⁴⁾.

Но въ 1631 г. въ Коломенскомъ уѣздѣ было объявлено: „а только кто учнетъ изъ повѣтренныхъ мѣстъ что имать, или покупать, или животину куда гонять, и тѣмъ людямъ отъ г. быть казеннымъ смертию“⁵⁾. Тоже было объявлено въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ 1640 году⁶⁾. Въ Вязьмѣ въ 1643 году⁷⁾, а также и въ Переяславлѣ Залѣскомъ въ 1691 г. были учинены указы крѣпкіе „подъ смертною казнию“⁸⁾.

Очевидно, то или другое наказаніе за карантинное преступленіе применялось въ зависимости отъ обстоятельствъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Изучая эту далекую эпоху кровавыхъ наказаній, съ удовольствіемъ отмѣчаемъ слѣдующій инцидентъ. Въ 1643 г. воевода доносилъ въ Москву: „А кругъ г. Ржевы и въ Ржевскомъ и въ Зубцовскомъ уѣздѣ во многихъ мѣстахъ падежныхъ лошадей въ землю не хоронятъ, не слушаютъ, а наказанія г., по т. г. указу тѣмъ людямъ чинить некому, *бить кнутомъ палача во Ржевь нѣтъ*, а батоги г. велю бить, чинить наказаніе въ кнута мѣсто, и нонѣ толь явно, что по торгамъ кнутомъ бьютъ; а ржевичамъ г. посадскимъ людямъ говорилъ о палачѣ, чтобъ дали палача для твоего г. дѣла и они г. въ палачъ мнѣ х. т. отказываютъ: „намъ де палача взять негдѣ и такого де государева указу нѣтъ, чтобъ на нѣтъ на посадскихъ людяхъ взять палача“; а безъ палача г. во Ржевѣ быть не мочно отъ воровства и отъ непослушанія унять немочно“. На это заявленіе изъ Москвы послѣдовала грамота: „и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ палача съялъ изъ ржевскихъ стрѣльцовъ... или изъ иныхъ изъ какихъ людей, кто палачемъ быть похочетъ, а нашего денежного годового жалованья за ту службу давать.. стрѣльцу... изъ ржевскихъ изъ кабацкихъ доходовъ“¹⁾.

Этотъ случай заслуживаетъ большого вниманія. Еще въ первой главѣ было показано, что власть являлась организаторомъ кровавой расправы съ колдунами. Теперь представляется другой случай, не оставляющій сомнѣній, что позорное ремесло заплочныхъ дѣлъ мастера было противно народу, что послѣдній не видѣлъ никакой надобности въ палачѣ; но центральная власть и ея мѣстный агентъ иначе думали, и находили естественнымъ искать среди стрѣльцовъ охотниковъ для такихъ порученій. И невольно напрашиваются параллели изъ современной намъ жизни...

Какъ ни жестоки были наказанія за нарушеніе карантинныхъ узаконеній, тѣмъ не менѣе ослушники всегда были, и въ той или иной формѣ указы нарушались.

Въ 1652 г., 9 сентября рильскіе люди заявили въ сѣѣзжей избѣ, что они видѣли въ Бѣлевѣ „на животину, на коровъ великое моровое повѣтріе, и на дорогѣ де отъ Бѣлева ѣдучи обѣхали воловъ стадо, гонять въ Калугу, и падежную животину тое жъ скотины видали на дорогѣ“. Спустя два дня въ той же избѣ калужскіе посадскіе мясники сообщили, что „убили де

¹⁾ А. М. Ю. Владим. ст., стлб. № 117.

²⁾ ibidem. Приказн. ст., стлб. № 146, л. 61—63, 147—156.

³⁾ ibidem, Москов. ст., стлб. № 271 и Наши матер. т. III, ч. II № 54, стр. 107.

⁴⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 48 стр. 100 и № 51, стр. 102.

⁵⁾ А. М. Ю. Владим. ст., стлб. № 43.

⁶⁾ ibidem, Приказн. ст., стлб. № 130.

⁷⁾ ibidem, стлб. № 146.

⁸⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 50, стр. 102.

¹⁾ А. М. Ю. Приказн. ст., стлб. № 146, л. 161—162.

сегодня въ ясномъ ряду мясники калужскіе люди Селиверстко Ивановъ сынъ Угаткинъ да Костыка Ивановъ сынъ Дѣвъ три скотины, воль да двѣ коровы больныя, а тѣ коровы и волю продалъ имъ Селиверстку и Костыкъ тотъ Герасимко Мартыновъ⁴. Немедленно были приняты мѣры къ допросу Мартынова. Последній показалъ, что 2 быка и 14 коровъ онъ купилъ въ качествѣ здоровыхъ у посадскаго человека Кирилки Сушенкова за 18 рублей. Четыре стрѣльца были посланы въ поиски за Кирилкой, при этомъ было приказано „его Кирилка и съ животиною воротить назадъ, чтобъ отъ той животины на лошади и на скотъ морового повѣтрія не нанесло, и животины прогнать за Оку рѣку, а велѣть гнать не близко Калуги“. Преслѣдуемый Кирилка, какъ только его догнали, „ушелъ, а тое скотину покинулъ, и они де тое животины воротили съ погонщики, и не догнавъ за 3 версты до Калуги тое скотину поставили, а всей скотины 84 волю“. Изъ разспросовъ погонщика Иванки выяснилось, что Сушенковъ перѣхалъ Оку „на Покровскомъ перевозѣ, утаясь перевозчиковъ“. Подтвердилось также, что онъ 16 скотинъ продалъ Мартынову за здоровый скотъ.

По ходу дѣла казалось бы, что Кирилкѣ должна была угрожать беспощадная расправа, но воевода, указывая, что „въ Калугѣ порухи ничего не учиналось и что ему Кирилка и Герасимко принесли „мировую челобитную за руками“, постарался направить дѣло на прекращеніе. Вѣроятно, въ этомъ случаѣ не обошлось безъ „посуловъ“ и „поторовки“¹).

Иначе было поступлено въ 1655 г. съ крестьянами кн. Михаила Гагарина. Въ деревнѣ Михалевой пали 2 коровы и утопунъ въ рѣкѣ быкъ. По распоряженію воеводы „того быка изъ воды изъ Осетра изволокли веревки и шестами и въ землю закопали глубоко“. Что же касается коровъ, то воевода послалъ стрѣльцовъ „про то сыскать, гдѣ они тое животины падежную метали“. Староста деревни сказалъ производившему розыскъ стрѣльцкому сотнику, что крестьяне „метали де тое животины просто“. Получивъ такія извѣстія, воевода распорядился „учинить наказаніе... битъ кнутомъ тѣхъ, которые... указу не послушали и падежную животины метали просто“. Однако крестьяне „учинились сильны, не дались... посыльныхъ людей хотѣли битъ“, при-

¹) Наши матер. т. III, ч. II, № 53, стр. 104—106.

чемъ говорили: „поѣдетъ стрѣльцкій сотникъ здорово съ деревни и самъ, не токмо де что насъ битъ“²).

Ставя въ тѣсную связь эпизоотіи съ эпидеміями, московская администрація принимала мѣры предосторожности при перепискѣ съ мѣстами, гдѣ былъ скотскій падежъ. Напримѣръ, въ 1664 г., во время эпизоотіи въ Переяславлѣ Рязанскомъ было указано воеводѣ, чтобы онъ донесенія оттуда посылать съ гонцами въ Коломну, но „гонцовъ не допуская до Коломны... отписки переписывать черезъ огонь на новую бумагу трижды, и третій списокъ прислать на Коломну въ приказную избу; а подлинныя отписки переяславскихъ гонцовъ велѣть зжечь, а третій списокъ прислать къ Москвѣ съ коломенскими гонцами и велѣть тѣмъ коломенскимъ гонцамъ про все сказывать, пріѣхавъ въ Москвѣ у земляного города на караулѣ стрѣльцамъ, не выѣзжая въ городъ“³).

Въ Россіи XVII ст. не было какихъ либо постоянныхъ мѣстныхъ органовъ, на обязанности которыхъ лежала бы регистрація всѣхъ случаевъ эпизоотій. Обыкновенно воеводы пользовались всякимъ слухомъ, письменными челобитными и словесными сказками разныхъ лицъ, сообщавшихъ, что въ томъ или другомъ мѣстѣ появилось повѣтріе. Всякое извѣстіе принималось къ свѣдѣнію и немедленно назначался розыскъ⁴).

Когда получились въ 1653 г. вѣсти о моровомъ повѣтріи въ Переяславлѣ Залѣскомъ, то послѣдовалъ указъ „взять... разсылщиковъ, сколько человекъ пригоже, и сыскати въ Переяславлѣ архимандриты, и игумены, и протопопы, и попы, и посадскими, и всякими жилацкими людьми, котораго числа въ Переяславлѣ и въ Переяславльскомъ уѣздѣ учала животины падать, какою язвою животины падежъ, и нынѣ на животины падежъ въ Переяславлѣ и въ Переяславскомъ уѣздѣ унялся-ли и на животины падежу нѣтъ-ли“⁴).

Съ самою процедурою подобнаго розыска знакомить насъ указъ 1664 г. на имя полуголовы московскихъ стрѣльцовъ Ивана Лопатина, командированнаго изъ Москвы въ Переяславль Рязан-

¹) Ibidem, № 54, стр. 106—108.

²) Ibidem, № 55, стр. 109.

³) А. М. И. Прикази, ст. таб. № 146; Москов. ст., таб. № 271; Москов. ст. таб. 440.

⁴) Наши матер. т. III, ч. II, № 51, стр. 102—103.

скій розыскать про конскій падежъ „всякихъ чиновъ людьми, и тѣхъ людей, гдѣ тѣ лошади были, разспросить, какою болѣзнью тѣ лошади пали, и отъ чего та болѣзнь учинилась, и съ признаки или безъ, и нынѣ конскій падежъ пересталъ-ли“. Иванъ Лопатинъ, прибывъ въ Переяславль Рязанскій, сначала ознакомился съ росписью палыхъ лошадей, составленною мѣстнымъ воеводою Михаиломъ Вердеревскимъ. По росписи оказалось, что съ 4 іюля по 10-е пало 12 лошадей, изъ нихъ 7 „съ признаки“ и 5 „безъ признакъ“. Затѣмъ Лопатинъ приступилъ къ опросу разныхъ лицъ, которые показывали „по святой непорочной евангельской заповѣди Господни“. Всего было допрошено 95 чело-вѣкъ, и выяснено, что за указанное время пало еще 12 лошадей¹⁾.

Показаніямъ при обыскѣ московская администрація придавала огромное значеніе, поэтому дававшіе невѣрные свѣдѣнія подвергались жестокому наказанію. Такъ въ 1643 г. въ Московскомъ уѣздѣ наказывалось „обычнымъ всякимъ людямъ сказать именно, чтобъ они про моровое повѣтріе сказали въ правду, архимандриты и игумены по иноческому обѣщанью, а попы и дьяконы по священству, а мірскіе люди по г. т. крестному цѣлованью, а которые обыскные люди про моровое повѣтріе въ обыску правды не скажутъ, и тѣмъ людямъ быть въ большемъ наказаніи и въ казни“²⁾.

О характерѣ эпизоотическихъ заболѣваній въ актахъ имѣются общія указанія: „объявится на брюхѣ съ яблоко, и отъ того умирають“, „пупдро пухнетъ“, „пупдро и горло пухнетъ“, „объявливаются у лошадей извы въ пупдрахъ у зыхъ“, „объявится опухоль на груди или на пупдрѣ, а иного знаку никакого нѣтъ и отъ той болѣзни лошади падутъ“. Иногда же прямо указывается, что лошади больны „пострѣломъ“.

Въ нашемъ распоряженіи не имѣется матеріаловъ для сужденія о степени развитія эпизоотіи въ томъ или другомъ случаѣ, да и не здѣсь лежитъ центръ тяжести нашей задачи—выяснить *микропричины* администраціи съ борьбой съ заразой. Тѣмъ не менѣе приведемъ нѣсколько иллюстрацій.

Въ 1624 г. въ деревнѣ Горѣлакахъ Тульского уѣзда начался конскій падежъ и за 4 дня пало „10 лошадей пахотныхъ“³⁾ Въ

¹⁾ Ibidem, № 56, стр. 110—116.

²⁾ А. М. Ю. Прикази, ст., стб., № 146, л. 33—34.

³⁾ Тамъ же, т. III, ч. II № 45, стр. 98.

1631 г. „лошади де въ Коломенскомъ уѣздѣ вымерли“¹⁾. Въ 1643 г. въ Рогожскомъ стану Московскаго уѣзда обыскные люди показали, что „на боярскомъ дворѣ и на крестьянскихъ дворахъ лошади все померли“²⁾. Въ 1653 г. 560 драгунъ, стрѣльцовъ и пушкарей Царева Алексѣева города донесли, что у нихъ „скотина вся вымерла“³⁾. Въ 1655 г. въ Карачевѣ „пало у даточныхъ людей 256 лошадей“, вслѣдствіе чего приостановилась доставка въ Могилевъ „зеленой и свинцовой казны“⁴⁾. Въ 1689 г. Володимирскаго стану ямщики заявили, что „у нихъ въ яскомъ стадѣ конскій падежъ отъ язвы и на всякій де день падеть лошадей по 5 и больше и отъ того де у нихъ у многихъ ямщиковъ вашей в. г. ямской гоньбѣ... вашимъ в. г. посланнымъ людямъ моччанье“⁵⁾.

Вѣроятно, эпизоотіи весьма нерѣдко отражались на правильности функций государственнаго механизма, иначе былъ бы совершенно необъяснимъ тотъ громадный карантинно-полицейскій механизмъ, который мы находимъ въ Московской Руси. Только захватывающее развитіе эпидеміи и колоссальный вредъ, ими причиняемый, были въ состояніи приводить въ постоянное движеніе громадный аппаратъ тогдашней администраціи.

Для правильной оцѣнки санитарно-карантинныхъ мѣропріятій московскаго правительства остановимся на нѣкоторыхъ распоряженіяхъ послѣдующаго времени. Напримѣръ, по указу 17 ноября 1718 г., вслѣдствіе появленія мороваго повѣтрія въ Кіевской и Азовской губерніяхъ и въ малороссійскихъ городахъ, Петръ I повелѣлъ: „тѣ мѣста, въ которыхъ повѣтріе явилось, отовсюду въ пристойныхъ мѣстахъ крѣпкими утвердить заставами, гдѣ какъ возможно... во всехъ тамошнихъ городахъ и мѣстахъ публиковать указами подъ смертною казнью, чтобъ никто ни тайнаго, ни явнаго проѣзду и проходу мимо тѣхъ заставъ не дерзали... и дома, которые вымерли, велѣть жечь совсѣмъ, что въ оныхъ есть, и съ лошадьми, и съ скотомъ, и со всякою рухлядью... Буде жъ откуда явятся куріеры съ нужными письмами, а ѣхали они за повѣтренныя мѣста или близъ оныхъ, велѣть ихъ при

¹⁾ А. М. Ю. Влад. ст., стб., № 43.

²⁾ Ibidem, Москов. ст., стб., № 160.

³⁾ Тамъ же, т. III, ч. II, № 52, стр. 103—104.

⁴⁾ А. М. Ю. Москов. ст., стб., 274.

⁵⁾ Ibidem, Москов. ст., стб., № 745, л. 282—283.

заставахъ одерживать до указу, а письма у нихъ принимая черезъ огонь и распечатавъ, переписывать съ нихъ одно по другому трижды¹⁾.

Въ приведенномъ указѣ мы ничего не встрѣчаемъ новаго по сравненію съ практиковавшимся въ московскій періодъ. Пойдемъ однако дальше. Спустя болѣе, чѣмъ полвѣка, а именно: 22 ноября 1770 г. Екатерина II дала секретную инструкцію главному лекарю Смирнову о мѣрахъ предосторожности отъ моровой язвы. Въ этой инструкціи рекомендовалось: подозрительныхъ задерживать въ изолированныхъ помѣщеніяхъ: „пищею и питьемъ, истребавъ откуда надлежитъ, доводить съ тѣхъ больныхъ безъ недостатку“; проезжихъ мимо карантинныхъ осматривать и „каждаго платье и прочіе вывѣтривая, а съ писемъ списывая копіи, омоча въ уксусъ окурить черезъ огонь, и выдержатъ указной карантъ“; для больныхъ лихорадками „съ пятнами, бубонами или карбункулами учредить или очистить за городомъ, или въ прочихъ отдаленныхъ отъ жилья мѣстахъ, по разсмотрѣнію, нѣсколько дворовъ... и въ тѣ двory принимать, лечить и пищею доводить“; „особливо для нездороваго воздуха приказывать обывателямъ, чтобъ въ ихъ покояхъ всякое утро, когда пробудятся, на раскаленномъ кирпичѣ для окуриванія наливали по три и по четыре ложки добраго уксуса, а которые онаго купить не въ состояніи, тѣмъ зажигать въ ихъ покояхъ половину заряду порошу на такомъ же кирпичѣ, или жечь и окуривать покой можжевеловымъ“; „во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ опасная болѣзнь показалась, или окажется, накрѣпо тѣ мѣста запереть и заключить, чтобъ ни человека, ни скотины и ничего изъ оныхъ въ здоровыя пропущено не было... и по всѣмъ дорогамъ и малымъ стезямъ вездѣ учредить заставы, чтобъ никто тайно и явно пройти и проѣхать не могъ. Заставы окопать рвами, содержать огни и куриво... письма жъ передавать въ опасныя мѣста на шестахъ черезъ огонь“; „подтвердить, чтобъ... больныхъ отъ здоровыхъ отдѣляли, и на иной воздухъ выводили и въ засѣкахъ подъ карауломъ до исцѣленія держали, а двory и пожитки ихъ жгли или запирали“²⁾.

¹⁾ Ряхтер. op. cit. т. III. приложенье V, стр. 13—14.

²⁾ Петровъ. Собрание Россійскихъ Законовъ о медицинскомъ управленіи. Спб. 1828 г. ч. II, стр. 106—108.

Въ наставленіи 27 янв. 1771 г. „о предосторожностяхъ для уменьшенія бѣдствій отъ моровой язвы“ указывалась необходимость подвергать карантину въ 21 и 42 дня всѣхъ людей и имущества при переѣздѣ и переправѣ ихъ изъ зараженныхъ мѣстностей. Въ зараженныхъ мѣстностяхъ предписывалось ежедневно „по захожденіи солнца“ окуривать жилища—богатымъ ладаномъ, средняго состоянія людямъ можжевеловыми ягодами, а бѣднымъ ягодами или соломой¹⁾.

По указу 12 окт. 1771 г. была объявлена смертная казнь за грабежъ и расхищеніе имущества изъ заморныхъ домовъ „дабы смертью одного злодѣя отвратить смертоносной отъ зараженныхъ вещей вредъ и гибель многихъ невинныхъ“²⁾.

Въ инструкціи 21 октября 1771 г. „офицерамъ, состоящимъ на разныхъ заставахъ, устроенныхъ около Москвы для прекращенія моровой язвы“ предписывалось: всякіе товары „провѣтривать и окуривать“; людей подвергать 15 дневному карантану; прогоняемый скотъ окуривать, людей же при немъ „всѣхъ окуривать, а платье, снимая съ нихъ кафтаны и рубашки, вымывать въ водѣ, а шубы окуривать, и провѣтривать, и наприскивать уксусомъ“; что касается денегъ, то „оныя ассигнаціи, какъ и прочія письма накалывая мочить въ уксусъ, и потомъ просушивая отправлять съ нарочными до другой заставы, а на сей также поступя, препровождать“³⁾.

Указами 24 декабря 1771 г. и 4 января 1772 г. объявлены награды доносителямъ на укрывающихъ моровую язву или язвенныя вещи⁴⁾. Грамотой объ учрежденіи губерній на исправника и городничихъ возложена обязанность по изоляціи мѣстностей и больныхъ, а также по зарыванію палыхъ животныхъ „длинными шестами“⁵⁾. Указомъ 12 января 1778 г. (а еще ранѣе по указу 21 окт. 1754 г.) воспрещено являться ко Двору и въ присутственныя мѣста лицамъ, у которыхъ въ домѣ заразительная болѣзнь⁶⁾.

¹⁾ ibidem, стр. 116—119.

²⁾ ibidem, стр. 128.

³⁾ ibidem, стр. 137—145.

⁴⁾ ibidem, стр. 157—158.

⁵⁾ II. Соб. Зак. т. XX, № 14392, ст. 238—240 и 260—261.

⁶⁾ Петровъ op. cit. стр. 195.

Можно было бы еще привести нѣсколько различныхъ указовъ, образцами для которыхъ послужили распоряженія московской эпохи, но двинемся еще дальше. Въ чумной 1813 г. въ Одессѣ были предписаны слѣдующія мѣропріятія: 1) изолировать чумной врачебный персоналъ, 2) изолировать больныхъ, 3) изолировать карантинныхъ чумного дома, 4) сжигать чумные дома со всѣмъ имуществомъ и скотомъ, а каменные помѣщенія, выломать окна и двери, провѣтривать и окуривать 5) на улицахъ поддерживать курева изъ навозныхъ кучъ, 6) погребать всѣхъ кошекъ и собакъ, 7) поголовный осмотръ жителей 8) ставить вокругъ зачумленнаго мѣста тройную цѣпь, 9) окуривать и дезинфицировать укусами корреспондентію ¹⁾.

Наконецъ, какія же узаконенія существуютъ для борьбы съ заразой въ настоящее время, т. е. въ XX вѣкѣ? Предписывается, напримѣръ, немедленно доносить о каждомъ появленіи эпидемической или заразной болѣзни. Доносить обязаны домохозяева, смотрители казенныхъ домовъ, содержатели гостинницъ, постоялыхъ дворовъ и т. п. и всякій обыватель ²⁾. Больные помѣщаются отдѣльно отъ здоровыхъ въ особыхъ избахъ, куда обыватели обязаны доставлять питье, пищу и все необходимое ³⁾. Воспрещается продавать платье и другія вещи, бывшія въ соприкосновеніи съ больными ⁴⁾. Всякому одержимому прилипчивою болѣзью предписывается остерегаться дѣйствій, отъ коихъ болѣзнь его можетъ сообщиться другому ⁵⁾.

Существуютъ для каждой заразной болѣзни особые правила. Остановимся однако на правилахъ противочумныхъ. По первому извѣстію о заболѣваніи исправникъ принимаетъ мѣры къ *оцѣпленію* зараженнаго или подозрительнаго дома или селенія ⁶⁾. Неблагополучная по чумѣ мѣстность разбирается съ другими посредствомъ *оцѣпленія*, въ которое назначаются обыватели или войска ⁷⁾. Для выселенія здоровыхъ жителей чумного района могутъ быть устраиваемы особые лагеря ⁸⁾.

¹⁾ Вѣлановскій и Гамалей. Чума въ Одессѣ 1903 г., стр. 24—37 и 131—154.

²⁾ ст. 731 Уст. Врачебн. и 102. Уст. нак. по прод. 1895 г.

³⁾ ст. 743 и 744 Уст. Вр.

⁴⁾ ст. 736, 737 и 738 Уст. Вр. изд. 1892 г.

⁵⁾ ст. 733 Уст. мед. Полож., §54 ст. Улож. 1885 г.

⁶⁾ ст. 19 и 20 Времен. прав. 3 іюня 1897 г.

⁷⁾ *ibidem*, ст. 21—25.

⁸⁾ *ibidem* ст. 27.

Продовольствованіе населенія внутри оцѣпленія возлагается на полицію и органы самоуправленія ¹⁾. Оцѣпленіе снимается черезъ 15 дней послѣ послѣдняго заболѣванія ²⁾. Платье и другое имущество подвергаются дезинфекціи ³⁾.

И такъ даже при самомъ строгомъ отношеніи къ до-Петровскимъ мѣропріятіямъ въ борьбѣ съ повальными или заразительными болѣзнями нужно признать, что онѣ послужили фундаментомъ для дальнѣйшихъ надстроекъ.

Подводя итоги обзорѣ мѣропріятій московскаго правительства въ борьбѣ съ эпидеміями и эпизоотіями, приходимъ къ выводу, что въ до-Петровскій періодъ были выработаны слѣдующія рациональныя положенія: 1) изолированіе зараженныхъ лицъ, помѣщеній и цѣлыхъ районовъ, 2) быстрое погребеніе умершихъ вдали отъ обитаемыхъ мѣстъ и питьевыхъ водъ и 3) дезинфекція посредствомъ окуриванія, вымораживанія и програванія всего того, что только имѣло соприкосновеніе съ заразой.

Послѣдующее время, даже современность, несмотря на колоссальный ростъ естественныхъ наукъ, не прибавили новыхъ *принциповъ* борьбы съ эпидеміями. Въ настоящее время мы располагаемъ болѣе значительнымъ разнообразіемъ дезинфицирующихъ средствъ. Будущее предоставитъ намъ еще больше матеріаловъ для дезинфекціи, но самый принципъ обеззараживанія стоитъ непоколебленнымъ. Напротивъ, онъ дѣлаетъ новыя завоеванія: антисептика переходитъ въ асептику, обеззараживаніе зараженныхъ предметовъ въ обеззараживаніе среды въ широкомъ значеніи слова. Изоляція практикуется такъ же теперь, какъ и въ старое время.

Трезвая русская мысль путемъ горькаго опыта выработала неизбѣжные основы медицинской полиціи: изоляцію и дезинфекцію.

¹⁾ *ibidem*, ст. 47.

²⁾ *ibidem*, ст. 49.

³⁾ *ibidem*, ст. 57 и 68.

1. Мѣта 7129 г. іюня въ 16 день, по г. т. указу память б. князю Ивану Михайловичу Воротынскому да дьякомъ Ивану Болотникову да Ѳедору Апраксину. Марта въ 23 д. писалъ къ г. т. изъ Брянска ст. и в. князь Василій Щербатой, и прислалъ выходца нѣмчина Джона; а на Москвѣ выходецъ нѣмчинъ Джонъ допрашиванъ, и онъ въ роспросѣ сказаться не умѣлъ, потому что сбродить съ ума. И бояре приговорили того нѣмчина Джона сослать въ понизовые города, куда пригоже, и устроить во что пригодится, и кормецъ ему давать, чѣмъ сыту быть. И выходецъ нѣмчинъ Джонъ посланъ къ вамъ въ казанскій дворецъ; и б. князю Ивану Михайловичу Воротынскому, да дьякомъ Ивану Болотникову, да Ѳедору Опраксину велѣть выходца нѣмчина Джона сослать въ понизовые города, куда пригоже и устроить во что пригодится и кормецъ ему велѣть давать, чѣмъ ему сыту быть.

2. Г. п. и в. к. М. О. в. Р. х. т. Оедька Пушкинъ, Ивашко Rogozinъ челомя быють. Нынѣшняго г. 138 г. іюля въ 7 д., приходъ къ намъ х. т. въ сѣзжую избу рязанецъ Василій Семеновъ сынъ Масловъ, и почелъ передъ нами х. т. говорить: „что де я ѣду въ Литву, высылайте де меня къ г. къ Москвѣ или де меня пытайте.“ И мы х. т. почели его спрашивать: Какимъ обычаемъ въ Литву хоще отѣхать? И тотъ г. Василій намъ х. т. въ роспросѣ не сказалъ ничего; и мы х. т. того Василья Маслова отдали за пристава резанцу Микитѣ Истомину, сыну Скуратову, до твоего г. указу. Да били челомя тебѣ г. т., а намъ х. т. въ сѣзжей избѣ подали челобитную рязанецъ глѣбъ Петровъ, сынъ Масловъ съ братьею, и мы х. т. тос ихъ челобитную послали къ тебѣ г. т. съ сею отпискою въѣсть. (О:) 138 г. іюля въ 11 день. Г. т. быють челомя х. т. рязанцы Глѣбка да Левка Петрова дѣти, да Степанка Ивановъ сынъ, да Авоныка Алексѣевъ, да Фролка Степановъ сынъ Масловъ. Въ нынѣшнемъ г. во 138 г. іюля въ 7 день, грѣхомъ г. нашимъ братъ нашъ Василій Семеновъ, сынъ Масловъ, съ ума сбродъ, и нынѣ де г. онъ вра-

жескимъ наученьемъ, пришедъ въ сѣзжую избу къ воеводамъ къ Оедору Ивановичу Пушкину, да къ Ивану Степановичу Рагозину, и почелъ въ сѣзжей избѣ вѣшать: „что будто де я Васька въ Литву ѣду, и вы де меня посылайте къ Москвѣ или пытайте.“ И въ сѣзжей избѣ самъ было обноготился, платье съ себя посметалъ, а велѣлъ себя пытать вражескимъ наученьемъ. А тотъ г. братъ нашъ Василій болѣзнию черною немочью боленъ годы съ 2 и больше. Милосердый г. т. пожалуй насъ х. с. вели г., про того нашего брата про Васильеву болѣзнь обыскать. Ц. г. смилуйся. Къ сей челобитной Глѣбка Масловъ и въ брата своего Аонасыкова мѣсто руку приложить.

Къ сей челобитной Стевѣнка Масловъ руку приложилъ. Къ сей челобитной Володька Масловъ руку приложилъ.

Отъ ц. т. в. и. Оедору Ивановичу Пушкину, да Ивану Степановичу Рагозину. Писали есте къ намъ, что июля въ 7 д. нынѣшняго 138 г. говорилъ передъ вами въ сѣзжей избѣ рязанецъ Василій Семеновъ сынъ Масловъ: хочетъ онъ намъ измѣнить ѣхать въ Литву, и чтобъ вы его послали къ намъ къ Москвѣ или бы велѣли его пытать. И вы того Василья Маслова спрашивали для онъ чего, и по какому умысленію хочетъ ѣхать въ Литву; и тотъ Василій въ роспросѣ вамъ ничего не разсказалъ, и вы его отдали держать приставу до нашего указу. И того жъ дни были намъ челомъ братья его Васильевы рязанцы жъ Глѣбъ Масловъ съ братьею, и подали челобитную и вы тое ихъ челобитную прислали къ намъ къ Москвѣ; а въ челобитной ихъ написано, что тотъ братъ ихъ Василій Семеновъ, сынъ Масловъ боленъ черною болѣзнию и сбродить съ ума тому года съ 2 и больше, и про ту его болѣзнь велѣти сыскать. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ велѣли сыскати всякими людьми всякими сыски накрѣпко: рязанецъ Василій Семеновъ сынъ Масловъ черною болѣзнию боленъ ли, и сколь давно боленъ, и такія рѣчи, что хочетъ ѣхать въ Литву говорилъ въ немочи ли; да кто что про то про все въ сыску скажутъ, и вы объ о томъ писали и сыскъ за сыскныхъ людей и за своими руками прислали къ Москвѣ; а на Москвѣ отписку и сыскъ велѣли отдать въ Разрядъ дьякомъ нашимъ, думному Оедору Лихачеву да Михаилу Данилову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7138 г. июля въ 27 день.

Г. т. х. т. Оедька Пушкинъ Ивашко Рагозинъ челомъ бьютъ. Нынѣшняго г. 138 г. августа въ 11 д. прислана твоя г. т. грамота

къ намъ х. т., а въ твоей г. грамотѣ написано, велѣно г. намъ х. т. сыскать на Михайловѣ всякими людьми, всякими сыски про рязанца про Василья Семенова сына Маслова, что тотъ Василій Масловъ черною болѣзнию боленъ ли и сколь давно боленъ и такія рѣчи, что онъ хочетъ отъѣхать въ Литву говорилъ въ сѣзжей избѣ въ немочи ли; да кто что про то про все въ обыску скажутъ, и намъ бы х. т. о томъ отписать, и сыскъ за сыскныхъ людей и за своими руками прислать къ тебѣ г. къ Москвѣ; а отписку и сыскъ велѣти отдать въ Разрядъ твоему г. думному дьяку Оедору Лихачеву, да Михаилу Данилову. И по твоей г. т. грамотѣ мы х. т. обыскивали о томъ Васильѣ Масловѣ, и сыскъ за обыскныхъ людей и за своими руками послали къ тебѣ г. т. съ сею отпискою вмѣстѣ. (О:) 138 г. августа въ 30 д.

Лѣта 7138 г. августа въ 16 д. по г. т. грамотѣ и по памяти воеводъ Оедора Ивановича Пушкина, Ивана Степановича Рагозина дворяне и дѣти боярскіе Кобыльскаго и Сутринскаго станоеъ (Слѣдуютъ многочисленные имена и фамиліи ихъ Н. Н.) сказали по г. т. крестному цѣлованію во обыску сыну боярскому Евтею Григорьеву сыну Кученеву про рязанца про Василья Семенова сына Маслова, что тотъ Василій Масловъ черною болѣзнию боленъ, и сколь давно боленъ, и того не вѣдаемъ; а то мы вѣдаемъ, та болѣзнь надъ нимъ года съ 2 и больше; и такія онъ рѣчи, что онъ хочетъ ѣхать въ Литву говорилъ въ сѣзжей избѣ онъ въ немочи тою болѣзнию черною, не о своемъ умѣ; то мы вѣдаемъ, то наши рѣчи. 102 чел. дворянъ и дѣтей боярскихъ. Лѣта 7138 г. августа въ 18 день, по г. т. грамотѣ и по наказной памяти воеводъ Оедора Ивановича Пушкина, Ивана Степановича Рагозина Михайлова города стрѣльцы Московскіе Гаврилова приказа Микулаевича Сеннарскаго пятидесятники стрѣleckіе (4 чел.), да десятники (13 чел.), да рядовые (17 чел.), и всѣ московскіе стрѣльцы да пашенные стрѣльцы, петид., десят. и рядовые (39 чел.), и всѣ пашенные стрѣльцы 90 чел., сказали по г. т. крестному цѣлованію во обыску сыну боярскому Евтею Григорьеву сыну Кученеву про рязанца про Василья Семенова сына Маслова, что онъ черною немочью давно ль боленъ, и такія онъ рѣчи въ сѣзжей избѣ говорилъ ли, что онъ хочетъ отъѣхать въ Литву, и мы то слышали, что на немъ та болѣзнь черная немочь года съ 2 и больше; и такія онъ рѣчи говорилъ въ сѣзжій избѣ, что хочетъ отъ ѣхать въ Литву; а говорилъ

онъ въ той черной немочи, не о своемъ умѣ; а какъ его Василья Семенова сына Маслова дали стеречь за пристава до г. указу; и мы вѣдаемъ у него будучи, какъ онъ по ночамъ и въ день тою болѣзнию черною немочью обмираетъ, говорить не о своемъ умѣ многожды, то мы вѣдаемъ; то наши и рѣчи. Лѣта 7138 г. Августа въ 20 д. по г. т. грамотѣ и по наказной памяти в. Оедора Ивановича Пушкина да Ивана Степановича Рагозина Михайлова города Черкасы Тимошеева приказу... пятид. (4 чел.) рядовые (4 чел.) и всѣ черкасы 69 чел. сказали, по г. т. крестному цѣлованью во обыску сыну боярскому Евтею Григорьеву, сыну Кученеву, про рязанца Василья Семенова сына Маслова, что черною немочью давно ли боленъ и такіа рѣчи въ сѣзжей избѣ говорилъ ли, что онъ хочетъ въ Литву отѣхать. И мы то слышали, на немъ то болѣзнь черная немочь года съ 2 и больше, и такіа онъ рѣчи говорилъ въ сѣзжей избѣ, что хочетъ отѣхать въ Литву, говорилъ онъ въ той черной немочи, не о своемъ умѣ; а какъ его Василья Семенова сына Маслова дали стеречь за пристава за стрѣльцовъ до г. указу, и мы отъ стрѣльцовъ слышали, какъ того Василія въ ночь и въ день тою болѣзнию черною немочью обмираетъ, говорить не о своемъ умѣ многожды. То г. наши и рѣчи.

Лѣта 7138 г. августа въ 20 д., по г. т. грамотѣ и по наказной памяти в. Оедора Ивановича Пушкина да Ивана Степановича Рагозина Михайлова города казаки Ильина приказу Петровича Спѣшнева всѣхъ сотень пятид. и казаки (слѣдуютъ имена ихъ) и всѣ казаки 300 чел. сказали по г. т. крестному цѣлованью про рязанца про Василья Семенова сына Маслова, что онъ Василій такіа рѣчи говорилъ въ сѣзжей избѣ въ черной-ли немочи. И мы то слышали, что тотъ Василій въ сѣзжей избѣ говорилъ, что хочетъ въ Литву отѣхать; и то мы вѣдаемъ, что онъ говорилъ въ черной болѣзни въ немочи, не о своемъ умѣ; а то мы слышали жъ, что та болѣзнь... года съ 2 и больше, и нынѣ де онъ за приставомъ обмираетъ черною немочью, а слышали отъ пушкарей Ефима Иванова, да отъ Богдана Кирилова и отъ стрѣльцовъ, кои у него бывають сторожки, и то мы слышали; то наши и рѣчи.

Лѣта 7138 г. августа въ 20 д., по г. т. грамотѣ и по наказной памяти в. Оедора Ивановича Пушкина да Ивана Степановича Рагозина Михайлова города пушкарі (13 чел.), сторожки (3

чел.), затинщики (11 чел.), да казен. кузнецъ (1 чел.), да казен. плотникъ (1 чел.), да городовые воротники (4 чел.), плотники (7 чел.), ямскія слободы охотники (14 чел.), и всѣ ямщики сказали по г. т. крестному цѣлованью сыну боярскому Евтею Кученеву про рязанца про Василья Семенова сына Маслова, что тотъ Василій Масловъ давно ль черною немочью боленъ и такіа онъ рѣчи въ сѣзжей избѣ говорилъ ли, что онъ хочетъ отѣхать въ Литву, и мы слышали, что онъ Василій Масловъ въ сѣзжей избѣ говорилъ, что хочетъ въ Литву отѣхать; а говорилъ онъ Василій тѣ рѣчи не о своемъ умѣ въ черной болѣзни, то мы слышали; и мы же слышали отъ стрѣльцовъ отъ Московскихъ и отъ нашенныхъ, какъ они были у него на сторожки, и онъ де Василій при нихъ ночью и въ день обмираетъ черною болѣзнию и говорить не о своемъ умѣ многожды. То мы отъ стрѣльцовъ слышали; то наши и рѣчи.

3. Отъ ц. и в. к. М. Ѡ. в. Р. въ нашу отчину въ Великій Новгородъ б. и. и в. князю Юрю Яныѣвичу Сулешеву, да дякомъ нашимъ Микифору Шинулину да Первому Неронову. Вѣдомо намъ учинилось, что новгородецъ Бѣзекскія пятинны Семень Олферьевъ сынъ Бачмановъ умѣетъ конской лечбѣ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ тотчасъ въ Великомъ Новгородѣ и въ Новгородскомъ уѣздѣ, Семена Бачманова велѣли сыскать. И какъ его сыщутъ, и вы бѣ его прислали къ намъ къ Москвѣ на подводахъ не мѣшкая, да о томъ къ намъ отписали. А на Москвѣ велѣли ему явиться и отписку отдать въ разрядѣ дякомъ нашимъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7140 г. іюня въ 22 день. Такова грамота послана за принисью дьяка Михаила Данилова.

4. Лѣта 7140 г. августа въ 29 д., по г. ц. и в. к. М. Ѡ. в. Р. указу дякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову, по г. указу дано изъ гос. обтекарскія казны на службу лекарямъ Тобиюсова полку Ивану Шляцу да Фаментинова полку Росвормова иѣмчину Ивану Генику 2 сундука, а въ нихъ обтекарскихъ всякихъ лекарствъ и снастей болберскихъ на 100 на 1 р. на 3 алт. съ деньгою, а тѣ деньги указали г. на нихъ взять на 3 срока во 141 г. въ сентябрѣ, да въ октябрѣ, да въ ноябрѣ по третямъ изъ нихъ изъ кормовыхъ мѣсячныхъ денегъ. И нынѣ на нихъ въ то число взять на мѣсяцъ сентябрь 35 руб. 3 алт.

съ деньгою; а достальные 66 руб. взять на нихъ изъ ихъ кормовыхъ денегъ въ 2 мѣсяца: въ октябрѣ 33 руб., а въ ноябрѣ тожъ. И по г. т. указу дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову тѣ достальные деньги 66 руб. изъ лекаревыхъ изъ Ивановыхъ Шлюца да нѣмчина Ивана Генника изъ ихъ кормовыхъ изъ мѣсячныхъ денегъ велѣти вычестъ во окт. 33 руб. въ ноябрѣ 30 же 3 руб., и тѣ деньги велѣти прислати въ Аптекарскій Приказъ къ б. ко князю Ивану Борисовичу Черкасскому помѣсячно. Приписаль Вялица Потемкинъ. Лѣта 7140 г. августа въ 30 д., по г. т. указу память Василью Ивановичу Протопопову да дьяку Тимофею Пчелину. Августа въ 29 д. нынѣшняго 140 г. въ памяти въ Разрядъ изъ Аптекар. Прик. за приписью Вялицы Потемкина написано: по г. указу дано изъ г. аптекарскія казны на службу лекарямъ Тобиюсова полку Ивану Шлюцу да Фалентинова полку нѣмчину Ивану Геннику 2 сундука, а въ нихъ аптекарскихъ всякихъ лекарствъ и снастей болберскихъ на 100 на 1 руб. на 3 алт. съ деньгою; а тѣ деньги указалъ г. на нихъ за тѣ снасти взять на 3 срока во 141 г. въ сен., да въ окт., да въ ноябрѣ по третямъ изъ ихъ кормовыхъ мѣсячныхъ денегъ.

И нынѣ на нихъ въ то число взято на мѣсяцъ сентябрь, 35 руб. 3 алт. съ ден., а достальные 66 руб. взять на нихъ изъ кормовыхъ денегъ въ 2 мѣсяца въ окт. 33 руб. въ ноябрѣ тожъ. И по г. т. указу Василью Ивановичу Протопопову да дьяку Тимофею Пчелину тѣ деньги 66 руб. отослать въ Аптек. Приказъ къ б. ко князю Ивану Борисовичу Черкасскому, а лекарямъ Ивану Шлюцу да Ивану Геннику въ 2 мѣсяца во октябрь да въ ноябрь по 30 по 3 руб. чел. зачестъ, — впередъ на 141 г. тѣхъ денегъ въ тѣ 2 мѣсяца не давать и въ раздаточныя книги тѣ деньги велѣти записать.

Лѣта 7141 г. сентября въ 11 д., по г. т. указу память дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову. Въ Иноземскомъ приказѣ по г. указу нѣмецкихъ полковъ нѣмецкіе люди Анцъ Альбрехтъ, Анцъ Якубъ Соефритъ, Анцъ Тимъ написаны въ другіе полки къ лекарямъ въ товарищи. Анцъ Якубъ Соефритъ въ Индриковъ полкъ Фандона, Анцъ Тимъ въ Фалентиновъ полкъ Росворма, Анцъ Альбрехтъ написанъ въ Тобиюсовъ полкъ Унзена, а имена ихъ изъ Иноземскаго приказу въ Разрядъ какъ посланы нѣмецкихъ людей имена, которые нѣмецкіе

люди написаны въ русскіе полки не посланы, потому что они написаны послѣ того. И по г. т. указу дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову послать г. т. грамоту къ б. и в. къ Михаилу Борисовичу Шенну да къ ок. и в. къ Артемью Васильевичу Измайлову и къ дьякомъ нѣмецкихъ людей Анца Альбрехта, Анца Якуба Соефрита, Анца Тима велѣти ихъ изъ нѣмецкихъ полковъ отдать въ русскіе полки къ лекарямъ въ товарищи, кто въ который полкъ написанъ и денегъ бы имъ въ нѣмецкихъ полкахъ не давали, потому что деньги на нихъ положены и въ списокъ написаны лекарямъ всѣмъ вопче по полкомъ, лекарю одному и инымъ съ товарищи по 30 руб. на мѣсяцъ, и на августъ мѣсяцъ и на сентябрь деньги на нихъ лекарямъ даны сполна. Дьяковъ Григорій Нечаевъ. Отъ ц. т. б. и. и в. Михаилу Борисовичу Шенну да ок. нашему и в. Артемью Васильевичу Измайлову да дьякомъ нашимъ Александру Дурову да Дмитрію Карпову. По нашему указу велѣно быть на нашей службѣ въ полкахъ нѣмецкихъ полковъ нѣмецкимъ людямъ къ лекарямъ въ товарищахъ Анцѣ Альбрехту, Анцѣ Якубу Соефриту, Анцѣ Тиму въ русскихъ полкахъ: Анцѣ Якубу Соефриту въ Индриковъ полкъ Фандона, Анцѣ Тиму въ Фалентиновъ полкъ Росворма, Анцѣ Альбрехту въ Табиасовъ полкъ Унзена. И какъ къ вамъ въ полки нѣмецкіе люди придутъ, и вы-бъ Анца Альбрехта, Анца Якуба Соефрита, Анца Тима велѣли отдать изъ нѣмецкихъ полковъ въ русскіе полки къ лекарямъ въ товарищи, кто въ который полкъ написанъ, а денегъ имъ въ нѣмецкихъ полкахъ давать не велѣтъ, потому что деньги на нихъ положены и въ списокъ написаны лекарямъ всѣмъ вопче по полкамъ, лекарю одному и инымъ съ товарищи по 30 руб. на мѣсяцъ, и на августъ мѣсяцъ и на сентябрь деньги на нихъ лекарямъ даны сполна. И какъ ихъ изъ нѣмецкихъ полковъ въ русскіе полки къ лекарямъ въ товарищи отдадите, и вы-бъ о томъ къ намъ отписали. Писанъ на Москвѣ лѣта 7141 г. сентября въ 12 д..

Лѣта 7141 г. ноября въ 9 д., по г. т. указу дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову да Григорію Ларионову. Въ прошломъ во 140 г. велѣно быть на г. службѣ въ походѣ съ б. съ Михаиломъ Борисовичемъ Шеннымъ съ товарищи для лечбы ротнымъ людямъ въ полку у Андрея Фандона Аптекарскаго приказа лекарю Валиму Кремору, и тотъ Вилимъ въ тѣ

поры занемогъ и по ся мѣста лежалъ боленъ, а нынѣ тотъ Вилимъ посланъ на г. службу по прежнему; и дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову, да Григорью Ларионову велѣти лекарю Вилиму въ полки къ б. къ Михаилу Борисовичу Шенну съ товарищи дати г. грамоту и велѣть ему быть на г. службѣ по прежнему въ полку у полковника у Андрея Фандона. Приписалъ Вышня Потемкинъ.

5. 158 г. октября въ 6 д. ок. Ивана Андреевича Милославскаго приказному человѣку Баженку Копцову Пожарковскія мельницы крестьянинъ Ивашко Ивановъ подалъ челобитную, а въ челобитной пишетъ доложить г. т. Въ прошломъ во 158 г. ноября въ 23 д. билъ челомъ в. г. ц. и в. к. А. М. в. Р. ок. Иванъ Андреевичъ Милославскій: во 158 же году въ ноябрѣ писалъ къ нему изъ Нижегородской его деревни человѣкъ его Баженко Копцовъ и прислалъ сыскъ и роспросныя рѣчи крестьянки его Алатарскаго уѣзда. Пожарской мельницы, Анютки Илюшкины жены; а въ роспросныхъ ея рѣчахъ написано, что она окормила мужа своего Илюшку кореньемъ и отъ того де мужъ ея умеръ злою смертию и отъ того де коренья остатокъ у ней вынято; а взяла де она то коренье у алатарскаго мордвина. И та де женка Анютка сидитъ за сторожею, а остальное коренье въ Алатарской его деревнѣ и г. бы его пожаловалъ. велѣлъ тотъ сыскъ и роспросныя ея рѣчи, и женку, и коренье, изъ Алатарской его деревнѣ взять въ приказъ, гдѣ ч. укажетъ.

И во 158 г. ноября въ 25 д., по г. т. указу послана г. грамота изъ Разряда въ Нижній къ ст. и воев. ко князю Петру Долгорукову да къ дьяку къ Ивану Чистову, а велѣно въ Алатарскомъ уѣздѣ, ок. Ивана Андреевича Милославскаго въ помѣстьѣ, въ деревнѣ Пожарковѣ у человѣка его у Баженка Копцова, взять въ Нижній женку Анютку, и коренье, что у ней вынято, и Алатарскаго мордвина Собайку Бѣляева. И тое женку и мордвина велѣно роспросить и проворовство ихъ пытать накрѣпко: женка Анютка мужа своего Илюшку кореньемъ окормила-ль, и по чьему наученью, и съ кѣмъ она на то воровство мыслила; а мордвинъ такое коренье давно ли у себя держитъ, и кто ему такое злое коренье велѣлъ держать, и кого тотъ мордвинъ и женка Анютка такимъ кореньемъ иныхъ на смерть окормили, и такимъ воровствомъ и порчею промышляютъ давно—ли, и съ кѣмъ, и кто иманы иные ихъ совѣтники, и отъ кого морд-

винъ на то воровство наученъ. И до какихъ людей по роспросу то воровство дойдетъ, и тѣхъ людей велѣно сыскать и ихъ роспрашивать жъ. и съ очи на очи ставить, и про то воровство сыскивать всякими сыски накрѣпко, чтобъ про то воровство доискаться до прями; а по сыску женкѣ Анюткѣ за ея воровство велѣть учинить казнь по г. указу и по соборному уложению. И въ прошломъ же во 158 г. генваря въ 14 д., писали къ г. т. изъ нижняго ст. и в. князь Петръ Долгоруково да дьякъ Иванъ Чистого, что они по г. т. указу Алатарскаго уѣзда изъ помѣстьи ок. Ивана Андреевича Милославскаго изъ дер. Пожарковки у человѣка его у Баженка Копцова, женку Анютку Илюшкину жену и коренья остатокъ, что у ней вынято, въ Нижній взяли, и противъ г. грамоты и прежнихъ роспросныхъ рѣчей тое женку роспрашивали. А въ роспросѣ женка Анютка сказала: мужа де она своего Илюшку Иванова кореньемъ на смерть не окормливала, а давала она Анютка мужу своему того коренья, которое у ней вынято, не для смерти, для лести отъ болѣзни, потому лежалъ де мужъ ея пугреною болѣзнию; а то де коренье давалъ ей Алатарскаго уѣзда деревни Пожарокъ мордвинъ Собайко, а чей сынъ, того не вѣдаеть. А давала де она то коренье мужу своему по мордвинову по Собайкову велѣнью въ князу при немъ Собайкѣ; и послѣ де того, какъ она давала мужу своему коренье, мужъ ея въ 3-й день умеръ. Да она жъ Анютка сказала: то де коренье давала мужу своему отъ привороту, чтобъ мужъ ея жилъ съ нею въ любви, а не для смерти, а какъ де тѣмъ кореньемъ къ мужу своему пыталась, и какъ мордвинъ Собайко то коренье давалъ ей, и о такомъ дѣлѣ ни съ кѣмъ она не мыслила и такого дѣла и умысленья нилто у ней не видать. И прежде сего она такимъ воровствомъ не промышляла и людей такимъ воровствомъ ни кого не порчивала и не окормливала. И кто такимъ воровствомъ промышляетъ, такихъ людей не знаетъ. И для смерти мужу своему злого ни какого коренья не давала. А мордвинъ де Собайка преждъ до смерти мужа ея коренья зналъ и отъ болѣзни многихъ людямъ пособлялъ и ворожилъ. А кореньемъ кого окормливалъ ли, того она не вѣдаеть. А мордвина Собайка знаетъ она потому, мужу де ея Илюшкѣ былъ совѣтентъ, межъ собою знали. И морд. Собайко Бѣляевъ сысканъ на Москвѣ и посланъ въ Нижній во 158 г. ген. въ 31 д. И въ томъ воровствѣ по г. указу велѣно кн. Петру Долгорукову да

дьяку Клементью Патокину женку Анютку и морд. Собайка рос-
просить и съ очи на очи ставить, и про то воровство велѣно
сыскивать всякими сыски накрѣпко по прежнему г. указу. И въ
прошломъ во 158 г. мая въ 16 д. писали къ г. т. изъ Нижняго
ст. и в. кн. Петръ Долгоруково да дьякъ Клементій Патокинъ,
что женка Анютка съ морд. Собайксмъ Бѣляевымъ для подлин-
наго сыску съ очи на очи ставлены, и роспрашиваны они, и
пытаны всякими разными пытками накрѣпко, и огнемъ жжены.
И на очной ставкѣ и съ пытокъ женка Анютка сказала тѣмъ
рѣчи противъ прежнихъ рѣчей. А морд. Собайка Бѣляевъ на оч-
ной ставкѣ и съ пытокъ сказалъ: такого де коренья, которое
взято въ Нижній у женки Анютки, онъ не давивалъ и при себѣ
никакого коренья мужу ея ни въ чемъ давать не веливалъ, и
около людей воровскою не хаживалъ, и такимъ воровскимъ дѣ-
ломъ прежъ сего не промышлявалъ, и нынѣ не промышляетъ, и
никакого де коренья онъ не знаетъ, и никакого никакимъ корень-
емъ не окармливалъ и не испорчивалъ, и, кто такимъ воровст-
вомъ промышляетъ того, онъ не вѣдаетъ и не знаетъ, и ника-
кого де злого коренья у себя прежъ сего не держивалъ, и ны-
нѣ не держитъ, и такому злему дѣлу ни у кого не учивался, и
тоже женки Анютки и мужа ея Илюшки не знаетъ. Тѣмъ де всѣмъ
его Собайка та женка поклепала напрасно. И та де женка Анютка
и мордвинъ Собайко въ Нижнемъ посажены въ тюрьму до г. указу, по-
тому что мордвинъ къ томъ кореньѣ и въ воровствѣ съ пытки на се-
бя не говорилъ. И въ прошломъ во 161 г. марта въ 31 день,
билъ челомъ г. т. мордвинъ Собайко Бѣляевъ, что онъ въ томъ
напрасномъ поклепѣ съ очной ставки въ Нижнемъ пытанъ трижды
и огнемъ жженъ, и пупъ волоченъ, и ребра ломаны, и пята
ажжены. И въ томъ онъ оговорѣ ни въ чемъ не виноватъ, и съ
пытокъ на себя не говорилъ. И послѣ пытокъ въ Нижнемъ вни-
нутъ въ тюрьму и сидитъ въ тюрьмѣ 4й годъ, помираетъ
голодною смертию, и г. бы его пожаловать, велѣлъ про
него Собайка въ томъ воровствѣ, въ кореньѣ, и въ порчѣ
около деревни Пожарокъ сыскать Алатарскимъ, и Нижго-
родскимъ, и Арзамасскимъ уѣзды всякихъ чиновъ людьми
большимъ повальнымъ обыскомъ, и по сыску и по обыскомъ
и пособорному уложению, велѣлъ указъ учинить. И по г. т.
указу послана г. грамота въ Нижній къ воев. къ Прокофью
Елизарову да къ дьяку къ Степану Черново, а велѣно про морд-

вина, про Собайка Бѣляева, про то воровство около деревни
Пожарковки Алатарскимъ и Нижгородскимъ и Арзамасскимъ
уѣзды тутошними и окольными всякихъ чиновъ людьми обыс-
кать большимъ повальнымъ обыскомъ. И въ нынѣшнемъ во 162
г. ноября въ 11 д., писали къ г. т. изъ Нижняго в. Прокофій
Елизаровъ да дьякъ Степанъ Чернаго и прислали въ Разрядъ
обыски обыскныхъ людей за руками. Въ сыску же сотнику стрѣ-
лецкому Ивану Бабушкину, Алатарскаго уѣзду села Чуева ст.
князь Володимера Андреевича Волконскаго староста Кондратій
Стефановъ, да крестьяне: Давидъ, Логинъ, да Павелъ
Борисовъ, да Никонъ Ивановъ, да Лаврентій Васильевъ
сказали по г. т. крестному цѣлованью: деревни Пожарокъ морд-
вина Собайка мы не знаемъ, а воровствомъ промышляетъ ли, и
коренья у себя держитъ ли, или не держитъ, и людей портитъ
ли, или не портитъ, про то мы про все не знаемъ, то наша и
сказка. Къ сямъ обыскнымъ рѣчамъ, Алатарскаго уѣзда да, села
Сюфѣва, Архан. попъ Герасимъ Игнатьевъ, вмѣсто прихожанъ
своихъ и дѣтей духовныхъ, кои въ семъ обыску пмяны писаны,
по ихъ велѣнью, руку приложилъ.

Алатарскаго жъ уѣзду, деревни Алтышевы Мирбахтея мурзы
князь Чеготаева староста Елисей Еремѣевъ, да крестьяне: Кни-
рианъ Оедоровъ, Степанъ Ивановъ, Борисъ Тимофеевъ, Михайло
Оедоровъ, Степанъ Оедоровъ сказали сотнику стрѣлецкому Ивану
Бабушкину по г. крестному цѣлованью, мордвинъ Собайко Бѣляевъ
воровствомъ промышляетъ ли или не промышляетъ, и коренье
отравное у себя держитъ ли или не держитъ, и людей на смерть
окармливаетъ ли, или не окармлиываетъ, про то мы про все не
знаемъ; то наша и сказка. Къ сямъ обыскнымъ рѣчамъ Алатар-
скаго уѣзда, села Сюфѣва, Архангельскій попъ Герасимъ Иг-
натьевъ, вмѣсто Амирбахтеевыхъ крестьянъ; кои въ семъ обыску
имяны писаны, по ихъ велѣнью, руку приложилъ.

Да въ сыску жъ сотнику стрѣлецкому Ивану Бабушкину
Алатарскаго уѣзду, Боима Оедоровича Болтинъ деревни Идланова
староста Михайла Прокофьевъ, крестьяне: Анисимъ Ивановъ,
Алексѣй Григорьевъ, Оедоръ Ивановъ, Кузьма Григорьевъ, Па-
велъ Михайловъ, Оедоръ Парфеньевъ, Иванъ Бѣляевъ, Иванъ
Нагибинъ, Семенъ Семеновъ, Иванъ Гавриловъ, Герасимъ Родіо-
новъ сказали, по г. крестному цѣлованью: живемъ мы отъ Мор-
довской дерев. Пожарокъ далече и мордвина Собайка Бѣляева

мы не знаемъ, воровствомъ онъ промышляетъ ли или не промышляетъ, и коренье у себя Собайко держать ли, и людей окармливать ли или не окармливаютъ, про то мы про все ничего не знаемъ и ни етъ кого не слышали; то наша и сказка. Къ сямъ обыскнымъ рѣчамъ Алатарскаго уѣзду, села Сюнѣва, Архангельскій попъ Герасимъ Игнатьевъ, въ Банма Оедоровича Болтина крестьянъ его дер. Ждановой, кон въ сямъ обыскъ имяны писаны, по ихъ велѣнью, руку приложилъ. Да въ сыску же сказали Алатарскаго уѣзда, дер. Мамешевы арзамасца мурзы Симеова да Ивакая князь Мамекневахъ дѣтей Мостофинныхъ староста Володимиръ Димитриевъ да крест. Павелъ Терентьевъ, да Иванъ Моховъ, да Андрей Ивановъ. Деревни Ормакаевы Ондрей мурзы да Тахтара Ормакетовыхъ дѣтей князь Чегодаевыхъ, Алатарскаго уѣзда староста Иванъ Аванасевъ да крестьяне Микита Онтоновъ, да Иванъ Ивановъ сынъ Дѣвыканъ да Иванко Семеновъ, сынъ Шаранинъ. Тогожъ уѣзду дер. Мирысеви Мирыся мурзы Бакаева сына Мостофина староста Григорій Ворламовъ, да крестьянинъ Мартинъ Тимоосевъ сказали по г. т. крестному цѣлованю: Алатарскаго уѣзду, дер. Пожарокъ мордвинъ Собайка Бѣляевъ воровствомъ онъ промышляетъ ли, коренье у себя держать ли, или не держать, и людей окармливаютъ ли на смерть, или не окармливаютъ, про то мы про все не вѣдаемъ. Къ сямъ обыскнымъ рѣчамъ, Алатарскаго уѣзду села Сюнѣва, Архангельскій попъ Герасимъ Игнатьевъ вмѣсто прихожанъ и дѣтей своихъ духовныхъ, кон въ сямъ обыскъ имяны писаны, по ихъ велѣнью руку приложилъ. Да въ сыску жъ сотнику стрѣльцкому Ивану Бабушкину, Нижегородскаго уѣзда дер. Акузовое мордва десятскій Ерофей Баженовъ, да Васий Адушевъ, Китай Кедяровъ, тое жъ дер. Петай Отяшевъ, Илемасъ Далгушевъ, Тремасъ Сыресевъ, Ема Лукашевъ, Есялякъ Васильевъ. Тое жъ дер. мордва: Кумай Череватовъ, Азакай Кученяевъ, Башай Малковъ, Нятой Степановъ. Тоежъ дер. Тумоош Илемасовъ, Исакъ Лукашевъ, Собай Филишевъ, Невѣръ Лемаевъ. Тоежъ дер. мордва: Тиснай Нундумушевъ, Арисъ Итессевъ, Шемений Кузьминъ. Тое жъ дер. мордва Невѣжа Болтаевъ, да Петай Череватовъ. Ибрянъ Сидовъ сказали по своей вѣрѣ по шерти. Алатарскаго уѣзду дер. Пожарокъ за мордвиномъ Сабамъ Бѣляевымъ воровства никакого не знаемъ, а коренья стравнаго незнаемъ, а коренья отравнаго онъ Собайко у себя держать ли, и людей портить ли, и на смерть окармливаютъ ли,

или нѣтъ, того мы ничего не знаемъ; а ок. Ивана Андреевича Милославскаго села Пожарокъ крестьянкѣ Анюткѣ, Илюшкинѣ женѣ Иванова онъ Собайко отравное коренье давалъ ли, или нѣтъ, и Илюшка Ивановъ отъ того ли коренья умеръ, или своею смертью просто, того мы не вѣдаемъ же; то наша и сказка. А во обыску нижегородскаго уѣзду попъ, разныхъ помѣщиковъ 6 чел. старость, 23 чел. крестьянъ, всего 30 чел. Попъ сказалъ по священству, а староста и крестьяне сказали по г. т. крестному цѣлованю: что они за мордвиномъ за Собайкомъ Бѣляевымъ воровства никакого не знаютъ и коренье у себя держать ли, и людей окармливаютъ ли, или не окармливаютъ, и ок. Ивана Андреевича Милославскаго села Пожарокъ, крестьянкѣ женѣ Анюткѣ отравное коренье давалъ ли, или не давалъ, и мужу ея Илюшкѣ давать вѣдѣть ли или не вѣдѣть и Илюшка умеръ отъ коренья или своею смертью, про то они про все не знаютъ и не вѣдаютъ. Во обыску жъ Нижегородскаго Алатарскаго уѣзда 2 попа да разныхъ помѣщиковъ 9 чел. старость, 56 чел. крестьянъ всего 67 чел. Попы сказали по священству, а старосты и крестьяне сказали по г. т. крестному цѣлованю: мордвинъ Собайко Бѣляевъ воровствомъ промышляетъ или не промышляетъ, и кореньемъ людей окармливаютъ, про то они не знаютъ; и ок. Ивана Андреевича Милославскаго села Пожарокъ крестьянкѣ женѣ Анюткѣ Илюшкинѣ женѣ Иванова, коренье давалъ ли, или не давалъ, и мужу ея Илюшка отъ того коренья умеръ, или своею смертью, про то они про все не знаютъ и не вѣдаютъ. Во обыску жъ Алатарскаго уѣзду попъ, 1 чел. сынъ боярскій, да разныхъ помѣщиковъ 9 чел. старость, 32 чел. крестьянъ всего 43 чел. Попъ сказалъ по священству, а сынъ боярскій, и старосты, и крестьяне сказали по г. т. крестному цѣлованю: что они мордина Собайка Бѣяева не знаютъ, и воровствомъ онъ промышляетъ ли, или не промышляетъ, и коренья у себя держать ли и людей окармливаютъ, или не окармливаютъ, про то они про все ничего не знаютъ. Во обыску жъ Алатарскаго уѣзду 57 чел. служилыхъ татаръ, 10 чел. мордвы, да Нижегородскаго уѣзду 96 чел. мордвы всего 163 чел. сказали по своей вѣрѣ по шерти: что они за мордвиномъ за Собайкомъ Бѣляевымъ воровства никакого не знаютъ (даже то же, что показывали другіе Н. П.).

Во обыску жъ 14 чел. Алатарскаго уѣзду служилыхъ татаръ сказали по своей вѣрѣ по шерти, что они за мордвиномъ за

Собайкомъ Бѣляевымъ воровствѣ никакого и кореня отравнаго не знаютъ. Во обыску жъ 25 чел. Арзамасскаго уѣзду деревни Пожарокъ служилыхъ татаръ сказали по своей вѣрѣ по шерти, что мордвинъ Собайко Бѣляевъ воровствомъ никакимъ не промышляетъ и кореня отравнаго у себя не держитъ, то они знаютъ. 162 г. генваря въ 20 д. г. указалъ по тому сыску мордвина Собайку и женку Анютку изъ тюрьмы свободить съ порукою. Лѣта 7162 г. сентября въ 16 д., по г. т. указу, и по наказной памяти воеводы Прокофья Кузьмича Елизарова да дьяка Степана Чорнаго сотникъ стрѣлецкій Иванъ Бабушкинъ приѣзжалъ въ Алатарскій, и въ Нижегородскій и въ Арзамасскій уѣзды сыскивалъ тутюшными и окольными всякихъ чиновъ людьми большимъ повальнымъ обыскомъ попы и дьяконы по священству, дворяны и дѣтми боярскими и ихъ прикащики, и старосты, и цѣловальники и крестьяны по г. т. крестному цѣлованью, а татары и мордвою по ихъ вѣрѣ по шерти: мордвинъ Собайко Бѣляевъ воровствомъ промышляетъ ли и отравное коренье у себя держитъ ли, и людей кореньемъ портитъ ли, и на смерть окормливаетъ ли. И въ прошломъ во 158 г. ок. Пв. Анд. Милослаускаго помѣстья Алатарскаго уѣзду села Пожарокъ крестьянкѣ женкѣ Анюткѣ, Илюшкинѣ женѣ Иванова отравное коренье, что у ней вынато онъ Собайко далъ ли; и мужу ея Илюшкѣ давать велѣлъ ли; и—тотъ Илюшка отъ того кореня умеръ, или онъ Собайко такимъ воровствомъ не промышляетъ, и отравнаго кореня у себя не держитъ и людей кореньемъ не портитъ, и на смерть не окормливаетъ. И въ прошломъ во 158 г. женкѣ Анюткѣ Илюшкинѣ женѣ Иванова, что у ней вынато кореня не даивалъ, и мужу ея Илюшкѣ давать не велывалъ, и Илюшка умеръ не отъ того кореня, Г. т. х. т. Пронка Елизаровъ Стенька Чорнаго челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ г., во 162 г. сентября въ 8 д. по твоей г. т. грамотѣ изъ Разряда за приписью твоего г. дьякова Ивана Сѣверова писано къ намъ х. т. по челобитью Алатарскаго уѣзда деревни Пожарокъ мордвина Собайка Бѣльева, а велѣно г., около деревни Пожарокъ Алатарскимъ и Нижегородскимъ и Арзамасскимъ уѣзды обыскать тутюшными и окольными всякихъ чиновъ людьми большимъ повальнымъ обыскомъ про все имено. И сотникъ Стрѣлецкій Иванъ Бабушкинъ, подаль намъ х. т. обыскныя рѣчи, за обыскныхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ руками и за своею рукою. И мы

х. т. тѣ обыскныя рѣчи послали къ тебѣ г. къ Москвѣ съ сею отпискою, а отписку г. и обыски велѣли подать въ Разрядъ твоему г. думному дворянину Ивану Афанасевичу Гавреневу да дьякомъ думному Семену Заборовскому да Григорью Марѣонову да Ивану Сѣверову. (о): 162 г. ноября въ 11 день.

Отъ ц. т. въ Нижній в. н. Прокофью Кузьмичу Елизарову да дьяку нашему Стевану Чернову. Билъ вамъ челомъ Алатарскаго уѣзду, деревни Пожарокъ мордвинъ Собайко Бѣляевъ: въ прошломъ де во 158 г. взятъ онъ на Москвѣ въ разрядъ, а изъ Разряда отосланъ въ Нижній ок. н. И. А. М. помѣстья Алатарскаго уѣзду села Пожарокъ крестьянки вдовы Анютки Илюшкины жены Иванова по поклену въ порѣ мужа ея Илюшки, будто она Анютка для порчи мужа своего Илюшки имала у него Собайка отравное коренье. И въ томъ де съ израсномъ покленѣ съ очныя ставки въ Нижнемъ онъ пытанъ трижды, и огнемъ жегенъ, и пупъ волоченъ, и ребра ломаны, и пята жены и въ томъ де онъ стоворѣ ни въ чемъ не виноватъ, и съ пытокъ на себя не говорилъ; и послѣ де пытокъ въ Нижнемъ вкинутъ въ тюрьму и сидѣть въ тюрьмѣ 4-й годъ, помираетъ голодною смертию, и намъ бы его пожаловать велѣть про него Собайка въ томъ воровствѣ, и въ кореньѣ, и въ порчѣ около дер. Пожарокъ сыскать Алатарскимъ, и Нижегородскимъ, и Арзамасскимъ уѣзды всякихъ чиновъ людьми большимъ повальнымъ обыскомъ и по сыску и по обыскамъ, по нашему указу и по соборному уложенью указъ учинить. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ около дер. Пожарокъ Алатарскимъ, и Нижнимъ городскимъ, и Арзамасскимъ уѣзды велѣли обыскать тутюшными и окольными всякихъ чиновъ людьми большимъ повальнымъ обыскомъ (далѣе слѣдуетъ уже повторявшійся наказъ о сыскѣ Н. Н.).

Г. т. блетъ челомъ сирота твой Алатарскаго уѣзду дер. Пожарокъ мордвинъ Собайко Бѣляевъ. Въ прошломъ г. во 158 г. по напрасному поклену того жъ Алатарскаго уѣзду, помѣстья ок. И. А. М. села Пожарокъ крест. его вдовы Анютки Федоровы дочери Илюшкиныя жены, взять я сирота, твой здѣсь на Москвѣ въ Разрядъ, а изъ Разряда отосланъ въ Нижній Новгородъ передъст. передъ князя Петра Алексѣевича Долгорукова да передъ дьяка передъ Ивана Чистого, будто она Анютка уморила мужа своего кореньемъ, а то де коренье будто она Анютка имала у меня сир. т.; и въ ея напрасномъ покленѣ съ очныя ставки, я сир. т. пы-

тань трижды и огнемъ сжечь, и нупъ волочень, и ребра ломаны и пяти сжены и въ томъ дѣлѣ въ ея напрасномъ поклепномъ оговорѣ я сир. т. не виновать ни въ чемъ, и съ пытокъ на себя ничего не говорилъ; и послѣ г. пытокъ я бѣдный въ Нижнемъ вкинутъ въ тюрьму и животъ свой мучу, сижу въ тюрьмѣ 4-й годъ, помираю голодною смертию. Милосердый г. т., пожалуй меня бѣднаго сироту своего, для своего г. Ангела хранителя св. прав. Алексѣя чел. Божія, и для своего ц. многолѣтняго здоровья, вели г., дать мнѣ въ Нижній Новгородъ къ в. своей г. сыскную грамоту, а по той своей г. грамотѣ, вели г., про меня сир. с. сыскать около дер. Пожарокъ окольными всякихъ чиновъ людьми большимъ повальнымъ обыскомъ, Алатарскимъ и Нижегородскимъ, и Арзамасскимъ уѣзда, что я с. т. ни за какою враждою не хожу, и людей ни чѣмъ не порчу и не пособляю и по обыскамъ вели г., мнѣ противъ своего г. указу и соборнаго уложения свой цар. указъ учинить, чтобы мнѣ бѣдному безъ вины напрасно сидя въ тюрьмѣ въ конецъ не погнущу и голодною смертию не помереть. Ц. г. смилуйся, ю.) Г. пожаловать, велѣть дать грамоту и сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ. 161 г. марта въ 29 д. учинить по помѣтѣ. Лѣта 7160 мая въ 3 д., по г. т. указу б. князю Борису Александровичу Репнину, да князю Ивану Оедоровичу Шековскому, да дьякомъ Василию Ушакову да Ивану Степанову. Въ памяти въ разрядъ за твоею Ивановою принисью написано, велѣно выписать ок. Нв. Анд. Милославскаго въ Нижнемъ женка Анютка въ какомъ дѣлѣ пытана и въ тюрьму посажена да та выписъ велѣно прислать въ Разбойный Приказъ; и въ разрядѣ выписано: въ прошломъ во 158 г. ноябрю въ 24 д., послана г. т. грамота изъ Разряда въ Нижній къ ст. и в. ко князю Петру Долгорукову да къ дьяку къ Ивану Чистово, по челобитью ок. Нв. Анд. Мил., а велѣно въ Алатарскомъ уѣздѣ въ помѣсть его въ дер. Пожарковѣ у чел. его у Баженка Кошова взять въ Нижній женку Анютку и коренье, что у ней вынато и Алатарскаго мордвина Собайка Бѣляева. И тое женку и мордвина велѣно распросить и велѣно ихъ про воровство ихъ пытать накрѣпко, женка Анютка мужа своего Илюшку кореньемъ окормила ль, и почему наученью, и съ кѣмъ она на то воровство мыслила; а мордвинъ такое коренье давно ли у себя держитъ, и кто ему такое злое коренье велѣть держать, и кого тотъ мордвинъ и женка Анютка такимъ кореньемъ пнихъ на смерть окормили и такимъ

воровствомъ и порчею промышляють давно ль, и съ кѣмъ и кто имяны иные ихъ совѣтники, и отъ кого мордвинъ на то воровство научень; и до какихъ людей по роспросу то воровство доидеть, и тѣхъ людей велѣно сыскать, и ихъ спрашивать же и съ очи на очи ставить; и про то воровство сыскивать всякими сыски, чтобы про то воровство донестись до прима; а по сыску женкѣ Анюткѣ за ея воровство велѣно учинить казнь по г. указу по соборному уложению. И въ прошломъ во 158 ген. въ 14 д., писали ко г. т. изъ Нижняго ст. и в. князь Петръ Долгоруково да дьякъ Иванъ Чистово, что они по г. указу, Алатарскаго уѣзду изъ помѣстья ок. Н. А. М. изъ дер. Пожарковки у чел. его у Баженка Кошова женку Анютку Илюшкину жену и коренья остатокъ, что у ней вынато, въ Нижній взяли и противъ г. грамоты и прежнихъ роспросныхъ рѣчей тое женку роспрашивали. (Далѣе слѣдуетъ буквальное воспроизведеніе уже извѣстныхъ показаній Анютки и Собайки. Н. Н.)

И та женка Анютка и мордвинъ Собайко посажены въ тюрьму до г. указу. Въ той же князь Петровѣ отпискѣ Долгорукову да дьяка Клементя Патокина написано, что женка Анютка по-прежнему г. указу и по соборному уложению за воровство не казнена, потому что мордвинъ въ томъ кореньѣ и въ воровствѣ съ пытки на себя не говорилъ. Мая въ 4 д. такова память въ Разбойный приказъ за принисью дьяка Григорья Ларіонова послана, разрядного приказа съ молодымъ подьячимъ съ Минкою Усовымъ. Лѣта 7158 г. ген. въ 31 д., по г. т. указу ок. Ивану Андреевичу Милославскому да дьякамъ Герасиму Доктурову да Микитѣ Головкину. Велѣти имъ дати Московскимъ стрѣльцамъ Осипова Приказу Костяева Ивану Игнатьеву, да Оедкѣ Микитину отъ Москвы до Володимера и назадъ до Москвы подводы по указу, посланы въ провожатыхъ за колодинкомъ за мордвиномъ Собайкомъ Бѣляевымъ съ сыномъ боярскимъ съ Васькомъ Евскимъ.

Г.т. х. т. Петрушка Долгоруково Клишко Патокинъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ г. во 158 г. февраля въ 8 д. въ твоей г. т. грамотѣ изъ Разряда за принисью твоего г. дьяка Григорья Ларіонова писано къ намъ х. т. и присланъ съ Москвы въ Нижній съ сыномъ боярскимъ Васильемъ Евскимъ Алатарскаго уѣзду дер. Пожарокъ мордвинъ Собайко Бѣляевъ для подлинного сыску и допросу съ женкою Анюткою Илюшкиною женою, которая г. взята въ Нижній, Алатарскаго уѣзду изъ вотчины твоего г.

ок. И. А. М. изъ дер. Пожарковки, что окормила мужа своего кореньемъ до смерти; а велѣти бѣ г. намъ х. т. по прежней и поныѣнней твоимъ г. грамотамъ тое жену Анютку и морд. Собайка роспросити и съ очи на очи ставить и про то воровство пытать ихъ при себѣ накрѣпко (слѣдуетъ уже извѣстный наказъ, о чемъ пытать, и показанія Анютки и Собайка. Н. Н.). Да по твоей же г. другой грамотѣ, какова прислана къ намъ х. т. съ сыномъ боярскимъ съ Васильемъ Евскимъ, по нашей х. твоихъ отпискѣ, велѣно г. намъ Алаторскаго уѣзду дер. Пожарокъ, мордву Пыресска Оленина, да Бичюрка Еманова, да мордву жъ Лаштанка да Панюшка съ товарищи 5 челов. взять въ Нижній и за ихъ воровство тое мордву Пыресска Оленина да Бичюрка Еманова, что они пристава и стрѣльцовъ хотѣли побить и мордвиницу Бѣлякову жену и дѣтей у пристава отняли, велѣти бѣ бити кнутомъ; а мордву жъ Лаштайка да Панюшка съ товарищи 5 чел. за ту жъ вину велѣти бѣ бити батоги, чтобъ г. на то смотря инымъ не повадно было такъ воровать. А учиня г. имъ мордвѣ наказанье отпустити бѣ по домамъ. И мы х. т. въ Алаторскій уѣздъ, въ мордовскую дер. Пожарки по мордву по Пыресска Оленина съ товарищи посылали изъ Нижняго сына боярскаго Клеменъти Мошенскаго да съ нимъ стрѣльцовъ. И сынъ боярскій Клем. Мошенскій, прѣхавъ въ Нижній, подаль въ сѣзжей избѣ намъ х. т. доѣздную память за рукою, а въ доѣздной г. его памяти написано, что онъ Клем. съ стрѣльцами тое мордву въ Мордовской дер. Пожаркахъ не излѣхали, а вмѣсто де тое мордвы, женъ ихъ и дѣтей тое жъ дер. мордва Баюшко Годяшковъ, за Мануйко да Мечаско Гавриловъ, да Елачко, да Четырко, да Васійко Богдановъ, да Боярко Исаевъ, да Казачко Лакштановъ съ товарищи, собрався со многими людьми съ ружьемъ, и съ саблями, и съ рогатинами, и съ бердыши, взять не дали и твоему г. указу учинились сильны. И мы х. т. для тое мордвы Пыресска Оленина съ товарищи посылали въ третій сына боярскаго жъ Тимофея Макарьева съ стрѣльцами жъ. А женкѣ Анюткѣ за ея воровство, что она мужа своего кореньемъ окормила по твоему г. указу и по соборному уложению, каковъ присланъ подъ твоею г. грамотою до твоего г. указу казни не учинено, потому что г. женка Анютка въ томъ зломъ кореньѣ, которымъ мужа своего окормила, говоритъ на мордвина на Собайка Бѣляева впрямъ, что дать то коренье ей Анюткѣ мордвинъ Собайко;

а морд. Собайко противъ женкиныхъ Анюткиныхъ роспросныхъ рѣчей во всемъ томъ заpiresаетъ: такого де коренья той женкѣ Анюткѣ не даивалъ и того г. воровства до прмая сыскать намъ х. т. не чѣмъ. И мы х. т. ту женку и мордвина до твоего г. указу велѣли посадить въ тюрьму, и о томъ какъ ты г. намъ х. с. указеши. (Об.) 158 г. мая въ 16 д. Отъ н. т. по городамъ воев. нашимъ и приказнымъ людямъ. По нашему указу посланъ съ Москвы въ Нижній сынъ боярскій Василій Евскій, а съ нимъ посланъ колодникъ Алаторскаго уѣзда мордвинъ Собайко Бѣляевъ, а для провожанія за тѣмъ колодникомъ послано до Володимера Московскихъ стрѣльцовъ 2 чел., а въ Володимерѣ и въ иныхъ городахъ велѣно за тѣмъ колодникомъ...—и на которые города сынъ боярскій Вас. съ тѣмъ колодникомъ изъ Володимера поѣдетъ, и вы бѣ в. н. и приказные люди Василью Евскому за тѣмъ колод. до Нижняго довести провожатыхъ по ескл. прич. что бѣ того колодника до Нижняго довести безстрашно. Писанъ на Москвѣ лѣта 7158 г. генваря въ 31 д.

Лѣта 7158 г. ген. въ 30 д., по г. т. указу ок. Ивану Андреевичу Милославскому да дьякомъ Герасиму Духтурову да Микитѣ Головинну велѣти имъ дать сыну боярскому Василью Евскому отъ Москвы до Нижняго и назадъ до Москвы да подъ кол. подъ морд. подъ Собайка Бѣляева отъ Москвы до Нижняго подводы по указу.

Отъ ц. т. въ Нижній ст. н. и в. князю Петру Алексѣевичу Долгорукова да дьяку нашему Клем. Патокину.

Писали вы къ намъ, что по челобитью ок. н. И. Ал. Милославскаго изъ помѣсть его Алаторскаго уѣзда изъ дер. Пожарковки женка Анютка Илюшкина жена въ Нижній взята, что она мужа своего окормила кореньемъ: а Мордвинъ Собайко Бѣляевъ, который женкѣ Анюткѣ коренье давалъ, въ Мордовской дер. Пожаркахъ не сыскалъ и въ Собайкиново мѣсто велѣли вы приставомъ взять въ Нижній жену его и дѣтей, и тоежъ дер. Пожарокъ мордву Пыресска Оленинъ съ товарищи пристава и стрѣльцовъ хотѣли побить до смерти, и Собайкову жену, и дѣтей отбили, и намъ бы о томъ о всемъ велѣти указъ учинить. И Алаторскаго уѣзду дер. Пожарокъ мордвинъ Собайко Бѣляевъ сыскалъ на Москвѣ и по нашему указу тотъ мордвинъ Собайко для подлиннаго сыску посланъ въ Нижній съ сыномъ боярскимъ съ Васильемъ Евскимъ. И какъ Василій Евскій съ мордвиномъ

Собайкомъ Бѣляевымъ къ вамъ въ Нижній прїѣдетъ, и вы съ женку Анютку и мордвина Собайку респросили и съ очи на очи ставили, и то воровство ихъ сыскивали всякими сыски накрѣпко по прежнему нашему указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 7158 г. генваря въ 31 день.

Лѣта 7158 г. декабря въ 19 д., по г. т. указу и по наказу ст. и в. князя Петра Алексѣевича Долгорукова да дьяка Ивана Чистого Нижегородскій приставъ Ивашко Барой, да стрѣльцы Ивашко Васильевъ, да Нилко Гурьевъ, да Стенька Васильевъ, да Тимошка Бирялякъ, да Андрюшка Бочкаревъ, да Аюнька Микифоровъ, да Куземка Семеновъ, да Оничка Емельяновъ, да Андрюшка Оверкиевъ, да Юнка Васильевъ ѣздили въ Алаторскій уѣздъ въ мордовскую деревню Пожарки для оговорнаго мордвина Собайка Бѣляева, а велѣно его Собайку по г. указу взять, а животы его переписать и дворъ запечатать и приказать беречь тутюшимъ людямъ до г. указу. И его мордвина Собайка Бѣляева дома не изъѣхали, а жена его и дѣти сказали, что онъ Собайко пошелъ къ Москвѣ. И мы по г. указу взяли его Собайкову жену и дѣтей и животы его почали переписывать, и тое деревни мордва Пыреско Оленинъ, да Бичюрка Емановъ да Лаштанко да Панюшко съ товарищи всею дер. Пожарками г. указу не послушали, и собрався многими людьми съ луки, и съ рогатины, и съ топорками, пришедъ къ тому Собайкову двору, настъ осадили и держали заперши въ избѣ сутки, и хотѣли побить до смерти; а того мордвина животовъ переписать и двора запечатать не дали, а жену и дѣтей отбили; а въ понятыхъ были Алатарскаго уѣзду Никольскій поимъ Василій Мокѣевъ, да Нижегородскаго уѣзда б. Бориса Ивановича Морозова вотчины его села Сергача крестьяне Григорій Кондратьевъ сынъ Сметанинъ, да Симонъ Амосовъ, да Микифоръ Пароеньевъ, да Василій Леонтьевъ, да Исай Ивановъ, да Нижегородскаго уѣзда дер. Анкузовы мордвинъ Аюемай Имаевъ (о.) 158 г. декабря въ 23 д., подаль г. Ивашко Бара. Взяти къ дѣлу. Лѣта 7158 г. генваря въ 30 д., по г. т. указу б. Ильѣ Даниловичу Милославскому да дьякамъ Дмитрію Жеребильову да Григорію Кунакову; велѣти прислать въ Разрядъ къ дьякомъ 2 чел. стрѣльцовъ, по г. указу послати ихъ до Володимера въ провожатыхъ за колодникомъ. Лѣта 7158 г. генваря въ 30 д., по г. т. указу память ст. князю Василью Богдановичу Волконскому, да дьякамъ Савѣ Самсонову, да Семену

Ключарову; прислати въ Разрядъ къ дьякомъ холопья приказу сына боярскаго послати съ нимъ въ Нижній колодника. Прислать Василій Евскій.

Г. т. х. т. Петрушка Долгорукий Ивашко Чистого челомъ бьютъ. Въ шлѣшнемъ г. во 158 г. декабря въ 16 д. въ твоей г. т. грамотѣ изъ Разриду за приписью твоего г. дьяка Григорья Ларионова писано къ намъ х. т., по челобитію твоего г. ок. Ивана Андреевича Милославскаго велѣти бѣ г. намъ въ Алатарскомъ уѣздѣ ок. въ Ивановѣ помѣстьѣ Андреевича Милославскаго, въ дер. Пожаровкѣ у чел. его у Боженка Концова женку Анютку Илюшкину жену, которая окормила мужа своего Илюшку кореньемъ до смерти и того коренья остатокъ, что у ней вынято, и Алатарскаго морд. Собайка Бѣляева взять къ себѣ въ Нижній, и тое женку и морд. респросити, и про то воровство велѣти бѣ ихъ пытать, при себѣ накрѣпко (сѣдуютъ показанія Анютки и Собайки. Н. Н.).

А въ Алаторскій г. уѣздъ въ Мордовскую дер. Пожарки по морд. по Собайка Бѣляева послали изъ Нижняго Нижегородскаго пристава Ивашка Семенова сына Бару да съ нимъ 10 чел. стрѣльцовъ, а велѣли г. мордвина Собайка взять привести въ Нижній Повгородъ съ собою вмѣстѣ, а дворъ и животы Собайковы велѣли переписать запечатать и беречь тутюшимъ и ок. людямъ съ порукою до твоего г. указу: А будетъ г. того морд. не изъѣдутъ или ухоронится, и въ мордвинно Собайково мѣсто велѣли взять жену и дѣтей его, и потому жъ привести ихъ въ Нижній съ собою жъ вмѣстѣ. И декабря г. въ 23 д. приставъ Ивашка Бара съ стрѣльцами подаль намъ х. т. въ сѣзжей избѣ. прїѣхавъ изъ уѣзду доѣзду своего память, за рукою Алатарскаго уѣзду Никольскаго поимъ Василья Мокѣева и за своими руками, а въ доѣздной г. ихъ памяти написано: морд. де Собайка Бѣляева не изъѣхали, а въ его мѣсто взяли было жену и дѣтей его и тое жъ де г., дер. Пожарокъ мордва Пыреско Оленинъ съ товарищи, твоего г. указу не послушали, учинились сильны, а пристава и стрѣльцовъ хотѣли побить до смерти, а мордвина Собайкову жену и дѣтей у нихъ отбили. И тое г. доѣздную память послали мы х. т. къ тебѣ г. къ Москвѣ подъ сею отпискою, а велѣли г. отписку и доѣздную память подать въ Разрядъ твоимъ г. дьякамъ, думному Ивану Гавреневу да Григорію Ларионову. А женки Анютки за ея воровство, что она окормила мужа

своего кореньемъ не—ставя на очную ставку съ мордвиномъ съ Собайкомъ Бѣляевымъ попытать для подлиннаго сыску, чтобъ г. такое воровство сыскать до пряма, и по твоему г. указу и по соборному уложению тое женки Анютки казнить не смѣли, потому г., что мордвинъ Собайко не сысканъ. И о томъ какъ ты г. т. намъ х. своимъ укажешь. (О:) 158 г. генваря въ 14 д. Г. указалъ мордвина послать для подлиннаго сыску и очной ставки въ Нижній на подводѣ и съ провожатыми. Въ г. т. указѣ и въ соборномъ уложенѣ 157 г. написано: будетъ жена учинить мужу своему смертное убивство, или окормить его отравою, а сыщется про то до пряма, и ее за то казнить: живу оконати въ землю и казнить ее такою казнью безо всякя пощады, хотя будетъ у убитаго дѣти или иные кто ближніе роду его того не похотятъ, чтобъ ее казнить, и ей отнюдь не давати милости и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покажеться она умереть. Лѣта 7158 г. генваря въ 31 д., по г. т. указу память б. князю Ивану Никитичу Хованскому да думному дворянину Богдану Оедоровичу Нарбѣкову, да дякомъ Ивану Патрикѣеву, да Аргемью Хватову: велѣти имъ дать на кормъ Московскимъ стрѣльцамъ Осниова приказу Костяева, Ивашку Игнатѣеву, да Оедикѣ Микитину на 5 дней по 4 деньги на день; быти имъ въ провожатыхъ до Володимера за колодникомъ съ сыномъ боярскимъ съ Васькомъ Евекимъ. Г. Ивану Андреевичу бьетъ челомъ сирота твоей Алатарскаго уѣзду, твоего г. помѣстья Пожаровскія мельницы крестьянинецъ Ивашко Ивановъ, твоей же г. Пожарковскія мельницы на крестьянку, а на сзюю сноху на Анну, въ прошломъ г. во 157 г. августа въ 17 д., учинилось чадъ братомъ моимъ надъ Ильею скорая поругательная смерть отъ отравы, а сказали мнѣ братъ мой, что ему та отрава отъ жены его, а отъ моеи снохи Анны. А дала де мнѣ жена моя нивѣсть какого коренья похлебать во штияхъ, и какъ де тѣхъ штей похлебать и меня де почало рвать. И тотъ братъ мой узнался, что ему отъ тое отравы умереть, велѣлъ къ себѣ призвать отца духовнаго, чтобъ его сновѣдать и причастить. И брата моего Илью исповѣдывалъ и причещалъ поппъ Василій. И какъ его причастилъ при смертномъ часу и почалъ отходить свѣта сего, и у брата моего отъ тое отравы главу противъ темени разорвало, и очи выломилъ вонъ, и уста изорвало въ 10 мѣстахъ, и утробу разорвало, и на стопахъ кожу во многихъ мѣстахъ изорвало, а муки ему было одинъ день отъ утра до ве-

чера. А какъ его тотъ поппъ Василій его отецъ духовный исповѣдывалъ и онъ въ исповѣди сказалъ, кто его такимъ кореньемъ окормилъ; а мнѣ братъ мой сказалъ, что его жена его Анна. Смилуйся г. Иванъ Андреевичъ! пожалуй меня сироту своего, вели г., протакую поругательную отравную брата моего смерть сыскать и тое сноху мою распросить, какимъ она кореньемъ брата моего окормила, и кто ей такое коренье давалъ, и съ кѣмъ она о такомъ дѣлѣ умышляла. Г. смилуйся, пожалуй. 158 г. октября въ 6 д. ок. Ивана Андреевича Милославскаго приказный чело-вѣкъ Баженко Копцовъ да выборный крестьянинъ Иванъ Елестратѣевъ, да староста Оедоръ Григорѣевъ да цѣловальникъ Семень Ивановъ, по челобитью крестьянина Ивашка Иванова велѣли поставить передъ собою вдову Анютку Ильину жену и рспрашивали: ты ли окормила и отравное коренье давала мужу своему, и сколь долго мужъ твой такой скорбью скорѣлъ, и гдѣ ты такое коренье взяла и съ кѣмъ умышляла. И Анютка въ допросѣ сказала:—мужъ де мой умеръ волею Божьею, а смерть де ему случилася скорая, съ утра занемогъ, а къ вечеру и умеръ, а болѣзнь де ему была рвота великая, только де я ему никакого коренья отравнаго не даывала, и мужа своего не окормливала, и о такомъ дѣлѣ ни съ кѣмъ не думывала. И доверь ся Ивашко слалася изъ виноватыхъ на попа Василья брата своего Ильи на отца духовнаго. Какъ де онъ поппъ Василій брата моего Илью въ такой поругательной и отравной болѣзни поповалъ и причещалъ, и онъ де отъ тое отравной болѣзни рвоту и скорби брата моего выдавъ, и въ исповѣди ему сказалъ, что окормила де меня жена моя Анна, въ томъ де я на попа шлюся. И та Анютка мужа своего Ильи на отца духовнаго на попа Василья слалася изъ виноватыхъ: будетъ де поппъ Василій скажетъ, что мужъ мой ему въ исповѣди сказалъ отходя сего свѣту, что окормила я, и въ моеи де головѣ г. воленъ да г. мой ок. Иванъ Андреевичъ.

И того же числа ставъ передъ приказнымъ чело-вѣкомъ передъ Баженкомъ Копцовымъ, да передъ выборнымъ крестьяниномъ, и передъ старостою и цѣловальникомъ поппъ Василій Мокѣевъ Ильи Иванова отецъ духовный сказалъ: Илья де Ивановъ мнѣ сынъ духовный, а при смерти де поповалъ и причещалъ его я; и онъ де мнѣ въ исповѣди сказалъ, что рвота ему и скорбь такая учинилася отъ отравы жены его Анны, а дала де мнѣ похлебать во штияхъ не вѣдомо какого коренья, и какъ де я тѣхъ

штей похлебать, и меня де и начало рвать; и язъ де не вѣрилъ и на иныхъ многихъ только де они тому дѣлу не виноваты⁴; а на кого де держать невѣрку, — и мнѣ про тѣхъ людей ямяны не сказалъ; только сказалъ въ той отравѣ на жену на свою на Анну; да и то мнѣ говорилъ: „будетъ де отъ г. моего ок. Ивана Андреевича про мою грѣшную смерть сыскъ будетъ, и я де батюшка подлинно умираю отъ отравы жены своей“. И какъ сынъ мой началъ отходить, и язъ де его при смерти причастилъ, и какъ де онъ принялъ тѣло и кровь Господа нашего Исуса Христа, и почаль отходить свѣта его и, у него де противу темни голову разорвало, и очи выломало вонъ, и уста изорвало во многихъ мѣстахъ, и утробу разорвало и на стернахъ кожу во многихъ мѣстахъ отрывало листьями, а только де онъ живъ былъ 1 день. И того жъ числа приказный чел. Баженко Кошцовъ, да выборный крестьянинъ, и староста, и цѣловальникъ, противъ скажки мужа ея отца духовнаго пона Василья, тое женку постращали кнутомъ и спрашивали: ты ли окормила мужа своего, и какое ты коренье давала, и въ чемъ давала, и сама ли ты то коренье знаешь или кто тебѣ такое коренье давалъ. И та женка Анютка повинилась и въ роспросѣ сказала: грѣхъ де мой, окормила де мужа своего я; а крошила де я коренье во шти, а давалъ де мнѣ то коренье мордвинъ Собай Бѣляевъ, что живетъ на Пожаркахъ Мордовскихъ; а сказалъ де мнѣ про то коренье отъ любви, „какъ де мужъ твой похлебаетъ, и съ того коренья во вѣки тебя станеть любить“. И я де, по его приказу то коренье ему во шти искрошила; а просила де я у него Собая того коренья, чтобъ меня мужъ мой любить, а не для того, чтобъ его окормить. И какъ де онъ съ того коренья штей похлебать, такъ де его и начало рвать и смерть ему случилось отъ тое рвоты, и за явой де грѣхъ въ моей головѣ г. воленъ да г. мой ок. Иванъ Андреевичъ. И допросили тое женку: осталось ли у тебя того коренья, чѣмъ ты окормила мужа своего. И та женка Анютка сказала у себя въ избѣ законано въ углахъ въ дву мѣстахъ коренье; и то коренье по ея скажкѣ вынято въ дву мѣстахъ; а какое коренье, того не вѣдомо. И то коренье запечатано, а тое женку Анютку вѣлено беречь до указу ок. Ивана Андреевича. Ц. т. бьетъ челомъ х. т. Ивашко Милославскій. Въ нынѣшнемъ г. во 158 г. въ ноябрѣ, писать ко мнѣ х. т. изъ Нижегородской моей деревнишки человѣченка мой Баженка Кошцовъ, и при-

стать сыскъ и роспросыя рѣчи крестьянки моей, Алатарскаго уѣзда Пожарковской мельницы Анютки Илюшкиной жены, а въ тѣхъ г. ея роспросыя рѣчахъ написано, что она окормила мужа своего кореньемъ, и отъ того мужъ ея умеръ злою смертию; а того г. коренья, что у ней было въ остаткѣ, и то коренье у ней вынято; а взяла де г. она то коренье у Алатарскаго мордвина; и нынѣ г. та женка Анютка сидитъ за сторожами въ Алатарской моей деревнишки. и то коренье, которое у ней выняли, чѣмъ она окормила мужа своего въ Алатарской моей деревнишкѣ за печатью человѣченка моего. Милосердый г. т. покалуй меня х. с. вели г., тотъ сыскъ, и роспросыя ея рѣчи, и тое женку и коренье, чѣмъ она мужа своего окормила, изъ Алатарской моей деревнишки взять въ Приказъ, едѣ ты г. укажешь. Ц. г. смилуйся покалуй. (О.) 158 г. ноябръ въ 23 д. г., пожаловать, велѣлъ сыскъ, се и коренье взять въ Нижній въ Разрядъ къ ст. князю Петру Алексѣевичу Долгорукому и се пытать накрѣпко въ воровствѣ и у кого то коренье взяла, и мужа и иныхъ прежь его не вѣрила ли, и учинить о томъ указъ по нынѣшнему уложенью. Отъ ц. т. въ Нижній Новгородъ ст. нашему и в. князю Петру Алексѣевичу Долгорукову да дьяку нашему Ивану Чистову. Билъ намъ челомъ ок. нашъ Иванъ Андреевичъ Милославской, писалъ де къ нему изъ Нижегородской его дер. человѣкъ его Баженко Кошцовъ: что Алатарскаго уѣзда Пожарковской мельницы, женка Анютка Илюшкина жена окормила мужа своего кореньемъ и отъ того мужъ ея умеръ злою смертию, и того коренья остатокъ вынято у ней; а взяла де она то коренье у Алатарскаго мордвина, — и нынѣ де та женка Анютка сидѣтъ за сторожами въ его Ивановѣ помѣстьѣ и коренье, которое у ней вынято, чѣмъ она окормила мужа своего, въ Алатарской же его деревнѣ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ въ Алатарскомъ уѣздѣ ок. нашего въ Ивановѣ помѣстьѣ Андреевича Милославскаго, въ дер. Пожарковѣ у чел. его у Баженка Кошцова женку и коренье, что у ней вынято, и Алатарскаго мордвина Собайка Бѣляева, велѣли взять къ себѣ въ Нижній, и тое женку и мордвина роспросити и про то воровство ихъ велѣли пытать при себѣ накрѣпко: женка Анютка мужа своего Илюшку тѣмъ кореньемъ окормила ли, и почемъ на ученью, и съ чѣмъ она на то воровство мыслила; а мордвинъ такое коренье давно ли у себя держать, и кто ему такое злое коренье велѣлъ держать, и кого

тотъ мордвинъ и женка Анютка такимъ кореньемъ иныхъ на смерть окормили, и такимъ воровствомъ и порчею промышляютъ, и кто иманы иные ихъ совѣтники, и отъ кого мордвинъ на то воровство наученъ. И до какихъ людей по роспросу то воровство дойдеть, и вы бы тѣхъ людей велѣли сыскати и ихъ роспрашивали жъ, и съ очей на очи ставили, и про то воровство сыскивали всякими сыски накрѣпко, чтобъ того воровства донскаться до прима, а по сыску своему женкѣ Анюткѣ за ея воровство учинили казнь по нашему указу и по соборному уложению да о томъ о всемъ къ намъ отписали. Писанъ на Москвѣ лѣта 7158 г. ноября въ 25 день,

6. Лѣта 7158 г. юня въ 22 день, по г. ц. и в. к. А. М. в. Р. указу память князю Ивану Наумовичу Приймкову Ростовскому, да Якову Ивановичу Загряскому, да дякомъ Максиму Лихачеву, да Петру Михайлову. Въ нынѣшнемъ во 158 г. юня въ 21 д., были челомъ г. т. беляне Кузьма Маринъ съ товарищи 8 чел., а въ челобитной ихъ написано: ѣхали они на г. службу изъ Пошехонскаго уѣзда въ Одоевъ и на Москвѣ де за Никитскими вороты за землянымъ городомъ померли у нихъ надежнѣе лошади многія. И по г. т. указу князю Ивану Наумовичу Приймкову Ростовскому, да Якову Ивановичу Загряскому, да дякомъ Максиму Лихачеву, да Петру Михайлову, велѣти тѣ надежныя лошади за землянымъ городомъ податъ законать въ землю, чтобъ отъ тѣхъ надежныхъ лошадей на лошади и на животину повѣтрѣя и всякаго дурна не нанесло. У Кузьмы Марина пали 3 мерина: рыжъ, мухортъ, каръ. Грудн, и горла, и пуздра роспухли; да меринъ гнѣдь ходить болень: грудь роспухла. У Ивана Тарбѣева пали 2 лошади: конь соврасъ да конь буръ. Были на дворѣ на Козьмѣ болотѣ, Новой Никитской слободы, у тяглеца у Тимошки Денисова; вывезены за земляной городъ; да меринъ каръ ходитъ: на груди опухло. У Ивана Завалишина пали 2 лошади: меринъ буръ да конь пѣгъ. Были на Козьмѣ болотѣ у Тимошки Денисова на дворѣ; коза снята, вывезена за земляной городъ; да конь рыжъ да меринъ каръ ходять болныя: пуздра роспухли. У Осипа Пушина меринъ мухортъ палъ. У Микиты Святина меринъ рыжъ палъ, да меринъ соврасъ ходитъ: пуздра опухло. У Александра Тарбѣева конь соврасъ да меринъ буръ ходять: груди опухли. У Прокофья Мещерина 2 мерина буры ходять. У Тимофея Марина конь рыжъ ходитъ: на груди опухло; да 3 мерина,

2 соловы, 3-й гнѣдь ходять. И всего у белянъ у Кузьмы Марина съ товарищи по досмотру пало 9 лошадей. А въ остаткѣ коней и мериновъ у нихъ и съ болыныи 13 лошадей. И бояре Иванъ Васильевичъ Морозовъ, да Василий Петровичъ Шереметевъ, да ок. Борисъ Ивановичъ Пушкинъ, да думный дякъ Семень Заборовскій противъ челобитія белянъ Кузьмы Марина съ товарищи велѣли тѣхъ ихъ надежныхъ лошадей досмотрѣть. А по досмотру у белянъ за Никитскими вороты за землянымъ городомъ.

158 г. юня въ 21 д., были челомъ г. т. беляне Кузьма Маринъ съ товарищи 8 чел., а въ столовой, боярѣмъ Ивану Васильевичу Морозову, да Василию Петровичу Шереметеву, да ок. Борису Ивановичу Пушкину, да Думному дяку Семену Заборовскому подали челобитную, а въ челобитной ихъ написано: Ц. т. быють челомъ к. т. Беляне Пошехонскіе помѣщики, Волскія волости Куземка Михайловъ сынъ Маринъ, Ивашко Козаринъ сынъ Тарбѣевъ, Ивашко Приймъ сынъ Завалишинъ, Осипъ Левентьевъ сынъ Пушинъ, Микитка Григорьевъ сынъ Свѣтинъ, Александръ Иванъ сынъ Тарбѣевъ, Тимошка Борисовъ сынъ Маринъ, Пронка Неаковъ сынъ Мещеринъ. Сказано намъ х. т. быть на твоей г. службѣ въ Одоевъ въ полку съ ст. и в. съ Борисомъ Ивановичемъ Плещевымъ, и мы х. т. по твоему г. указу, шли на твою г. службу съ запасенки и съ лошадьми. И приняли мы х. т. къ Москвѣ и стали за Землянымъ городомъ; и волею Божьею, а нашими грѣхомъ, тѣ пави ключенки пали всѣ безъ остатку, и мы х. т. стали пѣши: у меня Куземки дорогою и здѣсь пало 6 лошадей; а у меня Иваша Тарбѣева 3 лошадей; у меня Иваша Завалишина 3 коня, да 2 мерина; а у меня Осипъ Пушина 2 лош.; а у меня Микитки Святина 3 лош.; а у меня Александра 2 лошади; а у меня Тимошки Марина 5 лош.; а меня Пронки Мещерина 3 лошади. Милосердый г. т. пожалуй насъ х. с., вели г. тѣхъ лошадей досмотрѣть и записать, чтобъ намъ х. т. отъ тебя г. по нѣтамъ въ онатѣ не быть, а на твою г. службу намъ х. т. ѣхать не начемъ и запасешковъ взять не начемъ. Ц. г. смилуйся пожалуй.

Ц. т. быють челомъ х. т. беляне пошехонскаго уѣзда, Волскіе помѣщики Куземка Михайловъ сынъ Маринъ съ товарищи 8 чел., Пришли мы х. т. на твою г. службу къ Москвѣ, а съ Москвы намъ ѣхать на твою г. службу въ Одоевъ; и попл. Московю у

насъ х. т. у Земляного города лошадишка наши попадали въѣхъ, и намъ х. т. на твою г. службу ѣхать стало не начесть, стали пѣши. Милосердый г. т. пожалуй насъ х. с. вели г. намъ отвезти дворы, гдѣ бы намъ постоять и запасника свои сложить до твоего г. указу, чтобъ намъ стоя на полѣ въ конецъ не погнунуть, потому что намъ на твою г. службу брестъ нинѣ не на чемъ. Ц. г. смилуйся пожалуй (О:) 158 г. юня въ 24 д. г. пожаловалъ, велѣлъ отвѣсть Земскаго двора изъ дворянскихъ изъ порозжихъ дворовъ 2 двора постоять для запасу.

Г. т. и в. к. М. О. в. Р. бьетъ челомъ х. т. Мосальскихъ козаковъ атаманъ Павликъ Долгой. Жалоба г. мнѣ х. т. Мосальскихъ козаковъ на Ясаула на Тита Осипова да на вдову Осиповскую жену на Ульяну Игнатову дочь: въ нынѣшнемъ г. во 149 г. октябрю въ 18 д. вышелъ я х. т. на торгъ и тотъ Титъ Осиповъ пришелъ ко мнѣ съ Никольскимъ попомъ съ Богданомъ да съ мосальскимъ козакомъ Алексѣемъ Мартиновымъ да ок. князя Андрея Оедоровича Литвинова Мосальскаго съ крестьяниномъ съ Мотоемъ Екимовымъ, по ея Ульянину умыслу и по на ученью, и сталъ мнѣ тотъ Титъ говорить: сказали де мнѣ Титу, что сватался де ты Павелъ за сына своего у Мосальскаго козака у Ивана Минина за дочь за дѣвку, и Божіимъ судомъ сосватался де я Титъ за сына своего у того у Ивана Минина за дочь, и рияся тому похвалялся де твоя жена и дѣти твои на меня на Тита и на сына моего и на ту Иванову дочь на дѣвку порчею; и я х. т. и женишка моя и дѣтишка мои никакія порчи—не знаемъ, и на него на Тита и на его сына и на Иванову дочь порчею не похвалялись, тѣмъ г. бездѣлемъ не промышляемъ. Милосердый г. т. пожалуй меня х. с. вели г. того Никольскаго попа Богдана да козака Алексѣя Мартинова да крестьянина Матоея Екимова въ томъ словѣ допросить, какъ тотъ Титъ мнѣ х. т. на торгу при нихъ говорилъ, что будто женишка моя и дѣтишка на него на Тита и на сына его и на ту Иванову дочь похвалялись порчею; и велели г. того Тита поставить со мною съ очей на очи и въ томъ словѣ довести или свести. Ц. г. смилуйся, пожалуй.

Г. т. х. т. Оетка Карповъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 149 году генваря въ 20 д. билъ челомъ тебѣ г. т. мосальскихъ козаковъ атаманъ Павликъ Долгой мосальскихъ же козаковъ на Ясаула на Тита Осипова да на вдову Осиповскую на

Ульянку, а комѣ х. т. въ Сѣзжую избу тотъ атаманъ Павликъ Долгой принесъ челобитную за отца своего духовнаго рукою, а въ челобитной его написано: въ нынѣшнемъ де во 149 г. окт. въ 18 д. вышелъ де онъ Павликъ на торгъ и тотъ де Титка пришелъ де къ нему Павлику съ Никольскимъ попомъ съ Богданомъ да съ Мосальскимъ козакомъ съ Алешкою съ мартыновымъ да ок. к. Ан. Оед. Литв. Мосальскаго съ его съ крестьяниномъ съ Матюшкою Екимовымъ, по ея де Ульянину умыслу и по наученью говорилъ де ему Павлику: сказали де мнѣ Титку, что похваляется твоя жена и твои дѣти на меня на Титку и на сынишка на моего порчею; да въ той же г. его челобитной написано, что того Никольскаго попа Богдана да козака Алешку Мартинова да крест Матюшку Екимова въ томъ словѣ допросить, какъ де тотъ Титка ему Павлику на торгу при нихъ говорилъ, что жена его и дѣти на него на Титку и на сына его похвалялись, и того Титка поставить съ нимъ Павликомъ съ очей на очи, и въ томъ словѣ довести или свести. И я х. т. того Никольскаго попа Богдана и коз. Алешку Мартинова да крест Матюшку Екимова допрашивалъ и того Титка ставилъ съ нимъ Павликомъ съ очей на очи, и въ томъ словѣ того Титка спрашивалъ, и того Ник. попа Богдана да козака Алешку Мартинова и крестьянина Матюшки Екимова, и того Титковы распросня рѣчи и ту его Павликову челобитную послать я х. т. къ тебѣ г. т. къ Москвѣ, подклея подъ ея отписку; а тотъ атаманъ Павликъ да Ясаулъ Титка да вдова Ульянка въ томъ дѣлѣ даны на поруки съ записями до твоего г. указу, и о томъ г. мнѣ х. с. какъ укажешь.

149 г. генваря въ 23 д. сказали въ роспросѣ въ Мосальску въ сѣзжей избѣ в. Оедору Аванасѣвичу Карпову староста поповский города Мосальска Никольскій поппъ Богданъ по священству: въ нынѣшнемъ во 149 г. окт. въ 18 д. говорилъ казачій Ясаулъ Титъ Осиповъ на торгу атаману Павлу Долгому отведчи отъ людей при мнѣ Ник. поппѣ Богданѣ да при козакѣ при Алексѣѣ Мартиновѣ да ок. князь Он. Оед. Литвинова Мосальскаго при кр. при Матѣѣ Екимовѣ, что похваляется де Павелъ твоя жена и дѣти твои, какъ де прѣдутъ потѣжане съ сыномъ съ моимъ, увѣдашь де, что надъ ними будетъ; и Павелъ сталъ у Тита спрашивать: „кто де тебѣ Титъ про то сказывалъ, что жена моя и дѣти такъ похвалялись?“ И Титъ ему Павлу только

сказать противъ того, какъ де учинится надъ побѣзаны и надъ сыномъ моимъ какое дурно, и я Титъ тогда де тебѣ Павлу скажу того чел., при комъ твоя жена и дѣти похвалялись? „А того Титъ не сказать, что чѣмъ Павлова жена и дѣти похвалялись. Я поцѣ Богданѣ сказать и руку приложилъ. Тогожъ числа сказать въ роспросѣ въ сѣбжеей избѣ в. Оедору Аонасьевичу Карпову Мосальскій козакъ Алексѣя Мартыновъ: въ нѣмѣишемъ де во 149 г. окт. въ 18 д. говорить ясаулъ Титъ Осиповъ на торгу атаману Павлу Долгому ответчи отъ людей при Никольскомъ поцѣ Богданѣ да при мѣ Алексѣ да при кр. при Мат. Екимовѣ, что похваляется де Павелъ твоя жена и дѣти твои: „какъ прѣдутъ побѣзаны съ сыномъ моимъ, увидишь де, что надъ ними будетъ“. И Павелъ сталъ у него у Тита спрашивать: кто де тебѣ Титъ про то сказывалъ, что жена моя и дѣти такъ похвалялись? И Титъ ему Павлу сказать противъ того: какъ де учинится надъ побѣзаны и надъ сыномъ моимъ какое дурно, и я де. Титъ тогда тебѣ скажу того чел., при комъ жена твоя и дѣти похвалялись. А того Титъ не сказать, чѣмъ Павлова жена и дѣти похвалялись. Вмѣсто мосал. козака Алексѣя руку приложилъ. Того жъ числа сказать въ роспросѣ въ сѣбжеей избѣ в. Оедору Аонасьевичу Карпову ок. кн. Он. Оед. Лит. Мос. кр. Матюшка Екимовъ: въ нѣмѣишемъ де во 149 г. окт. въ 18 д. говорить ясаулъ Титъ Осиповъ на торгу атаману Павлу Долгому ответчи отъ людей: слышалъ де я Титъ отъ людей, что похваляется де Павелъ твоя жена и дѣти твои: „какъ де прѣдутъ побѣзаны съ сыномъ съ моимъ, увидишь де что надъ ними будетъ“. И Павелъ сталъ у него Тита спрашивать: кто де тебѣ Титъ про то сказывалъ, что жена моя и дѣти какъ похвалялись? „И Титъ ему Павлу только и сказать противъ того:“ какъ де учинится, что надъ побѣзаны и надъ сыномъ моимъ какое дурно, и мѣ де Титу на тебя на Павла бить челомъ г. А того Титъ не сказать чѣмъ Павлова жена и дѣти похвалялись. Къ сямъ роспроснымъ рѣчамъ Егорьевскій поцѣ Никита вмѣсто кр. Матвѣя Якова по его велѣнью руку приложилъ.

Того жъ числа сказать въ роспросѣ въ сѣбжеей избѣ в. Оедору Аонасьевичу Карпову на очной ставкѣ Мосальскихъ козакъ ясаулъ Титка Осиповъ, говорилъ де я Титка на торгу атаману Павлу при Никольскомъ поцѣ Богданѣ да при козакѣ при Алексѣѣ Мартыновѣ да при Мат. Екимовѣ, что сватался мы

обы за Иванову дочь Минина и Божимъ судомъ высватался я Титка за сына своего, и у насъ бы съ нимъ съ Павломъ за то надъ побѣзаны и надъ сыномъ моимъ никакого бы убійства не было бѣ, потому что прѣятъ сего его Павловъ сынъ Семень моего сынишка убилъ до полу смерти и ограбилъ, а про порчу де я Титка ему Павлу не говоривалъ, а слася тотъ Титка на тѣхъ же людей на поца Богдана, и на Алексѣи, и на Матвея, а вдова де Ульяна меня не научала и не слыхала о ней ничего.

С. Г. и. и в. к. М. О. в. Р. х. т. Гринка Пушкитъ челомъ бысть. Нѣмѣишаго г. 149 г. ген. въ 30 д. прѣхалъ изъ Литвы въ Путивль иноземецъ въ роспросѣ сказася Шванскія земли родимецъ Антоній Ондрыкасъ дохтуръ, всякія болѣзни у человека знаетъ онъ и лечитъ, а крестилъ де его Вереискій митрополитъ Юнскій тому года съ 4 и лети де у него митрополити свидѣтельствоваанный о томъ его крещеніи есть: а похотѣлъ де онъ яити въ православной христіанской вѣрѣ въ твоемъ государствѣ Московскомъ государствѣ и тебѣ г. хочеть служить вѣчно. И я х. т. тому дохтуру Антонию велѣлъ побыть до твоего г. указу въ Путивль и кормецъ ему велѣлъ давать изъ твоей г. казны изъ Путивльскихъ доходовъ: и о томъ г. дохтурѣ янѣ х. с. какъ ты г. указалъ. (О) 149 г. февраля въ 16 день. 149 г. г. февраля въ 16 д. г., сей отписки слушавъ, указалъ его отпустить назадъ. Отъ и. т. въ Путивль ст. и. и в. князю Петру Оедоровичу Волоконскому. Февраля въ 16 ч. писалъ къ намъ изъ Путивля Григорій Пушкитъ: генвара въ 30 д. прѣхалъ изъ Литовскія стороны въ Путивль нѣмчинъ Шванскія земли Антонъ Ондрыкасъ, а въ роспросѣ сказать, что онъ дохтуръ и всякія де болѣзни у людей знаетъ, а хочеть быть въ нашемъ въ Московскомъ государствѣ . . . . онъ крещенъ въ православную христіанскую вѣру, а крестилъ его Вереискій митрополитъ. И Григорій Пушкитъ тому иноземцу Антону велѣлъ побыть въ Путивль до нашего указу. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ нѣмчину Антону Ондрыкоосу сказать, что въ нашемъ въ Московскомъ государствѣ дохтуровъ, и лекарей, и аптекарей и безъ него много, и его по нашему указу для дохтурства въ наше Московское государство принимать не велѣно, а велѣно его отпустить назадъ въ Литовскую сторону; а будетъ нѣмчинъ учить говорить, чтобъ намъ его пожаловать въ наше Московское государство велѣтъ принять въ службу, и ты-бъ ему

сказать, что по милости Божьей мы в г. съ окрестными государствы мирны и ему въ нашемъ въ Московскомъ государствѣ безъ службы быть не для чего, и отпустилъ бы еси того нѣмчина изъ Путивля за рубежъ и до рубежа велѣлъ его проводить совѣмъ вѣдѣ, а безчества и грабежу и иного никакого дурна ему учинить не велѣлъ; а въ которомъ числѣ нѣмчина Онтонъ Ондрыкоса изъ Путивля за рубежъ отпустишь, и ты-бъ о томъ къ намъ отписать съ иными нашими дѣлы. Писанъ на Москвѣ лѣта 7149 д. г. февраля въ 17 день.

Г. т. х. т. Петрушка Волконскі челомъ бьетъ. Нынѣшняго н. 149 г. г. марта въ 2 д. прислана ко мнѣ х. т. твоя г. грамота изъ Разряда за принцессю дьяка Григорья Ларионова съ черниговцомъ съ Велизаромъ Лисуновымъ, а въ твоей г. грамотѣ написано: писать къ тебѣ г. изъ Путивля в. Григорій Пушкинъ. Въ нынѣшнемъ г. во 149 г. января въ 30 д. пріѣхалъ въ Путивль изъ Литовскія стороны Шванскія земли нѣмчинъ Онтонъ Ондрыкосовъ, а въ роспросѣ сказанъ, что онъ дохтуръ, и чтобъ ты г. его пожаловалъ, велѣлъ ему быть на Москвѣ въ дохтурахъ; и мнѣ х. т. по т. г. грамотѣ велѣно ему Онтону Ондрыкосу сказать, что у тебя г. дохтуровъ, и лекарей, и аптекарей, и безъ него много, и его по твоему г. указу для дохтурства въ твое г. въ Московское государство принимать не велѣно, а велѣно мнѣ х. т. его Онтону отпустить назадъ въ Литовскую сторону, и велѣно мнѣ х. т. его послать и проводить до рубежа и онъ бы ѣхалъ въ Литовскую сторону совѣмъ съ чѣмъ пріѣхалъ; а въ которомъ г. числѣ я х. т. нѣмчина Онтонъ Ондрыкосова изъ Путивля за рубежъ отпущу, и мнѣ х. т. О томъ велѣно отписать къ тебѣ г. въ Разрядъ. И я х. т. по т. г. т. грамотѣ тому нѣмчину Онтону Ондрыкосову велѣлъ быть къ себѣ въ сѣзжую избу и ему сказать, что у тебя г. въ Московскомъ государствѣ дохтуровъ, и лекарей, и аптекарей и безъ него много, и его по т. г. указу для дохтурства принимать не велѣно, а велѣно его отпустить назадъ въ Литовскую сторону, и онъ бы ѣхалъ назадъ и высылалъ г. его нѣмчина Онтонъ съ Путивля назадъ въ Лит. стор. марта въ 4 д. совѣмъ, съ чѣмъ пріѣхалъ, и проводить его до рубежа послать путивльска сына боярскаго Аонасія Некрасова; и мартъ въ 5 день въ Путивль сынъ боярскій Аонасій Некрасовъ пріѣхалъ и сказать мнѣ х. т., что онъ того нѣмчина до Литовскаго рубежа проводить. (О:) 149 . г. марта въ 22 день.

9. Лѣта 7159 г. ноябрю въ 16 д., по г. ц. и в. к. М. О. в. Р. указу 6, Илѣ Даниловичу Милославскому. Велѣти выписать въ Аптекарскомъ Приказѣ въ прошлыхъ годахъ кому иными иноземцамъ дохтуромъ, и аптекарямъ, и лекарямъ, по г. указу велѣно дать г. жалованья на дворы и на дворовое строенье по скольку рублевъ кому дано, и о томъ, велѣти отписать въ Иноземскій Приказъ. Токова память послана за принцессю дѣлка Василья Ртищева съ подьячимъ съ Давыдомъ Васильевымъ.

А въ Аптекарскомъ Приказѣ выписано, что кому дано г. жалованья на дворовое строенье Аптекарскаго Приказа дохтурамъ, и аптекарямъ, и окулисту, и алхимистамъ, и лекарямъ.

Дохтурамъ: Іеву Полиданусу, Артемью Дію, Вендлинусу Сибилісту, Роману Нау, Артману Граману, Иганусу Бельво государева жалованья на дворовое строенье дано по 150 руб. чел.; Аптекарямъ: Андрею Иванову 70 руб., Филиппу Брісту 30 руб.; Окулисту Давиду Бруну 30 руб.; лекари: Рандольфу Иванову, Каширу Давыдову, Олферью Олферьеву, Кляусу Денисову, Анну Шлуну, Виллму Крамору и инымъ Аптекарскаго Приказа лекарямъ дано на дворовое строенье вѣсѣмъ по 30 руб. человеку.

10. 158 г. апрѣля въ 24 д. въ Сѣзжей избѣ передъ Тихономъ Макарьевичемъ Карцевымъ въ роспросѣ сказать Осташковский пушкаръ Гришка Алферьевъ: посадить де меня Гришку въ сѣзжей избѣ прейтій в. Оедоровъ Рохманиновъ, въ томъ прислана ему г. грамота изъ Пушкарскаго приказа, по челобитью новгородца Левонтия Петрова сына Неплюева, а по г. де грамотѣ велѣно меня, Гришку пушкаря дать на поруку съ записью, а за поруками велѣно меня выслать къ Москвѣ къ суду и къ отвѣту во крестьянствѣ. И тотъ в. по г. грамотѣ на поруку меня Гришку не далъ, и къ Москвѣ не послалъ; и какъ онъ Оедоръ Рохманиновъ свѣдалъ себѣ перемѣну, и онъ меня Гришку сковалъ въ Сѣзжей избѣ и держалъ меня до перемѣны 7 дней.

Да онъ же Гришка пушкаръ сказать: на Святой де недѣлѣ въ понедѣльникъ, пришелъ въ Осташковъ къ в. къ Оедору Рохманинову на явку, прихожій чел. и в. де его въ Сѣзжей избѣ роспросилъ и въ роспросѣ в. сказанъ: Псковитинъ посадскій чел., рудометъ и конскій мастеръ; и велѣлъ де мнѣ Гришкѣ того Псковитина конскаго мастера Иванку Кирилова осмотрѣть, и я де его осмотрѣлъ и корманецъ у него взялъ и изъ корманца де вынулъ коренне и траву; и по роспроснымъ де рѣчамъ, велѣлъ

в. того Ивашку за пристава къ себѣ взять; и я де того Ивашку къ себѣ взять и у себя его сковалъ; и спросилъ де у того Ивашки: „въ Осташковѣ де кто тебя Ивашку знаетъ ли“? И тотъ Ивашко сказалъ: „многіе де люди меня въ Осташковѣ знаютъ“. И въ то де число шелъ мимо сѣзжей избы Осиповскій крестьянинъ Карпушка Тихоновъ сынъ Шишкинъ, и тотъ де Карпушка тому Ивашку Псковитину поклонился, и воевода у того Карпушки спросилъ: „аль де ты того Ивашку псковитина знаешь?“ И тотъ де Карпушка в. сказалъ: „лучилось де мнѣ того Ивашку видѣть въ Осташковѣ на кабацѣ“. И того де Карпушку в. велѣлъ взять и велѣлъ де его мнѣ Гришкѣ сковать по ногѣ со псковитиною съ Ивашкомъ, и тотъ Ивашко и Карпушка были у меня скованы трои сутки; и о томъ де Карпушкѣ Тихоновѣ в. Оедору Осиповской староста Иванъ Велтоховъ съ монастырскимъ доводчикомъ съ Митькою Васильевымъ били челомъ, чтобъ тотъ в. Оедоръ того Карпушку далъ на поруку. И тотъ де в. Оедоръ Рохманиновъ велѣлъ мнѣ того Карпушку выпустить при Георгіевскомъ священникѣ при Кондратѣ Андріановѣ, и того Карпушку выпустилъ, и того Ивашку то жъ велѣлъ расковать, и я де обоихъ расковалъ. И услышалъ де онъ Оедоръ Рохманиновъ себѣ перемѣну, и опять де насъ велѣлъ сковать, и въ сѣзжей избѣ сковавъ посадилъ Се язъ Аверкій Микифоровъ сынъ Москвитинъ Псковскій дворцовый приставъ, да язъ Костентинъ Ефремовъ сынъ Архангелскаго города конскій мастеръ, да язъ Илья Оедоровъ сынъ Ярославецъ посадскій чел., да язъ Аванасій сынъ Туленинъ отставленный стрѣлецъ Иванова приказу Бѣличева, да язъ Микита Ивановъ сынъ ярославецъ: поручилися еси Разрядного приказу сыну Боярекому Ованасію Карикову по псковитинѣ конскому мастерѣ по Иванѣ Кириловѣ сынѣ въ томъ, что ему за нашею порукою ставится въ Разрядѣ до г. указу передъ думными дьяки, передъ Иваномъ Гавреневымъ, да передъ Семеномъ Заборовскимъ, да передъ дьяки передъ Григорьемъ Ларіоновымъ, да передъ Иваномъ Сѣверовымъ по вся дни, и съ Москвы никуда не съѣхать; а не учнетъ онъ Иванъ за нашею порукою ставится въ Разрядѣ или съ Москвы съѣдетъ, и на насъ поручникахъ пеня г. т., а пеня, что г. укажетъ; и наши поручниковы головы вмѣсто его головы; а кой насъ поручниковъ будетъ въ лицахъ, на томъ порука и г. пеня: а на то послушай Аверкій Гребневъ. А поручную писать

Разрядныхъ съней подъячій Ивашко Румянцовъ лѣта 7158 г. іюля въ 3 д.

Къ сей поручной записи стрѣлецъ Гаврилова приказу Бакина, Илюшка Кудринъ, вмѣсто поручниковъ Аверкія Микифорова да Константина Ефремова, что они ручались въ статьѣ до г. указу псковитина конскаго мастера Ивана Кирилова, по ихъ велѣнію, руку приложили. Того жъ приказу стрѣлецъ Микитка Костентиновъ вмѣсто поручниковъ Илья Оедорова да Аванасія Иванова, по ихъ велѣнію, руку приложили. Вмѣсто Микиты Иванова руку приложили. Послухъ Аверкушко руку приложили. А въ роспросѣ въ Разрядѣ Осташковъ Патриархи слободы крестьян. Ивашко Дрызловъ да Осиповскаго монастыря Осташковскія жъ слободы крест. Тихонко Шишкинъ сказали: что они того Ивашку Кирилова знаютъ: тому съ годъ жить де онъ въ Осташковѣ, кормился на посадѣ въ коновалахъ, и рудометахъ, и на кабацѣ работать, наймывался съ годъ, а сказывался, что уроженецъ псковитинъ, а воровства за нимъ никакого не видали и не вѣдаютъ.

Осташковцы посадские люди Захаръ Жаворонковъ, да Микитка Ролковъ въ допросѣ сказали, что они того Ивашку Кирилова знаютъ: жилъ де онъ въ Осташковѣ кормился конскимъ мастерствомъ, и руду металъ, и на кабацѣ работать съ годъ, а сказывался псковитинъ; а воровства за нимъ никакого не вѣдаютъ. И думные дьяки Иванъ Гавреневъ да Семень Заборовскій, да дьяки Григорій Ларіоновъ, да Иванъ Сѣверовъ велѣли Ивашку Кирилова дать на поруку въ томъ, что ему до г. указу ставится въ Разрядѣ и съ Москвы никуда не съѣхать.

А на Москвѣ Ивашко Кириловъ въ роспросѣ сказалъ: уроженецъ онъ псковитинъ, отецъ де его Кирилко Ивановъ жилъ въ Псковѣ въ тяглѣ; а онъ Ивашко отъ отца своего изъ Пскова сшелъ, а сшелъ отъ отца для того, что мачеха его до него была лиха, и жилъ въ Новгородскомъ уѣздѣ, подъ Старою Русою въ государевыхъ волостяхъ на погостѣ, въ Бурегѣ съ годъ, кормился крестьянъ, пашню пахалъ; а послѣ того ходилъ по волостямъ же съ конскимъ мастеромъ съ коноваломъ съ Гришкою Алексѣевымъ изъ найму, годы съ полтора, и у того де коновала у Гришки навикъ конскому и рудометному мастерству; и ходя по волостямъ тѣмъ кормился. И въ лѣтѣшнемъ во 158 г. послѣ рождества Христова изъ Новгородскаго уѣзду изъ Боровицкаго погоста пришесть во Ржевскій уѣздъ, а изъ Ржевскаго уѣзда на святой

педѣлѣ пришелъ въ Осташковъ; и въ Осташковѣ пришелъ въ Приказную избу на явку; и Осташковский де приказный чел. Оедоръ Рахманиновъ въ Приказной чибѣ спросилъ его, и осмотря у него рудометные рошки, да въ сумѣ конскіе и животинныя травы, и коренья, отдать его за пристава, и держать его за пристава 3 дни, и отъ пристава взять его къ себѣ на дворъ и держать его у себя на дворѣ скотина 6 дней, а хотѣлъ его покабалить сильно; и онъ Ивашко въ холопи къ нему не пошелъ и кабалы ему не далъ. И какъ прѣхалъ въ Осташковъ новый Приказный человекъ Тихонъ Карцевъ, Оедоръ Рахманиновъ отдать его и съ боронникомъ Тихону Карцеву и Тихонъ де Карцевъ прислать его къ Москвѣ; а воровства за нимъ Ивашкомъ никакого нѣтъ, знаютъ его осташковцы уѣздные и посадскіе многіе люди, потому что онъ напередъ того въ Осташковѣ жилъ съ годы; а нынѣ осташковцы посадскіе торговые люди на Москвѣ есть на Гостиницѣ дворъ и на Осиновекомъ подворьѣ, а что съ нимъ изъ Осташкова прислано къ Москвѣ трава и коренье конскія и животинныя, и ту траву и коренье знаютъ конскіе мастера.

И того жъ числа въ роспросѣ сказали Исковитинъ Ивашко Кириловъ: я де Ивашко Исковитинъ, посадскій чел. рудометъ и конскій мастеръ; и пришелъ де въ Осташковъ къ в. на явку и в. меня Ивашку велѣлъ осмотрѣть; и пушкаръ Гришка Алферьевъ меня Ивашку осмотрѣлъ и взялъ у меня карманецъ; а въ корманцѣ положено де у меня для конскаго мастерства коренья веснушная и зебное и парявая трава; то де моя и сказка. Того жъ числа въ роспросѣ сказали Осиновскій крест. Карпушка Тихоновъ сынъ Шинкиныхъ: сковалъ де меня въ съ Исковитинъ по намеренію отецъ де мой Карпушинъ Тихонъ Микифоровъ сынъ Шинкиныхъ будто си бьетъ челомъ г. на того в. Оедора Рахманинова о перемѣлѣ, укаъ де 6-ю челобитную подастъ праведному г. за то де меня Карпушку сковалъ, а дѣла государева за собою никакого не вѣдаю; то моя и сказка.

Г. т. х. т. Тихонко Карцевъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 158 г. мая въ 4 д., посланъ изъ Осташкова къ тебѣ г. т. со отписками Осташковский пушкаръ Мишка Нагиба, а съ нимъ посланы колодники, Осташковский пушкаръ Гришка Алферьевъ да Исковитинъ Ивашко Кириловъ, конскій мастеръ и рудометъ съ кореньемъ и съ травой, да съ нимъ же пушкаремъ съ Мишкою посланъ чернецъ, что изъ Пскова шелъ мимо Осташкова съ гра-

мотками и о томъ обо всемъ я х. т. съ тѣмъ Мишкою писалъ къ тебѣ г. къ Москвѣ мая въ 4 д.; и тотъ пушкаръ Мишка Нагиба со отписками, и съ колодниками, и съ провожатыми во Ржевъ Володимерову мая жъ г. въ 4 д. прѣхалъ, и у Ржевскаго в. у Максима Чалишева подводъ и провожатыхъ подъ колодниковъ просилъ. И в. Максимъ Чалишевъ тому пушкарю Мишкѣ Нагибѣ подъ него и подъ колодниковъ подводъ и провожатыхъ не далъ, и мая г. съ 7 ч. мая жъ по 18 ч. пушкаръ и колодниковъ во Ржевѣ держалъ. И тотъ пушкаръ Мишка Нагиба изъ Ржевы Володимеровы съ тѣми колодниками пришелъ въ Осташковъ мая въ 23 д. И того жъ г. числа я х. т. того пушкаръ Мишку Нагибу со отписками и съ колодниками послать къ тебѣ г. къ Москвѣ и въ томъ бы г. мнѣ х. т. отъ тебя г. въ оналѣ не быть. И о томъ что ты г. мнѣ х. т. укажешь.

156 г. мая въ 30 д., писалъ къ г. т. изъ Осташкова Тихонъ Карцевъ и прислать въ Разрядъ коновала Ивашка Кирилова, а во отпискѣ писать.

Г. т. х. т. Тихонко Карцевъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 158 г., по твоему г. указу, велѣно мнѣ х. т. быть на твой г. службѣ въ Осташковѣ на Оедорово мѣсто Рахманинова и апрѣля де въ 23 д. я х. т. въ Осташковъ прѣхалъ и съ Оедоромъ Рахманиновымъ во всемъ росписался, и у росписки мнѣ х. т. Оедоръ Рахманиновъ отдать 2 колодниковъ Осташковского пушкаръ Гришку Алферьева; а по его Оедоровской словесной сказкѣ Рахманинова: скованъ де тотъ пуш. Гришка Алферьевъ по твоей г. грамотѣ, по челобитію новгородца Леонтия Петрова сына Неплюева во крестьянствѣ, да съ пушкаремъ съ Гришкою Алферьевымъ скованъ прихожій человекъ, а въ роспросѣ мнѣ х. т. сказанъ псков. посадскій чел. рудометъ и конскій мастеръ Ивашко Кириловъ, а въ роспросныхъ рѣчахъ мнѣ х. т. сказали: пришелъ де онъ въ Осташковъ для своего конскаго промысла и рудометнаго мастерства; и какъ тотъ Ивашко пришелъ къ в. къ Оедору Рахманинову въ Сѣзскую избу на явку, и тотъ де Оедоръ Рахманиновъ того Ивашку Кирилова велѣлъ пушкарю Гришкѣ Алферьеву осмотрѣть, и пушкаръ де Гришка Алферьевъ того Ивашку осматривалъ, и взялъ де у того Ивашки Кирилова корманецъ, и изъ корманца де вынять коренья и траву, и того де Ивашку Исковитина велѣлъ в. сковать и посадить за пристава. И къ тому жъ де Ивашку съ улицы ухватить тотъ Оедоръ

Рохманиновъ Осиповскаго крест. Карпушку Тихонова сына Шиш-кина и велѣлъ де сковать съ тѣмъ же Ивашкомъ Кириловымъ по ногѣ. А по Карпушкинымъ роспроснымъ рѣчамъ, сказалъ в. съ тѣмъ Ивашкомъ по насердѣ, Корпушкинъ де отецъ Тихонко Шиш-кинъ бысть челоуѣ тебѣ г. на того в. о пережѣнѣ его б-ю де челобитную подасть тебѣ г., и за то де его Карпушку сковаль. И тѣ пушкаревы и исковитина Ивашковы и Иосифовскаго крестьянина Карпуш-кина роспросныя ихъ рѣчи подклея подъ сея отписку, и Иваш-ковъ Корманецъ съ кореньемъ и съ травою запечатавъ твоею г. казенною печатью, что у Осиповскаго старосты у Ивашка Валто-хова, съ обоихъ сторонъ въ дву мѣстахъ и своею и прежняго в. Оедора Рахманинова его воеводскою печатью запечатавъ, и тѣхъ колодниковъ Пушкаря Гришку Алферьева, да Исковитина Ивашка Кирилова съ пушкаремъ съ Мишкою Нагибою и съ про-вожатыми послалъ къ тебѣ г. къ Москвѣ и велѣлъ тому пушка-рю Мишкѣ Нагибѣ съ колодниками явиться въ Разрядъ передъ твоими г. думными дьяки, передъ Иваномъ Гавреневымъ, да пе-редъ Семеномъ Заборовскимъ, да передъ Григорьемъ Ларионо-вымъ, да передъ Иваномъ Сѣверовымъ; а отпущены тѣ колод-ники къ тебѣ г. къ Москвѣ мая въ 4 д. И о томъ г. мнѣ х. с. какъ укажешь (О:) 158 г. мая въ 30 день.

II. Г. ц. и в. к. А. М. в. Р. х. т. Исайко Владыченъ челоуѣ бысть. Въ нынѣшнемъ г. во 159 г. апрѣля въ 27 день билъ че-лоуѣ тебѣ г. т., а мнѣ х. т. въ Верхососенскомъ городѣ въ Съ-ѣзжей избѣ подавъ за рукою челобитную Верхососенскій пушкарь Панко Егунъ того жъ города на стрѣleckую жену Илюшки Романова, а въ челобитной г. его написано: въ нынѣшнемъ же де г. во 159 г. въ великій постъ хватала де брата его Кленку лихорадка, а та де его Илюшкина жена Романова Грушка при-шодъ къ нему Панкѣ на страстной недѣлѣ въ среду и хотѣла де брата его Панкина Кленку лечить отъ лихорадки, и давала де ему какіе будетъ коренья пить. И кой часъ де брать его Кленка тѣ коренья выпилъ, и взволдился вверхъ ногами. и брата де его послѣ того не стало. И я х. т. по твоему г. указу тое Илюшкину жену Романова Грушку велѣлъ взять въ Верхососен-скій въ Съѣзжую избѣ и въ роспросѣ та Илюшкина жена Рома-нова передо мною х. т. сказала, что она у него Панки и на дво-рѣ не бывала нынѣшняго 159 г. на страстной недѣлѣ въ среду и коренья брату его Панкину Кленкѣ не давала пить, давала де

ему она Грушка Панкину брату Кленкѣ траву, сливетъ де та трава гризнала отдонникъ, и она де тое траву сама пивала въ болѣсти' да есть де у ней тѣ люди, кому она и прежъ сего тое траву давала. стрѣльцамъ Верхососенскимъ Донковскому Веденцу, Алешкѣ Кочетку, да Давыдѣ Дроздову и дѣтямъ боярскимъ вер-хососенцамъ Тимошкѣ Гавшину да Ивашкову, зятю Нешина Ав-дюшкѣ и женѣ его Авдюшкиной; давала де имъ у болѣсти тое траву пить, и отъ тое де травы ихъ Богъ и помиловаль; а кромѣ де той травы коренья у себя та Аграфенка не сказала, ни какого не знаетъ. И я х. т. по твоему г. т. указу тѣхъ лю-дей, на которыхъ она Аграфенка сказала, что имъ траву давала, предъ собою въ Верхососенской въ Съѣзжей избѣ ставить. И Верхососенскіе стрѣльцы Алешка Кочетковъ сказалъ, что въ ны-нѣшнемъ де въ 159 г. передъ осеннимъ Николинымъ днемъ при-ходило де онъ Алешка къ ней Илюшкиной женѣ Романова и давала де ему она Алешкѣ траву пить съ виномъ съѣшавъ. А Давыдка Дроздовъ сказалъ: давала де ему та Аграфенка воду, а не вѣдаю, что въ водѣ было: въ ту пору лежалъ онъ Давыдка боленъ трудно, а тому де другой годъ. Верхососенцы дѣти бояр-скіе Тимошка Гавшинъ сказалъ, что лежалъ де онъ Тимошка боленъ нынѣшняго 159 г. передъ Покровомъ, приходила де къ нему та Аграфенка и давала де ему пить воду, а не вѣдаетъ, что въ водѣ было: въ ту пору трудно де лежалъ онъ, а Ивана Нешина зятя Авдюшка Ларионовъ съ женою сказалъ: давала де та Илюшкина Романова жена Аграфенка воду пить ему, а въ воду сыпала траву, а не знаетъ, какая трава; а давала де имъ въ болѣсти отъ лихорадки; а про тое траву сказала та Илюш-кина жена Романова Грушка: давалъ де ей тое траву на . . . . белеиннъ сынъ боярскій ей въ болѣсти, а имени де тому беле-нину не вспомнить, какъ его зовутъ и какъ словеть. Да она жъ г. Грушка передо мною х. т. сказала: давала де она Грушка тое траву твоего г. Царева Алексѣева города драгуну, а зовутъ де его Иваномъ, а прозвища ему не вѣдаетъ, да стрѣleckой женѣ Елецкихъ веденцевъ, а зовутъ де тое стрѣльчиху Улитку, а мужа ея не знаетъ, какъ зовутъ и какъ словеть. И ты г. т., что мнѣ х. своему укажешь. (О:) 159 г. іюня въ 17 день.

12. Лѣта 7162 г. октября въ 6 д., по г. ц. и в. к. А. М. в. Р. указу 6. Ильѣ Даниловичу Милославскому да дьякомъ Василью Ртищеву да Матѣю Култыкову да Меркурью Крылову. Въ ны-

нѣшнемъ 162 г. г. т. указать, взять въ Аптекарскій Приказъ иноземцовъ новокрещеныхъ 8 чел. лѣтъ по 20 и меньше, которые бы умѣли нѣмецкой и русской грамотѣ; а тѣхъ новокрещеныхъ иноземцевъ указать г. дати Аптекарскаго Приказа лекарямъ для наученья лекарскаго дѣла. И по г. т. указу б. Ильѣ Даниловичу Милославскому да дякомъ Василью Ртищеву да Матвѣю Култыкову да Меркурью Крылову учинити о томъ по г. указу. Принисать Иванъ Десятово.

Имена иноземскимъ дѣтямъ. Лекаревы дѣти: Аптекарскаго Приказу Вилимовъ сынъ Крамора Юрья, помѣстье за нимъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ православную христианскую вѣру крещенъ возрастомъ лѣтъ 20; новокрещена Васильевъ пасынокъ Ульфа; Павла Емкина пасынокъ лекаръ Борисъ Семенскій; подполковника Елисѣя Цыклера названный сынъ Иванъ.

13. Г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. х. т. Олексинскій губный староста Екушка Жваловъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г., во 163 г. декабря въ 26 д., прислана ко мнѣ х. т. въ Олексинъ твоя г. т. грамота съ твоего г. стану изъ Вязьмы за приписью дьяка Дементья Башмакова, а по той твоей г. грамотѣ, велѣно г. мнѣ х. т. въ Олексинѣ переписать кто какого чину гнѣвомъ Божиимъ отъ морозаго повѣтрія умеръ и сколько чел.. И я х. т. къ тебѣ г. о томъ писалъ, что въ Олексинѣ въ моровое повѣтріе умерло поповъ, и стрѣльцовъ, и пушкарей, и рыбаковъ; а что было г., посадекихъ людей всѣ померли и женъ ихъ, и дѣтей, и братій, и племянниковъ 370 чел., а осталось г. въ Олексинѣ стрѣльцовъ всего 30 чел. старыхъ и молодыхъ, да пушкарей г. 20 чел., и тѣ г., иные безъ женъ и безъ дѣтей, и живутъ иные въ чужихъ домахъ. И тѣ г. стрѣльцы и пушкарни съ твоего г. караулу отъ города и отъ твоей г. казны по 4 чел. не отходятъ, и изъ посылокъ изъ уѣзду не бываютъ. Твои Г. Многія грамоты ко мнѣ х. т. изъ разныхъ приказовъ приходятъ о всякихъ твоихъ г. дѣлахъ, а стрѣльцовъ и пушкарей г. въ Олексинѣ немного, всего 50 чел., а посадскихъ г. людей и бобылей, и захребетниковъ, и сосѣдей, и подсосѣдниковъ въ Олексинѣ нѣтъ ни единого чел. городъ опустѣлъ въ моровое повѣтріе. И въ нынѣшнемъ г. во 163 г. февраля въ 28 д., прислана г. ко мнѣ х. т. въ Олексинъ твоя г. т. грамота изъ Стрѣлецкаго Приказу, а по той твоей г. грамотѣ велѣно мнѣ х. т. послать прибавку къ Олексинскимъ стрѣльцамъ, которые г. посланы на твою г. на

годовую службу къ тебѣ г. къ Москвѣ въ прошломъ во 162 г. къ 20 чел. Олексинскихъ же стрѣльцовъ 20 чел. съ годовыми запасы прислать къ тебѣ г. къ Москвѣ, а въ Олексинѣ г. остается всего 10 чел. стрѣл., и изъ тѣхъ г. изъ 10 чел. на твою г. на Кружечномъ дворѣ и въ таможнѣ въ цѣловальникахъ 4 чел. взяты, а осталось г. стр. всего 6 чел. да 20 чел. пуш. и затишниковъ, и изъ тѣхъ же г. пушкарей по твоему г. указу велѣно выбрать плотниковъ и кузнецовъ и прислать къ тебѣ г. къ Москвѣ въ Пушкарскій Приказъ. И въ Олексинѣ у твоей г. казны и у города быть некому и для твоего г. дѣла въ уѣздѣ посылать будетъ не кого жъ. И что г. въ твоей г. казнѣ какая будетъ учинится поруха, и мнѣбъ х. т. отъ тебя г. въ пеню, и въ опалѣ, и въ жестокомъ наказаніи не быть. Да ко мнѣ жъ г. приходятъ твои г. грамоты изъ Прик. хлѣбнаго запасу, а велѣно г. мнѣ х. т. изъ Олексина посылать въ оболонскій уѣздъ со вдовъ и съ недоброостей, и оставленныхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и съ дѣвокъ, и съ монастырскихъ, и церковныхъ крестьянъ, и бобылей править датошнымъ, а съ иныхъ г. и деньгами. И мнѣ х. т. изъ Олексина посылать некого и о томъ г. мнѣ х. с., что ты г. укажешь.

14. Отъ ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. Ивану Федоровичу Еропкину. Какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а которые люди придутъ къ заставамъ, а скажутся, что они посланы къ намъ изъ г. отъ царицы нашей и в. к. М. И. или отъ отца нашего и богомольца отъ в. г. Святѣйшаго Никона патріарха Московскаго о вса Русіи съ писмомъ, и ты бѣ тѣхъ людей пропускать къ намъ, а писма у нихъ не расечатывать, потому что они—взяты не съ Москвы. Писанъ на нашемъ стану подъ Смоленскомъ лѣта 7162 г. августа въ 17 д. августа въ 18 д. такова послана съ ряшениномъ съ Стенькою Невлевымъ, а велѣно Ивану сослать изъ Вязьмы тотчасъ нарочно. Г. т. х. т. Иванко Еропкинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 162 г. августа въ 13 д. въ послѣднемъ часу дни, пріѣхали къ заставѣ изъ Царева займища ряшене Мелентій Ильинъ да Игнатій Дерюшкинъ, а привезли коней х. т. на заставу отъ в. г. с. Н. п. М. и в. в. и м. и б. Р. грамоты да тетрадь запечатаны въ столбцѣ, а къ нимъ де привезъ изъ Можайска тѣ грамоты и тетрадь изъ Царева займища ряшенинъ же Понкратій Безобразовъ, а на столбцѣ г. на подписи написано къ тебѣ в. г.

т.; я. х. т. на заставѣ велѣлъ тѣмъ рясинамъ Мелентью Ильину да Игнатю Дерюшкину тотъ столбецъ распечатать и распечатавъ то письмо принималъ чрезъ огонь, чаялъ, что то письмо прислано съ Москвы отъ бояръ и принявъ то письмо черезъ огонь, запечатавъ въ тотъ же столбецъ послать къ тебѣ г. т. подъ Смоленскъ съ рясены съ дѣтьми боярскими съ Степаномъ Иевлевымъ да съ Оедоромъ Шетилковымъ; а велѣлъ то письмо подать твоимъ г. боярамъ Борису Ивановичу, Ильѣ Даниловичу. А будетъ г. впредь отъ в. г. с. Н. п. М. и в. в. и м. и б. Р. къ тебѣ г. грамоты съ такими же гонцами съ рясены отъ стану до стану посланы будутъ запечатаны въ столбцахъ, и мнѣ х. т. тѣ столицы распечатывать ли, и грамоты черезъ огонь принимать ли, и отъ заставы съ иными ли гонцами то письмо къ тебѣ г. присылать, или кто съ тѣмъ письмомъ ко мнѣ пріѣдетъ изъ Царева Займища, и о томъ мнѣ х. с. свой г. указъ учини, а въ Царевѣ г., Займищѣ на люди посещение Божіе августа по 13 д. не унялось. Отъ ц. т. Ивану Оедоровичу Еропкину. Какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ однолично заставу учинилъ крѣпкую, чтобъ ни какіе люди мимо заставы не проѣзжали, а будутъ хотя объявятся моровое повѣтріе и ближе въ деревняхъ, и ты бѣ тѣ деревни велѣлъ застѣкать и заставы потому жъ учинилъ. Писанъ на нашемъ стану подъ Смоленскомъ лѣта 7162 августа въ 8 д. Такова послана съ вяземскимъ стрѣльцомъ съ Левкою Остафьевымъ того жъ числа.

Отъ ц. т. въ Вязьму ст. нашему и в. князю Ивану Андреевичу Хованскому да дяку нашему Герасиму Лаврову. Августа въ 7 д. писали есте къ намъ, что въ Царевѣ Займищѣ учинилось на люди моровое повѣтріе съ язвами. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а въ Царевѣ Займищѣ на люди моровое поповѣтріе будетъ учинилось подлинно, и вы бѣ велѣли по вяземской дорогѣ отъ Царева Займища въ ближнемъ мѣстѣ и межъ большихъ дорогъ по проселочнымъ дорогамъ и помалымъ стежкамъ гдѣ пригоже поставить заставы крѣпкія и заставнымъ людямъ приказали накрѣпко. Будетъ, которые люди пріѣдутъ къ заставамъ и скажутся, что они посланы къ намъ в. г. отъ ц. нам. и в. к. М. И. со отписками или отъ о. н. б. отъ в. г. с. Н. п. М. и в. Р. съ грамотами они бѣ тѣхъ гонцовъ пропускали черезъ заставы къ намъ подъ Смоленскъ тотчасъ безо всякаго мотчанья; а отписокъ и грамотъ у нихъ не имали и не роспе-

чатывали. А будетъ, которые люди пріѣдутъ къ заставамъ; а скажутся, что они посланы съ Москвы къ намъ отъ бояръ нашихъ со отписками, и они бѣ тѣхъ людей черезъ заставы не пропускали, а отписки имали у нихъ черезъ огонь и распечатавъ переписывали на новую бумагу, и тѣ списки присылали къ вамъ въ Вязьму тотчасъ; а вы бѣ по нашему указу списки присылали къ намъ подъ Смоленскъ потому жъ не мѣшкая, а прежнія отписки велѣли бѣ есте на заставахъ отдавать тѣмъ жъ людямъ, которые съ ними къ заставамъ пріѣдутъ и велѣли имъ съ тѣми прежними отписки отъ заставъ ѣхать назадъ къ Москвѣ. А которые торговые и всякихъ чиновъ люди пріѣдутъ къ заставамъ со всякими товарами или боярскіе холопы съ посольными грамотки, или для иныхъ какихъ дѣлъ, и учнутъ проситься, чтобъ ихъ черезъ заставы пропустить къ намъ подъ Смоленскъ, и вы бѣ тѣхъ всѣхъ людей черезъ заставы однолично пропускать не велѣли, такъ же и никакихъ товаровъ, и платя. и ничего у нихъ черезъ заставы покупать и даромъ имать не велѣли; а велѣли ихъ съ заставъ отсылать назадъ не мѣшкая; а посольныя грамотки велѣли переписывать на новую жъ бумагу и тѣ списки потому жъ присылали подъ Смоленскъ съ иными дѣлами вмѣстѣ. А будетъ, которые люди пріѣдутъ къ заставамъ, а скажутся, что они ѣдутъ въ Вязьму или подъ Смоленскъ изъ городовъ, или изъ уѣздовъ изъ селъ и деревень, а не съ Москвы, а скажутъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, откуда оны ѣдутъ, морового повѣтрія на люди нѣтъ, и вы бѣ тому вѣрить не велѣли и черезъ заставы тѣхъ людей пропускать не велѣли жъ; а однолично бѣ есте, заставнымъ людямъ, приказали накрѣпко, чтобъ они, будучи на заставахъ, смотрѣли того накрѣпко, чтобъ никакіе люди въ день и ночнымъ временемъ украдомъ черезъ заставы къ Вязьмѣ и подъ Смоленскъ не прошли и не проѣхались никакими обычай. А въ Вязьмѣ городѣ, и на посадѣ, и въ слободахъ и въ Вяземскомъ уѣздѣ, вы бѣ есте, всякихъ чиновъ людямъ приказали накрѣпко, что бѣ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ объявятся на люди моровое повѣтріе, никто ничего не покупали, и даромъ ни у кого ничего не имали, и въ дома къ себѣ изъ тѣхъ мѣстъ никакихъ людей не пускали. А у которыхъ людей объявятся язвы, и они бѣ тѣ язвы указывали булатными шилами и прикладывали изюмными ягодами, а для того велѣли бѣ Вяземскимъ кузнецамъ сковать булатныхъ—шилъ сколько доведется. А буде въ

Вязмѣ булату нѣтъ, и вы бѣ велѣли сковать шилы укладныя. Писанъ на нашемъ стану подѣ Смоленскомъ лѣта 7162 г. августа въ 8 д. Такова послана съ Вяземскимъ стрѣльцомъ съ Левкою Остафьевымъ того жѣ числа.

15. Отъ ц. т. въ Вязьму ст. нашему и в. князю Ивану Андреевичу Хованскому да дяку нашему Герасиму Лаврову. По нашему указу посланъ отъ насъ Иванъ Еропкинъ для нашего дѣла, и велѣно быть съ нимъ Вяземскимъ стрѣльцамъ 50 чел. да съ нимъ же быть уѣзднымъ людямъ сколько ему для нашего жѣ дѣла по наказу доведется. И какъ къ вамъ ея наша грамота придетъ, а Иванъ Еропкинъ въ Вязьму приѣдетъ, и вы бѣ ему дали Вяземскихъ стрѣльцовъ 50 чел., а въ Вяземскій уѣздъ послали есте, пушкарей и разсыльщиковъ, и велѣли собрався уѣзднымъ людямъ сказать, какъ пришлетъ Иванъ Еропкинъ и велить имъ быть для нашего дѣла у себя, и они бѣ его Ивана во всемъ слушали, и были съ нимъ до нашего указа. Писанъ на нашемъ стану подѣ Смоленскомъ лѣта 7162 г. іюля въ 30 д.

Лѣта 7162 г. іюля въ 31 д. г. т., велѣтъ Ивану Оеодоровичу Еропкину ѣхать въ Можайскъ для того, быти ему въ Можайску на заставѣ, и приѣхавъ въ Можайскъ взять ему на Волоку въ Борисовѣ и въ Вереѣ у в. и у приказныхъ людей стрѣльцовъ, и казаковъ, и пушкарей изъ всѣхъ городовъ половину, да ему жѣ взять въ тѣхъ же городахъ изъ Приказныхъ избѣ для письма дву чел. дячковъ добрыхъ, и велѣти имъ быти съ собою, и учинить отъ Москвы по Можайской, и по Вяземской, и по Волоцкой, и по Боровской дорогѣ, и по инымъ по всѣмъ дорогамъ, которыя къ Смоленску такъ же и межъ дорогъ по проселочнымъ дорогамъ заставы крѣпкія и стеречи того накрѣпко, чтобъ никто ни каковъ чел. черезъ заставу днемъ и ночью украдомъ и не являсь не прошелъ и не проѣхалъ. А будетъ приѣдутъ къ заставѣ и скажутся, что они посланы ко г. т. от. г. ц. т. или отъ в. г. с. Н. п. М. и в. Р. съ грамотами и Ивану у тѣхъ гонцовъ грамоты имать и распечатывать и переписывать не велѣтъ, и черезъ заставу тѣхъ гонцовъ ко г. пропускать тотчасъ безо всякаго мотачья самихъ. А будетъ которые люди посланы будутъ къ г. подѣ Смоленскъ отъ бояръ съ Москвы со отписки, и Ивану у тѣхъ людей отписки велѣтъ имать черезъ огонь и распечатавъ переписывать на новую бумагу, и переписавъ прислать тѣ отписки подѣ Смоленскъ съ тѣми людьми, которые, по г. указу,

съ нимъ будутъ на заставѣ. А тѣхъ людей которые будутъ посланы отъ бояръ со отписки съ Москвы велѣтъ имъ съ тѣми отписки, которыя присланы будутъ отъ бояръ, ѣхать къ Москвѣ назадъ, и тѣ отписки отдать боярамъ по прежнему; а боярамъ сказывать, что съ тѣхъ отписокъ списаны списки на новую бумагу, и тѣ списки посланы къ г. съ иными гонцы съ заставы. А которые люди всякихъ чиновъ учнутъ съ Москвы на заставы приѣзжать и проситься, чтобъ ихъ черезъ заставы пропустить подѣ Смоленскъ съ какими товары, или для иныхъ какихъ дѣлъ, и Ивану тѣмъ людямъ велѣтъ на заставахъ отказывать, и велѣтъ ихъ воротать назадъ и никакихъ товаровъ и платя и никакія рухляди провозить не давать. А будетъ тѣ которые люди приѣхавъ къ заставѣ учнутъ сказываться, что они ѣдутъ изъ уѣздовъ, уѣздные люди или деревень, а не съ Москвы, а изъ которыхъ мѣстъ они ѣдутъ и въ тѣхъ мѣстахъ на люди здорово и похвѣтрія никакого нѣтъ и тому не вѣрить и пропускать черезъ заставы не велѣтъ же. А будетъ боярскіе люди также къ заставѣ съ Москвы приѣдутъ, а скажутся, что они съ Москвы къ боярамъ ихъ посланы съ посыльными грамотки, или для какихъ иныхъ дѣлъ, и тѣхъ боярскихъ людей черезъ заставы не пропускать, а грамотки у нихъ имать, и переписавъ на новую бумагу, прислать подѣ Смоленскъ; а боярскими людьми, которые посланы будутъ съ посыльными съ грамотки велѣтъ имъ ѣхать назадъ. А что у него Ивана учнетъ дѣлаться и о томъ описать къ г. И тутъ бы на заставѣ и по инымъ мѣстамъ у Московскихъ людей, которые приѣдутъ съ Москвы, никакіе люди никакихъ товаровъ не покупали и ничѣмъ не торговали. Да Ивану же Еропкину приѣхавъ въ Вязьму велѣно у в. у князя Хованскаго взять вяземскихъ стрѣльцовъ 50 чел. да съ нимъ же быть вяземскимъ и Можайскимъ уѣзднымъ людямъ сколько чел. пригоже и въ Вязьму и въ Можайскъ о томъ г. указъ посланъ.

162 г. іюля въ 31 д. г. указъ послать въ Можайскъ Ивана Оеодоровича Еропкина, а приѣхавъ въ Можайскъ взять ему въ Можайску на Волоку, въ Борисовѣ, въ Вереѣ стрѣльцовъ и пушкарей, по сколько чел. доведется; да ему жѣ взять для письма подьячихъ дву или 3 чел., и быти ему въ Можайскѣ для заставы, чтобъ всякихъ чиновъ люди съ Москвы подѣ Смоленскъ не проѣзжали и товаровъ съ собою никакихъ, и иного ничего платя и рухляди не провозили. А которые будутъ съ Москвы

отъ бояръ отписки къ г. подѣ Смоленскъ и тѣ отписки Ивану велѣтъ распечатывать и распечатавъ переписывать, и переписавъ посылать къ г. съ гонцы которые будутъ у него Ивана. А тѣхъ гонцовъ, которые посланы будутъ съ Москвы, отпускать назадъ къ Москвѣ; да отъ тѣхъ городовъ по дорогамъ потому жъ велѣтъ поставить заставы. А которые люди прїѣдутъ къ заставѣ и скажутся, что они ѣдутъ изъ деревъ, и изъ уѣздовъ, а не съ Москвы и Ивану тѣхъ людей, потому жъ не пропускать. А будетъ которые боярскіе люди прїѣдутъ на заставу и скажутся, что они съ Москвы и есть у нихъ посыльные грамотки. и ему Ивану, потому жъ велѣтъ у тѣхъ людей тѣ посыльные грамотки имать и переписывать и списывая отписки присылать подѣ Смоленскъ.

Отъ ц. т. въ Можайскъ Борису Якимовичу Изъѣдинову. По нашему указу, посланъ отъ насъ въ Можайскъ Иванъ Ѳеодоровъ сынъ Еропкинъ, а для письма подьячаго и пушкарей и розсыльщиковъ половину велѣно ему имать у тебя. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а Иванъ Еропкинъ для подьячаго и пушкарей и розсыльщиковъ къ тебѣ пришлетъ, и ты бѣ подьячаго, и пушкарей и розсыльщиковъ послалъ къ нему половину, что у тебя въ Можайску есть. Писанъ на нашемъ стану подѣ Смоленскомъ лѣта 7162 г. іюля въ 31 д. списокъ съ Вяземской отписки слово въ слово.

Г. т. х. т. Ивашко Хованскій Гараска Лавровъ челомъ быють. Въ нынѣшнемъ г. во 162 г. августа въ 3 д. прїѣхалъ къ намъ х. т. въ Вязьму изъ Царева Займища сотникъ Спиридонъ Селиверстовъ, и сказывать намъ х. т., что учинилось въ Царевѣ Займищѣ на люди моровое повѣтріе. И мы х. т. послали въ Царевъ займище сотника вяземскихъ стрѣльцовъ Угрима Шумилова и велѣли ему въ Царевѣ Займищѣ развѣдать подлинно, есть ли на люди моровое повѣтріе и нѣтъ ли язвы. И писалъ къ намъ х. т. сотникъ стрѣлецкій Угримъ Шумиловъ, что въ Царевѣ Займищѣ учинилось на люди моровое повѣтріе, а мрутъ де люди язвою; и мы х. т., приказывали сотнику стрѣльцкому Угриму Шумилову, въ которыхъ дворахъ учинится моровое повѣтріе и съ тѣхъ дворовъ людей выпускать не велѣли до твоего г. указу, и ничего изъ тѣхъ дворовъ покупать никому не велѣли жъ; а которые г. ѣздить съ Москвы въ полки подѣ Смоленскъ и изъ полковъ къ Москвѣ служилые и всякихъ чиновъ люди мимо Ца-

рева Займища, и мы х. т. тѣхъ людей не пропускать безъ твоего г. указу не смѣемъ, и о томъ что ты г. т. намъ х. с. указеши: которые люди стануть прїѣзжать изъ Царева Займища въ Вязьму, и тѣхъ людей изъ Вязьмы подѣ Смоленскъ пропускать ли.

16. Г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. х. т. Ивашко Волконскій челомъ быють. По твоему г. указу велѣно быть въ Суздаль и вѣдать городъ мѣх. т. И волею г. Божьею въ приказной избѣ въ моровое повѣтріе подьячіе померли, а площадные г. подьячіе всѣ померли жъ, и быть у твоихъ государевыхъ многихъ дѣлъ въ приказной избѣ не кому. А въ Суздаль г. въ приказной избѣ ходитъ въ розсылѣ Микифорко Родионовъ, а его Микифорковъ сынъ Ганка сошелъ отъ него Микифорка, сѣлъ въ Покровскомъ дѣвич. монастырѣ въ подьячнхъ, а его бѣ Ганки Микифорова съ твое государево дѣло въ приказной избѣ будетъ, а я х. т. безъ твоего г. указу, его Ганку взять въ приказную избу въ подьячіе не смѣю, и о томъ г. м. х. с., что ты г. указеши. (0.) 163 г. марта въ 15 д.

17. Г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. х. т. Оедька Юшковъ челомъ быють. Въ нынѣшнемъ г. во 163 г. іюля въ 5 д., прислана твоя грамота г. т. грамота изъ разряда за принисью дьяка Ивана Сѣверова ко мѣх. т., а по той твоей г. грамотѣ велѣно мѣх. т. на Угличъ и въ Углицкомъ уѣздѣ заказъ крѣпкій учинити: будетъ, гдѣ объявится въ Углицкомъ уѣздѣ на лошади и на всякую животину падежъ, и съ падежныхъ бы лошадей и со всякія животины никто кожъ ни снимала и руками за ту падежную животину отнюдь не принимались ни которыми обычай, а таскали бѣ въ ямы веревками и шестами, чтобъ отъ тое падежныхъ животныхъ на люди мороваго повѣтрія не нанесло. И по твоей г. т. грамотѣ к х. т. заказъ крѣпкій учинити противъ твоего г. указу и бирчами кликать велѣтъ не по одинъ день; а въ Углицкой г. уѣздѣ въ ближніе и въ дальніе станы я х. т. посылалъ пушкарей о заказѣ; и на Угличъ г. и въ Углицкомъ уѣздѣ милостію Божьею на люди и на всякую животину падежу нѣтъ, іюля по 8 д. все далъ Богъ здорово. (0.) 163 г. августа въ 2 день.

18. Г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Ф. с. к. т. Тройденко Иевлевъ челомъ быють. По твоему г. т. указу, велѣно на Елифани въ городѣ на караулѣ быть перемѣнясь 20 чел. пѣшимъ Елифанскимъ стрѣльцамъ и изъ тѣхъ г. стрѣльцовъ въ

прошломъ во 162 г. посланы къ тебѣ г. къ Москвѣ 40 чел., а на Епифани оставлено 50 чел. И въ нынѣшнемъ г. во 163 г. гнѣвомъ Божиимъ отъ мороваго повѣтрія на Епифани стрѣльцы померли, осталось только 20 службъ и на караулѣ въ городѣ стоятъ тѣ стрѣльцы перемѣняясь по 2 чел. да третій пушкаръ. И тремя г. человекѣ города и твоей г. казны оберечь нехѣтъ и для твоихъ г. дѣлъ въ разсылку послать не кого; и дѣти боярскіе, и казаки, и конные стрѣльцы въ городѣ на караулахъ и на сторожахъ не стоятъ, а въ иныхъ г. городахъ дѣти боярскіе, и казаки, и конные стрѣльцы на сторожахъ и на караулахъ для всякаго оберегания и разсылки безъ вѣстей стоятъ перемѣняясь по 20 чел. оирить стрѣльцовъ. И я х. т. безъ твоего г. указу на сторожи и на караулъ дѣтей боярскихъ, и казаковъ, и конныхъ стрѣльцовъ поставить не смѣю; а оироче г. дѣтей боярскихъ, и казаковъ, и конныхъ стрѣльцовъ въ сторожи и въ караулъ къ вѣстнымъ стрѣльцамъ прибавить не кого и въ посылкахъ г., для всякихъ дѣлъ бывають тѣ же стрѣльцы. И о томъ, что ты г. т. мнѣ х. с. указаны. (о:) 163 г. февраля въ 28 день.

19. Быти на г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. службѣ съ бояриномъ и воеводою со княземъ Борисомъ Александровичемъ Реннинымъ съ товарищи лекарь Саввѣ Гаврилову: для лечобы государевыхъ ратныхъ людей нынѣшняго 163 года, а государева ему жалованья мѣсячнаго корму по 4 рубля на мѣсяцъ.

20. Лѣта 7165 г. сен. въ 15 д., по г. т. указу ок. Богдану Матѣевичу Хитрово да дьякомъ Микитѣ Головинну да Андрею Немирову. Въ нынѣшнемъ во 163 г. въ г. ц. и в. к. А. А. в. в. и м. и б. Р. грамотѣ писано къ б. ко князю Григорію Семеновичу Куракину съ товарищи: которые гонцы учнутъ прѣизажать къ Москвѣ изъ Украинныхъ и изъ иныхъ городовъ со отписками или съ какими съ иными дѣлами, и тѣхъ гонцовъ на Москвѣ держать не велѣно ни одного дня, а велѣно ихъ съ Москвы отпускать тотчасъ безъ задержанья, и съ ними въ города къ боярамъ и къ воеводамъ, и къ приказнымъ людямъ, въ которыхъ городахъ здорово и мороваго повѣтрія нѣтъ, въ государевыхъ грамотахъ велѣно писать, чтобъ изъ городовъ б. и в. и приказ. люди о всякихъ дѣлахъ писали и гонцовъ со отписками посылали въ походъ къ отцу его г. къ в. г. т.: а къ Москвѣ о всякихъ дѣлахъ съ отписками гонцовъ не присылали. И по г. т. указу ок. Богдану Матѣевичу Хитрово да дьякомъ Микитѣ Го-

ловинну да Андрею Немирову, по которымъ дорогамъ заставныхъ головъ нѣтъ, и изъ которыхъ городовъ къ Москвѣ никакихъ людей пропускать не велѣно, и изъ которыхъ городовъ пропускать велѣно, о томъ въ Новой Чети выписать росписъ городамъ, отъ которыхъ заставы учинены и изъ которыхъ мѣстъ къ Москвѣ прѣизажать не велѣно, да о томъ отписать въ Разрядъ. Такова память послана въ Новую Четъ съ подьячимъ съ Иваномъ Гордѣевымъ.

Отъ г. ц. и в. к. А. А. в. в. и м. и б. Р. б. н. князю Григорію Семеновичу Куракину съ товарищи. Какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы объ нашихъ всякихъ дѣлахъ писали къ намъ, а отписки велѣли отдавать на Можайской заставѣ головѣ стрѣльцкому Леонтію Азарьеву, а онъ съ тѣхъ отписокъ, списавъ списки, учнетъ присылать къ намъ на станъ въ Вязьму. Писанъ на нашемъ стану въ селѣ Тургиновѣ лѣта 7165 октября въ 19 день.

Отъ г. ц. и в. к. А. А. в. в. и м. и б. Р. б. н. князю Григорію Семеновичу Куракину съ товарищи. Какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а которые гонцы учнутъ прѣизажать къ Москвѣ изъ украинныхъ и изъ иныхъ городовъ съ отписками или съ какими съ иными нашими дѣлами, и вы бѣ тѣхъ гонцовъ на Москвѣ держать не велѣли ни одного дня, и велѣли ихъ съ Москвы отпускать тотчасъ безъ задержанья, а писали съ ними въ города къ б. и в. и всякимъ къ приказнымъ людямъ: въ которыхъ городахъ здорово и моровыхъ мѣстъ нѣтъ, чтобъ они б. и в. и приказ. люди изъ тѣхъ городовъ писали о всякихъ нашихъ дѣлахъ и гонцовъ посылали съ отписками къ отцу нашему къ в. г. т. и къ намъ, къ в. г. на станъ во Тверь кому куда ближе; а къ Москвѣ бѣ къ вамъ ни о какихъ нашихъ дѣлахъ не писали, и гонцовъ бы съ отписками и съ иными нашими ни съ какими дѣлами не посылали, и тѣмъ бы гонцахъ въ городахъ приказывали ласкливо, чтобъ они ѣдучи изъ городовъ къ Москвѣ не заѣзжали для того, что на Москвѣ учинилось мороваго повѣтріе. Писанъ на нашемъ стану во Твери лѣта 7165 г. сентября въ 9 день.

По сему г. указу послать государевы царевичевы грамоты въ города, которые не за заставы, и въ которыхъ городахъ и уѣздахъ здорово. (О:) 163 г. сентября въ 13 день.

Отъ г. ц. и в. к. А. А. въ Бѣлгородъ ок. н. и в. князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи. Какъ къ вамъ

ся наша грамота придетъ, а о какихъ нашихъ дѣлахъ доведется вамъ писать къ намъ къ Москвѣ и вы бъ ни о какихъ нашихъ дѣлахъ къ Москвѣ ни о чемъ не писали и гонцовъ къ Москвѣ ни съ какими нашими дѣлами не присылали, для того что на Москвѣ учинилось моровое повѣтріе, а писали бъ есте о нашихъ о всякихъ дѣлахъ къ отцу нашему къ в. г. т. въ походъ или къ намъ в. г. на станъ во Тверь, куда податиѣ, и гонцамъ приказывали накрѣпко, чтобъ они къ Москвѣ и въ города, гдѣ моровое повѣтріе объявилось, не заѣзжали; да и во все польскіе и въ украинные города ты бъ ок. начъ и в. князь Григорій Григорьевичъ къ товарищамъ своимъ сходнымъ воеводамъ о томъ отъ себя писалъ, чтобъ имъ про то нашъ указъ былъ вѣдомъ, что бъ они о всякихъ нашихъ дѣлахъ отписки присылали къ тебѣ, а ты бъ тѣ отписки присылаъ къ отцу нашему къ в. г. т. въ походъ или къ намъ в. г. на станъ во Тверь, куда податиѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7165 г. сентября въ 14 день.

Такова г. грамота съ бѣлгородскимъ станичникомъ съ Тимохою Гридчинымъ.

164 г. іюля въ 29 д. послать памяти во дворецъ, въ конюшенный приказъ, въ государынишу парицynu Мастерскую Палату, а велѣтъ собрать старость и сказать о томъ, чтобъ выбрали десятскихъ, и тѣмъ дѣсятскимъ и старостамъ приказать накрѣпко, чтобъ они десятчаномъ, по г. указу учинили заказъ крѣпкій подь смертною казною, которые тѣхъ слободъ жилецкіе и всякіе люди ихъ братья и дѣти и всякіе захребетники пріѣдутъ къ Москвѣ изъ низовыхъ городовъ, и тѣхъ бы пріѣзжихъ людей въ тѣ слободы отнюдь во дворы не пускали и отъ дворовъ и отъ слободъ ихъ высылали за земляной городъ, а ставили ихъ на поле и про нихъ извѣщали тотчасъ.

21. Г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. х. т. Васька Оефилатьевъ челомъ бѣеъ. Въ нынѣшнемъ г. во 164 г. августа въ 7 д. писалъ ко мнѣ х. т. Иванъ Прончищевъ, что Курмышане дворяне и дѣти боярскіе ѣдутъ изъ моровыхъ мѣстъ, и я х. т. поставилъ заставу того жъ числа. И августа жъ въ 9 день Курмышане пріѣзжали къ заставѣ и у заставы г. тѣ курмышане черезъ огонь спрашиваны, а что въ роспросѣ г., они Курмышане сказали, и тое г. росписъ въ Борисоглѣбскомъ городѣ велѣлъ я переписать и тое росписъ послать я х. т. къ тебѣ г., и по той отпискѣ указу мнѣ х. т. нѣтъ, а въ росписи г. ихъ въ прежней написано,

что послана подь отпискою къ тебѣ г. ѣхали де они изъ Курмышы къ Москвѣ, и ихъ де къ Москвѣ не пустили и обрубали въ лѣсу за 8 верстъ отъ Москвы, а на двухъ де чел. въ тѣ поры были язвы. И съ Москвы присылали ихъ осматривать и досмотра тѣхъ двухъ человекъ тутъ въ обрубѣ покинули, а имъ де здоровымъ всемъ велѣно ѣхать на твою г. службу въ полки и отъ Москвы де поѣдучи на нихъ на Курмышанахъ ни на комъ язвы нѣтъ; а съ ними ѣхалъ Василій Буковъ, и на немъ на самомъ и на человекѣ его язвы были; а того де они не вѣдаютъ тѣ ли язвы или нѣтъ; и онъ де стоитъ поставленъ въ Полоцкѣ. И о томъ г., что мнѣ х. с. укажешь. (О:) чена, а Курмышанамъ быть за заставою до г. указу. 165 г. сен. въ 12 день.

22. Отъ ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. б. нашему князю Борису Александровичу Репнину съ товарищи. Какъ къ тамъ ся наша в. г. грамота придетъ, а которая наша денежная казна зъ великаго Новгорода привезена къ заставѣ, и вы бъ тое нашу денежную казну велѣли перемыть, а перемывъ велѣли ее везти къ намъ в. г. къ Москвѣ и кто съ тою казною ѣдетъ. Писанъ на нашемъ стану въ селѣ Воздвиженскомъ лѣта 7167 г. сентября въ 24 день.

23. Отъ ц. т. б. нашему князю Борису Александровичу Репнину съ товарищи. По указу нашъ в. г., посланъ на заставу дякъ Семень Углицкий, а велѣно ему властей Новгородскаго митрополита да Псковскаго архіепископа пропуститъ къ намъ в. г. къ Москвѣ, и нынѣ писали къ намъ в. г. ст. нашъ и в. князь Иванъ Хованскій съ товарищи, что въ Юрьевѣ Ливонскомъ учинилось на люди моровое повѣтріе. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, и вы бъ велѣли послать на заставу парочного гонца тотчасъ, и велѣли дяку Семену Углецкому ѣхать къ Москвѣ, а властямъ Новгородскому митрополиту велѣли ѣхать въ Новгородъ, а Псковскому архіепископу во Псковъ до зимняго времени. А которые власти нынѣ на Москвѣ, и вы бъ тѣмъ нашъ государскій указъ велѣли сказать: будетъ они похотятъ быть на Москвѣ, и они бъ жили до зимняго времени; а которые на Москвѣ жить не похотятъ, и они бъ ѣхали по домамъ, а Смоленскому и Полоцкому архіепископомъ велѣли быть на Москвѣ до нашего указу. Писанъ на нашемъ стану въ селѣ Воздвиженскомъ лѣта 7167 г. сентября въ 24 день.

24. Лѣта 7166 г. сен. въ 23 д., по г. т. указу ок. Ивану Аонасьевичу Гавреневу да дьякомъ думному Семену Заборовскому, да Василию Брехову, да Семену Титову, да Григорью Богданову. Указать г. т. въ селѣ Веземѣ, и въ Можайску, и въ Визьмѣ, и въ Дорогобужѣ отъ Смоленска учинить заставы крѣпкія; а на тѣхъ заставахъ указать г. быть дворянамъ, а для переписки со отписокъ и со всякихъ дѣлъ съ ними быть подъячимъ изъ всѣхъ приказовъ по чел. съ переменною понеѣдѣлю. И въ нынѣшнемъ во 166 г. пинуть къ в. г. т. съ веземскія заставы Петръ Тихоновъ да съ можайскі заставы Дмитрій Мотобиловъ; многія отписки присылаются де къ нимъ на заставы изъ городовъ, а съ тѣхъ де отписокъ списывать спискомъ не кѣмъ, подъячихъ у нихъ только бываетъ съ переменною по 3 чел., и тѣ де подъячіе со отписокъ списковъ переписывать не успѣвають, и за тѣмъ де на заставахъ у нихъ писму чинится большое мотчанье, лежатъ многіе отписки многое время не переписаны. И в. г. т. указать для переписки отписокъ на заставы послать изъ всѣхъ приказовъ по человѣку, чтобъ въ перепискѣ отписокъ мотчанья ни малаго не было, и о томъ указать в. г. свой г. указъ послать въ Разрядъ. И по г. т. указу ок. Ивану Аонасьевичу Гавреневу, да дьякомъ думному Семену Заборовскому, да Василию Брехову, да С. Т. да Г. Т. о подъячихъ къ дворянамъ на заставы, для переписки изъ всѣхъ приказовъ и о присылкѣ въ Новую Четь учинить по г. указу. Дьякъ Семенъ Углецкой.

Лѣта 7166 г. декабря въ 8 д., поч. т. указу ок. Ивану Аонасьевичу Гавреневу да дьякомъ думному Семену Заборовскому да Василию Брехову, да Семену Титову, да Григорью Богданову. Въ памяти въ Посольскій приказъ къ дьякомъ къ думному къ Алмазу Иванову да къ Ефиму Юрьеву за твоею Васильевою приписью написано: указать в. г. т. на заставахъ для переписки своихъ г. дѣлъ были изъ всѣхъ приказовъ подъячимъ по чел. съ переменною по 2 на день, и чтобъ посольскаго приказу и новгородскія чети и печатнаго приказу подъячимъ, которымъ быть на заставахъ учинить по г. указу. И по г. т. указу изъ Посольскаго Приказу и изъ Новгородскія Чети для переписки Посол. Приказу дѣлъ подъячіе на заставы посылаются всегда и не по очереди не на ближнія и на дальнія заставы, да и недавняго времени были на заставахъ во Ржевѣ Володимировѣ переводчикъ, да подъячіе дважды и жили подѣли по 3 и по 4; да Посольскаго жъ Приказу

и Новгородскія Чети 3 чел. подъячихъ нынѣ посланы для переписки государевыхъ дѣлъ на Вяземскую заставу. Дьякъ Ефимъ Юрьевъ.

25. Отъ ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. б. н. князю Ивану Семеновичу Прозоровскому да ок. н. Василию Александровичу Чоглокову да думному нашему дьяку Ларіону Лопухину Какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, а которая женка татарка передъ стрѣленимъ приказомъ умерла скорою смертию, и въ бѣ про тое женку велѣли сыскать въ Стрѣленимъ приказѣ: сколь давно она сидѣла и съ котораго числа, и съ которымъ приставомъ милостины просить: велѣли распроесть, гдѣ та женка ходила она милостины просить и у кого не пила ли: и преежъ сего, какъ она сидѣла въ стрѣленимъ приказѣ, болна не была ли: и разыскавъ про то до прима, отъ чего та женка умерла, и обо всемъ къ намъ в. г. отписать и сыскъ прислать во мѣшкавъ: и который подъячій тое женки поѣхалъ осматривать, и того подъячаго въ городъ пускать до нашего г. указу не велѣтъ; а ту женку велѣли закопать за землянымъ городомъ податѣ, гдѣ-бъ не на пашенномъ мѣстѣ, поглубже, и велѣли на тое могилу накласть огню побольше, и на жечь гораздо, чтобъ той могилы звѣрь ни какой не раскопалъ. Писанъ въ селѣ Покровскомъ лѣта 7168 г. мая въ 31 д. Г. т. б. т. Павшко прозоровскій, Василья Чоглоковъ, Ларыка Лопухинъ челомъ бьютъ. Мая г. въ 31 д. въ твоей в. г. т. грамотѣ писано къ намъ х. т., которая женка татарка передъ Стрѣленимъ приказомъ скорою смертию умерла, и та женка сколь давно и съ котораго числа въ Стрѣленимъ Приказѣ была, и гдѣ она ходила для милостины, и хмѣльнаго питья она не пила ли и нынѣ болна была ли, про то про все велѣно намъ х. т. сыскать подлинно, а женку закопать за землянымъ городомъ не на пашенной землѣ глубоко, чтобъ звѣрь никакой и собаки не откопали; а подъячему, который для досмотру той женки посланъ, велѣти бѣ быть за городомъ до твоего г. указу. И по твоему в. г. т. указу въ Стрѣленимъ приказѣ про ту женку сыскivano, а что какіе люди про тое женку въ томъ сыскѣ сказали, изъ досмотру, каковы прислать подъячій Тимошей Антипинъ, переписать 7 разъ, послѣдній списокъ послати къ тебѣ в. г. съ сею отпискою; а женку велѣли за землянымъ городомъ не на пашенной землѣ закопать въ землю глубоко, а тѣмъ людямъ, которые въ то время съ нимъ были, велѣли быть за землянымъ городомъ до твоего г. указу.

Такова отписка и сыскныя рѣчи посланы въ село Покровское Новыя Чети съ подьячимъ съ Борискомъ Юхляевымъ іюня въ 1 день.

168 г. мая въ 31 день Стрѣлецкаго Приказа дневальные подьячіе Петръ Зинovieвъ, Кузьма Зыковъ, Василій Ивановъ сказали: въ Стрѣлецкомъ Приказѣ сидѣла колодница Касимовскаго уѣзда женка татарка не крещенная, и во 12 часу дня тосковала и блевала и выходила изъ приказу на дворъ съ слоботчикомъ, передъ Приказомъ сидѣла на дровахъ и умерла въ 15 (sic) часу дня: а какая у ней болѣзнь была, того они не вѣдаютъ, а прежь того была она здорова, только лѣтъ стара. И они тое женку велѣли свезти за Москву рѣку за земляной городъ.

Стрѣлецкаго жъ Приказу деньщики Дениска Дементьевъ, Ивашко Нахомовъ сказали: дневали они въ Приказѣ и женка татарка была за слоботчиками, ходила просить милостыни, и передъ вечернями тосковала, и вышелъ передъ Приказомъ сидѣла на дровахъ и умерла; а какая болѣзнь у ней была, того не вѣдаютъ; а прежь того скорби на ней никакой не видали.

А слоботчики Тимошеева Приказу Полтева Смирка Семеновъ, Гаврилко Иполитовъ, Алешка Юрьевъ сказали: дневали они въ Приказѣ, а женка сидѣла съ слоботчикомъ съ Ивашкомъ Долгимъ и ходила съ нимъ изъ приказу просить милостыни, и въ приказъ приходъ сидѣла до 12 часа дни, пила, и ѣла, и стала тосковать, и съ тѣмъ же слоботчикомъ вышла передъ Приказъ и сидѣла на дровахъ и умерла въ 15 часу дня; а какая у ней болѣзнь была, того не вѣдаютъ.

А слоботчикъ Ивашко Долгий сказалъ: дневать онъ въ Приказѣ и часу въ 3 дни ходить съ тою женкою въ міръ, просила она милостыни въ рядахъ, и купила двуденежный калачъ да на 2 деньга прѣснаго меду; и въ Приказъ пришелъ съ нею часу въ 6-мъ дни; и та женка была здорова, пила и ѣла и ѣла и спала, и передъ вечернями встала, учела тосковать, и блевать; и изъ Приказу вышла на площадь, и сидѣла на дровахъ и умерла въ 15 часу дни вначалѣ; а какая у ней болѣзнь, того не вѣдаютъ; и прежь того скорби на ней никакой не видать: а какъ онъ съ нею ходить по рядамъ, и та женка вина ни у кого не пила.

Стрѣлецкаго жъ Приказу колодники Василій Хитровъ, Иноземскаго Приказу подьячіе Иванъ Дураковъ, Данило Карповъ и

иные разныхъ чиновъ приводимые люди Стенька Оедосѣевъ, Митыка Спиридоновъ, Ивашко Степановъ, Ефремо Терентьевъ сказали: женка татарка въ Приказѣ была здорова и съ слоботчикомъ ходила просить милостыни, и пришла въ Приказъ часу въ 6-мъ, пила, и ѣла, и спала, и во 12 часу дни стала тосковать и блевать; и слоботчикъ изъ Приказу пошелъ съ нею на площадь и она на дровахъ умерла: а какая у ней болѣзнь была, и какъ умерла, того не вѣдаютъ.

А роспрашиваны про то дневальные, и подьячіе, и деньщики и слоботчики и колодники издалика въ 4 хъ саженьяхъ.

А по сказкѣ подьячаго Максима Сергѣева та женка взята была въ Приказъ по подписной челобитной мая въ 10 ч., по челобитію торговаго иноземца Тимооѣя Мартынова, что той женки жили у него Тимооѣя въ наймахъ 2 сына и подговорили купленнаго его чел., а съ нимъ животовъ взяли на 1000 руб и тѣ женкины дѣти не смыканы: а женка въ распроесть сказала: дѣти ея у Тимооѣя въ наймахъ жили, а про бытъ дѣтей своихъ и про сносные животы, и гдѣ нынѣ дѣти ея, того сказала не вѣдаютъ. Писано на 6-е писмо: 168 г. іюня въ 1 д., посланъ Приказу сыскныхъ заставныхъ дѣлъ подьячій Тимооѣй Антипинъ за городъ за Калужскія ворота осмотрѣть и похоронить отвезши за городъ подалече въ поле не на нашенномъ мѣстѣ умершую бабу, что умерла въ Стрѣлецкомъ Приказѣ колодница, и даны ему земскіе ярышки. И подьячій Тимооѣй Антипинъ осматривалъ черезъ огонь, а по его осмотру знаку на той женкѣ постижныя болѣзни, какъ была въ моровое повѣтріе итѣтъ, а знатно, что она умерла—была стара; и выкопавъ могилу глубоко, закопана отъ земляного города версты съ 2 и больше на пустомъ мѣстѣ не на нашенномъ, и на могилѣ огонь раскладенъ большой для того, чтобъ звѣрь не выкопалъ. И подьячій Тимоѣй Антипинъ, и деньщики 5 чел., и ярыжные 4 чел., и извозчикъ у земляного города у калужскихъ воротъ остановлены до указу в. г. Отъ ц. т. б. н. князю Ивану Семеновичу Прозоровскому, до ок. нашему Василію Александровичу Чоглокову, да думному нашему дьяку Ларіону Лопухину. Іюня въ 1 д., писали къ намъ въ г., которая женка передъ Стрѣлецкимъ приказомъ умерла скорою смертию, и вы тое женку велѣли закопать за землянымъ городомъ, а тѣмъ людямъ, которые тое женку закапывали, велѣли быть за землянымъ городомъ до нашего г. указу. И какъ къ вамъ ся наша

в. г. грамота придетъ, и вы бѣ пристава, который съ тою женкою ходилъ для милостыни, и у кого та женка казачъ и медъ купила, велѣли спросить не дали ли ей кто какой отравы; а которые подьячіе и приставы въ Стрѣлецкомъ приказѣ въ то время были, какъ та женка умерла и подьячаго, который ее осматривалъ, и тѣхъ людей которые ее закапывали, всѣмъ велѣли быть до нашего указу въ домахъ своихъ и изъ дворовъ никуда имъ ходить и къ нимъ никого пускать не велѣли. А чего съѣстного имъ понадобится купить и имъ велѣть покупать сродичамъ ихъ, и приносить на дворы ихъ; а тѣхъ людей которые съѣстное принесутъ, на дворы къ нимъ пускать не велѣли; а въ которыхъ мѣстахъ та женка блевала и умерла, и тѣ мѣста велѣли выскоблить и водою смыть и свитою водою окропить. Да въ домо намъ в. г. учинилось, что объявился гробъ на Девичьемъ полѣ и вы бѣ тотъ гробъ велѣли наметать землею и дерномъ окласть гораздо. Писанъ въ селѣ Попровскомъ лѣта 7168 г. июня въ 1 день. Дьякъ Андрей Немировъ.

26. Лѣта 7169 г. июня въ 12 день, по г. т. указу ок. Ивану Аонасевичу Гавреневу, да дьякомъ думному Семену Заборовскому да Василию Брехову, да Аонасѣю Зыкову. Г. т. указать послать въ полкъ къ б. и воев. ко князю Ивану Андреевичу Хованскому съ товарищи лекарей Ивана Никитина, да Ивана Антонова для лечбы государевыхъ ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей да съ ними посланы аптекарскія лѣкарства. И тѣ лекари Иванъ Никитинъ и Иванъ Антоновъ и аптекарскія лѣкарства посланы въ Разрядъ съ сею памятю. И по г. т. указу ок. Ивану Аонасевичу Гавреневу, да дьякомъ думному Семену Заборовскому, да Василию Брехову, да Аонасѣю Зыкову учинить о томъ по сему г. указу. Дьякъ Иванъ Десятовъ.

Отъ ц. т. б. нашему и в. князю Ивану Андреевичу Хованскому съ товарищи. По нашему в. г. указу посланы съ Москвы къ вамъ въ полкъ съ порутчикомъ съ Юрьемъ Костентиновымъ лекари Иванъ Микитинъ да Иванъ Антоновъ для лечбы государевыхъ ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей, да съ ними жѣ посланы аптекарскія лѣкарства. И какъ поручикъ Юрій Костентиновъ и лекари Иванъ Микитинъ да Иванъ Антоновъ къ вамъ въ полкъ прїѣдутъ, и аптекарскія лѣкарства привезутъ, и вы бѣ тѣмъ лекарямъ у себя въ полку велѣли быть для лечбы нашихъ государевыхъ ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей;

а котораго числа они къ вамъ въ полкъ прїѣдутъ, и вы бѣ писали о томъ къ намъ в. г. съ иными дѣлы. Писанъ на Москвѣ лѣта 7169 г. июня въ 17 день.

27. Отъ ц. т. б. н. и в. князю Борису Алѣксандровичу Репнину съ товарищи. По нашему указу велѣно лекарю Флору Дяклеру быть на нашей службѣ у васъ въ полкахъ, для лечбы нашихъ ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей, а нашего жалованья мѣсячного корму дано ему сентября по 1 число 171 г. по 5 руб. на мѣсяцъ. Да съ тѣмъ же лекаремъ послано къ вамъ аптекарскія лѣкарства, а что какихъ аптекарскихъ лѣкарствъ послано, и тому росписъ подъ сею нашею грамотою. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ лекарю Флору Дяклеру велѣли быть на нашей службѣ съ собою, а нашего жалованья мѣсячный кормъ велѣли ему давать сентября съ 1 числа 171 г. противъ нашего указу. А которые наши ратные люди на бояхъ будутъ ранены, и вы бѣ тѣхъ ратныхъ всякихъ чиновъ людей велѣли лечить лекарю Флору Дяклеру и лѣкарство давать съ запискою; а кто иманы наши ратные люди на бояхъ будутъ ранены и больны, и сколько какихъ лѣкарствъ въ расходъ выйдетъ, и вы бѣ тѣхъ людей имена и аптекарскія лекарства велѣли записывать въ книги, и тѣ книги за дьячею приписью, прислали къ в. г., какъ нашихъ ратныхъ людей съ нашей службы отпустить будетъ да о томъ къ намъ отписали, а отписку велѣли подать въ Аптекарскомъ Приказѣ б. в. Ильѣ Даниловичу Милославскому да дьяку нашему Ивану Десятову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7170 г. июля въ 22 день. Дьякъ Иванъ Десятовъ.

28. Г. п. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. х. т. Алешка Трубецкой съ товарищи челомъ бить. Августа г. въ 10 д. послали мы х. т. по Дмитровской дорогѣ къ подьячему къ Тимошею Антипину, который досматривалъ болѣзнь у старицы Каптелины подьячаго жѣ Микитку Ключарева и велѣли ему того подьяго Тимошею Антипина допросить издали: старица Каптелина, которая обѣчена въ лѣсу, нынѣ здорова-ли, и нѣтъ ли у ней какой болѣзни и язвы, и та что у ней объявилось въ паху... щю ли. И сегожѣ г. числа подьячій Микитка Ключаревъ подаль намъ х. т. сказку на письмѣ, что сказалъ ему издалика подьячій Тимошей Антипинъ, и ту г. сказку, переписавъ на новую бумагу, къ тебѣ в. г. т. послали мы х. т. съ сею отпискою вмѣстѣ.

Списокъ съ обысковъ, каковы подать дьякъ Иванъ Петрикѣвъ. Лѣта 7170 г. августа въ 9 день, по г. т. указу, и по приказу бояръ князя Алексѣя Никитича Трубецкаго съ товарищи велѣно дьяку Ивану Патрикѣву обыскать про старицу Каптелину, гдѣ она жила, около двора ея, сосѣдями и сторонними людьми въ правду по святой Христовѣ непорочной евангельской заповѣди: еже ей ей, на той старицѣ Каптелинѣ моревая язва была ль, или не бывала, и про то имъ окольнымъ людямъ и сосѣдямъ вѣдомо ль; да что протое старицу окольные люди и сосѣди во обыску скажутъ, и тѣ ихъ рѣчи велѣно написать на списокъ и за руками подать боярамъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищи. И 170 г. августа въ 9 день про старицу Каптелину около ея двора, гдѣ и она жила, сосѣдями ея обыскивано.

А во обыску Григорьева приказу Остафьева слоботчикъ Кузка Лаврентьевъ сказать по Христовѣ непорочной евангельской заповѣди: еже ей, ей, старица Каптелина жила въ ихъ приказѣ подлѣ его Кузькина двора съ племянникомъ своимъ тогожъ приказу съ стрѣльцомъ съ Карпункою Кондратьевымъ, а давно ей удѣлъ изъ богадѣльны Моисея Боговидна и племянникъ де ея посланъ на г. службу съ головою съ Григорьемъ Астафьевымъ въ Смоленскъ. А какъ де она Каптелина взята въ приказъ и дворъ ея стоитъ пустъ, а приказанъ де надзирать Андреева приказу Контева Стрѣлецкой Ивашковѣ женѣ Микулина Дашкѣ. А какъ та старица послѣ морового повѣтрія жила въ ихъ приказѣ, и она была все здорова, а моровой язвы на ней не видалъ и не слыхалъ, и больна она при немъ не бывала, и въ ихъ приказѣ послѣ морового повѣтрія моровой язвы ни на комъ де бывало и не слыхалъ. Тогожъ приказу слоботчики Ивашко Микитинъ, Стенька Силинъ, Федька Карѣвъ, Оська Мартыновъ, Ивашко Оedorовъ, стрѣлецъ Микифорко Нефедьевъ сказали жъ по Христовѣ непорочной евангельской заповѣди: еже ей, ей, старица Каптелина послѣ морового повѣтрія жила въ ихъ приказѣ и была все здорова, а моровой язвы на ней не видали и не слыхали, и ни на комъ въ ихъ приказѣ послѣ морового повѣтрія моровой язвы не бывало и не слыхали. Тогожъ приказу старицы Каптелины сосѣдки стрѣлцкія жены пятидесятниковъ Денискова жена Золотарева Остиньа, Кузькина жена Иванова Ульянка, стрѣльца Гришкина жена его Марыца, Васькина жена Игнатьева Устиньа сказали по Христовѣ непорочной евангель-

ской заповѣди: старица Каптелина жила въ ихъ приказѣ все здорово, а моровая язва на ней и ни на комъ послѣ морового повѣтрія не видали и не слыхали.

Андреева Приказу Контева стрѣльца Ивашкова жена Микулина Дашка Данилова сказала: старицу де Каптелину она знаетъ года съ 2, и какъ ту старицу взяли въ приказъ и она приказала ей надзирать свой дворикъ, а моровой де язвы на той старицѣ не видала и не слыхала. Таковы обыски посланы Мон. Приказу съ подъячимъ съ Савкою Емельяновымъ.

Г. т. х. т. Алешка Трубецкой съ товарищи челомъ бьютъ. Августа г. въ 9 день, по твоему в. г. т. указу посылали мы х. т. Стрѣлецкаго Приказу дьяка Ивана Патрикѣва въ Григорьевъ Приказъ Остафьева, и велѣли ему въ той слободѣ около двора, гдѣ жила старица Каптелина, обыскать сосѣдями ея и сторонними людьми въ правду по Святой Христовѣ непорочной Евангельской заповѣди, какъ та старица Каптелина жила у нихъ въ Стрѣлцкой слободѣ, и у ней послѣ морового повѣтрія моревая язва была ль, и отъ той язвы она больна бывала ль, или не бывала; и того жъ г. числа дьякъ Иванъ Патрикѣвъ подать намъ х. т. сыскъ на писемъ за руками обыскныхъ людей. И мы х. т. съ того сыску велѣли переписать дважды и тотъ списокъ къ тебѣ в. г. послали съ подъячимъ съ Савкою Емельяновымъ.

Лѣта 7170 г. августа въ 9 д., по г. т. Указу и по приказу б. князя Алексѣя Никитича Трубецкаго съ товарищи, велѣно дьяку Ивану Патрикѣву обыскать про старицу Каптелину, гдѣ она жила, около двора ея, сосѣдями и сторонними людьми въ правду по Святой Христовѣ непорочной Евангельской заповѣди: еже ей, ей, на той старицѣ Каптелинѣ моревая язва бывала ль или не бывала и про то имъ окольнымъ людямъ и сосѣдямъ вѣдомо ль; да что про тое старицу окольные люди и сосѣди въ обыску скажутъ, и тѣ ихъ рѣчи велѣно написать на списокъ и за руками подать боярамъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищи.

И 170 г. августа въ 9 день про старицу Каптелину около ея двора, гдѣ она жила сосѣдями ея обыскивано (слѣдуютъ вышеприведенныя обыскныя рѣчи. Н. Н.).

Къ симъ обыскнымъ рѣчамъ Григорьева Приказу Остафьева Спасскій попъ Стефанъ вмѣсто слободчиковъ Козьмы Лаврентьева съ товарищи и стрѣлцкихъ женъ по ихъ велѣнію руку приложилъ.

Списано на 6-е письмо.

170 г. августа въ 9 д., посыланъ Приказу заставныхъ дѣлъ подъячій Тимошей Антипинъ по Дмитровской дорогѣ доѣхать съсылной старицы съ женкою, которая съ нею послана. И Тимошей Антипинъ доѣхалъ за Землянымъ городомъ позади новыя Дмитровскія слободы. А по осмотру на правомъ плечѣ старое сабельное рубленье, да на головѣ на затылкѣ рублено жъ, да на правой рукѣ на запястьѣ рублено жъ, да у ней же въ правомъ паху выкинулось побольше орѣха, а знатно, что окинулось желѣза отъ сѣченья старой болѣзни, а не язва.

А старица сказала: прежде де сего было у ней въ моровое повѣтріе въ паху выкинулось съ брусь и изшло безъ провалу, а нынѣ де у ней окинулось отъ болѣзни сабельныхъ ранъ въ паху желѣза тому дни съ 3, а не такъ, какъ было въ моровое повѣтріе; а голова де у меня болитъ отъ сабельныхъ же ранъ, а не отъ того, что окинулось желѣза; а сѣченя де я въ Московское разоренье. Таково письмо переписано въ седьмой и послано къ в. г. съ стрячимъ съ Борисомъ Аргамаковымъ.

Г. т. х. т. Алевка Трубенкой съ товарищи челомъ быють. Сего г. числа августа въ 9 д. въ 7-мъ часу дни въ исходѣ, писали къ тебѣ в. г. т. мы х. т. Разряднаго Приказу съ подъячимъ съ Михалкомъ Шелковниковымъ, что нынѣшняго жъ числа въ 5-мъ часу дни сказывалъ намъ х. т. дякъ Александръ Дуровъ: сидѣли де въ Стрѣлецкомъ Приказѣ въ воровкѣ колодницы стрѣльчиха да безмѣстная старица и та стрѣльчиха на ту старницу извѣщала, что де у той старницы отрыгнула прежняя язва, которая у ней была напередъ сего въ моровое повѣтріе и отъ того де та старница заболѣла; да и старица г. въ допросѣ про себя сказала тѣ жъ рѣчи: да она жъ старица сказала, что послѣ мороваго повѣтрія та болѣзнь отрыгнула у ней въ третіе, и что мы х. т. ту старницу и стрѣльчиху изъ Стрѣлецкаго Приказа велѣли отвезти по Дмитровской дорогѣ версты съ 15 и больше и велѣли застѣчь въ лѣсу въ сторонѣ, и что послѣ того сказывалъ намъ х. т. дякъ Александръ Дуровъ, а ему де Александру сказывалъ Стрѣлецкаго Приказу деньщикъ: какъ де ту старницу за городъ повезли, и та де старица кричала, что повезли ее напрасно: она де здорова, никакой болѣзни на ней нѣтъ; и что мы х. т. за тою старницею въ дорогу послали подъячаго Тимошея Антипина, который язвенныя болѣзни напередъ сего досматривалъ, а велѣли ему

у той старницы язвы досмотрѣть и, досмотру своего сказку на письмѣ переписать, не единожды, прислать къ себѣ. И сего жъ г. числа въ 12-мъ часу дни подъячій Тимошей Антипинъ прислалъ къ намъ х. т. досмотръ свой на письмѣ переписанъ 6-ю; и тотъ г. досмотръ мы х. т. списавъ на 7-й списокъ послали къ тебѣ в. г. т. съ сего отинскою вѣстѣ съ стрячимъ съ Борисомъ Аргамаковымъ; а велѣли ему пріѣхавъ въ Кожухово, не переѣзжая моста, стать и тебѣ в. г. вѣстно учинить; а подъячему г. Тимошею Антипину велѣли мы х. т. быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ застѣчены въ лѣсу старица и стрѣльчиха, до твоего в. г. указу.

Г. т. х. т. Алевка Трубенкой съ товарищи челомъ быють. Августа г. въ 9 день въ 5-мъ часу дни, приходъ къ намъ х. т. дякъ Александръ Дуровъ сказывалъ: того жъ де г. часу шель отъ Александръ съ верху, и какъ де будетъ противъ перкви собору Архистратига Михаила и его де встрѣтить Стрѣлецкаго Приказу подъячій Иванъ Бахрамѣевъ, и сказывалъ ему: сидятъ де въ Стрѣлецкомъ Приказѣ колодницы безмѣстная старица да стрѣльчиха, а какъ ихъ дозвучъ, того онъ не упомянуть въ дѣлѣ, что та стрѣльчиха на тое старницу извѣщала въ воровку; и нынѣшняго же г. числа сказывала г. тому подъячему Ивану та стрѣльчиха на ту старницу, что у той старницы напередъ сего въ моровое повѣтріе была язва, а нынѣ де у ней та язва отрыгнулась. И мы х. т. приказали дяку Александру Дурову, велѣли ему послать той стрѣльчихи и старницы допросить подъячаго не доходя Приказу, у въ окошко издалека, у той старницы язва есть ли, будетъ есть и сколь давно отрыгнула, и впервые ль послѣ того мороваго повѣтрія та прежняя язва отрыгнула. И того жъ часу дякъ Александръ Дуровъ принесъ къ намъ х. т. жонки стрѣльчихи извѣтъ, а старицы допросъ на письмѣ, а переписано г. то письмо 4 жъ. А въ извѣтѣ г. стрѣльчихи написано: августа въ 9 день стрѣльчиха женка Матренка Маркова извѣщала, что старица де Кантелина, которая взята въ Стрѣлецкій Приказъ по ея извѣсту въ воровкѣ, сидючи въ приказѣ занемогла сего числа, а сказывала де она Кантелина ей, что въ моровое повѣтріе была на ней смертоносная язва, и знатно де нынѣ она занемогла отъ того жъ, и она де Матренка язвы у ней осматривала, а по осмотру де у ней Кантелины въ правомъ паху вспухло съ яблоко богрово, и около того мѣста красно. А старица Кантелина въ допросѣ сказала, что у ней въ моровое повѣтріе смертоносная

язва въ томъ мѣстѣ была и сего жъ числа знатно отрыгнулась отъ того жъ; а послѣ де морового повѣтрія отрыгнулась та болѣзнь нынѣ въ третіе. И мы х. т. ту старицу и женку стрѣльчиху, которая на нее извѣщала, велѣли отвезть по Дмитровской дорогѣ верстѣ съ 15 и больше тотчасъ и велѣли г. ихъ въ большемъ лѣсу отъ большія дороги въ сторонѣ обѣщъ накрѣпко, и поставить караулъ стрѣльцовъ десятичника, а съ нимъ 5 чел. стрѣльцовъ, и тѣмъ стрѣльцамъ приказали смотрѣть и беречь накрѣпко подъ смертною казнью, чтобъ они обѣщши ту старицу и женку, были безотступно и по деревнямъ ни куда ни для чего не ходили, и смотрѣли и берегли того накрѣпко, чтобъ къ нимъ никаковъ чел. ни откуда не пріѣхалъ и не пришелъ ни которыми обычаи. А которыхъ г. подьячихъ, и колодниковъ, и всякихъ чиновъ людей въ Стрѣлецкомъ Приказѣ тотъ извѣтъ засталъ, и мы х. т. тѣхъ всѣхъ людей изъ Приказу выпускать и къ нимъ никого припускать до ночи не велѣли; а ночью велѣли ихъ изъ Приказу вывести и поставить за городомъ на пустыхъ дворахъ и караульщикамъ у тѣхъ дворовъ быть велѣли до твоего г. указу. А сего жъ г. числа въ 7-мъ часу дни въ исходѣ пришелъ къ намъ х. т. дякъ Александръ Дуровъ и сказалъ словесно: сказывалъ де ему Александру Стрѣлецкаго Приказу девицкиъ Илюшка Дехидовъ: какъ де ту старицу изъ Приказу, посади въ телегу, за городъ повезли, и та де старица кричала, что повезли ее напрасно, она де здорова, ни какой болѣзни на ней нѣтъ. И мы х. т. за тою старицею послали подьячаго Тимофея Онтипина, который напередъ сего такія язвенныя болѣзни досматривалъ, а велѣли ему у той старицы язву досмотрѣть и досмотру своего сказку на письмѣ переписать не одинойжды прислать. А что г. тотъ подьячій про ту болѣзнь въ сказкѣ своей напишетъ, и о томъ къ тебѣ в. г. мы х. т. писать учнемъ того жъ часу. Такова отписка послана къ в. г. въ село Коломенское, Разряднаго Приказу съ подьячимъ съ Михайломъ Шелковниковымъ того жъ числа августа въ 9 день въ 7-мъ часу дни въ исходѣ.

29. Списокъ съ памяти слово въ слово лѣта 7172 г. февраля въ 28 д., по г. т. указу память Григорью Орефьевичу Неронову да дяку Ивану Андреянову. Дати имъ в. г. денежнаго жалованья корму на нынѣшній на февраль мѣсяцъ полковымъ лекарямъ Ивану Албанусу 5 руб., Ивану Микитину, Ивану Антонову, Степану Алексѣеву, Василью Падуреву, Степану Ошурку, Ивану

Костылеву, костоправу Ивану Овдокимову по 2 рубли человѣку, и тое дачу записать у себя въ книги особою стагьею. У подлинной памяти приписъ дяка Аонася Зыкова, а писать память Елизаръ Оедоровъ.

30. Г. т. бѣтъ челомъ б. т. Аптекарскаго Приказу лекарь Ортиюшка Назаровъ. Въ прошломъ г. во 162 г., выѣхалъ къ тебѣ в. г. и былъ у б. у князя Алексѣя Никитича Трубецкаго съ товарищи въ полкахъ лечить твоихъ государевыхъ ратныхъ людей и больныхъ всякихъ многихъ своимъ лекарствомъ, и присланъ былъ къ тебѣ в. г. на станъ подъ Смоленскъ; и изъ Смоленска указалъ ты в. г. отпустить меня по отца своего, и по мать, и по братью. И взявъ г. отца своего, и мать и братью, и племянниковъ, покничъ домнико свой со всякимъ житьемъ, вышелъ служить тебѣ в. г., и взять въ Аптекарскій Приказъ 4-й годъ, и твое г. жалованье кормъ мнѣ указанъ небольшой съ женишкою, и съ дѣтишками, и съ людишками пропитаться нечѣмъ; а отецъ г. мой Назарій Семеновъ съ матерью моею, и съ племянники съ Васьюкою, да съ Андрюшкою, съ Ивашкомъ Тихоновымъ, да съ Гришкою да съ Тимошкой Игнатьевыми, какъ ихъ вывезъ изъ Кососу, твоего г. жалованья денежнаго корму имъ нѣтъ. Живутъ на Москвѣ у меня, скитаются межъ дворы; а нашей братьѣ иноземцамъ всѣмъ твоя в. г. милость жалованье и кормъ имъ даютъ, а отцу моему и матери, и племянникамъ мнѣ корму нѣтъ. Милосердый г. т. пожалуй меня х. с., вели г., свое г. жалованье отцу моему и матери и племянникамъ бѣднымъ кормъ давать, какъ инымъ иноземцамъ даютъ изъ Приказу Большаго Прихода, чтобъ имъ, будучи безъ корму, въ нынѣшнюю дороговъ голодною смертію не умереть. Ц. г. смилуйся пожалуй (Об.) Г. пожаловалъ, велѣлъ давать отцу его и матери кормъ по гривнѣ на день, а племянникамъ, пока мѣста въ службу поспѣютъ, по 6 денетъ на день изъ Приказу Большаго Приходу ок. Родіону Матвѣвичу Стрѣшневу 170 г. марта въ 14 д. учинить по сему г. указу и послать память и записать въ Разрядѣ въ книгу. Лѣта 4170 г. марта въ 16 д. по г. т. указу ок. Родіону Матвѣвичу Стрѣшневу да дякомъ Григорью Порошину да Льву Ермолаеву. Въ нынѣшнемъ во 170 г. марта въ 14 д. в. г. т. пожаловалъ Аптекарскаго Приказу лекаря Артемья Назарьева, велѣлъ отцу его да матери его Марѣ учинить своего в. г. жалованье денежнаго корму по гривнѣ да племянникамъ Василью

Андрюшкѣ, Ивану Тихонову, Гришкѣ, Тимонкѣ Игнатьевымъ по алтыну чел. на день и тѣ кормовыя деньги давать имъ изъ Большого Приходу марта съ 1 числа нынѣшняго 170 г. сент. по 1 ч. 171 г. помѣсячно; и по г. т. указу ок. Родіону Матвѣвичу Стрѣшневу и дьякомъ Григорью и Льву о государевѣ жалованѣ Артемьеву отцу Назарью и матери Марѣ и племянникомъ о кормовыхъ деньгахъ учинить по указу в. г.

31 Лѣта 7177 г. марта въ 19 д., по г. т. указу ок. Ивану Михайловичу Милославскому да дьяку Ивану Десятово. Въ прошломъ во 176 г. мая въ 29 ч. по указу великаго государя взять въ Разрядъ изъ Аптекарскаго Приказа сундукъ съ лекарствами, а изъ Разряда тотъ сундукъ съ лекарствами послать въ полкъ къ б. и в. ко князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи для лекарствъ. И въ нынѣшнемъ во 177 г. марта въ 2 ч. по росписи дьяка изъ того сундука съ лекарствами въ полку въ расходѣ небольшое, а сколько въ расходѣ тѣхъ лекарствъ и нынѣ въ остаткѣ на лицо, и тѣ де книги у лекаря у Артемья Назарьева И в. г. т. указать тотъ сундукъ съ лекарствами изъ Разряда отослать въ Аптекарскій Приказъ по прежнему Помѣстнаго приказу съ подьячимъ съ Миниформомъ Протопоповымъ да съ лекаремъ съ Артемьемъ Назарьемъ. За приписью дьяка Оседора Грибоѣдова.

Лѣта 7177 г. іюля въ 23 д., по г. т. указу ок. Ивану Михайловичу Милославскому да дьяку Ивану Десятово. В. г. т. указать послать съ Москвы съ полкомъ къ б. и в. ко князю Григорью Григорьевичу Розодановскому съ товарищи для леченія ратныхъ раненыхъ людей лекаря съ лекарствомъ изъ Аптекарскаго Приказа примѣрять къ прежнимъ отпускамъ. И по г. т. указу ок. Ивану Михайловичу Милославскому и дьяку Ивану учинить о томъ по указу в. г.

32. Отъ ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. б. нашихъ князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи. Писали вы къ намъ в. г. про смерть дьяка Дмитріева человека Шипулина. И какъ къ намъ ея наша в. г. грамота придетъ, и намъ бы вѣдѣть поддохтуру Степану Медицинѣ того умершаго чел. дьяка Дмитрія Шипулина осмотрѣть, какая на немъ язва или перечось, и тотъ досмотръ прислать къ намъ в. г. въ нашъ станъ въ село Преображенское. Писанъ на нашемъ стану въ селѣ Преображенскомъ лѣта 7179 г. іюля въ 14 день.

179 г. іюля въ 14 д. за полчаса до вечера Поддохтуръ Степана Медицина сысканъ и въ столовой боярамъ князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи сказалъ, что онъ Степанъ всякія язвы, кромѣ моровыхъ, знаетъ, а моровыхъ де язвъ, отъ чего люди умираютъ, онъ не знаетъ и никогда такихъ язвъ самъ не видалъ, и отъ искусныхъ тому дѣлу ни отъ кого не учивался и не слыхалъ. А будетъ де ему того умершаго чел., который умеръ на дворѣ дьяка Дмитрія Шипулина, осматривать, и чтобъ того чел. осмотрѣть поутру рано для того, что онъ къ такому дѣлу изготovitъ себѣ къ утру лѣкарствъ, да и для де того, что по утру къ человеку, болѣзни не такъ принадлежитъ, какъ на вечеръ, и съ свѣчею де той болѣзни онъ познати не можетъ. А іюля въ 15 д. въ другомъ часу дни Степанъ же Медицина сказалъ, что ему для осмотра того умершаго чел. ѣхать не для чего, потому что онъ моровыхъ язвъ не знаетъ; и будетъ того умершаго чел. осматривать, вѣдѣти бы послать съ нимъ дохтура Лаврентія Блюментроста для того, что онъ чел. бывавшій во многихъ государствахъ и такіе скорби, часть де онъ, ему Лаврентью въ обычай.

Г. т. х. т. Гришка Куракинъ съ товарищи челомъ блютъ. Іюля г. въ 14 ч. въ 15-мъ часу дни въ твоей в. г. т. грамотѣ писано къ намъ х. г., а вѣдѣно умершаго Дмитріева чел. Шипулина поддохтуру Степану Медицину досмотрѣть, какая на немъ язва, или перечось, и тотъ досмотръ прислать къ тебѣ в. г. И по твоему в. г. указу мы х. т. поддохтура Степана Медицину велѣли сыскать, а сыскавъ твой в. г. указъ ему Степану сказали и для досмотру того умершаго чел. его Степана послали; и онъ Степанъ намъ х. т. сказалъ, что онъ всякія язвы кромѣ моровыхъ, знаетъ, а моровыхъ де язвъ, отъ чего люди умираютъ, онъ не знаетъ и никогда такихъ язвъ самъ не видалъ и отъ искусныхъ тому не учивался и не слыхалъ; а будетъ де ему того умершаго чел. осматривать, и чтобъ его осмотрѣть по утру рано для того, что онъ къ тому дѣлу изготovitъ себѣ къ утру лѣкарства, да и де того, что по утру къ чел. болѣзни не такъ принадлежитъ, какъ на вечеръ; а съ свѣчею де онъ той болѣзни познать не можетъ. Да іюля г. въ 15 д. онъ же Степанъ намъ х. т. сказалъ, что ему для осмотра того умершаго одному ѣхать не для чего для того, что онъ моровыхъ язвъ не знаетъ, а послати бы съ нимъ дохтура Лаврентія Блюментроста для того, что онъ чел.

бывалый во многих государствахъ, и часть онъ, что такія скорби ему Лаврентью въ обычай. И мы х. т. съ нимъ Степавомъ дохтура Лаврентья Блюментроста безъ твоего в. г. указу послать не смѣемъ. И о томъ вели г., намъ х. с. свой в. г. указъ учинить.

Отъ ц. т. б. и князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи. Юля въ 15 ч. писали вы къ намъ в. г., что по нашему в. г. указу послали вы для досмотру дяка Дмитріева умершаго чел. Шипулина, поддохтура Степана Медицину и онъ вамъ сказалъ, что де онъ моровыхъ язвъ не знаетъ, и никогда такихъ язвъ не видалъ, и тому дѣлу не учивался. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, и вы бы для досмотру того умершаго чел. велѣли послать дохтура Лаврентья Блюментроста, а поддохтура Степана Медицину для того досмотру посылать не велѣли. Писанъ въ нашемъ селѣ Преображенскомъ дѣла 7179 г. юля въ 15 день.

Г. т. х. Гришка Куракинъ съ товарищи челомъ бьютъ. Юля г. въ 15 д. въ 12 часу дни, въ твоей в. г. т. грамотѣ писано къ намъ х. т., велѣно умершаго дяка Дмитріева чел. Шипулина для досмотру послать дохтура Лаврентья Блюментроста на дворъ къ дяку къ Дмитрію Шипулину. И по твоему в. г. указу мы х. т. дохтура Лаврентья Блюментроста на дворѣ къ дяку Дмитрію Шипулину посылали и велѣли ему того умершаго чел. осмотрѣть, какая на немъ язва или перечось; да съ нимъ же Лаврентьемъ для записки посылали подьячаго и велѣли ему подьячему до тѣхъ мѣстъ, какъ дохтуръ того умершаго осмотритъ, быть на улицѣ по отдалъ того двора Дмитріева Шипулина, И того жъ г., числа въ отдачу денныхъ часовъ дохтуръ Лаврентій Блюментростъ прислалъ къ намъ х. т. тому умершему досмотръ свой на писмѣ. И мы х. т. съ того его дохтурова досмотру списавъ списокъ слово въ слово послали къ тебѣ в. г. т. подъ сею отпискою разряднаго Прикау съ подьячимъ съ Ильею Казанцомъ, а дохтуру Лаврентью Блюментросту и подьячему, который съ нимъ посланъ для записки, велѣли побить въ домахъ ихъ твоего в. г. указу.

179 г. юля въ 15 д., по указу в. г. т. дохтуръ Лаврентій Олферьевъ ѣздилъ на дворъ къ дяку къ Дмитрію Шипулину, а сказалъ: на дворѣ де Дмитрія Шипулина чел. его мертвого осматривать онъ самъ по всему тѣлу и въ пахахъ, и по его осмо-

тру у того мертвого чел. на правой рукѣ въ запястьѣ язва знать съ пол ефимка; а по его дохторовѣ наукѣ была у того мертвого чел. огневая пугреная тайная болѣзнь и проходъ у него быть запертъ, а иной никакой язвы на томъ мертвомъ чел. нѣтъ; а знаку де такого нѣтъ, чтобъ та язва на немъ смертоносная.

А Дмитрій Шипулинъ и люди его все мужскаго полу и женскаго про того мертвого чел. сказали: лежалъ де онъ болень животною болѣзнью съ недѣлю, умер исповѣдався и причастясь; а въ дому де у Дмитрія Шипулина иныхъ больныхъ людей, опричь того мертвого чел., мужскаго полу, и женскаго, и малыхъ ребятъ никого нѣтъ. А сказка объ осмотрѣ дохтура Лаврентья Олферьева за его рукою Г. т. х. т. Гришка Куракинъ съ товарищи челомъ бьютъ. Юля г. въ 14 д. въ 7-мъ часу дни, приходилъ къ намъ х. т. Чудова монастыря архимаритъ Іакимъ и сказывалъ: нынѣшняго де г., числа, билъ челомъ в. г. с. Іоасафу патриарху Московскому всея Русіи Разбойнаго Приказу дякъ Дмитрій Шипулинъ: лежалъ у него дворовый его чел. болень съ недѣлю и юля въ 14 д. тотъ его чел. умеръ; а какъ того умершаго стали обмывать и на рукѣ у того чел. увидѣли выше запястья знакъ съ золотой красно и багрово; и онъ де того чел. безъ осмотру похоронить не смѣетъ. И патриархъ де на дворъ къ Дмитрію Шипулину посылалъ того умершаго чел. осматривать старосту поповскаго и розыскивать про него отцомъ его духовнымъ и сторонними людьми. И староста де поповскій пришѣлъ къ патриарху сказать, что онъ того умершаго чел. осматривалъ и по осмотру де его тотъ чел. весь бѣлъ какъ обычай прочимъ умершимъ, а на рукѣ по выше запястья съ золотой красно и багрово; а отецъ де духовный того умершаго сказалъ: какъ де онъ того человека исповѣдывалъ и причащалъ, и онъ де ему про тотъ знакъ сказывалъ, что у него то учинилось отъ перечоса. И патриархъ того умершаго безъ твоего в. г. указу у перкви похоронить не велѣлъ. И мы х. т. ко двору дяка Дмитрія Шипулина послали сотника Московскихъ стрѣльцовъ, да пятидесят., да рядовыхъ стрѣльцовъ 20 чел. и велѣли имъ стоять около того двора и его Дмитрія и людей его никого съ двора никуда, и къ нему на дворъ никого пускать не велѣли; а о старостѣ поповскомъ, который того умершаго осматривалъ, и объ отцѣ его духовномъ приказывали мы х. д. къ патриарху съ тѣмъ же Чудова монастыря архимаритомъ Іакимомъ, чтобъ онъ

тому старостѣ поповскому и умершаго отцу духовному да твоего в. г. указу велѣлъ быть на дворѣ у дьяка Дмитрія жъ Шипулина. И о томъ вели г. намъ х. с. свой в. г. указъ учинить.

33. Г. ц. и в. к. Ѳ. А. х. т. Гришка Ромодановскій съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ г. во 189 г., прислана твоя в. г. т. грамота къ намъ х. т. изъ Разряда за приписью дьяка Ларіона Пашина, а въ твоей в. г. грамотѣ писано: по твоему в. г. указу посланы комѣ х. т. въ полкъ лекари иноземцы Юхомъ Эгендорфъ, Осипъ Островскій, да ученики Иванъ Остодоповъ, Петрушка Косъ, а лекарствомъ указалъ ты в. г. быть тѣмъ, которыя поставлены въ Рильску въ прошломъ во 188 г. за моею х. т. печатью на 200 руб., да съ ними лекарями съ Юхомъ Эгендорфомъ, и съ Осипомъ Островскимъ сверхъ тѣхъ лекарствъ нынѣ съ Москвы послано лекарствъ на 40 на 7 руб. на 2 гривны. И тѣ г. лекари Юхомъ Эгендорфъ, да Осипъ Островскій съ ученикомъ и съ лекарствами въ Переславль Рязанскій комѣ х. т. въ полкъ прѣѣхали февраля въ 21 ч. нынѣшняго 189 г., а ученикъ же Петрушка Косъ въ Переславль не объявился, а лекарь Осипъ Островскій сказать, что онъ Петрушка остался на Москвѣ, а съ ними не поѣхалъ. (О.) 189 г. марта въ 1 день.

Лѣта 7189 г. генваря въ 24 д., по г. т. указу б. князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. Въ Аптекарскій Приказъ къ боярамъ ко князю Никитѣ Ивановичу да ко князю Василию Оедоровичу Одоевскимъ да къ дьяку къ Андрею Виниюсу въ указахъ в. г. за приписью дьяка Ларіона Пашина написано: в. г. указалъ рязанскаго разряда въ полкъ къ б. и в. ко князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи послать дохтуру, и аптекаря, и лекарей съ лекарствами, и для той посылки прислать ихъ въ Разрядъ къ тебѣ б. ко князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. И потому его в. г. указу рязанскаго разряда въ полкъ къ б. и в. ко князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому наряжены лекари иноземцы Юхомъ Эгендорфъ, Осипъ Островскій, да ученики Иванъ Остодоповъ, Петрушка Косъ, а лекарствомъ указалъ в. г. быть тѣмъ, которыя поставлены въ Рильску въ прошломъ во 188 г. за печатью б. и в. князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго на 200 руб. да съ лекарями жъ съ Юхомъ Эгендорфомъ, да съ Осипомъ Островскимъ указалъ в. г. послать сверхъ тѣхъ лекарствъ по цѣнѣ на 40 на 7 руб. на 2 гривны, которыя посланы были въ прош-

ломъ во 188 г. съ лекарями съ Вольдемаромъ Крестьянусомъ да съ Родольфомъ Оттерсономъ. И изъ Аптекарскаго Приказа лекари Юхомъ Эгендорфъ, Осипъ Островскій, съ ученики и съ лекарствами въ Разрядъ къ тебѣ б. ко князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи посланы съ симъ в. г. указомъ. Дьякъ Андрей Виниюсъ

Отъ ц. т. въ Переславль Рязанскій б. н. и в. князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи. По нашему в. г. указу посланы къ тебѣ б. и в. въ полкъ лекари иноземцы Юхомъ Эгендорфъ, Осипъ Островскій, да ученики Иванъ Остодоповъ, Петрушка Косъ, а лекарствомъ указали мы в. г. быть тѣмъ, которыя поставлены въ Рильску въ прошломъ во 188 г. за твоею б. и в. печатью, да съ лекарями жъ съ Юхомъ Эгендорфомъ, и съ Осипомъ Островскимъ сверхъ тѣхъ лекарствъ послано лекарствъ по цѣнѣ на 40 на 7 руб. на 2 гривны, которыя посланы были въ прошломъ во 188 г. съ лекарями съ Вольдемаромъ Крестьянусомъ, да съ Родольфомъ Оттерсономъ. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, а лекари Юхомъ Эгендорфъ, да Осипъ Островскій съ ученики въ полкъ къ вамъ б. и в. прѣѣдутъ, и ты бѣ б. и в. князь Григорій Григорьевичъ съ товарищи лекарямъ и ученикамъ съ лекарствами велѣли быть у себя въ полку, а о лекарствахъ жъ, которыя нынѣ въ Рильску, учинили по нашему в. г. указу, какъ о томъ писано въ сей нашей г. грамотѣ, а нашъ в. г. указъ въ Рильскъ къ в. о тѣхъ лекарствахъ посланъ, а въ которомъ числѣ тѣ лекари въ полкъ къ вамъ прѣѣдутъ, о томъ къ намъ в. г. писали, а отписку велѣли подать въ Разрядъ б. и князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 7189 г. генваря въ 29 д. Такова в. г. грамота отдана лекарю Осипу Островскому февраля въ 1 д., а отдать, разрядный сынъ боярский Афанасій Жеребцовъ.

34. Лѣта 7189 г. февраля въ 16 д., по г. ц. и в. к. Ѳ. А. б. к. Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. В. г. т. указалъ послать на Рязань для леченья б. князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго дохтуру Лаврентія Блюментростъ да лекаря Осипа Островскаго съ лекарствами; а для той посылки указалъ в. г. дать тому дохтуру и лекарю да толмачу подводу съ заводными съ санями и съ проводниками. И дохтуру Лаврентію и лекаря съ лекарствами изъ Аптекарскаго Приказа въ Разрядъ къ тебѣ б. ко

князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи посланы съ симъ в. г. указомъ. И по г. т. указу б. князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи учинить о томъ по сему в. г. указу. Дякъ Андрей Винюсъ. (о:) учинить по сему в. г. указу.

Отъ ц. т. въ Переславль Рязанскій б. н. и в. князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи. По нашему в. г. указу посланы съ Москвы къ тебѣ б. н. и в. для леченія дохтуръ Лаврентій Блюментростъ да лекарь Осипъ Островскій съ лекарствами. И какъ къ тебѣ ся наша в. г. грамота придетъ, и тыбѣ б. н. и в. князь Григорій Григорьевичъ о томъ нашъ в. г. указъ вѣдать. Писанъ на Москвѣ лѣта 7189 г. февраля въ 17 день.

35. 184 г. октября въ 15 д., по указу в. г. т. на дворѣ столыника Дмитрія Иванова сына Лихарева дочь его Пелагея да дворовые его люди осматриваны.

А по осмотру на дочери его Пелагѣѣ высыпаетъ восна. Да дѣвки Палашка Иванова дочь, да Маринка Андреева дочь, Анютка Иванова дочь лежать больны восною; и сказывалъ: какъ де они лежать, тому нынѣ Палашкѣ недѣли съ 2, а Маринкѣ и Анюткѣ съ недѣлю.

Да Дмитрій же Лихаревъ сказалъ: что у него въ нынѣшнемъ во 184 г. октября въ 12 да въ 15 числахъ на дворѣ его, гдѣ онъ живетъ, умерли 2 дѣвки Паташка Андреева дочь да Дарыца Микитина дочь. И 184 г. сентября въ 15 д., по указу в. г. т. у стряпчего у Петра Шестнева на дворѣ по его челобитью сынъ его Александръ осматриванъ. А по осмотру разр. Приказа подъячего Ивана Максимова онъ Александръ лежитъ боленъ лихорадкою; а у осмотру отецъ его Петръ Шестневъ сказалъ, что тою болѣзнию сынъ его Александръ боленъ тому нынѣ другая недѣля; а самъ онъ Александръ про то не допрашиванъ, потому что въ малыхъ лѣтахъ.

Г. т. бьетъ челомъ Петрушка Шестневъ. По твоему в. г. указу ѣзжу я х. т. за тобою в. г. въ походахъ, а нынѣ у меня сынишка мой Алешка лежитъ боленъ и для его болѣзни ѣздить въ походъ за тобою в. г. я х. т. не смѣю. Милосердый г. т. пожалуй меня х. с. вели г., сынишка моего болѣзнь осмотрибъ. Ц. г. смилуйся. (о:) 84 г. сентября въ 15 д., по указу в. г. осмотрибъ подъячему Ивану Максиму и записка тому учинить.

Г. т. бьетъ челомъ х. т. Оедька Григорьевъ сынъ Плещеевъ. Въ нынѣшнемъ г. во 184 г. написанъ я х. т. за г. ц. и в. к.

Н. К. въ Троицкій походъ, и мнѣ х. т. въ походѣ быть нельзя для того, что людишки у меня х. т. лежать больны. Милосердый г. т. пожалуй меня х. с. вели г., тѣхъ моихъ больныхъ людишекъ досмотрибъ, и досмотря записать, чтобъ мнѣ х. т. отъ тебя в. г. въ пени и въ опалѣ не быть. Ц. г. смилуйся пожалуй къ сей челобитной вмѣсто отца своего Оедора Григорьевича сынъ его Михайло Плещеевъ руку приложилъ. (о:) 184 г. сентября въ 15 день осмотрибъ тѣхъ больныхъ и записать подъячему Борису Корѣлкину.

И по указу в. г. т. по челобитью Оедора Григорьева сына Плещеева, на дворѣ люди его осматриваны. А по осмотру подъячего Бориса Корѣлкина у Оедора Плещеева люди его Клинка Юрьевъ да сынъ его Ивашко лежать больны и въ лицѣ блѣдны. А у осмотру сказали, что они больны лихорадкою недѣли съ 4.

36. Г. ц. и. в. к. О. А. в. в. и. м. и. б. Р. С. бьетъ челомъ х. т. Ивашко князь Андреевъ сынъ Мещерскій. Въ прошломъ г., во 188 г. съ октября мѣсяца волею Божьею племянникъ мой родной князь Семень князь Михайловъ сынъ Мещерскій ума своего рушился и по се число бѣснуется; и въ прошломъ же г. во 188 г. я Ивашко билъ челомъ тебѣ в. г. и подавалъ челобитную въ Разрядѣ, чтобъ его князь Семена по его скорби и въ бѣснованѣ досмотрибъ; и какъ г. больныхъ и старыхъ и увѣчныхъ дворянъ досматривали, и въ то время на осмотровой тетради помѣчено. вѣдно про его князь Семеново бѣснованье и скорбь розыскать; и за тою болѣзнию и за бѣснованьемъ онъ князь Семень въ прошломъ году на твоей в. г. службѣ не былъ. И въ нынѣшнемъ г. во 189 г. въ сентябрѣ мѣсяцъ я Ивашко билъ челомъ в. г. с. Иоакиму патриарху Московскому и всеа Росіи и подавалъ челобитную, чтобъ про его князь Семеново бѣснованье и про скорбь отцовъ его духовныхъ допросить и по допросу его князь Семена по правиламъ святыхъ подѣ начать послать въ монастырь. И въ Святительскомъ Разрядѣ противъ моего челобитья про его князь Семенову скорбь и бѣснованье отцы его духовные допрашиваны и къ допросу руки свои приложили, что онъ князь Семень бѣснуется. А нынѣ онъ князь Семень и по се число подѣ начать не посланъ; и послѣ г. того допроса онъ князь Семень въ бѣснованіи своемъ Божіе милосердные складни въ печь кинулъ и ежечъ и крестъ съ себя снимаетъ и въ печь мечетъ, и людей бьетъ, и зубомъ кусаетъ и шное многое скаредное и гнушно дѣ-

дасть; и живеть онъ князь Семенъ своимъ дохождъ, а не со мною вмѣстѣ и нынѣ въ подмосковной своей деревнѣ. Милосердый г. т. пожалуй меня, х. с. вели г., его князь Семена въ той его скорби и въ бѣснованѣхъ и про то допросить отцовъ его духовныхъ и противъ сего моего челобитья по правиламъ святыхъ послать подѣ начать въ монастырь, куда ты в. г. укажешь, чтобъ ему въ такой его скорби и въ бѣснованѣхъ внезапною напрасно не умереть и отъ святыхъ соборныхъ церкви не отлучиться. Ц. г. смилуйся. (о:) 189 г. ноября въ 6 д. г. пожаловать велѣть его послать подѣ начать въ Боровскъ въ Пафнутьевъ монастырь и о томъ изъ Разряда съ Патріаршимъ Приказомъ сослаться на памятьми. учинить о томъ по указу думному дьяку Василью Семенову съ товарищи. Учинить по сему в. г. указу. Къ сей челобитной Еуфимко Мещерскій вмѣсто дяди своего князь Ивана князь Андреева сына Мещерскаго, по его велѣнію руку приложить. Лѣта 7189 г. ноября—въ д., по г. т. указу думному дворянину и патріаршу боярину Тимошею Петровичу Савелову да духовныхъ дѣлъ приказному старцу Іоасафу Конышеву, да дьякомъ Ивану Калинину да Анисиму Озерову. В. г. т. билъ челомъ князь Иванъ князь Андреевъ сынъ Мещерскій: въ прошломъ де во 188 г. племянникъ его родной князь Семенъ князь Михайловъ сынъ Мещерскій бываесть въ изступленіи ума и въ томъ де бѣснованіи онъ князь Семенъ Божіе милосердіе складки въ печь кинулъ и сжегъ, и крестъ съ себя снимаетъ и въ печь мечетъ, и людей бьетъ, и зубомъ кусаетъ, и иное многое безчиніе чинить, и в. г. пожаловать бы его князя Ивана велѣть его князь Семена послать подѣ начать. И в. г. т. указалъ князя Семена Мещерскаго послать въ Патріаршъ Разрядъ, а изъ Патріарша Разряда послать подѣ начать въ Боровскъ въ Пафнутьевъ монастырь; а нынѣ онъ въ подмосковной своей деревнѣ. И пог. т. указу думному дворянину и Патріаршу боярину Тимошею Петровичу Савелову и духовныхъ дѣлъ приказному старцу Іоасафу Конышеву и дьякомъ Ивану и Анисиму долежа в. г. с. Іоакима патріарха Московскаго и всеа Росіи учинить о томъ по указу в. г. Такова за приписью дьяка Ларіона Пашина.

37. Лѣта 7193 г. мая въ 29 д., по указу в. г. ц. и в. к. І. А. П. А. думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи. Въ указѣ в. г. изъ Разряда въ Аптекарскій Приказъ къ б. ко князю Никитѣ Ивановичу да къ боярину жъ и дворецкому

ко князю Василью Оедоровичу Одоевскимъ да къ дьяку къ Андрею Виніюсу за приписью дьяка Любима Домнина написано: велѣно послать для службы в. г. въ полкъ ст. и в. князя Миханла князь Оедорова сына Шейдякова съ товарищи въ Козловъ лекаря съ ученики и съ лекарства и костоправовъ, а кто имены лекарь съ ученики и съ костоправы, и что какихъ лекарствъ послано будетъ о томъ для вѣдома отписать въ Разрядъ. И по тому ихъ в. г. указу изъ Аптекарскаго Приказа на службу в. г. въ Козловъ наряжены лекарь Кузьма Семеновъ да ученикъ Пашка Васильевъ, да лекарства съ ними послано по цѣнѣ на 30 рубл., а государево жалованья поденнаго корму и на подъемъ дано имъ по сентябрь 194 г. И тотъ выписанный лекарь съ ученикомъ и съ лекарства изъ Аптекарскаго Приказа въ Разрядъ къ тебѣ думному дьяку къ Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи посланы съ симъ в. г. указомъ. Дьякъ Андрей Виніюсъ.

Лѣта 7193 г. мая въ 29 д., по указу в. г. т. думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи. Въ указѣ в. г. изъ Разряда въ Аптекарскій Приказъ къ бояр. ко князю Никитѣ Ивановичу да къ боярину жъ и дворецкому ко князю Василью Оедоровичу Одоевскимъ да къ дьяку къ Андрею Виніюсу за приписью дьяка Ивана Ляпунова написано: велѣно послать для службы в. г. въ Царевъ Борисовъ въ полкъ ст. и в. Ивана Юрьева сына Леонтьева лекаря съ лекарства, а кто лекарь, и что какихъ лекарствъ будетъ послано, о томъ для вѣдома отписать бѣ въ Разрядъ. И по тому ихъ в. г. указу изъ Аптекарскаго Приказа на службу в. г. въ Царевъ Борисовъ наряжены лекарь Яковъ Починскій да ученикъ Сидорка Алексѣевъ, а лекарства съ ними послано по цѣнѣ на 30 руб., а государева жалованья поденнаго корму и на подъемъ дано имъ по сентябрь 194 г. И тотъ выписанный лекарь съ ученикомъ и съ лекарства изъ Аптекарскаго Приказа въ Разрядъ къ тебѣ думному дьяку къ Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи посланы съ симъ в. г. указомъ. Дьякъ Андрей Виніюсъ.

38. Лѣта 7197 г. февраля въ 8 д., по указу в. г. ц. и в. к. І. А. П. А. и в. г. ц. и в. к. С. А. Думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи. Въ указѣ в. г. изъ Разряда въ Аптекарскій Приказъ къ б. ко князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому да къ дьяку къ Андрею Виніюсу за приписью

дьяка Ивана Ляпунова написано: велѣно быти на службѣ в. г. въ Крымскомъ походѣ въ разныхъ полкахъ бояр. и воев., въ большомъ полку царственныя большія печати и государственныя великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателью ближнему бояр. и дворовому в. и намѣстнику Новгородскому князю Василью Васильевичу Голицыну съ товарищи. Въ Новгородскомъ разрядѣ б. и в. Алексѣю Семеновичу Шенну съ товарищи. Въ Рязанскомъ Разрядѣ б. и в. князю Володимеру Дмитриевичу Долгорукому съ товарищи; а для той службы въ тѣхъ полкахъ велѣно быти Аптекарскаго Приказу дохтуромъ, и лекарямъ, и ученикамъ съ лекарствами и сторожамъ противъ наряду прошлаго 195 г. Крымскаго жъ похода. И потому ихъ в. г. указу въ Аптекарскомъ Приказѣ на то в. г. службу въ тѣ вышеписанные полки, наряжены дохтуръ Андрей Фонтъ Келлерманъ; лекари иноземцы Яганъ Термонъ, Андрей Бекеръ, Адольфъ Эвенгагенъ, Александъ Квилонъ, Яганъ Фохтъ; диштинляторъ Романъ Шляторъ, да русскіе чепучиннаго дѣла Артемій Петровъ, Кузьма Семеновъ, Василій Падуревъ, Андрей Харитоновъ, Екимъ Алексѣевъ, Данило Лебедевъ, Фролъ Семеновъ, Алексѣй Григорьевъ, Яковъ Ивановъ, Тимооѣй Петровъ, Романъ Герасимовъ; костоправъ Иванъ Оедоровъ, Алексѣй Оеофановъ; ученики Митька Васильевъ, Стенька Шешуковъ, Алешка Любимовъ; аптекарскаго дѣла ученикъ Ивашко Тихоновъ да къ лекарственной в. г. казнѣ сторожъ Лукошка Ивановъ, всего 25 чел., а г. жалованья кормовыхъ денегъ и на подъемъ дано имъ по сентябрь 198 г. изъ Аптекарскаго Приказа; а русскихъ лекарей и учениковъ въ рейтарскіе и въ пѣхотные полки къ полковникамъ давать не указали, а указали в. г. быти имъ у Разряднаго Шатра и кому до нихъ будетъ нужда, и тѣмъ людямъ бити челомъ объ нихъ и имать къ себѣ отъ Разряднаго Шатра; а у сходящихъ товарищей у бояръ и в. въ полкахъ, в. г. быти имъ указали у Разряднаго жъ Шатра. А о подводахъ подъ лекарственную казну, и дохтуру, и лекарямъ, и ученикамъ, и сторожу указали в. г. противъ отпуску прошлаго 195 г. Крымскаго жъ похода съ прибавкою овоей в. г. указъ учинить тебѣ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи для того противъ прежняго отпуску нынѣ лекарствъ во отпуску многое число. И тѣ вышеписанные лекари, и диштинляторъ, и ученики, и сторожъ изъ Аптекарскаго Приказа въ Разрядъ къ тебѣ думному къ Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи по-

сланы съ симъ в. г. указомъ. Дьякъ Андрей Винюсъ. И въ Разрядѣ выписано: въ прошломъ во 195 г., по указу в. г. т. для нихъ в. г. службы Крымскаго похода дохтуру, и аптекаря, и лекарямъ, и ученикамъ, и сторожамъ и подъ лекарства, которые на ихъ в. г. службѣ по наряду изъ Аптекарскаго Приказа въ большомъ полку и въ полкахъ жъ Новгородскаго и Рязанскаго разрядовъ дано яскихъ подводъ до Ахтырки, и до Сумъ, и до Хотмышска и назадъ до Москвы: дохтуру 8 подводъ, аптекаря 5 подводъ, подъ аптекарскую казну подъ сундукъ да подъ 5 коробей 12 подводъ, ученику подвода, сторожу подвода, лекарю да ученику 6 подводъ, лекарямъ жъ 4 чел. по 2 подводы, имъ же подъ лекарства по 4 подводы, и того 16 подводъ; лекарю жъ 4 подводы, лекарю жъ 3 подводы, лекарскаго дѣла ученику подвода, и того 65 подводъ.

А нынѣ въ тѣхъ полкахъ велѣно быти Дохтуру Андрею Фонтъ Келлерману дать 9 подводъ. Лекарямъ иноземцамъ Ягану Термонту 5 подводъ, подъ лекарства 8 подв. Андрею Бекерю Адольфу Эвенгагину, Александру Квилову, Ягану Фохту, диштинлятору Роману Шлятору, всѣмъ противъ дачи 195 г. Русскимъ чепучиннаго дѣла: Артемью Петрову, Кузьмѣ Семенову, Василью Падуреву, Андрею Харитонову, Екимъ Алексѣеву, Данилу Лебедеву, Фролу Семенову, Алексѣю Григорьеву, Якову Иванову, Тимооѣю Петрову, Якову Герасимову. Костоправамъ Ивану Оедорову, Алексѣю Оеофанову. Ученикамъ Митькѣ Васильеву, Стенькѣ Шешукову, Алешкѣ Любимову. Аптекарскаго дѣла ученику жъ Ивашкѣ Тихонову. Къ лекарственной казнѣ сторожу Лукашъ Иванову.

Лѣта 7197 г. февраля въ 25 день, по указу в. г. т. Думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи В. г. т. указали послать на свою в. г. службу въ Крымскій походъ въ полки бояръ и воеводъ лекари Христофора Карстенса, а государева жалованья кормовыхъ денегъ и на подъемъ по сентябрь 198 г. дано ему изъ Приказа Большой Казны; а о дачѣ подводъ тому лекарю указали в. г. своей в. г. указъ учинить тебѣ Думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи; и тотъ вышеписанный лекарь изъ Аптекарскаго Приказа въ Разрядъ къ тебѣ Думному дьяку къ Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи посланъ съ симъ в. г. указомъ. Дьякъ Андрей Винюсъ. (О:) дать ему томъ память въ Яской Приказъ.

39. Дѣла 7198 г. августа въ 8 д., по указу в. г. ц. и в. к. Г. А. П. А. Думному дяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву съ товарищи В. г. т. пожаловали Аптекарскаго Приказу лекаря Ивана Казаринова, который на службѣ в. г. въ Кіевѣ, указали его взять къ Москвѣ и объ отпускѣ его указали в. г. въ Кіевѣ къ б. и в. ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи послать свою в. г. грамоту изъ Приказу Малая Россіи. И по указу в. г. т. думному дяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву съ товарищи учинить о томъ по указу в. г. Дьякъ Иванъ Протопоповъ. (О:) учинить по сему в. г. указу, послать ихъ г. грамоту въ Кіевъ къ б. и в. ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи.

Отъ в. г. т. въ Кіевъ б. и. и в. ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи. По нашему в. г. указу велѣно Аптекарскаго Приказа лекаря Ивана Казаринова изъ Кіева отпустить къ Москвѣ. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, и вы бѣ б. и. и в. изъ Кіева къ Москвѣ его Ивана отпустить велѣли, а въ которомъ числѣ изъ Кіева отпущенъ будетъ и вы бѣ о томъ къ намъ в. г. писали; а отписку велѣли подать и ему Ивану явиться въ Приказѣ (М.) думному дяку. Принесъ дяка Василья Бобинина, августа въ 10 д.

40. В. г. ц. и в. к. Г. А. П. А. бьетъ челомъ х. в. дохтуръ греченинъ Ивашко Комнинъ. По Вашему в. г. указу служу я х. в. вамъ в. г. войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Дѣйра при гетманѣ Иванѣ Степановичѣ Мазенѣ, и по его гетманскому къ вамъ в. г. доношенію и прошенію ваше в. г. годовое жалованье на 190 д. г. принявъ служить вамъ в. г., и въ 200-мъ году, какъ въ домахъ, такъ и въ воинскихъ походахъ лѣтнихъ и зимнихъ, а вашего в. г. жалованья того 200 года мнѣ х. в. не дано, а милосердый вашъ в. г. указъ къ гетману къ Ивану Степановичу есть, что ваше в. г. годовое жалованье и впредь мнѣ х. в. дано будетъ. Милосердые в. г. т. пожалуйте меня х. с., велите г. свое в. г. указное жалованье на прошлый 200-й годъ мнѣ х. в. выдать В. г. смилуйтея пожалуйте.

И въ Приказѣ Малая Россіи выписано. Въ прошломъ во 199 г. марта въ 14 ч., по указу в. г. т. посланъ войска Запорож. обѣихъ стор. Дѣйра къ гет. къ Ивану Степановичу Мазенѣ для совершеннаго при помощи Божіей въ припадающихъ скорбяхъ его облегченія и для генеральной старшины и полковниковъ съ ле-

картвы дохтуръ Иванъ Комнинъ. А по справкѣ съ Аптекарскимъ Приказомъ учинено ему Ивану в. г. жалованья окладъ 15 руб., мѣсячного корму по 12 руб. по 16 алтынъ по 4 денг на мѣсяцъ, всего на годъ 300 руб., и того в. г. жалованья дано ему Ивану на прошлый на 199 г. по расчету: Изъ Приказу Большія Казны 100 руб. да вмѣсто 162 руб. 6 алтынъ, которыхъ не дано изъ Приказу жъ Большія Казны, изъ Приказу княжества Смоленскаго 300 Ефимковъ.

А на прошлый на 200 г. в. г. жалованье ему Ивану по окладу и кормовья мѣсячныя деньги даны-ль, о томъ въ Приказѣ Малая Россіи не вѣдомо, по тому что дохтуры вѣдомы въ Аптекарскомъ Приказѣ, а изъ Приказу Мал. Россіи памяти о той его Ивановой датѣ на прошлый на 200 г. въ Аптекарскій Приказъ изъ Приказу Большія Казны не послывано.

И в. г. т. бьетъ челомъ дохтуръ греченинъ Иванъ Комнинъ по ихъ де в. г. указу служить онъ вмѣ в. г. в. з. обѣихъ стор. Дѣйра при гет. Иванѣ Степановичѣ Мазенѣ, и по его гетманскому къ нимъ в. г. доношенію и прошенію ихъ в. г. годовое жалованье на 199 г. принявъ служить имъ в. г., и въ 200-мъ году какъ въ домахъ, такъ и въ воинскихъ походахъ лѣтнихъ и зимнихъ, а ихъ в. г. жалованья на 200 г. ему не дано. И в. г. т. пожаловали бѣ его, велѣли свое в. г. указное жалованье на прошлый 200 г. выдать.

А въ статьяхъ, каковы посланы къ гетману къ Ивану Степановичу Мазенѣ съ Яковомъ Жураковскомъ полковникомъ бывшимъ Нѣжинскимъ съ товарищи августа во 2 д. прошлаго 200 г. написано: по ихъ в. г. указу присланъ къ нему гетману Ивану Степановичу дохтуръ Иванъ Комнинъ, который пребываетъ въ скорби и смущеніи того ради, что жалованья за службу его изъ казны ихъ монаршеской ему не доходитъ и о томъ просить онъ гетманъ покорственно ихъ монаршескаго указу.

И в. г. указали тому дохтуру Ивану Комнину давать свое в. г. жалованье по прежнему своему в. г. указу и жалая его гетмана Ивана Степановича и генеральную старшину, полковниковъ и все войско запорожское велѣли и впредь быть при немъ гетманѣ и ихъ в. г. жалованье къ нему послано и впредь по указу присылано будетъ.

201 г. ноября въ 2 д. в. г. т. пожаловали дохтура Ивана Комнина, велѣли ему свое в. г. жалованье по окладу его и мѣ

сячныя кормовыя деньги на прошлый на 200 г. и на нынѣшній 201 г. по 300 руб. на г. всего 600 руб. выдать изъ Приказу Большія Казны и послать о присылкѣ тѣхъ денегъ въ Приказъ Малыя Россіи для посылки къ нему Ивану въ тотъ приказъ память. Душный дякъ Емельянъ Украинцовъ.

201 г. ноября въ 8 д. въ Приказъ Большія Казны. Въ прошломъ во 199 году марта въ 14 ч., по указу в. г. т. посланъ къ подданному ихъ г. в. з. о. с. Д. къ г. къ Ивану Степановичу Мазенѣ для совершеннаго при помощи Божьей въ припадающихъ скорбяхъ его облегченія и уздравленія и для генеральной старшины и полковниковъ съ лекарствами дохтуръ Иванъ Комнинъ, а ихъ в. г. жалованья учиненъ ему Ивану окладъ 150 руб., мѣсячнаго корму по 12 руб. съ полтиною на мѣсяць, а на годъ всего 300 руб.; и того ихъ в. г. жалованья дано ему Ивану на прошлый на 199 г. по расчету изъ Приказу Большія Казны а не додано изъ приказа Большія Казны 162 руб. 6 алтынъ; и въ прошломъ въ 200 г. апрѣля въ 28 д. писать къ нимъ к. г. гетманъ Иванъ Степановичъ съ полковникомъ Черниговскимъ съ Яковомъ Лизогубомъ съ товарищи по ихъ де в. г. указу присланъ къ нему гетману Ивану Степановичу дохтуръ Иванъ Комнинъ, который пребываетъ въ скорби и въ смущеніи того ради, что жалованья за службу его изъ казны ихъ монаршеской ему не доходятъ и о томъ просить онъ гетманъ покоретвенно ихъ монаршескаго указа. И по указу в. г. и по тому его гетманскому доношенію и прошенію послано тому дохтуру Ивану Комнину ихъ в. г. жалованья къ нему гетману приказу Малыя Россіи съ подьячимъ съ Григорьемъ Богдановымъ на прошлый на 199 г. вмѣсто недостаточныхъ денегъ 162 руб. 6 алтынъ, которыхъ ему не додано изъ приказа Большія Казны. изъ Приказу Княжества Смоленскаго 300 ефимковъ, и о посылкѣ тѣхъ ефимковъ въ памяти въ Приказъ Большія Казны писано іюня въ 17 ч. того-жъ 200 г., а въ статьяхъ, каковы посланы къ нему гетману Ивану Степановичу на его гетманское къ нимъ в. г. доношеніе въ томъ же въ 200 г. августа въ 2 ч. съ бывшимъ полковникомъ Нѣжинскаго съ Яковомъ Журиковскимъ съ товарищи написано; что они в. г. указали тому дохтуру Ивану Комнину давать свое в. г. жалованье по прежнему своему в. г. указу и жалую его гетмана Ивана Степановича и генеральную старшину полковниковъ и все войско запорожское велѣли и впредь быть тому дох-

туру при немъ гетманѣ и ихъ в. г. жалованье по указу прислано къ нему будетъ. И октября въ 20 д. нынѣшняго 201 г. к нимъ в. г. писалъ онъ гетманъ Иванъ Степановичъ и прислалъ того дохтура Ивана Комнина за рукою челобитную, въ которой написано: по ихъ де в. г. указу на прошлый на 199 г. ихъ в. г. жалованья ему прислано, а на прошлый же 200 г. также на нынѣшній 201 г. ему Ивану ихъ в. г. жалованья не дано; въ ихъ в. г. указѣ къ гетману къ Ивану Степановичу писано, что ихъ в. г. жалованье ему Ивану впредь давано будетъ и в. г. пожаловали бѣ его, велѣли ему свое в. г. жалованье на прошлый на 200 и на нынѣшній 201 г. по окладу и кормовья выдать сполна. И в. г. т. пожаловали дохтура Ивана Комнина, велѣли ему свое в. г. жалованье по окладу его и мѣсячныя кормовыя деньги на прошлый на 200 и на нынѣшній 201 г. по 300 руб. на годъ всего 600 руб. выдать изъ Приказу Большія Казны и прислать тѣ деньги изъ Приказу Большія Казны въ Прик. Мал. Россіи; а по ихъ в. г. указу тѣ деньги посланы будутъ на дачу ему Ивану къ гетману къ Ивану Степановичу Мазенѣ нарочно Приказу Мал. Россіи съ подьячимъ. Съ оборотомъ подписалъ дякъ Василій Бобининъ.

41. В. г. т. х. Христофоръ Ринмонъ съ товарищи челомъ бить. Въ нынѣшнемъ г. 1701 г. генваря въ 9 ч., по твоему в. г. т. указу и по грамотѣ изъ Разряда, какова прислана въ Бѣлгородъ на имя б. и в. князя Якова Оедоровича Долгорукаго съ товарищи за принесли дяка Оедера Замятнина, велѣно бѣлгородскихъ полковъ солдатскаго строю подполковника Луку Клечковскаго по его челобитію для его разоренія изъ Бѣлгорода отпустить къ Москвѣ на время срокомъ. И по тому твоему в. г. т. указу мы х. т. его подполковника Луку Клечковскаго изъ Бѣлгорода отпустили сего генваря въ 20 д. на время и съ проѣздомъ на 2 мѣсяца и велѣли ему явиться и сіе отписку подать въ Разрядъ б. Тихону Никитичу Стѣпанову съ товарищи. (о:) записать въ книгу и взять къ отпуску и выписать, а подл. осмотрѣть.

И противъ вышеописанной помѣты подпол. Лука Клечковскій у Разряда осматриванъ, а у осмотра онъ Лука Клечковскій сказалъ себѣ отъ роду 68 лѣтъ, въ лицѣ бѣлень, да онъ же у осмотра сказалъ, что де служить 47 лѣтъ, а болѣзнь у него чехотная и отъ той болѣзни у него Луки лѣвую ногу свело и выше плечна переломлена, да на той же ногѣ рана, и шнѣ де онъ

Лука отъ той болѣзни руками и ногами не владѣеть, а учинилась де ему та болѣзнь въ прошломъ 1700 году, какъ онъ былъ на службѣ въ Запорожской Сѣчи, и съ того году ему Лукѣ отъ той болѣзни свободы никакія нѣтъ.

42. В. г. т. х. т. генераль-маіоръ нинемецъ Христофоръ Ришмонъ челомъ бьетъ. По твоему в. г. указу и по грамотѣ изъ Разряду велѣно мнѣ быть на твоей в. г. службѣ и стоять во Острогжскомъ..... полками ратныхъ людей; и я х. т. волею Божіею заскорбѣлъ и тое службу за тою своею скорбію нынѣ совершенно не лечась исполнить не могу, какъ надлежитъ по твоему в. г. указу, а во Острогжскомъ доктуровъ и лекарей нинкого нѣтъ, лечиться не у кого. И о томъ, что ты в. г. укажешь.

1702 г. мая въ 13 д. в. г. т. указалъ послать изъ Разряду въ Бѣлгородъ нарочно рязряднаго стараго подъячаго и велѣтъ тому подъячему его генерала маэора какая у него болѣзнь осмортрѣть и тотъ осмортръ тому подъячему привезть къ Москвѣ въ Разрядъ: и буде онъ генераль маэоръ по осмотру явится совершенно боленъ, и на его мѣсто во Острогжску съ тѣми вышени-санными ратными людьми быть съ Москвы ст. Степану Петрову сыну Бахметеву и для того его Степана послать съ Москвы во Острогжской къ тѣмъ ратнымъ людямъ безсрочно тотчасъ, и о томъ изъ Разряду въ Приказъ Казанскаго Дворца для вѣдома послать память, а ему Степану дать изъ Разряду наказъ за дьячесю приписью. Сей в. г. указъ приказалъ б. Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ.

43. И противъ вышенисанной помѣты въ Разрядъ передъ б. передъ Тихономъ Никитичемъ Стрѣшневымъ съ товарищи Аптекарскія Палаты лекарь Иванъ Гунтъ допрашивающъ, а въ допросѣ сказали: въ прошломъ де въ 205 г., по указу в. г. по наряду изъ Разряду велѣно ему быть на в. г. службѣ въ Бѣлгородѣ для леченія ратныхъ всякихъ чиновъ людей; и съ прошлаго 205 г. по нынѣшній 1702 г. былъ онъ все въ Бѣлгородѣ, а нынѣ де изъ Бѣлгорода по отпискѣ пріѣхалъ къ Москвѣ для челобитія о дачѣ ему его г. жалованья, потому что ему въ Бѣлгородѣ его в. г. жалованья на 3 года не дано, и чтобъ в. г. пожаловалъ бы его велѣлъ отослать изъ Разряду въ Аптекарскую Палату Joganus Gund.

Въ прошломъ въ 205 г. марта въ 18 ч., по указу в. г. присланъ въ Разрядъ изъ Аптекарскаго Приказу, а изъ Разряду

посланъ и велѣно быть на его в. г. службѣ въ Бѣлгородѣ лекарю Ягану Гунту, а великаго государя жалованья на 205 г. о присылкѣ на дачу мѣсячныхъ кормовыхъ и для той службы по дѣемныхъ денегъ изъ того Аптекарскаго Приказу писано въ Приказъ Большія Казны. И въ 206 г. ноября въ 27 ч. къ в. г. писали изъ Бѣлгорода б. и в. князь Яковъ Оедоровичъ Долгорукой съ товарищи и подъ отпискою своею прислали въ Разрядъ того лекаря за рукою челобитную, о дачѣ ему годового денежнаго жалованья на 206 г. за рукою челобитную. И по указу в. г. противъ того его челобитія тому лекарю о той его годовой дачѣ велѣно указать учинить въ Аптекарскомъ Приказѣ и о томъ изъ Разряду въ тотъ Приказъ писано и съ челобитной его посланъ спискомъ ноября въ 28 ч. того жъ году. А марта въ 20 ч. въ указѣ в. г. въ Разрядъ изъ того Приказа написано: что о дачѣ тому лекарю жалованья на 206 г. мѣсячнаго корму по 9 р. на мѣсяцъ и того 108 руб. писано въ Приказъ Большія Казны. А въ 207 г. декабря въ 15 ч. в. г. билъ челомъ онъ жъ лекарь, что де въ Бѣлгородѣ дано ему мѣсячнаго корму въ полны 54 руб., а другой де половины на тотъ годъ ему не дано. И въ 207 г. декабря въ 15 д., по указу в. г. изъ Аптекарскаго Приказу писано въ Приказъ Большія Казны, велѣно на дачу тому лекарю на 206 г. съ марта по сентябрь другую половину 54 руб., а на 207 г. сполна 108 руб., всего 160 руб. изъ того приказу прислать въ Аптекарскій Приказъ. И въ то число на дачу ему лекарю изъ того приказу въ Аптекарскій Приказъ на 207 г. прислано и тому лекарю дано съ сентября по мартъ въ полны 54 руб. А на 206 и на 207 годы съ марта по сентябрь другой половины кормовыхъ денегъ 108 руб. въ Приказѣ Большія Казны ими въ Бѣлгородѣ ему лекарю дано ль того въ Аптекарскомъ Приказѣ не вѣдомо.

А по сказкѣ въ томъ приказѣ дохтура Григорья Карбонарія, что тому лекарю на 206 и на 207 годы по половинѣ денегъ 108 руб. и на 1700 г. сентября съ 1 числа въ Приказѣ Большія Казны и въ Бѣлгородѣ ничего не дано, а доведется ему на 206 г. съ марта по сентябрь мѣсячнаго корму по 9 руб. на мѣсяцъ и того на полгода 54 руб.; на 207 г. на тѣжъ полг. 54 руб., на 208 г. сентября съ 1 ч. гиваря по 1 ч. на 4 мѣсяца 36 руб., на 1700 г. гиваря съ 1 ч. гиваря жъ по 1 ч. 1701 г. сполна 18 руб. всего 252 руб. И чтобъ о дачѣ тому лекарю въ

Бѣлгородѣ того в. г. жалованья, в. г. ц. указъ учинить въ Разрядѣ.

И по указу в. г. велѣно тому лекарю о дачѣ его г. жалованья указъ учинить въ Аптекарскомъ Приказѣ и о томъ въ тотъ Приказъ изъ Разряда писано апрѣля въ 8 д. того жъ 1700 г.

А въ нынѣшнемъ 1702 г. февраля въ 23 ч. къ в. г. писать изъ Бѣлгорода генераль мазоръ Христофоръ Ришмонъ, что его Ивана Гунта для челобитья о дачѣ ему его г. денежнаго жалованья отпустилъ къ Москвѣ гиваря въ 19 д. нынѣшняго 1702 г.

И по указу в. г. велѣно того лекаря допросить, для чего онъ къ Москвѣ прѣхалъ, и тотъ лекаръ въ допросѣ сказалъ: въ 205 г. по наряду изъ Разряда велѣно ему быть на службѣ въ Бѣлгородѣ для леченія ратныхъ людей и съ того де 205 г. былъ онъ все въ Бѣлгородѣ, а нынѣ де по отпискѣ изъ Бѣлгорода прѣхалъ онъ къ Москвѣ для челобитья о жалованьи для того что въ Бѣлгородѣ ему жалованья не дано на 3 года, и чтобъ его отослать изъ Разряда въ Аптекарскій Приказъ. А въ Бѣлгородѣ былъ онъ Яганъ для леченія ратныхъ людей, которые бывали въ полку б, и в. князя Якова Оодоровича Долгорукаго.

А нынѣ въ Бѣлгородѣ велѣно быть генералу князю Ивану Михайловичу Кольцову Мосальскому, а для леченія ратныхъ людей въ полку у него лекарю лѣкарства велѣно быть по наряду изъ Аптекарскаго Приказу и о присылкѣ того лекаря въ Разрядъ въ тотъ Приказъ написано. И того лекаря въ Разрядъ еще не прислано.

1702 г. марта въ 9 д., по указу в. г. т. б. Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ съ товарищи, слушавъ сей выписки, приказали: вышписаннаго лекаря Ивана Гунта отослать въ Аптекарскій Приказъ съ памятью, Лѣта 1702 г. марта въ 10 д., по указу в. г. т. дяку Ивану Протопопову. Съ прошлаго съ 205 г. по его в. г. указу былъ на его в. г. службѣ въ Бѣлгородѣ по наряду изъ Аптекарскія Палаты лекаръ Иванъ Гунтъ для леченія ратныхъ людей, а въ нынѣшнемъ 1702 г. февраля въ 23 ч. къ в. г. писать изъ Бѣлгорода генераль мазоръ Христофоръ Ришмонъ, что де его Ивана Гунта для челобитья о дачѣ ему его годового денежнаго жалованья отпустилъ къ Москвѣ гиваря въ 14 д., нынѣшняго 1702 г. И в. г. т. указалъ того лекаря изъ Разряда отослать въ Аптекарскій Приказъ; и тотъ лекаръ въ Аптекарскій Приказъ посланъ съ снѣмъ в. г. указомъ.

44. Лѣта 7132 г. августа въ 19 д., по г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. указу память дякомъ думному Ѳедору Лихачеву да Михаилу Данилову. Въ печатномъ приказѣ объявился въ печатномъ воровствѣ жилецъ Катай Кудашевъ сынъ Ѳедоровъ, а въ роспросѣ съ пытки въ томъ воровствѣ винулся, что своровалъ онъ, подпечатавъ г. 4 грамоты да съ пытки жъ сказалъ на себѣ черную немочь. И г. т. указалъ его Катайка за воровство и за черную немочь изъ житія выкинуть. И по г. т. указу дякомъ думному Ѳедору Лихачеву да Михаилу Данилову, велѣть того жильца Катайка изъ жильцаго списка за воровство и за немочь вычеркнуть, и впередъ ему въ житиѣ быть не велѣть. Дякъ Григорій Нечаевъ. 132 г. августа въ 19 д. принесть подъячій Анисимъ Трофимовъ и Катайко изъ списка вычерченъ. (О:) По сей памяти почернить въ списку и написать по городу.

45. 160 г. іюля въ 5 д. прислать въ Разр. б. Никита Ивановичъ Романовъ Рясского уѣзда изъ Скопина городка бѣломѣстныхъ бобылей Иванку да Гришку Акиншинныхъ съ чел. своимъ съ Григорьемъ Верещагивымъ. А въ Разрядѣ думному дворнику Ивану Анастасевичу Гавреневу да дякамъ думному Семѣну Заборовскому да Гр. Ларіонову да Ив. Сѣверову Григ. Верещагинъ сказали: въ нынѣшнемъ де во 160 г. писалъ къ б. Никитѣ Ивановичу Романову изъ Скопина приказный его чел. Василій Икинскій, извѣщала де ему въ Скопинѣ Ивашкова жена Акиншина по грѣхомъ де — мужъ ея Ивашковъ умъ рушился, и взялъ де съ собою двое лошадей да саадокъ и побѣжалъ невѣдомо куда, и многихъ де было людей въ Скопинѣ изъ лука перестрѣлъ, и послѣ де того мужъ ея Ивашко въ Пронскѣ поиманъ и посаженъ въ тюрьму; и изъ Скопина де прикащикъ Василій Икинскій посылать въ Пронскъ къ Ондрею Черевину для того Ивашка, и Ондреинъ Черевинъ прислать того Ивашка съ братомъ съ его роднымъ съ Гришкою Акиншиннымъ, и братъ де его Ивашкинъ Гришка, извѣщаль ему Василью Икинскому, будто братъ его Ивашко въ Пронскѣ на посадѣ при многихъ людяхъ сказывалъ за собою государево дѣло И. б. Н. И. Романовъ тѣхъ бобылей Ивашка да Гришку велѣлъ отвести въ Разрядъ. И дум. двор. Н. А. Гавреневъ да дяки дум. Сем. Заборовскій да Григ. Ларіоновъ да Ив. Сѣверовъ б. Н. И. Романова бобылей Ивашка да Гришку спрашивали. И Гришка Акиншинъ въ допросѣ сказалъ: говорилъ де братъ его Ивашко въ Пронскѣ

при многихъ людяхъ, а сказывалъ за собою государево дѣло, а какое онъ государево дѣло, и на кого именемъ сказывалъ, про то онъ не вѣдаетъ. И Ивашка Акиншина допрашивали, какое за нимъ Ивашкомъ государево дѣло и на кого именемъ государево дѣло вѣдаетъ, и онъ бы Ивашко про то государево дѣло сказать въ правду, не затѣвая ни на кого и не покрывая ни по комъ; а будетъ онъ Ивашко про государево дѣло правды не скажетъ, и ему Ивашку въ томъ дѣлѣ быть пытану. И въ распросѣ Ивашко Акиншинъ сказалъ: отецъ де ихъ Акинноейко и они жили на Тулѣ на посадѣ, и отецъ де ихъ съ Тулы съ нами сошелъ бѣгомъ тому нынѣ 9 лѣтъ и пришли на Скопинъ и жили за б. за Н. И. Романовымъ по се время въ бѣломѣстныхъ бобыляхъ; и отца де ихъ не стало въ Скопинѣ тому нынѣ 2 г., а онъ де Ивашко сказывалъ за собою г. дѣло для того, чтобъ ему отъ б. отъ Н. И. изъ бобылей свободиться и жить на Тулѣ по прежнему въ посадскихъ людяхъ, а больше того онъ Ивашко ни за кѣмъ никакого г. дѣла не вѣдаетъ. Н. б. Н. И. Романова бобыли въ Разрядѣ за сторожею 2 ч. 160 г. юля въ 21 д. г. указалъ тѣхъ мужиковъ отдать б. Н. И. Романову.

46. Г. т. х. т. Оедыка Павловъ челоуъ бьетъ Въ нынѣшнемъ г., во 161 г. февраля въ 16 д., прислана на Михайловъ т. г. т. грамота изъ Разряда за приписью дьяка Ивана Сѣверова ко мнѣ х. т., а по т. г. грамотѣ велѣно мнѣ х. т. на Михайловѣ городѣ всякихъ чиновъ служилымъ и жильцкимъ людямъ у Приказная избы сказать не въ одинъ день, и въ торговые дни велѣтъ бирничемъ прокликать не по одинъ день, что вѣдомо тебѣ г. учинилось, что въ польскихъ и въ украинскихъ городахъ и въ уѣздахъ многіе не знающіе люди, забывъ страхъ Божій и не памятуя смертнаго часу, и не чая себѣ за то вѣчныя муки, держать отреченныя, и еретическія, и гадательныя книги, и письма и заговоры, и коренья и отравы и ходять къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ, и на гадательныхъ книгахъ костями ворожатъ, и тѣмъ кореньемъ и отравы, и еретическими наговоры многихъ людей на смерть портить, и отъ тое ихъ порчи многіе люди мучатся разными болѣзнями и помираютъ; и в. г. т. милосердуя о тѣхъ погибшихъ и заблудшихъ душахъ, которая такое злое дѣло дѣлають, не помня страха Божія, велѣтъ сказать, чтобъ они съ нынѣшняго т. г. указу отъ такихъ отъ злыхъ и богомерскихъ дѣлъ отстали; а у кого какія отреченныя, и еретическія книги,

и письма, и заговоры, и гадательныя книжки, и коренья, и отравы пожгли, и къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ не ходили, и ни какого вѣдовства не держались, и костями и инымъ ни чѣмъ не ворожили, и людей не портили; а которые люди съ сего т. г. указу отъ такихъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ не отстанутъ и отреченныхъ и еретическихъ книгъ и писемъ и коренья и отравъ не сожгутъ, и послѣ нынѣшняго т. г. указу отреченныя еретическія книги, и письма и коренья и отравы учнутъ у себя держать, или вѣдовства какого держаться, и костями и инымъ чѣмъ учнутъ ворожить, или которые учнутъ людей портить, и по т. г. указу *такихъ злыхъ людей и отравъ Божіихъ весьма въ обрубѣ сечь безо всякаго пощады, и дома ихъ весьма разорить до основанія, чтобъ впредѣ такіе злые люди и отравы Божіи и злая ихъ дѣла на кази не вѣдь не воспоминались.* А какъ на Михайловѣ всякихъ чиновъ людямъ т. г. указъ скажу, и мнѣ бѣ х. т. с. томъ къ т. г. отнести въ Разрядъ. И по т. г. т. грамотѣ я х. т. на Михайловѣ городѣ всякихъ чиновъ служилымъ и жильцкимъ людямъ у т. г. у Сѣвѣрія избы сказывать и т. г. грамоту не въ одинъ день вычитать, и все сполна сказывать, и въ торговые дни велѣтъ бирничю кликать не по одинъ день. (О:) 161 г. марта въ 14 день.

Отъ ц. т. въ Мосальскъ Богдану Афанасьевичу Тимирязеву. Какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ въ Мосальску всякихъ чиновъ служилымъ и жильцкимъ людямъ у Приказная избы сказать не въ одинъ день и въ торговые дни велѣтъ бирничамъ прокликать не по одинъ день: вѣдомо намъ учинилось, что въ польскихъ и въ украинскихъ городахъ и въ уѣздахъ многіе незнающіе люди, забывъ страхъ Божій, не памятуя смертнаго часу, и не чая себѣ за то вѣчныя муки держать отреченныя и еретическія, и гадательныя книги, и письма и заговоры и коренья, и отравы и ходять къ вѣдунамъ, и къ ворожеямъ, и на гадательныхъ книгахъ костями ворожатъ, и тѣмъ кореньемъ и отравы, и еретическими наговоры многихъ людей на смерть портятъ, и отъ тое ихъ порчи многіе люди мучатся разными болѣзнями и помираютъ; и мы в. г. милосердуя о тѣхъ погибшихъ и заблудшихъ душахъ, которая такое злое дѣло дѣлають, не помня страха Божія велѣли сказать, что бѣ они съ нынѣшняго указу отъ такихъ отъ всѣхъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ отстали; а у кого какія отр. и ерет. письма были, и они бѣ тѣ пись-

ма сожгли, и въ нынѣшній въ великій постъ ко отцамъ духовнымъ приходили безо всякаго сумнѣнья, и впредь никакихъ богомерзкихъ дѣлъ не держались, и тѣ отреч. и еретич. книги и письма, и заговоры и гадательныя книжки, и коренья и отравы сожгли, и къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ не ходили, и ни какого вѣдовства не держались, и костями и инымъ ничѣмъ не ворожили, и людей не портили; а которые люди съ сего н. указу отъ такихъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ не отстанутъ, и отреч. и ерет. книгъ, и писемъ, и коренья, и отравъ не сожгутъ, и послѣ нынѣшняго н. указу отреч. и ерет. книги, и письма, и коренья, и отравы учнутъ у себя держать, или учнутъ къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ ходить, или вѣдовства какого держаться и костями и инымъ чѣмъ учнутъ ворожить, или которые учнутъ людей портить и по н. указу такихъ злыхъ людей и враговъ Божіихъ весьма въ обрубать съечь безо всякаго пощады и домы ихъ весьма разорить до основанія, чтобы впредь такіе злые люди и враги Божіи и злыя ихъ дѣла николи нигдѣ не воспоминались; а какъ въ Мосальску всякихъ чиновъ людямъ н. указъ скажешь, и ты бѣ о томъ къ намъ отписать съ иными нашими дѣлами. Писанъ на Москвѣ лѣтъ 7161 г. февраля въ 14 д. (Этотъ указъ напечатанъ въ Приказн. Столѣ, столбецъ № 203. листы 30, 390—391. Избются и другіе многочисленные совершенно тождественные акты. Напримеръ, л. 25—27—отписк. изъ Олшанска о томъ же; л. 128—29—тоже изъ Шацка, л. 133—135 то же; л. 224—227—о томъ же изъ Кашвиры; л. 237—239—о томъ же изъ Курска; л. 393—395—то же изъ Яблорова; л. 396—о томъ же изъ Боровска; л. 397—о томъ же изъ Болхова; л. 404—405—о томъ же изъ Зарайска; л. 461—462—то же изъ Ефремова; л. 463—465—грамота о томъ же на Тулу; л. 466—467 Память о томъ же; л. 468—470 грамота въ Хотмышскъ о томъ же. Н. Н.)

47. Отъ ц. т. въ Калугу в. н. Богдану Ивановичу Комнину. Въ нынѣшнемъ во 162 г. октября въ 13 д., писалъ къ намъ изъ Белева губный староста Оома Тинковъ: сен. въ 13 д., по челобитню Оедора Хлопова взять въ Белевъ въ губу чел. его Гришка Донской въ портѣ, что онъ Гришка его Оедора портилъ отравою на смерть; а въ роспросѣ ему Оомѣ онъ Гришка сказалъ, что ту отравную траву далъ ему калуженинъ посадскій чел. Тимошка Косой для порчи, чтобы ему тою травою окормить его

Оедора на смерть; и онъ де Гришка ту траву Оедору Хлопову давалъ во штяхъ; а калуженинъ посадскій чел. Тимошка Оедоровъ передъ Оомою жъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ Оедоровъ чел. Хлопова Гришкѣ Донскому для порчи никакія травы не давалъ и его Оедора ничѣмъ портить не велѣлъ и тѣмъ де онъ Гришка его покленалъ. И въ томъ Оедоровъ чел. Хлопова Гришка Донской съ калужаниномъ съ Тимошкою Оедоровымъ съ очей на очи ставлены и питаны и на очной ставкѣ сказали и съ пытки говорили тѣмъ свои прежнія рѣчи: Оедоровъ чел. Хлопова Гришка Донской, что онъ Оедора портилъ, а траву ималъ у него Тимошки; а Тимошка запырался, что онъ для порчи Гришкѣ ни какой травы не давалъ. А какъ къ тебѣ съ наша грамота придетъ, и ты бѣ отпишешь въ Белевъ къ губному старостѣ къ Оомѣ Тинкову, чтобы онъ Оедорова чел. Хлопова Гришку Донского и калужанина посадскаго челоуѣка (конца нѣтъ).

48 Г. ц. и в. к. О. А. бѣеть челоуѣ х. т. Андрюшка Ивановъ сынъ Черкашениковъ. По твоему в. г. указу и по наряду высланъ на твою в. г. службу уличенный недоросль Микита Оедотовъ сынъ Кучковскій и волею Божьею г. на него сослана скорбь, ума рехнулся, и дорогою ѣдучи отъ Углича свою братью многихъ перебилъ, а много порубилъ, и запасъ въ телѣгѣ топоромъ изсѣкъ и платышко съ себя растерялъ, и съ лошади сѣдло и ружье все потерялъ, и про то г. вѣстимо всему городу, а мнѣ х. т. онъ Микита племянникъ и побережъ г. его не кому, и въ станъ къ себѣ никто его не приметъ, потому что сталъ онъ маломужемъ всякъ его боятся. Милосердый г. т. пожалуй меня х. с., вели г. про его Микитину скорбь всѣмъ городомъ розыскать, а его Микиту вели г. сослать на Угличъ и дать его подъ началъ въ монастырь, гдѣ ты в. г. укажешь. Ц. г. смилуйся, пожалуй. (о:) 184 г. іюня въ 28 д. осмотрѣлъ и записки тому учинить. И въ разрядѣ выписано: въ нынѣшнемъ во 184 г., по указу в. г. т. по наряду уличенному Микитѣ Оедотову сыну Кучковскому велѣно быть на службѣ в. г. въ Рыльску. А въ челоуѣбитной Андрея Иванова сына Черкашенинова написано какъ де былъ разборъ и послѣ разбору племянникъ его двоюродный Микита Кучковскій волею Божьею заскорбѣлъ, ума ряхнулся и дорогою ѣдучи нынѣ на службу в. г. съ уличенныя вмѣстѣ свою братью многихъ перебилъ, а много порубилъ, и запасъ въ телѣгѣ топоромъ сѣкъ, и платье съ себя и съ лошади сѣдло и ружье

все потерялъ, а про то де про все вѣдомо всему городу и въ станъ де его никто не пустить. А по осмотру въ Рязрядѣ углеченинъ Никита Кучковскій въ умѣ худъ, сказать учинилась де ему такая скорбь въ нынѣшнемъ во 184 г. въ великій постъ, а государ. де жалованья помѣстье за нимъ пусто, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ нѣтъ, да къ той сказкѣ и руку приложилъ. И в. г. т. бьетъ челомъ Андрей Черкашениновъ, чтобъ в. г. пожаловать, про скорбь племянника его Микиты велѣлъ сыскать городомъ, а по сыску велѣлъ его сослать на Угличъ въ Покровский монастырь подъ начальъ покаместъ онъ отъ той болѣзни излутчаеть. 184 г. июля въ 24 д. допросить про то того города окладчиковъ и дворянъ. И противъ сей помѣты углечане дворяне и дѣти боярскіе допрашиваны, а въ допросѣ сказали по святой непорочной евангельской заповѣди Господникъ ей же, ей, ей, въ правду: окладчикъ Михайло Ивановъ сынъ, Петръ Петровъ сынъ, Оедоръ Прокофьевъ сынъ, Григорій да Иванъ Борисовы дѣти Баранчевы, Сергѣй да Иванъ Флоровы дѣти Раковы, Семенъ Ивановъ сынъ Голосовъ, Данило да Василій Гавриловы дѣти Мурановы, Семенъ Михайловъ сынъ Ржавскій, Иванъ да Яковъ Михайловы дѣти Болотейвы, Илья Стеновъ сынъ Мелчановъ, Борисъ Микифоровъ сынъ Стародубовъ, Василій Ивановъ, Аонасій Петровъ сынъ Островскій, Иванъ Кузьминъ сынъ Хворовъ, Фролъ Петровъ сынъ Подлесской, Аника Аксентьевъ сынъ Протопоповъ, Елизарій да Трофимъ Петровы дѣти Баранчевы, Филонъ Пересѣтовъ сынъ, Иванъ да Яковъ Филоновы дѣти Рындины, Осипъ Оедосѣевъ сынъ Губинъ, Семенъ Ивановъ сынъ Скрипичинъ, Иванъ Савельевъ сынъ, Оедоръ Назарьевъ сынъ Бревновъ, Богданъ Осиповъ сынъ Карташевъ, Оедоръ да Никита, да Иванъ, да Павелъ Васильевы дѣти Скрипичины, Илья Михайловъ сынъ Тамановскій, Андрей Самойловъ сынъ Козинъ, окладчикъ Иванъ Петровъ сынъ Елизаровъ, Алексѣй Давыдовъ сынъ Ивановскій, Андрей да Василій Кондратьевы дѣти Климашевскіе, Алексѣй Кирьяновъ сынъ Кучковскій, Леонтій Петровъ сынъ Бакастой, Кирило Семеновъ сынъ Климашевскій, Василій Оедоровъ сынъ Голосовъ, Григорій Даниловъ сынъ Валмасовъ: въ нынѣшнемъ де во 184 г. ѣхалъ съ ними на службу в. г. углеченинъ Никита Кучковскій и дорогою ѣдучи свою братью углечанъ дворянъ и дѣтей боярскихъ перубилъ, а много порубилъ, и съ запасомъ въ телѣгѣ кули везу-

билъ, и платье съ себя и съ лошади сѣдло и ружье потерялъ. По указу в. г. по сему для его болѣзни нынѣшнее дѣло на службу въ полкъ съ городомъ не высылать, а для исправленія послать его въ монастырь подъ начальъ куда пригоже, и отослать его для посылки подъ начальъ въ Патріаршѣ Приказъ съ намятъ и отдать съ роспискою, а въ полкъ къ ст. и в. къ Михаилу Плещееву послать о томъ в. г. грамоту. Лѣта 7184 г. июля 1 д., по г. т. указу намятъ Чудова монастыря архимандриту Павлу да Патріаршу бояр. Ивану Оедоровичу Лодзову съ товарищи Билъ челомъ в. г. т. Андрей Ивановъ Сынъ Черкашениновъ: въ нынѣшнемъ го 184 г. племянникъ его двоюродный углеченинъ Никита Оедотовъ сынъ Кучковскій ѣдучи на г. службу заскобѣлъ, въ умѣ рухилъ, свою братью бьетъ, а много перубилъ, и платье съ себя и съ лошади сѣдло, и ружье все потерялъ и в. г. пожаловать бы велѣлъ про болѣзнь племянника его сыскать городомъ, и по сыску велѣлъ его послать на Угличъ въ Покровский монастырь подъ начальъ, покаместъ онъ отъ той болѣзни излутчаеть; и въ сыску дворяне и дѣти боярскіе углечане по него сказали тѣ же рѣчи, что въ челобитнѣ Ан. Черкаш. писано. И в. г. т. указати углеч. Мик. Оедотова сына Кучковскаго для исправленія послать въ монаст. подъ начальъ куда пригоже о томъ указъ учинить въ Патріаршѣ Приказѣ. И угл. Мик. Кучковскій посланъ изъ Разр. къ вѣщ. въ Пат. Разр. разр. Приказъ съ подьячимъ, и по г. т. указу Чудова мон. архимандриту Павлу да Пат. б. Ив. Оед. Лодзову доложить о томъ в. г. с. Іоакима Моск. и в. Р. учинить по указу в. г.

49. Лѣта 7190 г. мая въ 12 д., по г. ц. и в. к. П. А. указу б. к. Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. В. г. т. учинить послать наскоро въ Переславль Рязанской для сбора про свой в. г. обиходъ своробориннаго цвѣта, что называетъ шинювникъ, да въ Володимерь и въ Суздаль для покупки яго земляники лекаря Ивана Веденикова да учениковъ Митку Кисильева да Ивашку Антонова, а собирать имъ тотъ цвѣтъ въ уѣздахъ всякаго чина у людей и къ тому въ городахъ велѣть тому лекарю съ товарищи давать въ день сколько чел. пригожо. А собравъ тотъ цвѣтъ и ягоду землянику для посылки къ Москвѣ велѣно отдавать въ тѣхъ городахъ воеводамъ запечатать а имъ воеводамъ тотъ цвѣтъ и ягоду землянику, устроивъ бочкахъ, присылать къ Москвѣ на подводахъ съ кѣмъ приго-

безъ мотчанія; а пока лекаръ Иванъ съ ученики въ тѣхъ городахъ побудутъ, давать имъ дворы, гдѣ имъ стоять, и въ томъ дѣлѣ имъ чинить всякое вспоможеніе и въ сборѣ своробориннаго цвѣта и въ покупкѣ ягоды земляники имъ никакого мотчанія и задержанія не чинить; и о томъ о всемъ указалъ в. г. послать изъ Разряда въ тѣ города свои в. г. грамоты. И по г. т. указу б. к. Михаилу Григорьевичу Долгорукову съ товарищи учинить о томъ по указу в. г. Дьякъ Андрей Виниосъ. (О:) учинить по сему в. г. указу.

Отъ ц. т. въ Переславль Рязанскій, въ Володимерь и въ Суздаль ст. нашимъ и вое... мая въ 12 д. въ нашемъ в. г. указѣ въ Разрядѣ къ Аптекарскаго Приказа за приписью дьяка нашего Андрея Виниоса написано, посланъ съ Москвы для сбора своробориннаго цвѣту лекаръ Иванъ Ведениковъ да ученики Митька Васильевъ, Ивашко Антоновъ, а велѣно имъ собирать тотъ цвѣтъ въ уѣздахъ у всякихъ чиновъ людей, а къ тому дѣлу лекарю съ ученики имать у васъ сколько челоуѣкъ пригоже; а собравъ цвѣтъ и ягоды для посылки къ Москвѣ, отдавать вамъ запечатавъ, а вамъ, устроивъ въ бочки, присылать къ намъ в. г. къ Москвѣ на подводахъ съ кѣмъ пригоже безъ мотчанія; а покаместъ въ тѣхъ городахъ побудутъ давать имъ дворы постоялые, и въ томъ дѣлѣ вамъ чинить имъ всякое вспоможеніе. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, а лекаръ Иванъ Ведениковъ съ ученики къ вамъ въ тѣ вышеписанные города приѣдутъ, и вы бы о дачѣ имъ людей длябору цвѣта и для покупки ягоды, и о постоялыхъ дворахъ учинили по нашему в. г. указу, не отписываясь къ намъ в. г. ничѣмъ и не дожидаясь къ себѣ о томъ впредь иного н. г. указу. А что по тому дѣлу дано будетъ, о томъ къ намъ в. г. писали, а отписки велѣли подавать въ Разрядъ б. нашему Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 7190 г. мая въ 13 день. Такова за приписью дьяка Любима Домнина.

50. Лѣта 7197 г. марта въ 16 д. по указу в. г. т. думному дьяку Василию Григорьевичу Семенову съ товарищи. Въ прошломъ во 195 г., по указу в. г. т. присланъ изъ Разряда въ Аптекарскій Приказъ, считать Аптекарскаго Приказа подьячихъ Семена да Тимофея Писниковыхъ дьякъ Матвѣй Чистой да съ нимъ Большія Казны подьячій Демидъ Бузыгинъ, и тотъ дьякъ и подьячій тѣхъ подьячихъ считали по нынѣшней 197 г.; а съ

нынѣшняго 197 г. къ тому счетному дѣлу не ходять; и тотъ дьяка и подьячаго, буде они на Москвѣ, указали в. г. къ тому счетному дѣлу прислать въ Аптекарскій Приказъ къ б. ко князю Якову Никитичу Одоевскому да къ дьяку Андрею Виниосу и прежнему для довершенія того счетнаго дѣла, и о томъ указалъ в. г. свой в. г. указъ учинить тебѣ думному дьяку Василию Григорьевичу Семенову съ товарищи. И по указу в. г. т. думному дьяку Василию Григорьевичу Семенову съ товарищи учинить о томъ по указу в. г. Дьякъ Андрей Виниосъ. (О:) смекать ихъ послать въ тотъ Приказъ по прежнему.

51. 198 г. іюня въ 10 д. Передъ б. передъ Тихономъ Никитичемъ Стрешинскимъ съ товарищи истецъ Перфирій Оседоровъ сынъ Рохманиновъ да отвѣтчикъ Разряднаго Приказу подьячій Иванъ Марченковъ къ суду стали. И отвѣтчикъ билъ челомъ в. г. не выслушавъ его исповой исковой челобитной, чтобъ исца, раздѣвъ омыть, для того что де онъ истецъ вѣдомый воръ и Богоотступникъ и Святаго Духа ругатель; а омыть де его для того, вѣтъ ли де у него вора исца, какихъ воровскихъ зачѣйныхъ заговорныхъ словъ или иного какого воровства и воровства; а противъ де исцова челобитья отвѣчать онъ отвѣтчикъ готовъ. Б. Тихонъ Никитичъ Стрешинскій, слушавъ сего словеснаго челобитья, приказалъ отвѣтника допросить, что его исцова воровства и Богоотступства и на Святаго Духа ругательства. И отвѣтчикъ сказалъ, что де его исцова воровства и Богоотступства и Св. Духа ругательства иже то де онъ отвѣтчикъ скажетъ послѣ очистки его исповой исковой челобитной. А истецъ билъ челомъ, чтобъ в. г. указали противъ отвѣтчиковъ словеснаго челобитья, раздѣвъ его исца осмотрѣть, чтобъ ему впредь въ попрекъ и въ порокъ не быть. И истецъ осматриванъ, а по осмотру вынато у него исца изъ зени въ бумашкѣ анисусъ ползолотника, а на той бумашкѣ написано; „широкій листъ трава Кануферъ“ да на другой строкъ написано: „на рибину походила и та трава пижма“ И истецъ сказалъ: тотъ данисъ онъ носить для того, что у него въ ротѣ щанга, и тотъ де анисусъ онъ ѣстъ для духу; а на той бумашкѣ писмо руки его исца, а сказалъ онъ истецъ: въ нынѣшнемъ де во 198 г. кануи Троицына дни былъ онъ истецъ Казанскаго Приказу у подьячаго у Ивана Суровцова и былъ съ нимъ у него на огородѣ, и онъ Иванъ сорвалъ у себя травъ мяты, зори, и тѣхъ травъ, ко

торья на той бумажкѣ для памяти записаны, и далъ ему исцу для духу, и таде трава у него исца и нынѣ есть въ томъ вѣнникѣ, что на Троицынъ день на листу лежалъ. И отвѣтчикъ билъ челомъ его исца допросить, тотъ де анисъ гдѣ онъ взялъ или у кого купилъ именемъ, знатно де тотъ анисъ у него въ той бумажкѣ положенъ съ наговоромъ и на той бумажкѣ тѣ травы записаны къ такому жъ воровскому дѣлу знатно что приличны; а что де онъ сказалъ выше его отвѣтчиковой что будто тотъ анисъ онъ истецъ носитъ для цыги, и тѣ травы записаны будто для духовъ, и то де онъ истецъ сказалъ, отбывая воровства своего и волшебства, а тотъ де анисъ и тѣ травы въ семь судѣ у него исца объявились знатно де съ какимъ воровскимъ наговоромъ, а не просто. потому что де онъ истецъ чел. приличной и вѣдомый воръ; а что де его исцовыхъ воровскихъ дѣлъ, про то онъ отвѣтчикъ скажетъ въ судѣ ниже. И 198 г. іюня въ 11 д. 6. Тихонъ Никитичъ Стрешневъ съ товарищи слушавъ сего челобитья приказалъ Ивана Марченкова спросить именно, что Перфилья Рохманнинова Богоотступства и Св. Духа ругательства. Иванъ Марченковъ сказалъ: потому де онъ Перфильи Богоотступникъ и Св. Духа ругатель; въ прошломъ во 184 г. какъ онъ Перфильи былъ въ Галичѣ воеводою и въ то число онъ Перфильи забываетъ страхъ Божій наругательствомъ своимъ возложилъ словомъ своимъ хулу на Св. Духъ Господень, а что де его Перфильевой хулы на Св. Духъ и то де его воровство и на Св. Духа ругательство вѣдомо въ Разрядѣ и въ Патріаршѣ Приказѣ въ дѣлѣ по запискѣ въ томъ году галичанинъ посад. и иные люди на него Перфилья подали къ дѣлу сказки, что онъ говорилъ послѣ обѣда у себя на воеводскомъ дворѣ послѣ достойно, какъ священники говорили „Слава отцу и Сыну и св. Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь“, и онъ Перфильи говорилъ, „какое де слава Отцу и Сыну и Св. Духу“ и приѣмилъ то слово къ человѣческому естеству, и то де его Перфильево къ Св. Духу ругательство и Богоотступство, а подлинно де написано въ томъ дѣлѣ и нынѣ то дѣло въ Разрядѣ у недьячаго у Картедя Томилова. А Перфильи Рохманниновъ сказалъ: въ прошломъ де во 184 г. писалъ де онъ къ в. г. т. и къ св. Іоакиму патр. на галичскаго пона Овдокима съ посадку въ воровствѣ его и въ расколѣ, и онъ понѣ, отбывая воровства своего и расколу церковнаго извѣщалъ на него Пер-

филья партр. и подаль заручную челобитную будто онъ вступилъ въ патріарши дѣла и церковнымъ причетникамъ вся обиду и разоренье чинить; и потому де ихъ заручному чинить и по его отпискамъ указано про то сыскать и по слову его попову извѣту будто про хулу Св. Духа розыскъ б. въ Галичѣ, а у розыску былъ изъ Разряду Воинъ Надокникъ изъ Патріарха Приказу Ипатскій архимандритъ; и были у него съ тѣмъ попомъ и съ причетниками церковными очныя ставки по очнымъ ставкамъ въ разореньѣ и въ обидахъ ни въ чемъ его не уличили, а онъ де его пона въ расколѣ уличилъ. А хулу Св. Духа противъ поповой росписи тѣмъ людямъ, кто въ той росписи написаны были допросъ нѣтъ былъ и въ допросѣ многіе люди ничего не сказали, а только де по немъ ч. 3 чел. да 2 чел. посад. людей, и то де сказали не противъ попова извѣту. А послѣ де того и онъ Перфильи допрашивалъ а на Св. Духа хулы никакой не говаривалъ, а про Богоотступство и ругательство Св. Духа въ томъ дѣлѣ нѣтъ, и то дѣло указу в. г. св. Іоак. пат. вершилъ и то вершенное дѣло и нѣтъ въ Патріаршѣ Приказѣ; а которое дѣло въ Разрядѣ, и то съ тѣмъ дѣломъ не свесено для того, что дѣла оба слѣдуютъ, чтобъ в. г. указали въ Патріаршѣ Приказѣ послать память, а томъ дѣлѣ свят. Патр. его простилъ, потому что къ тому дѣлу неприлично. Да Перфильи же Рохманниновъ билъ челомъ что у него іюня въ 10 ч. взять анисъ въ бумажкѣ да на же бумажкѣ записано имена травъ, и чтобъ в. г. указали тѣ травы въ Антекѣ свидѣтельствовать, а тѣ травы не воишня. Іюня въ 18 день истецъ съ отвѣтникомъ на срокъ къ стали и отвѣтчикъ выслушавъ исцовою исковой челобитной отвѣтъ своимъ сказалъ: такъ де онъ истецъ былъ на Елецѣ высылки ратныхъ людей на г. службу, и въ то де число онъ отвѣтчикъ его исца на въ чемъ не безчестилъ и не издѣвался отъ себя не писалъ и безчестить де ему отвѣтнику въ то число было его исца не за что, и брани де и ссоры съ нимъ попомъ у него отвѣтника никакія на Елецѣ ни за что не бывало, а онъ де истецъ видя его отвѣтчиково маломочество и безчестуство наваль на него напрасно надѣялся на мочь свою, что де въ прошломъ во 194 г., по указу в. г. и по наказу, къ тому дѣлу было ему исцу надобно, и то на Елецѣ воев. кита Городецкій по присылкѣ его исца къ нему подычныхъ

писма и для разсылки стрѣльцовъ, и пушкарей, и казаковъ, и чернила и бумага, и свѣчъ: и что ему къ тому дѣлу было надобно, и съ Ельца де изъ Приказной избы къ нему исцу отсылали и подводы по дорожной даны, и наличные списки къ нему исцу отосланы, и въ томъ де онъ отвѣтчикъ ему исцу и никакіе помѣшки ему жъ исцу не чинили, и противъ указу в. г. во всемъ были послушны, а остановки де зъ томъ дѣлѣ ему исцу не учинили и посмѣху де и никакія издѣвки отъ него отвѣтника надъ нимъ исцомъ не бывало и г. де послушныя грамоты онъ отвѣтчикъ многихъ дней у себя не задерживалъ, а о стояломъ де и сѣзжемъ дворѣ посланъ былъ отвѣсть денщикъ Кленка Калугинъ, а онъ де отвѣтчикъ съ в. Мик. Городецкимъ и съ подьячими надъ нимъ исцомъ не издѣвались и ничѣмъ его не безчестилъ же и многон мѣшкоты ему исцу онъ отвѣтчикъ не чинилъ, вольно де ему исцу было мѣшкоту самому для своихъ прихотей, и уѣзднымъ де ратнымъ людямъ отъ него отвѣтника заказа никакого не бывало, и съ Ельца его исца онъ отвѣтчикъ высылать никого не посылывалъ, а сказки де ему исцу велѣно имать у воеводъ, а ему де отвѣтчику сказки давать было не для чего, а ельчане де ратные люди на г. службу высланы были до его исцова приѣзду многіе съ наказаніемъ, а про которую де память онъ истецъ написалъ въ исковой челобитной, будто онъ отвѣтчикъ въ той памяти обезчестилъ, и чтобъ де онъ истецъ къ сему судному дѣлу положилъ памяти, а какъ де онъ положить память, и онъ де отвѣтчикъ въ той памяти въ его исцовѣ безчестіѣ очинять станетъ, и отъ того де онъ отвѣтчикъ отъ себя къ нему исцу не писывалъ, а писана де та память къ нему исцу г. полнымъ указомъ, а писалъ де тое память по приказу воеводскому елецкій подьячій, а онъ отвѣтчикъ только де ту память закрѣпилъ припискою по воеводскому велѣнію, а не издѣваясь. И въ томъ истецъ съ отвѣтникомъ имались за вѣру. Отвѣтчикъ вѣру далъ исцу на душу. И истецъ билъ челомъ что-бы отвѣтника допросить, хочетъ ли онъ отвѣтчикъ отвѣтными своими словами противъ его исцовой исковой челобитной не въ послушаніи своемъ в. г. указу въ его исцовѣ безчестіѣ своею ссылкою памятью какову онъ отвѣтчикъ съ Микитою Городецкимъ на Елецѣ прислали къ нему исцу о дачѣ противъ в. г. указу во всемъ правъ и виноватъ быть противъ своихъ отвѣтныхъ словъ и тою памятью, а какъ онъ отвѣтчикъ станетъ

статься; а онъ истецъ сказавъ ему улику противъ его отвѣтчиковыхъ словъ уличить, что онъ отвѣтчикъ в. г. указу чинилъ не послушенъ и дѣлать по своимъ прихотямъ; и писали де той памяти къ нему исцу и безчестили его напрасно издѣваясь. А какъ де онъ отвѣтчикъ на слова свои и на память статься станетъ, и онъ де истецъ уличать его станетъ. И отвѣтчикъ сказалъ на память де ему отвѣтчику въ его исцовѣ безчестіѣ статься не для чего, потому что той памяти онъ истецъ въ семъ судѣ не положилъ, а какъ онъ истецъ память положить къ сему судному дѣлу, и ту память выслушавъ противъ его исцова допросу въ безчестіѣ его исца какъ де онъ истецъ ту память къ сему судному дѣлу положить смотря на память, а онъ де противъ ссылки въ томъ безчестіѣ статься и станетъ. И отвѣтчикъ выслушавъ памяти сказалъ: ту де память онъ отвѣтчикъ въ его исцовѣ безчестіѣ, въ то что онъ отвѣтчикъ его исца въ той памяти ничѣмъ не безчестилъ и не издѣвался, а что де въ той памяти написано г. указомъ, будто его обезчестилъ, что послано къ нему исцу противъ его исцовой памяти, которую онъ истецъ память прислалъ. Елецъ въ Приказную избы о присылкѣ, что ему было исцу надобно; и противъ его исцовой памяти отъ в. отъ Мик. Городекаго да отъ него отвѣтника послано и тѣмъ де будто его исца онъ отвѣтчикъ безчестилъ, а онъ де отвѣтчикъ безчестія никого въ той памяти не писалъ и бранихъ де и безчестныхъ словъ къ его исцову лицу безчестія не написано, а онъ де истецъ на немъ отвѣтчикѣ ничѣмъ безчестія своего напрасно, а ту память приписалъ онъ отвѣтчикъ по воеводскому приказу, а собою, и о томъ отъ него отвѣтника къ его исцову лицу въ той памяти не написано, а писано де въ той памяти г. указомъ, то де ему исцу не безчестіе и за такія невымышленныя памяти преждъ сего ни на комъ не правилось. И июня въ 20 д. срокъ къ суду они истецъ и отвѣтчикъ стали. Отвѣтчикъ сказалъ его исцовъ допросъ очистить противъ его допросу скаже въ семъ судѣ ниже сего очистя его вышписанныя слова, что въ шнѣшнемъ во 198 г. июня въ 10 ч., какъ сталъ бы онъ истецъ съ нимъ отвѣтникомъ въ томъ своемъ поклепномъ иску къ суду, и въ томъ г. онъ истецъ видя его отвѣтника маломочество и безъ заступнаго напасть на него отвѣтника напрасно, надѣясь на мочь свою, на ябеду и на воровство свѣ

чтобы ему испу наглымъ своимъ нападкомъ съ него отвѣтника
взять ему, что ни есть. А что де онъ отвѣтникъ его испа въ
нынѣшнемъ во 198 г. іюня въ 10 ч. какъ сталъ было онъ ис-
тецъ съ нимъ отвѣтникомъ въ томъ своемъ поклевномъ испу къ
суду, и въ томъ де г. онъ отвѣтникъ не выслушавъ его исповой
челобитной называлъ его испа вѣдомымъ воромъ и ругателемъ
Св. Духа и билъ челомъ в. г. словесно, чтобъ его испа раздѣвъ
осмотрѣть, для того что онъ истецъ старый вѣдомый воръ, а
что де его воровства, и про то де его воровство скажетъ онъ от-
вѣтникъ въ семь судѣ ниже. Да потому жъ де онъ отвѣтникъ
іюня въ 10 ч. в. г. и билъ челомъ, чтобъ его испа раздѣвъ ос-
мотрѣть какъ онъ отвѣтникъ съ нимъ испомъ сталъ къ суду, и
въ то де число на него отвѣтника наналъ страхъ и ужасъ ве-
ликий, и отъ того страха и ужаса у него отвѣтника подломилсъ
пояс, и чуть де онъ отвѣтникъ въ то число отъ того страха не
упалъ на земь и гортани словъ его отвѣтника въ тожъ число
стало мало, и знатно де, что онъ истецъ въ то число воровст-
вомъ своимъ и волшебствомъ на него отвѣтника ту страхъ и
ужасъ напустилъ и гортани словъ отнялъ; и онъ де отвѣтникъ,
видя такую страсть и ужасъ на себя безмолвіе языка своего,
взвоя на Пречестный Животворящій Крестъ Господень и на об-
разъ Прес. Богород. сотвори Ісусову молитву помозишь Живот.
Кр. Господню и Богор. образу, сталъ бить челомъ онъ отвѣтникъ
словесно и онъ де истецъ въ то ч. билъ челомъ в. г., чтобъ его
испа раздѣвъ осмотрѣть, будто ему испу для оправданія, чтобъ
де ему испу въ порокѣ не быть и впредь не къ воровству; и тѣ
де его исповы слова ему испу и словесное челобитіе не въ оправда-
ніе, потому что де по осмотру противъ его испова челобитія у него
испа въ бумажкѣ въ штанахъ изъ кармана вынято анису зеренъ
съ 30 или больше, да въ той же бумажкѣ записаны травъ имена
испомъ его исповы руки, и то де знатно, что онъ истецъ тѣмъ
анисомъ и тѣхъ записанныхъ травъ именами на него отвѣтника
воровствомъ своимъ и волшебствомъ въ то число тотъ страхъ и
ужасъ напустилъ и безмолвіе языка его учинилъ, и знатно де
что онъ истецъ въ то число къ суду приходилъ съ тѣмъ анисомъ
и съ записками тѣхъ травъ именами не просто; а если бъ
де онъ истецъ былъ безъ воровского своего коварства, и онъ
бы де къ суду къ собою анису и травъ именъ въ запискѣ у
себя въ карманѣ не носилъ; а что де онъ истецъ воровствомъ

своимъ сказать, что тотъ анисъ онъ истецъ носить съ собою
будто для болѣзни зубныя пынги, чтобъ де пынга не пахла
рта, и то де истецъ сказать въ то число укрываясь и отбывая
воровства своего; а хотя де анисъ и тѣ травы, которыя у него
записаны въ бумажкѣ, и не худыя, и ему де испу воровство
своимъ и волшебствомъ и въ добрыхъ травахъ вольно учинилъ
воровское дурное дѣло; а тотъ де анисъ и имена травъ
запискѣ у него въ то число объявились знатно у него испа
просто съ какими-нибудь наговоромъ или волшебствомъ; а анисъ
де къ пынгѣ не лекарство, и тѣ де травы въ запискѣ у него
хотя и добрыя, только де ему испу то воровство въ улику,
на него оправданіе и не въ безчестіе, а ему де отвѣтнику ч
онъ билъ челомъ в. г. словесно, чтобъ его испа раздѣвъ осм
рѣть не къ винѣ, только де ему испу къ воровству и къ ули
а что де онъ же истецъ іюня въ 11 ч. въ Разрядѣ въ роспр
съ своимъ сказать, что онъ будто истецъ отосланъ былъ
Свят. Патріарху будто не въ хулѣ и не въ ругательствѣ
Духа въ иномъ дѣлѣ, и будто онъ истецъ оправдался и с.
будто его испа въ томъ дѣлѣ простилъ, и то де онъ истецъ
сказать отбывая воровства своего; и если бъ де онъ истецъ о
св. патр. былъ въ прощеніи и о немъ бы де приславъ былъ
Разрядъ къ дѣлу отъ Св. патр. указъ и во оправданіе де то
воровства противъ сказокъ галичанина посадекаго чел. и иныхъ
людей, которыя сказки въ Разрядѣ у дѣла въ его воровствѣ
въ ругательствѣ въ хулѣ Св. Духа очистки и оправданія ни
кого нѣтъ, а еслибъ де онъ истецъ былъ отъ святѣйшаго па
ріарха въ прощеніи того его воровства и у него де бы была
прошенная память или грамота за Патріаршею печатью; а онъ
де воръ за то воровство онъ былъ подъ началомъ многое чис
а какъ де онъ истецъ изъ подъ начала свободился, и про то
онъ истецъ сказать самъ именно и положилъ бы прощенный
рѣшительный указъ святѣйш. патр. въ семь судѣ; а у дѣла
въ Разрядѣ, въ которомъ дѣлѣ на него испа галичанина поса
чел. и иныхъ людей сказки въ его ругательствѣ и въ хулѣ С
Духа, и въ томъ де дѣлѣ въ Разрядѣ про его воровство проти
сказокъ очистки и оправданія никакого по се число нѣтъ и
явилось. И чтобъ в. г. указали изъ того дѣла и изъ сказокъ
его исповѣ воровствѣ въ ругательствѣ Св. Духа въ Разрядѣ
писать и къ сему судному дѣлу взять прощенный и рѣшител

ный указъ; а только де по смерти Святѣйшаго Патріарха у него исца рѣшительнаго указу нѣтъ; а что онъ въ томъ воровствѣ будто прощенъ и оправдался, и то де знатно онъ истецъ изъ подъ начала какимъ своимъ воровствомъ ушелъ безъ прощенія и въ клятвѣ безъ рѣшительнаго указу, и ему де испу за то воровство и ругательство, за хулу Св. Духа отъ Святѣйшаго патріарха знатно, что ему прощенія не было, а такимъ ворами, кто на Святый Духъ возложить хулу, прощенія нѣтъ тѣмъ ругателямъ, а и прежняго его исцова воровства онъ отвѣтчикъ скажетъ.

52. В г. т. х. т. Герасимъ Корсаковъ, Прохоръ Чередѣевъ челомъ бьютъ. По т. в. г. т. указу и по грамотѣ изъ Разряду за приписью дяка Ивана Уланова, которая на Вологду къ намъ х. т. прислана сего настоящаго 1703 г. ноября въ 1 д., велѣно изъ дворянъ по Андрея Альферьева сына Бестужева изъ Прик. избы послать подьячнхъ съ служилыми людьми и, его Андрея сыскавъ, взять на Вологду въ приказную избу и держать на чели до т. в. г. указу, а помѣстья его и вотчины отписать на т. в. г. и у томъ къ т. в. г. писать въ Разрядъ. И потому т. в. г. указу и грамотѣ для взятія его Андрея Бестужева на Вологду и для отписки помѣстья его и вотчины на т. в. г., мы х. т. Вологодской Приказной избы подьячаго Аванася Широгорова съ служилыми людьми посылали И онъ подьячій изъ вышеобъявленнаго Анореева помѣстья Бестужева пріѣхавъ подалъ намъ х. т. доѣздъ свой за рукою, а въ доѣздѣ его написано, что его Андрея Бестужева взять на Вологду не возможно для того, что онъ Андрей лежитъ въ скорбѣ и въ неумѣ, и живетъ въ особой хороминѣ; а какъ онъ Андрей въ неумѣ, тому будетъ лѣтъ 15.; а помѣстья его и вотчины онъ подьячій на т. в. г. не отписывалъ, потому что явили ему подьячему т. в. г. отставную грамоту и съ той т. в. г. отставной грамоты списавъ списекъ съ сею отпискою къ т. в. г. къ Москвѣ въ Разрядъ послали; а для отписки помѣстья его и вотчины мы х. т. подьячаго съ служилыми людьми послали въ другорядъ. А какъ онъ подьячій помѣстья его и вотчины на т. в. г. отпишетъ и отписныя книги намъ х. т. подастъ, и тѣ книги къ т. в. г. къ Москвѣ въ Разрядъ пришлемъ. 1703 г. ноября въ 23 д. записать въ книгу и взять къ отпуску и списать и поднести безъ мотчанья.

53. Д. ц. г. м. Въ прошломъ г., родственникъ нашъ князь Оедоръ князь Ивановъ сынъ Мещерскій на т. г. службѣ подѣ

Ругодивомъ проналъ безвѣсно, а послѣ его остался братъ его родной князь... палоумень отъ родства матери своей, да осталась жена его князь Оедорова княгиня Матрена бездѣтна, и умомъ рушилась и была въ Вознесенскомъ монастырѣ подѣ началомъ и изъ подѣ начала взята была... своей и родственника нашего, а своего деверья князь Александра... вреднаго держала у себя безъ в. в. г. указу; а которая ему князь Александру помѣстья и вотчины были надлежать и съ тѣхъ помѣстей и вотчинъ доходы имала она княгиня Матрена. И въ нынѣшнемъ г. 708 г. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ родственники нашей княгини Матрены не стало и остались послѣ род. нашего помѣстья и вотчины, и тѣхъ пом. и вотчинъ родственникъ нашъ князь Оедоръ никому не продавалъ и не закладывалъ... брата его князь Оедорова малоумнаго князя Александра помѣстья и вотчины за нимъ князь Оедоромъ, а послѣ снохи его умершей княгини Матрены деверья ея князь Александръ невѣдомо гдѣ В г., прошу в. в. вели г., его родственника нашего князь Оедоровыхъ людей сыскать и сыскавъ допросить, гдѣ онъ нынѣ родственникъ нашъ малоумный князь Александръ живетъ и его князь Александра про болѣзнь его осмотрѣть и поосмотру малоумнаго отдать мѣ на сбереженіе; а которые послѣ брата его князь Оедора помѣстья и вотчины ему князь Александру надлежать, вели г., съ тѣхъ помѣстей и вотчинъ доходы имать мѣ ему палоумному на пропитаніе; и которые послѣ родственника нашего животы и денги остались, вели г., въ томъ людей его князь Оедоровыхъ допросить, куда послѣ смерти его родственника нашего, жены его, животы и всякую домовую рухледь развезли; а на которыхъ помѣстья и вотчины явятся его палоумнаго и на князь Оедоровы дачи и на дворъ Московскій поступки не вели г. тѣмъ поступкамъ и дачамъ вѣрить, В. ц. в. вѣжайшій рабъ князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Мещерскій 1708 г. мая въ—д. князь Иванъ Мещерскій руку приложилъ. 1708 г. мая въ 24 д., сыскавъ его допросить и людей допросить и поставить къ осмотру.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Содержаніе	I—IV
Предисловіе	V—VII
Глава I	1— 65
— II	66—117
— III	118—166
— IV	167—205
— V	206—238
— VI	239—257
— VII	258—300
— VIII	301—316
— IX	317—387

Приложеніе.

№№

1. Ссылка въ низовые города безумнаго нѣмчина
Джона 1621 г. Архивъ Мин. Юстиціи, Москов-
скій столъ, столбецъ № 13 л. 284 I
2. Дѣло о безумномъ рязанцѣ Василинъ Масловъ 1630 г.
А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 54 л. л. 307—320 I—V
3. Указъ о присылкѣ въ Москву умѣющаго конской
лечбѣ Семена Бачманова 1632 г. А. М. Ю. Мос-
ков. ст., столб. № 74 л. 76 . . . . . —V
4. Посылка въ полки лекарей и лекарствъ 1632 г.
ibidem. Москов. ст., столб. № 76, л. 186—188, 285
—288, 534 . . . . . V—VIII
5. Обвиненіе крестьянки въ отравленіи мужа ко-
реньемъ, полученнымъ отъ мордвина Бѣляева
1649 г. ibidem Москов. ст., столб. № 265 л. л. 8—90 VIII—XXVI
6. Надежъ лошадей у проѣзжавшихъ черезъ Москву
Пошеховскихъ помѣщиковъ 1650 г. ibidem Москов.
ст., столб. № 265 л. 368—373, 375 . . . . . XXVI—XXVIII
7. Обвиненіе въ наѣреніи вѣнустить порчу. 1640 г.
А. М. Ю. Владимир. ст., столб. № 60 л. л. 263—269 XXVIII—XXXI
8. Отказъ принять на службу доктора Овдрыкаса
1644 г. А. М. Ю. Владим. ст., столб. № 60 л. л. 107
—109, 235—236 . . . . . XXXI—XXXIII

9. Выпись о жалованьи, данномъ на дворовое строение докторамъ, лекарямъ и аптекарямъ 1650 г. А. М. Ю. Москов. ст., стлб. № 875, л. 213, 220—221 XXXIII
- ✓ 10. Задержаніе въ приказной избѣ коновала Кирилова вслѣдствіе нахождения у него кореня и травы 1650 г. А. М. Ю. Москов. ст., стлб. № 265, л. л. 396—403, 415—417 . . . . . XXX—XXXVIII
- ✓ 11. Смерть отъ леченія лекарственной травой 1651 г. А. М. Ю. Бѣлгород. ст. стлб. № 298 л. 205—207 XXXVIII—XXXIX
12. О присылкѣ въ Аптекар. Приказъ иноземцовъ для обученія лекарскому дѣлу А. М. Ю. Москов. ст., стлб. № 867 л. 609—613 . . . . . XXXIX—XL
13. Малолѣтство послѣ морового повѣтрія 1654 г. А. М. Ю. Московск. ст., стлб. № 264 л. 119—120 XL—XLI
14. Перенеска Разряда съ ст. Иваномъ Оедоровичемъ Еропкинымъ и съ Виземскимъ воеводою объ устройствѣ заставъ въ Москвѣ и Визмѣ по случаю появленія морового повѣтрія въ Царевѣ-Займищѣ 1654 г. А. М. Ю. Московск. ст., стлб. № 261 л. 324—325, 326—340 . . . . . XLI—XLIV
15. Объ установленіи заставы отъ морового повѣтрія 1654 ibidem . . . . . XLIV—XLVII
16. Смерть всѣхъ подъячихъ отъ моровой язвы 1655 г. А. М. Ю. Московск. ст., стлб. № 264 л. 139 XLVII
17. Мѣры противъ падежа скота 1655 г. А. М. Ю. Московск. ст., стлб. № 271 л. 542—543 XLVII
18. Малочисленность стрѣльцовъ вслѣдствіе морового повѣтрія 1655 г. А. М. Ю. Москов. ст., стлб. № 264 л. 55 . . . . . XLVII—XLVIII
19. Назначеніе въ полкъ воеводы Бориса Александровича Рѣшнина лекаря Саввы Гаврилова А. М. Ю. Московск. ст., стлб. № 266 л. 131 XLVIII
20. Карантинныя мѣры 1656 г. А. М. Ю. Московск. ст., стлб. № 283 л. л. 64, 87, 73—74, 79, 233 XLVIII—L
21. Карантинныя мѣры 1656 г. А. М. Ю. Московск. ст., стлб. № 285 л. 91 . . . . . L—LI
22. Карантинныя мѣры 1658 г. А. М. Ю. Московск. ст., стлб. № 289, л. л. 426—428 LI
23. Мѣры противъ морового повѣтрія 1658 г. ibidem LI
24. О посылкѣ на заставы подъячихъ всѣхъ приказовъ для перенески отписокъ и всякихъ дѣлъ 1658 г. Москв. ст. столб. № 325 л. 109, 117—118 LI—LIII

25. Розыскъ о внезапной смерти татарки, содержавшейся въ Стрѣлецкомъ приказѣ 1660 г. А. М. Ю. Московск. ст., стлб. № 303 л. л. 252—262 . . . . . LIII—LVI
26. Посылка въ полкъ воеводы князя Ивана Хованскаго лекарей и лекарей 1661 г. А. М. Ю. Москов. ст., стлб. № 322 л. л. 196—197 . . . . . LVI—LVII
27. Посылка въ полкъ Рѣшнина лекаря Флора Дяклера съ лекарствами 1662 г. ibidem Москов. ст. стлб. № 344 л. л. 138—139 LVII
28. Смычное дѣло (неполное) о болѣзни старицы Каптелинны, проживавшей въ Стрѣлцкой слободѣ въ Москвѣ, по извѣсту Стрѣлцкой жены Матрены Марковой о томъ, что болѣзнь старицы моровая язва 1662 г. ibid. Московск. ст., стлб. № 342 (столбикъ 3-й, 16 листовъ) . . . . . LVII—LXII
29. О дачѣ жалованья полковымъ лекарямъ Албанусу и другимъ 1662 г. ibidem Москв. ст., стлб. № 463 л. 223 . . . . . LXII—LXIII
30. Челобитіе лекаря Артемія Назарова о дачѣ денежныхъ окладовъ его родственникамъ 1662 г. ibidem Москв. ст., стлб. № 326, л. 359—360 LXIII—LXIV
31. О высылкѣ лекаря и лекарствъ 1669 г. ibidem Москв. ст. стлб. № 412 л. 367—368 LXIV
32. Дѣло объ осмотрѣ докторомъ Лаврентіемъ Блюментростомъ умершаго дворового человѣка разбойнаго дьяка Дмитрія Пинчулина 1671 г. ibidem Москв. ст., стлб. № 445 л. 32—43, 49—50—55, 66—68 . . . . . LXIV—LXVIII
33. Посылка въ полкъ къ князю Григорію Ромодановскому лекарей иноземцевъ Юхима Огендорфа, Осипа Островскаго и учениковъ съ лекарствами 1681 г. ibidem Москв. ст., стлб. № 614 л. л. 282—284 LLXVIII—LXIX
34. Посылка къ князю Григорію Ромодановскому для леченія доктора Лаврентія Блюментроста 1681 г. ibidem Москв. ст., стлб. 614 л. 194—196 . . . . . LXIX—LXX
35. Дѣло по челобитной объ осмотрѣ больныхъ дворовыхъ людей 1675 г. ibidem Москв. ст. стлб. № 503 л. 130, 281—284 . . . . . LXX—LXXI
36. О посылкѣ подъ началь въ Нафтуевъ Боровскій монастырь блговатаго князя Семена Медверскаго 1681 г. ibidem Москв. ст. № 1597 № 1597 л. 114—117 . . . . . LXXI—LXXII

37. О присылкѣ въ полки лекарей и лекарскихъ учениковъ съ лекарствами. 1683 г. А. М. Ю. Моск. ст., № 745 (столникъ 4) л. 605—604 . . . . . LXXII—LXXII
38. Назначеніе въ полки бояръ и воеводъ для Крымскаго похода доктора Андрея Келлермана, лекаря Христофорова Карстенса и др. лекарей, аптекаря и лекарскихъ учениковъ. Дача и жалованья и подводъ 1690 г. А. М. Ю. Москов. ст., стлб. № 725 л. 52—59, 354 . . . . . LXXIII—LXXV
39. Отпускъ въ Москву изъ Кіева лекаря Ивана Казаринова 1690 г. *ibidem* Москов. ст., стлб. № 749 л. 101—102 LXXVI
40. Дѣло о дачѣ жалованья доктору греченину Ивану Комнину, находившемуся при гетманѣ Ив. Мазепѣ 1692 г. А. М. Ю. Москов. ст., стлб. № 956 л. л. 1—12 . . . . . LXXVI—LXXIX
41. Осмотръ болѣзни подполковника Луки Ключковскаго 1701 г. *ibidem* Москов. ст., стлб. № 792 л. 262—263 . . . . . LXXIX—LXXX
42. Болѣзнь генерала Христофора Ригимова 1702 г. А. М. Ю. Москов. стлб. № 792 л. л. 229, 231 LXXX
43. Дѣло о дачѣ жалованья лекарю Ивану Гунту 1702 г. *ibidem* Москов. ст., стлб. № 792 л. л. 89—95 . . . . . LXXX—LXXXII
44. Оставка Катая Федорова за печатное воровство и черную немочь 1624 г. *ibidem* Москв. ст., стлб. № 897 (столникъ 2) л. 290 LXXXIII
45. Распросъ въ Разрядѣ ума рушившагося человека б. Н. И. Романова 1652 г. *ibidem* Прикази ст. № 291, л. 16 . . . . . LXXXIII—LXXXIV
46. Отписка и грамота о запрещеніи держать еретическія книги, ходить къ вѣдунамъ и пр. 1653 г. *ibidem* Приказ ст., стлб. № 203 л. 30, 390—391 . . . . . LXXXIV—LXXXVI
47. Отрывокъ дѣла о портѣ Федора Хлонова 1653 г. *ibidem* Прикази. ст., стлб. № 204, л. 16 . . . . . LXXXVI—XXXVII
48. Ссылка подъ началь въ монастырь для исправленія въ умѣ 1676 г. *ibid.* Новгород. ст., стлб. № 268, л. 59—65 . . . . . LXXXVII—LXXXIX
49. Посылка въ Переяславль Рязан., во Владимиръ и Суздаль лекаря и лекарскихъ учениковъ для сбора цѣлѣбнаго шиповника и попутныхъ ягодъ земляники для государева обихода 1682 г. А. М. Ю. Владимир. ст., стлб. № 186 л. л. 206—209 . . . . . LXXXIX—XC

50. О присылкѣ въ Аптекарскій Приказъ дѣяка и подъячихъ для счетнаго дѣла 1689 г. А. М. Ю. Москов. ст., стлб. № 741 л. 218 . . . . . XC—XCI
51. Обвиненіе Перфілія Рохманинова въ колдовствѣ и др. проступкахъ 1690 г. А. М. Ю. Прикази. ст. стлб. № 8, л. 1—15 . . . . . XCI—XCVIII
52. Отписка изъ Вологды Корсакова, котораго вѣлено было взять въ приказную избу и держать на цѣли 1703 г. А. М. Ю. Разр. вѣз. № 29 д. 21. XCIII
53. Челобитье кн. Ивана Мещерскаго объ освѣдѣтельствovanіи малоумнаго кн. А. Мещерскаго 1708 г. А. М. Ю. Разр. вѣз. № 48 д. 133 . . . . . XCVIII—XCIX

ПО ПОВОДУ ОПЕЧАТОКЪ.

Не привоюа отдѣльныхъ буквѣнныхъ опечатокъ, считаю нужнымъ указать слѣдующія:

Напечатано:	стран.	сверху.	сноска.	слѣдуетъ:
Полное Соб. Зак. т. VI № 3937—235.	8	1	Чистовичъ	Ор. сѣ. стр.
вѣраше—	320	8	—	вѣдаше.
бѣжати—	320	—	—	бѣжати.
Патр. Сиб. 1772 г. стр. 114—320	—	2	Рус. лѣтоп. по Никон. спис.	Сиб. 1786 г. ч. 3, стр. 5

23

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Материалы къ изученію быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губерніи. Историко-статистическое изслѣдованіе Тобольскъ. 1898 г. (Экземпляровъ нѣтъ).

Волостной судъ, преобразованный въ губерніяхъ и областяхъ Сибири по закону 2 іюня 1898 г. Изданіе второе. Томскъ. 1900 г.

По Сибири. Сборникъ статей по крестьянскому праву, народному образованію, экономикѣ и сельскому хозяйству. Спб. 1903 г.

Островъ Сахалинъ. Спб. 1903 г.

Очерки по исторіи аптечнаго дѣла въ до-Петровской Руси. Спб. 1902 г.

Нѣкоторые спорные вопросы по исторіи врачебнаго дѣла въ до-Петровской Руси. Спб. 1903 г.

Черты врачебной практики въ Московской Руси. Спб. 1904 г.

Очеркъ законодательства объ аптечномъ промыслѣ въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. М. 1904 г.

Материалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. I. Спб. 1905 г.

Материалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. II. Спб. 1906 г.

Материалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. III. Спб. 1906 г.

Материалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. IV. Томскъ. 1907 г.

Колдовство въ Московской Руси XVII в. Спб. 1906 г.

Освобожденіе печати въ Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. Спб. 1906 г.

Вопросы страхованія. Спб. 1906 г.

Врачебная экспертиза въ до-Петровской Руси. Спб. 1906 г.

Основы борьбы съ эпидеміями въ до-Петровской Руси. Спб. 1906 г.

Въ поискахъ за матеріалами по исторіи Сибири. Спб. 1906 г.

Bedeutung von Sachalin als Kolonisations u. Deportationsgebiet (въ Blätter für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre. April. 1905).

Landstreichertum auf der Insel Sachalin. (Ibidem. September und October 1905).

Zur Beleuchtung der gegenwärtigen Zustände Russlands. Die Reichsduma und die Agrar- und Arbeiterfrage in Russland (Ibidem, Februar. 1906).

Hungersnot und Gesetzgebung in Russland. (Ibidem, März. 1907).

Японія. Спб. 1903 г.

Корея. Спб. 1904 г.

Маньчжурія. Спб. 1904 г.

7 10

2

9

7

0

